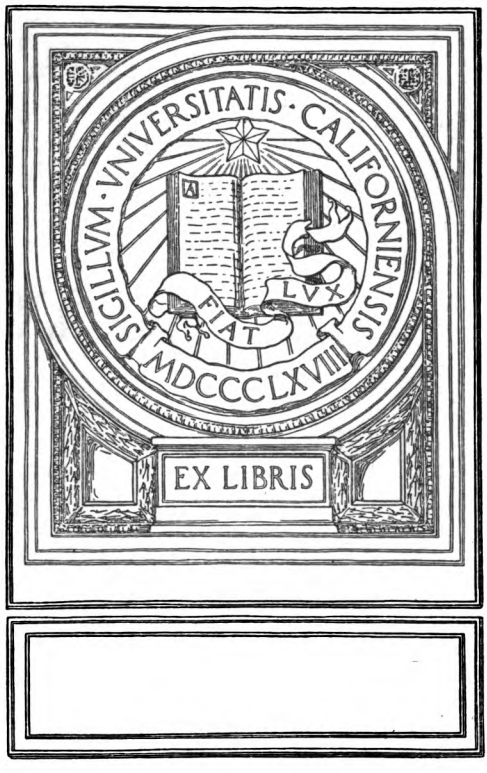
UC-NRLF
$B 598 656

Бобруйская
Публичная Библіотека
№ 6017
имени А. С. ПУШКИНА.



№ 26г

Годъ VI-й. № 7-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮЛЬ

1897 г.

UNIV. OF
CALIFORNIA

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

Дозволено цензурою 26-го іюня 1897 года. С.-Петербургъ.

UNIV. OF
CALIFORNIA

AP50
M47
1897:7
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ЖИВАЯ ЖИЗНЬ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. (Продолженіе). Часть вторая. **И. Потапенко**. 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. МОЛОДОСТЬ. **Н. Л.** 37
3. О СПЯЧКѢ У ЖИВОТНЫХЪ. **Проф. Н. Холодковскаго.** 38
4. ВОЗДУХЪ И ЖИЗНЬ. **Г. де-Вариньи.** 59
5. РАННЯЯ ДИЧЬ. Очеркъ. **Юліи Безродной.** 80
6. НАЦІОНАЛЬНЫЙ СОЮЗЪ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ ВЪ АНГЛІИ. **Н. Мировичъ.** 116
7. ЗЛОЙ ДУХЪ. Романъ **Іонаса Ли.** Переводъ съ норвежскаго **В. Фирсова.** 127
8. ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, КУЛЬТУРА НА ЗАПАДѢ ВЪ XVI ВѢКѢ. **Проф. Р. Виппера.** (Продолженіе). . . 147
9. СТИХОТВОРЕНІЕ. **Allegro.** 169
10. ЭВОЛЮЦІЯ РАБСТВА У РАЗЛИЧНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РАСЪ. **Шарля Летурно.** Переводъ съ французскаго. **Э. Пименовой.** (Продолженіе) 170
11. ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть вторая. **Ив. Иванова.** 196

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

12. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса», проф. Карѣева. — Идеальное отношеніе къ образованію.—Почему его нѣтъ у насъ.—Зависимость системы образованія отъ общихъ условій страны. — Изъ прошлаго — «Федоръ Петровичъ Гаазъ», А. Ѳ. Кони. — Значеніе личности и общественныхъ условій.—Выдающіяся личности, какъ Гаазъ, никогда не теряютъ значенія.—Старое недоразумѣніе въ

884289

стр.

споръ объ «экономическомъ матеріализмѣ», отвѣтъ автору статьи въ «Мировыхъ Отголоскахъ»—«Новый видъ обскурантизма».—«Сельскій Вѣстникъ» и его отношеніе къ общинѣ, какъ знаменіе времени. **А. Б.** 1

13. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Лѣтніе земскіе педагогическіе курсы для народныхъ учителей въ Полтавѣ.—Народный театръ въ г. Пензѣ. — Доходы земствъ 34-хъ губерній.—Правила о наймѣ на сельскія работы.—Пѣвецъ Славянскій и его труппа.—Самоубійства.—Въ колоніи чеховъ 17

14. **За границей.** Бельгійскія кооперативныя общества.—Берлинская трагикомедія. — Картинки лондонской жизни.—Религія красоты 30

15. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue des Revus».—«Revue de Paris».—«Mac Clarc's Magazine».—«Revue Bleue». . 41

16. ЧЕТВЕРТАЯ СКАНДИНАВСКАЯ ВЫСТАВКА. (Письмо изъ Стокгольма) **М. В.** 46

17. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Русскія и переводныя книги: Беллетристика.—Критика и исторія литературы. — Публицистика.—Философія, психологія и этика. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. 59

18. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Сумерки девятнадцатаго вѣка. **Ив. Иванова.** 88

19. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 107

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

20. ФАРАОНЪ. Историческій романъ въ трехъ частяхъ **Болеслава Пруса.** Переводъ съ польскаго **Е. А. Ганейзера.** (Продолженіе) 185

21. ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ. Въ отрывкахъ изъ подлинныхъ работъ. Д-ра **Фридриха Даннеманна.** Съ рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ примѣчаніями и дополненіями прив.-доц. С.-Петербургскаго университета **М. Ю. Гольдштейна.** (Продолженіе). 137

22. ОЧЕРКИ ДОИСТОРИЧЕСКАГО МІРА. (Prehistoric man and beast). **Хётчинсона.** Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.** 89

«Міръ Божій», № 7, 1897 г.

Нѣсколько словъ къ женщинамъ.

Небольшой кружокъ женщинъ Петербурга и Москвы хлопоталъ много лѣтъ о дарованіи женщинамъ права на открытіе женскаго медицинскаго института и только сравнительно недавно право это было дано.

Этимъ выдающимся женщинамъ удалось собрать необходимыя суммы на постройку института и, кромѣ того, съ ихъ стороны были сдѣланы большія пожертвованія на это первое у насъ въ Россіи высшее учебное заведеніе для женщинъ. Постройка эта теперь уже закончена. Но правительство весьма основательно желаетъ, чтобы при институтѣ было и общежитіе для дѣвушекъ. Всякій знакомый съ жизнью большого города легко пойметъ, что подобное общежитіе, въ особенности для пріѣзжающихъ издалека дѣвушекъ, есть неотложная необходимость; къ несчастью, на эту постройку не хватаетъ денегъ, о которыхъ и хлопочетъ теперь «Общество для усиленія средствъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института», но, кромѣ общежитія, требуется еще построить дѣтскую больницу, родильный пріютъ, зданіе для глазныхъ болѣзней и зданіе для гимнастики.

Этому Обществу Государь Императоръ оказалъ существенную помощь, приказавъ выдать ему изъ государственнаго казначейства 65.000 р., за которые всякая мыслящая русская женщина принесетъ Его Императорскому Величеству свою глубочайшую и безграничную благодарность. Остальную же недостающую сумму на постройки при институтѣ слѣдуетъ, по справедливости, собрать намъ, женщинамъ юга, такъ какъ на деньги, собранныя женщинами сѣвера, построенъ институтъ.

Пусть тѣ изъ насъ, которыя живутъ въ большихъ городахъ: Екатеринославѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Полтавѣ и т. д., которыя по положенію, или по состоянію, или по уму, или по энергіи своей имѣютъ хотя самые слабые шансы на успѣхъ, —смѣло принимаются за сборъ, заручившись для этого предварительно книгой для сборовъ, которую и можно получить чрезъ г. губернатора изъ «Общества для усиленія средствъ С.-Петербургскаго женскаго института».

Я увѣрена, что если молодыя, горячія сердца возьмутся настойчиво за это дѣло, если не устрашатся тѣхъ насмѣшекъ и тѣхъ препятствій, которыя подчасъ встрѣтятъ на своемъ пути, если серьезно будутъ пропагандировать это въ высшей степени полезное дѣло, если не только въ городахъ, но и въ деревняхъ будутъ организовываться Общества, или просто кружки, съ энергичными предсѣдательницами во главѣ, то намъ можетъ удасться собрать такое количество денегъ, которыхъ, можетъ быть, хва-

титъ на пополненіе всей недостающей суммы на необходимыя постройки.

Вспомнимъ только, какъ чутки американки ко всякому бѣдствію, ко всякой нуждѣ родины своей. Напримѣръ, въ прошломъ вѣкѣ, во время отечественной войны, женщины Филадельфіи, сдѣлавъ между собой подписку, собрали денегъ и снарядили цѣлый полкъ, который такъ и назывался «Полкомъ филадельфійскихъ лэди».

Далѣе,—когда всѣ средства казны были истощены и не было подвоза провіанта въ войска, такъ какъ англійскіе крейсеры перехватывали всѣ торговыя суда,—женщины Пенсильваніи и Нью-Джерсея послали въ армію цѣлый обозъ провіанта.

Когда война затянулась и у войска не хватило опять ни съѣстныхъ припасовъ, ни даже одежды, американки сошлись опять, составили комитетъ подъ предсѣдательствомъ госпожи Ридъ, обсудили и рѣшили, что составляло главную необходимость для войска, и начали вносить пожертвованія, кто сколько могъ; тѣ женщины, у которыхъ не хватало ни денегъ, ни украшеній, ни драгоцѣнностей, кроили, шили бѣлье и одежду для солдатъ и т. д.

Всегда въ минуты нужды американки проявляютъ солидарность, энергію, кипучую дѣятельность и настойчивость въ веденіи предпринятаго ими дѣла. Впрочемъ, сѣверныя наши соотечественницы блестящимъ образомъ доказали то, чего и мы, русскія женщины, можемъ достигнуть, если дружно и всѣмъ сердцемъ отдадимся задуманному дѣлу. Это намъ доказали тѣ женщины, которыя въ теченіе тридцати лѣтъ такъ неуклонно, такъ терпѣливо и такъ энергично хлопотали объ открытіи женскаго института и которыя собрали такія большія суммы на постройку его. Это намъ доказали тѣ женщины, которыя собрали громадныя суммы и прокормили десятки тысячъ голодающихъ въ 1891 г.

Приведу изъ числа цѣлаго длиннаго ряда такихъ примѣровъ одинъ, мнѣ лично извѣстный. Въ Рязанской губ., подъ предсѣдательствомъ Е. Ф. Беклемишевой, организовался кружокъ женщинъ, который началъ свою дѣятельность съ самыми скромными средствами, но симпатичная дѣятельность этого кружка и разумно веденное имъ дѣло привлекли пожертвованій 15.000 руб. и, кромѣ того, большое количество разнаго хлѣба. Въ 49 столовыхъ, въ теченіе всей голодовки, было прокормлено 2.712 дѣтей; больнымъ выдавались: чай, сахаръ, молоко, крупа, дрова.

Устроены были хлѣбопекарни, продавались по дешевой цѣнѣ рожь, кукуруза, ленъ, шерсть, конопля и т. д. Роздано было 35 козъ, 84 лошади, а равно сѣно и солома для скота. Дѣятельность этого кружка распространилась на 17 селъ.

Такихъ женскихъ кружковъ въ Рязанской, Тульской и другихъ голодающихъ губерніяхъ было очень много, и всѣ эти кружки съ большимъ терпѣніемъ, безъ шума, довели до конца великое дѣло человѣколюбія и милосердія; ими не только было спасено отъ голодной смерти нѣсколько десятковъ тысячъ дѣтишекъ, но и десятки, можетъ быть, тысячъ семействъ предохранены были отъ полнаго разоренія.

Послѣдуемъ же теперь и мы примѣру дѣятельности всѣхъ вышеприведенныхъ женщинъ, стряхнемъ нашу апатію, откажемся, хотя на время, отъ нашей обособленности и поработаемъ для будущихъ женскихъ поколѣній. Возьмемся помогать этому дѣлу быстро, дружно, и я увѣрена, что приношенія посыпятся тогда и отъ мужчинъ, и, въ особенности, отъ всѣхъ женщинъ, сознающихъ свои человѣческія права и обязанности, отъ всѣхъ женщинъ, не утратившихъ женскаго состраданія къ больнымъ и немощнымъ, отъ женщинъ старыхъ и молодыхъ, одинокихъ и семейныхъ, зажиточныхъ и даже небогатыхъ. Не будемъ забывать, что мы переживаемъ такой вѣкъ, когда такъ часто приходятъ къ совершенному разоренію люди, имѣвшіе большія состоянія, такъ что никто изъ насъ не можетъ ручаться въ томъ, что самъ или дѣти наши передадутъ внукамъ состояніе, полученное отъ родителей. Гибельныя послѣдствія этихъ разореній мы видимъ со всѣхъ сторонъ: вездѣ тысячи даровитыхъ, способныхъ дѣвушекъ, безъ средствъ, безъ красоты и безъ высшаго образованія бездѣйствуютъ, не зная, чему отдать свой досугъ, не имѣя возможности примѣнить къ живому дѣлу таящійся въ нихъ запасъ энергіи и силъ. Медицинское или вообще высшее образованіе дастъ нашимъ внучкамъ и правнучкамъ возможность вносить свой заработокъ въ семью, гдѣ, вмѣсто горя и раздора, самостоятельный заработокъ, матеріальное благосостояніе дало бы семейству этому миръ, довольство и возможную на землѣ долю счастья.

Масса нынѣшнихъ служащихъ по судебному и другимъ вѣдомствамъ живутъ только получаемымъ ими жалованьемъ, а въ случаѣ смерти мужа, вдова остается безъ всякихъ средствъ и пристанища, съ большой иногда семьей; понятно, что подобная женщина, не имѣя высшаго образованія, окажется въ самой крайней нуждѣ; съ медицинскимъ же или вообще съ высшимъ образованіемъ всегда съумѣетъ заработать трудомъ своимъ не только необходимое для существованія, но и воспитать дѣтей своихъ, не прибѣгая къ посторонней помощи. Окончаніе курса въ женскомъ медицинскомъ институтѣ дастъ женщинамъ возможность обезпечить за собой свой насущный хлѣбъ не только съ честью, но самымъ даровитымъ, можетъ, еще и со славою. Не будучи пророкомъ, можно впередъ сказать, что много женщинъ медиковъ пойдутъ исключительно по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ, что и дастъ тогда женщинамъ возможность лѣчиться у женщинъ только. У насъ въ деревняхъ, куда по случаю громадныхъ разстояній такъ рѣдко имѣютъ возможность заглядывать доктора, лѣчатъ постоянно бабки, но какъ онѣ лѣчатъ! Нѣтъ словъ передать, насколько мучительно сознаніе своего безсилія, чтобы предотвратить то варварское истязаніе, которому онѣ подвергаютъ своихъ паціентовъ. Кто не знакомъ съ невѣжественной средой, окружающей родильницу-крестьянку, тотъ не можетъ себѣ представить всего того, что эти несчастныя женщины переносятъ. Иногда тяжело уже больную родильницу, для излѣченія, ведутъ по поясъ въ рѣку, чтобы она бросила тамъ хвостъ рыжей собаки, другую обливаютъ за воротами холодной водой. Бывали случаи, что ребенку бабки

перевязывали грыжу толстой ниткой въ надеждѣ, что она отпадетъ; раны заливаютъ острой водкой, а подчасъ, чтобы остановить кровь, рану забиваютъ шерстью съ навозомъ и землей и т. д. Подобное обращеніе съ больными отнюдь не есть исключеніе въ этой средѣ народа; поэтому понятно, что при такомъ строѣ жизни женщины-врачи будутъ для деревни благодѣяніемъ.

Поэтому во всѣхъ отношеніяхъ мы всѣ должны стремиться къ тому, чтобы способствовать скорѣйшему окончанію общежитія при медиц. женск. институтѣ.

Недавно въ Баку, по иниціативѣ тамошнихъ женщинъ врачей и учительницъ, состоялся вечеръ, сборъ съ котораго предназначенъ на увеличеніе средствъ Петербургскаго женск. медиц. института, въ которомъ, кстати сказать, будутъ приниматься ученицы всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Удѣлимъ же и мы хоть маленькую крупицу изъ нашего состоянія, ухватимся обѣими руками за возможность для насъ широкой дѣятельности, сначала хотя въ области медицины, и порадуемся за наше молодое женское поколѣніе, которому дана будетъ возможность и счастіе знаніемъ, согрѣтымъ благотворнымъ чувствомъ любви и жалости, освѣщать тѣ темные уголки Россіи, въ которыхъ царствуетъ еще теперь въ полномъ владычествѣ суевѣріе и полное невѣжество, пожелавъ отъ души молодому поколѣнію женщинъ-врачей быть для этихъ уголковъ нервнымъ импульсомъ пробуждающейся благотворной общественной жизни.

Кн. Екатерина Кудашева.

16 апр. 1897 г.

Лицъ, желающихъ присылать пожертвованія на жен. медиц. институтъ, просятъ адресовать ихъ: Екатеринославской губ., Бахмутскаго уѣзда, почт. ст. Гришино, на имя княгини Екатерины Ивановны Кудашевой, члену Общества для усиленія средствъ С.-Петербургскаго женск. медиц. института, а также и въ Петербургъ—бар. В. И. Икскуль—предсѣдатель строительной коммиссіи для постройки общежитія при ж. м. институтѣ, Петербургъ, Кирочная, 18. Принимая жертвуемыя деньги, мы будемъ также искренно благодарны за самыя малыя пожертвованія, какъ и за самыя большія. Полученіе денегъ вписывается въ книжку, выданную отъ Общества для усиленія средствъ Пет. женск. медиц. института и, кромѣ того, о поступающихъ суммахъ будетъ печататься въ «Екат. Губ. Вѣд.».

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

X.

Между тѣмъ въ отелѣ въ три часа еще сидѣли за обѣдомъ. Варя дѣлала видъ, что ѣстъ съ аппетитомъ, чтобъ не огорчать отца. Но ей казалось, что нехорошо обѣдать однимъ, когда можно было бы сдѣлать это съ Глѣбомъ. А отецъ Серафимъ медлилъ. Онъ не умѣлъ такъ скоро ѣсть, у него не доставало уже многихъ зубовъ.

Наконецъ, они вышли на улицу и взяли извозчика на Вознесенскій проспектъ.

— А что, если его нѣтъ дома? Можетъ быть, онъ ушелъ и не вернется до ночи?—гадала Варя.—Надо было записку написать!

Но въ то же время въ воображеніи ея рисовались картины, какъ онъ тамъ тоскуетъ одинъ въ своемъ шестомъ этажѣ, какъ они звонятъ и онъ думаетъ, что это какой-нибудь надоѣдливый товарищъ и вдругъ...

Тутъ воображеніе отказывалось нарисовать ей что-нибудь опредѣленное. Она даже не могла себѣ представить, что за этимъ можетъ произойти.

Но какъ долго ѣдетъ извозчикъ! Имъ попалась порядочная кляча. Варя внимательно читаетъ надписи на углахъ

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

улицъ и, наконецъ, они въѣзжаютъ на Вознесенскій проспектъ, она слѣдитъ за нумерами и говоритъ извозчику:

— Вотъ здѣсь, налѣво, къ воротамъ!

Извозчикъ останавливается. Тихо сходитъ отецъ Серафимъ и ищетъ глазами дворника.

— А гдѣ тутъ квартира номеръ сто двадцать третій?— спрашиваетъ онъ дворника.

— А вамъ кого, батюшка?

— Тамъ студентъ живетъ...

— Господинъ Шедротовъ? Живетъ. Пожалуйте вонъ въ тотъ подъѣздъ и въ самый шестой этажъ. Высоконько это для васъ, батюшка!

— А не знаете вы, онъ дома?—спрашиваетъ Варя.

— Этого не могу знать, барышня.

Они идутъ, вступаютъ въ подъѣздъ и подымаются по лѣстницѣ На лѣстницѣ темновато и сразу ихъ обдаетъ очень дурнымъ воздухомъ.

— Боже, какъ ему скверно живется!—восклицаетъ Варя.

На площадкѣ второго этажа отецъ Серафимъ останавливается, садится на подоконникъ и отдыхаетъ. То же самое онъ дѣлаетъ и въ другихъ этажахъ.

— Охъ какъ высоко!—говоритъ онъ,—совсѣмъ на небѣ.

Но Варя не чувствуетъ ни усталости, ни одышки. Она молода, она не идетъ, а взлетаетъ на крыльяхъ.

Вотъ и шестой этажъ, ординарная дверь, обитая рыжей клеенкой. Звонить? Отецъ Серафимъ смотритъ на нее и усмѣхается. Онъ думаетъ о томъ, какъ бы это такъ устроить, чтобы произвести наибольшій эффектъ.

— Постойка-ка, я самъ позвоню!—говоритъ онъ и тихонько тянетъ звонокъ.

За дверью чуть слышно раздается звонокъ и вслѣдъ затѣмъ неторопливые шлепающіе шаги. Дверь отворилась и показалась на порогѣ невысокая худая старая женщина. „Это—знаменитая чухонка“!—подумала про себя Варя.

— Пожалуйте сюда!—тихо, осторожно сказалъ ей отецъ Серафимъ и почти насильно вытащилъ ее на площадку и самъ притворилъ за нею двери.

— Что, дома вашъ жилецъ?

— Дома!—съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ отвѣтила чухонка,—недавно только пришелъ.

— А что онъ дѣлаетъ?

— Сидитъ за столомъ и учится.

„Всегда учится, бѣдняжка!“—подумала Варя.

— А онъ одѣтъ?

— Какъ пришелъ, такъ и сѣлъ въ мундирѣ. Одѣтъ, чего не одѣтъ?

— Ну, хорошо, вы ему ничего не говорите, мы такъ пройдемъ, тихонько.

— А вы кто ему?

— Мы... родственники. Мы издалека, онъ будетъ радъ... Покажи намъ ходъ.

Чухонка невольно подчинилась этой таинственности и сдѣлалась молчаливой участницей заговора. Она тихонько отворила дверь и, осторожно остановившись на порогѣ, указала рукой на другую дверь, какъ разъ напротивъ входа. Отецъ Серафимъ кивнулъ головой и пошелъ туда на цыпочкахъ. Варя шла за нимъ съ замирающимъ сердцемъ и голова ея кружилась. Они остановились у двери. Отецъ Серафимъ постучался въ дверь.

Глѣбъ сидѣлъ въ это время надъ письмомъ, которое онъ наполнилъ нѣжными укорами Варѣ за ея молчаніе. Онъ перечитывалъ письмо. Его нѣсколько удивилъ этотъ стукъ. Чухонка входила къ нему просто. Если бы это былъ Лозовскій или Радолинъ, они еще въ передней громко спросили бы у хозяйки, дома ли онъ и онъ услышалъ бы ихъ голоса. Но онъ слышалъ только слабый звонъ. Можетъ быть, это почтальонъ или телеграфистъ съ какой-нибудь тревожной депешей? И въ одно мгновеніе у него пронеслись въ головѣ предположенія, что такое могло быть въ этой депешѣ. Мать умерла, Варя больна, съ отцемъ Серафимомъ худо... Онъ оторвалъ взглядъ отъ письма и посмотрѣлъ на дверь.

— Кто тамъ? Входите.

Дверь тихо со скрипомъ отворалась, Глѣбъ весь вздрогнулъ, вскочилъ съ мѣста и инстинктивно отпрыгнулъ отъ стола назадъ. Въ лицѣ его выразился испугъ. Мысль о томъ, что это могла быть дѣйствительность, даже не пришла ему въ голову. На минуту онъ потерялъ нить своихъ мыслей и ему казалось, что это сонъ, что онъ въ бреду.

Передъ нимъ была сѣдая борода. Фигура въ темной длинной одеждѣ съ полуулыбкой остановилась на порогѣ и молчала. Фигура съ секунду постояла неподвижно, потомъ приподняла руку; Глѣбъ чувствовалъ, что не можетъ ни кричать, ни сдѣлать какое-либо движеніе, сердце у него замерло.

*

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! — раздался протяжный мягкій басокъ отца Серафима.

— Аминь!—сказала изъ-за его спины, слабымъ дрожащимъ голосомъ Варя и вдругъ не выдержала, рванулась къ Глѣбу и упала въ его объятія.

— Глѣбъ, милый Глѣбъ! Это мы, мы, настоящіе, дѣйствительные! Это не привидѣнія.

Онъ обнялъ ее, цѣловалъ ея волосы и глаза, но все еще былъ растерянъ и не вѣрилъ. Къ нему приблизился и отецъ Серафимъ и осѣнилъ его большимъ крестомъ, потомъ обнялъ и расцѣловалъ его.

— Мы, мы!—говорилъ и онъ тоже:—истинные, живые... Ну, приди же въ себя, Глѣбъ Назаровичъ! какъ ты блѣденъ, шатаешься...

Онъ пододвинулъ къ нему стулъ, потому что Глѣбъ дѣйствительно пошатнулся, но вдругъ, точно повязка упала съ его глазъ или разсѣялся туманъ, онъ встряхнулся, очнулся, понялъ все и началъ уже сознательно обнимать обоихъ.

— Боже мой, какое счастье, какое счастье! — воскликалъ онъ,—и я не вѣрилъ въ чудеса, а теперь вѣрю...

Опять взаимныя объятія и поцѣлуи. Онъ не зналъ, къ кому подойти, кого предпочесть.

— Мина, Мина!—кричалъ онъ своей чухонкѣ, — дайте намъ стульевъ. Вѣдь мнѣ посадить васъ некуда. Варя, голубка моя! а я сидѣлъ за письмомъ, — вотъ прочитай... Сколько упрековъ тебѣ...

— За то, что не писала? Я не хотѣла лгать, а мы съ папой рѣшили сдѣлать тебѣ сюрпризъ.

— Сюрпризъ? ну, что это за слово! оно никуда не годится! оно слишкомъ слабо! Но что же это значитъ? какъ? какъ это могло совершиться?

Мина, радостно улыбающаяся по поводу того, что ея любимый жилецъ доволенъ гостями, принесла два стула, все, что у нея было.

— А, сейчасъ, сейчасъ все узнаешь! — сказалъ отецъ Серафимъ, садясь на одинъ изъ этихъ стульевъ.—Э, да пусть лучше она тебѣ разскажетъ. Ты давно не слышалъ ея голоса; я думая, онъ тебѣ теперь, какъ сладкій медъ.

— Папа подалъ за штатъ, вотъ и пріѣхали!—сказала Варя.

— Боже мой, за штатъ! Значитъ, жить здѣсь будете?

— Будемъ здѣсь жить и я буду учиться, Глѣбъ! Ахъ, Глѣбъ, все сбылось, все! Это все онъ, — мой старикъ!

— Но я все-таки не могу придти въ себя... Значитъ, это окончательно вѣрно; значитъ, это дѣйствительно навѣрно вы?

— Вѣрь, Глѣбъ, это мы! — говорилъ отецъ Серафимъ, самъ не замѣчая, что вдругъ сталъ говорить Глѣбу ты. — Что жъ, голубчикъ мой, я старъ, я уже свое счастье взялъ. Теперь ваша съ Варенькой очередь, надо и вамъ взять. За что молодое сердце будетъ мучиться и страдать? Томилась она, бѣдняжка моя, вздыхала, плакала. Вотъ я подумалъ, подумалъ да и рѣшился. Ну,—прибавилъ онъ, осматривая комнату Глѣба,—а келья у тебя истинно монашеская. Ты отшельникъ. Вотъ, сказываютъ, что душу спасти можно только въ монастырѣ. Да вѣдь въ этой кельѣ жить только и можно для спасенія души. Я бывалъ и въ монастыряхъ, такъ тамъ у монаховъ кельи куда лучше и обширнѣе, и чище, и удобнѣе... Да гдѣ же твои вещи? никакихъ вещей не вижу. Только книгъ десятка два...

— Подъ кроватью, въ чемоданѣ, отецъ Серафимъ.

— Въ томъ самомъ? И это все твое имущество?

— Зачѣмъ мнѣ имущество, отецъ Серафимъ, когда я обладаю такими друзьями?..

— Что жъ ты насъ ничѣмъ не угощаешь?—съ усмѣшкой спросилъ отецъ Серафимъ.

— Чаемъ могу угостить, хотите чаю?

— Нѣтъ, ужъ Богъ съ тобой, не буду вводить тебя въ расходы; я думаю, каждый кусочекъ сахару разсчитанъ, а? Такъ вотъ какъ живутъ студенты, вотъ какъ они науки достигаютъ... Да, это подвижничество, поистинѣ подвижничество... Ну, вотъ что: бери Варю и ступайте гулять. Покажи ей городъ. Правда, ничего вы теперь не увидите, потому что будете смотрѣть другъ на друга; ну, да все же вамъ надо поболтать, наговориться. Денегъ, не бойсь, нѣтъ; ну, вотъ тебѣ пять рублей на Варины расходы. Ноги устанутъ, извозчика возьмете. А въ которомъ же часу ты урокъ даешь?

— Нѣтъ ужъ, я сегодня на урокъ не пойду. Отправлю записку, что не могу...

— Какъ же можно? еще, пожалуй, недовольны будутъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, тамъ добрые люди. Притомъ же я ни разу еще не манкировалъ.

— Ну, какъ знаешь. Ступай же себѣ. А вечеромъ въ гостинницу. Будемъ чай пить вмѣстѣ и поболтаемъ. И о

дѣлахъ поговоримъ. А завтра подумаемъ объ устройствѣ нашей жизни. А меня посадите на извозчика и отправьте въ гостинницу, я тамъ засну. Ужъ сегодня никуда не хочу идти и ничего смотрѣть не буду; даже Гришу не буду безпокоить; завтра ты мнѣ его достань. Онъ мнѣ и Лавру покажетъ и прочія святыя мѣста. Исакіевскій соборъ-то я видѣлъ, мимо проѣзжали сейчасъ съ Варенькой, и Казанскій, когда съ вокзала ѣхали, такъ вѣдь надо и въ самыхъ храмахъ побывать и помолиться. А мы, Глѣбъ, были въ Кіевѣ въ лаврѣ и у Троицы въ Москвѣ и въ Кремлѣ... Ну, да она тебѣ все разскажетъ...

Глѣбъ согласился взять пять рублей, потому что у него денегъ оставалось всего нѣсколько копѣекъ. Они сошли внизъ, взяли извозчика и усадили отца Серафима. Глѣбъ отправилъ предварительно записку въ Малую Итальянскую, къ Мазуринымъ.

— Но смотрите, недолго!—сказалъ отецъ Серафимъ,—а то я помру съ тоски.

Они остались вдвоемъ на улицѣ. Былъ небольшой морозецъ. Санная дорога держалась хорошо. Извозчики проѣзжали мимо нихъ веселые. Новая зима всегда оживляетъ извозчиковъ.

Они стояли другъ противъ друга и не знали, куда имъ идти.

— Такъ это я въ Петербургѣ?—сказала Варя.

— Да, Варя, ты со мной. Это невѣроятно...

— Но очаровательно! Куда же ты хочешь вести меня?

— Никуда, да и некуда! По улицамъ ходить скучно, всюду толпа. Знаешь что, мы вѣдь богаты, мнѣ выдано цѣлыхъ пять рублей на кутежъ. Возьмемъ хорошаго извозчика и пусть онъ прокатитъ насъ... По нашимъ средствамъ мы можемъ ѣздить часа три...

— Это чудно!

— Дай руку, пройдемся... Тутъ на углу есть извозчики, а эти никуда не годятся. Она взяла его руку и прижалась къ нему.

— Я покажу тебѣ петербургскую толпу; кстати, я и самъ еще никогда не видалъ ее.

— О, показывай, что хочешь, мнѣ все равно... Вѣдь я съ тобой...

Они встрѣтили подходящаго извозчика. Глѣбъ сговорился, они сѣли; извозчикъ покатилъ ихъ по набережной, по Невскому, по Морской.

— Какъ много здѣсь богатыхъ!—восклицала Варя, глядя на красивыя сани и горячихъ лошадей, прикрытыхъ разноцвѣтными попонами.

— Но вѣдь ты тоже богата!—шутя сказалъ ей Глѣбъ.

— О, да, папа сказалъ, что я богата. Но вѣдь наше кочедаровское богатство, вѣроятно, здѣсь оказалось бы бѣдностью. Я ничего не стану тебѣ разказывать и ты мнѣ тоже. Это послѣ. Будемъ сидѣть молча и наслаждаться.

И они наслаждались молчаніемъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Морозъ слегка пощипывалъ имъ щеки, но имъ было весело и тепло.

Уже стемнѣло. Гдѣ-то на часахъ они увидѣли половину седьмого.

— Надо домой!—сказала Варя,—я знаю, что папа уже безпокоится и шагаетъ по комнатѣ. Но вѣдь теперь мы всегда будемъ вмѣстѣ!—прибавила она.—Вѣдь всю жизнь, Глѣбъ, всю жизнь.

— Всю жизнь, Варя,—твердо отвѣтилъ Глѣбъ.

Они пріѣхали въ гостинницу, расплатились съ извозчикомъ и вошли.

Варя угадала; отецъ Серафимъ дѣйствительно безпокоился. Пріѣхавъ домой, онъ заснулъ, а когда проснулся, въ комнатѣ было совершенно темно. Часы его показывали половину шестого. Но онъ имъ не повѣрилъ. Въ Кочедаровкѣ въ это время только солнце собиралось заходить. Онъ кликнулъ лакея, тотъ подтвердилъ, но онъ и ему не повѣрилъ. Зажгли свѣчи, онъ велѣлъ приготокить самоваръ и закуску, и началъ ждать. Время спуталось въ его головѣ и ему казалось, что уже очень поздно и его началъ тревожить страхъ, не случилось ли какой-нибудь бѣды съ ними. Уже и самоваръ шипѣлъ на столѣ, и закуски были готовы, наконецъ, въ корридорѣ послышались частые шаги и молодые голоса и они ворвались въ комнату, принеся съ собой и холодъ, и свѣжесть, и веселье.

— Чудный городъ!—восклицала Варя,—очаровательный!

— Я думаю, тебѣ и адъ показался бы сегодня очаровательнымъ!—сказалъ отецъ Серафимъ.

— Очень можетъ быть, папа, за то у меня звѣрскій аппетитъ! Вѣдь за обѣдомъ я въ сущности ничего не ѣла, потому что мнѣ мѣшало любовное нетерпѣніе, а теперь послѣ прогулки на морозѣ страшно ѣсть хочется. Ты, Глѣбъ, не смотри, какъ я буду ѣсть это—не эстетично.

— Ну, садись, Глѣбъ, и поболтаемъ со мной!—сказалъ отецъ Серафимъ послѣ того, какъ они закусили и выпили чаю, и усадилъ Глѣба около себя. Но ему хотѣлось не столько слушать, сколько самому дѣлиться впечатлѣніями. Въ пути онъ ихъ получилъ такъ много.

И онъ разсказывалъ Глѣбу про Печерскую лавру, про Троицу-Сергія, про Московскій Кремль. Все это оставило глубокій слѣдъ въ его душѣ. Варя сидѣла противъ нихъ на диванѣ и какъ-то вся притихла. Счастье сегодняшняго дня утомило ее. Она молчала и, какъ казалось, внимательно слушала разсказъ отца, но затѣмъ незамѣтно уснула и склонила голову на подушку.

Отецъ Серафимъ улыбнулся.

— Нашъ ребенокъ заснулъ,—тихонько сказалъ онъ,—ну, иди и ты домой спать, а завтра приведи ко мнѣ Гришу. Я ему подарокъ привезъ.

Глѣбъ простился съ нимъ. Варю онъ не хотѣлъ будить; она такъ сладко спала.

Было около двѣнадцати часовъ, когда онъ вышелъ на улицу.

XI.

На другой день онъ не пошелъ въ университетъ. Это тоже было съ нимъ первый разъ за все время студенчества. Но онъ, все равно, не могъ бы ничего слушать и ничего не понялъ бы. Голова его была полна заботъ. Онъ ничего еще не говорилъ съ отцомъ Серафимомъ о томъ, какъ они хотятъ устроиться. При томъ же надо было посвятить Варѣ нѣсколько дней.

Онъ всталъ рано и отправился въ лавру. Онъ пришелъ туда во время лекцій и вызвалъ Лозовскаго.

— Что за чудо!—воскликнулъ Лозовскій,—ты пришелъ не въ урочный часъ.

— То-есть, именно въ урочный, потому что у тебя урокъ.

— Ну, пожалуй. Вижу, что ты по утрамъ остришь. Но какъ ты рѣшился не пойти въ университетъ? Вѣдь ты такой ярый естествоиспытатель.

— Произошло обстоятельство, которое даже ты, несмотря на твой пророческій даръ, не предсказалъ бы.

— Что такое? Прогнали изъ университета? Вѣдь у васъ тамъ часто бываютъ бунты.

— Нѣтъ. Да ты и не пытайся угадать. Безполезно.

— Ну, въ чемъ же дѣло?

— А дѣло въ томъ, что вдругъ совершенно неожиданно пріѣхалъ отецъ Серафимъ съ дочерью.

— Что? Ну ужъ это ты заврался.

— Да увѣряю тебя, что это правда. Мнѣ не пришло бы въ голову даже выдумать это—до того это невѣроятно.

— Да, если это правда, то дѣйствительно можно сказать, что произошло обстоятельство необъяснимое. Но, послушай, голубчикъ, вѣдь они тебя теперь женятъ.

— Ахъ, Лозовскій оставь ты эту манеру. Неужели ты не понимаешь, что такимъ образомъ оскорбляешь людей, которыхъ я люблю, а значитъ и меня.

— Ну, ну, ладно, не буду больше, не буду. Что жъ, Варвара Серафимовна, учиться будетъ?

— Ничего этого я еще не знаю; вообще я о дѣлахъ не говорилъ. Но отецъ Серафимъ поручилъ мнѣ доставить ему тебя. Онъ сулитъ тебѣ какой-то подарокъ...

— Эхъ, какъ они любятъ эти подарки дѣлать... Ну, ладно, послѣ обѣда приду.

— Нѣтъ, ты лучше не обѣдай. Тамъ будемъ вмѣстѣ обѣдать, старику это доставитъ удовольствіе.

— А пожалуй и такъ, мнѣ порядочно надоѣлъ казенный обѣдъ, хотя онъ и не плохъ. Такъ и быть, накроемъ старика рубля на два. Кстати, я еще ни разу въ порядочномъ ресторанѣ не обѣдалъ.

Отсюда Глѣбъ пошелъ въ гостинницу и засталъ ихъ за завтракомъ. Они догадались, что онъ не пошелъ на лекціи и былъ у Лозовскаго. Послѣ завтрака отецъ Серафимъ повелъ серьезную рѣчь на счетъ квартиры.

— Вотъ ты мнѣ посовѣтуй, Глѣбъ... Впрочемъ, самъ ты не смыслишь въ этомъ ничего, а ты поговори съ кѣмъ-нибудь. Потому что здѣсь должно быть все дорого... Я слышалъ, что тутъ у васъ есть какіе-то острова, такъ, можетъ быть, тамъ будетъ подешевле.

— Это очень далеко. Ну, да вы не безпокойтесь, мы найдемъ. Я даю урокъ у одного господина, который управляетъ большимъ домомъ, онъ понимаетъ въ этихъ дѣлахъ и дастъ мнѣ совѣтъ. Я сегодня же поговорю съ нимъ, а завтра будемъ искать.

— Завтра тебѣ надо бы въ университетъ пойти,—сказала Варя.

— Почему надо?

— Я нахожу, что ты изъ-за насъ манкируешь

— Пустое, три-четыре дня не пойти еще не значитъ манкировать. Я наверстаю. Нѣтъ, ужъ ты, Варя, не мѣшай мнѣ сдѣлать все какъ слѣдуетъ. Вѣдь вамъ небольшую квартиру надо. Три комнаты. Вамъ, Варѣ и общую. Ну, и кухню, конечно.

— Это достаточно.

— Такъ это и не будетъ очень дорого.

— Я слышалъ, что дрова дороги здѣсь, — замѣтилъ отецъ Серафимъ.

— А мы найдемъ съ дровами.

— Какъ такъ съ дровами?

— Такъ, здѣсь отдаютъ съ дровами, домохозяинъ даетъ и дрова, сколько угодно.

— Это хорошо. Онъ, можетъ, и свѣчи даетъ?

— Нѣтъ, свѣчей не даетъ... А пока мы съ Варей пройдемся и посмотримъ по билетикамъ, нѣтъ ли квартиръ; если есть, мы ихъ посмотримъ и узнаемъ цѣну, а мебель вамъ придется купить...

— Охъ ужъ эта мебель! я думаю здѣсь все въ десять разъ дороже.

— Напротивъ, я увѣренъ, что здѣсь дешевле. Впрочемъ, все выяснится, вы не безпокойтесь, отецъ Серафимъ, мы безъ васъ все сдѣлаемъ, вы только переѣдете на готовое.

— Ну, ладно, ладно. Ступайте. Вижу, что вамъ хочется поскорѣе отдѣлаться отъ старца, чтобы и шляться вдвоемъ. А скоро ли придетъ Гриша?

— Часа въ три, да и мы къ тому времени вернемся.

— Вотъ ужъ я съ нимъ наговорюсь, онъ вѣдь не влюбленъ.

Они вышли и смотрѣли квартиру. Но во всемъ ближнемъ районѣ не было ничего подходящаго. Время было неудобное, позднее, всѣ квартиры заняты. Если и попадались, то огромныя или сырыя. Варя начала падать духомъ.

— Какъ это трудно,—говорила она,—что если не найдемъ?

— Да вѣдь назадъ не поѣдете. Въ крайнемъ случаѣ можно будетъ устроиться въ меблированныхъ комнатахъ. Только съ обѣдами возня, придется брать изъ ресторана, а это плохо и дорого. Впрочемъ, я думаю, что Мазуринъ мнѣ поможетъ.

Когда они вернулись, то застали Лозовскаго; онъ всталъ и чинно поздоровался съ Варей. На лицѣ его играла чуть замѣтная усмѣшка.

— Съ тѣхъ поръ, какъ вы пріѣхали въ Петербургъ,— промолвилъ онъ, обращаясь къ Варѣ,—несбыточнаго болѣе нѣтъ въ природѣ.

— Что-жъ,—отозвался отецъ Серафимъ,—ты еще дальше нашего съѣздилъ, мы только въ Петербургъ. Въ Петербургъ многіе ѣздятъ, а ты въ Соловки.

— О, Соловки! туда и вамъ слѣдовало бы съѣздить.

— А можетъ, и съѣзжу, мнѣ теперь уже все ни почемъ.

— Вотъ какъ расходился папа! — сказала Варя.

— Да что-жъ! Въ почедаровкѣ я, было, приросъ, какъ дерево къ землѣ корнями и думалъ, что двинуться мнѣ никуда нельзя. Что какъ сдвинусь съ мѣста, то вмѣстѣ со мной и свѣтъ перевернется, и вотъ взялъ да и сдвинулся, двѣ тысячи верстъ продѣлалъ и ничего. Отчего же мнѣ и дальше не поѣхать?

— Да,—сказалъ Лозовскій,—это русскіе любятъ этакъ-то вотъ пускать корни. Англичане давно оцѣнили далекія путешествія. Они всю жизнь ѣздятъ. Знаете, я на Соловкахъ встрѣтилъ двухъ англичанъ и тамъ мнѣ сказали, что они часто туда ѣздятъ.

— А что имъ тамъ дѣлать? — спросилъ отецъ Серафимъ,—вѣдь они не нашей православной вѣры.

— Любознательность.

— А мнѣ вы не совѣтуете съѣздить въ Соловки? — спросила Варя.

— Вамъ? Нѣтъ, вы въ такомъ настроеніи, что это не произведетъ на васъ должнаго впечатлѣнія.

— А вы остались все такимъ же злымъ, какъ и были, и Соловки васъ не смягчили.

— Они и не должны смягчать, мѣсто суровое, трудное. Мѣсто подвижническое. Жить тамъ—уже подвигъ.

— А знаешь, Гриша, я хочу тебѣ подарокъ сдѣлать...

— Я кое-что слышалъ объ этомъ,—съ нѣкоторою суровостью сказалъ Лозовскій.

— Да какой! Вотъ ты не любишь подарковъ, я знаю, а отъ этого не откажешься, потому что и права не имѣешь, да и драгоцѣнный ужъ очень.

— Тѣмъ хуже, если драгоцѣнный.

— Но почему же хуже?

— Потому что тѣмъ труднѣе его принять...

— Почему же труднѣе?

— Потому что больше обязательства. Принимая подарокъ, мы даемъ обязательство, которое, быть можетъ не съумѣемъ и выполнить. Надо сперва взвѣсить.

— Ну, ладно, ладно, пошелъ ужъ... Нѣтъ, Гриша, этотъ подарокъ ты возьмешь. Это книги, моя библіотека, которую ты такъ полюбилъ.

— Ваша биліотека? Вы хотите подарить ее мнѣ?

— Ну, да.

— Но это такая цѣнность!

— Какая тамъ цѣнность? Что я съ ними буду дѣлать? У меня одна наслѣдница—Варя, а съ нею и Глѣбъ, такъ вѣдь они со всѣмъ по другой части идутъ; они ее и оцѣнить не могутъ; выбросятъ они мои книги изъ шкафа и вмѣсто нихъ натыкаютъ туда своихъ матеріалистическихъ. А ты—другое дѣло, тебѣ онѣ кстати.

— Но, знаете, отецъ Серафимъ... Это правда, что отъ такого подарка даже я не отказался бы. Но это слишкомъ; вы могли бы въ такомъ случаѣ поднести ее въ даръ академіи.

— А что мнѣ академія? Я ее не знаю. Никто тамъ ее не оцѣнитъ, какъ ты, и никому она столько наслажденія не доставитъ, какъ тебѣ.

— Но вамъ академія прислала бы благодарность...

— Очень мнѣ нужна эта благодарность. Говорю тебѣ, я ее не знаю, твоей академіи, не знакомъ съ ней, а ты мой родственникъ, я тебя люблю и цѣню твой умъ и направленіе. Вотъ и бери, вотъ тебѣ квитанція. Сходи на вокзалъ и тамъ въ багажномъ отдѣленіи и получишь. Только возьми ломовика, потому что ящикъ великъ.

— Спасибо. Ну, теперь, значитъ, я буду самымъ богатымъ человѣкомъ во всей академіи и самъ инспекторъ будетъ мнѣ завидовать.

— А онъ ученый, твой инспекторъ?

— О, да, очень ученый. Но чѣмъ же я васъ отблагодарю? Хотите, три дня на лекціи не буду ходить и поищу вамъ квартиру?

— Нѣтъ, нѣтъ, ходи себѣ на лекціи. А отплатишь послѣ. Когда-нибудь напишешь книгу, это будетъ замѣчательная книга—и посвятишь ее мнѣ.

— Согласенъ. А книгу я дѣйствительно напишу. Она у меня уже зрѣетъ въ головѣ; и, представьте, какъ мнѣ были

необходимы нѣкоторыя пособія, которыхъ я нигдѣ не могъ здѣсь найти, а они есть у васъ, въ вашей библіотекѣ! Теперь они мои,—какое блаженство! Да, вы правы, отъ такого подарка я не въ силахъ отказаться.

Когда Лозовскій ушелъ, Варя сказала:

— Нѣтъ, онъ сдѣлался лучше... Мнѣ онъ теперь нравится. Въ немъ дѣйствительно есть что-то сильное, что-то духовное.

— Если пойдетъ въ монастырь,—замѣтилъ отецъ Серафимъ, то будетъ знаменитымъ архипастыремъ и проповѣдникомъ.

XII.

На урокѣ Глѣбъ прежде всего завязалъ съ Мазуриными разговоръ о квартирѣ.

— Тутъ пріѣхали съ юга мои родственники,—сказалъ онъ,—одинъ старый священникъ съ дочерью. Хотѣлось бы ихъ устроить получше, а квартиръ, кажется, уже нѣтъ...

— Но у меня въ домѣ можно! — любезно предложилъ Мазуринъ.—Есть квартира о четырехъ комнатахъ съ кухней.

— Съ дровами? — спросилъ Глѣбъ, вспомнивъ безпокойство отца Серафима.

— О, да, у насъ всѣ квартиры съ дровами. Она ходитъ за шестьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ, но для вашихъ родственниковъ можно уступку сдѣлать; я сдамъ за пятьдесятъ.

Глѣбъ поблагодарилъ, но рѣшилъ прежде дать урокъ. Послѣ урока они осматривали квартиру. Она помѣщалась во дворѣ, во второмъ этажѣ, что было очень удобно для отца Серафима, страдавшаго одышкой. Комнаты небольшія, но высокія и свѣтлыя. Квартира понравилась Глѣбу, но онъ сказалъ, что привезетъ хозяевъ.

— Надо, чтобъ они сами видѣли.

Мазуринъ очень хвалилъ квартиру, говорилъ, что она теплая и сухая и у Глѣба не было никакихъ основаній, что онъ обманываетъ его.

— Ну, вотъ,—сказалъ Глѣбъ, придя отсюда въ гостинницу,—я вамъ и квартиру нашелъ.

— Неужто? должно быть, какую-нибудь драгоцѣнность? При томъ же ты ничего не смыслишь.

Глѣбъ объяснилъ, что квартира въ томъ домѣ, гдѣ онъ даетъ урокъ и что Мазуринъ ручается за ея исправность. Онъ приглашалъ отца Серафима посмотрѣть.

— Ну, нѣтъ ужъ, я на это не согласенъ, — отвѣтилъ отецъ Серафимъ.—Ты самъ сказалъ, что все будетъ готово, а я только переѣду и буду жить,—вотъ я это и принялъ къ сердцу. Мнѣ что жъ, мнѣ лишь бы комната была теплая да сухая.

Они съ Варей вдвоемъ отправились на Сергіевскую. Варя осталась довольна. Когда они осматривали квартиру, явился самъ Мазуринъ и вмѣстѣ съ нимъ пришла его дочь, консерваторка; ихъ познакомили. Варя сразу обратила вниманіе на ея какіе-то особенные любопытные глаза. Эти глаза произвели на Варю непріятное впечатлѣніе. Когда она смотрѣла ими, то казалось, что она хочетъ какъ бы поглотить человѣка. Ей не нравилось то, какъ она смотрѣла на Глѣба.

Они взяли квартиру и оставили задатокъ.

— Переѣдемъ дня черезъ два,—сказаза Варя. — Намъ еще надо купить мебель, но тоже не знаемъ гдѣ; мы здѣсь ничего не знаемъ. А Глѣбъ Назаровичъ хотя и жилъ здѣсь цѣлый годъ, но знаетъ не больше насъ.

— По этой части могу тоже дать вамъ совѣтъ!—сказалъ имъ Мазуринъ.—Совѣтую вамъ покупать новую мебель, непремѣнно новую, по случаю можно покупать только дорогія рѣдкія вещи. Да самое лучшее, если хотите, я помогу вамъ. Вотъ не угодно ли вамъ сказать мнѣ, какія вещи вамъ угодно купить. Онъ вынулъ изъ кармана записную книжку и карандашъ и приготовился высчитывать; они ходили по комнатамъ и рѣшали, гдѣ что поставить. Мазуринъ производилъ самый точный разсчетъ.

— А если вамъ угодно, то я буду просить позволенія завтра явиться къ вашему батюшкѣ и оттуда вмѣстѣ отправимся въ гостинный... Васъ однихъ непремѣнно надуютъ, продавцы сейчасъ же видятъ, понимаетъ человѣкъ или нѣтъ...

— Здѣсь всѣ такъ предупредительны и любезны?—спросила Варя у Глѣба, когда они возвращались домой.

— Я, право, не имѣлъ случая наблюдать, но Мазурины всегда были со мной любезны. Мнѣ кажется, что есть такіе люди, которые со всѣми любезны; это у нихъ въ натурѣ. Притомъ же они вообще расположены ко мнѣ, я имъ почему-то нравлюсь.

— И этой дѣвицѣ съ жадными глазами?

— Можетъ быть, и ей. Но, Варя, ты нехорошо говоришь, у тебя нехорошій тонъ. Неужели ты допускаешь на минуту, что меня можетъ интересовать кто-нибудь другой, кромѣ тебя.

Она тотчасъ же раскаялась.

— Прости мнѣ, Глѣбъ, но это, право, невольное чувство. Я такъ люблю тебя, что боюсь даже тѣни въ твоихъ глазахъ.

— А развѣ была тѣнь?

— Да, что-то въ этомъ родѣ, но, конечно, это было мое воображеніе.

Отецъ Серафимъ нашелъ, что цѣна квартиры дорогая, хотя и не въ такой степени, какъ онъ ожидалъ. Онъ вообще ждалъ встрѣтить въ Петербургѣ поразительныя цѣны.

— Ты не думай, Глѣбъ, — говорилъ онъ, — что я скаредничаю. Оно, положимъ, я дѣйствительно умѣю беречь копѣйку, иначе въ нашемъ быту и не сберегъ бы. Меня считали богачемъ тамъ у насъ въ деревнѣ. Такъ всѣ и говорили, молъ, отецъ Серафимъ настоящій помѣщикъ. И тамъ, дѣйствительно, я былъ богачемъ. И вотъ какимъ: у меня денегъ чистыхъ сорокъ тысячъ. Это я за всю жизнь собралъ. Считаю я такъ, что они дадутъ намъ доходу до двухъ тысячъ въ годъ, да Леонидъ намъ пришлетъ около тысячи, вотъ и все наше богатство. Теперь суди, велико ли оно здѣсь, въ этомъ городѣ, гдѣ на улицѣ на каждомъ шагу пара коней везетъ сотни тысячъ, напяленныя на какую-нибудь даму? Оттого я такъ и остороженъ. А между тѣмъ надо, чтобы Варя никогда ни въ чемъ нужды не знала, въ этомъ была забота всей моей жизни, такъ неужто я теперь вдругъ транжирить начну?

На другой день Мазуринъ явился въ гостинницу въ девять часовъ утра. Къ этому времени поторопился придти и Глѣбъ. Мазуринъ спѣшилъ, потому что ему надо было поспѣть на должность. Онъ познакомился съ отцомъ Серафимомъ и отецъ Серафимъ такъ высказалъ потомъ впечатлѣніе, которое получилъ отъ него:

— Видно, что дѣловой человѣкъ; у него и въ лицѣ есть что-то особенное, петербургское. Я уже замѣтилъ, что у здѣшнихъ людей есть какая-то такая черта въ лицѣ, какой я нигдѣ не видалъ. Такъ, словно эти лица ледкомъ покрыты. И сквозь этотъ тонкій слой льда не вполнѣ разглядишь, какое у нихъ выраженіе.

Отецъ Серафимъ и въ гостинный не поѣхалъ; они отправились втроемъ. Мазуринъ дѣйствительно оказался имъ чрезвычайно полезнымъ. Узнавъ, что на мебель ассигновано тысяча рублей. Онъ заявилъ, что на эти деньги можно очень мило обставить квартиру. И въ самомъ дѣлѣ, онъ умѣлъ

какъ-то ловко скомбинировать разные предметы и обладалъ особенной способностью убѣждать торговцовъ, чтобъ они уступали. Послѣ какого-нибудь часа возни, Варя увидѣла себя обладательницей полной обстановки для четырехъ комнатъ.

Отсюда Мазуринъ уѣхалъ на службу, заявивъ, что если имъ что-нибудь понадобится, то онъ весь въ ихъ распоряженіи. А они, придя домой, не нашли отца Серафима. На столѣ лежала его записка:

„Ко мнѣ пришелъ Гриша,—писалъ отецъ Серафимъ,—у него какой-то праздникъ въ академіи и потому лекцій нѣтъ. Онъ захотѣлъ показать мнѣ лавру и другія святыя мѣста. Завтракайте безъ меня, а если купили мебель, то перевозите ее въ квартиру".

Глѣбъ и Варя были въ этотъ день необыкновенно дѣятельны. Они наскоро позавтракали и отправились покупать посуду и разныя мелочи. Часа въ четыре они опять зашли въ мебельный магазинъ и узнали, что часть мебели уже отправлена на Сергіевскую. Они поѣхали туда и принимали каждую вещь въ качествѣ хозяевъ.

Опять явилась консерваторка и съ нею еще какая-то маленькая дѣвочка и мальчикъ, ученикъ Глѣба. Она любезно давала совѣты, что куда поставить, но у Вари явилось по отношенію къ ней какое-то чувство противорѣчія.

— Мнѣ кажется,—говорила консерваторка,—что этотъ диванъ надобно поставить вотъ здѣсь.

И она уже начинала придвигать диванъ на то мѣсто, которое казалось ей удобнымъ. Но Варѣ непремѣнно хотѣлось возразить. Она видѣла, что это хорошо, что диванъ надо поставить именно такъ, какъ она говоритъ, но она возражала:

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ кажется, что сюда вотъ лучше!—и дѣлала по своему.

— Неужели,—спрашивала она Глѣба,—она будетъ всегда вотъ такъ ни съ того, ни съ сего ходить къ намъ?

— Ты волнуешься изъ пустяковъ, Варя, — отвѣчалъ Глѣбъ.—Если не нравится, чтобъ она ходила, всегда можно прекратить это. Она увидитъ твою холодность и перестанетъ. Это само собой сдѣлается.

Вечеромъ отецъ Серафимъ былъ полонъ новыхъ впечатлѣній и долго разсказывалъ Глѣбу о томъ, что видѣлъ. Но все же въ душѣ его преобладали прежнія впечатлѣнія—отъ Кіевской лавры, отъ Кремля.

На другой день Глѣбъ зашелъ въ университетъ, но всего только на одинъ часъ. Потомъ они съ Варей устраивали квартиру и къ тремъ часамъ все уже было готово. Мазуринъ продолжалъ оказывать имъ всевозможныя любезности. Дворники были къ ихъ услугамъ. Онъ прислалъ имъ кухарку, которую они наняли. Однимъ словомъ, квартира была устроена вполнѣ и можно было жить въ ней. Въ кухнѣ навалили кучу дровъ и Варя могла воочію убѣдиться, что квартира съ дровами.

Послѣ обѣда въ гостинницѣ, они забрали вещи и отца Серафима и перевезли ихъ на Сергіевскую. Онъ былъ въ восторгѣ отъ квартиры; по сравненію съ низенькими маленькими комнатками въ Кочедаровкѣ эти показались ему палатами.

— А главное, дрова!—наивно восклицалъ онъ, глядя на обильную кучу дровъ въ кухнѣ.—Вотъ ужъ навѣрно не будетъ холодно, топи сколько хочешь.

— А бываетъ, что цѣлые возы истапливаютъ,—замѣтилъ стоявшій при этомъ дворникъ,—и все холодно. Есть такія квартиры.

— Но здѣсь такъ много мѣста,—восклицалъ отецъ Серафимъ, осматривая комнату,—что и ты, Глѣбъ, могъ бы помѣститься съ нами. Зачѣмъ тебѣ сидѣть на твоемъ шестомъ этажѣ и платить деньги?

— Нѣтъ, отецъ Серафимъ, я тамъ останусь!—отвѣтилъ Глѣбъ.

— Что же такъ?

— Во-первыхъ, здѣсь ни я, ни Варя ничего не будемъ дѣлать, здѣсь мы будемъ слишкомъ счастливы. А во-вторыхъ, въ Петербургѣ такъ же много сплетниковъ, какъ и въ губернскомъ городѣ.

— Да, ежели такъ, то это соображеніе не послѣднее!—согласился отецъ Серафимъ; онъ-то, конечно, не желалъ, чтобы у кого-нибудь были поводы говорить дурно о Варѣ.

Они послали за Лозовскимъ, извѣщая его о новосельѣ, и вечеромъ въ новой квартирѣ, обставленной свѣжей, только-что выпущенной изъ мастерской, мебелью былъ маленькій пиръ.

— Вотъ мы здѣсь вчетверомъ, совсѣмъ такъ, какъ и въ Кочедаровкѣ!—говорилъ отецъ Серафимъ.—Ничего, хорошо! Главное, лишь бы люди были хорошіе, а къ прочему всегда можно привыкнуть.

— А знаете, отецъ Серафимъ,—сообщилъ Лозовскій,—я уже получилъ книги. И вотъ сегодня цѣлый день сидѣлъ

надъ ними и не могъ оторваться. Тамъ есть экземпляры, которыхъ я прежде и не замѣтилъ. Удивляюсь вамъ, отецъ Серафимъ, какъ вы могли отказаться отъ такого сокровища! Можетъ быть, прикажете вернуть?

— Ну, нѣтъ, что ты, Богъ съ тобой! Да вѣдь сокровище оно для тебя, а для меня, человѣка не ученаго и которому учиться уже поздно, оно ничего особеннаго не представляетъ. Это, братецъ ты мой, все равно, какъ въ баснѣ, знаешь, пѣтухъ, который нашелъ жемчужное зерно. Вотъ такой точно и я пѣтухъ.

— Да,—продолжалъ Лозовскій,—вся академія приходила смотрѣть и всѣ прониклись ко мнѣ величайшимъ уваженіемъ. Я былъ милостивъ и обѣщалъ послѣ моей смерти оставить библіотеку академіи. Говорятъ, какая-то пѣвица, Патти, что ли, обѣщала свое горло—такъ какъ у нея необыкновенное горло—послѣ смерти своей завѣщать какому-то ученому учрежденію. Хотятъ изслѣдовать его, чтобы знать, отчего у нея такой удивительный голосъ. Ну, вотъ и я такъ свою библіотеку.

— Ну, Варя,—сказалъ Глѣбъ,—завтра я тебя буду устраивать. Мы пойдемъ на курсы и ты тамъ поговоришь съ кѣмъ слѣдуетъ. Только тебя теперь въ дѣйствительныя слушательницы не примутъ, придется быть вольнослушательницей.

— О, мнѣ все равно, — сказала Варя,—мнѣ лишь бы учиться.

Глѣбъ простился.

— Бѣдняжка,—сказала ему Варя,—опять идетъ на свой шестой этажъ.

На другой день они ходили на курсы. Глѣбъ оставался ждать ее на улицѣ. На Варю произвело сильное впечатлѣніе то, что она нашла тамъ. Движеніе, шумъ, говоръ, молодыя лица и всѣ проникнуты одной цѣлью. Между ними есть и здоровыя, и блѣдныя, моложе и старше. И когда она думала о томъ, что и сама присоединится къ нимъ и что, наконецъ, достигнетъ того, къ чему стремилась, у нея сильно билось сердце!

Ей позволили слушать лекціи, а съ Рождества обѣщали зачислить. Она вышла блѣдная и, какъ бы нуждаясь въ поддержкѣ, оперлась на руку Глѣба.

— Знаешь,—говорила она ему,—иногда мнѣ кажется, что все это во снѣ. Каждый день, каждый часъ осуществляется какая-нибудь несбыточная мечта. Но послѣ этого какая же разница между несбыточнымъ и тѣмъ, что сбывается?

Правду сказалъ Лозовскій, что съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхала въ Петербургъ, въ природѣ не осталось ничего несбыточнаго.

— Ну, Варюкъ,—сказалъ Глѣбъ, и, съ своей стороны, чрезвычайно довольный, что все совершается такъ удачно,— теперь я тебя усажу на извозчика, а самъ останусь. Я таки порядочно запустилъ свои занятія. Надо наверстать.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Варя поѣхала домой одна. Жизнь пошла обычной чередой изо дня въ день. Отецъ Серафимъ былъ очень доволенъ тепломъ, котораго было много въ ихъ квартирѣ. На улицу онъ не любилъ часто выходить, холода усилились и наводили на него какую-то спячку; въ особенности же ему нравилось сосѣдство съ Сергіевской церковью, тамъ явился новый усердный прихожанинъ. Его можно было видѣть въ этой церкви каждый день. Онъ становился въ отдаленный уголъ и сосредоточенно молился.

Варя не боялась дальности разстоянія. Она вставала рано и брала извозчика на Вознесенскій проспектъ. Тутъ она подымалась въ шестой этажъ, звонила и на этотъ звонокъ выходилъ Глѣбъ, уже совсѣмъ одѣтый и они шли пѣшкомъ на Васильевскій островъ. Это были чудные свѣтлые часы. Варя съ восторгомъ отзывалась о своихъ лекціяхъ, въ которыхъ для нея было такъ много новаго. Они всю дорогу разсказывали другъ другу то, что было новаго въ ихъ знаніяхъ, и такимъ образомъ дѣлились своимъ душевнымъ міромъ и онъ постоянно былъ у нихъ общій. Глѣбъ каждый день приходилъ къ нимъ обѣдать. Онъ перевелъ свой урокъ на четыре часа съ половиной и прямо съ урока являлся къ нимъ. Они рѣдко теперь проводили вмѣстѣ вечера, потому что у каждаго было много своихъ занятій. Иногда отецъ Серафимъ отпускалъ ихъ въ театръ; они забирались въ Александринку довольно высоко и Варя испытывала высокое наслажденіе. Опера показалась ей чѣмъ-то черезчуръ сложнымъ, запутаннымъ и пестрымъ. Она говорила, что не понимаетъ ея.

Зима была суровая, но они не боялись холода; квартира въ самомъ дѣлѣ оказалась теплой.

XIII.

Варѣ невольно пришлось ближе познакомиться съ консерваторкой Мазуриной; звали ее Валентиной Яковлевной. Это было странное существо. Она жила въ большомъ семействѣ, посѣщала консерваторію, получала даровыя мѣста въ

концерты и при этомъ страшно скучала. Варѣ сперва казалось, что ей все равно лишь было бы общество мужчинъ. Она оживлялась всякій разъ, когда приходилъ Глѣбъ. Но, познакомившись съ нею ближе, она поняла, что это была ошибка. Валентина и мужчинъ тоже находила скучными. У нея было желаніе чего-то необыкновеннаго, чего-то изъ ряда вонъ выходящаго. Къ каждому новому знакомому она внимательно присматривалась, надѣясь встрѣтить въ немъ то необыкновенное, котораго искала. Но всѣ были обыкновенны и она скоро разочаровывалась и остывала. Къ Глѣбу она относилась хорошо, но совершенно спокойно. Періодъ ожиданія отъ него чего-нибудь выдающагося уже прошелъ. Можетъ быть, отъ этого въ глазахъ ея постоянно свѣтилась какая-то жажда ожиданія. Она говорила, что ей рѣшительно все равно, кто былъ бы этотъ человѣкъ, который поразилъ бы ее чѣмъ-нибудь: пусть онъ будетъ простой извозчикъ, я пошла бы за нимъ. Ей хотѣлось забыться, чтобы не помнить себя, чтобы не видѣть той слишкомъ сѣренькой обстановки, которая ее окружала. Этимъ-то и манила ее сцена.

— Но вы вращаетесь въ такомъ мірѣ, — говорила ей Варя,—гдѣ столько талантовъ, артистовъ!

— О, это самые ординарные люди, самые скучные люди на свѣтѣ!—отвѣчала Валентина.—Всѣ они погрузились въ свою спеціальность и не знаютъ ничего внѣ ея. Всѣ они такъ похожи другъ на друга, перенимаютъ одинъ у другого не только знанія, но и пріемы, и манеры. Нѣтъ, это скучно!

Варя разсказала ей про Лозовскаго.

— Можетъ быть, онъ васъ займетъ. У него такіе странные взгляды. Онъ, напримѣръ, думаетъ, что каждый носитъ въ себѣ только половину души, а другая половина живетъ въ другомъ, и эти души постоянно стремятся, чтобы слиться....

— Это любопытно!—сказала Валентина.—Это, по крайней мѣрѣ, оригинально.

— Потомъ онъ всему на свѣтѣ предпочитаетъ кладбище.

— Кладбище? Это тоже странно...

— И затѣмъ онъ рѣшилъ поступить въ монахи...

При этихъ разсказахъ у Валентины горѣли глаза. Въ ней загоралось страстное желаніе поскорѣе вблизи увидѣть этого страннаго человѣка. Но Лозовскій какъ-то все приходилъ, когда она была въ консерваторіи.

— Если бы вы когда-нибудь заранѣе знали, что онъ придетъ, пожалуйста скажите мнѣ,—просила она Варю,—я тогда не пойду въ консерваторію.

— Но вѣдь онъ идетъ въ монахи, — сказала ей Варя шутя,—что вамъ отъ него?

— Это-то и интересно! ахъ, это страшно интересно!

И вотъ однажды произошла встрѣча съ Лозовскимъ. Это вышло случайно. Лозовскій явился въ воскресенье. Варя знала, что Валентина въ это время дома, но послать за нею не рѣшилась. Ей показалось это неловкимъ и страннымъ. Но Валентина сама пришла. „Я почувствовала, что онъ здѣсь!“, объяснила она ей послѣ.

На этотъ разъ она вела себя совсѣмъ особенно. Она, какъ сѣла на одномъ мѣстѣ, такъ и не встала съ него, и въ теченіе двухъ или трехъ часовъ не говорила ни слова. Потомъ Варя удивлялась этому, и Валентина объяснила: „видите ли, я люблю сперва разсмотрѣть человѣка, а потомъ показать ему себя“. Глѣбъ вспомнилъ при этомъ, что при первомъ знакомствѣ у Мазуриныхъ онъ даже ее не замѣтилъ. Значитъ, она и съ нимъ такъ поступила.

А Лозовскій былъ въ ударѣ и все ѣздилъ на своемъ конькѣ. Онъ съ увлеченіемъ говорилъ о предстоящемъ монашествѣ. Ужъ у него объ этомъ была рѣчь съ ректоромъ.

— Длинная черная одежда,—говорилъ онъ,—какъ бы разрушаетъ мостъ, соединяющій высокій духъ съ пошлой жизнью. Когда мы ходимъ въ обыкновенной всѣмъ доступной одеждѣ, то какъ-то невольно сливаемся со всѣми, а каждый думаетъ, что вотъ этотъ человѣкъ, одѣтый такъ же, какъ и онъ, такъ же и мыслитъ, и чувствуетъ, какъ онъ, и считаетъ себя въ правѣ залѣзать въ его душу. А та одежда какъ бы говоритъ каждому: не прикасайся ко мнѣ, ты видишь, я не такой, какъ ты.

Послѣ его ухода, Валентина съ увлеченіемъ воскликнула:

— О, я еще никогда такихъ не видала!

Онъ страшно овладѣлъ ея вниманіемъ и она теперь мечтала, чтобы увидѣть его другой разъ. „Въ немъ есть что-то не человѣческое“, говорила она.

Приближался январь. Въ квартирѣ появились новыя лица. Это были курсистки, товарки Вари. Одна была такая же молодая, какъ она, звали ее Чурилиной, другая гораздо старше— лѣтъ за тридцать, эту звали Марьей Семеновной Руничъ. Марья Семеновна интересовала отца Серафима; у нея было блѣдное лицо и, кажется, плохое здоровье. Мужъ ея жилъ въ Самарѣ, а она здѣсь перебивалась съ двумя дѣтьми.

— Но почему вы пріѣхали учиться?—спрашивалъ онъ ее,—вѣдь это доставляетъ вамъ столько неудобствъ.

— Я всю жизнь мечтала объ этомъ,—отвѣчала она,—но никакъ не могла. Мужъ получалъ слишкомъ мало денегъ. Ну, а потомъ онъ получилъ лучшее мѣсто, и это сдѣлалось возможнымъ.

— Какая же польза вамъ отъ этого?

— Станешь образованнѣе, ну и, знаете, будешь чувствовать себя выше.

— А мужъ?

— Мой мужъ служитъ въ пароходной компаніи, онъ человѣкъ простой и самъ мало образованъ, но понимаетъ мое стремленіе.

— Но если вы будете гораздо образованнѣе его, вѣдь это будетъ неравенство?

— Мы такъ хорошо относимся другъ къ другу, что это ничему не помѣшаетъ.

Чурилина мечтала о медицинскихъ курсахъ, о которыхъ всюду уже шелъ разговоръ. Ее не удовлетворяли курсы, дающіе только умственное развитіе: у нея была жажда дѣятельности. Глѣбъ горячо спорилъ съ нею. Онъ стоялъ всегда за чистую науку, которая, по его мнѣнію, только одна могла дать полное удовлетвореніе.

Въ это время онъ получилъ письмо отъ отца Василія изъ родного села: „Не дивись,—писалъ отецъ Василій,—что я вдругъ вступилъ съ тобой въ переписку. Но ты тамъ близокъ къ свѣту, а у насъ тутъ тьма. Помнишь, говорилъ я съ тобой о нашей великой нуждѣ во врачебной помощи... Вотъ мнѣ и пришло въ голову. Разные бываютъ люди и разные у нихъ вкусы, можетъ, кому это и по вкусу. Кликни тамъ кличъ среди твоихъ товарищей, можетъ кто и поѣдетъ. Говорю тебѣ люди гибнутъ ни за что, особенно младенцы. И отъ пустого гибнутъ; чувствуешь, что отъ пустого, а подать помощь не можешь, по невѣжеству своему. И зачѣмъ это насъ учили въ семинаріи всякой греческой и латинской мудрости? лучше бы научили врачебнымъ свѣдѣніямъ. Корысти великой пообѣщать не могу, конечно, еле-еле проживетъ. Но, можетъ, найдется какой охотникъ просто дѣлать доброе дѣло“.

Письмо это Глѣбъ прочиталъ вслухъ и у Чурилиной въ это время горѣли глаза.

— Вотъ если бы я знала медицину, сейчасъ бы туда поѣхала,—восклицала она,—даже и не задумалась бы.

У нихъ нечаянно составился маленькій кружокъ; никто

не называлъ его кружкомъ, но всѣ собирались по воскресеньямъ и бесѣдовали долго за полночь. Отецъ Серафимъ только пилъ чай съ ними, а потомъ уходилъ къ себѣ, чтобъ не стѣснять. И тутъ происходили горячія схватки, особенно между Чурилиной и Глѣбомъ.

— Вы,—горячо говорилъ Глѣбъ,— требуете пользы, явной, очевидной для всѣхъ. Въ научной работѣ, это правда, польза не бросается въ глаза, но за то она ведетъ къ пользѣ для всего человѣчества.

— Я его не вижу, вашего человѣчества,—отвѣчала Чурилина, — да и нѣтъ его вовсе, это одно отвлеченное названіе, а есть только люди, живые люди, которые стонутъ, плачутъ, кричатъ и страдаютъ. Прежде надо имъ помочь, а потомъ уже думать о человѣчествѣ.

Но послѣ этого вечера, когда было прочитано письмо отца Василія, Глѣбъ чувствовалъ себя какимъ-то подавленнымъ; ясное настроеніе какъ бы покинуло его.

Онъ ушелъ домой и долго не могъ заснуть. Онъ замѣчалъ, что въ его взглядѣ на жизнь какъ бы исчезла прежняя цѣльность и убѣжденность.

Варя не высказывалась. Она чувствовала себя еще слишкомъ новичкомъ. Ей просто хотѣлось учиться и знать.

Однажды она явилась домой и сказала отцу Серафиму.

— Поздравьте меня, папа, я слушательница курсовъ, я студентка.

— А это важно?—спросилъ отецъ Серафимъ полушутя.

— О, еще бы, конечно, важно.

— Ну, такъ поздравляю! А можетъ, теперь ужъ съ тобой простому смертному и разговаривать нельзя?

— Пожалуй, что и такъ. Только вамъ можно, вы у меня не простой смертный, а удивительный отецъ.

Послѣ Рождества Глѣбъ и Варя меньше проводили времени вмѣстѣ. У обоихъ было много занятій. Варя должна была догнать товарокъ и приготовиться къ экзамену. Глѣбъ много пропустилъ и надо было наверстать. Случалось, что они не видались по цѣлымъ недѣлямъ. И Варя иногда задумывалась надъ этимъ и спрашивала:

— Глѣбъ, вѣдь это ничего, это не значитъ, что мы меньше любимъ другъ друга?

— О нѣтъ,—отвѣчалъ Глѣбъ,—мы такъ тѣсно слились, что если бы были на разныхъ концахъ земного шара, все равно, были бы вмѣстѣ.

Отецъ Серафимъ скучалъ, но ни однимъ намекомъ не далъ понять этого Варѣ. Онъ чувствовалъ себя человѣкомъ, котораго слишкомъ рано посадили на покой. Онъ еще не такъ былъ старъ. Вся его жизнь протекла при совершенно иныхъ условіяхъ. Часто думалъ онъ о Кочедаровкѣ, о своемъ домѣ, о хозяйствѣ. Въ немъ сидѣла сильная способность привязываться къ вещамъ. За цѣлую жизнь онъ сроднился съ ними. А главное, чего ему не доставало, это—простора и солнца. Куда ни взглянетъ, все дома, да дома. А глаза его прикыкли къ безбрежному полю, надъ которымъ виситъ ясное, голубое небо.

— Ну, что тамъ,—говорилъ онъ самъ себѣ.—Въ томъ и подвигъ, чтобы лишить себя самаго главнаго. По крайности, я знаю, что дѣйствительно сдѣлалъ кое-что для дочери.

А Варя, онъ это видѣлъ, полна жизни и кипучей дѣятельности, ну и пусть. Значитъ, эта жизнь наполняетъ ея душу, значитъ, она счастлива.

Раза два на воскресныхъ вечерахъ была у нихъ Валентина, но она здѣсь не нашла для себя ничего интереснаго. Вопросы, которые здѣсь возникали, не могли занимать ее. Она не искала дѣятельности. а только необыкновеннаго, поразительнаго, чего не находила во всемъ, что она видѣла и знала.

А Лозовскій все не приходилъ. Онъ сидѣлъ уже надъ своей работой, изъ которой должна была выйти его книга. Отецъ Серафимъ ѣздилъ къ нему въ лавру и узналъ объ этомъ. Онъ шутя сказалъ Лозовскому:

— У насъ есть твоя большая поклонница.

— Кто же это?

— А вотъ та самая дѣвица, съ которой ты познакомился.

— Ахъ, да, такіе странные глаза! Но скажите ей, что я иду въ монахи, это ее испугаетъ.

— Сказали, а она говоритъ: это-то и интересно!

— Странная дѣвица, небывалая дѣвица! Сочту долгомъ повидаться съ нею.

И онъ въ слѣдующее воскресенье пришелъ обѣдать. Валентина уже была здѣсь и Лозовскій сразу занялся ею.

— Я слышалъ про васъ необыкновенныя вещи! — сказалъ онъ.

— Къ сожалѣнію, я ничего необыкновеннаго не сдѣлала,—отвѣтила Валентина.

— Но вы любите необыкновенное!

— Да, но его нигдѣ вѣдь нѣтъ!

— Ваша правда. Все необыкновенное въ концѣ концовъ пріучаетъ къ себѣ и сродняется. Въ Парижѣ, напримѣръ, Эйфелева башня казалась чудомъ, а теперь такъ надоѣла парижанамъ, что ее хотятъ снести. Но почему же вы такъ любите необыкновенное?

— Мнѣ кажется, — отвѣтила Валентина, — что только исключительнымъ можно заинтересоваться, увлечься и отдать всю себя.

— А что значитъ, по вашему, отдать всю себя?

— Какъ въ рабство! не имѣть своей воли...

— Странно! у васъ такіе глаза, что вы скорѣе должны желать покорять себѣ, чѣмъ отдавать свою волю. Но это очень сильно — поступить въ рабство, это очень сильно! Нужно обладать большой волей, чтобъ отказаться отъ этой воли. А вотъ я, представьте, совершенная противоположность вамъ. Я неспособенъ никому отдать себя въ рабство.

— А идеѣ?—спросилъ Глѣбъ.

— Ни даже идеѣ. Идею я хочу завоевать, обнять ее, покорить себѣ, согнуть ее въ бараній рогъ.

За обѣдомъ Лозовскій съѣлъ супъ и мясо и отъ дальнѣйшаго, по обыкновенію, отказался.

— Вы знаете, — объяснила Варя Валентинѣ, — онъ это дѣлаетъ по принципу.

— Это не принципъ, Варвара Серафимовна, а упражненіе. Я хочу постепенно отказаться отъ всѣхъ льготъ, какія мы въ излишествѣ даемъ нашему тѣлу, и упражняюсь въ этомъ. Вы знаете, съ какимъ неуваженіемъ я вообще отношусь къ тѣлу. Оно только обременяетъ духъ и тянетъ его книзу.

Его голосъ и взглядъ какъ-то особенно дѣйствовали на Валентину. „Какой онъ сильный, какой онъ властный!“ думала она и глаза ея постоянно устремлялись на него.

Послѣ обѣда онъ сидѣлъ на диванѣ рядомъ съ нею и у нихъ былъ странный разговоръ.

— Я хотѣла бы,—говорила Валентина,—чтобъ вы покорили меня.

— Развѣ вы нашли во мнѣ необыкновенное?

— О, да, такъ много. Я ужъ и Варварѣ Серафимовнѣ сказала, что у васъ есть что-то нечеловѣческое.

— Вы и не знаете, какой комплиментъ говорите мнѣ. Нечеловѣческое! какъ бы мнѣ хотѣлось быть нечеловѣкомъ!

— Но чѣмъ?

— Духомъ, духомъ! Тѣмъ чистымъ духомъ, который не знаетъ ни слабостей, ни уступокъ. Онъ свободенъ отъ слабостей! Онъ свободенъ и великъ! Отчего у васъ такъ странно горятъ глаза?

— Должно быть, ихъ зажегъ тотъ самый огонь, что горитъ въ вашихъ глазахъ.

— О, навѣрно не тотъ. Вы женщина, а женщина не можетъ подыматься такъ высоко. Она слишкомъ слаба и у нея никогда не выростаютъ крылья.

— А у васъ?

— У меня есть крылья, я ихъ чувствую, я иногда взлетаю на такую высоту, что самому становится страшно. Но это только, когда я одинъ.

— А ваша теорія о половинчатыхъ душахъ?

— А вы ее слышали? Но вѣдь это глупая теорія. Она очень удобна для людей. Она придаетъ поэзію ихъ маленькимъ и невысокимъ чувствамъ, но душа недѣлима и ея совершенство состоитъ не въ стремленіи къ другой, а въ одиночествѣ. Не смотрите на меня такъ, я недоступенъ.

Она густо покраснѣла. Да, въ самомъ дѣлѣ она на него такъ смотритъ. Кажется, онъ уже покоряетъ ее, беретъ въ рабство. Его аскетизмъ стоитъ въ такомъ странномъ противорѣчіи съ этими прекрасными, дышущими огнемъ глазами. Въ немъ столько страсти и эта страсть направлена куда-то въ идеальную сферу. Развѣ это не было чѣмъ-то необыкновеннымъ? И ее уже влекло къ нему, какъ къ первому человѣку, который за три часа не надоѣлъ ей, который не походилъ на всѣхъ. И въ душѣ ея зарождалось и крѣпло рѣшеніе столкнуть его съ этой недосягаемой высоты, на которую онъ взлетѣлъ на своихъ крыльяхъ.

Въ этой женщинѣ было что-то болѣзненное, что-то истерическое, но глаза ея говорили, что она неукротима, что она не остановится на полъ-дорогѣ.

Онъ сталъ прощаться и сказалъ ей:

— Вы интересная женщина для тѣхъ, кто любитъ этимъ заниматься.

Онъ вышелъ на улицу съ Глѣбомъ.

— А ты, кажется, не такъ ужъ недоступенъ,—сказалъ ему Глѣбъ.

— Я не волкъ, конечно, и не кусаюсь,—отвѣтилъ Лозовскій,—но, увѣряю тебя, что мое сердце не сдѣлало ни одного

движенія, болѣе порывистаго, чѣмъ всегда. Я признаю, что эта женщина способна погубить многихъ. И собственно въ ней нѣтъ никакого интереснаго содержанія. Она беретъ только своимъ темпераментомъ, который у нея въ глазахъ и волей, которая у нея страшна. Жаль, что пропадаетъ такая воля; вѣдь она вся уйдетъ на добываніе личнаго счастья и даже не счастья, а какого-нибудь захватывающаго, жгучаго, пріятнаго ощущенія. Это воля тѣлесная, а не духовная. Будь такая воля въ области достиженія идеала, она міръ перевернула бы...

Послѣ его ухода, Велентина долго говорила о немъ съ отцомъ Серафимомъ. Они говорили о разныхъ вещахъ,—онъ восхвалялъ Лозовскаго съ своей точки зрѣнія, а она съ своей.

XIII.

Прошло недѣли три. Всякое воскресенье Валентина являлась къ Лаудановымъ и видимо ждала Лозовскаго, но онъ не приходилъ.

Отецъ Серафимъ какъ-то съѣздилъ съ Варей въ лавру къ обѣднѣ.

— Что же это ты насъ забылъ?—спросилъ онъ у Лозовскаго.

— Страшно занятъ,—отвѣтилъ тотъ, — работаю и особенно дорожу воскресеньями, потому что въ этотъ день больше свободнаго времени.

— Вы пишете вашу книгу?—спросила Варя.

— Да, съ Божьею помощью.

— Значитъ, вы хотите передать ваши идеи людямъ? Но зачѣмъ же, если вы ихъ такъ глубоко презираете?

— Я вовсе не хочу ничего передавать имъ!—отвѣтилъ Лозовскій.

— Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы пишете книгу?

— Я не знаю другой формы излить свои мысли. Куда же мнѣ дѣвать ихъ, если онѣ наполняютъ голову? Кромѣ того, это будетъ способствовать моей карьерѣ, то-есть, скорѣе дастъ мнѣ самостоятельность и свободу, къ которой я стремлюсь.

„Это софизмы! — подумала Варя, — я вообще замѣтила, что онъ софистъ“.

— А о васъ справлялась Валентина Яковлевна! — сообщила она.

— Ну, и я готовъ о ней справиться. Какъ она поживаетъ?

— Она все мечтаетъ повидать васъ.

— Это очень лестно. Но если я такое чудо, то меня можно видѣть каждое воскресенье здѣсь, въ церкви.

Варя разсказала объ этомъ разговорѣ Валентинѣ.

— А!—многозначительно воскликнула Валентина и по лицу ея было видно. что она что-то задумала. Въ слѣдующее воскресенье она поѣхала къ обѣднѣ въ лавру. У нея было такое чувство, что она должна непремѣнно увидѣть Лозовскаго. Она „приказала себѣ это“, какъ она сама говорила.

Въ церкви она все перемѣняла мѣсто. Нигдѣ его не было. Наконецъ, она его увидала. Онъ стоялъ съ правой стороны, прислонившись къ стѣнѣ. Она долго смотрѣла на него. Лицо его показалось ей страннымъ. Онъ мало крестился и какъ будто машинально, совсѣмъ не билъ поклоновъ, но въ лицѣ его была какая-то сосредоточенная дума. Оно было блѣдно, вытянуто, строго. Она никогда не видала такого лица.

Она смотрѣла на него въ упоръ, но онъ не чувствовалъ этого. Но вотъ она замѣтила въ его глазахъ безпокойство. Онъ какъ бы сбился съ своихъ мыслей и сталъ глядѣть по сторонамъ, и вотъ глаза ихъ встрѣтились. Въ его глазахъ промелькнулъ какой-то странный блескъ.

Онъ тотчасъ же вышелъ изъ церкви, она послѣдовала за нимъ и въ оградѣ они встрѣтились. Она просто протянула ему руку.

— Почему вы вышли?—спросила она.

— Потому что увидѣлъ васъ въ церкви, вы меня развлекли. Я больше не могъ сосредоточиться, значитъ, и оставаться было незачѣмъ.

— А правда, вы были сосредоточены! у васъ было удивительное, необыкновенное лицо.

— Я всегда сосредоточиваюсь въ церкви. Эта обстановка на меня такъ вліяетъ. Въ ней есть что-то возвышающее, тихое, навѣвающее думы о неземномъ. Вѣдь это та же молитва. А вы зачѣмъ здѣсь?

— Пріѣхала смотрѣть чудо. Я начала покоряться.

— Но не покорять, — сказалъ онъ, — въ этомъ я могу васъ увѣрить.

— Я не хочу этого. Мнѣ только надо покориться. Я нашла силу.

— Это я?

— Да, это вы.

— Пріятно слышать. Пойдемте на кладбище.

— Что тамъ хорошаго? Впрочемъ, я знаю, что вы любите кладбище.

— Но вы хотѣли покориться, такъ идемте.

— Идемте.

Они пошли.

— А скажите, до какой степени могла бы дойти ваша покорность?—спросилъ Лозовскій.

— До безконечности.

— Напримѣръ, если бы тотъ, кому вы покорились бы, вырылъ могилу и сказалъ: ложитесь въ могилу, я васъ зарою, вы легли бы?

— Да.

— Позвольте вамъ не повѣрить.

— Попробуйте!

Онъ посмотрѣлъ ей въ глаза и сказалъ:

— Да, если судить по глазамъ, вы странная женщина.

— Но вы меня не боитесь?

— Нисколько. Потому что я умѣю бороться и побѣждать.

— Сядемте!— сказала она.

Они сѣли на скамейку противъ какого-то памятника.

— Неужели же вы пойдете въ монастырь? — спросила Валентина.

— По всей вѣроятности!—отвѣтилъ онъ.—Я этого хочу. Но удастся ли, не знаю.

— А отъ чего это зависитъ?

— Отъ меня, отъ моей воли. Видите, иногда на меня находитъ слабость. И тогда мнѣ это кажется подвигомъ и я боюсь этого подвига.

— А, такъ значитъ и вы умѣете бояться?

— О, да, я иногда бываю слабъ, какъ ребенокъ. Но никто не знаетъ, когда... Въ этомъ моя сила, какъ у Самсона въ волосахъ.

— Я хотѣла бы быть Далилой...

— Чтобъ предать меня?

— Нѣтъ, я бы не предала.

Она помолчала, а потомъ опять заговорила.

— Какъ жаль, что вы хотите идти въ монахи.

— Почему вамъ жаль?

— Я никогда не найду больше такого удивительнаго человѣка.

— А зачѣмъ я вамъ?

— Чтобъ покориться...

— Но тогда я пересталъ бы удивлять васъ... Однако послушайте, не занимаемся ли мы съ вами тѣмъ, что говоримъ красивыя вещи?! Есть люди, которые любятъ необыкновенныя слова и оттого они кажутся себѣ необыкновенными людьми.

— Я бы хотѣла, чтобы вы потребовали отъ меня чего-нибудь?

— Чего же?

— Это все равно, чего-нибудь важнаго... чего-нибудь неисполнимаго.

И она посмотрѣла на него своимъ жгучимъ, пронизывающимъ взглядомъ.

Вдругъ онъ вскочилъ и, когда она, вздрогнувъ, подняла голову, то увидала, что лицо его было блѣдно, а голосъ, которымъ онъ говорилъ слѣдующія слова, нервенъ, точно онъ былъ оскорбленъ.

— Намъ надо разстаться и поскорѣе. Вы слишкомъ женщина... А я... я въ сущности склоненъ къ сумасшествію. Замѣтьте, что у меня дѣдъ по матери сошелъ съ ума и мать иногда впадаетъ въ состояніе, близкое къ помѣшательству. Замѣтьте это. До свиданія, Валентина Яковлевна.

И глаза у него были такіе, что онъ дѣйствительно походилъ на сумасшедшаго. Онъ круто повернулся и ушелъ и скоро скрылся за высокими памятниками. Валентина поднялась, какъ бы желая послѣдовать за нимъ, но потомъ раздумала и сѣла. Сердце ея наполнилось восторгомъ. Она чувствовала, что задѣла его глубоко и ужъ онъ больше не равнодушенъ. Она повліяла на него той силой, которая въ ней есть, той силой, которую она сама не могла понять и которая терзала ее, и онъ почувствовалъ, что ему грозитъ опасность упасть съ той высоты, на которую онъ взлетѣлъ при посредствѣ своихъ крыльевъ. Вотъ отчего у него были такіе глаза и вотъ почему онъ бѣжалъ.

Въ слѣдующее воскресенье она пріѣхала къ концу обѣдни и не вошла въ церковь, а ждала, когда будутъ выходить. Его долго не было. Наконецъ, онъ показался и увидалъ ее.

— Вы меня ждали, не правда ли? я это чувствовалъ,— промолвилъ онъ, подавая ей руку.

— Пойдемте къ памятникамъ?—предложила Валентина.

Они сошли съ паперти и пошли молча къ крестамъ. Они долго шли молча.

— Знаете ли вы, Валентина Яковлевна, какая вамъ грозитъ опасность?

— Не знаю!—отвѣтила она.

— Я могу васъ убить!

— За что?

— За то, что вы мнѣ мѣшаете. Отступитесь отъ меня.

— Нѣтъ. Убейте, я не отступлюсь.

— Нѣтъ?

— Нѣтъ, никогда. Если я вамъ мѣшаю, то ужъ это счастье.

— Но Боже мой! ваше счастье! ваше счастье!—съ какой-то горечью воскликнулъ онъ. — Оно состоитъ въ томъ, чтобъ васъ обнимали, прижимали и цѣловали. Чтобъ вамъ смотрѣли въ глаза и приносили вамъ цвѣты. Чтобъ лежали у вашихъ ногъ во прахѣ...

Теперь настала очередь и ей поблѣднѣть и она заговорила нервно и прерывисто.

— Ахъ, за что вы меня такъ не понимаете? За что? Я не хочу этого. Я сама хотѣла бы лежать во прахѣ и чтобъ вы наступили на меня ногой.

Они остановились, отгороженные отъ всего міра съ обѣихъ сторонъ двумя высокими мраморными памятниками.

— Но вы, — промолвилъ онъ, съ какой-то дѣланной саркастической усмѣшкой, — кажется, думаете, что я даже не умѣю обнимать?

— Нѣтъ, не надо...

— Я могъ бы и задушить васъ.

— Не унижайтесь до этого...

— Ну, а если бы я унизился...

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога не унижайтесь!

Онъ опустился на большой камень и закрылъ лицо руками.

— Ну, а если... если...—говорилъ онъ, какъ бы про себя...

— Что жъ, я покорюсь!—отвѣтила она,—я ничего не пожалѣю и ни передъ чѣмъ не остановлюсь. Для меня не существуетъ ничего, кромѣ той силы, которую я встрѣтила въ васъ... Но я не хочу разбивать ее. Я не хочу быть Далилой, не хочу. Встаньте такой же сильный, какъ были, встаньте...

Какъ странно звучитъ ея голосъ! Онъ поднялъ голову. Она стояла передъ нимъ—стройная, сильная, прекрасная. Онъ внимательно смотрѣлъ ей въ глаза. Неужели она такъ

высока? Вѣдь она въ минуту слабости подымаетъ его! Нѣтъ, она не Далила.

А въ немъ кипѣла страсть. Имъ овладѣло безуміе и глаза его стали такими, какими были тогда, въ то воскресенье.

— Да, вы сильная,—говорилъ онъ,—и вы знаете это и нарочно пришли, чтобъ увидѣть мою слабость, мое паденіе. Вы пожалѣете, Валентина Яковлевна... Можетъ быть, я и паду, но я буду преслѣдовать васъ... Я погублю васъ... Уходите же, уходите... Нѣтъ, лучше никогда больше не являйтесь.

— Я уйду!—тихо сказала она и стала удаляться.

Пройдя нѣсколько шаговъ, она оглянулась; онъ лежалъ на землѣ, положивъ лицо на руки. Плечи его вздрагивали; онъ плакалъ.

Онъ долго не могъ простить себѣ это свиданіе. Что же? въ немъ оказалась истеричность. Онъ считалъ себя такимъ сильнымъ, и вотъ онъ слабѣе женщины. Гдѣ же эта сила? Куда она скрылась въ тотъ моментъ? Если бы у нея не нашлось воли, если бы она не подняла его своимъ самообладаніемъ, онъ пошелъ бы Богъ знаетъ куда, онъ сдѣлалъ бы то, за что презиралъ бы себя. Онъ разочаровался въ себѣ. Какая гордость думать, что можешь побѣдить все, что духъ твой на высотѣ! Какая же это высота, когда нервы слабы до того, что онъ способенъ плакать.

И онъ наказывалъ себя. Онъ совсѣмъ не выходилъ изъ дому. Показывался только на лекціяхъ. Онъ по цѣлымъ днямъ молчалъ, ни съ кѣмъ не разговаривая. Онъ заставлялъ себя сидѣть неподвижно на кровати по три часа кряду. Онъ пробовалъ даже два дня не ѣсть, но ослабѣлъ и рѣшилъ, что физическая слабость вредна. Тутъ нужны были силы, нужно было укрѣпить нервы. И, наконецъ, ему показалось, что онъ попрежнему силенъ. Онъ думалъ о Валентинѣ и она представлялась ему чѣмъ-то далекимъ и холоднымъ.

Такъ прошло еще недѣли три. Въ концѣ апрѣля значительно потеплѣло; выплыло яркое солнце, ему захотѣлось пройтись въ городъ и онъ пошелъ къ Лаудановымъ.

Здѣсь было весеннее настроеніе. Отецъ Серафимъ стремился на югъ. Варя похудѣла, она страшно занималась, Глѣбъ помогалъ ей. Черезъ мѣсяцъ всѣ собирались домой.

— Вотъ,—сказалъ отецъ Серафимъ, — Леонидъ пишетъ, что тамъ все въ цвѣту и тянетъ насъ туда...

Валентина за все это время не была у нихъ ни разу.

— Что такое между вами? Развѣ было что-нибудь?— спросилъ отецъ Серафимъ.

— Я ее видалъ раза два въ церкви!—отвѣтилъ Лозовскій.

— Ну, должно быть, и у нея экзамены, оттого и не ходитъ,—предположилъ отецъ Серафимъ.

Между тѣмъ онъ хотѣлъ ее видѣть, чтобъ встрѣтиться съ ней просто и показать, до какой степени онъ теперь выше всего того, что было.

— Хотите, я ее позову!—предложила Варя.

— Пожалуй. Я хотѣлъ бы повидаться съ ней,—отвѣтилъ Лозовскій.

Варя послала ей записку: „Зайдите къ намъ,—писала она,—есть человѣкъ, который хочетъ съ вами повидаться".

Валентина пришла, но у нея былъ такой видъ, будто она сдѣлала это неохотно; ея не узнали. Она была очень худа и какъ-то необыкновенно серьезна. Лозовскій всталъ и протянулъ ей руку.

— Что съ вами?—спросилъ онъ, и даже немного подался назадъ, до того поразилъ его ея видъ, и тутъ онъ вдругъ почувствовалъ въ ней что-то родственное и близкое. Значитъ, она переживала то же, что и онъ.

— Вы оба похудѣли,—сказалъ отецъ Серафимъ.

— Да, оба.

Валентина безучастно разсказывала о консерваторскихъ экзаменахъ. Она кончаетъ курсъ и должна пѣть на спектаклѣ; у нея лучшая роль, ее хотятъ выдвинуть.

Онъ слушалъ молча и чувствовалъ себя безконечно маленькимъ человѣкомъ, который готовъ упасть къ ея ногамъ и просить у нея прощенія. Чѣмъ она такъ покоряетъ его? Въ ней нѣтъ ничего высокаго. Она мало развита, не особенно умна даже. У нея нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ, никакого міросозерцанія. Но онъ уже не сомнѣвался, что вся его побѣда надъ собой была заблужденіемъ.

Она поднялась и стала прощаться. Онъ тоже всталъ и какъ-то невольно, безъ причины, и очень удивилъ этимъ отца Серафима. Тотъ ждалъ, что онъ послѣ долгаго отсутствія просидитъ у нихъ вечеръ и будетъ пить вмѣстѣ съ ними чай.

— Я тоже долженъ уйти... Мы вмѣстѣ выйдемъ,—страннымъ голосомъ произнесъ онъ.

Она остановила на немъ свой взглядъ и чуть замѣтно кивнула головой. Они вышли.

— Зачѣмъ же вы вышли со мной?—спросила она его.

— Хотите прокатиться? Мнѣ хочется быть только съ вами.

— Вы будете безумнымъ?

— Я уже безуменъ!—отвѣтилъ онъ.

— Я сейчасъ!—съ какой-то странной покорностью сказала она и побѣжала наверхъ. Тамъ она смутила домашнихъ, быстро хватая накидку и шляпу.

— Куда?—спрашивали ее; она ничего не отвѣтила. Но тамъ знали, какъ она своенравна, и не придали этому значенія.

Она сбѣжала внизъ и протянула ему руку. Они взялись за руки, какъ дѣти, и быстро пошли со двора. Они сдѣлали нѣсколько шаговъ по улицѣ, тутъ встрѣтился лихачъ. Онъ, не сговариваясь съ нимъ, посадилъ ее и самъ сѣлъ.

— Ну, мчи!—сказалъ онъ, и тотъ помчалъ, понимая, что имъ все равно куда.

— Вы все еще такъ же сильны?—спросилъ онъ.

Она покачала головой.

— Нѣтъ, я во прахѣ.

— А я хочу упасть къ вашимъ ногамъ. О, какъ мы слабы, мы, мнящіе себя совершенствомъ... Дайте мнѣ вашу руку. Да, мы слабы и потому ищемъ опоры въ слабомъ... Я не могу сказать, что люблю васъ, вы этого не бойтесь... такъ не любятъ... Если хотите, я васъ ненавижу и оттого меня тянетъ къ вамъ. Вы слушаете?

— О, говорите, что хотите, мнѣ все равно. Я во прахѣ...

Лошади мчали стрѣлой; они не знали, гдѣ ихъ везутъ и сколько времени. Сперва они были гдѣ-то за городомъ, потомъ опять пошли каменные дома, Невскій, вотъ уже близко... Онъ говорилъ всю дорогу и рука его крѣпко обнимала ея талію, а щеки ихъ касались.

Вотъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ ея квартира; сейчасъ остановка.

— Мы простимся?—сказалъ онъ.

— Да.

Онъ привлекъ къ себѣ ея голову и съ безумнымъ огнемъ поцѣловалъ ее въ губы. Пролетка остановилась, она выскочила и побѣжала къ воротамъ.

— Въ лавру!—крикнулъ онъ извозчику, и пролетка опять помчалась.

„Я безумецъ, я безумецъ!—твердилъ онъ себѣ,—я маленькій, самый маленькій человѣкъ, и возмечталъ быть великимъ! О, гордость проклятая! Природа держитъ насъ въ своихъ когтяхъ, какъ кошка слабенькаго мышенка; мы никогда не побѣдимъ ее, никогда!“

И опять онъ боролся. Онъ нѣсколько недѣль не былъ у

Лауданових, пока не получилъ отъ отца Серафима записку: „Пріѣзжай, Гриша, проведемъ вмѣстѣ прощальный вечерокъ. Завтра ѣдемъ къ нашему теплому ясному солнышку. Молодежь кончила экзамены. Варенька моя перешла на второй курсъ".

Онъ поѣхалъ.

Въ квартирѣ онъ нашелъ характерный безпорядокъ, тотъ, который бываетъ, когда собираются въ дорогу. Повсюду были нагромождены корзины и узлы. У отца Серафима лицо сіяло.

— Вотъ, братецъ,—говорилъ онъ,—теперь и солнышко покажется блаженствомъ и каждое деревцо, каждый кустикъ оцѣнишь. А то тамъ мы привыкли ко всему этому и не цѣнили. А ты? Ѣхалъ бы и ты съ нами, Гриша. Вотъ какъ чудно лѣто провели бы, право!

— Нѣтъ, я не поѣду!—довольно мрачно отвѣтилъ Лозовскій.

— А куда же ты дѣнешься?

— Я еще не знаю. Если будутъ благопріятныя обстоятельства, можетъ быть... Можетъ быть, на Аѳонскія горы съѣзжу, тамъ тоже есть сильныя души, у нихъ можно многому поучиться.

И говорилъ онъ это съ раздраженіемъ, даже съ желчью. Онъ теперь постоянно сердился на себя за то, „что не устоялъ на своей высотѣ".

Валентина въ этотъ вечеръ пѣла гдѣ-то въ концертѣ и онъ былъ доволенъ, что ея нѣтъ.

На другой день онъ пріѣхалъ проводить ихъ на вокзалъ. Здѣсь были и Чурилина, и Руничъ, и еще нѣсколько дѣвушекъ, которыхъ онъ не зналъ. На него смотрѣли съ любопытствомъ. О немъ слышали много отъ Лауданових, что это человѣкъ съ выдающимся умомъ, съ оригинальными взглядами и что онъ собирается идти въ монахи.

А онъ смотрѣлъ какъ-то смутно, какъ будто видѣлъ передъ собою все не то, чего искали его глаза. Но онъ не ждалъ Валентины. Онъ не хотѣлъ ее видѣть. Онъ только удивлялся, что ея нѣтъ, и въ глубинѣ души радовался этому и эта-то радость больше всего оскорбляла его. Почему ему это не все равно? Онъ видѣлъ себя потерявшимъ власть надъ собою.

Раздался второй звонокъ, и вотъ въ это время появилась Валентина. Она была въ высокой пышной шляпѣ и въ легкой накидкѣ съ широкими рукавами. Въ рукахъ она несла неболь-

шой букетъ, который сейчасъ же прямо передала Варѣ. Въ этомъ нарядѣ и съ букетомъ она казалась очень красивой и интересной.

— Ахъ, извините, простите, родные!—говорила она.— Я опоздала, меня задержали.

Варя взяла букетъ и поцѣловалась съ нею.

— Ахъ, вы?—обратилась Валентина къ Лозовскому и протянула ему руку.

— Да, конечно, я,—съ раздраженіемъ отвѣтилъ Лозовскій и во взглядѣ его было что-то злое, что-то ненавистническое.

Еще звонокъ и вотъ, наконецъ, поѣздъ тихо отошелъ. Они выходили гурьбой. Но Валентина мало была знакома съ остальными и потому нѣсколько отстала, а Лозовскій вовсе не зналъ, и онъ шелъ рядомъ съ нею.

— Вы не проводите меня?—спросила Валентина.

— Простите!—тихо отвѣтилъ Лозовскій,—я долженъ торопиться. Я прямо въ лавру.

— Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, я... я провожу васъ? Я не тороплюсь...

— Нѣтъ, не ѣздите... Я сейчасъ способенъ такъ... такъ оскорбить васъ...

— Это серьезно?

— О, да, очень серьезно.

— Вы больны, Григорій Евтихіевичъ? — съ участіемъ спросила она и протянула ему руку.

И этотъ оттѣнокъ участія въ ея голосѣ откликнулся въ его сердцѣ. Онъ взялъ ея руку и ему хотѣлось поцѣловать эту руку. Но одновременно съ этимъ такое движеніе души раздражало его и злость въ немъ усиливалась.

— Ради Бога, Валентина Яковлевна, уѣзжайте!—сказалъ онъ,—оставьте меня одного.

Она пожала его руку, кивнула головой и ушла молча и скоро скрылась въ густой толпѣ, выходившей изъ вокзала.

„О,—подумала она съ торжествомъ:—онъ еще принадлежитъ мнѣ!“

Лозовскій рѣшилъ отправиться въ лавру пѣшкомъ. Онъ надѣялся, что это путешествіе освѣжитъ его голову.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОЛОДОСТЬ.

О, молодость, ты вся живая сила!
Среди лишеній тяжкихъ, нуждъ, заботъ,
Печально ты донынѣ проходила,
— Но жизнь въ тебѣ святыни не убила
И не убьетъ!

Унижена, безъ воли, безъ простора,
Въ себѣ ты силъ довольно сознаешь
Для грознаго съ суровой жизнью спора,
И къ небесамъ напраснаго укора
За крестъ—не шлешь!

Почти гордишься ты своимъ страданьемъ,
Безъ ропота, безъ слёзъ твоя печаль;
Грядущаго полна ты упованьемъ,
И нѣтъ конца надеждамъ и желаньямъ,
Летящимъ въ даль.

Тамъ все темно—но мощь твоя живая
Не въ счастіи, не въ радости земной.
Подъ бурями идешь, не унывая,
Затѣмъ, что жизнь прекрасная, святая,
Въ тебѣ самой!

Н. Л.

О СПЯЧКѢ У ЖИВОТНЫХЪ.

(*Окончаніе* *).

Отступленія отъ «нормальнаго физіологическаго порядка особенно велики въ спячкѣ теплокровныхъ животныхъ. Мало того, напримѣръ, что животное, въ дѣятельномъ состояніи крайне прожорливое, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребываетъ совсѣмъ безъ пищи, оказывается, что оно при этомъ иногда временно даже увеличивается въ вѣсѣ. Вообще разныя детали явленій спячки такъ загадочны, что, по словамъ профессора Хорвата, «если бы зимняя спячка вдругъ перестала существовать, то черезъ двѣсти или триста лѣтъ лучшія и вѣрнѣйшія изъ нашихъ описаній спячки были бы сочтены за басни или за продукты разстроеннаго воображенія, подобно тому, какъ долгое время осуждали доставленныя древними описанія человѣкообразныхъ обезьянъ (горилла),—такъ невѣроятна кажется спячка съ физіологической точки зрѣнія».

Разсмотримъ же съ нѣкоторою подробностью главнѣйшія физіологическія особенности спячки, причемъ будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ млекопитающихъ,—во-первыхъ, потому, что ихъ спячка наиболѣе изучена, а во-вторыхъ, потому, что у этихъ животныхъ зимнее оцѣпенѣніе сопровождается, какъ мы уже знаемъ, наибольшими физіологическими курьезами. Прежде всего мы разсмотримъ вліяніе температуры на засыпаніе и пробужденіе животныхъ и температуру ихъ самихъ во время спячки; затѣмъ, перейдемъ къ обзору ихъ обмѣна веществъ (пищевареніе, дыханіе, кровообращеніе и проч.) и, наконецъ, коснемся вопроса объ ихъ чувствительности (о состояніи ихъ нервной системы въ періодъ оцѣпенѣнія).

Что касается вліянія температуры на подверженныхъ спячкѣ животныхъ, то, какъ извѣстно, первою побудительною причиною засыпанія ихъ на зиму является обыкновенно пониженіе окру-

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

жающей температуры. Степень этого пониженія, вызывающаго спячку, различна для разныхъ теплокровныхъ животныхъ; въ то время, какъ нѣкоторыя изъ нихъ засыпаютъ поздно, съ наступленіемъ сильныхъ холодовъ, другія впадаютъ въ неподвижность ранѣе или при сравнительно высокой температурѣ; къ первымъ принадлежатъ, напр., хомяки, ежи и др., ко вторымъ—сони и нѣкоторыя летучія мыши. Такъ, сони засыпаютъ при +7-8° R и выше и могутъ находиться въ спячкѣ даже въ отапливаемыхъ помѣщеніяхъ. Различія эти касаются не только видовъ, но и возрастовъ и отдѣльныхъ индивидовъ; мы видѣли, напр., что молодые ежи засыпаютъ позже старыхъ, и разные экземпляры, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, засыпаютъ разновременно. Въ бодрственномъ состояніи всѣ эти млекопитающія по температурѣ своей крови вообще не уступаютъ другимъ млекопитающимъ, иногда даже превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи (нѣкоторыя летучія мыши); но весьма важно замѣтить, что у нихъ, помимо періода спячки, замѣчаются сравнительно большія колебанія температуры тѣла, смотря по состоянію здоровья, по степени упитанности и т. д. Такъ, Барковъ наблюдалъ у худощаваго, хотя и здороваго ежа температуру крови всего въ +20° R (нормальная температура у ежей около +28° R), а у больного ежа (находившагося совершенно внѣ періода спячки) всего +15½° R. Отсюда уже видно, что эти животныя, хотя и не принадлежатъ къ холоднокровнымъ, но имѣютъ температуру крови почему-то вообще болѣе измѣнчивую, чѣмъ другія теплокровныя, у которыхъ эта температура колеблется въ гораздо болѣе узкихъ предѣлахъ.

Пониженіе температуры, замѣчаемое у впадающихъ въ спячку животныхъ, у разныхъ видовъ достигаетъ различныхъ предѣловъ. Такъ, мы видѣли выше, что Кохъ у европейскихъ летучихъ мышей никогда не видѣлъ паденія температуры тѣла ниже +12° C (+9,6° R). Барковъ, измѣривъ температуру крови у молодого хомяка (въ спячкѣ, при окружающей температурѣ въ —1° R), нашелъ ее въ правомъ предсердіи равною +4° R). У альпійскихъ сурковъ, при различной внѣшней температурѣ, Прюнелль находилъ температуру тѣла отъ +4½ до 9½° R, а по новѣйшимъ наблюденіямъ Дюбуа, она можетъ опускаться до +3,7° R (4,6° C). По Хорвату, высшая температура, наблюдаемая у сусликовъ во время спячки, достигаетъ +17,5° C, низшая доходила при его опытахъ до +2° C. У находящихся въ спячкѣ сонь, по разнымъ наблюденіямъ, внутренняя температура колеблется отъ 4½° R до +17½° R. Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть, что температура крови во время спячки можетъ сильно

падать (напр:, до +2° С), но иногда у животныхъ, свойственныхъ болѣе теплымъ климатамъ (у сонь), она можетъ оставаться, не смотря на спячку, довольно высокою (+17½ R). Однако, насколько извѣстно, никогда эта температура у живого теплокровнаго животнаго не падаетъ до 0° (по Цельзію или Реомюру) и всегда *остается нѣсколько выше* температуры окружающей среды, благодаря чему теплокровныя животныя и въ спячкѣ отличаются отъ холоднокровныхъ (хотя слѣдовало бы относительно этихъ послѣднихъ еще провѣрить, замерзаютъ ли они дѣйствительно во время спячки или нѣтъ: Барковъ, напр., это положительно отрицаетъ). Съ повышеніемъ окружающей температуры повышается и температура спящаго животнаго, а съ пониженіемъ—падаетъ, но лишь до извѣстнаго предѣла: *при чрезмѣрномъ охлажденіи* теплокровное животное *просыпается*, причемъ температура его тѣла обнаруживаетъ явственное *повышеніе*. Такимъ образомъ холодъ, который, по ходячему представленію о спячкѣ, вызываетъ засыпаніе животныхъ, этотъ самый холодъ, усилившись, пробуждаетъ ихъ и возвышаетъ ихъ температуру: явленіе въ высшей степени загадочное и интересное! Несомнѣнно, что эта способность пробуждаться при чрезмѣрномъ охлажденіи весьма выгодна для спящихъ животныхъ: проснувшись, они, если могутъ, отыскиваютъ себѣ болѣе защищенныя мѣста, въ которыхъ избѣгаютъ опасности замерзнуть.

Весьма интересны, по отношенію къ этому процессу пробужденія изъ спячки, наблюденія профессора Хорвата надъ температурою просыпающихся сусликовъ. Эти животныя, какъ и другія, пробуждаются при чрезмѣрномъ внѣшнемъ охлажденіи, но могутъ быть пробуждены и другими способами: Хорватъ нашелъ, что если спящаго суслика нѣсколько разъ въ теченіе 5—10 минутъ приподнять за хвостъ, то звѣрёкъ просыпается. Такимъ образомъ надъ пробужденіемъ сусликовъ можно было продѣлать сколько угодно опытовъ и точно выяснить происходящія при этомъ измѣненія въ температурѣ ихъ тѣла. Оказалось, что температура эта поднимается необыкновенно *быстро въ теченіе короткаго промежутка времени*, а именно въ теченіе перваго часа послѣ начала пробужденія (что обозначается болѣе частыми дыхательными движеніями и мѣстными судорожными сокращеніями мышцъ) она восходитъ на 2° С, во время второго часа на 5° С и затѣмъ въ теченіе получаса сразу на 15° С (при окружающей температурѣ не выше +20° С). Это быстрое нагрѣваніе въ теченіе третьяго часа процесса пробужденія Хорватъ считаетъ особенно поразительнымъ въ виду того, что у животныхъ, не имѣющихъ спячки,

мы никакимъ искусственнымъ согрѣваніемъ не можемъ достигнуть даже въ половину меньшаго повышенія температуры крови. Такъ, у собаки, отравленной стрихниномъ, у которой мускулы находятся въ состояніи сильнѣйшаго сокращенія (а мускульное сокращеніе является однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ животной теплоты), при тщательно поддерживаемомъ искусственномъ дыханіи и при укутываніи (лѣтомъ) въ теплое одѣяло, температура въ теченіе 25 минутъ поднялась едва на 4° С. Въ виду этого Хорватъ считаетъ себя вынужденнымъ допустить, что у животныхъ, подверженныхъ спячкѣ, есть еще какой-то, до нынѣ неизвѣстный, источникъ животной теплоты, котораго нѣтъ у животныхъ, неспособныхъ къ спячкѣ. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что повышеніе температуры у пробуждающихся изъ спячки сусликовъ едва ли можно прямо сравнивать съ искусственнымъ повышеніемъ температуры у другихъ животныхъ: въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ *возвращеніемъ* къ температурѣ, *нормальной* при бодрственномъ состояніи, а во второмъ случаѣ—съ переходомъ температуры *за предѣлъ нормальнаго максимума*. Конечно, даже отмѣтивъ эту разницу, мы все-таки не можемъ объяснить быстроты подъема температуры при пробужденіи отъ спячки; можно только сказать, что общее впечатлѣніе здѣсь таково, какъ будто снимается какой-то тормазъ, задерживавшій общій обмѣнъ веществъ и не позволявшій вырабатываться той степени теплоты, которая свойственна данному организму, когда физіологическая дѣятельность его находится въ полномъ ходу. Вообще же это явленіе можетъ найти себѣ объясненіе только послѣ того, какъ происхожденіе животной теплоты и регулированіе вырабатываемаго организмомъ тепла будутъ изучены лучше, чѣмъ мы знаемъ ихъ въ настоящее время: въ трактатахъ физіологіи этимъ важнымъ вопросамъ отводится сравнительно весьма мало мѣста, даваемыя на этотъ счетъ объясненія весьма не полны и сводятся вкратцѣ къ тому, что производителемъ животной теплоты является обмѣнъ веществъ въ тканяхъ, а регуляторами ея—измѣненія тепловыхъ потерь посредствомъ перемѣнъ въ калибрѣ сосудовъ и распредѣленіи крови, а также посредствомъ усиленнаго или ослабленнаго выдѣленія и испаренія.

Въ самое недавнее время (1896) французскій физіологъ Рафаэль Дюбуа опубликовалъ подробно результаты своихъ многолѣтнихъ наблюденій надъ физіологическими явленіями спячки альпійскаго сурка. Онъ нашелъ также, что при пробужденіи температура поднимается быстро въ теченіе короткаго времени: въ 3—4 часа она восходитъ на 30 градусовъ Цельзія. Кромѣ того,

онъ сдѣлалъ весьма интересные опыты, показавшіе ему, что центры, регулирующіе температуру тѣла сурка, лежатъ въ переднемъ концѣ такъ называемаго Сильвіева водопровода, т.-е. въ области средняго мозга, близь свода третьяго мозгового желудочка. Эти центры связаны нервами съ дыхательными грудными мышцами и съ системою воротной вены печени; они управляютъ, слѣдовательно, дыхательными движеніями и накопленіемъ гликогена въ печени. Если сдѣлать поперечную перерѣзку впереди продолговатаго мозга, то сурокъ можетъ жить еще 8—9 дней, но разбудить его уже нельзя. Эти весьма важныя наблюденія привели Дюбуа къ особой теоріи спячки,—теоріи, которую мы разсмотримъ ниже; теперь же замѣтимъ, что если *механизмъ* засыпанія и пробужденія сурка и выясненъ опытами Дюбуа, то все же въ процессѣ спячки остается еще много таинственнаго.

Таинственности явленій спячки много способствуетъ еще и то, что физіологія въ настоящее время весьма далека отъ того, чтобы быть *сравнительною физіологіею*. Начинанія Крукенберга, старавшагося въ восьмидесятыхъ годахъ основать сравнительную физіологію путемъ изслѣдованія капитальныхъ жизненныхъ процессовъ по всему животному царству, къ сожалѣнію, встрѣтили слишкомъ мало послѣдователей и по смерти талантливаго новатора физіологія продолжала и продолжаетъ держаться немногихъ излюбленныхъ объектовъ изслѣдованія,—кролика, собаки, лягушки, морской свинки и т. п., а съ однимъ этимъ матеріаломъ, безъ широкаго примѣненія *сравнительнаго метода*, давшаго столько блестящихъ результатовъ въ области морфологіи, едва ли можно надѣяться на быстрые *принципіальные* успѣхи. Въ частности по отношенію къ температурнымъ явленіямъ спячки особенно чувствуется недостатокъ въ изслѣдованіи обмѣна веществъ у *холоднокровныхъ* животныхъ и зимней спячки этихъ послѣднихъ. Сдѣлалось ходячимъ мнѣніемъ, что у холоднокровныхъ животныхъ температура совершенно измѣнчива въ соотвѣтствіи съ окружающею средою и бываетъ отъ нея вполнѣ зависима. Между тѣмъ, уже наблюденія, сдѣланныя Барковымъ надъ лягушками и жабами, показываютъ, что эти животныя все-таки вырабатываютъ извѣстную собственную температуру, которая, при внѣшнемъ охлажденіи, наконецъ, перестаетъ понижаться и остается выше температуры окружающей среды, да и вообще бываетъ обыкновенно нѣсколько выше послѣдней. Если понизить окружающую температуру ниже нуля, то животныя (какъ и теплокровныя) просыпаются и, если имъ не дать уйти отъ холода, то замерзаютъ на смерть. Аналогія съ теплокровными очевидна! Обмѣнъ веществъ,

несомнѣнно менѣе энергичный въ сравненіи съ теплокровными, все-таки существуетъ у холоднокровныхъ даже во время спячки, и если замерзаніе соковъ тѣла кладетъ ему предѣлъ, то наступаетъ смерть. Безпозвоночныя животныя изслѣдованы въ физіологическомъ отношеніи еще гораздо меньше, чѣмъ холоднокровныя позвоночныя, но, судя по аналогіи, едва-ли можно сомнѣваться, что обмѣнъ веществъ, хотя бы въ минимальныхъ размѣрахъ, существуетъ и у большинства безпозвоночныхъ животныхъ, погруженныхъ въ спячку, несмотря на ихъ кажущуюся безжизненность; этотъ сведенный до *минимума*, но *не до нуля*, обмѣнъ веществъ и есть, повидимому, та искра жизни, которая таится въ мнимоумершихъ существахъ и готова, при благопріятныхъ условіяхъ, вспыхнуть яркимъ пламенемъ.

Впрочемъ, если принять во вниманіе не только животныхъ, но и растенія, то, можетъ быть, окажется, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ жизнь можетъ не только сильно замедляться, но и останавливаться *вполнѣ* на неопредѣленное время. Еще въ семидесятыхъ годахъ знаменитый французскій физіологъ Клодъ Бернаръ утверждалъ категорически, что скрытая жизнь есть жизнь остановившаяся, а не замедленная; въ новѣйшее время найдены факты, которые, повидимому, подтверждаютъ, что для *нѣкоторыхъ* организмовъ это справедливо. Недавно французскій ученый К. Декандоль, съ помощью физика Р. Пикте, подвергъ охлажденію ниже—100° сѣмена гороха, фасоли и другихъ растеній; оказалось, что послѣ пребыванія въ такомъ холодѣ въ теченіе 4-хъ сутокъ сѣмена не теряли способности проростанія. Этотъ фактъ особенно интересенъ въ виду того, что по опытамъ Пикте при такихъ низкихъ температурахъ прекращаются почти всѣ химическія реакціи, напримѣръ даже щелочи, сливаемыя съ кислотами, перестаютъ образовывать соли. Слѣдовательно, при такихъ условіяхъ, надо полагать, и всякій обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ организмовъ прекращается. Такъ-ли это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ доказано, что сѣмена растеній могутъ находиться въ состояніи скрытой жизни при очень неблагопріятныхъ условіяхъ и въ теченіе очень долгаго періода времени (болѣе 100 лѣтъ, можетъ быть, даже тысячелѣтія). Относительно животныхъ, къ сожалѣнію, хорошо установленныхъ фактовъ подобнаго бездѣйственнаго долголѣтія, хотя-бы и въ меньшей степени, извѣстно очень мало. Къ наиболѣе интереснымъ даннымъ слѣдуетъ отнести старинныя наблюденія Бэкера (1771), который оживилъ водою пшеничныхъ угрицъ (Anguillula tritici), пролежавшихъ въ сухомъ состояніи 27 лѣтъ. Давэнь держалъ личинокъ пшеничныхъ угрицъ 5 дней

въ безвоздушномъ пространствѣ и онѣ остались живы. Эти наблюденія, въ вѣрности которыхъ едва-ли можно сомнѣваться, до нѣкоторой степени соотвѣтствуютъ тому, что наблюдается у сѣмянъ, но не исключаютъ возможности скрытаго минимальнаго обмѣна веществъ внутри высохшихъ червей. Вообще для сѣмянъ какъ-то легче вѣрится въ возможность полнаго временнаго прекращенія жизни, чѣмъ для существъ, подобныхъ угрицамъ, ротаторіямъ и т. п., имѣющимъ пищеварительный каналъ, нервную систему и разные другіе органы, которыхъ нѣтъ у растеній. Скорѣе всего можно ожидать полной пріостановки жизни у энцистированныхъ одноклѣтныхъ животныхъ (инфузорій, грегаринъ и пр.), у различныхъ яицъ, у геммулъ губокъ и т. п., и надъ этими-то объектами было бы весьма интересно продѣлать опыты, подобные опытамъ Декандоля надъ сѣменами.

Перейдемъ же теперь къ тому, что извѣстно относительно обмѣна веществъ во время спячки. Этотъ обмѣнъ слагается, какъ результатъ, изъ процессовъ пищеваренія, обращенія соковъ (крови и лимфы), дыханія и выдѣленія.

Что касается *пищеваренія* во время спячки, то оно представляетъ разныя степени пріостановки, смотря по внѣшнимъ условіямъ и по породѣ животнаго. При общемъ обзорѣ процесса спячки въ мірѣ животныхъ мы видѣли, что одни животныя въ теченіе зимы по временамъ пробуждаются отъ своего покоя, другія же при нормальныхъ условіяхъ спятъ непрерывно до весны. Вторыя, само собою разумѣется, не принимаютъ во все время спячки никакой пищи, тогда какъ первыя иногда ѣдятъ и нѣкоторыя (какъ, напримѣръ, сони) даже заготовляютъ себѣ зимніе запасы. Впрочемъ, и періодически просыпающіяся животныя иногда ничего не ѣдятъ всю зиму, по той простой причинѣ, что зимою они не могутъ найти себѣ подходящей пищи (напримѣръ, летучія мыши). Но если даже по временамъ и принимается пища, то, обыкновенно, въ весьма малыхъ количествахъ, а самый процессъ пищеваренія замедленъ и пониженъ. Пищеварительный каналъ обыкновенно съуженъ, иногда совершенно пустъ и сокращенъ до плотнаго смыканія его стѣнокъ; иногда въ немъ находятся пищевые комки, пребывающіе долгое время въ неизмѣненномъ состояніи. Отдѣленіе желудочнаго и кишечнаго соковъ вообще уменьшено или сведено до минимума (чѣмъ и объясняется замедленіе или полный перерывъ пищеваренія), но у нѣкоторыхъ животныхъ замѣчается, напротивъ, даже усиленное выдѣленіе пищеварительныхъ соковъ. Такъ, у яблонной улитки (Helix pomatia) желудокъ къ концу спячки наполняется, даже растяги-

вается жидкимъ краснобурымъ выдѣленіемъ печени, а у сусликовъ желудокъ содержитъ иногда много кислаго желудочнаго сока (Барковъ). Отсюда можно заключить, что по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, во время спячки можетъ все-таки происходить нѣкоторое всасываніе пищевыхъ веществъ въ желудочно-кишечномъ каналѣ.

Кровеобращеніе во время спячки оказывается въ различной степени замедленнымъ, но обыкновенно не совсѣмъ прекращается. О безпозвоночныхъ животныхъ, которыя и въ бодрственномъ состояніи на этотъ счетъ крайне недостаточно изслѣдованы, извѣстно весьма мало; такъ, по Зуккову, спинной сосудъ (сердце) насѣкомыхъ во время зимняго оцѣпенѣнія сокращается всего 2—3 раза въ минуту (въ бодрственномъ состояніи до 60 разъ); у яблонной улитки, по Баркову, сердце бьется зимою отъ 5 до 18 разъ въ минуту (въ бодрственномъ состояніи до 32 разъ). У позвоночныхъ замѣчается подобная-же разница (напримѣръ, у сурка, по Прюнеллю, зимою сердце сокращается отъ 8 до 25 разъ въ минуту, а лѣтомъ до 90 разъ). Въ концѣ періода спячки біеніе сердца бываетъ чаще и кровеобращеніе энергичнѣе, чѣмъ при началѣ. Изъ того обстоятельства, что сердце млекопитающихъ даже во время самой глубокой спячки не перестаетъ биться, явствуетъ уже, что кровеобращеніе у нихъ никогда не прекращается; и дѣйствительно, напримѣръ, на сусликахъ прямо наблюдали, что подошвы ихъ то краснѣютъ (очевидно отъ временнаго усиленія притока крови), то блѣднѣютъ. Въ плавательной перепонкѣ лягушки и въ тонкихъ сосудахъ крыла летучей мыши также можно замѣтить движеніе крови. Соотвѣтственно ослабленію кровеобращенія, кровяное давленіе въ сосудахъ сильно понижено. Сама кровь сравнительно жидка и способность ея къ свертыванію уменьшена, такъ что при пораненіяхъ спящее животное легко теряетъ много крови и умираетъ, если не проснется. Кислорода въ крови мало, такъ что артеріальная кровь почти не отличается отъ венозной.

Процессъ *дыханія* у погруженныхъ въ спячку животныхъ совершается весьма медленно и, по нѣкоторымъ показаніямъ, можетъ временно прекращаться вовсе. О безпозвоночныхъ въ этомъ отношеніи, какъ и всегда, извѣстно немного. Такъ, по Зуккову, насѣкомыя дышатъ въ оцѣпенѣломъ состояніи очень мало, могутъ весьма долго оставаться живыми въ испорченномъ воздухѣ и довольно долго не умираютъ даже тогда, если замазать имъ дыхальца масломъ, прекративъ такимъ образомъ доступъ воздуха въ дыхательныя трубочки. Яблонная улитка, какъ мы уже знаемъ,

плотно закрываетъ входъ въ свою раковину известковою крышечкою, сквозь которую воздухъ если и можетъ проникать, то развѣ лишь въ самыхъ ничтожныхъ количествахъ, такъ что животное принуждено во все время спячки довольствоваться тѣмъ запасомъ воздуха, который остался въ легочной полости; послѣдняя, какъ мы видѣли, почему-то нерѣдко содержитъ большее или меньшее количество крови. Рыбы и амфибіи во время спячки подолгу не дѣлаютъ никакихъ дыхательныхъ движеній. Млекопитающія дышатъ медленно и рѣдко, а временами дыхательныя движенія могутъ совершенно пріостанавливаться. Такъ, по Маршаллю Голлю, ежъ въ глубокой спячкѣ не совершаетъ дыхательныхъ движеній, но ихъ легко вызвать прикосновеніемъ къ животному, сотрясеніемъ почвы и т. п. Летучія мыши, по Манджили, дѣлаютъ рѣдкія вдыханія — по одному черезъ 2—4 минуты. Суслики, по Хорвату, совершаютъ отъ 2 до 10 вдыханій въ минуту. Что дыханіе временно можетъ совсѣмъ пріостановиться, доказывалъ уже Спалланцани. Онъ помѣстилъ соннаго альпійскаго сурка при температурѣ —12° R въ атмосферу углекислаго газа, въ которой птица и крыса тотчасъ же умерли; сурокъ пролежалъ тамъ 4 часа и нисколько не пострадалъ. Подобные же эксперименты продѣлывалъ Спалланцани надъ спящими летучими мышами, помѣщая ихъ въ атмосферу углекислаго газа или азота. Чермакъ съ тѣмъ-же результатомъ выдерживалъ сонь въ углекисломъ газѣ, азотѣ и водородѣ. Любопытные опыты произвелъ Барковъ надъ спящими ежами, пробуя утопить ихъ въ водѣ. Бодрствующій ежъ можетъ также довольно долго (до 10—15 минутъ) оставаться подъ водою и потомъ, будучи вынутъ изъ нея, ожить; во время спячки ежи оказываются еще выносливѣе и оживаютъ даже послѣ получасового пребыванія въ водѣ, причемъ они, однако, начинаютъ просыпаться тотчасъ или очень скоро послѣ погруженія въ воду. Что въ глубокой спячкѣ ежъ не вдыхаетъ или почти не вдыхаетъ воздуха, подтверждается еще и тѣмъ, что его надгортанный хрящъ плотно прижимается (прилипаетъ) къ мягкому небу, отдѣляя ротовую полость отъ зѣва и прикрывая входъ въ гортань (Барковъ).

Главную задачу процесса дыханія составляетъ *газообмѣнъ* съ окружающею средою, т. е., главнымъ образомъ, потребленіе кислорода и выдѣленіе углекислоты. Такъ какъ въ газообмѣнѣ въ значительной степени выражается результатъ общаго обмѣна веществъ въ организмѣ, то понятно, что всѣ изслѣдователи, занимавшіеся физіологіею спячки, обращали усиленное вниманіе именно на газообмѣнъ, для чего заключали животныхъ въ особые пріем-

ники и анализировали составъ воздуха въ этихъ послѣднихъ черезъ извѣстные промежутки. Такіе опыты были продѣланы Сэсси, Валентиномъ, Реньо, Хорватомъ, Скориченко, Дюбуа и другими и дали сложные, отчасти весьма интересные результаты относительно количества поглощаемаго кислорода, выдѣляемой углекислоты и поглощаемой или выдѣляемой (въ видѣ пара) воды. Какъ поглощеніе кислорода, такъ и выдѣленіе углекислоты обыкновенно бываютъ значительно понижены сравнительно съ бодрственнымъ состояніемъ, особенно послѣднее. Такъ какъ, согласно результатамъ всѣхъ изслѣдователей, составъ атмосферы вокругъ спящаго животнаго измѣняется, то, несомнѣнно, между организмомъ и окружающею средою происходитъ газовый обмѣнъ, причемъ организмъ принимаетъ въ себя извѣстный приходъ вещества и выдѣляетъ изъ себя извѣстное количество матеріи, т. е. производитъ траты. Что касается прихода, то онъ обыкновенно очень незначителенъ, но въ соотвѣтствіи съ этимъ и траты ничтожны. «Животное въ сущности превосходно слѣдитъ за своимъ приходомъ и расходомъ. Послѣ большого расхода оно дѣлаетъ малый, но такъ какъ ослабленіе газообмѣна вызываетъ ослабленіе всѣхъ отправленій и грозитъ опасностью для жизни, то животное рѣшается на бо́льшій расходъ, усиливая газообмѣнъ. Такъ, то увеличивая, то уменьшая траты, животное кое-какъ сводитъ концы съ концами. Изъ окружающаго воздуха оно съ замѣчательной правильностью беретъ кислорода, сколько нужно. Прибавьте къ этому, что въ минуту опасности организмъ во всякое время можетъ развить скрытыя въ немъ силы до крайняго предѣла, и вы будете поражены этимъ удивительнымъ механизмомъ, который способенъ приспособляться ко всевозможнымъ крайностямъ, переходя отъ самой напряженной дѣятельности къ состоянію, напоминающему смерть» (Скориченко).

Въ общемъ расходѣ, какъ ни экономно онъ производится, все-таки обыкновенно бываетъ значительнѣе прихода, вслѣдствіе чего животное въ теченіе спячки худѣетъ и теряетъ въ вѣсѣ: оно истратило всѣ свои запасы и почти ничего не пріобрѣло. Но *временно* оно можетъ даже нѣсколько увеличиться въ вѣсѣ,—фактъ, подмѣченный не однимъ изслѣдователемъ и трудно объяснимый. Реньо и Резе нашли, что сурки въ спячкѣ иногда увеличиваются въ вѣсѣ и приписали это избытку поглощеннаго животными кислорода; такъ, напр., въ нѣкоторыхъ опытахъ кислорода оказалось поглощено 13 граммовъ, а углекислоты выдѣлено 7 граммовъ. Но, во-первыхъ, приращеніе въ вѣсѣ было не на 6 граммовъ, какъ должно было бы быть, если бы объясненіе было вѣрно, а менѣе;

а во-вторыхъ, не во всѣхъ случаяхъ, когда кислорода поглощалось больше, чѣмъ углекислоты, происходило увеличеніе въ вѣсѣ. Другіе ученые (Шарбоннье) для объясненія этой странной прибыли въ вѣсѣ допускали прямое поглощеніе легкими свободнаго азота изъ окружающей атмосферы, что трудно допустимо съ точки зрѣнія физіологической химіи и не обставлено никакими доказательствами. Наконецъ, третье объясненіе этого факта основывается на допущеніи *задержки воды* въ организмѣ (воды, въ бодрственномъ состояніи выдѣляемой кожею, въ видѣ паровъ) или даже поглощеніемъ нѣкотораго количества водяныхъ паровъ изъ окружающаго воздуха, что и было подтверждено опытами (Скориченко).

Мы видѣли, однако, что по нѣкоторымъ даннымъ обмѣнъ газовъ съ окружающею средою на время можетъ быть вовсе прекращенъ: млекопитающія во время спячки могутъ быть заключены въ ядовитую атмосферу (Спалланцани, Чермакъ) или погружены въ воду и все-таки сохранить жизнь, тогда какъ бодрствующія животныя при этихъ условіяхъ быстро погибаютъ. Это объясняется проще всего отсутствіемъ въ этихъ случаяхъ всякихъ вдыханій. Но хотя бы дыханіе въ общепринятомъ смыслѣ (т. е. газообмѣнъ черезъ легкія съ окружающею средою) и могло прекращаться,— врядъ ли можетъ совершенно прекратиться, хотя бы на мгновеніе, *внутренній обмѣнъ веществъ* въ организмѣ, *внутреннее дыханіе*, какъ его нерѣдко называютъ.

Новѣйшія наблюденія Дюбуа надъ обмѣномъ веществъ альпійскихъ сурковъ во время ихъ спячки, подтвердивъ въ общемъ наблюденія прежнихъ изслѣдователей, внесли также нѣкоторыя интересныя дополненія. Оказывается, что во время спячки въ печени скопляется гликогенъ (животный крахмалъ), подобно тому, какъ это замѣчается во время общей анестезіи или при перерѣзкѣ шейной части спиннаго мозга. Ближайшее изслѣдованіе показало, что гликогенъ во время спячки происходитъ, главнымъ образомъ, насчетъ жировъ, отложенныхъ въ тѣлѣ (тогда какъ въ бордственномъ состояніи онъ происходитъ преимущественно изъ углеводовъ). При пробужденіи гликогенъ исчезаетъ изъ печени и въ то же время въ крови появляется сахаръ, котораго, при нормальныхъ условіяхъ спячки, въ крови нѣтъ и слѣда до начала пробужденія.

Заключительную фазу процесса обмѣна веществъ составляютъ процессы *выдѣленія*, т. е. выведенія изъ организма веществъ, ненужныхъ для организма или даже вредныхъ для него. Изъ этихъ процессовъ самый важный мочеотдѣлительный. Онъ не прекращается во время спячки, но замедляется, какъ и другіе физіологическіе процессы. Мочевой пузырь постепенно наполняется и иногда

бываетъ сильно растянутъ; тѣ животныя, которыя періодически просыпаются, при пробужденіи опорожняютъ пузырь. Дюбуа думалъ даже, что растяженіе мочевого пузыря накопляющеюся въ немъ жидкостью составляетъ чуть ли не главнѣйшее условіе для пробужденія животнаго: если сдѣлать сурку мочевой свищъ, т. е. дать мочѣ постоянный выходъ изъ пузыря и тѣмъ предотвратить растяженіе его, то, будто бы, пробужденіе можетъ не наступить вовсе (до самой смерти). Впослѣдствіи онъ, однако, отказался отъ этой теоріи; да она и сама по себѣ невѣроятна и не могла бы имѣть общаго значенія, такъ какъ спячкѣ подвержены и животныя, не имѣющія мочевого пузыря (разныя рептиліи, рыбы и пр.).

Чтобы закончить нашъ обзоръ физіологическихъ явленій спячки намъ осталось еще разсмотрѣть чувствительность оцѣпенѣлыхъ животныхъ и общее состояніе ихъ нервной и мышечной системы. На этотъ счетъ показанія изслѣдователей не всегда согласны, что зависитъ прежде всего отъ различія объектовъ наблюденія, а затѣмъ отъ того, что въ *разные періоды спячки* чувствительность измѣняется у одного и того же животнаго. При началѣ спячки, хотя животное безпомощно и воля его угнетена, чувствительность можетъ быть не только не понижена, но даже повышена, такъ что даже на слабыя раздраженія животное отвѣчаетъ явственными рефлекторными движеніями. Напротивъ, во второй половинѣ періода спячки чувствительность настолько падаетъ, что животное не отвѣчаетъ уже на весьма сильныя раздраженія и кажется иногда совершенно безчувственнымъ. Замѣчательно, однако, что при этомъ находится въ упадкѣ собственно дѣятельность центральной нервной системы периферическіе же нервы и мышечное вещество вполнѣ сохраняютъ свою способность къ работѣ и даже больше противостоятъ неблагопріятнымъ вліяніямъ, чѣмъ въ бодрственномъ состояніи. Такъ, если убить животное во время спячки, то его нервы и мышцы дольше сохраняютъ свою жизненность, чѣмъ если бы это животное было убито въ періодъ бодрствованія. По Дюбуа, сердце сурка, убитаго во время спячки, бьется слишкомъ три часа послѣ смерти, тогда какъ сердце убитаго бодрствующаго сурка тотчасъ перестаетъ биться.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что большая часть извѣстныхъ на этотъ счетъ данныхъ и здѣсь, какъ всегда, относится къ млекопитающимъ и было бы весьма интересно пополнить и освѣтить эти данныя болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ нервной и мышечной жизни оцѣпенѣлыхъ холоднокровныхъ животныхъ.

Весьма любопытныя наблюденія сдѣланы Барковымъ надъ чувствительностью спящихъ хомяковъ, и здѣсь умѣстно будетъ при-

вести выдержки изъ этихъ наблюденій, какъ хорошую иллюстрацію состоянія нервной и мышечной системы въ разные періоды спячки.

«4 ноября,—пишетъ Барковъ,—хомякъ, жившій у меня вторую зиму, находился въ началѣ спячки; онъ лежалъ холодный, съ закрытыми глазами, слегка повернулся на бокъ, когда я его тронулъ, причемъ онъ заворчалъ, но глазъ не открылъ. 5-го утромъ я черезъ двѣ двери услышалъ громкій пронзительный крикъ: это кричалъ хомякъ. Онъ лежалъ въ своемъ помѣщеніи, отчасти покрытый соломой, холодный; при прикосновеніи онъ боязливо изгибался и бросался на спину съ ворчаніемъ и визгомъ. 11-го ноября онъ опять сталъ кричать, лежа на своей подстилкѣ, безъ всякаго внѣшняго повода. Животное лежало, согнувшись на брюшную сторону, совершенно холодное, съ закрытыми глазами. Когда я его взялъ въ руки, хомякъ обнаружилъ сильное безпокойство и сталъ громко кричать, широко открывая ротъ, но съ закрытыми глазами; при этомъ грудь и брюхо выпятились впередъ, голова загнулась назадъ, а конечности были судорожно вытянуты и совершенно прямы, съ напряженными когтями. Когда я его положилъ назадъ, онъ покричалъ еще нѣкоторое время и мало-по-малу успокоился». У хомяка, слѣдовательно, отъ раздраженія въ этотъ періодъ происходилъ настоящій столбнякъ, т.-е. судорожное сокращеніе разгибательныхъ мышцъ туловища (спины) и конечностей. Подобныя явленія продолжались до конца января; потомъ хомякъ на нѣкоторое время проснулся, а къ концу февраля снова впалъ въ спячку, но уже при совершенно иныхъ явленіяхъ со стороны нервной и мышечной системы. Мускулы у него были, напротивъ, разслаблены, такъ что, положенный на руку, хомякъ безпомощно свѣшивалъ внизъ голову и конечности; внѣшнія раздраженія теперь не производили на него никакого дѣйствія.

Когда читаешь это описаніе, невольно приходитъ въ голову мысль, не имѣлъ ли Барковъ дѣло съ больнымъ животнымъ; такъ страненъ кажется этотъ столбнякъ и болѣзненный крикъ безъ всякой видимой причины. Однако, Барковъ сдѣлалъ наблюденія не надъ однимъ, а надъ нѣсколькими хомяками и въ нѣ эти наблюденія были вполнѣ согласны, да и у другихъ изслѣдователей попадались данныя, подтверждающія наблюденія Баркова. Другія млекопитающія, правда, не обнаруживаютъ различій состоянія нервной и мышечной системы во время разныхъ періодовъ спячки съ такою рѣзкостью, какъ хомякъ, но все-таки нѣкоторыя различія этого рода замѣчаются и у сусликовъ, сурковъ и другихъ животныхъ.

Нашъ обзоръ физіологіи спячки, насколько она извѣстна, законченъ. Онъ былъ по необходимости неполонъ и кратокъ, но и изъ сообщеннаго здѣсь матеріала можно видѣть, какъ много страннаго и интереснаго заключаютъ въ себѣ явленія скрытой жизни животныхъ. Неудивительно, что многіе пытливые умы старались разгадать эти явленія, найти ихъ причину, и на этотъ счетъ существуетъ множество гипотезъ.

Изъ этихъ гипотезъ прежде всего заслуживаютъ вниманія тѣ, которыя пытаются объяснить спячку *анатомическими причинами*. Такъ, между прочимъ, задавались вопросомъ, нѣтъ ли у подверженныхъ спячкѣ животныхъ какого-нибудь органа, который дѣлалъ бы возможными тѣ измѣненія въ жизненномъ обиходѣ, которыя у этихъ животныхъ наблюдаются, и, казалось, такой органъ былъ найденъ. Палласъ (1778) писалъ уже, что у нѣкоторыхъ грызуновъ особенно развита *зобная* или *грудная железа* (*glandula thymus*), которая у другихъ млекопитающихъ носитъ явно регрессивный характеръ. Впослѣдствіи выяснилось, что Палласъ и за нимъ нѣкоторые другіе смѣшивали съ зобною железою особый органъ, отъ нея вполнѣ отдѣльный и самостоятельный, которому Барковъ далъ имя *спячковой железы* (Winterschlafdrüse). Это жировидная дольчатая масса, которая лежитъ близъ позвоночника въ передней части грудной полости и даетъ отростки на шею, въ подмышечную впадину и частью на спинную сторону тѣла. «Спячковая железа» бываетъ у летучихъ мышей, ежа, крота, землеройки, сурковъ, хомяка, сони, мыши, кролика, суслика. По своему строенію она состоитъ изъ рыхлой соединительной ткани, содержащей въ своихъ клѣткахъ много жира и пронизанной кровеносными и лимфатическими сосудами; иногда въ ней заложены отдѣльные фолликулы щитовидной железы (glandula thyreoidea),—добавочные пузырьки этой железы, которые вообще бываютъ иногда разбросаны по сосѣдству съ дыхательною трубкою. Осенью «спячковая железа» бываетъ развита наиболѣе, къ веснѣ, т. е. ко времени пробужденія отъ спячки, она уменьшается и бѣднѣетъ жиромъ. Рудольфи уже въ началѣ нашего столѣтія называлъ этотъ органъ «жировою железою», т. е. смотрѣлъ на него, собственно, не какъ на железу, а какъ на скопленіе жира. Такого же мнѣнія держится и Эрманъ, которому мы обязаны наиболѣе обстоятельными анатомо-гистологическими свѣдѣніями о «спячковой железѣ» (1883); онъ приписываетъ ей значеніе развѣ лишь въ качествѣ запаснаго скопленія жира и думаетъ, что она вовсе не представляетъ собою специфическаго органа подверженныхъ спячкѣ животныхъ. Дѣйствительно, «спячковая железа» имѣется и у такихъ животныхъ,

которыя спячкѣ вовсе не подвергаются (кротъ, землеройка), а съ другой стороны ея нѣтъ у холоднокровныхъ животныхъ, впадающихъ зимою въ оцѣпенѣніе, нѣтъ и у барсука, которому приписывается способность болѣе или менѣе глубокой спячки. Къ сожалѣнію, сравнительная анатомія и гистологія этого органа крайне мало изучены, а эмбріональное развитіе его и вовсе неизвѣстно. При такихъ условіяхъ, разумѣется, трудно судить не только о физіологическомъ, но и о морфологическомъ значеніи его, и вполнѣ отрицательное отношеніе къ роли спячковой железы, въ смыслѣ органа, свойственнаго исключительно или по преимуществу способнымъ къ оцѣпенѣнію животнымъ,—пожалуй, настолько же неосновательно, какъ и положительное сужденіе о ней, какъ объ «органѣ спячки». Мы не знаемъ, гомологичны ли (тожественны ли въ морфологическомъ смыслѣ) всѣ образованія, описываемыя подъ именемъ спячковой железы, и возможно, напримѣръ, что у крота это совсѣмъ иной органъ, чѣмъ у суслика. Точно такъ же мы не знаемъ, имѣетъ ли спячковая железа гомологи себѣ у холоднокровныхъ животныхъ. У этихъ послѣднихъ есть скопленія жировыхъ массъ, особенно обильныя поздней осенью и зимою, но скопленія эти лежатъ въ иныхъ мѣстахъ, чѣмъ спячковая железа млекопитающихъ; такъ у лягушки дольчатыя яркожелтыя «жировыя тѣла» находятся у передняго края почекъ; у зеленой ящерицы (*Lacerta viridis*) подобныя же массы лежатъ въ области таза, по брюшной сторонѣ кишечника, у многихъ рыбъ много жира скопляется въ брыжжейкѣ вдоль пищеварительнаго канала. Сравнительная анатомія и гистологія всѣхъ этихъ образованій опять-таки весьма мало изслѣдована, отчасти, безъ сомнѣнія, потому, что ихъ величина и очертанія чрезвычайно измѣнчивы не только у разныхъ видовъ, но и у одного и того же вида, въ особенности въ разныя времена года. Нечего и прибавлять, что и эмбріологія «жировыхъ тѣлъ» разныхъ животныхъ сильно нуждается въ пополненіи; относительно жирового тѣла лягушки извѣстно, что оно происходитъ отъ перерожденія передняго конца полового валика (утолщенія брюшины, идущаго по образованіе яичниковъ или сѣменниковъ), для рептилій же и рыбъ о происхожденіи ихъ жировыхъ тѣлъ неизвѣстно ничего или почти ничего. Что касается безпозвоночныхъ животныхъ, то и у нихъ бываетъ очень часто «жировое тѣло» весьма разнообразнаго строенія, органъ чрезвычайно интересный и исполняющій различныя функціи, но въ физіологическомъ отношеніи, опять таки, весьма мало изслѣдованный.

Не одна спячковая железа привлекала вниманіе изслѣдовате-

лей, стремившихся дать спячкѣ анатомическое объясненіе. Такъ, считали причиною спячки богатство кожи нервами, вслѣдствіе чего она быстро коченѣетъ отъ холода (Прюнелль); другіе приписывали важное значеніе малому объему легкихъ и сравнительно большой величинѣ сердца (Сэси). Въ недавнее время (1880) Бергонцини, изслѣдуя спячку сонь, также приписываетъ причину спячки малому объему грудной полости и сравнительно большой величинѣ кровяныхъ шариковъ, указывая на сходство въ этомъ отношеніи между способными къ оцѣпенѣнію млекопитающими съ одной стороны и холоднокровными животными (рептиліями, амфибіями)—съ другой. Но его доводы весьма слабы; во-первыхъ, онъ слишкомъ торопится обобщеніемъ наблюденій надъ сонями на всѣхъ прочихъ способныхъ къ спячкѣ животныхъ; во-вторыхъ, онъ забываетъ, что, напримѣръ, у рыбъ, оцѣпенѣвающихъ на зиму, размѣры кровяныхъ тѣлецъ почти тѣ же, что и у птицъ—животныхъ, наиболѣе чуждыхъ спячкѣ: фактъ, показывающій, какъ мало значенія имѣетъ здѣсь величина кровяныхъ тѣлецъ. Другія анатомическія объясненія спячки столь же мало способны выдержать критику. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы мысль объ анатомическихъ основахъ спячки было по существу невѣрна и чтобы разыскивать эти основы была безполезно; такое заключеніе было бы, по крайней мѣрѣ, преждевременно, такъ какъ искали въ этомъ направленіи еще слишкомъ мало.

Существовали и другія—физіологическія, физико-химическія и даже метафизическія теоріи спячки. Одна изъ наиболѣе распространенныхъ и, на первый взглядъ, весьма вѣроятныхъ гипотезъ принимаетъ за причину спячки *холодъ*. Эту гипотезу защищалъ, напримѣръ, Бюффонъ. По его мнѣнію, зимняя спячка—собственно не спячка, т. е. не сонъ, а оцѣпенѣніе вслѣдствіе чрезмѣрнаго пониженія температуры крови. Если бы это было такъ, то все-таки оставалось бы объяснить, почему пониженіе температуры оказываетъ такое дѣйствіе не на всѣхъ млекопитающихъ, а лишь на немногихъ; кромѣ того, мы знаемъ теперь, вопервыхъ, что температура крови все-таки обыкновенно нѣсколько превосходитъ температуру окружающаго воздуха, а во-вторыхъ, что чрезмѣрное пониженіе окружающей температуры даже *будитъ* оцѣпенѣлыхъ животныхъ. Этого мало: нѣкоторыя изъ подверженныхъ спячкѣ животныхъ впадаютъ иной разъ въ оцѣпенѣніе *лѣтомъ*, т. е. безъ всякаго особеннаго пониженія окружающей температуры, а въ тропикахъ существуетъ не зимняя, а лѣтняя спячка. Ясно, что холодъ не есть причина спячки, хотя въ большинствѣ случаевъ и содѣйствуетъ ей; причина же оцѣпенѣнія находится *внутри* самихъ

подверженныхъ ему организмовъ. Столь же слабо обставлены доказательствами другія гипотезы, какъ, напримѣръ, гипотеза голоданія (Гѣнтеръ), пониженія жизненныхъ потребностей (Бурдахъ) и проч. Нѣкоторыя изъ старыхъ теорій спячки старались свести ее къ извѣстнымъ патологическимъ состояніямъ и приравнивали спячку то къ блѣдной немочи, то къ холерѣ, то къ цынгѣ,—все это основывалось только на поверхностномъ сходствѣ нѣкоторыхъ симптомовъ только-что названныхъ болѣзней съ тѣми или другими явленіями спячки (застой крови, скопленіе слизи въ пищеварительномъ каналѣ, пониженіе температуры и проч.). Всего удивительнѣе, на нашъ современный взглядъ, натурфилософскія толкованія спячки. Такъ, нѣкто Карлъ Гофманъ (1834) увѣряетъ, что спячка зависитъ прежде всего отъ измѣненія «жизненной идеи» въ данномъ организмѣ: онъ стремится отдѣлиться отъ планеты и уйти самъ въ себя; отсюда и проистекаютъ разныя явленія спячки. Нѣкоторые считали спячку за возвращеніе къ зародышевому состоянію (подобно тому, какъ, напримѣръ, куколочная стадія насѣкомыхъ уподоблялась повторенію яйцевой стадіи). Наконецъ, у старыхъ изслѣдователей проскальзывали также и намеки на филогенетическое толкованіе спячки; такъ, Чермакъ говоритъ, что спячка сонь представляетъ собою возвращеніе къ физіологическому состоянію амфибій. Изслѣдованія Рафаэля Дюбуа, о которыхъ намъ неоднократно приходилось говорить выше, привели его къ новой теоріи спячки. По его мнѣнію, спячка и обыкновенный сонъ имѣютъ много общаго, обусловливаются однѣми и тѣми же главными причинами и спячка представляетъ только особенно сильное развитіе, такъ сказать, превосходную степень сна. Непосредственною причиною засыпанія является *накопленіе углекислоты* въ крови. Чѣмъ обусловливается у сурка такое накопленіе къ концу лѣта, Дюбуа прямо не говоритъ, но можно предположить, что оно является результатомъ общаго ожирѣнія, отяжелѣнія и усталости животнаго, а также замедленіемъ дыхательныхъ движеній вслѣдствіе холода. Накопляющаяся углекислота наркотизируетъ «центръ сна и пробужденія», который, какъ мы видѣли, по опытамъ Дюбуа находится въ переднемъ концѣ Сильвіева водопровода. Во время спячки количество углекислоты въ крови продолжаетъ прибывать; наконецъ, оно достигаетъ такихъ размѣровъ, что начинаетъ *раздражать* «центръ», результатомъ чего является ускореніе дыхательныхъ движеній, обѣднѣніе крови углекислотою, повышеніе температуры и пробужденіе. Дюбуа думаетъ, что эта теорія объясняетъ всѣ явленія спячки; но надо замѣтить, что онъ изучалъ подробно только спячку альпійскаго сурка, о

другихъ подверженныхъ спячкѣ животныхъ онъ говоритъ лишь вскользь, а собственныхъ наблюденій надъ спячкою холоднокровныхъ и безпозвоночныхъ, онъ, повидимому, вовсе не имѣетъ. Во всякомъ случаѣ, Дюбуа едва ли правъ, не дѣлая различія между животными, лишь *способными* къ засыпанію, и тѣми, которыя впадаютъ въ *обязательную* спячку, даже безъ сколько-нибудь значительнаго пониженія окружающей температуры. Что теорія его не можетъ быть прямо примѣнена къ безпозвоночнымъ животнымъ, имѣющимъ совершенно особое устройство нервной системы,— это понятно само собою.

Что же такое спячка, въ концѣ концовъ? Возможно ли въ настоящее время какое-нибудь теоретическое объясненіе этого замѣчательнаго явленія во всей его полнотѣ?

При нашемъ обзорѣ разныхъ формъ, спячки у животныхъ поминутно бросалась въ глаза поразительная скудость относящихся сюда фактическихъ данныхъ. Явленіе, присущее всѣмъ классамъ животнаго царства, оказывается сколько-нибудь изученнымъ только для млекопитающихъ, гдѣ оно всего сложнѣе и запутаннѣе, да и это изученіе оставляетъ желать еще очень многаго. Отсюда уже слѣдуетъ заключить, что въ настоящее время трудно дать полную и общую теорію спячки, если мы не хотимъ вдаться въ произвольныя измышленія вродѣ вышеприведенныхъ натурфилософскихъ фантазій Карла Гофмана. Самое большее, что возможно при настоящихъ условіяхъ,—это намѣтить нѣкоторыя основныя задачи, съ которыми придется считаться будущимъ теоріямъ спячки.

Прежде всего, необходимо имѣть въ виду *всеобщность* способности къ скрытой жизни, — фактъ коренного значенія, на который было уже указано выше, какъ на выводъ изъ обзора распространенія явленій спячки въ животномъ царствѣ. Разъ эта способность оказывается однимъ изъ общихъ свойствъ организмовъ всѣхъ категорій, не исключая и одноклѣточныхъ, то она должна быть, такъ сказать, заложена въ протоплазмѣ и ключъ къ ея объясненію (если таковое вообще возможно), находится въ изученіи *обмѣна веществъ въ животной клѣткѣ* въ разныхъ ея физіологическихъ состояніяхъ, особенно по отношенію къ обстоятельствамъ, вызывающимъ энцистированіе. Въ самомъ дѣлѣ: жизнеспособность энцистированной корненожки или инфузоріи ничуть не менѣе таинственна, чѣмъ зимнее оцѣпенѣніе млекопитающаго; если мы разгадаемъ первую, то будемъ находиться на болѣе вѣрномъ пути къ разъясненію второй. Здѣсь, какъ и при морфологическомъ изученіи организмовъ, для возможно полнаго, осмысленнаго познанія ихъ необходимо идти отъ низшихъ формъ къ

высшимъ, а не наоборотъ, какъ это обыкновенно дѣлается, и по возможности шире примѣнять плодотворный сравнительный методъ, который, къ сожалѣнію, слишкомъ мало прилагается въ современной физіологіи. Пока физіологи будутъ изучать только спячку млекопитающихъ, они едва ли пойдутъ дальше открытія частныхъ фактовъ, и установленія второстепенныхъ обобщеній, можетъ быть весьма интересныхъ и важныхъ, но отрывочныхъ и недостаточныхъ для выясненія сути латентной жизни, насколько эта суть намъ доступна.

Затѣмъ, въ особенности для пониманія физіологіи спячки позвоночныхъ животныхъ, необходима подробная сравнительная разработка вопроса о животной теплотѣ, ея источникахъ и регуляторахъ. Крайне интересно было бы подробнѣе изучить въ этомъ отношеніи именно холоднокровныхъ животныхъ. Весьма распространено мнѣніе, что эти существа, вообще болѣе «живучія», чѣмъ теплокровныя, могутъ безнаказанно «замерзать», причемъ подъ замерзаніемъ обыкновенно разумѣется обледенѣніе не только тканей, но и соковъ тѣла. Выше было уже указано, что къ показаніямъ такого рода надо относиться съ нѣкоторою осторожностью, что многія изъ нихъ требуютъ провѣрки и что, судя по нѣкоторымъ даннымъ (опыты Баркова), холоднокровныя животныя, во-первыхъ, вырабатываютъ сами извѣстное количество теплоты, а во-вторыхъ, она въ тѣлѣ ихъ можетъ измѣняться лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, хотя и болѣе широкихъ, чѣмъ у теплокровныхъ животныхъ. Также заслуживаетъ вниманія изученіе выработки животной теплоты у тѣхъ организмовъ, которые впадаютъ въ оцѣпенѣніе *непремѣнно* въ извѣстные періоды, сравнительно съ тѣми, которые могутъ обходиться и безъ спячки, хотя способны къ ней.

Наконецъ, не излишне имѣть въ виду вѣроятную генетическую связь разныхъ формъ спячки между собою. Такъ, мы видѣли, что у весьма многихъ животныхъ зимовка происходитъ въ стадіи яйца и что у нѣкоторыхъ яйцо даже нуждается во временномъ охлажденіи, какъ необходимомъ условіи для дальнѣйшаго развитія. Яйцо представляетъ собою *одну клѣтку* и въ оцѣпенѣломъ состояніи уподобляется энцистированнымъ простѣйшимъ животнымъ. Съ другой стороны погруженныя въ спячку теплокровныя животныя въ звачительной степени уподобляются холоднокровнымъ, на что не разъ указывали многіе изслѣдователи. Въ исторіи нашей планеты было время, когда теплокровныхъ животныхъ вовсе не существовало, а были одни только холоднокровныя, которыя лишь позднѣе уступили отчасти мѣсто теплокров-

нымъ: птицы и млекопитающія явились лишь въ мезозойскомъ періодѣ. Современная наука принимаетъ,—и имѣетъ на это всѣ основанія,—что высшія животныя рядомъ постепенныхъ измѣненій произошли отъ низшихъ, теплокровныя отъ холоднокровныхъ. Если это такъ, то и способность къ оцѣпенѣнію, столь свойственная холоднокровнымъ, могла быть унаслѣдована отъ этихъ послѣднихъ млекопитающими; что касается птицъ, то ихъ летательная способность, позволявшая имъ быстро перемѣщаться въ пространствѣ и тѣмъ избѣгать дѣйствія холода и недостатка въ пищѣ, сдѣлала излишнимъ для нихъ унаслѣдованіе наклонности къ оцѣпенѣнію. Если же окажется вѣрнымъ, что нѣкоторыя птицы (ласточки) все-таки иногда подвергаются летаргіи, то и здѣсь эта способность могла быть удержана какъ слабое наслѣдіе отъ рептиліеобразныхъ предковъ. Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаетъ особую важность сравнительно анатомическое, физіолого-химическое и эмбріологическое изслѣдованіе разныхъ жировыхъ органовъ (вродѣ спячковой железы), свойственныхъ оцѣпенѣвающимъ животнымъ; можетъ быть выясненіе морфологіи этихъ органовъ поведетъ и къ болѣе обстоятельному физіологическому познанію ихъ.

Во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ физіологическій механизмъ спячки, каково бы ни было происхожденіе ея, она представляетъ собою явленіе, не только весьма сложное и таинственное, но и въ высшей степени цѣлесообразное. Не будь спячки, ежегодно вымирало бы отъ холода, сухости, истощенія множество животныхъ, которыя остаются живыми именно лишь благодаря своей способности впадать въ состояніе замедленной, скрытой жизни. Холоднокровныя оцѣпенѣваютъ прежде всего по той причинѣ, что не могутъ вырабатывать такого количества независимой отъ внѣшняго міра теплоты, какъ млекопитающія; изъ млекопитающихъ же впадаютъ въ спячку именно тѣ, которыя въ извѣстный періодъ года не могутъ найти себѣ достаточно пищи (летучія мыши, нѣкоторыя насѣкомоядныя, грызуны). Такимъ образомъ какъ разъ въ то время, когда организмамъ нечѣмъ жить, понижается у нихъ потребность въ жизненныхъ средствахъ. «Въ такое время, когда природа кишитъ милліонами живущихъ и нуждающихся въ пищѣ существъ, а пищевыхъ средствъ на лицо не оказывается, въ этотъ моментъ, когда самый искусный хозяинъ или интендантъ потерялъ бы голову въ виду неизбѣжной голодной смерти этого множества живыхъ созданій,—въ это время природа находитъ средство выйти изъ затрудненій не только безъ потерь, но съ полнымъ торжествомъ, такъ какъ она можетъ поддержать жизнь ввѣренныхъ ей существъ безъ всякой

пищи въ теченіе мѣсяцевъ. Эта уловка природы, съ помощью которой она сохраняетъ живыми бо̀льше животныхъ, чѣмъ имѣется пищи для нихъ, по величію плана и спокойному, пунктуальному выполненію его далеко превосходитъ всѣ человѣческія изобрѣтенія» (Хорватъ).

Итакъ, спячка или оцѣпенѣніе есть весьма выгодное приспособлѐніе, выработавшееся въ различныя для разныхъ животныхъ формы, безъ сомнѣнія, при участіи естественнаго подбора, контролю котораго подлежатъ всѣ вообще видоизмѣненія въ мірѣ животныхъ и растеній. Мы видѣли, что корни этого приспособленія весьма глубоки и древни, что оно сводится, въ концѣ концовъ, къ одному изъ основныхъ свойствъ живого вещества. Какова сущность этого свойства, какъ выразить его въ болѣе понятныхъ намъ физико-химическихъ терминахъ, — этого мы не знаемъ даже приблизительно. Физіологическое объясненіе явленій оцѣпенѣнія или замедленія жизни (даже, можетъ быть, временной *остановки* ея) представляетъ, поэтому, громадныя трудности, но именно эти-то трудности и должны привлекать пытливый умъ изслѣдователя, такъ какъ, если бы удалось выяснить физико-химическія основы оцѣпенѣнія, то тѣмъ самымъ былъ бы сдѣланъ крупный шагъ къ разрѣшенію величайшей изъ всѣхъ загадокъ—тайны жизни.

Проф. **Н. Холодковскій.**

ВОЗДУХЪ и ЖИЗНЬ.

Г. де-Вариньи.

Въ 1893 году извѣстный Smithsonian Institution въ Вашингтонѣ объявилъ слѣдующія три преміи имени Hodkins'a:

1) Первая премія въ 10.000 долларовъ за работу, въ которой были бы сообщены новыя и интересныя свѣдѣнія относительно природы и свойствъ атмосфернаго воздуха.

2) Вторая премія въ 2.000 долларовъ за лучшую работу: a) по вопросу о соотношеніи между свойствами воздуха и изслѣдованіями во всевозможныхъ областяхъ науки и о значеніи изученія атмосферы съ точки зрѣнія таковыхъ соотношеній и b) о желательномъ направленіи будущихъ изслѣдованій въ виду недостаточности нашихъ свѣдѣній объ атмосферномъ воздухѣ и о связи послѣднихъ съ другими науками.

3) Третья премія въ 1.000 долларовъ за лучшую популярную брошюру объ атмосферномъ воздухѣ, его свойствахъ и соотношеніяхъ.

Въ серединѣ прошлаго года произошло присужденіе премій коммиссіей, состоявшей изъ 4-хъ американскихъ ученыхъ Langley, Brown Goode, Billings и Harrington и трехъ европейскихъ: нѣмца, знаменитаго Helmholtz'a (по случаю его смерти его мѣсто занялъ Bezold), французскаго академика-астронома Janssen'a и англичанина, не менѣе извѣстнаго Т. Гёксли. На конкурсъ поступило 218 сочиненій. Первую премію получили, конечно, лордъ Royleigh и Ramsay за ихъ открытіе новаго элемента аргона въ воздухѣ; вторая премія не была выдана; третью же въ 1.000 долларовъ получилъ извѣстный физіологъ и талантливый популяризаторъ Г. де-Вариньи за свою брошюру «L'air et la vie», которая и предлагается здѣсь въ переводѣ.

Всѣ живыя существа дышатъ и воздухъ имъ такъ же необходимъ, какъ вода, пища и извѣстное количество тепла. Собственно

говоря, это настолько общеизвѣстное положеніе, что не стоило бы на немъ и останавливаться, если бы, переходя къ болѣе подробному анализу явленій, современныя научныя изслѣдованія не указали на существованіе цѣлаго ряда интересныхъ фактовъ, показывающихъ, насколько разнообразны отношенія между живымъ организмомъ и средою, въ которой онъ обитаетъ.

Но раньше, чѣмъ изучать эти сложныя отношенія, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ воздухѣ. Онъ окружаетъ земной шаръ со всѣхъ сторонъ и образуетъ около него оболочку, толщина которой, правда, не опредѣлена; но, съ той точки зрѣнія, которую мы имѣемъ въ виду, атмосфера теряетъ для насъ интересъ, начиная съ высоты въ 10, 15 тысячъ метровъ, потому что на такихъ высотахъ она уже несомнѣнно неспособна поддерживать жизнь; а такъ какъ въ нашихъ моряхъ жизнь не переходитъ за глубину 8 или 10 тысячъ метровъ, то мы можемъ сказать, что среда, заключающая въ себѣ всѣ живыя существа, образуетъ слой, толщина котораго не превышаетъ 20 или 25 километровъ. И въ этомъ-то тонкомъ слоѣ, гдѣ жизнь достигаетъ максимума напряженія въ центральной части, т. е. на уровнѣ морей и содержатся всѣ организмы. Слой этотъ крайне незначителенъ въ сравненіи съ размѣрами земли и безконечностью небесныхъ пространствъ, но разнообразіе формъ, развившихся въ немъ и степень совершенства, достигнутаго нѣкоторыми изъ нихъ, тѣмъ болѣе поразительна въ нашихъ глазахъ.

Эта атмосфера производитъ давленіе на каждый организмъ и человѣкъ средняго роста выноситъ на себѣ давленіе въ нѣсколько тысячъ килограммовъ. Въ ней содержатся пары воды, плаваетъ безчисленное множество пылинокъ, она вѣчно подвержена разнообразнымъ колебаніямъ и движеніямъ и каждый изъ этихъ элементовъ играетъ свою роль въ явленіяхъ жизни.

Съ химической точки зрѣнія воздухъ составленъ изъ различныхъ элементовъ. Это не простое тѣло, какъ предполагали до конца послѣдняго столѣтія, но смѣсь газообразныхъ тѣлъ, которыя могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга и опредѣлены. Говоримъ смѣсь, а не соединеніе, потому что образованіе воздуха изъ этихъ элементовъ происходитъ безъ какихъ бы то ни было явленій электрическаго и теплового характера; это смѣсь, составныя части которой находятся въ низменномъ количественномъ отношеніи. Изъ числа этихъ элементовъ три представляютъ наиболѣе интереса, какъ въ количественномъ отношеніи, такъ и съ точки зрѣнія физіологической важности, а именно: кислородъ, азотъ и углекислота. Откуда происходятъ эти элементы, каково содер-

жаніе ихъ въ воздухѣ и какова ихъ судьба? Отвѣты на эти вопросы затронуты въ настоящей статьѣ. Изучая соотношенія атмосферы съ живыми существами, мы должны разсматривать вліяніе первой на послѣднихъ, а также и вліяніе организмовъ на воздухъ, и разсмотрѣнію этихъ вліяній и будетъ главнымъ образомъ посвященъ краткій очеркъ поставленныхъ вопросовъ.

I.

Кислородъ былъ открытъ Priestley'емъ и Scheele'мъ въ 1774 году. Нѣсколько времени спустя простые опыты показали Лавуазье, что кислородъ есть одинъ изъ элементовъ, составляющихъ воздухъ, и что этотъ послѣдній есть тѣло сложное, есть смѣсь газовъ. Самый терминъ «кислородъ» былъ предложенъ Лавуазье, и его открытіе послужило исходной точкой революціи въ химіи и физіологіи и было началомъ новой эры, богатой замѣчательными открытіями.

Кислородъ есть газъ, болѣе тяжелый, чѣмъ самъ воздухъ, и въ высшей степени важный для явленій дыханія и горѣнія, т. е. для процессовъ окисленія. Въ 1.000 литрахъ воздуха находится 208 литровъ кислорода и 792 литра азота. Эти числа были получены съ помощью разнообразныхъ и въ высшей степени точныхъ методовъ, которыми располагаетъ современная химія; благодаря имъ, можно было также опредѣлить, насколько содержаніе кислорода въ воздухѣ постоянно. Эти изслѣдованія были необходимы, такъ какъ нѣкоторые химики, въ томъ числѣ Dalton и Babinet, исходя изъ чисто теоретическихъ разсужденій, полагали, что воздухъ дѣлается тѣмъ бѣднѣе кислородомъ, чѣмъ выше онъ отстоитъ отъ уровня моря; что на поверхности земли должно быть немного болѣе кислорода и немного менѣе азота, тогда какъ въ болѣе высокихъ слояхъ атмосферы положеніе было бы обратно, т. е. азотъ находился бы въ большемъ количествѣ, а кислородъ въ меньшемъ, такъ что, напримѣръ, на высотѣ 10 километровъ приходилось бы только 184 объема кислорода на 816 объемовъ азота. Но сдѣланный Thénard'омъ анализъ воздуха, собраннаго Gay-Lussac'омъ на высотѣ 7.000 метровъ, и опыты Dumas и Boussingault, сдѣланные съ помощью вѣсового метода, показали, что эта точка зрѣнія не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Можно сказать, что составъ воздуха однообразенъ и постояненъ по отношенію къ кислороду и азоту въ предѣлахъ весьма незначительныхъ колебаній. Опредѣляя содержаніе кислорода въ воздухѣ въ различное время, на разныхъ высотахъ и въ различныхъ мѣ-

стахъ, Dumas и Boussingault получили числа почти тожественныя, маленькое различіе въ которыхъ лежитъ въ предѣлѣ ошибокъ неизбѣжныхъ при опытахъ. Другіе химики, какъ Brunner, Regnault, Reiset, Dayère, Bunsen, съ помощью разнообразныхъ методовъ, пришли къ тому же заключенію, которое съ тѣхъ поръ считается прочно установленнымъ.

Теперь приступимъ къ вопросу, откуда берется этотъ кислородъ воздуха? Гдѣ его источники? Постановка подобнаго вопроса вполнѣ понятна, благодаря существованію слѣдующихъ фактовъ: неизмѣняемости количественнаго содержанія этого газа въ воздухѣ и, съ другой стороны, громаднаго потребленія его живыми существами и при процессахъ горѣнія. Мы знаемъ, что въ воздухѣ содержится болѣе милліона милліардовъ килограммовъ кислорода, что онъ составляетъ почти половину вѣса всѣхъ минеральныхъ породъ земного шара, что вода содержитъ $^{8}/_{9}$ по вѣсу кислорода и что онъ находится въ изобиліи въ тканяхъ всѣхъ живыхъ существъ. Но въ сущности мы знаемъ только одинъ источникъ кислорода, открытый Priestley и разъясненный Perceval'емъ и Senebr'омъ: я говорю о растеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что растенія обладаютъ способностью, благодаря своему хлорофиллу, разлагать углекислоту на ея составляющіе элементы, на углеродъ, который входитъ въ составъ тканей, и на кислородъ, который, дѣлаясь свободнымъ, распространяется въ воздухѣ. Безъ сомнѣнія, цѣлый рядъ химическихъ реакцій ведетъ къ выдѣленію кислорода, такія, какъ, напримѣръ: электролизъ воды, разложеніе бертолетовой соли или же сѣрной кислоты нагрѣваніемъ, но эти ли реакціи или другія происходятъ естественнымъ путемъ и даютъ возможность выдѣляться ему въ атмосферу, мы не знаемъ. Но разъ составъ воздуха остается дѣйствительно тѣмъ же самымъ, то значитъ, есть какіе-то процессы, благодаря которымъ громадная масса кислорода, поглощаемаго каждую секунду на всѣхъ мѣстахъ земного шара органическимъ или неорганическимъ горѣніемъ, рано или поздно возвращается атмосферѣ. Могутъ ли растенія выполнить все количество этой химической работы? Это вопросъ, который мы затрогиваемъ, не приступая къ разрѣшенію: но все, впрочемъ, намекаетъ на то, что растенія дѣйствительно въ силахъ выполнить эту работу.

Хотя нормальное содержаніе кислорода въ воздухѣ постоянно или почти постоянно, не надо забывать, что, смотря по условіямъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, можетъ быть стремленіе къ повышенію или пониженію средняго содержанія кислорода. Воздухъ бѣдиѣетъ кислородомъ въ мѣстахъ, въ которыхъ скучены живыя

существа, или въ присутствіи веществъ, которыя быстро или медленно окисляются, напримѣръ, въ публичныхъ залахъ или въ рудникахъ; и химическій анализъ воздуха легко обнаруживаетъ намъ это явленіе; вездѣ, гдѣ имѣется поглощеніе кислорода, безъ достаточной циркуляціи воздуха, процентное содержаніе кислорода понижается. Но все это лишь частные, мѣстные случаи, которые не могутъ отразиться на общемъ составѣ воздуха въ атмосферѣ, такъ же точно, какъ не имѣютъ вліянія и противоположные случаи, какъ напримѣръ, обильное выдѣленіе кислорода въ лѣсахъ.

Перейдемъ теперь къ азоту. Этотъ газъ, какъ мы уже сказали, былъ открытъ Priestley, и Лавуазье показалъ, что онъ входитъ въ смѣсь, извѣстную подъ названіемъ воздуха. Болѣе легкій, чѣмъ сама смѣсь, онъ занимаетъ $^{79}/_{100}$ объема. Онъ самъ не горитъ, не способствуетъ горѣнію, не поддерживаетъ дыханіе и, значитъ, не способствуетъ жизни. Это происходитъ не потому, что онъ ядовитъ, но онъ является инертнымъ, безразличнымъ, бездѣятельнымъ по отношенію къ дыханію. Наши свѣдѣнія о его происхожденіи весьма ограничены. Мы знаемъ только, что нѣкоторыя теплыя воды, особенно сѣрнистые ключи, выдѣляютъ его; знаемъ еще, что животныя, поглощая при дыханіи воздухъ, выдыхаютъ азотъ обратно—вотъ и все. Подобно кислороду процентное содержаніе его въ воздухѣ во всѣхъ мѣстахъ одинаково. Эти два элемента: кислородъ и азотъ являются, такимъ образомъ, главными и существенными составными частями воздуха. Тѣ же элементы, которые мы теперь подвергнемъ разсмотрѣнію, находятся въ немъ въ маломъ и измѣнчивомъ количествѣ; можно было бы сказать, что это вполнѣ второстепенные ингредіенты воздуха, если бы изслѣдованія не показали, что они играютъ въ жизни существъ такую же важную роль, какъ и главные, основные элементы. Самымъ важнымъ изъ этихъ дополнительныхъ элементовъ является углекислота, «мѣловая» кислота, какъ ее назвалъ Van Helmont.

Воздухъ содержитъ ее въ очень малой степени: на 10.000 объемовъ воздуха приходится 4 или 5 объемовъ ея. Это газъ сравнительно тяжелый и, какъ показалъ уже Priestley, находящійся для поддержанія горѣнія и дыханія. Процентное содержаніе его въ воздухѣ не постоянно: оно измѣняется въ зависимости отъ мѣстъ и условій гораздо болѣе, чѣмъ это имѣетъ мѣсто для другихъ газовъ воздуха. Еще въ 1827 г. Saussure указалъ на существованіе весьма значительныхъ колебаній. Онъ получилъ рядъ цифръ, указывающихъ на содержаніе отъ 3,15 до 5,74 углекислоты на 10.000 частей воздуха.

Bussingault и Lévy показали, что между Парижемъ и Andilly (близь Montmorency) существуетъ значительная разница въ процентномъ содержаніи углекислоты въ воздухѣ: 3,19 въ городѣ и 2,99 въ деревнѣ.

Разница между городомъ Манчестеромъ и его окрестностями въ этомъ отношеніи, по изслѣдованіямъ Roscoë и Mac-Dougall'я, оказалась значительно меньшей, но зато Truchot получилъ цифру 3,15 на 10.000, вмѣсто 2,03 на Puy-de-Dôme, и 1,72 на Pic de Sancy. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, насколько значительны измѣненія процентнаго содержанія углекислоты воздуха и насколько воздухъ деревни и высокихъ мѣстъ чище городского. Впрочемъ, присматриваясь ближе, мы можемъ замѣтить, что количество углекислоты въ воздухѣ измѣняется въ зависимости отъ мѣста и времени. Saussure наблюдалъ возрастаніе его во время ночи и въ облачную погоду; оно измѣняется сообразно съ временами года, мѣсяцами и годами, но неправильнымъ образомъ, ибо мѣняется со дня на день. Чѣмъ выше надъ уровнемъ моря, тѣмъ менѣе проявляется разница; на высокихъ горахъ воздухъ однообразно чистъ. Если вмѣсто того, чтобы разсматривать составъ воздуха на улицахъ, поляхъ или горахъ, мы обратимся къ комнатному воздуху или вообще къ воздуху помѣщеній, гдѣ онъ не можетъ вполнѣ свободно циркулировать и гдѣ происходятъ процессы горѣнія и дыханія, то замѣтимъ еще большія колебанія. И насъ это не должно удивлять, если вспомнимъ фактъ, что воздухъ, который мы выдыхаемъ, содержитъ въ себѣ въ 100 разъ болѣе углекислоты, чѣмъ содержалъ воздухъ, который мы только-что вдохнули. Вообразимъ себѣ замкнутую комнату, гдѣ находятся 2 или 3 человѣка; съ теченіемъ времени мы могли бы наблюдать всевозможныя содержанія углекислоты, если бы опытъ самъ не ставилъ себѣ предѣловъ; если, какъ замѣтилъ Pettenkoffer, нормальное содержаніе 0,4 или 0,5 на 1.000 можетъ повышаться въ комнатѣ, довольно хорошо вентилированной, до 0,54, 0,70, или до 2,4 въ комнатѣ больного, плохо вентилированной, и достигнуть размѣровъ 3,2 въ аудиторіяхъ, 7,2 въ школьныхъ комнатахъ и даже 21 въ альпійскихъ конюшняхъ, гдѣ люди и звѣри скучиваются зимою, защищая себя отъ холода, то подъ конецъ оно достигаетъ предѣльнаго пункта, выше котораго идти нельзя; люди и животныя мало-по-малу умираютъ и возростаніе количества углекислоты воздуха прекращается само собою; они умираютъ, убитые углекислотою и отсутствіемъ кислорода: среда, содержащая болѣе 4% углекислоты и менѣе 16% кислорода (составъ выдыхаемаго воздуха) дѣлается негодной для жизни. Намъ придется возвратиться къ

этому вопросу, когда будемъ говорить объ отношеніи углекислоты къ жизни; здѣсь же ограничимся указаніемъ на то, до какой степени содержаніе углекислоты можетъ возрасти въ замкнутомъ пространствѣ и насколько колебаніе его больше, нежели кислорода и азота.

Эти измѣненія находятся въ тѣсной связи съ тѣми, которыя имѣютъ мѣсто въ образованіи этого газа и на этотъ счетъ у насъ имѣются довольно обстоятельныя свѣдѣнія. Въ самомъ дѣлѣ существуетъ много источниковъ образованія углекислоты. Мы пока вскользь указали только на одинъ изъ нихъ: человѣка и животныхъ. Всѣ животныя, или, лучше сказать, всѣ живыя существа, суть производители углекислоты. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ дышатъ, хотя интенсивность дыханія разнообразна, а дыханіе, съ химической точки зрѣнія, это соединеніе нѣкоторой части углерода тѣла съ соотвѣтственнымъ количествомъ кислорода воздуха; обращающаяся при этомъ углекислота удаляется черезъ легкія. Количество углекислоты, постоянно образуемой тѣми или другими живыми существами, животными и растеніями, которые, дышатъ какъ и животныя, несомнѣнно измѣнчиво; такъ, напримѣръ, извѣстно, что у одной и той же породы животныхъ самецъ доставляетъ болѣе углекислоты, чѣмъ самка, взрослый организмъ болѣе чѣмъ молодой или старый, сильный болѣе, чѣмъ слабый, и т. д. Каждый также знаетъ, что это образованіе углекислоты возрастаетъ при упражненіи, при движеніи, отъ дѣйствія солнечнаго свѣта, при питаніи и уменьшается при отдыхѣ, въ темнотѣ и при недостаткѣ пищи. Можно сказать, въ среднемъ человѣкъ выдыхаетъ 20 литровъ въ часъ, что составляетъ почти килограммъ углекислоты въ сутки.

Бараны даютъ болѣе кислоты, а быки при тѣхъ же условіяхъ выдыхаютъ отъ 7 до 8 килограммовъ. Но чтобы лучше выяснить величину ея образованія животными, слѣдуетъ вычислить ее иначе и отнести ее къ постоянной единицѣ, т. е. къ килограмму вѣса животнаго: для этого общее количество образовавшейся углекислоты дѣлятъ на число килограммовъ, которое вѣситъ животное и говорятъ, что килограммъ лошади, быка или утки даетъ такое-то количество углекислоты въ сутки. Поступая такимъ образомъ, мы найдемъ, что птицы интенсивнѣе другихъ выдѣляютъ углекислоту.

Килограммъ быка выдѣляетъ отъ 3 до 7 граммовъ углерода въ сутки; килограммъ индѣйки или курицы, приблизительно, 20 гр.; килограммъ цыпленка 56, а воробья 60 граммовъ. Эти факты не должны насъ поражать: дыхательная дѣятельность птицъ очень велика и

количество производимой ими углекислоты, вслѣдствіе этого, очень значительно.

Boussingault вычислилъ уже довольно давно, что въ Парижѣ люди и лошади производятъ до полумилліона кубическихъ литровъ въ сутки; эта цифра теперь значительно возросла и если считать населеніе земного шара равнымъ милліарду, то можно придти къ заключенію, что человѣкъ самъ по себѣ даетъ атмосферѣ одинъ милліардъ килограммовъ или 480 милліоновъ кубическихъ литровъ въ день, т. е. 175.200 милліоновъ кубическихъ метровъ въ годъ! Довольно трудно сказать въ точности, какъ велико выдѣленіе углекислоты животными, но, вѣроятно, оно вдвое, втрое болѣе человѣческаго и по вычисленію Girardin'a, мы можемъ вообще считать, что животныя и люди даютъ въ годъ 700 милліардовъ куб. метровъ. Прибавимъ еще сюда работу растеній, которыя дышатъ какъ животныя и выдыхаютъ углекислоту. Затѣмъ, потоки углекислоты, образующіяся при сожженіи дровъ, каменнаго угля, словомъ, всякаго топлива (а въ Европѣ добывается и потребляется топлива болѣе 500 милліоновъ тоннъ въ годъ), при чемъ выдѣляется 80 милліардовъ куб. метровъ углекислоты; присоединимъ еще медленное образованіе ея на всей земной поверхности, гдѣ постоянно происходятъ процессы разложенія растительныхъ организмовъ; обратимъ также вниманіе на минеральные ключи (ключи въ Auvergne'ѣ, по словамъ Lecoq'a, даютъ около 7 милліардовъ куб. метровъ углекислоты въ годъ), причислимъ сюда выдѣленіе ея вулканами и ихъ окрестностями (одинъ Которахі, по словамъ Boussingault, выдѣляетъ болѣе, нежели весь Парижъ), а также естественные источники выдѣленія этого газа изъ земныхъ глубинъ (Собачій Гротъ въ Неаполѣ и друг. въ этомъ же родѣ) и мы не будемъ поражены, если Gautier приходитъ къ заключенію, что выдѣленіе всей углекислоты равняется 2.500 милліардовъ куб. метровъ въ годъ; причемъ надобно замѣтить, что это вычисленіе скорѣе ниже истины и что дѣйствительныя цифры болѣе высоки. Получивъ представленіе о такомъ громадномъ образованіи и выдѣленіи углекислоты, можно поражаться, насколько слабо процентное содержаніе углекислоты въ атмосферѣ. Можно себѣ представить, до какого устрашающаго размѣра дошло бы это содержаніе въ 10, 20 или 100 лѣтъ и какъ оно было бы гибельно для живыхъ существъ, если бы не было какихъ нибудь причинъ, разрушающихъ этотъ газъ. И дѣйствительно, существуютъ могучіе механизмы, съ помощью которыхъ этотъ газъ удаляется изъ воздуха почти въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и производится. Намъ извѣстны три изъ нихъ: животныя, растенія и море. Прежде всего

укажемъ на растеніе, которое при дыханіи хотя и выдыхаетъ углекислоту, но за то поглощаетъ ее при процессѣ питанія. Оно поглощаетъ этотъ газъ и разлагаетъ его на его составныя части, на углеродъ, который входитъ въ составъ тканей, и на кислородъ, который возвращается въ атмосферу. Растенія могутъ считаться по преимуществу дѣйствительными производителями кислорода.

Затѣмъ слѣдуютъ животныя позвоночныя и съ известковымъ панцыремъ, таковыхъ большинство, какъ моллюски, кораллы, вообще, почти всѣ какъ морскія, такъ и земноводныя животныя, которыя поглощаютъ углекислую известь—опредѣленное соединеніе извести и углекислоты, соединеніе, которое по смерти ихъ остается подъ видомъ костей или известковаго скелета. Взглянемъ, въ самомъ дѣлѣ, на подводный рифъ звѣздчатаго или какого-либо другого коралла, измѣримъ слои известняковъ, достигающихъ иногда колосальной толщины, которые находятся во всѣхъ геологическихъ формаціяхъ и состоятъ большею частью изъ скопленія остатковъ скелетовъ животныхъ. Van Dechen вычислилъ, что слои известняковъ въ каменноугольной формаціи содержатъ въ себѣ углерода въ шесть разъ болѣе, чѣмъ наша теперешняя атмосфера, что подало мысль американскому геологу Sterry Hunt'у предположить существованіе какого-то другого источника углекислоты, а именно междузвѣздное пространство. Количество углекислоты, содержащейся въ слояхъ известняковъ, настолько велико, что, если бы ее выдѣлить изъ нихъ въ атмосферу, то давленіе, подъ которымъ бы оказалась углекислота, было бы такъ велико, что большая часть ея перешла бы въ жидкое состояніе или даже затвердѣла бы.

Наконецъ, море играетъ роль поглотителя и регулятора углекислоты и такимъ образомъ не допускаетъ ее накопляться въ атмосферѣ дальше извѣстныхъ предѣловъ. Прекрасныя работы Schloesing'а показали въ самомъ дѣлѣ, что морская вода содержитъ въ растворѣ большое количество углекислоты, гораздо больше, чѣмъ сама атмосфера. Если количество углекислоты увеличивается въ воздухѣ, благодаря избытку образованія ея надъ поглощеніемъ, производимымъ животными и растеніями, то часть ея растворяется въ морской водѣ и соединяется съ нерастворимой нейтральной углекислой известью, при чемъ образуется двууглекислая известь, растворяющаяся въ водѣ; наоборотъ, если содержаніе углекислоты въ атмосферѣ понижается, то растворимая двууглекислая известь распадается на среднюю углекислую известь, остающуюся въ морѣ, и на углекислоту, которая выдѣляется въ атмосферу. Однимъ словомъ, когда давленіе углекислоты въ атмосферѣ равно давленію

*

ея раствора въ морской водѣ, то ничего не происходитъ, но какъ только равновѣсіе давленій нарушено, море возстановляетъ его вновь съ помощью столь простого химическаго процесса. Надо сказать, что море потому, главнымъ образомъ, обладаетъ способностью возстановлять это равновѣсіе, что въ немъ заключено гораздо большее количество углекислоты, чѣмъ въ самой атмосферѣ. Schloesing утверждаетъ, что морская вода въ 10 разъ обильнѣе углекислотою, чѣмъ атмосфера. Какъ бы ни было значительно выдѣленіе ея на поверхности земного шара вышеупомянутыми агентами, мы можемъ быть увѣрены, что процентное содержаніе углекислоты въ воздухѣ можетъ измѣняться только въ незначительной степени, благодаря морю и его способности поглощать и регулировать находящуюся въ атмосферѣ углекислоту.

Съ химической точки зрѣнія кислородъ, азотъ и углекислота, безспорно, самые важные элементы воздуха. Но есть и другія тѣла, встрѣчающіяся обыкновенно въ атмосферѣ: такъ, напримѣръ, амміакъ, который по опредѣленію G. Vill'я, находится въ очень малыхъ количествахъ въ атмосферѣ—24 грамма на милліонъ килограммовъ воздуха; азотная кислота, которую встрѣчаемъ въ дождевой водѣ (отъ 1 до 10 миллиграмовъ на 1 литръ воды); азотъ—продуктъ сгущенія кислорода подъ вліяніемъ атмосфернаго электричества. Но, въ сущности, содержаніе этихъ газовъ въ воздухѣ очень незначительно и мы не будемъ останавливаться на нихъ теперь, хотя роль ихъ въ жизни существъ довольно, впрочемъ, опредѣленная. Мы скажемъ о ней нѣсколько словъ дальше.

II.

Теперь, когда мы познакомились съ элементами воздуха, съ процентнымъ содержаніемъ ихъ въ воздушной смѣси, со способами ихъ образованія и распаденія, т. е. способами поддержанія между ними равновѣсія и, считая почти установленнымъ фактъ (фактъ, впрочемъ, оспариваемый, но это не имѣетъ особеннаго значенія для занимающаго насъ вопроса), что составъ воздуха не измѣняется и остается постояннымъ въ указанныхъ предѣлахъ, когда наконецъ указали на роль существъ въ жизни атмосферы, мы можемъ перейти къ изученію роли, которую играетъ воздухъ въ жизни живыхъ существъ.

Чтобы упростить вопросъ, мы отдѣльно изучимъ роль каждаго изъ составныхъ элементовъ воздуха. Газомъ, спеціально обусловливающимъ жизненные процессы, является кислородъ; съ него мы и начнемъ. Каждый знаетъ, что онъ необходимъ для дыха-

нія человѣка и животнаго: эта истина стала даже банальною. И дѣйствительно, со времени открытія кислорода, физіологи показали очень ясно, насколько этотъ газъ полезенъ. Безъ него нѣтъ дыханія—значитъ нѣтъ и жизни. Человѣкъ поглощаетъ его въ большомъ количествѣ. Вдыхаемый воздухъ содержитъ отъ 20 до 21 объема кислорода, выдыхаемый же только 16. Слѣдовательно, 4 объема были поглощены организмомъ и въ сутки мы такимъ образомъ, поглощаемъ болѣе 740 граммовъ, т. е. 516.500 куб. сентиметровъ на одного человѣка, что составляетъ 500 милліоновъ куб. метровъ въ день на все человѣчество. Наши требованія по отношенію къ кислороду измѣняются въ томъ смыслѣ, что ребенокъ и старикъ поглощаютъ его въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ юноша; послѣдній, напр., поглощаетъ 914 грам. въ сутки, тогда какъ 8-ми-лѣтній ребенокъ удовлетворяется 375 гр. Сверхъ того, еще другія условія имѣютъ значительное вліяніе на эту величину: степень здоровья, полъ, внѣшняя температура, покой или движеніе увеличиваютъ, смотря по обстоятельствамъ, потребленіе кислорода. Мы поглощаемъ этотъ кислородъ въ ткани нашего тѣла и главная его часть доставляется имъ при помощи легкихъ и крови, хотя и наша кожа поглащаетъ его, но въ значительно меньшемъ количествѣ, а именно $^1/_{80}$ того, что поглощается легкими.

Всѣ живыя ткани нуждаются въ кислородѣ: всѣ онѣ дышатъ. Вообще, не слѣдуетъ забывать, что легкія только орудіе для дыханія, а химическій процессъ, составляющій сущность дыханія, происходитъ въ другомъ мѣстѣ, а именно, въ самихъ тканяхъ. Въ противуположность мнѣнію физіологовъ прошлаго столѣтія и самаго Лавуазье, легкія суть только двери, черезъ которыя въ организмъ проникаетъ животворный газъ.

Въ основаніи процесса дыханія лежитъ чисто химическая реакція: кислородъ воздуха проникаетъ черезъ стѣнки тончайшихъ капилляровъ легочной ткани и встрѣчаетъ въ красныхъ кровяныхъ шарикахъ одно вещество — гемоглобинъ, которое завладѣваетъ имъ, благодаря химическому къ нему сродству и разноситъ его во всѣ части организма, чтобы дать матеріалъ для химическихъ реакцій, въ частности говоря: окисленію, которымъ сопровождается жизнь клѣточекъ и составленныхъ изъ нихъ тканей и органовъ; результатомъ этихъ окисленій является углекислота, образовавшаяся изъ кислорода воздуха и углерода тканей. Такимъ образомъ, роль крови состоитъ въ томъ, что она приноситъ тканямъ необходимый для нихъ кислородъ и уноситъ отъ нихъ углекислоту, которая, накопляясь въ нихъ, была бы для нихъ смертельна.

Дыханіе представляетъ явленіе общее всѣмъ животнымъ, но

интенсивность его очень различна; наибольшая у птицъ, она менѣе для млекопитающихъ и еще менѣе для пресмыкающихся или для моллюсковъ, но вообще дѣятельное животное требуетъ болѣе кислорода, чѣмъ бездѣятельное или погруженное въ сонъ, летаргію или зимнюю спячку; но всѣ животныя дышатъ, всѣ нуждаются въ кислородѣ, и если имъ его не достаетъ, то они умираютъ. Это также относится и къ растительному царству.

Конечно, при своемъ питаніи растеніе выдѣляетъ кислородъ, но при дыханіи оно опять поглощаетъ его, какъ показалъ Priestley. И тутъ интенсивность этого процесса также мѣняется. Растеніе требуетъ большаго количества кислорода во время прорастанія, вотъ почему многія зерна не могутъ произрастать подъ водою, куда доступъ кислорода недостаточенъ, или въ плотной почвѣ, куда воздухъ проникаетъ съ трудомъ. Однимъ зернамъ надобно получить одну сотую своего вѣса кислорода, другія довольствуются тысячной или двухтысячной, но всѣ нуждаются въ немъ. Онъ необходимъ растенію и во время роста, но въ особенности онъ необходимъ ему во время цвѣтенія, когда химическія реакціи въ растеніи протекаютъ такъ быстро и интенсивно, что замѣчается даже значительное выдѣленіе тепла. Во всѣ моменты ихъ жизни они поглощаютъ кислородъ, вотъ почему мы избѣгаемъ имѣть ихъ въ большомъ количествѣ въ нашихъ помѣщеніяхъ, въ особенности ночью, потому что именно въ это время они выдѣляютъ только углекислоту, выдыханіе же кислорода происходитъ днемъ. Даже когда они кажутся почти мертвыми, они все-таки дышатъ: взятые отдѣльно отъ растенія цвѣты, листья, плоды, при помѣщеніи въ закрытый сосудъ, наполненный воздухомъ, поглощаютъ кислородъ и выдѣляютъ углекислоту. Помѣстите растеніе въ среду, лишенную кислорода, оно тотчасъ же умираетъ. Итакъ, безъ кислорода нѣтъ жизни ни для животныхъ, ни для растеній; таково заключеніе, къ которому пришла наука уже со времени открытія Лавуазье.

Нѣкоторые сдѣлаютъ, можетъ быть, поспѣшное заключеніе, что чѣмъ больше кислорода, тѣмъ и сама жизнь интенсивнѣе, и что вездѣ, гдѣ чувствуется недостатокъ воздуха, нѣтъ и жизни. Но изслѣдованія, сдѣланныя 15—20 лѣтъ тому назадъ Paul Bert'омъ и Pasteur'омъ, безусловно доказали, что эти два заключенія глубоко ошибочны. Живыя существа приспособлены къ жизни въ атмосферѣ, содержащей $^1/_4$ кислорода и $^3/_4$ азота. Опытъ намъ показалъ, что если измѣнить составъ этой смѣси въ смыслѣ нѣкотораго (напр., на $^1/_4$) уменьшенія кислорода, то количество этого газа становится недостаточнымъ для поддержанія жизни, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Какъ мы видимъ, границы

приспособленія существъ къ атмосферѣ очень узки, а потому каждый въ правѣ себя спросить, не будетъ ли вредить жизни противуположное явленіе, т. е. избытокъ кислорода.

Paul Bert главнымъ образомъ занимался надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, и изслѣдованія его выяснили фактъ совершенно странный съ перваго взгляда, но менѣе поражающій того, кто постоянно имѣетъ въ виду идею о приспособляемости живыхъ существъ къ обитаемой ими средѣ. Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что кислородъ, этотъ животворный газъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и сильнѣйшій ядъ какъ для растенія, такъ и для животнаго, какъ для отдѣльныхъ клѣточекъ, такъ и для всего организма. Достаточно, чтобы содержаніе кислорода въ воздухѣ достигло извѣстныхъ предѣловъ, и тогда воздухъ становится смертоноснымъ. Этотъ фактъ можетъ быть провѣренъ двумя способами: можно подвергнуть животное или растеніе повышенному атмосферному давленію или заставить ихъ жить въ искусственномъ воздухѣ съ увеличеннымъ содержаніемъ кислорода. Въ обоихъ случаяхъ наблюдаются тожественныя явленія и скоро наступаетъ смерть. Причина этого явленія еще неизвѣстна для растительнаго царства, но Paul Bert доказалъ, что животное умираетъ въ слишкомъ обогащенной кислородомъ атмосферѣ, какъ только его кровь содержитъ кислорода на одну треть болѣе нормальнаго количества, потому что въ присутствіи такой атмосферы гемоглобинъ крови оказывается насыщеннымъ кислородомъ, чего никогда не бываетъ при нормальныхъ условіяхъ, и что въ такомъ случаѣ часть кислорода растворяется даже въ самой кровяной сывороткѣ. Причиною смертельныхъ явленій и служитъ этотъ растворенный въ крови кислородъ: ткани приходятъ въ соприкосновеніе съ раствореннымъ, свободнымъ кислородомъ и онъ ихъ убиваетъ. Такъ собственно совершается явленіе, но причина намъ не совсѣмъ еще ясна. Укажемъ только на фактъ, что ткани не переносятъ свободнаго кислорода, а принимаютъ и утилизируютъ его лишь посредственнымъ путемъ, заимствуя его у красныхъ кровяныхъ тѣлецъ, гдѣ онъ находится не въ свободномъ состояніи, а въ соединеніи съ гемоглобиномъ. Однимъ словомъ, дыханіе тканей совершается не прямымъ путемъ, онѣ не переносятъ свободнаго доступа кислорода.

Это, впрочемъ, не мѣшаетъ кислороду быть энергическимъ, терапевтическимъ средствомъ: подобно многимъ ядамъ, извѣстныя дозы его оказываютъ благотворное дѣйствіе на организмъ; вообще, между количествомъ его нормальнаго содержанія въ крови и количествомъ, безусловно вреднымъ для жизненныхъ отправленій,

есть цѣлый рядъ промежуточныхъ стадій, могущихъ оказывать болѣе или менѣе благопріятное терапевтическое дѣйствіе.

Проявленіе ядовитыхъ свойствъ излишкомъ кислорода есть одно изъ самыхъ любопытныхъ явленій, открытыхъ въ послѣднее время, и фактъ этотъ такъ полно и рѣзко выясненъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія на его счетъ.

Съ другой стороны было бы совершенно не точно сказать, что тамъ, гдѣ нѣтъ кислорода, не можетъ быть и жизни. Изслѣдованія Pasteur'a показали, что если нѣкоторые микробы могутъ жить только въ присутствіи воздуха, то другіе—онъ назвалъ ихъ анаэробами—наоборотъ, живутъ лучше внѣ доступа воздуха. Это относится къ микроорганизмамъ, которые вызываютъ явленія броженія. Они производятъ послѣднее только въ томъ случаѣ, если среда, въ которой они находятся, лишена кислорода и Pasteur могъ справедливо сказать, что броженіе есть слѣдствіе жизни безъ воздуха.

Что же происходитъ въ средѣ, подвергнутой броженію? Какой-нибудь спеціальный микробъ (а вѣдь каждое броженіе обусловливается дѣйствіемъ особаго микроба), принесенный воздухомъ или водою или введенный искусственно, живетъ нѣкоторое время на счетъ находящагося въ средѣ кислорода. Затѣмъ, постепенно свободный кислородъ исчезаетъ, ибо микробъ поглотилъ все. Но среда все же содержитъ кислородъ, правда не въ свободномъ состояніи, а въ соединеніи съ другими различными элементами, и микробъ обладаетъ способностью извлекать этотъ кислородъ, выдѣлять его изъ соединенія и присваивать. А такъ какъ онъ не можетъ это сдѣлать, не разрѣшивъ существующее химическое соединеніе, то остатки отъ этого разрушенія, сдѣлавшись свободными, выдѣляются, производя явленія, характеризующія процессъ броженія. Такимъ-то образомъ при спиртовомъ броженіи сахаристыхъ веществъ (тростниковаго или виноградnаго сахара) микробъ отнимаетъ у сахара часть входящаго въ него кислорода и этимъ разлагаетъ сахаръ на углекислоту, которая выдѣляется, и спиртъ.

Такихъ примѣровъ можно привести сотню, всѣ они согласно показываютъ, что вездѣ, гдѣ происходитъ процессъ броженія, имѣется микробъ, который, не находя необходимаго для него кислорода, извлекаетъ его изъ окружающихъ веществъ, разлагая ихъ и превращая въ новыя соединенія, гдѣ отчасти находятся элементы начальныхъ веществъ, но въ другой группировкѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что анаэробные микробы, которые, повидимому, болѣе всего боятся соприкосновенія съ воздухомъ, дышатъ какъ всѣ остальныя существа кислородомъ. Это показываетъ, что жизнь

возможна и тамъ, гдѣ нѣтъ кислорода въ свободномъ состояніи, и что вездѣ, гдѣ проявляется жизнь для живыхъ существъ, очевидно, пашлись тѣ или другія средства добыванія кислорода. Анаэробные микробы не представляютъ единственнаго случая кажущагося исключенія. Между ними и тѣми, которые требуютъ присутствія свободнаго кислорода, есть всевозможныя переходныя формы, и мы не станемъ входить въ излишнія подробности, чтобы показать, что тутъ только разница въ степени. Достаточно будетъ напомнить, что растительныя клѣточки одновременно аэробны и анаэробны, такъ какъ онѣ способны вызывать спиртовое броженіе. Помѣстимъ свеклу въ углекислоту, говоритъ Duclaux, и мы замѣтимъ образованіе спирта. То же будетъ, если мы помѣстимъ сливы, вишни, яблоки, вообще какіе-нибудь содержащіе сахаръ плоды или даже цѣлыя сахаристыя растенія. Ихъ сахаръ также отчасти обратится въ спиртъ и уклекислоту.

Въ этомъ новомъ явленіи разница между клѣточками и дрожжевыми организмами состоитъ въ томъ, что первыя менѣе способны выносить жизнь безъ воздуха, что процессъ броженія въ нихъ очень ограниченъ и что жизнедѣятельность ихъ останавливается или прекращается совсѣмъ раньше, чѣмъ весь сахаръ подвергся превращенію. Но очевидно, что эта разница только въ степени. Факты эти еще менѣе станутъ насъ удивлять, если мы вспомнимъ о явленіяхъ, открытыхъ Paul Bert'омъ, о которыхъ говорилось раньше. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не видѣли, что и самыя ткани животныхъ анаэробны? Не видѣли ли мы также, что свободный кислородъ, растворенный въ кровяной жидкости, убиваетъ ихъ, и чтобы утилизировать этотъ газъ, ткани должны заимствовать его не иначе, какъ изъ соединенія кислорода съ гемоглобиномъ крови. Такимъ образомъ, анаэробія встрѣчается какъ у нѣкоторыхъ микробовъ, такъ и въ животныхъ тканяхъ. А между тѣмъ и тѣ, и другіе нуждаются въ кислородѣ.

Слѣдовательно намъ остается придти къ заключенію, что жизни не можетъ быть какъ при полномъ отсутствіи кислорода, такъ и при избыткѣ его.

Перейдемъ теперь къ азоту. Его названіе характеризуетъ его свойства: онъ не способенъ поддерживать жизнь, и если мы помѣстимъ животное или растеніе въ атмосферу азота, то смерть воспослѣдуетъ тотчасъ же. Но это не значитъ, что азотъ ядовитъ,—мы вдыхаемъ его въ большомъ количествѣ безъ особыхъ послѣдствій,—но онъ инертенъ, безполезенъ, не поддерживаетъ горѣнія и самъ не горитъ. Значитъ, онъ не играетъ никакой роли при процессѣ дыханія и, казалось бы, не имѣетъ другого назначенія

въ воздухѣ, какъ умѣрять дѣйствіе кислорода. Атмосфера изъ чистаго кислорода стала бы быстро смертельной, производя воспаленіе въ легкихъ и отравляя ткани; но, находясь въ смѣси съ этимъ инертнымъ газомъ, кислородъ проникаетъ въ организмъ только въ ограниченномъ количествѣ: азотъ умѣряетъ его дѣйствіе, какъ вода ослабляетъ спиртъ въ винѣ. Подобная роль очень полезна безспорно, но чисто отрицательнаго характера. Впрочемъ, чего же другого можно ожидать отъ такого инертнаго газа?

Но если принять во вниманіе химическій составъ живыхъ существъ и обиліе встрѣчающагося въ нихъ азота, а кромѣ того, фактъ, что азотъ составляетъ $^4/_5$ всей атмосферы, и что животныя умираютъ, когда ихъ лишаютъ азотистой пищи, то невольно думается, что этотъ газъ долженъ играть болѣе дѣятельную и важную роль. Возьмемъ хотя бы фактъ необходимости азотистой пищи для поддержанія жизни высшихъ животныхъ. Какимъ образомъ, растенія, которыя тѣмъ или другимъ путемъ снабжаютъ пищей высшихъ животныхъ, могутъ сами запасаться азотомъ? Естественно предположеніе, что они заимствуютъ его изъ окружающей атмосферы. Но какимъ образомъ? Это вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго много трудились и агрономы, и химики. Во Франціи Boussingault, Berthelot, Déhérain и George Ville положили много времени на изученіе его. Эти изслѣдователи замѣтили, что нѣкоторыя растенія усваиваютъ азотъ въ видѣ азотнокислыхъ солей, образовавшихся отъ соединенія азотной кислоты воздуха съ нѣкоторыми составными частями почвы, или же въ видѣ амміачныхъ паровъ. Но Berthelot, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, показалъ, что, по всей вѣроятности, существуетъ и другой факторъ усвоенія азота и что почва, навѣрное, содержитъ микробы, обладающіе свойствомъ переводить азотъ воздуха въ состояніе, годное для усвоенія его растеніями. Недавно вышелъ одинъ крупный трудъ, принадлежащій двумъ нѣмецкимъ ученымъ Hellriegel'ю и Wilfarth'у, который вполнѣ подтвердилъ эту гипотезу. Эти ученые въ дѣйствительности нашли, что нѣкоторыя растенія, а главнымъ образомъ бобовыя, обладаютъ свойствомъ жить хорошо въ почвѣ, бѣдной азотнокислыми солями и получать необходимый для нихъ азотъ изъ воздуха, благодаря особеннымъ микробамъ, живущимъ на ихъ корняхъ. Удалите микробовъ и растеніе развивается очень слабо; наоборотъ, вводите ихъ, поливая растеніе водою, которая нѣсколько часовъ настаивалась на пахатной почвѣ, и растеніе быстро начинаетъ поправляться и благоденствовать.

Еще лучше, посадимъ два экземпляра бобоваго растенія въ стерилизованную почву и—какъ сдѣлалъ Breal—привьемъ на ко-

рень одного изъ нихъ, съ помощью тончайшей иглы, небольшое количество переполненной микробами жидкости, наполняющей углубленія на корневищѣ хорошо развивающагося бобоваго растенія; тотчасъ же соотвѣтственное (привитое) растеніе начинаетъ пышно разростаться, то же, которому не было сдѣлано прививки, остается слабымъ и чахлымъ. Опытъ этотъ въ высшей степени убѣдителенъ; микробы, живущіе на корняхъ бобовыхъ растеній, суть несомнѣнно агенты усвоенія азота растеніями. Для агрономіи открывается новый путь и, навѣрное, въ этомъ направленіи въ скоромъ времени будетъ сдѣланъ цѣлый рядъ открытій подобнаго рода. Для насъ же достаточно знать, что азотъ изъ атмосферы усвояется растеніями. А такъ какъ мы знаемъ, что азотистая пища нужна высшимъ животнымъ и что эта пища неизмѣнно доставляется растеніями, то мы можемъ заключить, что азотъ воздуха есть необходимый факторъ жизни какъ для животныхъ, такъ и для растеній. Этотъ инертный и, на первый взглядъ, безполезный газъ играетъ, однако же, большую роль въ питаніи всѣхъ живыхъ существъ. Безъ азота нѣтъ пищи, нѣтъ растеній, нѣтъ и жизни! Таково наше неизбѣжное заключеніе.

Слѣдовало бы добавить, что растенія снабжаются азотомъ не однимъ только воздухомъ: азотнокислыя соли и амміакъ доставляютъ его также, но эти вещества сами по себѣ образуются изъ атмосфернаго азота, а потому наше заключеніе остается неизмѣннымъ.

Теперь мы можемъ обратиться къ углекислотѣ. Этотъ газъ, какъ мы знаемъ, вреденъ, и нѣтъ сомнѣнія, что съ нашей точки зрѣнія за нимъ числятся только отрицательныя свойства. Онъ, дѣйствительно, вреденъ, и мы спѣшимъ удалить его изъ нашего организма; его не могутъ вдыхать ни растенія, ни животныя: они умираютъ, какъ только попадаютъ въ среду, содержащую даже сравнительно малый процентъ его. Воздухъ съ содержаніемъ одной сотой части его уже вызываетъ ненормальныя явленія въ организмѣ, а при содержаніи его въ воздухѣ десяти процентовъ, жизнь уже въ опасности и смерть есть только вопросъ времени. Дѣйствительно, кровь, насыщенная углекислотою, вредна тканямъ и когда мы дышимъ воздухомъ, богатымъ углекислотою, то кровяные шарики не вполнѣ освобождаются отъ той углекислоты, которую они заполучили въ тканяхъ, и возвращаются обратно, богатыя этимъ газомъ и бѣдныя кислородомъ, т. е. негодными для поддержанія жизни. Эти кровяные шарики, соприкасаясь съ испорченнымъ воздухомъ, сохраняютъ свою углекислоту, такъ какъ они могутъ освободиться отъ нея только въ томъ случаѣ, если

напряженность давленія этого газа въ шарикахъ выше, чѣмъ въ атмосферѣ; если же атмосфера богаче этимъ газомъ, то въ ней давленіе больше, чѣмъ въ кровяныхъ шарикахъ; вотъ почему углекислота не можетъ уйти изъ послѣднихъ, а остается тамъ и асфиксируетъ животное, разнося смерть по его тканямъ. Но раньше смертельныхъ явленій наступаетъ ясная анестезія, которую прекрасно доказалъ Bichat съ помощью опытовъ, состоящихъ въ проведеніи въ сонную артерію и нервные центры животнаго венозной крови другого животнаго той же породы и насыщенной углекислотою. Да, впрочемъ, даже въ мѣстномъ примѣненіи на кожѣ она дѣлаетъ ее безчувственной и производитъ анестезію, которая давно уже извѣстна и не разъ примѣнялась на практикѣ. Плиній въ своей естественной исторіи сообщаетъ, что мраморъ, смѣшанный съ уксусомъ, усыпляетъ части, къ которымъ его прикладываютъ, настолько, что ихъ можно рѣзать и жечь, не причиняя боли. Анестезирующимъ агентомъ здѣсь является углекислота, которая образовалась при дѣйствіи уксусной кислоты, находящейся въ уксусѣ, на углекислую известь.

Когда углекислота дѣйствуетъ не на часть, какъ раньше, а на весь организмъ, какъ въ случаяхъ вдыханія легкими, то она прозиводитъ общую уже, а не мѣстную анестезію, которая была изучена различными экспериментаторами и которую одинъ нихъ—Ozanam—нашелъ настолько удовлетворительной, что не замедлилъ предложить ее, какъ анестезирующее средство вмѣсто эфира или хлороформа. Но, насколько намъ извѣстно, этому совѣту никто не слѣдовалъ и сомнительно, чтобы хирурги были когда-нибудь склонны употреблять столь опасное средство.

Извѣстенъ цѣлый рядъ случаевъ, когда люди были глубоко отравлены углекислотою, хотя смертельныя явленія и не наступали. Во всѣхъ случаяхъ была полная анестезія, которой предшествовало, по словамъ испытавшихъ, дивное состояніе, когда они воображали себя окруженными прекрасной музыкой и яркимъ освѣщеніемъ. Но вслѣдъ за этимъ состояніемъ слѣдуетъ полная потеря сознанія, которая, если ядъ продолжаетъ поступать въ кровь или не выдѣляется изъ нея, легко можетъ перейти въ вѣчный сонъ. Случаи смерти отъ углекислоты не такъ рѣдки: они случались въ мѣстахъ, гдѣ происходитъ спиртовое броженіе, напр., около бродильныхъ чановъ съ пивомъ или виномъ, и вездѣ, гдѣ выдѣляется искусственная или естественная углекислота; въ пещерахъ, гдѣ выдѣляется этотъ газъ, въ замкнутыхъ или дурно вентилируемыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ скучено слишкомъ большое количество людей или животныхъ. Дѣйствительно, воздухъ быстро

портится въ публичныхъ залахъ: въ театральныхъ залахъ, школахъ, въ аудиторіяхъ, какъ, напр., въ Сорбоннѣ, содержаніе углекислоты доходило до 10 на 1.000, а, напр., въ альпійскомъ хлѣвѣ, гдѣ люди и животныя были тѣсно скучены, такое содержаніе доходило до 21 на 1.000. Такого рода атмосферы несомнѣнно ядовиты, на что существуетъ цѣлый рядъ доказательствъ. Такъ, напримѣръ, во время войны въ Индіи изъ 146 плѣнныхъ, которые были заключены въ маленькомъ помѣщеніи въ 8 ч. вечера—къ двумъ часамъ утра осталось въ живыхъ только 50, а по восходѣ солнца только 23, да и то при смерти. Также точно послѣ Аустерлицкой битвы изъ 300 плѣнныхъ, заключенныхъ въ плохо вентилированномъ подвалѣ, 260 умерли въ нѣсколько часовъ, убитые углекислымъ газомъ. Такимъ же примѣромъ является знаменитое засѣданіе въ Оксфордѣ, гдѣ судьи и часть присутствующихъ задохлись отъ той же причины. Можетъ быть, въ этихъ случаяхъ къ вліянію углекислоты присоединилось еще и вліяніе яда, который, по словамъ Brown Sequard'a, выдыхается легкими, но надобно замѣтить, что существованіе этого яда еще не доказано, какъ оно ни правдоподобно.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ удушеніи углекислотою намъ остается только упомянуть о тѣхъ случаяхъ, гдѣ и человѣкъ, и животное погибаютъ отъ дѣйствія этого газа, выдѣляющагося изъ естественныхъ источниковъ и собирающагося въ ближайшихъ углубленіяхъ. Такія *долины смерти* описаны многими путешественниками. Въ нихъ нѣтъ ни признака растительной жизни, ни кустика, ни травки; это пустыня—въ полномъ смыслѣ этого слова. Сама почва—голая и каменистая—какъ бы поражена смертью. Тамъ и сямъ бѣлѣютъ скелеты птицъ, млекопитающихъ и даже людей, которые, не будучи знакомы съ губительными свойствами этихъ мѣстъ, вздумали пройти ихъ, но потоки углекислоты, болѣе тяжелой, чѣмъ воздухъ, скопившись во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда не достигалъ вѣтеръ, охватили ихъ и ни одинъ не спасся. Губительная, какъ для животныхъ, такъ и для растеній, тщательно удаляемая ими изъ тканей по мѣрѣ ея образованія въ нихъ, углекислота представляется намъ агентомъ смерти и самымъ злокачественнымъ изъ газовъ. Впрочемъ, за нею можно признать благодѣтельную роль въ моментъ наступленія смерти у высшихъ существъ; накопляясь мало-по-малу въ организмѣ во время агоніи, имѣющей обыкновенно асфиксическій характеръ, она можетъ быть притупляетъ сознаніе и чувствительность въ моментъ погруженія человѣка въ его послѣдній сонъ, вызывая

благотворную для него анестезію и облегчая ему, такимъ образомъ, конечный актъ физической жизни.

Такое предположеніе во всякомъ случаѣ вѣроятно и тогда этотъ газъ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ физіологовъ, принимаетъ участіе въ нашемъ появленіи на свѣтъ, вызывая актъ родовъ, въ то же время приходитъ намъ на помощь, облегчая уходъ изъ жизни. Но этимъ, конечно, не ограничивается значеніе углекислоты для жизни. Она выполняетъ болѣе дѣятельную, болѣе важную и болѣе интересную роль, которую нельзя обойти молчаніемъ.

Всѣ животныя, прямымъ или косвеннымъ путемъ, питаются растеніями, которыя заимствуютъ изъ почвы большую часть своихъ минеральныхъ элементовъ. Азотъ и кислородъ они получаютъ изъ воздуха, но откуда берутъ они углеродъ, которымъ такъ богаты ихъ ткани? Представляются два источника. Углекислота находится въ почвѣ, гдѣ она соединена съ различными веществами въ видѣ углекислыхъ солей, и въ гумусѣ, въ поверхностномъ слоѣ почвы, образовавшемся изъ остатковъ мертвыхъ и разложившихся листьевъ, вѣтокъ, корней мховъ и т. д. Но мы не можемъ принимать во вниманіе углеродъ гумуса уже потому, что первыя растенія не могли же имъ пользоваться. Остается въ такомъ случаѣ предположить совмѣстно съ Mathieu de Dombasle и цѣлымъ рядомъ агрономовъ и химиковъ, что растенія заимствуютъ необходимый для нихъ углеродъ изъ углекислыхъ солей почвы. Но опыты Sprengel'я, Saussur'a, и др. показали, что роль углекислыхъ солей гораздо менѣе значительна, чѣмъ предполагали, а Liebig доказалъ, что растенія превосходно развиваются въ почвѣ, совсѣмъ лишенной углекислыхъ солей. Но тогда откуда же они берутъ свой углеродъ? Теперь уже извѣстно, что они заимствуютъ его изъ атмосферы. Они имѣютъ способность разлагать углекислоту воздуха (41 милліонъ гектаровъ, земли, занятой разными культурами растеній во Франціи, поглощаютъ, по крайней мѣрѣ, 60 милліоновъ тоннъ углекислоты въ годъ), освобождая кислородъ, выдѣляющійся въ воздухъ и отлагая углеродъ въ видѣ углеродистыхъ соединеній въ своихъ тканяхъ. Но эта важная работа происходитъ только при двухъ условіяхъ: надо, чтобы растеніе было снабжено хлорофилломъ, тѣмъ зеленымъ веществомъ, которое окрашиваетъ листья въ зеленый цвѣтъ, и кромѣ того, имъ нужны солнечный свѣтъ и не особенно низкая температура. И дѣйствительно, хлорофиллъ разлагаетъ углекислоту только при свѣтѣ и при извѣстныхъ температурныхъ условіяхъ; на холоду или въ темнотѣ онъ перестаетъ дѣйствовать; если же его нѣтъ въ достаточномъ количествѣ и листьевъ мало, то растеніе страдаетъ и умираетъ за недостаткомъ пищи. Но нужно замѣтить,

что функція хлорофилла есть функція питанія, совершенно отличная отъ функціи дыханія, при которой растеніе, какъ животное, поглощаетъ кислородъ и выдѣляетъ углекислоту; обѣ эти функціи имѣютъ различную интенсивность, первая далеко превышаетъ въ этомъ отношеніи послѣднюю, хотя она имѣетъ мѣсто только днемъ. Если бы не было такого преобладанія первой функціи, а обѣ были бы тожественны, то растеніе не могло бы произрастать, теряя съ одной стороны то, что пріобрѣтало бы съ другой.

Растенія поглощаютъ углекислоту главнымъ образомъ листьями и въ меньшей степени корнями; во всякомъ случаѣ этотъ газъ, чтобы быть усвоеннымъ растеніемъ, долженъ пройти черезъ зеленыя части растенія, питаемыя хлорофилломъ. Такимъ образомъ, этотъ сильный ядъ, этотъ газъ, безусловно вредный для жизни существъ, который убиваетъ ихъ, какъ только накопляется въ воздухѣ, хотя бы и въ маломъ количествѣ, все-таки является однимъ изъ существеннѣйшихъ устоевъ жизни на земномъ шарѣ. Если бы онъ совершенно исчезъ изъ воздуха, то растительность погибла бы сразу, а въ отсутствіи этой послѣдней достаточно было бы нѣсколькихъ дней, чтобы вызвать смерть всего живого, движущагося на поверхности нашей планеты. Да, углекислота есть ядъ, вещество весьма вредное для жизни, но она настолько же ей необходима въ томъ количествѣ, въ какомъ она находится въ воздухѣ, какъ и пагубна, разъ содержаніе ея оказывается болѣе значительно.

Таково отношеніе воздуха, разсматриваемаго съ точки зрѣнія его химическаго состава, къ жизни, какъ она проявляется на землѣ, отношеніе воздуха, конечно, нормальнаго, не подвергшагося никакому искусственному измѣненію или порчѣ, воздуха если можно такъ выразиться, физіологическаго.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

РАННЯЯ ДИЧЬ.

ОЧЕРКЪ

Юліи Безродной.

I.

Петръ Петровичъ Тюльпановъ вернулся недавно изъ села Раздѣльнаго, куда только-что проводилъ супругу и дѣтей къ родственнику въ гости.

Петръ Петровичъ, пообѣдавъ, легъ отдохнуть, но не спалъ, а предавался воспоминаніямъ о чрезвычайно пріятной поѣздкѣ.

Удалась эта поѣздка какъ нельзя лучше! Было такъ весело ѣхать по зеленой степи, раскинувшейся на необозримую даль вокругъ, до самаго горизонта, гдѣ къ ней склонялось темно-синее небо чудесной ласковости, Дорога, недавно просохшая послѣ невылазной весенней грязи, теперь была тверда, какъ чугунъ; копыта лошадей легко отскакивали отъ нея, а подковы даже звенѣли. Стелилась она по степи прямой лентой, точно залитая асфальтомъ, какъ троттуаръ въ какой-нибудь столицѣ; а по бокамъ ея раскидывалось море зелени, испещренное разноцвѣтными чашечками тюльпановъ.

Какъ радовались этимъ цвѣтамъ дѣти Петра Петровича, Варя и Коля!

Они постоянно просили ямщика останавливаться посреди дороги, выскакивали изъ тарантаса, убѣгали въ траву, которая уже доходила имъ до колѣнъ, срывали массами ярко-красные, огненные, голубые, желтые цвѣты и снова бѣжали къ экипажу, еще издали съ торжествомъ показывая родителямъ свою добычу.

Запыхавшіеся, съ восхищенными лицами, дѣтишки снова забирались въ тарантасъ, тройка подхватывала его такъ легко, точно

это былъ какой-нибудь модный городской шарабанчикъ и мчала впередъ безъ передышки.

Иногда жена съ живостью поворачивала голову въ сторону, хватала руку Петра Петровича и говорила:

— Смотри, смотри, Пьеръ!

— Что же тамъ такое, Вѣрочка?—спрашивалъ онъ, тщетно вглядываясь вдаль.

— Ахъ, уже исчезло... говорила жена нетерпѣливо.

— Но что же ты видѣла?

— Я видѣла замокъ,—поясняла Вѣра Васьевна съ оттѣнкомъ легкой грусти.

— Замокъ?—кричали дѣти.—Мама, гдѣ ты видѣла замокъ? И какой онъ съ виду?

— Онъ былъ хрустальный и въ немъ радугой переливались лучи солнца.

— Должно быть это красиво,—говорилъ Петръ Петровичъ.

— Еще бы!—возражала жена не то насмѣшливо, не то печально.

— Хрустальный замокъ! — восхищенно кричали дѣти.—Поѣдемъ туда, мама!

— Туда нельзя доѣхать,—объяснялъ имъ съ солидной важностью Петръ Петровичъ,—потому что то, что видѣла мама, на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

— Ну, вотъ! А какъ же она видѣла?

— То, что она видѣла, называется миражемъ.

— А если называется, значитъ и существуетъ.

Петръ Петровичъ въ глубинѣ души приходилъ въ восторгъ отъ ума своихъ дѣтей; но не выражалъ этого, а принимался, какъ умѣлъ, объяснять, что такое миражи.

Дѣти слушали сначала внимательно; но вдругъ изъ подъ копытъ пристяжной выпорхнулъ жаворонокъ и взвился высоко-высоко въ небо.

Собачка Зулейка, спавшая все время у Вѣры Васьевны на колѣняхъ, вдругъ проснулась и на всемъ ходу выскочила изъ тарантаса; она перевернулась разокъ въ воздухѣ; но тотчасъ же крѣпко стала на ноги и пустилась вскачь догонять жаворонка. Зулейка лаяла, задыхалась, кашляла; въ травѣ мелькала то ея рыжая мордочка, то высоко поднятый хвостикъ; а жаворонокъ все поднимался къ небу, разсыпая оттуда звучныя трели, или, вдругъ, точно поддразнивая Зулейку, спускался къ травѣ съ рѣзкимъ, нетерпѣливымъ свистомъ.

— У него гнѣздо, видно, здѣся спрятано,—сказалъ ямщикъ.

— Гдѣ гнѣздо? Покажи! Стой, мы слѣземъ!—заволновались

дѣти и чуть-чуть не выпрыгнули изъ тарантаса по примѣру Зулейки.

А жаворонокъ снова взвился уже высоко вверхъ; такъ высоко, что сколько ни смотрѣли дѣти, сколько ни искали въ глубинѣ синяго неба, никакъ его не могли замѣтить, хотя оттуда и доносились къ нимъ его бойкія трели.

— Проѣхали, видно, гнѣздо,—объяснилъ ямщикъ,—вотъ она, птица-то и радуется, что, молъ, людей обманула...

Зулейка подбѣжала къ тарантасу, утомленная безплодными поисками. Она вскочила снова на колѣни къ Вѣрѣ Власьевнѣ и отъ этого масса тюльпановъ посыпалась съ кузова на дорогу.

— Ты, шалунья!—сказалъ Петръ Петровичъ собакѣ,—вишь, безпорядокъ надѣлала.

Но къ тарантасу уже бѣжали дѣти съ полными руками тюльпановъ, какъ бы спѣша пополнить недочетъ въ цвѣтахъ, сдѣланный Зюлейкой.

И теперь еще масса пестрыхъ букетовъ стоитъ въ комнатахъ Петра Петровича, напоминая ему о прелестной поѣздкѣ... Да, весна—это единственное время года, когда степь готова побаловать человѣка; но зато въ ней такъ хорошо весною, что не хочется и разставаться.

Петръ Петровичъ лежалъ на кровати, предаваясь пріятнымъ воспоминаніямъ. Онъ пытался вздремнуть, но неудачно... Вѣроятно, свѣжій воздухъ дѣйствовалъ на Петра Петровича опьяняюще, благодаря чему онъ только ворочался безцѣльно съ боку на бокъ. Обыкновенно Петръ Петровичъ называлъ такое послѣобѣденное непроизводительное лежаніе «страданіями безсонницы» и жаловался знакомымъ; но сегодня подобная безсонница не привела его даже въ дурное расположеніе духа.

Переворачиваясь съ боку на бокъ и выслушивая удручающіе стоны своей кровати, Петръ Петровичъ сохранялъ полную безмятежную душевную ясность. Въ сущности, онъ лежалъ теперь такъ, по обычаю. Ему хотѣлось лучше встать, повидать знакомыхъ, подѣлиться съ ними пріятными чувствами, намекнуть о томъ, какая у него хорошая жена и какія необыкновенно умныя дѣти.

Но Петръ Петровичъ лежалъ, зная, что всѣ теперь дѣлаютъ тоже. Надо потерпѣть часовъ до пяти; а потомъ уже идти искать компаніи... Но къ кому же пойти сегодня? Онъ перебиралъ знакомыхъ, не рѣшаясь остановиться на какомъ-нибудь одномъ, и вдругъ сказалъ:

— А хорошо было бы позвать всѣхъ къ себѣ, такъ пріятно видѣть сегодня много народа.

Да, это была недурная идея!

Давно пора сдѣлать вечерокъ... Кажется, и приличіе уже того требуетъ: раза четыре былъ онъ у Ападульчева; затѣмъ у казначея, на имянинахъ жены; потомъ почтмейстеръ Шпингалетовъ давалъ обѣдъ; еще были карты у Прозрителева... да что Прозрителевъ! Даже скупой Алексѣй Григорьевичъ и тотъ однажды угостилъ... А у Плавутина сколько разъ пьянствовали?

Но, можетъ быть, подождать Вѣру Власьевну съ дѣтишками?

Петръ Петровичъ перевернулся на другой бокъ, соображая, стоитъ ли для этого откладывать вечеръ?

Оказалось, что не стоитъ: Вѣра Власьевна не любитъ, когда въ комнатахъ накурено, когда пахнетъ пивомъ... потомъ, безъ нея можно не приглашать дамъ, что обойдется гораздо дешевле.

Итакъ, рѣшено! Надо дѣлать вечерокъ поскорѣе. Какое же будетъ угощеніе?

Петръ Петровичъ мысленно началъ перебирать припасы, содержащіеся въ двухъ лавкахъ, которые считались лучшими среди курдюмской аристократіи.

У Лампадова есть сыръ и тешка...

Петръ Петровичъ, проходя мимо лавокъ, всегда заглядывалъ въ гости къ купцамъ, узнать, не привезли-ли изъ губернскаго города какихъ-либо новинокъ, или же попробовать, на случай нужды, старые припасы. Поэтому и сыръ, о которомъ онъ думалъ въ настоящую минуту, уже былъ имъ неоднократно испробованъ и найденъ порядочнымъ. Нѣсколько суховатъ; но ничего, сойдетъ. Недурны также пузанки для закуски и колбаса московская.

А вотъ, насчетъ тешки придется подумать. Говорятъ, у Горѣлина тешка лучше. Надо бы зайти попробовать, да разузнать, кстати, не привезъ ли онъ шемайки?

Эхъ, люди, люди! Сколько разъ этотъ мошенникъ обѣщался привезти, и все не привозитъ. А самъ чуть ли не каждую недѣлю шляется въ канцелярію клянчить насчетъ кабаковъ, и, вѣдь, принимаешь во вниманіе его просьбы! Вотъ недавно урядникъ составилъ протоколъ за скандалы въ его кабакѣ, такъ вѣдь отпросился же! Пришлось протоколъ уничтожить, хотя кабакъ стоитъ чуть ли не рядомъ съ волостью... давно бы закрыть его слѣдовало... А все ссориться не хочется, обижать непріятно людей.

Петръ Петровичъ уже хотѣлъ перевернуться на другой бокъ; но вдругъ привсталъ, потому что со двора донесся къ нему голосъ кухарки Домны и еще чей-то, незнакомый. Изъ всего разговора Петръ Петровичъ услышалъ только слово «куропатки», но этого было достаточно. Онъ вскочилъ и съ несвойственной ему быстротой въ движеніяхъ вышелъ въ корридоръ.

*

Домна собралась, было сконфузиться при видѣ оригинальнаго костюма своего хозяина; но невниманіе послѣдняго къ ея стыдливому восклицанію помогло ей преодолѣть смущеніе.

Петръ Петровичъ вышелъ въ корридоръ одѣтый въ распашной капотъ супруги своей, Вѣры Власьевны, которая была одного роста съ нимъ и почти такихъ же размѣровъ, такъ что, находясь рядомъ, они изображали собою вполнѣ правильный квадратъ. Петръ Петровичъ любилъ иногда понѣжиться въ женинómъ капотѣ, потому что, не стѣсняя его въ движеніяхъ, онъ въ то же время удовлетворялъ нѣкоторымъ элементарнымъ требованіямъ приличія.

До сихъ поръ ни одинъ чужой глазъ не видалъ Петра Петровича въ этомъ нарядѣ; но слово «куропатки» заставило его неожиданно выдать свою тайну и онъ стоялъ теперь передъ зрителями слегка декольтированный, съ обнаженными полными волосатыми руками.

— А, Собачкинъ,—сказалъ Петръ Петровичъ, укрываясь за столбъ отъ взора подчиненнаго,—что это у тебя тамъ за мужикъ?

Собачкинъ подошелъ на два шага къ галлереѣ и, протянувъ одну руку внизъ, а другую приложивъ къ козырьку фуражки, отрапортовалъ:

— Мужикъ спрашиваетъ, не нужно ли куропатокъ вашему высокоблагородію?

Урядникъ смотрѣлъ прямо въ зрачки своего начальства; онъ избѣгалъ даже скользнуть взглядомъ по костюму, какъ бы желая дать понять, что подобныя интимныя вещи его вовсе не касаются. Но Петръ Петровичъ все-таки, въ этомъ нежеланіи урядника смотрѣть на женинъ капотъ, почувствовалъ нѣкоторый укоръ, подумалъ, что іерархія служебная можетъ пошатнуться, если начальники будутъ являться въ такомъ видѣ подчиненнымъ, и сказавъ:

— Куропа́тки? Погоди, гм, я сейчасъ...—скрылся въ комнату.

Тамъ онъ поспѣшно снялъ капотъ, одѣлъ соотвѣтствующій его полу и чину лѣтній костюмъ и вышелъ на галлерею, куда скоро Домна принесла шипящій самоваръ.

— Неужели ты видалъ куропатокъ? — спросилъ онъ благосклонно у мужика, который по прежнему стоялъ у калитки,—гдѣ же ты ихъ видѣлъ, братецъ, какъ тебя звать-то?

— Андрей, ваше благородіе,—отвѣчалъ мужикъ.

— Какой же ты, братъ Андрей, смѣшной! Что же тутъ спрашивать, нужны ли мнѣ куропатки? Развѣ онѣ могутъ быть кому нибудь не нужны? Ты, что же, съ собой ихъ принесъ?

— Нѣтъ, ваше благородіе, сегодня принесу, коли надо.

— Еще бы не надо! Ты что же, Андрей, стрѣлять ихъ будешь, куропаточекъ? Такъ порошку не надо ли тебѣ, да дроби? Собачкинъ, у насъ есть порохъ?

— Есть, ваше высокоблагородіе,—мгновенно поднимая къ козырьку правую руку, отвѣчалъ урядникъ.

— Не надо мнѣ пороху, я ихъ такъ изловлю,—сказалъ Андрей,— у меня братъ Гаврюшка на это ловкой...

— Ну, хорошо, Гаврюшка, такъ Гаврюшка... только принеси мнѣ ихъ непремѣнно?

— Принесу, чего тамъ,—отвѣчалъ мужикъ, выходя со двора въ сопровожденіи Собачкина, который тоже повторялъ ему вслѣдъ:

— Такъ принеси же ихъ сюда, слышишь?

Петръ Петровичъ задумчиво слѣдилъ за уходившимъ Андреемъ и затѣмъ сказалъ:

— Домна, ты, кажется, была на кухнѣ у Ападульчева, когда готовили обѣдъ на его имянины?

— У Ападульчева?—переспросила Домна.

— Ну, да, у Ападульчева.

— Кажись, была. Туда всѣ ходили, и Ѳекла отъ Бубликова и Степанида Плавутинская вмѣстѣ съ Марьей отъ казначейши.

— Вѣдь тогда жарили тамъ куропатокъ?

— На имянины-то?

— Ахъ, Домна, ну да, на имянины.

— Стало быть жарили.

— Значитъ, ты съумѣешь ихъ зажарить такъ, какъ тамъ жарили? Чтобы шкурка была поджаренная и немножко отставала отъ тѣла, а тѣло тоже сверху чтобы подрумянилось, но серединка чтобы немножко, ну, самую чуточку съ кровью была... Восхетъ!..— прибавилъ онъ въ сторону, не предназначая, конечно, такого восклицанія для слуха необразованной кухарки.

Но Домна, которая отъ начала этого разговора становилась все мрачнѣе, вдругъ сразу разбила мечтанія своего хозяина.

— Не умѣю я такого жарить... слышь, чего наприказывали,— отвѣчала она сухо,—и то имъ сдѣлай, и другое... а все мудреное... Не умѣю! Никогда такъ не жаривала и врать не хочу, что нажарю.

— Ну, вотъ,—грустно сказалъ Петръ Петровичъ,—сама видишь теперь, какая ты бездарная женщина! И смотрѣла, какъ жарили, и нюхала, можетъ, потомъ и подъѣдала отстатки, а теперь сама ничего не умѣешь сдѣлать...

— Не умѣю...—угрюмо повторила Домна, и отъ сознанія вины своей низко потупилась.

— Такъ вотъ что я скажу тебѣ, матушка, — рѣшительно за-

явилъ Петръ Петровичъ,—когда принесутъ, гм... куропатки, иди ты съ ними къ самой, къ Ападульчевой, и попроси ее, гм... отъ моего имени попроси, показать тебѣ, какъ надо ихъ готовить... Слышала?

— На то уши, чтобы слышать,—отвѣчала кухарка, сохраняя на лицѣ своемъ прежнюю, непреклонную мрачность.

Но вдругъ лицо Домны приняло выраженіе какой-то героической рѣшимости. Быстро накинувъ на голову платокъ, покоившійся раньше на ея плечахъ, она пошла къ воротамъ.

— Куда ты?—крикнулъ ей вслѣдъ Тюльпановъ.

— Куда?—съ оттѣнкомъ трагической насмѣшки, переспросила Домна,—къ Ападульчевой... а то куда же?

— Это наказаніе, а не прислуга!—воскликнулъ Петръ Петровичъ, всплескивая руками, — я говорю, пойди къ Ападульчевой тогда, когда мужикъ принесетъ куропатки; а она уже бѣжитъ, какъ оглашенная!

— Не глухая, кричать нечего,—бормотала Домна, направляясь къ кухнѣ,—и что за наказаніе такое! То иди, а то ужъ не ходи.

Продолжая ворчать, она скрылась за кухонной дверью.

Петръ Петровичъ сидѣлъ на балконѣ, погруженный въ размышленія о предстоящемъ вечерѣ. Хорошо было бы къ куропаткамъ присовокупить еще и барашка... За барашкомъ ужъ придется послать Собачкина, тотъ все знаетъ, гдѣ, какъ и что... Онъ же приведетъ Гамида, чтобы тотъ приготовилъ пилавъ и шашлыкъ... Затѣмъ — закуска, ведро чихиря, четверть ападульчевской водочки—и дѣло готово!

Только вотъ нехорошо, вдругъ мужикъ запоздаетъ съ куропатками? Вѣдь уже седьмой часъ, а его нѣту. Не лучше ли отложить фестивалъ до завтра? Завтра, кстати, праздникъ, да и все сдѣлается лучше, когда будетъ больше времени.

Размышленія Петра Петровича были прерваны, появленіемъ помощника его, Эмилія Маріусовича Бубликова.

Сослуживцы, поздоровавшись, сѣли другъ противъ друга и каждый налилъ себѣ самъ по стакану чая.

Нѣкоторое время они молчали, потому что видѣлись уже утромъ и всѣ событія дня, недѣли, мѣсяца, были ими обсужены давно, до послѣдней мелочи.

— Какая сегодня чудесная погода,—сказалъ, наконецъ, Петръ Петровичъ, — такое, знаете ли, гм... благорастворенie, чудо! Я сегодня жену съ дѣтьми гостить въ Раздѣльную отвезъ, такъ знаете ли, такое, гм... получилъ наслажденіе, что даже удивительно...

— Да, да,—равнодушно сказалъ Бубликовъ.

Эмилій Маріусовичъ во всемъ представлялъ полную противоположность Петру Петровичу. Бубликовъ былъ сложенія худощаваго, имѣлъ быстрые черные глаза и черные волосы, которые, впрочемъ, мѣняли свой отливъ, превращаясь то въ синіе, то въ рыжеватые, смотря по составу «краски для брунетовъ», которую привозилъ въ Курдюмъ мошенникъ венгерецъ. Талія у Эмилія Маріусовича была гибкая, молодцевато перетянутая, движенія быстрыя, черты лица острыя, взглядъ побѣдоносный.

Петръ Петровичъ, при небольшомъ ростѣ, обладалъ фигурой, представлявшей весьма опредѣленныя округлости. Лицо его, скудно покрытое растительностью, имѣло черты сильно расплывчатыя; глаза нѣсколько выдавались изъ орбитъ и были покрыты сѣтью жилокъ, налитыхъ кровью. Въ движеніяхъ своихъ, также какъ и въ бесѣдѣ, Петръ Петровичъ соблюдалъ достойную медлительность. Онъ морщился, заслышавъ крѣпкое словцо, которымъ Эмилій Маріусовичъ любилъ приправлять разговоры свои съ крестьянами; онъ даже отрицалъ брань вообще, въ принципѣ, увѣряя, что она препятствуетъ правильному ходу пищеваренія. Бубликовъ же держался какъ разъ противоположнаго образа мыслей.

Петру Петровичу было нѣсколько обидно, что Эмилій Маріусовичъ такъ сухо принялъ его поэтическія изліянія; но онъ зналъ, что у его помощника характеръ весьма положительный и старался примириться съ этимъ.

— Горѣлинъ свѣжій товаръ привезъ,—сообщилъ Бубликовъ,—я сегодня жену его встрѣтилъ, говоритъ, что всего много получено.

— И шемаю привезъ?—оживляясь, спросилъ Петръ Петровичъ.

— Насчетъ шемаи вилъла, толкомъ ничего не отвѣтила... Дорого, что ли, чортъ ее знаетъ.

— А, вѣдь, обѣщалъ, экій человѣкъ!—укоризненно замѣтилъ Тюльпановъ.

Собесѣдники опять помолчали.

Уже на дворъ опускались мягкія фіолетовыя сумерки, когда въ просвѣтѣ калитки появился мужикъ съ мѣшкомъ въ рукахъ.

— Тебѣ чего?—сурово привѣтствовалъ его Бубликовъ, который вдругъ подумалъ, что мужикъ этотъ пришелъ на него жаловаться, какъ то случалось нерѣдко.

— Что это за человѣкъ, вы знаете его?—спросилъ близорукій Петръ Петровичъ.

— Еще бы, конечно знаю,—сказалъ Эмилій Маріусовичъ,—

это извѣстный мошенникъ: осенью онъ продалъ мнѣ сажень кизяковъ, онѣ оказались сырые! Притомъ, онъ обманулъ меня еще на два воза... Еще бы мнѣ его не знать! Это Иванъ Терентьевъ.

— Нѣтъ, я Андрей Воробьевъ,—сухо отвѣчалъ мужикъ, который не любилъ Бубликова, подобно всѣмъ крестьянамъ уѣзда.

— А, это ты, Андрей,—воскликнулъ Петръ Петровичъ,—неужели уже принесъ?

— Принесъ, ваше благородіе, вотъ онѣ.

— Что это такое?—спросилъ Эмилій Маріусовичъ, который, по свойству своей натуры, не могъ сдержать нахлынувшаго любопытства.

Тюльпановъ, торжествуя, запустилъ руку въ мѣшокъ и вытащилъ оттуда первую пару куропатокъ.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ завистливо Эмилій Маріусовичъ,—гдѣ это ты нашелъ ихъ въ такую раннюю пору? Да, впрочемъ, жирныя ли онѣ? Нѣтъ ли тамъ еще для меня?

— Гаврюшка говоритъ, больше нѣтъ,—по прежнему сухо отвѣчалъ Андрей.

Между тѣмъ Петръ Петровичъ понемногу выложилъ на столъ содержимое мѣшка и занялся сортировкой дичи.

— Вотъ хорошая парочка!—восклицалъ онъ, откладывая пару куропатокъ въ одну сторону,—а эта, ты самъ видишь, братъ Иванъ, что эта пара подгуляла.

— Андрей я, ваше благородіе.

— Ну, ладно... ты посмотри, Андрей, что это за куропатка? Развѣ это птица? Такъ, бабочка какая-то или муха... Если ее очистить, она будетъ, право, съ мышь величиною... Гляди, я ее подброшу вверхъ, она даже и не падаетъ. Такъ, только перья, да кости... Вотъ эти снова хороши, и эти, что говорить напраслину? Но ужъ этихъ я и даромъ не возьму!

Презрительнымъ жестомъ Петръ Петровичъ отодвинулъ отъ себя куропатки, не удостоившіяся его одобренія; а тѣ, которыя облюбовалъ, нѣжно покрылъ правой рукою.

— Домна,—сказалъ онъ вышедшей изъ кухни кухаркѣ,—видишь, Домна, онъ уже принесъ.

Домна, съ видомъ безропотной покорности опять перекинула платокъ съ шеи на голову и спросила:

— Идти къ самой?

— Вотъ сейчасъ, погоди... Ну, Иванъ, сколько же ты съ меня возьмешь за куропатокъ?

— Чего тамъ... сколько другимъ давали, столько и мнѣ пожалуете.

— Я, братецъ, не знаю, потому что въ этомъ году я ихъ еще не покупалъ.

— Сколько пожалуете.

— Сколько пожалую. Ну, если я тебѣ дамъ пятакъ, ты, вѣдь, не будешь доволенъ, такъ о чемъ же тутъ и разговаривать! Говори свою цѣну, вѣдь я не хочу же брать ихъ у тебя даромъ... Ну?

— Сколько же съ васъ взять? По полтинничку пара не будетъ дорого?

— Но, вѣдь, это нагло! По полтиннику?—вскричалъ Бубликовъ, вдругъ подскакивая на стулѣ, точно подкинутый вверхъ пружиной, между тѣмъ какъ Петръ Петровичъ еще не успѣлъ проникнуться гнѣвомъ.

— Нѣтъ, слышите ли,—кипятился Эмилій Маріусовичъ, подбѣгая къ мужику—ты что это, скотина, выдумалъ? Какъ ты смѣешь заламывать такія деньги?

Андрей, который былъ выше Бубликова чуть ли не на полъ-аршина, смотрѣлъ поверхъ его головы на Петра Петровича и дѣлалъ видъ, что вовсе не замѣчаетъ того, кто такъ энергично жестикулируетъ поднятыми руками у самаго его носа.

— Дорого вамъ это, ваше благородіе,—сказалъ Андрей, обращаясь къ Тюльпанову,—ну, я сбавлю, пусть будетъ по сорокъ копѣекъ пара.

— Нѣтъ, это невозможно,—воскликнулъ Бубликовъ, точно теряя всѣ свои силы, и повернулся къ мужику спиною,—до чего же мы дойдемъ, въ концѣ концовъ?

— Да, да, это невозможно,—повторилъ Петръ Петровичъ, который все еще держалъ руку на облюбованныхъ куропаткахъ, но уже начиналъ волноваться, такъ какъ идея о безстыдствѣ мужика, наконецъ, овладѣла и его сознаніемъ.

— Не давайте ему больше двугривеннаго за пару!—говорилъ Эмилій Маріусовичъ.

— Да, больше двугривеннаго или... гм... въ крайнемъ случаѣ, четвертака, я ему не дамъ.

— Какъ будетъ угодно,—сказалъ Андрей, равнодушно поглядывая на широкій носокъ своего сапога, который онъ поворачивалъ справа налѣво, утвердивъ каблукъ его неподвижно на одномъ мѣстѣ.

— Какъ будетъ угодно... А? слышите, слышите, что онъ говоритъ?—восклицалъ Бубликовъ,—нѣтъ, это невозможно! Да какъ ты смѣешь, каналья, такъ говорить съ начальствомъ?

Эмилій Маріусовичъ зашагалъ по корридору, повторяя:

— Нѣтъ, какъ онъ смѣетъ? Какъ смѣетъ?

Петръ Петровичъ не задавался принципіальными вопросами: ему просто хотѣлось поскорѣе окончить это дѣло.

— Уступай, братъ, дорого,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, это не дорого, ваше благородіе... Вы подумайте, развѣ имъ теперича время? Вѣдь это такъ, на счастье, выводокъ попался... Ей-Богу, не дорого, ваше благородіе.

— Не дорого, слышите!—взывалъ Эмилій Маріусовичъ, который вдругъ замѣтилъ, что мужикъ прибавляетъ «ваше благородіе» только тогда, когда обращается къ Тюльпанову.

— А я больше четвертака не дамъ,—сказалъ послѣдній.

Андрей не возражалъ больше ничего; но, поднявъ съ полу мѣшокъ, протянулъ руку за куропатками.

Тутъ только Петръ Петровичъ ясно постигъ, что Домнѣ, уже совершенно готовой идти къ Ападульчевой за инструкціями, быть можетъ, придется остаться дома. Гнѣвъ закипѣлъ въ его душѣ; но прошло еще довольно много времени, пока гнѣвъ этотъ вылился наружу. Теперь же, Петръ Петровичъ только повторилъ, багровѣя:

— Дорого... я, гм... говорю, что дорого.

— Да какъ же дорого,—возразилъ Андрей, не выходя изъ своего философическаго спокойствія,—у меня и Ападульчевъ бралъ по той цѣнѣ, и Плавутинъ, и слѣдователь...

Петръ Петровичъ, все еще не отнимавшій пухлой руки отъ груды облюбованныхъ куропатокъ, уже рѣшилъ въ душѣ набавить пятачекъ, чтобы только съ ними не разставаться. Но благому намѣренію этому не суждено было осуществиться, потому что дѣло приняло вдругъ совсѣмъ иной оборотъ.

— Эге!—сказалъ Эмилій Маріусовичъ, внезапно успокоиваясь,—ты, братецъ, значитъ, давно уже занимаешься охотой?

Онъ многозначительно взглянулъ сперва на мужика, потомъ на Петра Петровича; но оба они, занятые своими мыслями, обратили небольшое вниманіе на этотъ вопросъ.

— А, вѣдь, еще до Петра и Павла далеконько?—продолжалъ Эмилій Маріусовичъ, понижая тонъ съ негодующаго на грустный.

Ничего не отвѣчая, Андрей принялся укладывать въ мѣшокъ дичь, отвергнутую Петромъ Петровичемъ, а затѣмъ и ту, на которой еще такъ недавно покоилась его пухлая рука.

Петръ Петровичъ отошелъ шага на два въ сторону и дѣлалъ видъ, что занятъ разсматриваніемъ прохожихъ; но по слабости характера, онъ не могъ совладать съ собою и постоянно поглядывалъ вкось на столъ, откуда мало-по-малу исчезала его надежда на вкусное угощеніе... Зрѣлище это доставляло ему, кромѣ нрав-

ственныхъ, еще и физическія страданія, потому что плотному человѣку всегда неудобно стоять со свернутой на сторону шеей.

— Прощайте, ваше благородіе,—сказалъ Андрей, закидывая мѣшокъ за спину,—пойду къ лѣсничему, онъ купитъ.

— Нѣтъ, я не допущу этого!—сказалъ Эмилій Маріусовичъ, кидаясь вслѣдъ уходившему мужику.

Такъ какъ Бубликовъ былъ человѣкъ худенькій и прыткій, а Андрей, ничего не подозрѣвавшій, отличался медлительностью движеній, то Эмилію Маріусовичу удалось добѣжать раньше его до калитки и тамъ загородить дорогу.

Затѣмъ онъ высунулъ голову на улицу и, замѣтивъ тамъ какого-то мужика, который уже за нѣсколько шаговъ снялъ передъ нимъ шапку, крикнулъ ему:

— Эй, ты! Позови-ка урядника изъ управленія.

Мужикъ, нахлобучивъ шапку, повернулъ къ полиціи и черезъ минуту Собачкинъ уже стоялъ передъ начальствомъ, опустивъ лѣвую руку по шву, а правую держа у козырька фуражки.

— Арестовать этого мужика, онъ хотѣлъ скрыться,—сказалъ Бубликовъ, направляясь обратно къ галлереѣ.

Собачкинъ поглядѣлъ на Андрея съ такимъ равнодушнымъ видомъ, точно тотъ даже никогда на глаза ему не попадался и, вытянувшись во фронтъ, занялъ позицію у калитки.

— Чего ему отъ меня надо?—дружески спросилъ Андрей у Собачкина, но получивъ, вмѣсто отвѣта, лишь одинъ равнодушный взглядъ, прислонился со своей ношей къ воротамъ.

Между тѣмъ Петръ Петровичъ стоялъ у столба галлереи, съ любопытствомъ наблюдая за дѣйствіями Бубликова.

— Что вы тамъ затѣваете?—спросилъ онъ, когда Эмилій Маріусовичъ вернулся.

— Да нельзя же имъ такъ спускать!—отвѣчалъ послѣдній.— Я этого подлеца привлеку къ отвѣтственности: онъ, повидимому, давно занимается истребленіемъ дичи, не смотря на то, что теперь еще далеко до Петра и Павла.

— Это вѣрно,—задумчиво согласился Тюльпановъ.

— Собачкинъ!—крикнулъ съ высоты галлереи Эмилій Маріусовичъ,—составь протоколъ этому мужику за истребленіе дичи недозволенными средствами...

— А куропатки?—прошепталъ какъ бы про себя Петръ Петровичъ.

— Куропатки надо конфисковать, и въ полиціи продать ихъ съ публичнаго торга.

— Не кричите же такъ, Эмилій Маріусовичъ,—сказалъ Тюль-

пановъ, который не любилъ огласки и который слышалъ вдали звукъ приближающагося колокольчика, не говоря уже о томъ, что у воротъ давно стояла кучка любопытныхъ, а изъ оконъ полицейскаго управленія высунулось нѣсколько небритыхъ личностей съ выраженіемъ осторожной любознательности.

— А въ полиціи,—прибавилъ Эмилій Маріусовичъ,—мы продадимъ куропатки за грошъ и эта каналья получитъ шишъ вмѣсто своихъ сорока копѣекъ за пару.

— Да, гм... — сказалъ Петръ Петровичъ, не любившій, когда при немъ выражались такъ вульгарно,—слышите ли вы колокольчикъ, Эмилій Маріусовичъ?

— Погоди!—сказалъ послѣдній уряднику, хотѣвшему уже уходить съ Андреемъ.

Колокольчикъ звенѣлъ все яснѣе.

— Кто бы это могъ быть?—интересовался Петръ Петровичъ, чувствуя себя неловко.

— Наши всѣ дома,—сказалъ Эмилій Маріусовичъ, — кажется, никто лошадей не требовалъ. Впрочемъ, быть можетъ, это Головачъ возвращается съ Берберовскаго винокуреннаго завода, онъ утромъ уѣхалъ.

Говоря о Головачѣ, Эмилій Маріусовичъ сдѣлалъ презрительную мину и даже тономъ голоса показалъ, что не стоитъ заниматься такой незначительной величиною, какъ этотъ безпокойный, насмѣшливый акцизный надсмотрщикъ.

Наконецъ, изъ-за угла на улицу вылетѣла почтовая телѣга, на которой подпрыгивалъ Головачъ.

— Ступай съ мужикомъ въ полицію, — приказалъ Бубликовъ уряднику, но перекладная на минуту загородила ему дорогу.

— Стой здѣсь, все равно,—сказалъ Головачъ ямщику, спрыгивая изъ перекладной передъ воротами дома Тюльпанова,—здравствуйте, господа, какой прекрасный вечеръ!

— Да, и день былъ чудесный...—отвѣчалъ Петръ Петровичъ.

— Прикажете протоколъ принести вамъ на домъ къ подпису?—спросилъ у Эмилія Маріусовича Собачкинъ.

— А, а, пэйзана подцѣпили!—воскликнулъ Головачъ, обращая вниманіе на Андрея, который стоялъ все на одномъ мѣстѣ и лицо котораго становилось съ каждой минутой все мрачнѣе.—Эге, да это Андрей! за что это тебя, братъ, ведутъ въ полицію?

— За то, что дорого за куропатки просилъ,—смиренно, хотя не безъ ехидства поспѣшилъ отвѣтить мужикъ.

— Послушай, гм... ты того, гм...—сказалъ Петръ Петровичъ; но его слабый протестъ былъ прерванъ зычнымъ голосомъ Бубликова, который крикнулъ:

— Ступай вонъ, болванъ! Веди его въ полицію, Собачкинъ!

Урядникъ пропустилъ впередъ Андрея, а затѣмъ ужъ послѣдовалъ за нимъ и самъ.

Головачъ взошелъ на галлерею и, здороваясь съ Эмиліемъ Маріусовичемъ, придалъ своей физіономіи замысловатый видъ, собираясь, по обыкновенію, сказать ему какую-нибудь ядовитую остроту; но сейчасъ не нашелся и долженъ былъ ограничиться простыми словами:

— За что это вы пэйзана прижучили?

Эмилій Маріусовичъ ничего не отвѣчалъ на вопросъ, занятый наблюденіями надъ первой звѣздой, появившейся на небосклонѣ.

— Знаете, грубый, гм... народъ,—отвѣчалъ за него Тюльпановъ,—самыя элементарныя требованія приличія, гм... попирающій...

— Еще бы, продавать дорого куропатки!

— Нѣтъ, гм... это вы по свойственной вамъ привычкѣ, гм... все искажать... А собственно никто не имѣетъ права ловить дичь до Петра и Павла, въ этомъ, гм... суть...

— Я пойду теперь въ полицейское управленіе,—сказалъ Эмилій Маріусовичъ,—надо подписать протоколъ и назначить часъ для продажи куропатокъ съ аукціона... Часовъ въ двѣнадцать утра, я думаю, не рано?

— Для правосудія никакой часъ не можетъ быть раннимъ!—съ необыкновенной важностью сказалъ Головачъ.

— Такъ въ двѣнадцать?—переспросилъ Эмилій Маріусовичъ, сохраняя съ виду полнѣйшее спокойствіе.

— Я полагаю, въ двѣнадцать удобно,— отвѣчалъ Тюльпановъ,—но прошу васъ, чтобы все происходило по закону.

— Конечно, конечно,—согласился Эмилій Маріусовичъ, сходя со ступень галлереи.

— Пожалуйста, пришлите и мнѣ повѣстку, — крикнулъ ему вслѣдъ Головачъ; но и эта просьба осталась безъ отвѣта.

— Зачѣмъ вы его постоянно дразните?—сказалъ Петръ Петровичъ, когда Бубликовъ былъ уже за воротами,—все у насъ такъ хорошо и такъ дружно, а вы, гм... вносите всегда разладъ въ наши отношенія...

— Протестую-съ, протестую-съ какъ могу, ваше высокоблагородіе!—шутливо отвѣчалъ Головачъ,—считаю долгомъ протестовать!

— А знаете, куда попадаютъ всѣ протестанты?

Головачъ, вмѣсто отвѣта, засмѣялся.

— То-то вотъ оно и есть! Легкій вы народъ, очень, гм... легкій, дунуть на васъ—и куда вы полетите? Гдѣ, гм... очути-

тесь? А сами этого не понимаете и на рожонъ, гм... какъ говорятъ, прете... Смотрите, какъ бы Бубликовъ того... Вѣдь онъ только видъ дѣлаетъ, что равнодушенъ... зачѣмъ, напримѣръ, вы его Емелькой прозвали и другихъ учите такъ его называть?

— Да если онъ похожъ на Емельку Пугачева?

— Во-первыхъ, вы никогда не видали Пугачева; а потомъ, если бы онъ даже былъ похожъ на него, гм... какъ двѣ капли воды, если бы онъ братомъ роднымъ его, гм... оказался, то и тогда вы должны молчать...

— Ну, ужъ это извините-съ! Изъ-за чего это стану я молчать, скрывать свои чувства!

— А спокойствіе? А служба? Репутація? Вѣдь прослывете человѣкомъ, гм... неуживчивымъ и никто васъ къ себѣ не возьметъ!

— И чортъ съ ними! Да что тутъ толковать? Гдѣ мы сегодня? У кого карты?

— Гдѣ? Хотѣлъ-было я у себя вечерокъ устроить, да гм... такъ не пришлось... Ужъ не знаю; говорятъ, не къ кому, такъ къ Ападульчеву?

— Да, придется, только ужъ часто очень... Клянетъ онъ насъ, вѣроятно.

— Зачѣмъ же? все-таки, гм... это честь, — возразилъ Петръ Петровичъ, отыскивая фуражку.

Въ это время изъ дверей кухни выглянула Домна и, увидавъ, что баринъ уходитъ, подбѣжала къ нему торопливо.

— Такъ сейчасъ идти къ самой, или погодить? — спросила она, снова накидывая платокъ съ шеи на голову.

— Ахъ, отойди отъ меня, надоѣдливая женщина,—брезгливо отвѣчалъ ей Петръ Петровичъ,—завтра пойдешь! И вообще, жди, когда это тебѣ прикажутъ,—прибавилъ онъ, уже находясь за воротами.

Но и завтра Домнѣ не пришлось идти къ Ападульчевой за указаніями, потому что дѣло осложнилось новыми обстоятельствами, которыя лишили гостей Петра Петровича облюбованныхъ имъ куропатокъ.

II.

На завтра, въ день, назначенный для продажи куропатокъ, случился большой праздникъ и всѣ чиновники оказались свободными отъ занятій, что совершенно упустилъ изъ виду предусмотрительный Бубликовъ.

Послѣ торжественной обѣдни, законченной молебствіемъ, въ скверъ, окружающій церковь, высыпали чиновники въ парадныхъ

мундирахъ съ золотыми вышивками на шеѣ и обшлагахъ, въ треуголкахъ и фуражкахъ съ тщательно вычищенными кокардами.

День былъ чудесный; небо по прежнему сіяло красотой и привѣтливостью; пріятный вѣтерокъ умѣрялъ чрезмѣрную теплоту солнечныхъ лучей, а садикъ, съ только-что распустившейся бархатистой зеленью акацій, какъ бы приглашалъ къ себѣ въ гости разряженныхъ кавалеровъ, вышедшихъ изъ церкви.

Солидные представители власти не приняли приглашенія зеленаго садика и предпочли ему завтракъ у Ападульчева; но легкомысленная часть курдюмскаго общества осталась погулять.

Настроеніе у всѣхъ было очень веселое; слышался смѣхъ, различныя восклицанія и часто упоминавшееся слово «куропатки».

Когда мимо этой компаніи прошелъ Эмилій Маріусовичъ, Головачъ крикнулъ:

— Судъ идетъ!

— Шемякинъ судъ, — прибавилъ Плавутинъ и сдержанный смѣхъ безшабашной компаніи еще долго раздавался въ ушахъ Бубликова.

Эмилій Маріусовичъ шелъ въ канцелярію, чтобы закончить приготовленія къ аукціону, но вдругъ онъ раздумалъ идти туда и направился совсѣмъ въ другую сторону, къ товарищу прокурора Прозрителеву: онъ вспомнилъ, что почтенный Иванъ Ивановичъ любитъ, по выраженію Тюльпанова, чтобы ему «покорялись» и рѣшилъ, для высшихъ соображеній, сейчасъ же немного покориться.

Между тѣмъ маленькій садикъ продолжалъ оглашаться смѣхомъ и болтовнею, пока церковный колоколъ, прозвонивши двѣнадцать разъ, не напомнилъ обывателямъ о наступившемъ моментѣ аукціона.

— Чтожъ, господа, идемъ покупать куропатки,—сказалъ Головачъ.

— Идемъ, идемъ,—согласился Плавутинъ.

— Только не надо дразнить ихъ,—прибавилъ докторъ Македонскій очень серьезно.

— А вы ужъ Емельки испугались! — отвѣтилъ ему на это Головачъ.

— Шутки ваши неумѣстны,—возразилъ ему, нахмурившись, докторъ,—я никого не боюсь, потому что считаю себя совершенно независимымъ.

— Вотъ отецъ Александръ вышелъ! — сказалъ Плавутинъ, желая замять непріятныя объясненія въ собственномъ лагерѣ,— батюшка! Идите съ нами торговать куропатокъ.

— Куропатокъ?—повторилъ отецъ Александръ, отъ котораго

еще струились благовонія ладона,—какія хотите вы покупать куропатки?

Отецъ Александръ тотчасъ же былъ посвященъ во всѣ тайны происшествія, которое досконально Головачъ узналъ отъ Андрея.

Отецъ Александръ не обнаружилъ большого участія къ событію, всѣхъ волновавшему.

— Попы не смѣютъ ѣсть куропатокъ,—отвѣчалъ онъ имъ съ своей доброй больной улыбкой и отправился домой завтракать.

Головачъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ смотрѣлъ вслѣдъ уходившему; но скоро утѣшился, замѣтивъ почтмейстера Шпингалетова, подходившаго къ компаніи изъ почтовой конторы.

— Идемъ, идемъ съ нами!—кричалъ ему Головачъ, и Шпингалетовъ, уже посвященный въ тайну, кивалъ головою, какъ настоящій заговорщикъ. Но, по мѣрѣ приближенія къ крылечку полицейскаго управленія, лицо его становилось все менѣе выразительнымъ, а шаги все болѣе замедлялись. У рѣшетки сквера Шпингалетовъ остановился и сказалъ:

— Нѣтъ ужъ, знаете ли, идите сами... Я теперь не въ расположеніи... лучше здѣсь погуляю и васъ подожду.

— И этотъ струсилъ!—воскликнулъ Головачъ, простирая руку къ почтмейстеру, который отвѣчалъ на это смущенной улыбкой.

— Вонъ идетъ Чепраковъ,—сказалъ Плавутинъ.—Эй! Нотаріусъ! Вы къ намъ? Вы съ нами?

— Ну, конечно,—кричалъ издали Чепраковъ,—я и то спѣшу, чтобы не опоздать къ аукціону.

Нотаріусъ подошелъ, поздоровался со всѣми и сообщилъ, что къ компаніи присоединится еще бухгалтеръ казначейства Иванъ Ивановичъ Гусевъ.

— Эге, насъ будетъ очень даже достаточно!—сказалъ Головачъ,—и мы у нихъ отнимемъ всѣ куропатки.

— Господа, только я повторяю, надо быть приличными,—замѣтилъ докторъ Македонскій, который очень раскаивался, что попалъ въ эту буйную компанію; но уйти теперь было неловко, потому что это дастъ поводъ Головачу обвинить его снова въ трусости.

Компанія вышла на улицу.

Шпингалетовъ отсталъ отъ товарищей и сталъ прогуливаться по дорожкѣ, изрѣдка поглядывая на окна управленія.

— Чего это почтмейстеръ гуляетъ по скверу?—сказала Зиновія Карловна Айзиковская, или попросту Нозичка, сидѣвшая въ гостяхъ у Ападульчева,—вѣрно что-нибудь случилось? Иначе, зачѣмъ ему ходить гулять до обѣда?

— Вонъ къ нему подошелъ еще акцизный Владиміръ Богда-

новичъ... Смѣются! Что бы это такое значило?—воскликнула толстая Раиса, дочь Ападульчева,—не выйти ли намъ тоже погулять? Погода хорошая...

— Конечно, пойдемъ Раичка,—отвѣчала ей мать, Анжелика Ивановна Ападульчева.

Черезъ нѣсколько минутъ, необходимыхъ на то, чтобы принарядиться, три особы женскаго пола, взявшись подъ ручки, появились на дорожкѣ сквера.

Особъ этихъ прежде всѣхъ замѣтила Любинька Острожникова, жена секретаря полицейскаго управленія, и указала на нихъ Агафьѣ Марковнѣ Шпингалетовой.

— Надо и намъ пойти, Любинька,—сказала эта дама,—только подожди, я забѣгу къ казначейшѣ и мы пойдемъ всѣ вмѣстѣ.

Казначейша не заставила себя долго просить и скоро въ скверѣ появилась новая группа въ яркихъ праздничныхъ нарядахъ.

Такое необычайное оживленіе привлекло взоры всѣхъ аристократическихъ обывателей города Курдюма, и маленькій садикъ началъ быстро наполняться гуляющими.

Сюда явилась учительница церковно-приходской школы Елизавета Васильевна въ сѣрой шляпѣ съ необычайно загнутыми полями; затѣмъ, супруга станового Кислякова, носившая на своемъ лицѣ слѣды бѣлилъ и румянъ, проданныхъ ей тѣмъ же мошенникомъ-венгерцомъ, который снабжалъ косметиками Эмилія Маріусовича; появилась и купчиха Лампадова въ новомъ зеленомъ шелковомъ платьѣ, и купчиха Горѣлина, и много другихъ лицъ, совершенно ничѣмъ не замѣчательныхъ...

Къ дамамъ присоединились кавалеры въ мундирахъ или праздничныхъ сюртукахъ. И не прошло получаса, какъ скромный скверъ принялъ вдругъ такой праздничный видъ, какой рѣдко бываетъ даже на Пасху.

Эмилій Маріусовичъ, возвращавшійся послѣ своего визита къ Прозрителеву въ канцелярію, съ изумленіемъ увидалъ это торжественное собраніе; но ему некогда было предаваться размышленіямъ, потому что запутавшаяся исторія съ куропатками требовала энергической дѣятельности.

Около крыльца канцеляріи стояла веселая компанія съ Головачемъ во главѣ и Бубликовъ, очень торопившійся, принужденъ былъ все-таки на время остановиться.

— Простите, я задержу васъ,—обратился къ нему съ улыбкой Плавутинъ,—будьте такъ любезны и сообщите намъ, въ которомъ часу назначенъ аукціонъ?

Тутъ ужъ Эмилію Маріусовичу пришлось подойти къ обществу

поближе и пожать всѣмъ руки, исключая, впрочемъ, руки Головача, съ которымъ онъ уже давно не кланялся, хотя постоянно встрѣчался то въ гостяхъ, то на улицѣ. При встрѣчахъ этихъ Головачъ насмѣшливо хихикалъ, а Эмилій Маріусовичъ смотрѣлъ на мѣсто, гдѣ находился послѣдній, такъ, будто тамъ было пустое пространство.

— Аукціонъ?—повторилъ Бубликовъ непринужденно,—право, не знаю, въ часъ, что ли... на немъ желалъ присутствовать Иванъ Ивановичъ Прозрителевъ... такъ вотъ, когда онъ пожалуетъ...

— О страхъ и смятенье!—пропѣлъ басомъ Головачъ,—душа моя полна тревоги!

— Да перестаньте!—съ досадой замѣтилъ ему Василій Петровичъ Македонскій.

— Во всякомъ случаѣ, — продолжалъ Бубликовъ, обращаясь исключительно къ Плавутину,—если вы хотите также присутствовать на аукціонѣ, вамъ придется подождать, потому что у насъ еще не все готово.

Высоко приподнявъ фуражку, Эмилій Маріусовичъ вѣжливо прослѣдовалъ мимо своихъ враговъ въ канцелярію управленія.

Тамъ сидѣлъ, по случаю праздника, только одинъ секретарь Острожниковъ, занятый перепиской протокола аукціона, какъ бы уже состоявшагося.

Бубликовъ заглянулъ изъ за его плеча на бумагу, прочелъ ее и сказалъ:

— Разорвите все это! Во-первыхъ, какъ можно въ оффиціальномъ документѣ писать, что куропатки пріобрѣтены Петромъ Петровичемъ? Неужели вы, старый служака, не понимаете, что это не ловко?

— Но вѣдь такъ было рѣшено...—возражалъ сконфуженный секретарь.

— Все равно, порвите... Не годится! Что Собачкинъ не отнесъ еще къ Ападульчеву тѣхъ куропатокъ, которыя Петръ Петровичъ предназначилъ ему въ подарокъ? Если отнесъ—надо послать, чтобы отдали обратно.

— Кажется, еще не относилъ....

— Что случилось?—спросилъ Петръ Петровичъ, недавно вернувшійся отъ Ападульчева и теперь сидѣвшій въ кабинетѣ.

— Это опять шутки проклятаго Головача!—раздраженно отвѣчалъ Бубликовъ,—онъ разсказалъ всѣмъ про аукціонъ и теперь пришла цѣлая толпа покупать куропатки.

— Это, гм... довольно непріятно, — пробормоталъ Петръ Петровичъ, который не любилъ никакихъ столкновеній.

Между тѣмъ Эмилій Маріусовичъ, при помощи Острожникова, выдвинулъ одинъ изъ столовъ на середину канцеляріи и разложилъ куропатки на грязной клеенкѣ.

— Что это не идетъ Прозрителевъ,—сказалъ Бубликовъ,—уже скоро часъ... Онъ обѣщалъ придти и взять себѣ всѣ куропатки.

— Это было бы недурно,—хихикая, замѣтилъ Острожниковъ.

Но время шло, а Прозрителевъ не являлся. Наконецъ, въ передней раздались шаги гостей, которымъ надоѣло ждать на крыльцѣ начала аукціона. Буйная компанія вошла тихо, вполнѣ прилично и размѣстилась на лавкѣ у стѣны. Но въ компаніи не доставало одного члена; дезертиромъ оказался Василій Петровичъ Македонскій.

Эмилій Маріусовичъ стоялъ у стола, покрытаго куропатками; Острожниковъ вооружился листомъ чистой бумаги, чтобы писать новый протоколъ, между тѣмъ какъ Собачкинъ вытянулся у дверей и, не сводя глазъ съ начальства, былъ всегда готовъ исполнять его приказанія.

Въ корридорѣ, у стекольчатой рамы, притаился Андрей Воробьевъ, съ грустью созерцавшій свой пустой мѣшокъ на полу канцеляріи и на столѣ раздѣленныя пары куропатокъ.

Всѣ молчали, сохраняя свои мѣста и неподвижность позы.

— Не находите ли вы, Георгій Александровичъ, что эта живая картина длится очень долго?—спросилъ Головачъ, прерывая молчаніе.

— Мы ждемъ кого-нибудь, Эмилій Маріусовичъ? — обратился Плавутинъ къ Бубликову.

— Да, — чрезвычайно вѣжливо отвѣчалъ послѣдній, — мы ждемъ товарища прокурора Прозрителева.

— Развѣ гдѣ-нибудь въ законѣ сказано, что аукціонъ куропатокъ не можетъ состояться безъ товарища прокурора?—сказалъ Головачъ.

На это не послѣдовало отвѣта.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Круглые стѣнные часы ударили два раза.

— Зачѣмъ онъ тянетъ этотъ аукціонъ?—шепнулъ потихоньку бухгалтеръ казначейства нотаріусу.

— Его душа глубока, какъ колодезь,—отвѣчалъ Головачъ за нотаріуса,—и трудно намъ увидѣть его таинственное дно.

— А его голова пустая мельница... крыльями вѣетъ, а муки все нѣтъ,—сказалъ Эмилій Маріусовичъ, отворачивая лицо отъ своего врага и глядя на Острожникова, весь красный съ раздутыми ноздрями.

Невинный секретарь чрезвычайно испугался, принявъ на

свой счетъ эту ядовитую насмѣшку, но вскорѣ успокоился, сообразивъ, что онъ уже совершенно непричастенъ къ распрѣ.

Головачъ поднялъ перчатку и уже раскрылъ ротъ, чтобы возражать, но въ это время, къ его великому облегченію, въ коридорѣ раздались тяжелые шаги Прозрителева и черезъ секунду самъ Иванъ Ивановичъ появился въ канцеляріи управленія.

Кивнувъ головою всѣмъ присутствовавшимъ, Прозрителевъ помѣстился вдали отъ публики на кожаномъ стулѣ.

Эмилій Маріусовичъ пріосанился, опершись кистями обѣихъ рукъ о столъ и началъ рѣчь безпристрастно, совершенно оффиціальнымъ тономъ, точно дѣло его вовсе не касалось.

— Вотъ, господа, продаются куропатки, незаконно убитыя крестьяниномъ Андреемъ Воробьевымъ.

Здѣсь онъ сдѣлалъ маленькую паузу, послѣ которой добавилъ:

— Куропатки оцѣнены въ семь гривенъ, кто дастъ больше?

— Даю семдесятъ пять копѣекъ,—промолвилъ товарищъ прокурора.

— А я—два рубля!—поспѣшно крикнулъ Головачъ.

Прозрителевъ медленно повернулъ голову въ сторону Головача, оглядѣлъ его съ видомъ презрительнаго недоумѣнія и перевелъ взоръ, уже принявшій выраженіе нѣкоторой строгости, на лицо Эмилія Маріусовича.

Послѣдній, какъ бы извиняясь за безтактное поведеніе невѣжливаго человѣка, слегка пожалъ плечами и сказалъ укоризненно:

— Два рубля... кто больше?

— Два, пять копѣекъ, — угрожающе промолвилъ товарищъ прокурора.

— Три рубля,—улыбаясь, промолвилъ Плавутинъ.

Теперь Иванъ Ивановичъ Прозрителевъ не посмотрѣлъ въ сторону говорившаго, но метнулъ уже совершенно гнѣвный взглядъ на Эмилія Маріусовича.

Бубликовъ, нѣсколько растерявшись, нагнулся къ секретарю, чтобы прошептать ему нѣсколько словъ, выслушавъ, которыя, Острожниковъ всталъ и сказалъ потихоньку Георгію Александровичу:

— Эмилій Маріусовичъ спрашиваетъ, зачѣмъ вы набиваете цѣну? Вѣдь деньги достанутся не мужику, а будутъ отосланы въ приказъ общественнаго призрѣнія.

— Я не зналъ этого,—отвѣчалъ Плавутинъ,—въ такомъ случаѣ, господа, остановимся на моей цѣнѣ, а остальное, что стоятъ куропатки, отдадимъ мужику въ руки.

— Чего лучше!—сказалъ Головачъ,—тогда хоть что нибудь достанется и пэйзану...

Прозрителевъ снова посмотрѣлъ на говорившаго; но, очевидно, изученіе этой худой, высокой, юркой бѣлокурой фигуры не удовлетворило товарища прокурора, потому что онъ потомъ по очереди оглядѣлъ всѣхъ, сидѣвшихъ у стѣны на скамейкѣ; затѣмъ перевелъ свой взглядъ на Острожникова, который въ эту минуту былъ вовсе не прочь провалиться сквозь землю, и, наконецъ, остановился на лицѣ Эмилія Маріусовича съ видомъ угрожающаго недоумѣнія.

«Гдѣ я?—говорилъ этотъ взоръ,—присутственное ли это мѣсто? Неужели дѣйствительно можно услышать такіе разговоры въ оффиціальномъ засѣданіи?»

Эмилій Маріусовичъ прочелъ эту рѣчь въ сердцѣ начальника и растерялся еще больше, вслѣдствіе чего началъ совершать такія дѣйствія, которыя потомъ для него и для другихъ остались навсегда неразрѣшенной психологической загадкой и которыя онъ долго не могъ простить себѣ, какъ постыдную слабость.

— Вы хотите часть денегъ отдать мужику? — сказалъ онъ, обращаясь къ Плавутину съ такимъ чувствомъ, точно идея справедливости вдругъ пронзила его сердце подобно молніи, — я нахожу, что вы правы...

Глаза Прозрителева, все покоившіеся на фигурѣ Эмилія Маріусовича, приняли теперь выраженіе неподдѣльнаго изумленія; но Бубликовъ, очевидно, имѣлъ какую-то коварную идею, потому что, не смотря на этотъ изумленный взглядъ начальника, продолжалъ свои странныя дѣйствія.

— Подойди сюда, любезный, — сказалъ онъ, кивая головою Андрею, который все стоялъ у стекольчатаго корридора.

Андрей сперва оглянулся, думая, что начальникъ зоветъ кого-то другого.

— Иди, тебя требуютъ,—строго сказалъ ему Собачкинъ.

Тогда Андрей вышелъ изъ своего уединенія и, стуча сапогами, подбитыми гвоздями, вошелъ въ канцелярію

— Возьми отъ меня, — продолжалъ Бубликовъ, доставая изъ кармана жилета засаленную рублевую бумажку, которая, вѣроятно, прошла черезъ много крестьянскихъ рукъ прежде чѣмъ къ нему попала,—возьми это отъ меня... Но не лови больше куропатокъ до Петрова дня, потому что ты снова тогда подвергнешься отвѣтственности по закону.

— Значитъ, куропатки все-таки за нами,—прошепталъ Петръ Петровичъ, который стоялъ все время у двери кабинета, приложивъ ухо къ замочной скважинѣ, отчего короткая шея его совершенно ушла въ плечи, а лицо и глаза налились кровью.

— И даже не поблагодарилъ,—продолжалъ размышлять Петръ Петровичъ, слыша, что пожертвованіе принимается Андреемъ при полномъ молчаніи, — въ сущности, гм... этотъ народъ!.. къ чему и желать ему сдѣлать добро, когда вокругъ такая неблагодарность?

Между тѣмъ Андрей спряталъ полученный рубль въ кожаный мѣшечекъ, стягивающійся ремешкомъ по краямъ и, поднявъ съ полу мѣшекъ, вышелъ, не обнаруживая ни благодарности, ни признаковъ раскаянія.

— Итакъ,—сказалъ Эмилій Маріусовичъ,—въ протоколѣ будетъ записано, что куропатки куплены Георгіемъ Александровичемъ Плавутинымъ... Господинъ секретарь, запишите.

— А вотъ и деньги,—сказалъ Плавутинъ, доставая изъ портмонэ три рубля

— Но вѣдь вамъ ихъ много, этихъ куропатокъ? — спросилъ Бубликовъ съ вкрадчивой любезностью.

— О, да! — отвѣчалъ Плавутинъ, — съ меня довольно одной пары, остальные, господа, берите кто хочетъ.

— Иванъ Ивановичъ, не угодно ли?—обратился Эмилій Маріусовичъ къ товарищу прокурора чрезвычайно довольнымъ голосомъ.

— Одна пара моя! — сказалъ Головачъ, — я заплачу за нее пэйзану.

— Я также возьму себѣ парочки двѣ, — сказалъ нотаріусъ Чепраковъ.

— И я возьму, пожалуй,—сказалъ бухгалтеръ Иванъ Ивановичъ второй,—да казначей просилъ меня взять ему штуки четыре.

— Я еще возьму пару для Розова,—сказалъ Головачъ,—онъ любитъ куропатки.

Выраженіе лукаваго торжества мало-по-малу начало исчезать съ лица Эмилія Маріусовича и смѣнилось, наконецъ, такою жалобной подавленностью, что будь Иванъ Ивановичъ первый нѣсколько менѣе непреклоненъ, онъ могъ бы почувствовать къ нему состраданіе; но этого не случилось: Прозрителелевъ молчалъ, сохраняя во всей фигурѣ своей непреклонное величіе.

Эмилій Маріусовичъ стоялъ у стола, печально глядя, какъ исчезали оттуда лучшія пары куропатокъ. Наконецъ, когда осталось на грязной клеенкѣ лишь нѣсколько жалкихъ труповъ, презрительно отвергнутыхъ вчера Петромъ Петровичемъ, публика отошла къ своимъ мѣстамъ.

— Что-жь, теперь и пообѣдать не грѣхъ,—сказалъ нотаріусъ Чепраковъ.

— Дѣйствительно, пора,—согласился Плавутинъ и взялся за шляпу.

За нимъ послѣдовали и остальные гости.

Тогда поднялся съ своего мѣста Прозрителевъ и, подойдя къ столу, у котораго все продолжалъ стоять Эмилій Маріусовичъ, холодно спросилъ его:

— Скажите, мил-сдарь, зачѣмъ вы меня сюда пригласили?

Рука Острожникова, строчившая протоколъ аукціона, вдругъ дрогнула; на бумагѣ появилась большая клякса, вслѣдствіе чего Лаврентію Ѳомичу пришлось переписывать все еще разъ.

— Я жду объясненій, мил-сдарь, — повторилъ Иванъ Ивановичъ первый, которому доставило удовольствіе небольшое приключеніе Острожникова.

— Я думалъ... зная вашу любовь къ куропаткамъ, угодить,— бормоталъ Эмилій Маріусовичъ,—я не ожидалъ такого... Это комплотъ... интрига нахаловъ, сдѣланная нарочно...

Прозрителевъ посмотрѣлъ на Эмилія Маріусовича, какъ смотритъ иногда человѣкъ на червяка, раздавленнаго имъ нечаянно ногою, и наконецъ сказалъ ему:

— Конечно, я вовсе не думаю, что вы приглашали меня сюда для того, чтобы надо мною посмѣялись неблагонамѣренныя личности...

Бубликовъ отпрянулъ отъ стола съ выраженіемъ огорченія и ужаса.

— Но,—продолжалъ Иванъ Ивановичъ,—вы пригласили меня въ общество, о намѣреніяхъ котораго сами ничего не знали! Этого достаточно...

Прозрителевъ умолкнулъ и повернулся, чтобы выйти.

— Ваше превосходительство!—нечаянно вырвалось у Эмилія Маріусовича; но даже подобное восклицаніе не заставило обернуться товарища прокурора.

Онъ послѣдовалъ въ корридоръ, сохраняя на лицѣ и на всей фигурѣ выраженіе непреклонной непоколебимости, между тѣмъ какъ Собачкинъ шелъ впереди его, отворяя двери.

— Вы первый подпишете?—сказалъ Острожниковъ, придвигая къ Эмилію Маріусовичу протоколъ, перо и чернильницу.

— Убирайтесь къ дьяволу!—отвѣчалъ ему Бубликовъ, проходя въ кабинетъ къ Петру Петровичу, который стоялъ у оконной занавѣски, наблюдая за гуляющими въ скверѣ.

Онъ видѣлъ, какъ, смѣясь, несли покупщики свою добычу; видѣлъ, съ какимъ любопытствомъ встрѣтила ихъ появленіе разряженная публика, гулявшая по дорожкѣ; видѣлъ, какъ хохотали

дамы, слушая разсказъ Головача, который стоялъ передъ ними, размахивая руками.

— Они себѣ устроили праздникъ изъ этого, гм... вашего аукціона,—сказалъ Петръ Петровичъ, когда къ нему подошелъ Бубликовъ,—объясните мнѣ, пожалуйста, что у васъ тутъ произошло? Я ничего не понимаю.

— То произошло,—съ сердцемъ отвѣчалъ Эмилій Маріусовичъ,—что этотъ проклятый Головачъ подобралъ себѣ достойную компанію и они устроили скандалъ въ управленіи.

— Но кому же достались куропатки?

— Ужъ не намъ, конечно...

— За что же вы отдали мужику рубль?—недоумѣвалъ Петръ Петровичъ.

— Ахъ, Богъ мой, сглупилъ, вотъ и все... Думалъ, что они намъ оставятъ куропатки, когда увидятъ, что я заплатилъ мужику деньги. Но развѣ такіе прохвосты понимаютъ деликатность! Не смотря на то, что я далъ деньги, они у меня изъ-подъ носа разобрали всѣхъ куропатокъ...

— И ничего намъ не оставили?—продолжалъ допытываться Петръ Петровичъ, отдуваясь такъ, будто онъ взошелъ только-что на высокую гору.

— Подите посмотрите,—грубо отвѣчалъ Бубликовъ; но тотчасъ же опомнился и прибавилъ жалобныхъ голосомъ,—намъ! Мы—люди свои, мало ли мы какіе виды видали и забыли! Но они Прозрителеву не дали ни одной пары, Прозрителеву. Онъ теперь въ бѣшенствѣ и я боюсь... боюсь какъ бы вся эта дурацкая исторія не отразилась въ будущемъ... Но нѣтъ! Я не прощу этого Головачу! Теперь—баста! Довольно я отъ него терпѣлъ, довольно...

— И какимъ образомъ попалъ къ намъ Прозрителевъ?—раздумывалъ Петръ Петровичъ,—ничего, ничего не понимаю!

— Прозрителева я позвалъ,—объяснилъ Бубликовъ, опуская голову.

— Вы? Зачѣмъ же, объясните, Бога ради.

— Зачѣмъ? Ужъ, конечно, хотѣлъ сдѣлать лучше, а не хуже... Затѣмъ позвалъ, что эти наглецы меня вывели изъ терпѣнія, когда мы возвращались изъ церкви... Стоятъ, хохочутъ, насмѣхаются надъ нами, хотятъ идти въ управленіе торговаться на аукціонѣ.

— Ну, такъ что жъ?

— Вотъ я и пошелъ къ Прозрителеву... думаю, если онъ будетъ на аукціонѣ, то они не посмѣютъ торговаться и скандалить... думалъ отдать ему за безцѣнокъ куропатокъ... Значитъ, если

не намъ, то и не имъ... А они при немъ тотъ же скандалъ не постѣснились устроить... Кто же могъ думать, что это такіе наглецы!

— Это все вы, Эмилій Маріусовичъ! Вы здѣсь во всемъ виноваты,—воскликнулъ Петръ Петровичъ, гнѣвъ котораго, уже давно клокотавшій въ душѣ, вышелъ, наконецъ, наружу,—затѣяли эту нелѣпую исторію... ужъ когда, гм... васъ послушаешь, то всегда выйдетъ что-нибудь, гм... чрезвычайно, гм... неудобное...

Петръ Петровичъ никогда рѣзко не выражался, но Эмилій Маріусовичъ, выслушивая эти фразы, въ которыхъ довольно умѣренно проявлялся гнѣвъ начальства, понялъ, что теперь не время возражать или оправдываться. Молча взялъ онъ фуражку и отправился домой, на противуположную сторону улицы, къ дому въ пять оконъ, на крылечкѣ котораго уже давно поджидала его супруга Анна Сергѣевна съ сыномъ Костей.

— Отчего ты, Эмиличка, не пришелъ сегодня завтракать?— спросила она, завидѣвъ супруга,—уже кофе весь выкипѣлъ и давно пора обѣдать.

— Если пора, такъ и давай,—отвѣчалъ Эмилій Маріусовичъ,— а не пришелъ я вовремя потому, что теперь у насъ вѣчныя непріятности по службѣ... Этотъ Тюльпановъ становится съ каждымъ днемъ все требовательнѣе... Скоро невозможно будетъ служить съ нимъ вмѣстѣ... Да убирайся прочь!—крикнулъ онъ, отталкивая Костю, который хотѣлъ примоститься къ нему на колѣни.

— Костенька, уйди отъ папы, онъ усталъ,—сказала желтолицая Анна Сергѣевна,—пойдемъ со мной лучше наливать супъ.

И Анна Сергѣевна вышла, ни о чемъ больше не разспрашивая супруга.

III.

Прошла недѣля, другая; исторія о куропаткахъ была уже забыта, когда вдругъ, совершенно неожидано, курдюмскимъ обывателямъ пришлось еще разъ вспомнить о ней, благодаря одному обстоятельству, удивившему очень многихъ.

Обстоятельство это сдѣлалось извѣстно Эмилію Маріусовичу въ одинъ изъ дней, когда онъ сидѣлъ за занятіями въ канцеляріи полицейскаго управленія.

Въ тотъ день Эмилій Маріусовичъ рано покончилъ съ дѣлами и принялся за чтеніе «Губернскихъ Вѣдомостей», только-что полученныхъ съ почты.

Не ожидая ничего интереснаго, Эмилій Маріусовичъ лѣниво просматривалъ плотные столбцы мелкой печати, какъ вдругъ взоръ

его упалъ на три строчки, заключавшія въ себѣ одно изъ самыхъ сенсаціонныхъ извѣстій. Онъ перечиталъ извѣстіе разъ, потомъ другой, и затѣмъ даже всталъ, чтобы взволнованно зашагать по канцеляріи.

Небритыя личности, сидѣвшія за столами, покрытыми рваной клеенкой, подняли головы отъ бумагъ и съ удивленіемъ смотрѣли на своего начальника.

— Вотъ такъ новость!—сказалъ онъ, наконецъ, обращаясь къ секретарю, за неимѣніемъ другого собесѣдника,—впрочемъ, этого слѣдовало ожидать.

— Что такое?—спросилъ Острожниковъ, поворачивая къ нему лицо, озаренное любопытствомъ; но уже не получилъ отвѣта: Эмилій Маріусовичъ увидѣлъ на улицѣ судебнаго слѣдователя Носкова и крикнулъ ему изъ окошка:

— Алексѣй Григорьевичъ, подойдите-ка сюда на минутку...

— Некогда мнѣ болтать съ вами,—донесся издали отвѣтъ Носкова,—у меня дѣлъ вонъ какая куча!

— Да, вѣдь, новости... и какія!

По довольному выраженію лица Бубликова, а также по тому, что съ улицы больше возраженій не послѣдовало, небритыя личности рѣшили, что Носковъ принялъ приглашеніе, и повернули головы къ окошку.

— Ну, что у васъ за новости?—спросилъ Носковъ, заглядывая съ улицы въ канцелярію.

— Головача-то отъ насъ фю-фю!—съ торжествомъ возвѣстилъ Бубликовъ.

— А, Головача переводятъ?—вмѣшался секретарь, который сидѣлъ все это время глубоко оскорбленный невниманіемъ начальника,—позвольте мнѣ газету...

Не дожидаясь разрѣшенія, Острожниковъ взялъ со стола «Губернскія Вѣдомости» и углубился въ чтеніе.

— Головача переводятъ?—повторилъ, въ свою очередь, Носковъ.

— То-то, что вовсе и не переводятъ, а просто увольняютъ...—пояснилъ Эмилій Маріусовичъ.

— Что вы? Да это скандалъ!—замѣтилъ Носковъ равнодушно, потому что и онъ иногда терпѣлъ отъ насмѣшекъ молодого акцизнаго чиновника.

— Конечно, скандалъ, въ томъ-то и дѣло! Вотъ теперь пускай себѣ гордится... Вотъ онъ считаетъ себя умнѣе всѣхъ; а сразу безъ куска хлѣба остался.

— Но какъ же это случилось?

— Да мало ли онъ здѣсь дѣлалъ глупостей? Стоило только хоть одну изъ нихъ довести до свѣдѣнія начальства, вотъ и все.

— Вотъ именно, кто донесъ?

Эмилій Маріусовичъ сдѣлалъ строгое лицо и, перегнувшись всѣмъ корпусомъ за окошко къ слушателю, прошепталъ:

— Знаете, кого онъ, наконецъ, вывелъ изъ терпѣнія?

— Ну?

— Прозрителева! Ну, а этотъ, всѣмъ извѣстно, никому ничего не спуститъ.

— Это все, значитъ, за куропатки?—догадался Носковъ и началъ смѣяться.

— Да, смѣйтесь! И этому наглецу Головачу все было всегда смѣшно... а теперь, пусть надъ собой сперва посмѣется.

— Да, я думаю теперь онъ радъ былъ бы и сотню куропатокъ отдать, да поздно,—философствовалъ Носковъ.

— Нѣтъ-съ, теперь ужъ ничѣмъ не поправишь,—злорадно подтвердилъ Бубликовъ.

Собесѣдники помолчали.

— Что жъ, до свиданія,—сказалъ Носковъ.

— До свиданія... Я сейчасъ велю запрягать и поѣду къ Ападульчеву и еще кой къ кому изъ знакомыхъ; надо узнать, гдѣ будутъ сегодня карты?

Черезъ минуту Эмилій Маріусовичъ уже сидѣлъ на дрогахъ, молодцовато подбоченясь одной рукой, а другой поддерживая полу форменной шинели, которая безъ этой предосторожности, волочилась бы по пыли.

Скоро дроги подкатили къ дому Агриппина Михайловича и Бубликовъ весело поклонился высокой хозяйкѣ, которая смотрѣла на него изъ окна.

— Наказаніе!—сказала она ворчливо мужу,—уже этотъ пріѣхалъ...

— Кто, Бубликовъ?—спросилъ хозяинъ, сидѣвшій у стола съ колодой старыхъ картъ въ рукахъ.

— Ну, конечно, онъ, а то кто же?

— Гм... отвѣтилъ супругъ и, послюнивъ большой палецъ правой руки, принялся раскладывать карты направо и налѣво.

— Опять надо подавать завтракъ, а сейчасъ только со стола сняли,—продолжала жаловаться Анжелика Ивановна; но, заслышавъ шаги гостя, поспѣшила къ нему на встрѣчу съ привѣтливой улыбкой.

— Новость-то, новость!—воскликнулъ Бубликовъ, поздоровавшись съ хозяевами,—три дня будете думать, не угадаете!

— Да говорите ужъ скорѣе, губернаторъ, что ли, ѣдетъ?—спросилъ Агриппинъ Михайловичъ, отрываясь отъ пасьянса,—вотъ ужъ не дай Богъ: въ клубѣ полы красятъ, повара угналъ въ городъ за рыбой и вернется-то онъ только черезъ пять дней.

— Не туда пошли, воротитесь, — возразилъ Эмилій Маріусовичъ,—кто-то не въ Курдюмъ ѣдетъ, а изъ Курдюма уѣзжаетъ...

Бубликовъ нѣкоторое время наслаждался любопытствомъ хозяевъ и затѣмъ объявилъ:

— Головача отъ насъ выгоняютъ...

— И по дѣломъ, по дѣломъ, — сказалъ Ападульчевъ, снова принимаясь за пасьянсъ, — безпокойный человѣкъ, скандалистъ... Не знаю, какъ до сихъ поръ начальство смотрѣло.

— Все хвастался, что протестуется, вотъ и допротестовался,— замѣтила Анжелика Ивановна, — не хотите ли закусить, Эмилій Маріусовичъ?

— Нѣтъ, благодарю, я еще заѣду къ нѣсколькимъ лицамъ,— отвѣчалъ Бубликовъ,—а вотъ, вечеркомъ, если позволите...

— Милости просимъ...

Эмилію Маріусовичу ничего больше не оставалось здѣсь дѣлать. Торопливо распрощавшись съ хозяевами, онъ поѣхалъ въ почтовую контору сообщить новость Шпингалетову. Изъ почтовой конторы онъ заѣхалъ къ акцизному Владиміру Богдановичу, оттуда къ доктору Македонскому. Хотѣлось еще Бубликову заѣхать и къ Ивану Ивановичу Прозрителеву; но онъ подумалъ, что товарищу прокурора эта новость должна быть извѣстна раньше всѣхъ и не поѣхалъ.

Было уже около трехъ часовъ. Эмилій Маріусовичъ послѣ такой хорошей прогулки чувствовалъ порядочный аппетитъ, почему и велѣлъ кучеру ѣхать прямо домой.

Анна Сергѣевна, сторожившая уже давно появленіе супруга на улицѣ, вышла къ нему на встрѣчу въ переднюю.

Тамъ она поцѣловала Эмилія Маріусовича и при этомъ, какъ всегда, неслышно потянула въ себя воздухъ, чтобы узнать, возвращается ли супругъ прямо изъ канцеляріи или же побывалъ еще гдѣ-нибудь за это время?

Подобный способъ секретнаго разслѣдованія истины былъ чрезвычайно удобенъ, потому что воздухъ канцеляріи отличался такимъ специфическимъ запахомъ, что всякій, побывавшій тамъ непродолжительное время, долго сохранялъ на своемъ платьѣ, бѣльѣ и волосахъ ароматическое воспоминаніе этого визита.

Благодаря постоянной практикѣ, Анна Сергѣевна умѣла различать даже оттѣнки канцелярскихъ запаховъ и могла опредѣлять

служебное усердіе супруга по большей или меньшей интенсивности ароматовъ его одежды.

Сегодня платье Эмилія Маріусовича не сохраняло ни малѣйшихъ признаковъ специфическаго запаха, почему Анна Сергѣевна заключила, что супругъ ея уже давно покинулъ стѣны канцеляріи.

— Слыхала ли ты, Нюня, что случилось съ этимъ скандалистомъ Головачемъ? — сказалъ, скидывая шинель, Эмилій Маріусовичъ.

— Слыхала?—переспросила Анна Сергѣевна, дрожащимъ отъ сдержанной обиды голосомъ,—откуда я могу что-нибудь слышать? Развѣ у насъ кто бываетъ? Вѣдь ты съ дамами или ссоришься, или за ними ухаживаешь... Я цѣлую недѣлю даже у Ападульчевыхъ не была, а ты тамъ торчишь постоянно, вѣрно изъ-за этой дѣвчонки, Людмиллы! То за маменькой бѣгалъ, а теперь за дочку принялся... Я всегда одна, поэтому нечего и спрашивать меня, слыхала ли я что-нибудь? Откуда мнѣ слышать?

— Но, Аня...—примирительно замѣтилъ Эмилій Маріусовичъ, который, не подозрѣвая таинственнаго маневра супруги, часто удивлялся ея дурному расположенію духа.

— И нечего мнѣ говорить «Аня»! — воскликнула Анна Сергѣевна.

— Какъ же не говорить, когда ты такъ несправедлива? Вѣдь я же тебѣ сейчасъ все хотѣлъ разсказать, значитъ, ты первая изъ дамъ и узнала бы новость.

— Первая! Казначейша въ городѣ уже слышала, что Головача прогоняютъ съ мѣста... При мнѣ читали ея письмо у Владиміра Богдановича.

— Положимъ, такъ, но вѣдь казначейша еще не вернулась, значитъ...

— Значитъ, что я всегда все узнаю послѣдней, что я несчастная, одинокая? Никто ко мнѣ не ходитъ! Весь городъ все уже знаетъ, у Айзиковскихъ объ этомъ еще вчера говорили, а ты приходишь ко мнѣ хвастаться такой старой новостью!

— У Айзиковскихъ? — переспросилъ Эмилій Маріусовичъ, съ оттѣнкомъ озабоченности въ лицѣ,—странно! Я съ нимъ сегодня утромъ встрѣтился и онъ мнѣ ничего не сказалъ! Можетъ, онъ говорить со мной не желаетъ? Не насплетничали ли ему чего-нибудь на насъ и онъ хочетъ ссориться?

Во время этихъ соображеній лицо Эмилія Маріусовича пріобрѣтало все болѣе серьезное выраженіе и наконецъ сдѣлалось очень озабоченымъ.

— Что ему станутъ наговаривать!—возразила Анна Сергѣев-

на,—онъ и такъ уже давно знаетъ, что ты ухаживаешь за его женою, да молчитъ... Чего ему съ тобой ссориться? Тогда онъ потеряетъ и даровые прогоны, и дарового полицейскаго, и овощи съ твоего огорода.

— Ну, Нюня, полно ужъ...

— Полно!—возвышая голосъ, продолжала Анна Сергѣевна,—полно! Ты меня бросаешь цѣлые дни одну, а когда я хочу съ тобой поговорить, ты не даешь... И вчера, и позавчера ты пришелъ домой чуть ли не утромъ...

— У насъ была срочная работа въ канцеляріи, а потомъ къ Петру Петровичу пришелъ Носковъ и мы сѣли играть въ карты. Носкову не везло, онъ проигралъ мнѣ три рубля.

— Ты бы мнѣ ихъ подарилъ на рубашечку для Кости.

— Да Носковъ не расплатился со мною. Но когда онъ отдастъ, я тебѣ подарю ихъ... Однако, что это Ѳекла не подаетъ обѣдать?

Не дожидаясь отвѣта супруги, Эмилій Маріусовичъ отправился на кухню, гдѣ, потрепавъ ладонью по спинѣ могучей Ѳеклы, велѣлъ ей поторопиться; но когда въ дверяхъ появилось подозрительно глядѣвшее лицо Анны Сергѣевны, Эмилій Маріусовичъ находился уже за десять шаговъ отъ Ѳеклы и, приподнявъ крышку какой-то кастрюли, внимательно изучалъ ея содержимое.

— Ну, всѣ пришли!—проворчала Ѳекла,—идите ужъ въ горницу, я подаю.

— Какъ ты смѣешь грубить! — вспылила неожидано для кухарки Анна Сергѣевна,—смотри за своимъ дѣломъ и молчи.

Но Эмилій Маріусовичъ, которому здѣсь больше ничего не оставалось дѣлать, повиновался приказанію Ѳеклы, что Анна Сергѣевна, чутко слѣдившая за поведеніемъ супруга, записала въ своемъ сердцѣ, какъ долгъ, подлежащій погашенію.

Во время обѣда разговоръ вертѣлся преимущественно на непріятности, постигшей Головача. Удовлетворивъ личное чувство мести, Эмилій Маріусовичъ перевелъ разговоръ на общую почву и доказывалъ супругѣ, что подобные случаи и должны случаться съ такими людьми, какъ молодой акцизный чиновникъ: кто надъ другими любитъ издѣваться, тотъ долженъ ожидать, что и ему когда-нибудь достанется...

— А меня, папа, онъ называлъ «Бубличекъ»!—вмѣшался въ разговоръ родителей маленькій Костя и затѣмъ воскликнулъ, вскакивая со стула,—вотъ онъ и самъ идетъ!

— Дѣйствительно, идетъ!—сказала Анна Сергѣевна какъ бы изумляясь смѣлости Головача, и подошла къ окошку, чтобы лучше его видѣть. За ней послѣдовалъ Эмилій Маріусовичъ, скинувъ

предварительно салфетку, охранявшую его китель отъ случайныхъ неосторожностей во время обѣда.

Сгруппировавшись у окна, семейство Бубликовыхъ во всѣ глаза смотрѣло на подходившаго къ ихъ дому акцизнаго чиновника.

Но видъ Головача не доставилъ имъ большого удовольствія: опальный молодой человѣкъ шелъ по улицѣ, заложивъ руку за спину, съ высоко поднятой головой и беззаботно насвистывалъ какую-то веселую пѣсенку.

— Скажите, пожалуйста, еще свиститъ!—замѣтила нѣсколько обиженно Анна Сергѣевна и отошла отъ окошка.

— Насвистится... Свободнаго времени у него будетъ довольно,— громко отвѣчалъ ей Эмилій Маріусовичъ.

Головачъ, чувствовавшій на себѣ злорадные взгляды супружеской четы, вздохнулъ съ облегченіемъ, когда очутился, наконецъ, внѣ ея наблюденія. Тогда онъ пересталъ свистѣть и выраженіе его лица потеряло часть своей независимости.

— Ѳедоръ Семеновичъ!—окликнулъ его Плавутинъ, когда Головачъ поровнялся съ его квартирой,—зайдите ко мнѣ, поговоримъ.

— И вы уже знаете?—спросилъ молодой человѣкъ съ комически-смущенной улыбкой,—Емелька-то радъ! Всѣмъ благовѣститъ.

— За что это васъ? Что случилось?

— А я откуда знаю? Я столько же знаю, сколько и вы...

— Ну, полно, полно...

— Да ей же Богу! Надняхъ, дѣйствительно, мнѣ писали изъ города, чтобы я подавалъ въ отставку, иначе меня, все равно, и такъ вытурятъ. Но я принялъ это за мистификацію... Написалъ, чтобы мнѣ разъяснили, въ чемъ дѣло, а вмѣсто отвѣта...

— Вы знаете, что братъ Прозрителева служитъ въ акцизномъ управленіи?

— Знаю ли я! Конечно, въ этомъ-то и все дѣло...—смущенно почесывая затылокъ, отвѣчалъ Головачъ, — какъ мнѣ не знать этакой важной вещи? Но вѣдь, кромѣ Прозрительскаго брата, имъ что-нибудь еще надо было про меня выдумать, чтобы такъ прогнать со службы.

Въ это время на противуположномъ углу площади появился новый пѣшеходъ, въ которомъ собесѣдники скоро узнали нотаріуса Чепракова.

Нотаріусъ еще издали, въ знакъ привѣтствія, кивалъ головой и размахивалъ руками. Не доходя до крылечка нѣсколькихъ шаговъ, онъ уже крикнулъ:

— Правда ли это, Ѳедоръ Семеновичъ?

Въ отвѣтъ Головачъ только нетерпѣливо пожалъ плечами.

Нотаріусъ подошелъ поближе, поздоровался съ бесѣдующими и сказалъ:

— Сейчасъ видался съ Прозрителевымъ... Говоритъ, будто ничего не знаетъ—хитрая бестія! Потомъ вдругъ, безъ всякого вопроса съ моей стороны, разсказалъ, что въ городѣ уже давно на васъ косились; за вольнодумство, молъ, вами недовольны... Вы будто бы насчетъ религіи отозвались съ неуваженіемъ.

— Съ кѣмъ это вы вели богословскія бесѣды?—сказалъ, смѣясь, Плавутинъ,—ужъ не съ Прозрителевымъ ли?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ за Головача нотаріусъ,—я знаю, онъ берберовскаго діакона въ ересь обращалъ, или даже псаломщика, не упомню.

Головачъ подумалъ съ секунду и сказалъ, пожимая плечами:

— Но вѣдь это было зимою!

— А, значитъ было!—воскликнулъ Плавутинъ,—но вамъ должно быть извѣстно, что всякій овощь даетъ свой плодъ лѣтомъ... Ну, кайтесь, разсказывайте, въ чемъ дѣло.

— Да и дѣла-то, въ сущности, никакого не было!—отвѣчалъ Головачъ,—пріѣхалъ я въ Берберово на заводъ... Скука смертная! Вечеромъ пошелъ къ діакону играть въ карты. Третьимъ былъ псаломщикъ. Потомъ ужинали и выпито было немножко. Ну, пошли у насъ послѣ этого разные задушевные разговоры, Богъ знаетъ о чемъ только ни говорили! Дѣло дошло даже до среднихъ вѣковъ... И ужъ не знаю, какъ это вышло, только сталъ я ихъ дразнить...

— Ну, конечно, безъ этого у васъ никогда не обходится съ людьми!

— Вѣдь вотъ, охота человѣку всегда со всѣми препираться!—воскликнулъ нотаріусъ.

— Да какъ все предвидѣть? Началось будто мирно; а потомъ, въ спорѣ, дѣло болѣе широкій оборотъ получило... Я немножко насчетъ невѣжества духовной братіи прошелся; они и разсвирѣпѣли.

— Ну, теперь дѣло ясно.

— Вовсе не ясно. Это было въ февралѣ мѣсяцѣ и потомъ все уладилось. Мы, помирились... Нѣтъ, тутъ что-то другое.

— Тутъ, батюшка, Прозрительскія куропатки.

— То-есть, именно не Прозрительскія.

— Да, да, Ѳедоръ Семеновичъ, неуживчивый вы, батюшка, очень неуживчивый.

— Протестуюсь...—повторилъ Головачъ свою любимую фразу, но какъ-то уныло, безъ обычной насмѣшливой улыбки.

— Вотъ еще недавно,—продолжалъ укорять его нотаріусъ,— вы при Бубликовѣ назвали Прозрителева поповичемъ.

— Да вѣдь онъ и есть поповичъ!

— Ну, конечно, вы сказали это изъ любви къ истинѣ!—замѣтилъ Плавутинъ.

Головачъ засмѣялся.

— Языкъ мой—врагъ мой!—сказалъ онъ,—но теперь ужъ все равно, нечего мнѣ читать нотаціи... Дѣло кончено, надо собирать вещи въ чемоданъ и отрясти прахъ нечестиваго Курдюма отъ подошвъ своихъ.

— Положимъ, вамъ полезно уѣхать отсюда.

— Да, хорошо вамъ такъ говорить!—вздыхая, возразилъ Головачъ,—здѣсь такъ легко живется... Въ другомъ мѣстѣ надо себя сдерживать, обдумывать свои слова и поступки, а тутъ—валяй, что придетъ въ голову!

— Какъ видите, и здѣсь не совсѣмъ такъ,—сказалъ Плавутинъ.

— Какъ же вы думаете съ собой распорядиться?—спросилъ нотаріусъ.

— Кто же это знаетъ?.. Сперва буду проѣдать то, что здѣсь заработалъ; а потомъ, вѣроятно, поступлю въ какую-нибудь труппу.

— Въ труппу? Актеромъ!

— Что же тутъ удивительнаго? Набираются же откуда-нибудь актеры? Я всегда имѣлъ большой успѣхъ въ комическихъ роляхъ... А служить больше не стану! Я бы и не пробовалъ, да родители требовали; но теперь—баста! Сдѣлаюсь свободнымъ художникомъ, и быть можетъ,—закончилъ онъ съ насмѣшливой торжественностью,—имя мое прогремитъ по всей Россіи, и стыдъ падетъ тогда на головы моихъ курдюмскихъ преслѣдователей! А пока что, до свиданья...

Онъ пожалъ руки собесѣдникамъ и отправился домой.

Вечеромъ, гулявшая въ скверѣ аристократія была также занята обсужденіемъ вызванной отставки Головача.

На сторонѣ молодого человѣка оказалось очень мало сочувствующихъ, потому что онъ всѣхъ почти когда-нибудь обидѣлъ своей насмѣшкой; а курдюмскіе обыватели отличались злопамятностью.

За то престижъ Ивана Ивановича Прозрителева возросъ сегодня болѣе обыкновенныхъ размѣровъ. Всѣ толпились около него, слушали его рѣчи, соглашались съ его мнѣніями, тогда какъ поведеніе Головача было осуждено сразу и безпощадно.

— Головачъ вовсе не дурной человѣкъ,—осмѣлился выра-

зить Георгій Александровичъ, — только онъ очень распустился въ Курдюмѣ. Онъ пріѣхалъ сюда скромнымъ и порядочнымъ юношей; но здѣсь онъ скоро опустился и началъ вести себя, дѣйствительно, не всегда достойно.

Иванъ Ивановичъ стоялъ во время этой рѣчи неподвижно, вперивъ глаза въ одну точку; когда Плавутинъ кончилъ, онъ продолжалъ такъ спокойно, точно никто и не прерывалъ его.

— Да, за дерзости свои и за вольнодумства господинъ этотъ достоинъ наказанія.

Затѣмъ Прозрителевъ съ важностью оглядѣлъ всѣхъ, стоявшихъ возлѣ него, и ихъ молчаніе какъ бы подтвердило этотъ суровый приговоръ.

Однако, несмотря на такую опалу, кружекъ пріятелей Головача не отступилъ отъ стариннаго обычая и устроилъ отъѣзжающему прощальный банкетъ въ квартирѣ Плавутина, или, вѣрнѣе, во дворѣ его квартиры.

Банкетъ, несмотря на небольшое количество гостей, вышелъ чрезвычайно шумный.

Больше всѣхъ веселился герой празднества, увѣрявшій пріятелей, что онъ считаетъ свою отставку счастливой, хотя и совершенно неожиданной, случайностью.

Сдѣлавъ такое открытіе, Головачъ считалъ себя вправѣ громко радоваться, пѣть веселыя пѣсни, провозглашать тосты, предпосылая имъ зажигательныя рѣчи. Подъ конецъ банкета онъ такъ утомился, что могъ только кричать: «протестуюсь!» да посылать кому-то троекратную анаѳему.

За банкетомъ пріятели провели всю ночь. Они наполняли церковную площадь шумомъ до самой зари, возбуждая искреннее негодованіе Прозрителева и тайную зависть Петра Петровича, который былъ приглашенъ на банкетъ, но пойти туда побоялся.

Съ восходомъ солнца Головачъ былъ усаженъ пріятелями въ почтовую телѣжку и необычайно ранній звонъ колокольчика возвѣстилъ пробуждающимся обывателямъ объ отъѣздѣ безпокойнаго акцизнаго чиновника.

Однако, прошло какихъ-нибудь недѣли двѣ, не больше, и снова всѣ заговорили о Ѳедорѣ Семеновичѣ: неизвѣстно какъ и откуда, появилось въ Курдюмѣ рукописное сочиненіе, ходившее сперва тайно по рукамъ обывателей. Это была слѣдующая басня, авторомъ которой всѣ единодушно называли Головача:

Мужикъ и Нѣкто.

БАСНЯ.

Однажды мужичекъ въ Петровки дичь убилъ.
Онъ очень бѣденъ былъ,
Такъ этотъ грѣхъ ему простить возможно...
Да вотъ бѣда: онъ шелъ неосторожно
И Нѣкто на пути его перехватилъ
(А былъ сей Нѣкто падокъ
До куропатокъ).
«Послушай, мужичекъ,—такъ Нѣкто говорилъ,—
«Скажи мнѣ, мой дружокъ, что стоютъ эти птички?»
— Хоть птички не велички, да нынче дичь въ цѣнѣ
И менѣе рубля отдать не сходно мнѣ,—
Отвѣтствовалъ пейзанъ.
«За пару?»—Точно такъ... «Болванъ!»
Воскликнулъ Нѣкто вдругъ—«Свинья, каналья, воръ!
«Ты знаешь, кто я? Прокуроръ!
«Какъ смѣлъ ты въ эту пору
«Являться съ дичью къ прокурору?»
Затрепеталъ мужикъ, и въ ноги господину:
— Помилуйте, прошу!.. Возьмите за полтину!—
Смиренно онъ сказалъ.
И Нѣкто взялъ.

. . . . . .

Какъ содержаніе басни, такъ и ея таинственное появленіе возбуждали общее вниманіе до крайности.

Появились многочисленныя копіи, которыя читались и въ казначействѣ, и на почтѣ, и въ аптекѣ. Даже небритыя личности канцеляріи полицейскаго управленія, сидя за перепиской бумагъ, тайкомъ почитывали это произведеніе, несмотря на то, что Петръ Петровичъ приказалъ своимъ подчиненнымъ истреблять попадающіеся имъ экземпляры басни.

Дѣйствительно, благодаря бдительному усердію урядника Собачкина, масса рукописныхъ экземпляровъ басни была уничтожена; но вмѣсто уничтоженныхъ появлялось еще больше новыхъ... Эта борьба истребителей и распространителей надолго заняла умы и досуги курдюмской аристократіи.

Черезъ грамотнаго Гаврюшку, басня въ концѣ-концовъ проникла въ народную среду, послѣ чего украсилась разнообразными варіантами, которые по смѣлости мысли и полету фантазіи далеко оставили за собою ихъ первоначальный источникъ.

Басней окончилась исторія о куропаткахъ; но исторія басни еще впереди.

Національный союзъ домашняго чтенія въ Англіи *).

Въ рѣчи, произнесенной на собраніи «Національнаго союза домашняго чтенія», въ январѣ 1896 г., сэръ Джонъ Горстъ, министръ народнаго просвѣщенія въ Англіи, указалъ на тотъ важный пробѣлъ въ народномъ образованіи, который «союзъ» призванъ восполнить. «Трудно себѣ представить,—замѣтилъ онъ,—какъ велико число подростковъ, въ 16 и 17 лѣтъ позабывшихъ грамоту. Любопытное изслѣдованіе было недавно произведено въ Ипсвичѣ. Изъ нѣсколькихъ сотъ дѣтей лишь немногія могли еще читать; еще меньшее количество могло писать и всего одинъ изъ всѣхъ съумѣлъ рѣшить ариѳметическую задачу... Въ нѣсколько лѣтъ они утратили всѣ познанія, пріобрѣтенныя въ школѣ... Такое общество, какъ «Національный союзъ домашняго чтенія», полезное учащимъ и учащимся, является неоцѣненнымъ средствомъ борьбы противъ этого зла».

«Національный союзъ домашняго чтенія» основанъ въ іюлѣ 1887 года по иниціативѣ доктора Пэтонъ и по примѣру уже ранѣе существовавшаго въ Шотоквѣ общества для распространенія домашняго чтенія. Американское и англійское общества въ главныхъ чертахъ сходны между собой. Цѣль и методъ ихъ—одни и тѣ же: оба стремятся къ просвѣщенію массы посредствомъ систематическаго чтенія. Они разнятся между собой по нѣкоторымъ пріемамъ, принаровленнымъ къ общественнымъ потребностямъ той и другой страны. Преслѣдуя свои образовательныя цѣли, «Національный союзъ домашняго чтенія» долженъ былъ сообразоваться съ уровнемъ развитія и стремленіями весьма пестрой и разнообразной массы читателей. Подраздѣляя ихъ на группы, можно различить среди нихъ три главныхъ категоріи:

1) Лица обоего пола, кончившія начальную школу и нуждающіяся въ руководствѣ для чтенія, чтобъ сохранить и расширить знанія, пріобрѣтенныя на школьной скамьѣ. Для этихъ лицъ курсъ

*) Рефератъ, читанный въ засѣданіи коммиссіи 6 марта 1897 г. по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ «Общества распространенія техническихъ знаній».

домашняго чтенія находится въ прямой связи съ такъ-называемыми вечерними классами и отчасти замѣняетъ послѣдніе.

2) Рабочіе, желающіе пополнить образованіе, полученное въ начальной школѣ. Для нихъ на первомъ планѣ стоитъ профессіональное обученіе, а также высшее общее образованіе, которое даетъ организація «University Extension» (Общество распространенія университетскаго образованія).

3) Многочисленный разрядъ лицъ, кончившихъ среднее образованіе, но не имѣвшихъ возможности продолжать его въ коллежѣ; также и тѣ лица, которыя, кончивъ высшее образованіе, желаютъ освѣжить свои познанія или расширить ихъ въ новой области.

Для удовлетворенія потребностей всѣхъ этихъ разнообразныхъ читателей курсъ чтенія для первыхъ двухъ разрядовъ разсчитанъ на 3 года, по 9 мѣсяцевъ каждый; для третьяго разряда—на 4 года, по 9 мѣсяцевъ каждый.

«Національный союзъ домашняго чтенія» ежегодно составляетъ списки книгъ для чтенія и печатаетъ ежемѣсячный журналъ, заключающій въ себѣ краткія характеристики, біографическіе очерки и критическія статьи, въ которыхъ разбираются изучаемыя книги. При этомъ союзъ подраздѣляетъ всѣхъ своихъ читателей на три секціи:

a) Младшая секція—лицъ обоего пола, только-что кончившихъ курсъ начальной школы.

b) Секція общихъ курсовъ.

c) Секція спеціальныхъ курсовъ.

Къ этимъ тремъ секціямъ за послѣдніе два года прибавилась 4-я, такъ-называемая вводная, въ которой предлагается, за уменьшенную плату, чтеніе книгъ, изучавшихся въ предыдущіе годы.

Для облегченія образовательныхъ задачъ, союзъ стремится соединить своихъ читателей въ кружки не менѣе, какъ изъ 5-ти членовъ, собирающихся при помощи руководителя для обсужденія и выясненія изучаемыхъ предметовъ. Соединеніе читателей въ кружки, помимо педагогическихъ преимуществъ, представляетъ и матеріальную выгоду: a) члены кружка вносятъ меньшую плату, чѣмъ отдѣльные читатели; b) они имѣютъ возможность сообща пріобрѣтать книги, необходимыя для изученія избраннаго ими курса.

Всѣ члены читающаго кружка должны изучать одинъ и тотъ же курсъ, причемъ желательно, чтобы они одновременно читали тѣ же сочиненія. Если менѣе 5-ти членовъ желаютъ составить кружокъ, каждый долженъ вносить плату отдѣльнаго читателя. Руководители или сами составляютъ кружокъ, или же избираются членами уже образовавшагося кружка. Обязанности руководителя слѣдующія:

1) Сообщать въ контору союза имя и адресъ каждаго члена кружка, списокъ требуемыхъ книгъ вмѣстѣ съ обозначеніемъ избираемаго кружкомъ курса,—словомъ, служить оффиціальнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ конторы съ членами кружка.

2) Доставлять въ контору взносы членовъ кружка.

3) Собирать кружокъ черезъ извѣстные промежутки времени для бесѣды по поводу прочитанныхъ сочиненій и объясненіе непонятныхъ вопросовъ.

4) Раздавать членамъ кружка экземпляры ежемѣсячнаго журнала.

5) По окончаніи ежегоднаго курса занятій посылать въ контору краткій отчетъ о занятіяхъ кружка.

Для болѣе успѣшнаго развитія своей дѣятельности союзъ стремится къ учрежденію мѣстныхъ комитетовъ. Послѣдніе должны способствовать расширенію круга читателей, пропагандировать задачи союза въ городахъ и провинціи.

Каждый мѣстный комитетъ, въ участкѣ котораго не менѣе 200 читателей, имѣетъ своего представителя въ Совѣтѣ союза.

Для цѣлей пропаганды Совѣтъ указываетъ комитетамъ способы для расширенія круга читателей. А именно членамъ комитета рекомендуется: 1) Устраивать лекціи, бесѣды, митинги для пропаганды цѣлей и задачъ союза; также обращаться къ отдѣльнымъ лицамъ, сочувствующимъ дѣлу просвѣщенія. 2) Помѣщать свѣдѣнія о союзѣ въ мѣстныхъ органахъ печати. 3) Распространять рекомендованныя союзомъ книги въ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ. 4) Обращаться къ воскреснымъ школамъ, клубамъ, рабочимъ и др. обществамъ, для выясненія преимуществъ систематическаго чтенія и т. д.

Читатели, пользующіеся указаніями и руководствомъ союза домашняго чтенія, вносятъ небольшую ежегодную сумму; при этомъ отдѣльные читатели, какъ уже было сказано, платятъ больше, чѣмъ члены кружковъ; а именно размѣры членскихъ взносовъ слѣдующіе:

a) Отдѣльные читатели вводной секціи платятъ 1 шил.; члены кружковъ—6 пенсовъ.

b) Отдѣльные читатели младшей секціи платятъ 1½ шил.; члены кружковъ—1 шил.

c) Отдѣльные читатели секціи общихъ курсовъ платятъ 2 шил.; члены кружковъ—1½ шил.

d) Отдѣльные читатели секціи спеціальныхъ курсовъ платятъ 3½ шил.; члены кружковъ—3 шил.

Ежемѣсячный журналъ, издаваемый союзомъ, выходитъ въ 3-хъ номерахъ, соотвѣтственно 3-мъ главнымъ секціямъ; въ немъ разбираются книги, рекомендованныя въ качествѣ необходимыхъ

пособій. Журналъ заключаетъ въ себѣ также указаніе на порядокъ чтенія, на лучшіе способы изученія, также отвѣты на вопросы, предлагаемые читателями. Для болѣе нагляднаго изученія, кромѣ журнала, пересылаются въ папкахъ фотографіи, рисунки, вырѣзки изъ газетъ и журналовъ, карты, діаграммы, разныя коллекціи—словомъ, все то, что относится къ той или другой изучаемой книгѣ. Папки по почтѣ переходятъ отъ одного кружка къ другому.

Журналъ, каждой изъ 3-хъ секцій, преслѣдуя, въ общемъ, однѣ и тѣ же задачи, стремится примѣняться къ потребностямъ различныхъ группъ читателей. Предлагая общій планъ занятій, союзъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ характеръ каждой изъ 3-хъ секцій.

Младшая секція имѣетъ въ виду сохранить и расширить знанія, пріобрѣтенныя въ школѣ; также дать спеціальныя техническія знанія, которыя могутъ быть полезны въ различныхъ дѣятельностяхъ; болѣе же всего—внушить юношеству любовь къ такимъ наукамъ, какъ поэзія, естествовѣдѣніе, исторія и т. п.—«къ наукамъ, которыя способствуютъ образованію истинныхъ идеаловъ жизни и открываютъ источники высочайшихъ наслажденій». Секція эта должна быть въ прямой связи съ такъ называемыми «продолжительными школами» (continuatian schools). Ею пользуются также съ большимъ успѣхомъ въ нѣкоторыхъ высшихъ школахъ и колледжахъ. Курсъ младшей секціи заключаетъ въ себѣ чтеніе по исторіи и литературѣ, біографіи, романы, путешествія, элементарныя свѣдѣнія, относящіяся къ правамъ и обязанностямъ гражданина. Читателямъ ея предлагаются 3 списка книгъ:

1) Необходимыя пособія, разбираемыя въ ежемѣсячномъ журналѣ. Изъ нихъ не менѣе 6-ти книгъ (избранныхъ не менѣе, какъ изъ 3-хъ группъ) должны быть прочтены впродолженіи года для полученія свидѣтельства. 2) Дополнительныя пособія, относящіяся, по большей части, къ тѣмъ же предметамъ, какъ предъидущія, и предназначающіяся для дальнѣйшаго ихъ изученія. 3) Рекомендуемыя книги (стоящія въ менѣе тѣсной связи съ предметами, изучаемыми въ необходимыхъ пособіяхъ).

Общіе курсы предназначаются, главнымъ образомъ, для рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, для членовъ большихъ рабочихъ организацій, кооперативныхъ обществъ, торговыхъ союзовъ, клубовъ. Они отвѣчаютъ также потребностямъ лицъ, желающихъ пріобрѣсти общія познанія по предметамъ, касающимся обязанностей гражданина въ самоуправляющемся государствѣ; а также лицъ, желающихъ ознакомиться съ основами различныхъ научныхъ предметовъ прежде, чѣмъ приступить къ подробному ихъ изученію. Списокъ книгъ этой секціи подраздѣляется на необходимыя пособія и рекомендованныя.

Свидѣтельства выдаются на тѣхъ же условіяхъ, какъ свидѣтельства предъидущей секціи, т. е. по прочтеніи 6-ти сочиненій, избранныхъ не менѣе, какъ изъ 3-хъ группъ необходимыхъ пособій.

Спеціальные курсы сами по себѣ должны представлять полную программу чтенія, включающую въ себѣ всѣ главные общеобразовательные предметы (liberal education). Читателямъ рекомендуется изучать не менѣе 3-хъ курсовъ, избранныхъ, по крайней мѣрѣ, изъ 2-хъ отраслей наукъ (литература, естественныя науки, исторія, философія, исторія искусствъ). Каждый изъ спеціальныхъ курсовъ заключаетъ тройной списокъ книгъ:

1) Необходимыя пособія, которыя должны быть всѣ прочтены тѣми, кто желаетъ получить свидѣтельство.

2) Рекомендованныя пособія, болѣе подробно трактующія о тѣхъ же предметахъ.

3) Справочныя книги—для тѣхъ читателей, которые желаютъ подробно ознакомиться съ спеціальными вопросами.

Кромѣ журнала, совѣтъ союза домашняго чтенія выпускаетъ дополнительныя руководства: 1) по коммерческой ариѳметикѣ, 2) общія понятія о коммерческихъ методахъ (General knowledge of busines methods).

Руководства эти, составленныя спеціалистами, могутъ быть пріобрѣтаемы членами за добавочный взносъ 1 шиллинга. По окончаніи годичнаго курса члены, изучившіе одинъ курсъ или болѣе, имѣютъ право получить свидѣтельство. При этомъ отдѣльные читатели сами даютъ формальное заявленіе о прохожденіи ими того или другого курса; за членовъ кружковъ такое заявленіе даютъ руководители. Лица, прошедшія полный 4-хъ-годичный курсъ, получаютъ спеціальное свидѣтельство. Экзамены не входятъ въ программу дѣятельности общества; но совѣтъ готовъ идти на встрѣчу желаніямъ извѣстнаго количества читателей, которые хотѣли бы подвергнуться экзамену, внеся за это добавочную плату. Относительно книгъ, рекомендуемыхъ читателямъ, исполнительный комитетъ предлагаетъ членамъ общества пріобрѣтать ихъ черезъ посредство центральной конторы. Союзъ доставляетъ книги по означенной на обложкѣ цѣнѣ, при чемъ почтовые расходы уплачиваются покупателемъ.

Проглядывая отчеты союза домашняго чтенія за послѣдніе годы, мы отмѣчаемъ постепенное развитіе и расширеніе его дѣятельности. Прежде всего количество читателей значительно увеличилось: во 2-мъ годичномъ отчетѣ числилось 5.488 читателей, въ 3-мъ—7.350, въ 7-мъ послѣднемъ отчетѣ—8.145 читателей. Уже одинъ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о плодотворной дѣятель-

ности союза и о соотвѣтствіи ея потребностямъ современнаго англійскаго общества. Курсы домашняго чтенія введены во многихъ школахъ грамотности, также въ вечернихъ школьныхъ классахъ (evening continuation schools). Введеніе союза домашняго чтенія въ общественныхъ элементарныхъ школахъ было одобрено въ отчетахъ нѣсколькихъ инспекторовъ; а при новыхъ законахъ по образованію явилась возможность получить субсидіи для кружковъ союза въ качествѣ высшихъ классовъ чтенія.

Дѣятельность «Національнаго союза домашняго чтенія» не ограничивается одной Англіей: мы встрѣчаемъ вѣтви его въ Египтѣ, на Фолькландскихъ островахъ, въ Южной Африкѣ. Въ январѣ 1896 г. открылась вѣтвь общества въ Канадѣ, гдѣ организацію ея взялъ на себя женскій національный союзъ въ Монреалѣ; около того же времени основано было общество домашняго чтенія въ Ямайкѣ.

Не смотря на успѣшный ходъ дѣла, матеріальное положеніе союза домашняго чтенія далеко не блестящее. Членскіе взносы не могутъ покрыть всѣхъ расходовъ по печатанію журнала, содержанію конторы и т. д. Отдѣльныя пожертвованія, субсидіи изъ фонда Гилькриста (Gilchrist trust) и другія случайныя вспомоществованія оказываются весьма недостаточными и союзъ до настоящаго времени едва сводитъ концы съ концами. Въ виду этого союзъ поставленъ въ необходимость ежегодно изыскивать средства къ существованію. Нѣкоторую матеріальную поддержку даетъ, между прочимъ, продажа членамъ книгъ для чтенія; также взносы почетныхъ членовъ.

Несмотря на неудовлетворительное финансовое положеніе, союзъ бодро и энергично продолжаетъ свое дѣло, развивая его въ разныхъ направленіяхъ.

Уже съ первыхъ лѣтъ своего существованія общество устраивало лѣтнія собранія, являющіяся пунктомъ объединенія для всѣхъ членовъ союза. На этихъ собраніяхъ, продолжающихся обыкновенно около 10-ти дней профессорами университетовъ и другими лекторами читаются лекціи, соприкасающіяся съ пройденнымъ зимою курсомъ; устраиваются прогулки, экскурсіи съ научными цѣлями и т. д.

Въ послѣдніе годы при содѣйствіи союза домашняго чтенія учреждены такъ называемые кооперативные праздники, имѣющіе въ виду, съ одной стороны, доставить лицамъ изъ работающаго класса отдыхъ въ красивой деревенской мѣстности, въ обществѣ интеллигентныхъ людей; съ другой стороны — пропагандировать въ народѣ дѣло союза домашняго чтенія. Въ прошломъ году на средства общества кооперативныхъ праздниковъ нанято близъ

Эдинбурга постоянное помѣщеніе, гдѣ могутъ пріютиться около 60-ти гостей. Лѣтомъ для посѣтителей устраиваются прогулки съ образовательными цѣлями подъ руководствомъ археологовъ и другихъ ученыхъ, сочувствующихъ просвѣщенію; еженедѣльно устраиваются лекціи, читаются рефераты и т. д.

Теперь обратимся къ вопросу о распредѣленіи по группамъ читателей союза домашняго чтенія.

Просматривая статистическія данныя, начиная съ отчета 3-го года, мы видимъ, что наибольшая цифра читателей, приходится сначала на долю секціи спеціальныхъ курсовъ; цифры читателей двухъ другихъ секцій колеблются. Въ послѣдніе же два года перевѣсъ оказывается на сторонѣ секціи общихъ курсовъ.

Вотъ цифры, приводимыя въ отчетахъ союза домашняго чтенія:

3-й годъ.

Секція спеціальныхъ курсовъ	3.099
Секція общихъ курсовъ	1.938
Младшая секція	2.313

4-й годъ.

Секція спеціальныхъ курсовъ	2.846
Секція общихъ курсовъ	2.057
Младшая секція	2.159

5-й годъ.

Секція спеціальныхъ курсовъ	2.714
Секція общихъ курсовъ	2.511
Младшая секція	2.489

6-й годъ.

Секція спеціальныхъ курсовъ	2.749
Секція общихъ курсовъ	3.125
Младшая секція	2.321

7-й годъ.

Секція спеціальныхъ курсовъ	2.699
Секція общихъ курсовъ	3.345
Младшая секція	1.853

Съ 1895 г. къ прежнимъ секціямъ прибавлена новая — вводная секція (92 читателя).

Сообразно съ требованіями, предъявляемыми читателями, постепенно измѣняются и программы союза. Въ 1894 г., при началѣ новаго 4-хъ-годичнаго курса, союзъ отмѣчаетъ тяготѣніе читателей къ историко-литературнымъ предметамъ, и охлажденіе ихъ къ естественнымъ наукамъ (sciences), — фактъ, объясняющійся, главнымъ образомъ, увеличеніемъ за послѣдніе годы техническихъ институтовъ и другихъ аналогичныхъ учрежденій. Соотвѣтственно ярко выразившемуся стремленію читателей къ изученію исторіи

и, особенно, древней и современной литературы, союзъ выдвигаетъ эти предметы на 1-й планъ. Въ 1895 году совѣтъ даетъ въ 6-ти-годичномъ отчетѣ слѣдующую статистическую таблицу распредѣленія читателей спеціальныхъ курсовъ:

Англійская исторія	799
Англійская литература	795
Браунингъ	538
Шекспиръ	397
Архитектура	336
Греческая и римская исторіи	271
Исторія Франціи	271
Греческая и римская литературы.	207
Географія	186
Этика	158

Въ отчетѣ 1895 года мы впервые находимъ данныя относительно переписки съ читателями, а именно, въ теченіе года получено было 11.869 писемъ; отправлено—5.144 письма.

Теперь намъ остается разсмотрѣть общій характеръ издаваемаго союзомъ ежемѣсячнаго журнала. Преслѣдуя въ общемъ одну и ту же цѣль — помочь читателямъ разобраться въ изучаемыхъ предметахъ, каждая изъ секцій, на которыя подраздѣляется журналъ, носитъ особыя черты: каждая имѣетъ въ виду умственное развитіе и потребности своей отдѣльной группы читателей. Въ секціи общихъ курсовъ на 1-й планъ выдвигаются сочиненія по политической экономіи и общественнымъ наукамъ, при чемъ рекомендуются сочиненія Рёскина («Untothislost»), Макъ Куна «Этика гражданства» (Mac Cunn «Ethica of Citizenship»), Маллока «Трудъ и народное благосостояніе» (Mallock «Labour and the popular welfare»), Гобсона «Проблеммы бѣдности» (Hobson «Problems of poverty»). — По исторіи рекомендуется сочиненіе: Макъ-Карти «Краткая исторія нашего времени»; Грина «Краткая исторія», Пюсэ «Прошедшая исторія Ирландіи» и т. д.

По литературѣ предлагается изученіе одного изъ произведеній: Вальтеръ Скотта, Шекспира, Кингслэ, Джорджъ Эліотъ, Бёрнса; рекомендуются сочиненія Мейерса «Чтеніе о великихъ людяхъ», Карлейля «Бёрнсъ и Скоттъ», Даудена — о Шекспирѣ и т. д. по греческой литературѣ сочиненія: Коллинса «Платонъ», Патчера «Демосѳенъ», Морриса «Земной рай», Броунинга «Приключеніе Паластіона».

Наиболѣе скромное мѣсто отводится естественнымъ наукамъ, изъ которыхъ предлагается для изученія одна астрономія (сочиненія Кристи, Чемберса, Проктора).

Большая часть перечисленныхъ сочиненій разбираются и критикуются въ секціи общихъ курсовъ. Цѣлый рядъ статей выяс-

няютъ главныя идеи, общій характеръ и значеніе рекомендуемыхъ сочиненій. Къ каждой статьѣ прилагаются провѣрочные вопросы. Рядомъ съ цѣлями научными авторы статей преслѣдуютъ и цѣли воспитательныя и гуманитарныя.

Въ однѣхъ статьяхъ на первый планъ выдвигаются тенденціи религіозно-нравственныя, въ другихъ—гражданскія. Такъ, книга Макъ-Куна рекомендуется тѣмъ, «кто желаетъ стать болѣе разумнымъ гражданиномъ и избирателемъ». Ярко выступаютъ также тенденціи патріотическія. Подводя итоги большей части статей, мы видимъ стремленіе внушить читателямъ любовь къ отечеству. Авторы статей не пропускаютъ при этомъ случая противупоставить историческому развитію Англіи исторію другихъ, менѣе счастливыхъ странъ. Съ этой точки зрѣнія французская революція конца XVIII в., при всемъ сочувствіи къ ея отвлеченнымъ принципамъ, внушаетъ имъ нѣкоторое отвращеніе, какъ явленіе уродливое и ненормальное.

Но, говоря о патріотическомъ одушевленіи сотрудниковъ журнала, слѣдуетъ сдѣлать оговорку. Настроеніе это хотя преобладаетъ, но не исключаетъ и весьма рѣзкой критики родной страны. Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Шесть главъ изъ исторіи Ирландіи» авторъ, разбирая выдающіеся факты исторіи Ирландіи, указываетъ на несправедливость и жестокость англійскаго правительства. Еще болѣе рѣзкую критику встрѣчаемъ мы въ статьѣ о Демосѳенѣ, гдѣ авторъ проводитъ нѣсколько натянутую параллель между древними Аѳинами и современной Англіей. Сравнивая причины изолированнаго положенія Аѳинъ въ эпоху Демосѳена и Англіи нашего времени, авторъ видитъ ихъ «въ высокомѣрномъ отношеніи къ союзникамъ, въ завоевательномъ духѣ, въ стремленіи удержать за собой первое мѣсто».

«Исключительная и безславная (inglorious) заботливость Англіи о матеріальномъ благосостояніи, наклонность отодвинуть идеалъ національной справедливости и чести тамъ, гдѣ онъ несовмѣстимъ съ эгоистическими соображеніями—все это», говоритъ авторъ, «напоминаетъ Аѳины, которыя Демосѳенъ стремился возвратить къ идеѣ долга».

Дидактически-наставительный тонъ, нерѣдко проглядывающій въ секціи общихъ курсовъ, является преобладающей чертой въ младшей секціи, предназначающейся для дѣтей и подростковъ. Характеръ секціи обрисовывается отчасти въ инструкціяхъ секретаря союза—о томъ какъ вести кружки младшей секціи. Такъ дается совѣтъ каждое собраніе начинать пѣніемъ, избирая предпочтительно національныя пѣсни или псалмы, имѣющіе возвы-

шающее и облагораживающее вліяніе». Музыкой или чтеніемъ хорошаго, доступнаго беллетристическаго разсказа должно заключаться каждое собраніе. Во время собранія члены кружка приглашаются читать свои письменные отвѣты на предложенные въ журналѣ вопросы, бесѣдовать о прочитанномъ дома; руководитель кружка предлагаетъ вопросы и разъясняетъ недоразумѣнія, при чемъ ему рекомендуется обращать вниманіе юной аудиторіи на лучшія мѣста разбираемыхъ сочиненій — «на геройскіе подвиги, возвышенныя, благородныя черты характера и, болѣе всего, на поэзію повседневной жизни».

Наставительнымъ характеромъ отличаются и статьи младшей секціи. Въ очеркахъ, относящихся къ біографіи великихъ людей, авторы подчеркиваютъ положительныя черты описываемыхъ лицъ, стремятся возбудить сочувствіе къ нимъ читателей. Въ спискѣ рекомендуемыхъ для младшей секціи сочиненій, преобладаютъ легкіе историческіе и біографическіе очерки; значительное мѣсто отводится беллетристическимъ произведеніямъ съ моральной или исторической подкладкой. Рядомъ съ этимъ не упускаются изъ виду и цѣли воспитательно-гражданскія.

Главная цѣль младшей секціи — возбудить любознательность юныхъ читателей, пріохотить ихъ къ книгамъ, не обременяя память тяжелымъ научнымъ балластомъ. Соотвѣтственно общей тенденціи, и вопросы, прилагаемые къ статьямъ, имѣютъ цѣлью заставить читателя вдумываться въ книгу и развить въ немъ самостоятельное критическое сужденіе.

Не совсѣмъ понятны нѣсколько своеобразные вопросы и совѣты по адресу читателей, помѣщенные въ приложеніи къ 5-му номеру младшей секціи настоящаго года (Members'page). Такъ, напр., рекомендуется переложить въ стихотворную форму (и притомъ съ музыкой) главу одного разсказа—«Дядя Ремусъ». По поводу астрономической статьи предлагается читателю предугадать, «какія астрономическія открытія могутъ быть сдѣланы въ теченіе слѣдующаго столѣтія?» По поводу жизнеописанія Джона Весли спрашивается: «какія части въ 1-й главѣ могутъ служить сюжетомъ для академическихъ картинъ?» Въ приложеніи къ 6-му номеру читателямъ предлагается иллюстрировать картинкой поэму Уордсворта; написать поэму въ честь Виктора Гюго или иллюстрировать картинкой какое-нибудь событіе изъ его жизни. При чтеніи одного фантастическаго разсказа предлагается раскрасить одну изъ картинокъ книги, а также написать двѣ басни о дѣйствующихъ лицахъ разсказа. При чтеніи астрономическаго сочиненія читателямъ дается мысль: написать разсказъ подъ заглавіемъ: «Мое путеше-

ствіе на планету Марсъ и что я тамъ видѣлъ», и при этомъ иллюстрировать путешествіе картинками и описать видъ земли и неба по дорогѣ на Марсъ.

Секція спеціальныхъ курсовъ выдѣляется въ журналѣ союза домашняго чтенія своимъ серьезнымъ научнымъ характеромъ.

Первое мѣсто въ этихъ курсахъ занимаетъ англійская литература конца XVIII и XIX вв. и исторія Англіи XIX в. По литературѣ предлагается разборъ сочиненій Броунинга, Уордсворта, Кольриджа, Шелли, Бёрнса, Китса; рекомендуется сочиненіе Бёрлэ «Размышленіе о французской революціи» и т. д. Кромѣ вышеупомянутыхъ писателей, на первомъ планѣ стоитъ разборъ трагедій Шекспира—одинъ изъ самыхъ популярныхъ предметовъ среди англійской публики; также разборъ сочиненій Броунинга. По исторіи Англіи рекомендуются и разбираются сочиненія: Макъ-Карти «Эпоха реформы» и Броунинга «Современная Англія»; Беджгота «Англійская конституція» и Брайта «Исторія Англіи». Кромѣ вышеупомянутыхъ научныхъ сочиненій предлагается чтеніе одного изъ романовъ Рида и Кингслэй—«Альтонъ Локкъ». По всеобщей литературѣ на первомъ планѣ стоитъ изученіе французской литературы XVIII в. (Вольтеръ, Монтескьё, Руссо, д'Аламберъ, Дидро, Кондорсэ, Шенье и т. д.). По нѣмецкой литературѣ предлагается изученіе Шиллера. Кромѣ вышеуломянутыхъ предметовъ, въ числѣ необходимыхъ стоитъ изученіе британскихъ колоній (Австралія и Канада); также—всеобщая литература конца эпохи Возрожденія. По исторіи музыки рекомендуется между прочимъ біографія Шуберта и сочиненія, относящіяся къ изученію музыкальной формы и инструментовки.

Наиболѣе скромное мѣсто въ спеціальныхъ курсахъ опять-таки отводится естественнымъ наукамъ, изъ которыхъ предлагается изученіе одной ботаники, при чемъ рекомендуются сочиненія Грантъ-Аллена, Китченера и Скотта.

Таково содержаніе и общій характеръ журнала союза домашняго чтенія. Несомнѣнно, что постановка всего дѣла соотвѣтствуетъ потребностямъ англійскаго общества и его стремленіямъ, о чемъ свидѣтельствуетъ какъ постепенное возростаніе числа членовъ національнаго союза, такъ и сочувственное къ нему отношеніе всей англійской печати.

Н. Мировичъ.

ЗЛОЙ ДУХЪ.

Романъ Іонаса Ли *).

(Переводъ съ норвежскаго В. Фирсова).

Въ клубной столовой становилось тише, и обычное вниманіе завсегдатаевъ къ остротамъ землевладѣльца Берга замѣтно притупилось. Засѣдатель Воге уже покончилъ со своей порціей свѣжей камбалы и съ полубутылкой краснаго вина и выходилъ въ пальто, съ сигарой въ зубахъ и шляпой на головѣ изъ второй залы клубнаго помѣщенія; нѣсколько посѣтителей сидѣли еще у конца длиннаго стола, доѣдая устрицы и допивая стоявшія передъ ними бутылки съ портеромъ. Воге выходилъ раньше обыкновеннаго, чтобы успѣть прогуляться по пристани прежде, чѣмъ идти спать.

Ресторанъ госпожи Михельсонъ, служившій также помѣщеніемъ городскому клубу, былъ сегодня переполненъ по случаю ожиданія срочнаго парохода. Посѣтители собрались туда съ восьми часовъ и успѣли уже утомиться напраснымъ ожиданіемъ. Въ комнатахъ было душно и накурено. По временамъ, когда распахивалась наружная дверь столовой, и появлялись новые посѣтители съ раскраснѣвшимися отъ мороза лицами, въ столовую врывалась струя свѣжаго воздуха, и всѣ поднимали головы.

— Ну, что? Все еще ничего не слышно о пароходѣ?

Въ эту зимнюю пору года пароходъ могъ приставать только въ наружномъ, незамерзавшемъ, рейдѣ. Тамъ, у внѣшнихъ шхеръ пролегалъ опасный зимній путь пароходовъ, которымъ приходилось проскальзывать между крѣпкимъ береговымъ льдомъ и носившимися по морю плавучими льдинами. Самый городъ съ его гаванью былъ окованъ льдомъ, бѣлѣя подъ толстымъ слоемъ снѣга.

---

*) Объ Іонасѣ Ли см. «Обзоръ иностранныхъ литературъ», декабрь 1895 г.

Появленіе парохода въ это скучное время года было цѣлымъ происшествіемъ, котораго ждали съ нетерпѣніемъ.

— Видно, придется еще подождать, и лучше всего вооружиться терпѣніемъ!—сказалъ директоръ Андерсъ Браттъ, и согласился на партію въ вистъ, устроившуюся въ сосѣдней залѣ.

Его партнерами были консулъ Мульвадъ, агентъ страхового общества Тезенъ и корабельный поставщикъ Гаррестадъ. Послѣдній попалъ за столикъ первыхъ богачей въ городѣ только по какому-то недоразумѣнію, и сидѣлъ, какъ на иголкахъ, щурясь и напряженно вдумываясь въ игру. Эти богачи играли такъ возмутительно рискованно и по большой!.. Не привыкъ Гаррестадъ относиться къ шиллингамъ съ такимъ пренебреженіемъ...

— Приглашаю васъ на ремизъ!—подшучивалъ надъ нимъ директоръ, и самъ игралъ небрежно, слегка посвистывая себѣ подъ носъ и не переставая оглядываться по сторонамъ.

Гаррестадъ поглядывалъ на него растерянным и безпокойнымъ взглядомъ. Но румяное и немножко рябое лицо директора выражало только беззаботную насмѣшливость...

— Да, да, Гаррестадъ,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Надо пытать счастіе, а не трусить...

— Увѣряю васъ, господинъ директоръ, что не въ моихъ привычкахъ рисковать. Во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ рискъ положительно отсутствуетъ.

Директоръ безцеремонно зѣвнулъ и, на зло своему осторожному партнеру, объявилъ высокую игру. При этомъ онъ подмигнулъ Мульваду, что привело Гаррестада въ негодованіе. Положительно, эти три богача подтрунивали надъ нимъ!

Директоръ сегодня былъ какъ-то особенно безжалостенъ къ Гаррестаду и не выпускалъ его изъ виду. Дѣло въ томъ, что онъ подозрѣвалъ этого подрядчика, служившаго еще недавно простымъ конторщикомъ у Фогда, въ составленіи анонимныхъ замѣтокъ, начавшихъ появляться въ столичныхъ газетахъ. Въ этихъ замѣткахъ сильно осуждался деспотизмъ, съ какимъ директоръ управлялъ сберегательнымъ банкомъ, и обличались нѣкоторыя неправильности во время выборовъ.

Въ слѣдующемъ робберѣ, когда директоръ сдѣлался противникомъ Гаррестада, положеніе послѣдняго стало еще плачевнѣе, и глубокія складки, точно отъ настоящаго страданія, появились у его рта.

— Такъ-то, Гаррестадъ! Опять попались?—дразнилъ его директоръ.—Да, въ игрѣ нельзя выплывать въ море нашармака, въ кильватерѣ какого-нибудь большого судна... Нѣ-ѣтъ!

Директоръ раскрылъ свои карты.

— Видите?—прибавилъ онъ, смѣясь.—Вы пронесли валета и теперь я беру на всѣ мои трефы!

Одинъ глазъ директора округлился при этомъ, какъ у птицы; другой прищурился. Все лицо его перекосилось отъ насмѣшливой улыбки, и волосатая бородавка у его носа какъ-то стала вздрагивать.

— Нѣтъ, нѣтъ!—повторилъ онъ, сдавая карты по одной.—Излишняя осторожность не ведетъ къ добру. Вотъ хотя бы съ зимней навигаціей: осторожные люди терпятъ убытки, оставляя свои суда на зимовкахъ, а тѣмъ временемъ Іонстонъ, пустившій свои пароходы въ зимнее плаваніе, получаетъ крупнѣйшіе барыши...

— Да, но какая отвѣтственность за людей!—замѣтилъ Гаррестадъ со свойственной ему вкрадчивой манерой.—Хорошо ли рисковать жизнью довѣрчивыхъ пассажировъ? Не мѣшаетъ подумать и о командѣ парохода.

Говоря это, онъ многозначительно взглянулъ на нѣсколькихъ шкиперовъ, игравшихъ въ бостонъ у другого столика, ближе къ дверямъ.

Директоръ сдѣлалъ гримасу.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ колко.—Однако, все это не мѣшаетъ вамъ въ февралѣ и мартѣ, когда денегъ у моряковъ не остается, поставлять имъ провіантъ въ кредитъ, записывая по кронѣ за дюжину селедокъ... Да, да! Я знаю, что вы очень жалостливы къ матросамъ, Гаррестадъ!—Кстати, говорятъ, вы занимаетесь не только поставкой корабельныхъ запасовъ, но поставляете и статейки въ газеты?!

Среди шкиперовъ послышался смѣхъ. Всѣ присутствующіе ухмылялись довольно многозначительно. Въ этотъ вечеръ непопулярному Гаррестаду положительно не везло.

— Вотъ только о распространеніи трезвости Гаррестадъ не очень заботится!—продолжалъ между тѣмъ директоръ.—Матросъ долженъ вволю пить и пропиваться сколько ему угодно, лишь бы онъ забиралъ напитки изъ лавокъ Гаррестада. Такъ вѣдь?

— Нѣтъ, я просто считаю распространеніе трезвости нарушеніемъ народной свободы!—торопливо заговорилъ Гаррестадъ.—Это грѣхъ, это насиліе... Это высокомѣрное увлеченіе верхнихъ классовъ собственной добродѣтелью и справедливостью, которыхъ на самомъ дѣлѣ... которыхъ въ сущности... Гм!

Онъ встрѣтилъ презрительный взглядъ директора, поперхнулся и не договорилъ. Въ замѣшательствѣ онъ не зналъ, куда глядѣть, и отвернулся въ ту сторону, гдѣ былъ столъ съ газетами и журналами. Тамъ сидѣлъ его пріятель, аптекарь, а въ углу дивана

за стаканомъ тодди дремалъ адвокатъ Гордеръ. Тамъ же, согнувшись надъ вечерними объявленіями о предстоящихъ публичныхъ торгахъ, сидѣлъ сѣдоволосый и безобидный инспекторъ путей сообщенія.

— Нѣтъ, что ни говорите, а Іонстонъ молодецъ!—опять уже раздавался голосъ директора.—У него свѣтлая башка! Это единственный у насъ человѣкъ, котораго не пугаютъ предпріятія... даромъ, что на видъ онъ такой сдержанный и тихій. Притомъ это славный человѣкъ, а что касается его щепетильности въ дѣлахъ совѣсти, то въ этомъ онъ хватаетъ даже черезъ край. Въ сущности, онъ походитъ на своего покойнаго тестя, заводчика, который былъ олицетвореніемъ чести... Только этотъ умнѣе и больше понимаетъ въ торговлѣ. По совѣсти говоря, онъ точно созданъ для должности банковаго контролера... Было бы очень желательно, чтобы его избраніе на эту должность состоялось.

Съ этими словами онъ окинулъ всѣхъ присутствовавшихъ самоувѣреннымъ взглядомъ. Впрочемъ, всѣ и безъ того знали, что директоръ непремѣнно желаетъ провести на выборахъ въ контролеры Іонстона.

Гаррестадъ раздражительно кашлянулъ и занялся своими картами. «Вотъ такъ-то подготовляются у насъ выборы!»—размышлялъ онъ. «По крайней мѣрѣ, всякій знаетъ, за кого онъ долженъ подать голосъ въ среду... если не хочетъ возстановить противъ себя директора!»

За карточными столиками продолжалась игра; но директоръ уже видимо соскучился и то и дѣло поглядывалъ на свои большіе, старинные серебряные часы. Въ самомъ дѣлѣ, пора было получить какія-нибудь положительныя свѣдѣнія объ ожидаемомъ пароходѣ!

Агентъ страхового общества Тезенъ былъ терпѣливѣе. По его мнѣнію, пароходъ не могъ придти ранѣе, какъ черезъ часъ, а слѣдовательно, разсудительнѣе всего не горячиться и приготовить себѣ еще по стакану тодди. Онъ имѣлъ обыкновеніе всегда называть свой стаканъ тодди послѣднимъ, но всякій зналъ, что дѣйствительно послѣднимъ будетъ у него только тотъ, который онъ будетъ пить, когда разойдутся всѣ остальные посѣтители клуба, и дѣвушка придетъ гасить лампы, ссылаясь на строгость госпожи Михельсонъ.

— Какъ вы думаете, Тергесенъ, вѣтеръ на морѣ крѣпнетъ?—спросилъ директоръ одного изъ шкиперовъ, который подошелъ къ окну и, подышавъ на замерзшее стекло, выглядывалъ на улицу.

— Похоже на то...

Никто бы не могъ по совѣсти сказать, что лицо директора

выражало терпѣніе. Его измучила... положительно измучила—эта неизвѣстность объ участи парохода... Но вдругъ лицо его просіяло: въ дверяхъ онъ увидѣлъ самого владѣльца парохода, своего друга Іонстона, который подходилъ въ разстегнутой шубѣ и съ вязаннымъ шарфомъ въ рукахъ.

— Слава тебѣ, Господи! Ты, стало быть, благополучно привелъ пароходъ?—вскричалъ онъ.—Ну, ну, здорово Іонстонъ! Потрепалотаки васъ порядочно?

— Да, было, таки немного бурно... Сорвало даже кожухъ съ палубы...

Говоря это, Іонстонъ неторопливо снималъ шубу и, повѣсивъ ее на вѣшалку, продолжалъ, не возвышая голоса:

— Меня больше безпокоитъ участь «Конкордіи». Рѣшительно не знаю, гдѣ теперь треплется этотъ пароходъ. А слышалъ я, что во всѣхъ портахъ подняты штормовые сигналы...

— А вотъ и вы, Тезенъ!—прибавилъ онъ, подходя къ столику и здороваясь съ агентомъ страховаго общества.—Я такъ и думалъ, что застану васъ здѣсь, въ клубѣ. Дѣло въ томъ, что я положительно начинаю трусить и подумываю о страхованіи... Гм! Не знаю ужъ право...

Онъ въ нерѣшимости замолчалъ и сталъ чистить себѣ ноготь.

— Садись же, Іонстонъ, и прежде всего запасись стакономъ тодди!—вмѣшался директоръ Браттъ.—Когда ты отогрѣешься, къ тебѣ вернется мужество и ты будешь въ состояніи спокойнѣе обсудить, нельзя ли тебѣ обойтись безъ дорогого зимняго страхованія. Вотъ такъ! Лучше всего займи мѣсто Гаррестада и будемъ продолжать игру... Уступите ему мѣсто, Гаррестадъ. Онъ приметъ на себя всю вашу игру, съ активомъ и съ пассивомъ...

Гаррестадъ съ удовольствіемъ исполнилъ такое желаніе партнеровъ, и Іонстонъ занялъ его мѣсто. Въ манерахъ Іонстона, была полнѣйшая безъискусственность, и что-то изящное, и благородное, рѣзко выдѣлявшее его изъ числа всѣхъ остальныхъ посѣтителей клуба.

— Да, охотно бы воздержался отъ возобновленія страхованія!—говорилъ онъ, разбирая сданныя ему карты.—Ужасно дороги эти зимнія страховыя преміи.

— Пей тодди!—ободрялъ его директоръ.

— Гм!.. Досадно вѣдь... Не далѣе, какъ черезъ шесть недѣль, начнется лѣтнее страхованіе, и преміи будутъ самыя сходныя... А между тѣмъ, я сталъ трусить...

— То-то вотъ искушеніе!—пошутилъ директоръ.

Игра продолжалась. Агентъ Тезенъ, по обыкновенію, флегма-

тически попивалъ свой «послѣдній» стаканъ тодди и сдавалъ карты медленно, почти торжественно, съ явной заботой не заздаться, и тѣмъ не выдать своего, уже нѣсколько сонливаго, состоянія.

Сильный порывъ вѣтра потрясъ окнами ресторана.

Іонстонъ жалобно посмотрѣлъ на окна и проговорилъ, кладя карты.

— Рѣшено: страхуюсь! И сію же минуту!..

— Ловите его на словѣ, Тезенъ!—разсмѣялся директоръ.—Онъ сговорчивъ только пока окна дрожатъ, а какъ только утихнетъ, онъ опять заговоритъ о тягости зимнихъ премій.

— Моя контора всегда со мной!—замѣтилъ Тезенъ, и, вынувъ изъ кармана записную книжку, составилъ объявленіе, которое и передалъ затѣмъ вмѣстѣ съ карандашомъ для подписи Іонстону. Тотъ подписалъ объявленіе и выдалъ чекъ.

Директоръ вынулъ изъ кармана старинные часы.

— Двадцать минутъ двѣнадцатаго, агентъ!—сказалъ онъ, улыбаясь надъ обстановкой сдѣлки.

Тезенъ составилъ квитанцію, и черезъ минуту сдѣлка была кончена, не отходя отъ карточнаго столика. Очень довольный ею, агентъ запилъ завоеванные проценты большимъ глоткомъ изъ своего «послѣдняго» стакана.

Директоръ пришелъ въ хорошее расположеніе духа и сталъ громко шутить. Въ сущности, онъ очень гордился своей дружбой съ Іонстономъ и восхищался всѣмъ, что только тотъ ни дѣлалъ. Ему нравились узкія, бѣлыя руки Іонстона и его небрежная манера держать карты въ рукахъ; ему нравился и голосъ, какимъ тотъ объявлялъ игру, и безпечность, съ какой тотъ записывалъ выигрышъ и проигрышъ, почти всегда оставаясь въ благодушномъ настроеніи. Положительно, имъ можно было залюбоваться!

Андерсъ Браттъ особенно дорожилъ случаями, когда могъ выказывать свою короткость съ Іонстономъ публично. Такъ и теперь, когда Іонстонъ окончилъ сдѣлку и, почувствовавъ душевное облегченіе, добродушно улыбнулся, директоръ не утерпѣлъ и, хлопнувъ его по плечу, сказалъ:

— Ахъ ты, морякъ, морякъ! А я-то еще только-что хвалилъ твое мужество... Чертовски впечатлительная у тебя натура... А впрочемъ, можетъ это и къ лучшему!

Да, да! У каждаго своя душа!.. Характеръ у него былъ діаметрально противоположенъ характеру Братта... Въ немъ не было ничего грубаго и рѣзкаго; всегда онъ чуткій, деликатный! Такіе не пробиваются въ люди изъ низшихъ слоевъ общества, какъ пробился директоръ!

Въ буфетѣ стало опять шумно и людно. Тамъ только-что появился экспедиторъ съ парохода, вносили посылки и клубную почту.

Пришли сюда также директоръ и его партнеры, въ дверяхъ появился телеграфный разсыльный.

— Консулу Мульваду! — сказалъ онъ, подавая телеграмму. — Получены еще двѣ депеши на ваше имя, господинъ Іонстонъ. Но я снесъ ихъ къ вамъ на квартиру.

— Изъ Одессы, вѣроятно... о фрахтахъ на рожь?—замѣтилъ Іонстонъ консулу, который, какъ ему было извѣстно, тоже имѣлъ дѣла съ одесской рожью.—Навѣрное и мнѣ о томъ же... Надѣюсь, цѣны крѣпнутъ?

— Цѣны?.. Да... конечно, крѣпнутъ! — разсѣянно отвѣтилъ консулъ и о чемъ-то задумался надъ своей телеграммой.

Одни разбирали новыя газеты и журналы, другія разспрашивали экспедитора о подробностяхъ плаванія. Пароходъ, оказывалось, выдержалъ порядочную трепку, попалъ подъ сильный шквалъ и съ пароходнаго мостика видѣли вдали полузатонувшее судно... Въ портѣ ходили слухи о многочисленныхъ аваріяхъ (кораблекрушеніяхъ). Въ проливахъ видѣли мачты двухъ-трехъ затертыхъ льдами кораблей, выкинувшихъ сигналы о помощи.

Каждую зиму повторялось то же самое, и всегда начинались горячія пренія о томъ, что надо предпринять для улучшенія условій зимняго судоходства. Но разговорами дѣло и ограничивалось...

У карточныхъ столиковъ уже не возобновлялась игра, а разбирались газеты и шли толки о новостяхъ. Агентъ Тезенъ остался у буфета, гдѣ ему приготовили еще одинъ «послѣдній» стаканъ тодди; остальные вернулись на свои мѣста.

Около полуночи въ ресторанѣ появились новые посѣтители—это были два пароходныхъ штурмана. Они принесли вѣсть о большой дракѣ, только-что учиненной пьяными матросами у кабака Рихертъ-Марты.

— Давно пора позаботиться объ освѣщеніи переулка, гдѣ этотъ кабакъ!—замѣтилъ адвокатъ Гордеръ. — Не понимаю, почему представленіе полицеймейстера объ устройствѣ тамъ фонарей такъ долго остается безъ разрѣшенія въ городскомъ совѣтѣ.

Директоръ раздражительно кашлянулъ, но ничего не возразилъ, и сдѣлалъ видъ, будто углубился въ свою газету.

— Нельзя же допускать, чтобы городское управленіе поскупилось на этотъ расходъ!—продолжалъ адвокатъ.—Если оставлять такія мѣста неосвѣщенными, дѣло дойдетъ, наконецъ, до грабежей и убійствъ. Положительно это неотложно! — прибавилъ онъ, повышая голосъ, чтобы завладѣть вниманіемъ присутствующихъ.

Директоръ мрачно посмотрѣлъ на него изъ-за газеты.

— Не получитъ отъ насъ полицеймейстеръ и сальной свѣчки!— проворчалъ онъ.

— Но что же можно возразить противъ его требованія? Во всякомъ случаѣ ничего справедливаго! — разгорячился адвокатъ.— Въ благоустроенномъ, торговомъ городѣ, и вдругъ...

— Ни огарка!—отрѣзалъ директоръ.

— Не упорствуйте въ вашихъ «освѣтительныхъ» требованіяхъ!—добродушно пошутилъ Іонстонъ.—Вы видите, что городской совѣтъ противъ «свѣта!»

— Да, чортъ возьми, мы не хотимъ зажигать фонари только для того, чтобы облегчить полицеймейстеру отправленіе матросовъ и школьниковъ за всякія глупости въ рабочій домъ! Никогда!..

Директоръ прокричалъ это съ явнымъ раздраженіемъ, но обернулся при этомъ къ Гордеру, какъ бы не желая вступать въ споръ съ Іонстономъ.

— Развѣ я не знаю, что дѣлается? — продолжалъ онъ. — Не дальше, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ сынъ Берентсена—вы знаете, моего управляющаго на заводѣ—едва вырвался изъ рукъ полиціи, и это несмотря на то, что парень, котораго онъ побилъ, получилъ хорошее вознагражденіе за свои три зуба и добровольно взялъ свою жалобу обратно. Съ чего такое излишнее усердіе? Вѣдь, вся будущность мальчика была бы погублена, и это изъ-за пустой драки, причемъ оба драчуна стоили другъ друга!.. Но нѣтъ, видите ли, прежде всего должна торжествовать буква закона! Справедливости и человѣколюбія ни на грошъ!

Директоръ грозно оглянулся по сторонамъ и развелъ руками.

— Замѣтьте еще, что этотъ крючокъ не любитъ отдѣлываться пустяками и всегда наровитъ отправить человѣка въ тюрьму или въ рабочій домъ... Скотина!.. Ему и въ голову не приходитъ, что нельзя придерживаться буквы закона въ такомъ городѣ, гдѣ предмѣстья кишатъ непривычными, къ нашимъ порядкамъ, моряками и что драки молодежи происходятъ только отъ избытка силъ, и лишь потому, что, сойдя на берегъ послѣ морской дисциплины, парню просто необходимо дохнуть полной грудью, развернуться. Этого онъ, небось, не понимаетъ! Въ департаментѣ, изъ котораго намъ его прислали, чиновники не дерутся, а кромѣ своего департамента онъ ничего въ жизни не видѣлъ.

— Только Андерсъ Браттъ въ состояніи столько наговорить по поводу вопроса о двухъ уличныхъ фонаряхъ!—разсмѣялся Іонстонъ.

— Да развѣ это не возмутительно? Хотя бы только преслѣдованіе сына моего Берентсена? Вѣдь, его хотѣли посадить въ

тюрьму, на хлѣбъ и на воду... Неужели ты не согласенъ со мной, Іонстонъ?

И директоръ откинулъ свою мускулистую голову назадъ, смотря передъ собой, точно полководецъ, оглядывающій свою угрожаемую позицію.

Іонстонъ тихонько улыбался и поигрывалъ ногой, пододвигая носкомъ сапога брошенную кѣмъ-то спичку къ чернѣвшей на полу щелкѣ.

— Придумай что-нибудь похитрѣе!—сказалъ онъ невозмутимо.— Не думаю, чтобы твои разсужденія о дерущихся парняхъ показались въ совѣтѣ убѣдительными...

Директоръ тоже-было улыбнулся. Понравилась ему проницательность друга, не мѣшавшая ему говорить спокойно и ласково. Но вдругъ онъ насупился, сообразивъ, что встрѣчаетъ серьезную оппозицію.

— Я не понимаю тебя!—сказалъ онъ отрывисто.

Не дожидаясь, однако, поясненія, онъ допилъ свой стаканъ, поднялся съ мѣста и пробормоталъ:

— Однако поздно... Я пойду домой...

— Пойдемъ вмѣстѣ!—замѣтилъ Іонстонъ и сталъ надѣвать шубу. Директоръ торопилъ его, насилу давъ ему время закурить на дорогу сигару.

Когда оба друга вышли, остальные члены клуба переглянулись.

— Не любитъ Андерсъ Браттъ, чтобы ему противорѣчили!—замѣтилъ агентъ Тезенъ и многозначительно покачалъ головой, улыбаясь широкой улыбкой.

— Да, ужъ когда онъ на что-либо рѣшился, весь городской совѣтъ, и Іонстонъ, и всѣ мы должны плясать по его дудкѣ!—разразился Гаррестадъ своимъ пискливымъ голосомъ. Онъ тоже былъ уже въ пальто и приготовился уходить.—Право, непонятно, что только дѣлается въ этомъ городѣ!

— Ну, ты, однако, потише!—вполголоса остановилъ его инспекторъ путей сообщенія.

— Сколько ни ворчите, а не вамъ, Гаррестадъ, перебраться черезъ эти альпы!—разсмѣялся Бергъ, и все его широкое, раскраснѣвшееся отъ выпитаго тодди, лицо расплылось отъ злорадства.

Служанки уже тушили лампы. Члены клуба толпой вышли на улицу, которая ярко бѣлѣла при лунномъ свѣтѣ. Разорванныя тучки быстро неслись по небу. Дома и печныя трубы вырисовывались такъ же ясно и опредѣленно, какъ днемъ. Впереди, на улицѣ, виднѣлись директоръ съ Іонстономъ, шагавшіе по направленію къ заводу.

— Право, не понимаю, какъ это только допускается все, что творится въ нашемъ городѣ!—озлобленно повторилъ Гаррестадъ.

— А что же тутъ непонятнаго?—возразилъ Бергъ.—Одни покоряются поневолѣ... гм! гм!—воркотней вѣдь ничего не подѣлаешь, Гаррестадъ,—другимъ это нравится, потому что у нихъ собачья натура и имъ всегда нуженъ строгій хозяинъ, которому бы они могли слѣпо повиноваться. Во всякомъ случаѣ директоръ никогда не садится между двумя стульями и не двуличничаетъ, а это-то намъ всѣмъ и нравится. Понимаете, Гаррестадъ? Съ нимъ всякій знаетъ, чего ждать, и безъ колебаній садится справа или слѣва отъ него. Ну, конечно, хорошо только тѣмъ, кто плыветъ по вѣтру. Тѣ, которые хотятъ идти противъ вѣтра, будутъ во всемъ попадать въ просакъ.

Онъ поднялъ руку къ самому лицу Гаррестада и сталъ загибать пальцы, перечисляя:

— Имъ будетъ всегда отказъ въ сберегательномъ банкѣ, во всемъ отказъ въ городскомъ совѣтѣ, въ коммиссіяхъ, въ портовомъ управленіи... На рѣкѣ они будутъ, какъ въ непріятельской странѣ, потому что по всему ея теченію Андерсъ Браттъ и его заводъ командуютъ позиціей. Имъ не удастся даже устроить простого вечера въ ресторанѣ госпожи Михельсонъ. Каково же теперь полицеймейстеру, который пошелъ бы противъ теченія? Я не я, если онъ не слетитъ съ мѣста со всѣми своими фонарями! Это я вамъ предсказываю. Подчинится и Іонстонъ, когда его возраженія серьезно надоѣдятъ директору!

— Однако, вся эта партійность очень возмутительна!—вскричалъ Гаррестадъ.—Одна, одна партійность, и ни малѣйшей справедливости!..

— Не скажите! Онъ деспотъ, но намѣренія у него добрыя и сердце хорошее, къ тому же, огромная энергія.

— Но это какой-то самодуръ, котораго здѣсь никто не въ силахъ обуздать!

— Не борись съ сильнымъ,—продекламировалъ Бергъ.—Сказано въ писаніи: «кая польза, аще міръ пріобрящешь, душу же свою отщетишь»... То-то, вотъ, Гаррестадъ! Если вамъ не суждено получить мѣсто контролера, почитайте-ка библію, и смиритесь!

Гаррестадъ сдѣлалъ озлобленное движеніе рукой и, не прощаясь, пошелъ по одной изъ боковыхъ улицъ, а Бергъ злорадно поглядывалъ ему вслѣдъ.

Директоръ съ Іонстономъ шли уже по мосту черезъ рѣку. Ихъ длинныя тѣни скользили рядомъ, переламываясь на перилахъ моста. Подъ ними шумѣла и плескалась темная вода, по которой неслись обломки льдинъ. Вдали, у пристаней, причудливо чернѣли и бѣлѣли корабельныя мачты съ ихъ продолженіями въ видѣ длинныхъ

тѣней по запорошенному снѣгомъ льду. За ними, тамъ, гдѣ мелькали крайніе островки и шхеры, чернѣла широкая полоса незамерзшаго моря.

Директоръ былъ пасмуренъ и молчаливъ. Передъ тѣмъ онъ хотѣлъ-было пригласить Іонстона на завтра, къ обѣду; но теперь...

— Не очень-то намъ удобно имѣть въ городѣ двухъ градоначальниковъ!—подшучивалъ Іонстонъ, не замѣчая, или не желая замѣчать досады пріятеля.—Оба вы хотите властвовать...

Они были уже у конторы Андерса. Братта. У подъѣзда дожидались директора сани, въ которыхъ ему предстояло ѣхать къ себѣ на заводъ.

— Не удобно?—разсмѣялся директоръ дѣланнымъ смѣхомъ, занося ногу въ сани.—Однако надѣюсь, онъ скоро почувствуетъ, что здѣсь ему слишкомъ жарко!

— Ты не станешь же досаждать ему, пока онъ не уберется отсюда?

— Конечно, стану!

Директоръ ударилъ палкой по санямъ и бросился на сидѣнье.

— Покойной ночи, Іонстонъ!

Сани тронулись. Іонстонъ провожалъ ихъ удивленнымъ взглядомъ.

По рѣзкимъ подергиваніямъ возжей и по ударамъ бича, которыми Андерсъ Браттъ огрѣлъ своего гнѣдого, тотъ понялъ, что хозяинъ не въ духѣ и во всю прыть помчалъ его къ заводу.

II.

Андерсъ Браттъ былъ сегодня въ отличнѣйшемъ расположеніи духа. Утромъ онъ жестоко отдѣлалъ въ совѣтѣ полицеймейстера, разбивъ его на голову въ преніяхъ о добавочныхъ фонарныхъ столбахъ. Теперь даже упреки и подтруниванія Іонстона не задѣвали его за живое, а только веселили, напоминая о недавней побѣдѣ.

— Господи, какъ ты за него распинаешься!—сказалъ онъ, усмѣхаясь.—Вѣчно ты носишься со своими гуманностями и спелёнатъ этими идеями, какъ младенецъ...

— Ну, и оставимъ это! Послушай-ка, лучше, что мнѣ пришло въ голову по поводу этого пустыря.

Онъ увлекъ директора на пустырь позади своего дома и прибавилъ:

— У меня родилась отличнѣйшая идея...

— Идея? Чортъ возьми, какъ ты выражаешься! Такъ и кажется, что приходится говорить съ учителемъ. Въ чемъ же заключается эта... твоя идея?

Привычнымъ глазомъ опытнаго дѣльца онъ оглядѣлъ пустырь, стараясь уяснить себѣ все, что можно было устроить на этомъ мѣстѣ. Пустырь тянулся до самаго берега, и заканчивался какой-то, совсѣмъ уже развалившейся, пристанью.

— Что жъ? ты хочешь арендовать, или купить эту городскую землю?—спросилъ директоръ.

— Да, т. е. это зависитъ отъ величины этого пустыря...

Онъ посмотрѣлъ какъ-то нерѣшительно на директора и подозвалъ шедшаго къ дому сына.

— Вотъ что, Абрагамъ!—сказалъ онъ, ласково кладя руку на плечо рослаго парня.—Сходи-ка, милый, домой и принеси рулетку, аршинъ, чтобы вымѣрить пустырь.

Сынъ побѣжалъ, а Іонстонъ пошелъ къ берегу, пытливо оглядываясь по сторонамъ. Директоръ шелъ рядомъ, поглядывая на него съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ. Іонстонъ всегда приступалъ къ дѣлу какъ-то нерѣшительно, почти таинственно; директоръ же терпѣть не могъ никакой вялости...

— Да зачѣмъ тебѣ это мѣсто?—спросилъ онъ.

— Я хотѣлъ бы расширить дворъ и сдѣлать пристройку къ дому... Но видишь ли... Мнѣ бы хотѣлось обойтись половиной этого мѣста... Большая разница въ цѣнѣ за все, или за половину.

— Словомъ, ты, во всякомъ случаѣ, хочешь купить?

— Н... н... да!

Взглядъ Іонстона нерѣшительно скользилъ по пустырю и по развалинамъ пристани, за которой начинался сплошной ледъ.

— Нда? Ты можешь похвастаться, Іонстонъ, что поговорку: ни туда, ни сюда!—выдумалъ ты. Скажи опредѣленнѣе, рѣшился ты купить, или нѣтъ, и къ чорту всякія колебанія!

— А ты, какъ бы посовѣтывалъ, Браттъ.

— Посовѣтовать? Хе, хе! Съумѣлъ же ты во́-время застраховать въ клубѣ Конкордію и получить за нее двадцать семь тысячъ наличными! Людямъ, которые умѣютъ выигрывать первые призы, совѣтовать нечего...

— Видишь ли, теперь, когда у меня есть эта наличная сумма... Не знаю, право, купить ли мнѣ новый пароходъ, вмѣсто погибшаго или...

— Или спекулировать земельными участками?—докончилъ директоръ, и его птичій глазъ округлился.—Вѣдь для чего-нибудь покупаешь же ты участокъ!

Іонстонъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Въ сущности, вопросъ только въ томъ, покупать ли мнѣ весь пустырь, или ограничиться половиной! — проговорилъ онъ медленно.

— Ну и человѣкъ же! Надумалъ превосходное дѣльцо, а еще ломается!—расхохотался директоръ. Съ его коммерческимъ чутьемъ онъ сразу сообразилъ, насколько можетъ быть выгодно пріобрѣтеніе земельнаго участка, цѣна котораго при быстромъ ростѣ города должна въ короткое время утроиться!

И онъ былъ совершенно увѣренъ. что, въ сущности, Іонстонъ давнымъ-давно рѣшился и говоритъ только для окончательнаго успокоенія совѣсти.

Пришелъ сынъ Іонстона съ рулеткой, и началось тщательное измѣреніе участка. Директоръ стоялъ въ сторонѣ и хохоталъ въ душѣ.

«Вѣдь вотъ, стоитъ онъ въ своей старой шапкѣ, заломленной на затылокъ, и зябнетъ, и вычисляетъ, и разводитъ ариѳметику!»—думалъ онъ.—«Морозитъ по пусту себя и своего долговязаго сына, который бродитъ въ лентой рулетки въ рукахъ по глубокому снѣгу... И все это только для того, чтобы увѣрить себя, что поступилъ осмотрительно, чтобы убаюкать свою, черезчуръ уже капризную, совѣсть! А красивый у него парень... Породистое у него что-то такое въ лицѣ... похожъ на мать...»

— Шестьдесятъ шесть метровъ!—донесся вдругъ голосъ Абрагама, кончавшаго измѣренія.

— Такъ... Выходитъ на тысячу шестьсотъ кронъ разницы!—проговорилъ Іонстонъ, сдѣлавъ въ записной книжкѣ вычисленіе. Затѣмъ онъ задумчиво спряталъ книжку и карандашъ въ карманъ.

— Однако, я полагаю, все-таки слѣдуетъ купить весь участокъ, Браттъ?—сказалъ онъ помолчавъ.

— Разумѣется, весь!—рѣшительно покончилъ директоръ.—И если тебѣ понадобятся деньги, пять тысячъ ты всегда можешь получить у насъ подъ залогъ этого пустыря. А вѣдь штука будетъ недурная, когда у тебя будетъ собственная пароходная пристань, и когда начнется расширеніе порта...

— Повѣрь, я думалъ объ этомъ... Все это я обдумывалъ, Браттъ!

— Такъ о чемъ же и толковать? Теперь ты будешь однимъ изъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ и, конечно, поддержишь насъ въ вопросѣ о расширеніи порта? А? Вѣдь не достаетъ лишь нѣсколькихъ голосовъ.

— Гм... Не люблю я такихъ путей къ обогащенію...

— Однако, нельзя же, наконецъ, и разоряться изъ вѣжливости къ согражданамъ! — горячо возразилъ директоръ. — Тебя донимаютъ твои гуманныя идеи! Но помни, мы, остальные-то здѣсь, не очень-то гуманны. Мы готовы выклевать другъ другу глаза, изъ-за шиллинга! Церемониться тебѣ тутъ нечего!

Іонстонъ улыбнулся.

— Во всякомъ случаѣ, не въ этому году начнутся твои расширенія, и мнѣ удастся воспользоваться этимъ пустыремъ!— сказалъ онъ.—Мнѣ просто хочется устроить что-нибудь для будущности Абрагама. Одинъ, вѣдь, онъ у меня! Было бы ужасно тяжело, если бы пришлось отправить его куда-нибудь далеко для устройства его судьбы.—Абрагамъ!—прибавилъ онъ, обертываясь къ сыну.—Съ тобой планъ нашего участка? Да ты не слышишь меня, что ли?

— Онъ занятъ!—смѣясь, замѣтилъ директоръ.—Развѣ ты не видишь, что онъ смотритъ на барышень!..

По улицѣ и въ самомъ дѣлѣ приближались три дѣвушки, о чемъ-то горячо между собою разговаривавшія. Въ одной изъ нихъ директоръ сейчасъ же узналъ свою дочь Гертрудъ, и, когда дѣвушки поровнялись съ пустыремъ, онъ позвалъ ее.

Гертрудъ подняла голову, сдѣлавъ видъ, что удивилась, увидѣвъ отца; но она не могла скрыть румянца, окрасившаго щеки при видѣ молодого Іонстона...

Какъ будто и совсѣмъ спокойно, прошла она до воротъ пустыря, привѣтливо простилась со своими подругами и степенно направилась къ тремъ мужчинамъ.

На встрѣчу ей бросилась однако собака Іонстоновъ и своими шумными привѣтствіями, прыгая и ловя дѣвушку за подолъ шубки, обнаружила бо́льшую близость съ молодой особой, чѣмъ это было ей желательно въ присутствіи подругъ. Она попыталась даже отогнать собаку и замахнулась было на нее папкой съ нотами, но это повело только къ тому, что собака подняла уши и стала во всю прыть описывать круги вокругъ молодой гостьи.

— Кушъ!..—дрянная собаченка!—вскричала она съ досадливымъ движеніемъ руки.—Неужели вы не можете унять ее?

— Рапъ! Сейчасъ же проси у барышни прощенія! Служить!—скомандовалъ Абрагамъ, темные глаза котораго сверкали больше обыкновеннаго. Все, блѣдное, лицо юноши точно оживилось...

Она вторично махнула папкой, чтобы заставить собаку перестать служить и пошла къ отцу.

— Гертрудъ хочетъ поздороваться со своимъ будущимъ свекромъ!—шепнулъ директоръ Іонстону.

Она однако услышала эту шутку и испуганно оглянулась на Абрагама, чтобы убѣдиться, что онъ ничего не слышалъ.

Она походила на отца крѣпкимъ, немножко даже сутуловатымъ сложеніемъ, но, тѣмъ не менѣе, была очень миловидна, и на ея хорошенькую шубку, опушенную перьями, спадала великолѣпная черная коса.

Когда послѣ небольшой общей болтовни отецъ съ дочерью собрались уходить, директоръ крѣпко потрясъ руку Іонстона.

— Значитъ, рѣшено? Вы обѣдаете у насъ въ воскресенье?— спросилъ онъ.

Абрагамъ не участвовалъ въ разговорѣ, и такъ какъ дѣвушка стояла къ нему спиной, могъ любоваться только ея косою. Для разнообразія, она обернулась къ нему и наградила его сухимъ взглядомъ.

— Надѣюсь, пріѣдетъ и госпожа Рэнебергъ?—сказала она.— Она вѣдь обѣщала научить меня плести кружева!—прибавила она, чтобы Абрагамъ хорошенько понялъ, насколько она имъ недовольна, и чѣмъ она намѣрена заниматься, когда онъ будетъ у нихъ въ гостяхъ.

Абрагамъ промолчалъ, и гости удалились.

Директоръ шелъ быстро. Онъ провелъ битыхъ полтора часа у Іонстоновъ, и надо было наверстать потерянное время... Отъ времени до времени онъ разсѣянно дотрогивался до шапки, отвѣчая на сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ поклоны.

Гертрудъ молча шла рядомъ.

По временамъ онъ искоса поглядывалъ на нее... По выраженію лица она была еще совсѣмъ дитя и вовсе не умѣла скрывать своихъ чувствъ! Теперь она потупилась, глядитъ въ землю, и видимо дуется... За то, что онъ отозвалъ ее отъ пріятельницъ? Или потому, что онъ увелъ ее съ собой? Этакая капризница!

Онъ припомнилъ, какъ, бывало, и ему приходилось идти со своимъ отцомъ, и какъ это было невесело... При этомъ воспоминаніи онъ даже улыбнулся...

— Ты, кажется, была съ Торой Лэбергъ, когда я тебя позвалъ?—привѣтливо освѣдомился онъ, чтобы начать разговоръ.— Ну, какъ у нихъ? Я слышалъ, что вдова Лэбергъ завела маленькую торговлю...

— Да, она торгуетъ нитками, вязаными вещами, швейными принадлежностями...

— Ну, и что жъ? ничего себѣ торгуетъ?

Гертрудъ оживилась.

— Какое! Онѣ такія неразсчетливыя, что у нихъ ничего не выходитъ. Покупаютъ шерсть въ деревняхъ, заказываютъ изъ этой шерсти пряжу и отдаютъ вязать чулки на фабрику. Я высчитала, что при этомъ онѣ теряютъ ровно по десяти эре на каждой парѣ чулокъ!.. И вотъ такъ у нихъ идетъ и все прочее.

— Гм!.. Такъ ты имъ объяснила?.. Да, да... Это хорошо! Помогай имъ и въ будущемъ!

Онъ узнавалъ себя самого въ трезвыхъ взглядахъ и въ способности къ вычисленіямъ своей дочери. Впрочемъ, это ему не слишкомъ понравилось... Онъ не былъ увѣренъ, чтобы такія способности служили къ украшенію женщины! Ужъ во всякомъ случаѣ, въ этомъ не было ровно никакой женственной поэзіи... Не такова была его старшая дочь... его любимица. Та была самое красивое существо, которое только когда-либо дышало норвежскимъ воздухомъ, и такая, такая женственная!.. Ну да что думать о той, та замужемъ: для семьи отрѣзанный ломоть!

— А кто та, другая, которая шла съ вами?—спросилъ онъ, чтобы перейти на другое.—Молола еще языкомъ, какъ мельница...

— Ахъ эта? Это Фернанда, дочь полицеймейстера. Она совсѣмъ не болтлива и почти всегда молчитъ, папа.

— Во всякомъ случаѣ, она тебѣ не пара, Гертрудъ. Чванная, спесивая, какая-то надоѣдливая...

— Фернанда, папа? Хотѣла бы я знать, кто это такъ оклеветалъ ее передъ тобой!

— Никогда не забывай, дитя, что отъ волковъ родятся только волчата, а отъ такой деревянной лошади, какъ полицеймейстеръ, можетъ родиться только деревянная кукла. Это ясно... Тебѣ не слѣдовало бы и знаться-то съ нею.

— Съ Фернандой, которую я люблю больше всѣхъ другихъ моихъ подругъ?

— Господи! Неужели ты не знаешь, что ея отецъ дѣлаетъ все, что въ его власти—власть эта, впрочемъ, не Богъ вѣсть, какъ велика!—чтобы мнѣ насолить? Кажется бы, не слѣдовало бы моей дочери дружить съ этими людьми! Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь!—прибавилъ онъ съ нѣкоторой холодностью, и больше уже не заговаривалъ съ дочерью во всю дорогу. Не укрылось отъ него появившееся на ея лицѣ выраженіе негодованія, и онъ очень хорошо замѣтилъ, съ какимъ видомъ самостоятельности она потряхивала головкой, какъ бы намѣреваясь еще постоять за себя...

— Этакая дѣвчонка! Да вѣдь и то сказать, дѣти всегда такіе эгоисты...

Они продолжали идти уже большой дорогой за городомъ. На одномъ изъ поворотовъ донеслись до нихъ дребезжащіе и шипящіе звуки пилъ лѣсопильнаго завода Андерса Братта.

Когда директоръ съ дочерью поровнялись съ заборомъ усадьбы, изъ воротъ выбѣжала имъ на встрѣчу дворовая собака, нѣкоторое время не зная, какъ раздѣлить между ними свои восторги. Но такъ какъ Гертрудъ побѣжала по аллеѣ впередъ прямо къ дому, то собака осталась съ хозяиномъ прыгая, взвизгивая и всячески проявляя радость по поводу его возвращенія домой.

Директоръ отнесся къ собакѣ благосклонно и уже по одному постукиванью его палки и по голосу всѣ въ домѣ могли слышать, что сегодня онъ въ прекрасномъ расположеніи духа.

Тотчасъ же подали обѣдъ, и когда директоръ вошелъ въ столовую, всѣ уже были въ сборѣ, и миска съ супомъ привѣтливо дымилась на столѣ.

— Ну, моя Гетта! — заговорилъ онъ, обращаясь къ женѣ, предварительно выпивъ двѣ рюмки водки, чтобы прочистить горло передъ ухой.—Много вычитала сегодня объ испанскихъ дѣлахъ? Неужели тамъ народъ опять добивается переворота? А? Желалъ бы и я имѣть время, чтобъ подумать объ этой Испаніи... Хе, хе! Этотъ генералъ Горилла, напримѣръ...

— Зорилья, Браттъ!

— Ну, все равно... Зорилла, такъ Горилла! Что же онъ теперь готовитъ?

Онъ попросилъ себѣ вторую тарелку ухи и съѣлъ ее съ такимъ же аппетитомъ, какъ и первую. Ни на минуту не переставалъ онъ ощущать какое-то особенное удовольствіе при воспоминаніи объ одержанной утромъ побѣдѣ.

— Ага! Фрикассе изъ баранины!—привѣтствовалъ онъ второе блюдо, и, обернувшись къ Гертрудъ, прибавилъ:—Принеси-ка мнѣ, пожалуйста, сою, или что-нибудь такое къ баранинѣ. Изъ моихъ двухъ дѣвочекъ ты у меня похозяйственнѣе...

Гертрудъ поставила передъ нимъ сою, но не посмотрѣла на него и онъ понялъ, что она все еще дуется.

Гм!.. Конечно, жаль стѣснять ее въ своихъ привязанностяхъ къ подругамъ!.. Но нельзя же въ самомъ дѣлѣ допукать дружбу съ семействомъ полицеймейстера! Нѣтъ, ужъ этого не должно быть!.. Подуется дѣвочка, и успокоится.

— Ну, что, Клаусъ?—спросилъ онъ своего взрослаго сына.—Поди-ка, меня уже давно ждутъ на заводѣ? Ужасно замѣшкался у Іонстона съ этими разговорами о пустырѣ.

— Іонстонъ всегда тебя увлекаетъ, отецъ! — улыбнулся Клаусъ. — Съ нимъ ты забываешь и время, и все...

— Да, много я знаю способныхъ людей! Но второго такого чудака, — способнѣйшаго, но только не всегда понятнаго — я не знаю... Въ своемъ родѣ, Іонстонъ просто диковинка.

— А заходилъ ты провѣдать госпожу Рэнебергъ?—освѣдомилась хозяйка дома.

— Нѣтъ, я поклонился ей только черезъ окно. Повидимому, у нихъ идетъ какая-то генеральная чистка, или что-то въ этомъ родѣ.

— Удивительно хороши у нихъ эти два огромныхъ старинныхъ зеркала въ гостиной!—замѣтила жена.—Такое чудное, шли-

фованное стекло, и въ хрустальныхъ рамахъ... И только подумать, что эти зеркала висѣли когда-то въ большой бальной залѣ на заводѣ... Многое отражалось въ нихъ во время блеска семьи Рэнебергъ? Мнѣ всегда становится какъ-то странно на душѣ, когда я вижу эти зеркала: точно два огромные глаза минувшаго столѣтія... А когда еще госпожа Рэнебергъ начинаетъ разсказывать о томъ, что сохранилось въ ея воспоминаніяхъ...

— Да, да... Испанія!.. Передай-ка мнѣ, Гертрудъ, блюдо.

— Не даромъ престарѣлую дѣвицу Рэнебергъ,—не знаю, почему ее принято титуловать госпожей?—прозвали «фамильнымъ музеемъ!»—усмѣхнулся Клаусъ.

— Нѣтъ, что ни говорите, а въ этихъ людяхъ есть что-то особенное!—мечтательно проговорила мать.—Жаль видѣть обѣднѣніе такихъ родовъ!

Директоръ кивнулъ головой въ знакъ сочувствія. Послѣднее замѣчаніе жены онъ уже не находилъ «испанскимъ».

— Изъ этого пустыря, который Іонстонъ хочетъ купить у городского совѣта, можетъ выйти толкъ! — замѣтилъ онъ самодовольно. — Я вѣдь могу очень облегчить ему дѣло и поддержать его не одной тысячью.

— Ему везетъ! — вмѣшался сынъ. — Вотъ хоть бы съ этимъ погибшимъ пароходомъ! Застраховываетъ «Конкордію» въ клубѣ и, вернувшись домой, находитъ телеграмму о ея гибели! Вѣдь онъ окончательно разорился бы, еслибъ не застраховалъ... А теперь получилъ двадцать семь тысячъ наличными, и можетъ начать новое дѣло!

— А я думаю непріятно получать такія шальныя деньги!— сказала госпожа Браттъ.

— Отчего же? Дѣло счастья! — возразилъ директоръ. — Пока обѣ стороны находятся въ одинаковой неизвѣстности о суднѣ, шансы равны. Всякое страхованіе вѣдь, въ сущности, игра!

Онъ отодвинулъ стулъ и всталъ изъ-за стола.

— Къ четыремъ часамъ вели мальчику привести мнѣ лошадь къ заводу!—распорядился онъ.—Поѣду въ банкъ... Могу заѣхать за тобой вечеромъ въ контору, Клаусъ. А гдѣ же моя палка?

Палку нашли. Онъ торопливо надѣлъ въ передней шубу и высокія, теплыя галоши, нахлобучилъ мѣховую шапку и вышелъ изъ дому. Заботливая жена слѣдила за каждымъ его движеніемъ, провожая его взглядомъ до самыхъ наружныхъ дверей, точно опасаясь, чтобы ему чего-нибудь еще не понадобилось.

Съ его уходомъ въ комнатахъ какъ-то особенно затихло.

Госпожа Браттъ занялась своими цвѣтами. Не легкая задача

поддерживать жизнь растеній въ спертомъ воздухѣ комнатъ, пока весеннее тепло не позволитъ ихъ выставить на веранду! И каково было этимъ растеніямъ отставаться долгую зиму за двойными рамами, безъ живительнаго дождя, почти безъ солнечнаго свѣта! Она мыла и заботливо перетирала листья одного растенія за другимъ и, только-что занялась своимъ большимъ олеандромъ, какъ въ комнату вошла Гертрудъ.

Дѣвушка казалась взволнованной.

— Вотъ что, мама!—сказала она.—Я никогда больше не пойду къ Іонстонамъ... Никогда!

— Что случилось, Гертрудъ?

— Отецъ сегодня такое сказалъ Іонстону, что... Господи! Никогда, никогда не покажусь больше въ ихъ домѣ!

— Что же такое могъ сказать отецъ Іонстону? Что-нибудь оскорбительное для тебя?—недоумѣвала мать.

— Конечно! Онъ сказалъ Іонстону, и это почти въ присутствіи Абрагама, который и безъ того надоѣдалъ мнѣ своей собакой, онъ сказалъ, что я пришла поздороваться со своимъ будущимъ свекромъ!.. Да что же это такое? Долго ли еще меня будутъ считать въ домѣ ребенкомъ? Я не ребенокъ же!

— Тамъ вѣдь всѣ привыкли къ шуткамъ отца, Гертрудъ. Однако, правда и то, что ты уже не маленькая... Придется потолковать съ отцомъ и доказать ему...

— Во всякомъ случаѣ, я позаботилась о томъ, чтобы Абрагамъ это понялъ!.. Заставлю этого фанфарона понять и еще кое-что!

— Съ чего ты это, Гертрудъ?

Мать посмотрѣла на нее съ удивленіемъ, и на минуту задумалась.

— Нѣтъ, онъ не фанфаронъ!—сказала она.—Напротивъ, въ немъ есть что-то такое... точно тайная тоска... точно сдержанныя порывы куда-то въ даль... Онъ очень молчаливъ, кажется?

— Совсѣмъ нѣмой, мама! Притомъ еще часто точно глухой... Иногда это, конечно, къ лучшему...

— Однако, дитя мое!.. Что ни говори, а въ немъ есть душа!

— Душа?—дѣвушка презрительно поморщилась.—Онъ похожъ на своего шелковистаго сетера... фу! Какой-то нервный... И франтъ. Удитъ по-англійски, мушками... со звоночкомъ...

— А меня онъ интересуетъ, дитя. Я всегда наблюдаю за нимъ, когда онъ бываетъ здѣсь. Въ его взглядѣ какая-то затаенная тоска... Онъ, навѣрное, къ чему-нибудь рвется и тоскуетъ! И то сказать: торговля—неподходящее для него дѣло. Иногда мнѣ

становится жаль его, такіе у него бываютъ печальные глаза... Видишь ли, дитя, эти растенія...

— Ахъ, мама!.. Растенія! Я говорю о томъ, что отецъ ходитъ по людямъ и срамитъ меня!.. Но я положу этому конецъ, и если на то пошло, выйду лучше за Якова Арнсберга. Да! Со мной не удастся поступить такъ, какъ съ Жанеттой! Они устраиваютъ будушность Абрагама, сватаютъ меня даже не спрося, желаю ли я этого... О!..

По лицу матери прошла какъ бы легкая тѣнь, и она молча сорвала нѣсколько завядшихъ листьевъ со своихъ растеній.

— Какъ съ Жанеттой?—проговорила она, наконецъ.

— Да, да... Развѣ Жанетта вышла за того, кого любила? Небойсь, ей пришлось выдти за любимца отца! Не думайте, что я ничего не понимаю... Ей навязали этого адвоката Стибольта! Стибольтъ—самая свѣтлая голова въ городѣ, Стибольтъ—несравненный дѣлецъ, Стибольтъ—чудный человѣкъ... по мнѣнію отца, конечно! Пусть мнѣ не говорятъ, что Жанетта его любила! Воображаю, какъ онъ ей нравился, когда распространялся о своихъ дѣлахъ и разсказывалъ длинныя исторіи во вкусѣ отца, но врядъ ли интересныя кому-нибудь другому! Всякій знаетъ, что Жанетта не смѣетъ самостоятельно распорядиться даже булавкой. Не очень-то она счастлива! О, я такъ сердита на отца, такъ сердита...

Все, что она разсказывала о своей старшей, замужней сестрѣ, была сущая правда, и мать молча занялась своими цвѣтами.

— Да, ты уже не ребенокъ!—послѣ долгаго молчанія вырвалось у нея съ тяжелымъ вздохомъ.

— Я прямо говорю, что совсѣмъ не забочусь, чтобы человѣкъ, за котораго я выйду замужъ, былъ особенный дѣлецъ и умница!—снова заговорила Гертрудъ.—Въ Яковѣ Арнсбергѣ мнѣ нравятся именно его кротость, уступчивость... Онъ всегда готовъ дѣлать по моему... Да, да! Деспотовъ я не хочу...

— У тебя характеръ твоего отца, Гертрудъ!

— Да нѣтъ же,—наоборотъ, мама! Если бы я была похожа на отца... О! Знаешь ли, напримѣръ, что теперь мнѣ запрещаютъ знакомство съ Фернандой?.. Но говорю тебѣ прямо: не удастся отцу выдать меня за Абрагама Іонстона, какъ бы уменъ и замѣчателенъ ни былъ этотъ господинъ и сколько бы его ни воспѣвали! Хоть кадите ему... миррой и арабскими благоуханіями! А мнѣ его не надо, и не надо...

(*Прооолженіе слѣдуетъ*).

Общество, государство, культура на Западѣ въ XVI вѣкѣ.

Проф. **Р. Виппера.**

*(Продолженіе *).*

Просвѣщеніе въ Западной Европѣ около 1500 г.

Появленіе интеллигенціи, какъ опредѣленнаго, безсословнаго слоя.—Ея составные элементы въ городской и придворной средѣ.—Новыя потребности службы; значеніе, «краснорѣчія».—Сфера салонныхъ и литературныхъ интересовъ.—«Поэтическое» образованіе.—Литература въ политической роли.—Научныя и педагогическія задачи эпохи; характеръ столкновенія гуманистовъ и «схоластиковъ».—Возникновеніе средней школы.—Новые моральные запросы воспитанія.—Женщина въ новомъ обществѣ и отношеніе къ ней литературы.—Религіозная программа интеллигентнаго міра.

Мы видѣли, какъ наростало въ XIV и XV вв. религіозное возбужденіе, какъ слагались формы новой церкви, отвѣчавшей потребностямъ вновь поднимающихся классовъ общества и какъ намѣчались понятія и требованія религіи болѣе личной, болѣе обращенной къ внутреннему созерцанію, чѣмъ къ внѣшнимъ чувствамъ, болѣе склонной резонировать, чѣмъ сгибаться передъ видимымъ авторитетомъ. Рядомъ съ этимъ движеніемъ происходитъ крупная и важная перемѣна въ педагогическихъ, научныхъ и литературныхъ задачахъ и идеалахъ, перемѣна, носящая у насъ названіе Возрожденія или гуманизма.

Но если первое движеніе захватываетъ широко разные слои общества, то во второмъ мы имѣемъ передъ собой явленія, развертывающіяся въ болѣе тѣсной умственной средѣ. Къ этой средѣ подходятъ наши названія «интеллигенціи» и «публики». Она не совпадаетъ съ какимъ-либо опредѣленнымъ общественнымъ классомъ и набирается изъ разныхъ группъ владѣльческаго и служебно-профессіональнаго характера; но она сама образуетъ новый слой, который вращается въ особомъ кругу интересовъ и идей, въ живомъ взаимномъ обмѣнѣ взглядовъ и потому начинаетъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

выступать, какъ самостоятельная активная сила въ общественной жизни.

Въ сущности выдѣленіе смѣшанной по общественному составу интеллигенціи и есть главное содержаніе, главная новизна такъ называемаго *гуманистическаго* движенія. Въ эпоху предшествующую интеллектуальные интересы такъ или иначе замыкались въ опредѣленной сословной, корпоративной или профессіональной средѣ университетской, рыцарской, въ средѣ богослововъ, легистовъ и, т. д.; изученіе и преподаваніе науки, напримѣръ, права, носило слишкомъ исключительно доктринерскій, каѳедральный характеръ, было далеко отъ популяризаціи. Съ XIV в. въ итальянскихъ городскихъ республикахъ и при дворахъ тирановъ, а съ конца XV в. и въ другихъ странахъ Европы образуется какъ бы общедоступный образовательный матеріалъ и новая система умственныхъ интересовъ въ общихъ рамкахъ «литературы»; вмѣстѣ съ тѣмъ слагается и новое общество, болѣе пестрое и въ то же время болѣе умственно объединенное, болѣе подвижное и чуткое.

Интеллигентная среда XV в. однако по составу и по характеру разнится отъ нашей современной. Необходимо имѣть въ виду, что она развивается въ двухъ главныхъ административныхъ и культурныхъ центрахъ эпохи: она принадлежитъ либо городской, либо придворной сферѣ. Крупный промышленный пунктъ, нерѣдко купеческая республика, а съ другой стороны, столица правителя, еще странствующая, еще не утвердившаяся въ узлѣ производительной дѣятельности страны (во Франціи XV и еще XVI в. дворъ переѣзжаетъ и помѣщается то въ Блуа, то въ Амбуазѣ, то въ Турѣ и т. д.); оба эти центра создаютъ нѣкоторыя одинаковыя условія для соціальныхъ отношеній и для умственнаго развитія, выдвигаютъ одинаково опредѣленныя требованія служебной дѣятельности и общественной дисциплины, а вмѣстѣ съ тѣмъ формируютъ своеобразные интересы и вкусы салонной жизни.

Прежде всего люди, живущіе въ этихъ условіяхъ, подвергаются постоянной и сильной естественной нивеллировкѣ: въ городѣ и при дворѣ, подъ вліяніемъ служебной или промышленной конкурренціи, отъ милостей ли правителя или благодаря удачному коммерческому обороту, силой ли упорнаго труда или воздѣйствіемъ на болѣе воспріимчивое общество крупнаго таланта, такъ или иначе, но тамъ и здѣсь постоянно выдвигаются впередъ и перемѣшиваются личности самаго различнаго происхожденія. Въ той и другой средѣ становится трудно сохранить сословную замкнутость; человѣкъ привыкаетъ стоять на собственныхъ ногахъ, на своей заслугѣ, на богатствѣ, на своемъ дарованіи, общество, въ свою очередь, цѣнитъ его въ мѣру этихъ свойствъ.

Въ то же время въ городѣ и при дворѣ требуются люди, профессіонально подготовленные, съ извѣстной спеціальной служебной или технической выучкой. Мы уже видѣли своеобразную роль банкировъ во французской королевской администраціи: ихъ значеніе указываетъ на то, что явилась настоятельная потребность въ опытныхъ и обученныхъ финансистахъ. Еще раньше короли окружаютъ себя начитанными и бойкими на перо юристами, которые образуютъ какъ бы главный штабъ ихъ административной арміи. Для веденія сложныхъ дипломатическихъ отношеній, возникающихъ съ XV в., требовалась также школа: чтобы съ успѣхомъ двигаться въ этой карьерѣ, надо было знать римское и каноническое право, надо было располагать красивой и свободной рѣчью (въ оффиціальной бумагѣ проставляется тогда рубрика — eloquentissimus orator), надо было знать языки, владѣть свободно языкомъ par excellence, латынью, наконецъ, быть начитаннымъ въ исторіи, «этой великой наставницѣ всякаго рода обмана, увертокъ и клятвопреступленій», какъ поясняетъ намъ откровенно Комминъ. Интересно, какъ Альфонсъ Неаполитанскій не забываетъ прибавить по поводу необходимыхъ качествъ хорошаго посланника, что ему «некрасиво кичиться знатностью или силой, а напротивъ, слѣдуетъ выдвигать ученость, школу и приверженность къ принципу».

Въ городѣ—аналогичное явленіе. Здѣсь съ возрастаніемъ индустріальной техники требуются мастера—почти художники для болѣе тонкихъ отраслей производства; съ развитіемъ коммерческаго дѣла и оживленіемъ торговыхъ путей становятся нужны агенты, знакомые съ чужими странами, ихъ правомъ и языкомъ, свѣдущіе директора и приказчики въ крупныхъ предпріятіяхъ, систематически прошедшіе бухгалтерію и товаровѣдѣніе, способные вести корреспонденцію и т. п. Одинъ нѣмецкій писатель начала XVI в. говоритъ, что развитіе оборотовъ заставляетъ теперь такъ же систематически изучать торговое дѣло, какъ раньше изучали лишь свободныя искусства. Наконецъ, съ усложненіемъ муниципальной администраціи требуются знатоки финансоваго дѣла, искусные канцеляристы и наметавшіеся правовѣды.

Флоренція, очагъ гуманизма въ XIV и XV вв., еще раньше слыла школой нотаріата для всего западнаго христіанскаго міра. Ея «судьи и нотаріусы» составляли первый, самый вліятельный и уважаемый цехъ въ городѣ, и это обстоятельство, конечно, стояло въ тѣсной связи съ его коммерческимъ положеніемъ, съ его обширными банкирскими операціями, которыя требовали развитія адвокатуры и письмоводства. Естественный глава цеха былъ «писецъ господъ пріоровъ», т. е. магистрата, или канцлеръ республики,

какъ его вскорѣ стали называть. Къ этому крупнѣйшему въ городѣ мастеру секретарскаго и консультаціоннаго дѣла переходитъ вся дѣловая и дипломатическая переписка сеньёріи. Вотъ почему его уже не отправляютъ въ качествѣ посла внѣ города: онъ устраивается какъ бы въ постоянной резиденціи въ особой писцовой комнатѣ городского дворца; вліяніе его на дѣла растетъ, и скоро слышится жалоба, что Флоренціей управляетъ не дума, а канцелярія. Одно изъ важнѣйшихъ требованій, которыя предъявляютъ къ этому секретарю, министру иностранныхъ дѣлъ, юрисконсульту и до извѣстной степени оффиціальному публицисту города, заключается въ томъ, чтобы онъ располагалъ живымъ, изящнымъ перомъ и совершеннымъ знаніемъ международнаго языка, т. е. латыни.

Вотъ почему, начиная отъ Брунетто Латини въ концѣ XIII в., утверждается традиція ставить на канцлерство выдающихся стилистовъ и литературно-образованныхъ людей. Крупнѣйшія имена гуманизма, Салютати, Бруни, Марсуппини, Поджіо, занимаютъ потомъ эту должность. Литературная репутація открываетъ путь къ этому важному посту; съ другой стороны, гуманизмъ является здѣсь въ видѣ прямого продолженія профессіонально-служебныхъ задачъ. Салютати за долгое время своего канцлерства вырабатываетъ своеобразную форму оффиціальныхъ посланій въ возвышенномъ стилѣ, пышныхъ и многорѣчивыхъ, полныхъ цитатъ, философскихъ сентенцій, метафоръ и украшеній; посланія эти имѣли огромный дѣловой и литературный успѣхъ, читались, заучивались и переписывались, какъ образцы тонкой и искусной рѣчи.

Не меньшій спросъ появился и на устное слово: послы произносили длинныя рѣчи, на которыя мѣстные ораторы должны были отвѣчать своими; въ многочисленныхъ публичныхъ собраніяхъ городскихъ властей или придворныхъ чиновъ, особенно въ торжественные моменты, чувствовалась потребность въ изложеніи руководящихъ принциповъ той или другой политики, въ защитѣ или рекомендаціи оффиціальной программы. Публика вообще привыкла слушать, требовала рѣчи, какъ необходимой декораціи, и ея способность слушать становилась по истинѣ замѣчательной: въ Вѣнѣ въ 1515 г. передъ лицомъ 22 государей и владѣтельныхъ князей 17 ученыхъ университета въ теченіе одного засѣданія произнесли 22 рѣчи.

Разъ письмо, статья и рѣчь становились важнымъ подспорьемъ общественно-политическаго вліянія, могущественнымъ орудіемъ дѣлового обмѣна, разъ литературный навыкъ становился столь необходимымъ качествомъ для дѣятелей извѣстной служебной

среды, понятно, что долженъ былъ образоваться и опредѣленный этикетъ, система правилъ и пріемовъ разговора и общенія: создавался своего рода тонъ и языкъ «хорошаго общества», вырабатывались формулы условной вѣжливости, общепринятыхъ комплиментовъ. Для пріобрѣтенія такихъ навыковъ мало было рекомендовать копированіе Цицерона, построеніе посланій и рѣчей по точнымъ указаніямъ реторики Квинтиліана; появился огромный спросъ на настоящіе письмовники, formulae epistolarum, номера которыхъ были сообразованы не только съ различными житейскими, дѣловыми, политическими моментами, но и съ требованіями опредѣленной среды; таково было, напримѣръ, изданіе образцовыхъ писемъ, составленное для папской куріи, которая располагала сложной и тонкой по дипломатическимъ задачамъ перепиской. Вотъ почему многочисленныя посланія и обращенія, отличаясь литературной обработкой, производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто они писаны однимъ лицомъ. Всѣ эти усилія сходились въ культивированіи стараго, въ сущности, международнаго органа, общеевропейской латыни, единственнаго въ то время языка церкви, юриспруденціи, преподаванія и дипломатіи, языка размѣренной рѣчи, языка систематическаго, отвлеченнаго изложенія. Такимъ образомъ, какъ бы открывалась эра по преимуществу космополитической культуры.

Еще другая черта намѣчается въ новомъ обществѣ: постоянное столкновеніе въ тѣсной городской или придворной средѣ множества лицъ, разнообразно занятыхъ, съ разностороннимъ опытомъ и свѣдѣніями создавало естественно бо́льшую умственную подвижность, бо́льшую широту интересовъ, болѣе требовательный вкусъ—въ людяхъ. Но, съ другой стороны, та же среда отодвигалась во многомъ отъ непосредственныхъ впечатлѣній жизни, складывала себѣ систему воззрѣній, опредѣленій, условныхъ знаковъ и символовъ, которые помогали классифицировать реальныя явленія жизни, давать имъ болѣе устойчивую оцѣнку, но въ то же время могли и закрывать собою эти явленія отъ резонирующей публики. Интеллектуальная среда, о которой идетъ рѣчь, уже начинаетъ окружать себя нѣкоторой искусственной атмосферой, стоящей надъ дѣйствительностью; въ ней именно развивается интересъ, помимо самихъ вещей, къ ихъ знакамъ, символамъ, къ комбинаціямъ этихъ знаковъ.

Особенно яркимъ признакомъ образованія такой искусственной атмосферы можетъ служить возникающая въ гуманистическую эпоху идеализація сельской жизни и природы. Этотъ видъ романтизма въ сущности такъ же, какъ потомъ въ XVIII в.,—настоящій про-

дуктъ городской и салонной культуры, представители которой нерѣдко больше любятъ мечтать о деревнѣ, тихой глуши и нетронутой природѣ, мечтать, если возможно, на фиксированныя поэтическія темы, чѣмъ уходить непосредственно въ эту жизнь. Крупнѣйшій современный нашъ историкъ гуманизма считаетъ «открытіе природы» у писателей этого періода однимъ изъ пріобрѣтеній пробудившагося сознанья «новаго человѣка»; можетъ быть, будетъ скромнѣе и точнѣе сказать, что это открытіе—рефлексія горожанина, оторвавшагося отъ природы и возвращающагося къ ней въ качествѣ, такъ сказать, иностранца.

Другимъ признакомъ наличности той же искусственной атмосферы служитъ появленіе своеобразной идеи, что литература имѣетъ свои особые законы и свою мѣрку пристойности и красоты, что, слѣдовательно, оцѣнка съ точки зрѣнія поэзіи можетъ рѣзко расходиться съ оцѣнкой реальной. Когда въ началѣ XV в. вышло необыкновенно циничное собраніе эпиграммъ Беккаделли, подъ характернымъ заглавіемъ «Гермафродитъ», автора хвалили за то, что онъ съумѣлъ передать столь безнравственныя вещи въ такой пріятной, нѣжной формѣ. Старикъ гуманистъ-педагогъ Гуарино, почтенный отецъ семейства, выражалъ вмѣстѣ съ другими восторгъ передъ удивительно легкой и изящной стихотворной обработкой неприличныхъ сюжетовъ; онъ съ презрѣніемъ отзывался о шумѣ, поднятомъ «невѣжественными» людьми, которые находятъ удовлетвореніе лишь въ слезахъ, постѣ и псалмахъ и не знаютъ, что жизнь имѣетъ одну цѣль, а поэзія другую.

Такъ вырабатывалась изъ потребностей высшей службы, изъ характера общенія новыхъ соціальныхъ слоевъ въ большихъ центрахъ салонная культура. Отражая въ себѣ приподнятые, утонченные интересы городской и придворной среды, литература дѣлается принадлежностью хорошаго тона, предметомъ избраннаго наслажденія. Новые вкусы выражаются весьма ярко въ появленіи кружковъ для взаимнаго просвѣщенія и умственнаго развлеченія, въ учено-литературныхъ клубахъ. Въ Италіи роль этихъ образовательно-дружескихъ кружковъ, этихъ частныхъ академій замѣтна уже въ XIV в. Они принимаютъ разнообразныя формы: то они группируются около магната, живущаго широко и гостепріимно, среди великолѣпія и удовольствій «райской» виллы (таково общество въ Paradiso degli Alberti), то въ тиши и уединеніи монастырской обстановки (S. Spirito во Флоренціи), то въ библіотекѣ ученаго коллекціонера книгъ и рукописей (Никколо Никколи во Флоренціи). Но характеръ общенія всюду сходный: предметы лекцій, диспутовъ, обмѣна мнѣній—литературно-философскіе; говорятъ о

Ливіи и Овидіи, объ Августинѣ и Божественной Комедіи, объ Одиссеѣ и Катилинѣ, о времени основанія Флоренціи, объ историческихъ личностяхъ и т. п. Иногда занятія ведутся по программѣ съ обозначеніемъ напередъ положеній, которыя рѣшено обсуждать на слѣдующій день: но члены принципіально избѣгаютъ церемоніальныхъ формъ, длиннотъ и фокусовъ, свойственныхъ университетскимъ диспутаціямъ. Бесѣда ихъ носитъ болѣе непринужденный, свѣтскій характеръ, приближаясь къ цицероновскому діалогу.

Позднѣе литературныя общества (sodalitates literariae) начинаютъ распространяться въ другихъ странахъ, особенно въ Германіи. Хотя здѣсь они возникали при университетахъ въ средѣ младшихъ преподавателей, но учредители ихъ покидали «старые пути». Члены обществъ были разсѣяны въ разныхъ пунктахъ и поддерживали связи оживленной перепиской. Составъ вѣнскаго литературнаго общества въ концѣ XV в. обнаруживаетъ значительное участіе двора: тутъ встрѣчаются титулы «императорскаго секретаря, королевскаго врача, доктора правъ», тутъ есть математики и богословы, но соединяетъ ихъ интересъ къ «поэзіи». Коронованный покровитель общества, Максимиліанъ, образуетъ въ его средѣ ученый комитетъ (collegium poetarum et matematicorum), подъ предсѣдательствомъ университетскаго преподавателя поэзіи, съ программою «возстановленія краснорѣчія прежнихъ временъ» и съ правомъ присуждать студентамъ поэзіи и элоквенціи въ Вѣнѣ, по выдержаніи испытанія, лавроваго вѣнка.

Существованіе такихъ обществъ пробуждало энергію, поддерживало интересъ людей, поставленныхъ иногда далеко отъ умственныхъ центровъ; постепенно возникало болѣе широкое духовное общеніе, какъ бы невидимый союзъ интеллигенціи. Одинъ монахъ провинціальной южно-нѣмецкой общины, желая распространить полезныя знанія, устроилъ у себя въ монастырѣ типографію и высшую школу и поставилъ себѣ цѣлью сдѣлать ея посѣтителей «трехъязычными людьми» (homines trilingues) т. е. обучить ихъ латыни, греческому и еврейскому и посвятить въ литературно-филологическія тонкости гуманистическаго образованія. Нѣкій таможенный чиновникъ на Рейнѣ, примкнувшій къ литературному движенію и въ знакъ того передѣлавшій на латинскій ладъ свою фамилію, удостоивается однажды принять въ своемъ домѣ проѣзжающаго Эразма; вокругъ ученаго свѣтила собираются родственники и друзья чиновника; корабельщиковъ, которые выразили-было неудовольствіе по поводу задержки, поятъ виномъ и задабриваютъ обѣщаніемъ не брать съ нихъ обратной пошлины. Эразмъ, разсказывая объ этомъ, возвращается къ своему обычному припѣву:

«монахи у насъ такъ плохи, что даже мытари занимаются изящными науками».

Для того, чтобы съ успѣхомъ вращаться въ литературно-просвѣщенномъ обществѣ, человѣку службы и салона необходимо пріобрѣсти извѣстный стиль рѣчи и письма, легкость выраженія для разнообразныхъ оттѣнковъ мысли, извѣстный діалектическій блескъ, навыкъ стихосложенія, запасъ интересныхъ и красивыхъ словесныхъ формулъ. Такъ начинаетъ слагаться типъ свѣтскаго «дилетанта», а путемъ къ свѣтскости дѣлается «поэтическое» образованіе. Понятіе о поэзіи весьма своеобразно у этихъ поколѣній: поэзія и реторика почти совпадаютъ. По мнѣнію Боккаччіо, вся работа поэта состоитъ въ томъ, чтобы изобрѣтать новые неслыханные сюжеты, приводить ихъ въ порядокъ, разукрашивать необыкновенными словами и сентенціями, разрисовывать ситуацію, въ томъ, чтобы хвалить людей, одушевлять ихъ, возбуждать къ дѣлу и обуздывать порывы. Отъ реторики поэзія отличается лишь тѣмъ, что примѣняетъ аллегорическую форму, вводитъ фабулу, миѳъ. Великій педагогъ и ученый систематизаторъ эпохи Эразмъ собралъ въ видѣ настольной книжки для человѣка литературно развитаго въ своихъ «Adagia» букетъ мудрыхъ и красивыхъ изреченій древности. Въ основѣ новыхъ просвѣтительныхъ стремленій какъ бы водворяется мысль, что легкая, удачно выбранная форма облагораживаетъ любой предметъ.

Литература въ эту эпоху начинаетъ служить еще другой цѣли. Она дѣлается необходимымъ дополненіемъ, украшеніемъ и до извѣстной степени двигающимъ факторомъ политической жизни, дипломатіи и администраціи. Сосредоточенное, находящееся въ постоянномъ взаимномъ обмѣнѣ общество живетъ болѣе нервно, быстрѣе переживаетъ впечатлѣнія, становится болѣе чуткимъ и требовательнымъ; оно хочетъ быть хорошо освѣдомленнымъ, ищетъ не только искуснаго освѣщенія и группировки занимающихъ его фактовъ, но и комментарія къ нимъ, обстоятельной мотивировки со стороны дѣйствующихъ лицъ, разъясненія всѣхъ условій. Особенно рано обнаруживается эта потребность въ Италіи, гдѣ внутренне-политическія и международныя условія были крайне неустойчивы; здѣсь, чтобы заручиться сочувствіемъ общества, правительство, въ особенности новое, еще больше того узурпаторское—а въ XIV и XV вв. болѣе половины ихъ выходятъ изъ революцій, заговоровъ и coups d'état—правительство вынуждено прибѣгать къ литературной поддержкѣ и публицистическому оправданію: этой цѣли и служатъ краснорѣчивыя дипломатическія ноты, открытыя письма вліятельныхъ писателей, назначенныя для циркулированія въ ши-

рокихъ кругахъ—нѣчто по задачамъ, отчасти по пріемамъ аналогичное нашимъ газетнымъ статьямъ—рѣчи ученыхъ ораторовъ, политическіе памфлеты и инвективы. Въ свою очередь, литература являлась важнымъ орудіемъ нападенія, разрушенія репутаціи того или другого вліятельнаго лица. Тираннъ Миланскій говорилъ, что Салютато своими сочиненіями больше ему повредилъ, чѣмъ 1.000 флорентійскихъ всадниковъ. А самъ Салютато опредѣлялъ такъ воздѣйствіе литературы на общественное настроеніе: «Что больше искуснаго, разукрашеннаго сладкорѣчія способно создавать обманъ? Что можетъ быть пріятнѣе и вкрадчивѣе обдуманной, отвѣчающей на всѣ запросы рѣчи? Что болѣе притягиваетъ духъ человѣческій, болѣе волнуетъ и побѣждаетъ, какъ не мягкое, художественное изображеніе?» Гуманистъ Эней Сильвій, будущій папа Пій II, говоритъ: «краснорѣчіе—нѣчто великое, и, если признаться по правдѣ, ничто такъ не управляетъ міромъ, какъ краснорѣчіе». Съ особенной силой подчеркиваетъ политическое значеніе рѣчи женщина-гуманистка Изотта Ногарола: краснорѣчіе... во всякомъ развитомъ государствѣ всегда пользовалось величайшимъ почетомъ... отъ него проистекали почести, популярность государей; отъ него зависитъ положеніе общественныхъ дѣлъ». Понятно въ виду этого, почему «ораторъ» становится необходимымъ лицомъ при дворѣ всякаго правительства и даже въ свитѣ многихъ магнатовъ.

Болѣе всего нуждались въ этой поддержкѣ литературы папы и тираннъ. Папство XIV и XV вв., стоявшее передъ фактами раскола, національной оппозиціи и соборнаго движенія, искало защиты въ публицистикѣ и полемикѣ, въ діалектикѣ и инвективахъ противъ своихъ главныхъ ученыхъ враговъ, докторовъ Сорбонны, перваго университета Европы, противъ нападеній политическихъ и церковныхъ писателей, принадлежавшихъ къ преобразовательной партіи соборовъ. Въ виду поднимающейся критики папамъ нужны были искусные апологеты пошатнувшейся традиціи, которые бы вмѣстѣ съ тѣмъ владѣли въ совершенствѣ и чистотѣ языкомъ церкви, т. е. ученой латынью.

Тираннъ, представляя, напротивъ, власть безъ традицій, возникавшую въ результатѣ ловкаго политическаго или военнаго захвата, во многомъ зависѣли также отъ блестящаго оправданія своего насилія, отъ умѣнья окружить новый дворъ талантами, создать въ немъ умственный или художественный центръ, эксплуатировать въ свою пользу острые и краснорѣчивые языки. На такой политикѣ строитъ династію пришлецъ и авантюристъ въ Италіи, аррагонскій король Альфонсъ, завоевывая въ половинѣ XV в. Неаполь. Къ тому же средству прибѣгаетъ практически-разсуди-

тельный банкиръ Козьма Медичи вербуя партію, чтобы установить во флорентійской республикѣ господство своей фамиліи. Грубѣе тоже самое дѣлаетъ солдатъ Франческо Сфорца въ Миланѣ, нанимающій нѣсколькихъ литераторовъ, чтобы сшить себѣ изъ поэтическихъ и реторическихъ лоскутовъ геройскій плащъ и укрѣпить такимъ образомъ свою власть, не опирающуюся на законное наслѣдованіе.

Къ неаполитанскому двору приглашаютъ молодого писателя Фаціо и даютъ ему порученіе за хорошую плату «прославить короля во вѣки» стилемъ Юлія Цезаря. Въ перечисленіи «знаменитыхъ мужей» Фаціо ставитъ короля подъ конецъ, потому что, «назвавъ такого человѣка, который по добродѣтели превосходитъ всѣхъ государей, взятыхъ вмѣстѣ и затемняетъ ихъ своею мудростью, счастьемъ и славой, невозможно уже говорить о комъ-либо другомъ». Тотъ же король создаетъ себѣ нѣчто въ родѣ репортера въ лицѣ Порчелло, котораго онъ отправляетъ въ лагерь своихъ союзниковъ, венеціанцевъ для наблюденія войны ихъ съ Миланомъ. Литераторъ, сознавая въ себѣ новаго Ливія, облекаетъ все, что видитъ, въ классическія формы, превращаетъ воюющихъ кондотьеровъ въ Сципіона и Аннибала, претворяетъ офицерскіе рапорты въ античныя рѣчи; подъ конецъ «Ливій» изъ лагеря Сципіона мирно переѣзжаетъ въ лагерь Аннибала и за любезность послѣдняго, показавшаго ему войско, благодаритъ его эпитетами «могущественнѣйшаго императора» и т. п.

Не трудно догадаться, какой идеалъ общаго образованія поставитъ себѣ общество, живущее представленными выше интересами. Разъ оно такъ цѣнило слово и стиль, для него было существенно необходимо имѣть въ распоряженіи постоянные образцы, утвержденный канонъ литературной рѣчи. Съ этимъ требованіемъ своеобразно сплетаются задачи, болѣе теоретическія, обращеніе науки къ непосредственнымъ источникамъ, къ fontes, т. е. стремленіе возстановить чистые, неиспорченные тексты античныхъ и раннихъ христіанскихъ писателей.

Много разъ описано было жадное исканіе рукописей, увлеченіе коллекціонерствомъ, успѣхъ странствующихъ учителей, толковавшихъ произведенія древнихъ писателей, самоотверженіе ученыхъ любителей въ родѣ Никколи, которые готовы были всю жизнь отдать на пропаганду чудесъ, заключенныхъ въ древнихъ текстахъ. Многіе въ наше время стараются рѣзкой чертой отдѣлить эту работу надъ «безпримѣсной» древностью, это преклоненіе передъ всѣмъ античнымъ отъ научныхъ задачъ и пріемовъ средневѣковья; дѣло гуманистовъ обозначаютъ именемъ секуляри-

заціи просвѣщенія и считаютъ началомъ свободнаго полета мысли, освободившейся отъ гнета религіознаго авторитета. Подобныя попытки всегда будутъ грѣшить насилованіемъ фактовъ. «Возрожденіе» наслѣдуетъ отъ «Среднихъ Вѣковъ» культъ древняго міра и продолжаетъ его нерѣдко въ самыхъ суевѣрныхъ формахъ. Въ началѣ XV в. всю Падую, ея духовенство, ученыхъ и простой народъ охватываетъ горячее волненіе при открытіи мнимыхъ останковъ историка Ливія; ихъ встрѣчаютъ и чествуютъ, какъ мощи новоявленнаго святаго; венеціанцы пересылаютъ потомъ его руку неаполитанскому королю въ качествѣ неоцѣнимой реликвіи. Для Поджіо Цицеронъ—великій святой безъ малѣйшаго упрека. Возрожденіе наслѣдуетъ отъ «Среднихъ Вѣковъ» также представленіе о древности, какъ мірѣ фиксированномъ и единомъ, безъ развитія и безъ оттѣнковъ. Это, собственно говоря, представленіе объ императорскомъ эллинистически-христіанскомъ Римѣ. Медленное возстановленіе въ умахъ древняго міра начинается съ конца, наиболѣе близкаго по времени къ новоевропейскому обществу. Отцы церкви стоятъ въ глазахъ людей этой эпохи наравнѣ съ классиками золотого вѣка, тѣхъ и другихъ сливаютъ вмѣстѣ въ одинъ рядъ великихъ образцовъ. Поджіо, одинъ изъ самыхъ фривольныхъ умовъ эпохи, смотритъ однако на исторію древности именно такъ, какъ смотрѣли отцы церкви: для него, какъ для Августина, эта исторія — цѣпь несчастій и злодѣйствъ. Греки, думаетъ онъ, выказали неблагодарность къ своимъ лучшимъ людямъ; Александръ Македонскій былъ худшимъ разбойникомъ на землѣ; для римлянъ не было ничего святого, они были бичемъ вселенной: отъ братоубійцы Ромула до вѣроломнаго Цезаря тянутся губительныя войны, опустошеніе областей, обращеніе народа въ рабство, раздирательныя междоусобія. Крупнѣйшіе педагоги эпохи, Витторино да Фельтре, Веджіо, Энеа Сильвіо, не отдѣляютъ христіанскихъ элементовъ отъ языческихъ.

Отожествленіе науки съ изученіемъ древней мудрости не есть новая черта Возрожденія. Даже исканіе точныхъ и подлинныхъ текстовъ, завѣщанныхъ древними, намѣтилось задолго до этой эпохи въ работѣ юристовъ, изучавшихъ римское право. Движеніе это расширялось по мѣрѣ того, какъ переходили къ новымъ запросамъ, которые могли покрываться античными формулами: чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе начинали цѣнить прямое выраженіе тѣхъ культурныхъ понятій, которыми жилъ однажды міръ и съ которымъ стало чувствовать свое родство общество средневѣковой Европы. Но тѣмъ менѣе казалось возможнымъ довольствоваться передачей неполныхъ произведеній древнихъ авторовъ изъ вто-

рыхъ и третьихъ рукъ, и мы видимъ, какъ быстро растетъ кругъ доступныхъ литературныхъ памятниковъ древности. Чѣмъ ближе искавшіе подвигались къ источнику, тѣмъ болѣе передъ ними стала раздвигаться историческая перспектива; возникло болѣе сложное представленіе о древности: позади римскаго міра открыли греческій, и въ этомъ заключается дѣйствительно новизна научныхъ воззрѣній эпохи. Еще въ началѣ XVI в. идею первенства греческой культуры формулируютъ, какъ нѣчто оригинальное и смѣлое. Въ указѣ короля Франциска I объ учрежденіи королевской типографіи въ Парижѣ сказано: «выдающіеся въ наукѣ люди представили намъ, что искусства, исторія, нравственное ученіе, философія и почти всѣ наши другія знанія, исходятъ изъ греческихъ сочиненій, какъ ручьи изъ одного источника».

Другая важная черта состоитъ въ увеличеніи круга читателей, и мы видѣли причины этого явленія. Наука становится болѣе общимъ достояніемъ. Ея новые методы, ея болѣе широкія рамки школа скоро постаралась примѣнить къ вкусамъ и потребностямъ общества, о которыхъ уже говорилось выше.

Многочисленные педагогическіе трактаты XV и начала XVI вв., подъ заглавіями de formando studio, de ratione studii и т. д. ясно намѣчаютъ главную цѣль школы. Одинъ изъ раннихъ нѣмецкихъ гуманистовъ, Агрикола (1484) ставитъ впереди изученіе философіи, «потому что она учитъ правильно думать, а въ своемъ этическомъ отдѣлѣ—правильно поступать. Знаніе внѣшней природы скорѣе доставляетъ украшеніе и удовольствіе, чѣмъ пользу. Всему, что̀ нужно человѣку, можно научиться у писателей, которые освѣтили достопримѣчательныя вещи яркимъ свѣточемъ краснорѣчія; они даютъ возможность *однимъ усиліемъ* усвоить пониманіе вещей и—что съ нимъ связано тѣсно—правильное изложеніе понятій». Въ этой программѣ первая половина, упоминаніе о философіи—ничто иное, какъ повтореніе старой задачи средневѣковой школы. Чѣмъ дальше однако, тѣмъ болѣе налегаютъ на вторую половину программы. Поджіо говоритъ, что тѣ, кто занимается новой гуманистической наукой, т. е. изученіемъ элоквенціи и поэзіи, должны лишь столько времени употреблять на философію, чтобы не прерывать этимъ изученіе краснорѣчія. Крайне характерно возраженіе, которое дѣлаютъ люди стараго «схоластическаго» направленія гуманистамъ новаторамъ: по поводу ожидаемой гуманистической реформы лейпцигскаго университета въ началѣ XVI в., они настаиваютъ на томъ, что «науки посвящены вещамъ, а не словамъ» (scientiae sunt de rebus et non de vocabulis) и напоминаютъ такимъ образомъ нѣчто, начинающее приходить въ забве-

ніе. Интересно также, какъ любятъ гуманисты развивать мысль о двойномъ смыслѣ слова λόγος (разумъ и слово), объ однозвучности ratio и oratio (тѣ же понятія), или напримѣръ, разсуждать такъ: «Богъ знаетъ всѣ языки; мы приближаемся къ нему, разъ не ограничиваемся знаніемъ одного родного языка» (т. е. изучаемъ древніе). Эразмъ въ своемъ «разумѣ науки» (1512) опредѣляетъ смыслъ и сущность науки, какъ обладаніе и тактичное примѣненіе обильнаго количества словъ, выраженій и примѣровъ (copia verborum et rerum). Въ видѣ иллюстраціи онъ беретъ двѣ фразы: «твое письмо меня очень обрадовало» и «пока я живъ, буду всегда помнить о тебѣ», поворачиваетъ и видоизмѣняетъ ихъ на 150 ладовъ. Краснорѣчіе представляется чѣмъ-то универсальнымъ и его изученіе должно исцѣлить отъ всѣхъ золъ. Вимфелингъ объясняетъ варварство нѣмцевъ тѣмъ, что они до сихъ поръ изучали грамматическій комментарій, а не самихъ поэтовъ и ораторовъ. Умственный и нравственный упадокъ духовенства стараются объяснить тѣмъ, что оно чуждо элоквенціи: не занимаясь чтеніемъ литературныхъ образцовъ, клирики предаются праздности и конкубинату.

Позднѣе религіозные реформаторы глубоко убѣждены въ развивающей силѣ преподаванія словесной науки. Можно сказать, что реформація, поднимая значеніе религіознаго состязанія и словеснаго доказательства, еще усилила филологическія и стилистическія стремленія школы. Лютеръ говоритъ, что «при посредствѣ языковъ (греческаго, латинскаго и еврейскаго) пришло Евангеліе, ихъ силою укрѣпилось и ими должно быть охраняемо: языки, это — ножны, въ которыхъ лежитъ мечъ разума; они — сокровищница, въ которой носятъ эту драгоцѣнность; они — сосудъ, гдѣ держится этотъ напитокъ, и кладовая, гдѣ лежитъ эта пища». Меланхтонъ находитъ, что, направляя нашъ разумъ на источники, мы начнемъ истинно познавать Христа; поэтому главная задача школы—развитіе элоквенціи.

Вотъ эта сторона развитія, а не какая-нибудь другая, получила у современниковъ названіе гуманизма, humanitas, а люди образованные въ этомъ смыслѣ стали именоваться humanissimi, perhumani и т. д. и нѣтъ нужды намъ теперь расширять содержаніе столь опредѣленнаго для той эпохи понятія.

Но вступленіе новой науки разыгралось въ шумной обстановкѣ. Ея приверженцы и пропагандисты, ея вольные преподаватели и, такъ сказать, журналисты, не занимая обыкновенно мѣста въ университетѣ, нерѣдко будучи въ зависимости отъ случайныхъ милостей магната или владѣтельнаго князя, почти сплошь

дѣятели свѣтскіе по своему званію, вышедшіе изъ среднихъ классовъ, естественно повели весьма острую борьбу противъ «школьныхъ» людей, схоластиковъ: они не могли ограничиться вопросами метода, умственной дисциплины, круга преподаванія; неизбѣжно въ ихъ споръ вступали мотивы соціальнаго характера: при общемъ недовѣріи къ духовенству, при раздраженіи, которое вызывали его привилегіи и бенефиціи, бывшія въ глазахъ большинства лишь преміей за праздность, нападенія «поэтовъ» и риторовъ противъ университетскихъ ученыхъ-клириковъ все болѣе сбивались на общій походъ противъ невѣжества и недобросовѣстности представителей церкви. Принадлежность старыхъ университетскихъ преподавателей къ духовному званію вносила еще одну особенность въ споръ. Они должны были отвѣчать извѣстному идеалу религіознаго и моральнаго поведенія, особенно выражавшагося въ целибатѣ, идеалу, который для этой эпохи уже пережилъ себя. Отсюда двойная насмѣшка надъ ними, какъ надъ людьми, преданными соблазну и въ то же время поставленными оффиціально защищать устарѣлую мораль. Въ свою очередь поэты, противополагая патентованному, оплачиваемому буквоѣдству штатныхъ ученыхъ и учителей непосредственное вдохновеніе, свободное творчество, связывали съ нимъ и свободу нравовъ, бравировали безпорядочнымъ образомъ жизни, непринужденностью рѣчи и манеръ, возводя эти въ сущности постороннія черты въ принципъ. Вотъ эти второстепенныя условія литературно-ученаго спора и придали ему видъ столкновенія двухъ моралей, двухъ міровоззрѣній, характеръ какъ бы борьбы за эмансипацію человѣческой личности.

Говоря вообще, гуманизмъ не представляетъ собой цѣльнаго міровоззрѣнія, опредѣленной культурной полосы: стараться опредѣлить мораль, политику, религіозныя воззрѣнія гуманистовъ значило бы составить случайный и пестрый подборъ мнѣній. Гуманизмъ—главнымъ образомъ новая техника въ наукѣ, литературѣ и педагогіи, стоящая въ связи сначала съ запросами службы и салона, а потомъ съ потребностями учено-церковной реформы, техника, которая естественно примыкала къ разнымъ новымъ направленіямъ мысли, напримѣръ, къ платонизму въ философіи или къ эпикурейской морали, къ идеализаціи монархіи или пропагандѣ «чистаго» Евангелія. Вотъ почему, забѣгая нѣсколько впередъ, мы можемъ сказать, что неправильно думать, будто гуманизмъ, какъ нѣжный цвѣтъ пробудившагося свободнаго сознанія личности, какъ свѣтлую попытку построенія общества на основѣ полнаго простора разумныхъ влеченій человѣка, будто гуманизмъ,

едва развернувшій именно вотъ эти задачи, постигла потомъ въ эпоху религіозной реформаціи и реакціи злая катастрофа. Позднѣйшія религіозныя партіи, протестантизмъ и католицизмъ, не исказили гуманистической программы, онѣ лишь воспользовались практически школой гуманизма, примѣнили къ спеціальному дѣлу его общіе научные, литературные и педагогическіе пріемы. То, что при этомъ погибло, былъ не гуманизмъ, а та относительная свобода и широта мнѣній, которая возможна была до начала реформаціи въ виду анархіи въ церкви.

Сообразно новой идеѣ науки съ XV в. пытаются создать рядомъ со старыми университетами новыя высшія училища; они носятъ всюду характерное названіе «трехъязычной» коллегіи (Collegium trilingue, напримѣръ, будущій Collège de France). Но главнымъ наслѣдіемъ гуманизма все-таки осталась созданная имъ впервые средняя школа. Въ старомъ университетѣ общее образованіе, если можно такъ выразиться, было отведено на факультетъ «искусствъ», игравшій главнымъ образомъ подготовительную роль. Но здѣсь элементарное преподаваніе не было отдѣлено отъ высшаго. По мѣрѣ того, какъ новые интеллектуальные запросы распространялись въ обществѣ, возникала потребность въ особой школѣ, которая бы систематически прививала общіе элементы образованія. Характерно, что города и городскіе магистраты болѣе всего хлопочутъ объ устройствѣ у себя новаго типа «латинскихъ школъ» или гимназій. Если старая школа главнымъ образомъ заботилась о философской аргументаціи, о діалектическомъ выведеніи понятій, возможно точно выраженныхъ, то новая ставитъ себѣ цѣлью пріобрѣтеніе красивой легкой формы, способной облагородить любой предметъ. Главный путь къ этому искусству— *подражаніе* (imitatio), т. е. сначала ученіе наизусть, буквальное воспроизведеніе образцовъ, а потомъ свободное повтореніе и комбинированіе въ устной и письменной формѣ усвоенныхъ элементовъ рѣчи.

Чтобы судить о значеніи имитаціи въ этой школѣ, возьмемъ знаменитую 9-ти-классную гимназію, основанную въ Страсбургѣ въ 30-хъ годахъ XVI в. по порученію магистрата крупнѣйшимъ педагогомъ эпохи Іоганномъ Стурмомъ. Она можетъ служить вообще прототипомъ гуманистической гимназіи, такъ какъ не только послужила образцомъ для аналогичныхъ протестантскихъ заведеній, но и іезуиты воспроизвели ея формы. Основатель гимназіи Стурмъ, опредѣлилъ цѣль образованія такъ: «выработка ученаго и краснорѣчиваго благочестія» (sapientem atque eloquentem pietatem finem esse studiorum). Но приготовленіе «краснорѣчивыхъ»

учениковъ закрываетъ все другое и выдвигается тотчасъ же за первоначальнымъ обученіемъ чтенію и письму. Само собою, дѣло идетъ о краснорѣчивой латыни, и родной языкъ совершенно отступаетъ. Стурмъ признавалъ «общераспространеннымъ публичнымъ зломъ, что дѣти не лепечутъ съ первыхъ лѣтъ по латыни и считалъ дѣломъ школы «исправить этотъ недостатокъ трудомъ». «Въ писаніи сочиненій, въ комментированіи, въ декламаціи мы не только должны слѣдовать за нашими классическими образцами, но мы должны сравняться съ лучшими временами Аѳинъ и Рима». Поэтому всякіе разговоры на родномъ языкѣ и въ школѣ и внѣ школы были строго воспрещены. Головы дѣтей наполняютъ массой словеснаго матеріала, и уже въ первыхъ 6-ти классахъ они должны заучить болѣе 20.000 словъ и выраженій. Античная литература—съ IV класса къ латинской присоединяется греческая—фигурируетъ въ очень опредѣленномъ подборѣ: историки, Цезарь, Тацитъ, Ливій, которые могли бы внести, по крайней мѣрѣ, реальное содержаніе, знакомство съ учрежденіями и ходомъ политическаго развитія въ античномъ мірѣ, отсутствуютъ. Преобладаютъ ораторы, поэты и Новый Завѣтъ; Гомеръ читается собственно ради стиля и формы. Все усвоеніе матеріала служитъ къ тому, чтобы сдѣлать молодыхъ людей искусными и бойкими подражателями Цицерона; къ этому и направлены безконечныя практическія занятія. Выраженія Стурма въ данномъ случаѣ поразительны: «надо быть подражателемъ, жаднымъ до воровства, надо воровать (выраженіе это для вразумительности повторено по латыни и гречески), быть воромъ въ подражаніи, но такъ, чтобы воровство не было замѣтно». Если всѣ усилія были направлены на первое, т. е. на безустанное воровство, то едва-ли достигалось послѣднее, т. е. скрытость воровства. Молодой профессоръ, вышедшій изъ школы Стурма, писалъ потомъ бывшему наставнику о своихъ практическихъ занятіяхъ со студентами: «мы начинили ораторскую рѣчь покражей и пестрыми заимствованіями, совсѣмъ какъ Эзопова ворона, которая щеголяла, одѣвшись въ перья красивыхъ птицъ». Изученіе природы въ этой школѣ совершенно отсутствовало, хотя на бумагѣ здѣсь полагалось знакомство по древнимъ авторитетамъ съ географіей и астрономіей. Имѣлась въ виду и ариѳметика, но считать къ концу курса ученики образцовой школы плохо научались.

Конечно, были и возраженія противъ такой постановки школы, и одинъ изъ самыхъ тонкихъ и просвѣщенныхъ умовъ вѣка, Томасъ Моръ, въ своемъ изображеніи идеальнаго общества прямо протестовалъ противъ словесно-діалектическаго обученія. Жители

его Утопіи сильны, во-первыхъ, въ наблюденіи неба и движеніи свѣтилъ, въ знаніи явленій атмосферы и земной поверхности, во-вторыхъ, въ вопросахъ моральныхъ, въ изслѣдованіи проблемъ о счастіи и добрѣ; Моръ очень подчеркиваетъ при этомъ утилитарный, прикладной характеръ науки у гражданъ идеальнаго общежитія, съ нѣкоторой ироніей отзываясь о тонкостяхъ въ комбинацію и игрѣ словесныхъ опредѣленій, которымъ обучаются въ европейскихъ аудиторіяхъ молодые люди. Возраженія такого рода однако не измѣняли общаго направленія школы XVI в., и лишь въ слѣдующемъ вѣкѣ на нее обрушилась уничтожающая критика.

Если въ указанныхъ чертахъ возникающей средней школы отразились техническія задачи и салонные вкусы новаго интеллигентнаго слоя, то вмѣстѣ съ тѣмъ среда эта заявляла и новые моральные запросы. Жестокая дисциплина, система обученія, основанная на страхѣ, механическое вдалбливаніе, присущія старой школѣ, которая сложилась при монастыряхъ и возрасла въ рукахъ клириковъ, «сажавшихъ молодежь, какъ птицъ въ клѣтку», по выраженію Лютера,—всѣ эти черты не отвѣчали понятіямъ и привычкамъ общества, усвоившаго болѣе тонкія формы обращенія, цѣнившаго личную предпріимчивость, находчивость и характеръ. На этой основѣ и слагается новый педагогическій идеалъ. Уже осторожный Агрикола (въ Германіи во второй половинѣ XV в.) отказывается работать въ школѣ, потому что она — «нѣчто жестокое, тяжкое, скучное, противное на взглядъ, съ ея вѣчными розгами, вытьемъ и слезами до поразительности похожее на тюрьму». Еще раньше въ Италіи въ частныхъ школахъ новаго типа, напримѣръ, въ casa giojosa («веселый домъ») Витторино да Фельтре, былъ выставленъ принципъ дѣйствовать на учащихся посредствомъ возбужденія въ нихъ интереса и взаимнаго соревнованія, опираться на прирожденное человѣку чувство чести. Эту мысль, связанную съ представленіемъ о наклонности человѣческой природы къ добру, къ совершенствованію, развиваютъ на разные лады Эразмъ, Моръ, Рабле въ своихъ картинахъ идеальнаго воспитанія и общежитія. Они предполагаютъ въ человѣкѣ врожденную любовь къ труду, интересъ къ знанію, благожелательность; если поставить его въ условія, благопріятныя для свободнаго удовлетворенія желаній, не давить, не пугать его чрезмѣрными требованіями, онъ становится благородной дѣятельной личностью. Рабле, создавая свое фантастическое «аббатство Телема», гдѣ нѣтъ ни стѣнъ, ни обѣтовъ, гдѣ входъ воспрещенъ только лицемѣрамъ, гдѣ единственное правило — «дѣлай, что хочешь» и гдѣ всего есть въ изобиліи, Рабле прибавляетъ о характерѣ обитателей этой модер-

низированной монастырской коммуны, а въ сущности увеселительнаго замка, соединяющаго въ себѣ ученую академію и литературно-художественный клубъ подъ фирмой братской общины: «свободный, хорошо воспитанный, выросшій въ благородной средѣ человѣкъ уже отъ природы имѣетъ побужденіе къ правдѣ и праву и отвращеніе къ пороку; это побужденіе новые люди называютъ честью; изъ свободы вытекаетъ похвальное соревнованіе въ совершенствованіи».

Въ новой гуманистической школѣ къ этимъ общимъ моральнымъ принципамъ примыкали извѣстные методы воспитанія, которые потомъ съ особеннымъ искусствомъ были развиты іезуитами. Въ школѣ Стурма уже мы встрѣчаемъ педагогическую обстановку, прославленную потомъ ихъ коллегіями: въ ученикахъ стараются развить честолюбіе, жажду соревнованія, посредствомъ наградъ, нерѣдко денежныхъ, умственную аристократію въ ихъ средѣ выдѣляютъ пересадкой. Особенно важную роль играли въ школѣ драматическія представленія въ качествѣ образовательнаго развлеченія, дѣйствующаго на фантазію, въ качествѣ средства къ тому, чтобы дать возможность ученику развернуть находчивость, умѣнье держаться передъ публикой. Но и здѣсь присоединяется общая реторическая задача: ученикъ, играя въ драмѣ, долженъ пріучиться къ латинской рѣчи; актеръ въ немъ долженъ развязать языкъ оратору.

Въ педагогическихъ идеяхъ эпохи видное мѣсто занимаетъ женскій вопросъ. Мысль о равенствѣ женской и мужской природы по ихъ способности къ умственному развитію, требованіе равноправности женщины съ мужчиной въ интеллектуальной сферѣ выражается съ большою рѣшительностью, быть можетъ, съ большею, чѣмъ въ наше время. Эразмъ посвящаетъ этому вопросу одинъ изъ лучшихъ своихъ діалоговъ (abbatis et eruditae): аббатъ, представитель стараго взгляда, замѣтивъ въ комнатѣ молодой женщины латинскія книги, выражаетъ свое удивленіе: «еще если бы это были забавныя книжки на французскомъ языкѣ! вѣдь женщины созданы для удовольствій. Бѣда мужу съ ученой женой, какъ настоятелю съ начитанными монахами: они плохо слушаются; чрезмѣрная развитость убиваетъ стыдъ. Наконецъ, женщина существуетъ для служебной роли въ семьѣ, ея дѣло—хозяйство». Собесѣдница аббата опровергаетъ его банальные аргументы умно и настойчиво и въ то же время тактично, безъ претензій синяго чулка. Если дѣло женщины вести домъ, то не лучше ли она воспитаетъ дѣтей, располагая сама серьёзнымъ знаніемъ? «Моя развитость сближаетъ меня еще тѣснѣе съ моимъ мужемъ». «Если

мы изучаемъ чужіе живые языки, чтобы бесѣдовать легко съ иностранцами, то какъ же не изучить латыни, чтобы каждый день вступать въ общеніе съ авторами столь учеными, краснорѣчивыми, мудрыми, которые являются важнѣйшими нашими совѣтниками во всемъ?» Свою защиту молодая дама заканчиваетъ любопытной исторической справкой и полушутливой программой будущаго, въ которой однако чувствуется большая увѣренность. «Прежде рѣдкостью былъ невѣжественный аббатъ, теперь нѣтъ ничего обыкновеннѣе; прежде государи и князья выдавались не меньше своимъ образованіемъ, чѣмъ властью. Въ настоящее время образованныхъ женщинъ уже много: въ Испаніи, въ Италіи можно встрѣтить особенно среди знати такихъ, которыя съ любымъ мужчиной поспорятъ. Въ Англіи есть послѣдовательницы Мора, въ Германіи Блаурера и др. Смотрите, если вы не поостережетесь, дѣло дойдетъ до того, что мы сядемъ на первыя мѣста въ богословскихъ школахъ, начнемъ проповѣдывать въ храмахъ и захватимъ ваши митры».

Моръ помѣщаетъ въ университеты своего идеальнаго острова, Утопіи, женщинъ въ качествѣ студентокъ и преподавательницъ; нѣтъ того отвѣтственнаго поста, того сложнаго дѣла, требующаго знаній и умственнаго напряженія, которыхъ бы онъ не считалъ доступными женщинѣ. И любопытно, что здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, чтобы найти исходъ для незамужнихъ: исполненіе материнскихъ обязанностей, за исключеніемъ ограниченныхъ періодовъ и положеній жизни женщины, онъ считаетъ вполнѣ совмѣстимымъ съ очень трудными занятіями научнаго, художественнаго или политико-административнаго характера.

Для насъ теперь еще не вполнѣ выяснены глубокія соціальныя причины этого возвышенія женщины. Несомнѣнно, что въ подвижной городской средѣ, гдѣ смѣшивались классы и скорѣе ослаблялись патріархальныя традиціи, женщина легче пріобрѣтала самостоятельное положеніе. Въ промышленномъ дѣлѣ, въ индустріи средневѣковыхъ городовъ, женщины не только являются въ качествѣ приказчицъ и искусныхъ работницъ, стоящихъ нерѣдко наравнѣ съ мужчинами-подмастерьями, но онѣ могутъ быть и во главѣ предпріятія, такъ, напримѣръ, вдовы до новаго замужества. Что касается высшихъ слоевъ общества, то многочисленные случаи самостоятельнаго управленія, регентства и политическаго сотрудничества женщинъ въ XV и XVI вв. указываютъ на ростъ ихъ вліянія. Съ другой стороны, литературное развитіе само благопріятствовало улучшенію общественнаго положенія женщины. Подъ вліяніемъ успѣха литературы устанавливалось представле-

ніе, что литературное воспитаніе облагораживаетъ человѣка, возвышаетъ его надъ вульгарнымъ: разъ женщина усвоиваетъ это воспитаніе, поднимается такимъ образомъ на ступень высшихъ культурныхъ пріобрѣтеній, она становится равной мужчинѣ по достоинству. Уже въ литературныхъ кружкахъ конца XIV в. въ Италіи женщины принимали живое участіе, съ успѣхомъ спорили и развертывали морально-философскія идеи въ длинныхъ рѣчахъ. Въ XVI в. число женщинъ, которыя проходили курсъ «поэтическаго» образованія, которыя читали классиковъ и подражали имъ, было весьма значительно. Одна изъ симпатичнѣйшихъ фигуръ XVI вѣка, сестра короля Франциска I, Маргарита Ангулемская, настоящій добрый геній людей литературы и науки, то вдохновлявшій ихъ въ работѣ, то спасавшій отъ инквизиціи, тонко чувствующая, высоко развитая натура, чуткая и внимательная къ лучшимъ вѣяніямъ эстетическимъ, философскимъ и религіознымъ своего вѣка, сама писательница—можетъ служить лучшимъ типомъ женскаго образованія эпохи.

Много разъ обсуждалось отношеніе гуманистическаго просвѣщенія къ послѣдующей религіозной реформѣ. Чаще всего оба движенія разсматривались, какъ противорѣчивыя въ принципахъ и связанныя только нитью одинаковыхъ внѣшнихъ методовъ, которые выражались въ критикѣ текстовъ, филологическомъ истолкованіи Писанія и т. д.; въ нихъ находили противоположность языческаго и христіанскаго, вѣротерпимаго и фанатичнаго, свѣтскаго, реабилитирующаго плоть и религіознаго, полуаскетическаго взгляда, но гуманисты въ отношеніи религіозной реформы не составляютъ однородной группы, гуманистическое образованіе не является опредѣленнымъ признакомъ, за которымъ бы крылась одна цѣльная религіозно-моральная программа. Гуманистовъ въ эпоху религіознаго разрыва мы встрѣчаемъ въ обоихъ лагеряхъ. Это обстоятельство не даетъ однако и основанія говорить о безразличіи людей гуманистическаго просвѣщенія къ религіознымъ вопросамъ.

Можно намѣтить нѣкоторыя общія черты и идеи религіозной реформы у представителей учено-литературнаго міра въ началѣ XVI в., раздѣлявшихся и тѣми общественными сферами, къ которымъ они примыкали. Самые яркіе выразители этихъ идей,—Эразмъ и Моръ, оба, каждый въ своемъ родѣ,—жертвы религіознаго раздраженія послѣдующей эпохи. Такъ или иначе связанные съ придворной средой, съ могущественными покровителями «добрыхъ знаній» въ лицѣ правителей, ученые большею частью ждали и желали иниціативы послѣднихъ въ дѣлѣ религіознаго просвѣтительства, совпадавшаго въ ихъ глазахъ съ задачами науки и школы,

съ торжествомъ истиннаго просвѣщенія. Именно подъ эгидой государей, въ томъ числѣ папы и просвѣщенныхъ прелатовъ, представлялъ себѣ Эразмъ наступленіе мирной эры, золотого вѣка наукъ, когда вмѣстѣ съ невѣжествомъ отсталой части клира исчезнетъ его нравственная испорченность, когда чистое Евангеліе «проповѣдь Христа въ источникѣ» войдетъ въ жизнь и сознаніе вмѣстѣ съ правильными научными методами. Религіозная реформа рисовалась ему безъ ломки строя, безъ соціальнаго и политическаго переворота, проводимая руками самихъ правящихъ классовъ.

На практикѣ люди эразмовскаго направленія желали очищенія церковной жизни отъ излишней обрядности, отъ грубой символики, отъ формализма и сухой методичности, отъ фарисейства внѣшняго благочестія, отъ того, что они называли «іудаизмомъ» и «паганизмомъ». На первомъ мѣстѣ должна стоять мораль, а не догматъ. Моръ идетъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что жители его Утопіи представлены даже не христіанами, а лишь воспріимчивыми къ христіанству людьми, уже достигшими высшей степени культуры, а именно потому, что разумная общественная организація устранила въ ихъ средѣ безполезный и возбуждающій споръ догматическихъ системъ и воспитала въ нихъ здоровыя религіозно-моральныя начала. Эразмъ, углубляясь въ поиски чистаго источника христіанства, въ то же время расширяетъ его понятіе; его формула—«гдѣ истина, тамъ христіанство». Почитавши Цицерона, онъ не можетъ удержаться, чтобы не поцѣловать отъ умиленія книги, столь полной въ его глазахъ истиннаго благочестія, и по привычкѣ призывать имя святого, онъ чувствуетъ потребность произнести: «святой Сократъ, молись за насъ». Все выше вглубь стараются эти, преимущественно нѣмецкіе и англійскіе ученые, отнести начало истиннаго Богопознанія; большинство останавливается на Платонѣ, но иные идутъ еще дальше, къ Пиѳагору, или ищутъ въ тайнахъ еврейской Каббалы, какъ Рейхлинъ. Въ предѣлахъ самого христіанства они совершаютъ какъ бы новыя открытія: они обращаются къ богословію Августина, раскрываютъ съ интересомъ новизны апостола Павла, какъ будто впервые найденнаго или впервые понятаго вмѣстѣ съ Цицерономъ и Платономъ. Трудясь надъ изданіемъ отцовъ церкви, комментаріевъ къ Новому Завѣту, надъ изданіемъ Новаго Завѣта съ латинскимъ переводомъ, совершенно опрокинувшимъ средневѣковую Вульгату, Эразмъ не только хочетъ, чтобы Писаніе стало общимъ достояніемъ; онъ думаетъ, что въ свободномъ изученіи—лучшій путь къ истинѣ; самъ онъ примѣняетъ здѣсь общіе пріемы филологической и философской критики. Онъ находитъ, что «разсказы Библіи

часто болѣе смѣшны, чѣмъ миѳы», и нерѣдко склоняется къ аллегорическому истолкованію ихъ, приближаясь такимъ образомъ уже къ раціонализму.

Рядомъ съ этимъ преимущественно сѣвернымъ и среднеевропейскимъ направленіемъ въ Испаніи ученo-религіозное возрожденіе принимаетъ другой характеръ. Въ теченіе первыхъ двухъ десятилѣтій XVI в. здѣсь, правда, въ большомъ почетѣ Эразмъ и его мѣстные ученики. Король и просвѣщенные прелаты думаютъ провести церковную реформу при его содѣйствіи. Но сама реформа по своей главной тенденціи представляетъ возвращеніе къ монастырской строгости. Преобразованіе школы понимается въ Испаніи, какъ возвращеніе къ ближайшимъ по времени схоластическимъ авторитетамъ, главнымъ образомъ къ Ѳомѣ Аквинскому. Испанское просвѣщеніе черпаетъ свои силы и задачи въ самомъ себѣ, въ своемъ прошломъ, исполненномъ традиціи религіозной борьбы съ невѣрными и еретиками, и ясно, что результаты его должны будутъ черезъ два, три десятилѣтія, въ лицѣ Лойолы и другихъ ревнителей, столкнуться враждебно съ сѣверной реформой.

Съ другой стороны, критическое направленіе сѣвера, какъ ни консервативны были его носители въ политическомъ и соціальномъ отношеніи, сковало оружіе для слѣдующей за нимъ группы, для поколѣнія, которое открывало революцію. Эразмъ, врагъ всякой «сумятицы», всегда стоявшій за «святое лукавство», бросилъ массу ѣдкихъ обвиненій и насмѣшекъ въ ряды клира и людей стараго просвѣщенія. Они были подхвачены Гуттеномъ и авторами «Писемъ темныхъ людей», но у «молодыхъ» не только сгущены краски; тутъ открывается или сплошное нападеніе на церковь или индифферентизмъ, съ ироніей отворачивающійся отъ религіозныхъ вопросовъ.

Наконецъ, должна быть отмѣчена еще одна черта. Дѣятели просвѣщенія, сторонники реформы, какъ ни различны были ихъ направленія, сходились въ ожиданіи почина со стороны свѣтскихъ правительствъ, т. е. главнымъ образомъ, монархіи. Съ паденіемъ авторитета церкви, на свѣтскую власть, на «христіанскій магистратъ» какъ бы естественно переходили сложныя и отвѣтственныя обязанности охраны чистоты вѣры, проповѣди и богослуженія, защиты религіи отъ нападенія и т. д. Если одинъ мечъ— власть духовная — не можетъ служить церкви, то его мѣсто заступаетъ другой, внося миръ и порядокъ. Согласно этому представленію, французскій теоретикъ начала XVI в. могъ сказать уже, что король Франціи у себя въ государствѣ какъ бы нѣкій воплощенный Богъ (tanquam quidam corporalis Deus), а болѣе

наивный нѣмецкій князь на своей легко обозримой территоріи считалъ себя «верховнымъ руководителемъ во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ» или выражалъ желаніе быть у себя «папой, епископомъ, архидіакономъ и главою капитула». Городскіе совѣты самостоятельныхъ коммунъ совершенно также понимали свои прерогативы. Въ могущественной бернской республикѣ магистратъ находилъ, что «начальству подобаетъ не только вести порученную ему общину по пути справедливости въ свѣтскихъ дѣлахъ, но также наставлять ее въ истинной христіанской вѣрѣ и являть собой въ этомъ отношеніи высокій образецъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

* * *

Солнце, прощаясь съ землею,
Ей улыбнулось послѣднимъ лучомъ,
Вѣтеръ вздохнулъ надъ травою
И задремалъ надъ зеркальнымъ прудомъ.

Въ небѣ безбрежно глубокомъ
Блѣдная вдругъ замерцала звѣзда,
Мысли о чемъ-то далекомъ
Таютъ, какъ тучекъ послѣднихъ гряда.

Сны надъ землею несутся,
Зной и тревога ее не томитъ...
Можетъ быть, слезы польются,
Можетъ быть, сердце мое замолчитъ!..

Allegro.

Эволюція рабства у различныхъ человѣческихъ расъ.

(*Продолженіе* *).

Шарля Летурно.

Переводъ съ французскаго Э. Пименовой.

Глава III.

Отсутствіе рабства у готтентотовъ.—Первобытный монархическій режимъ.—Похищенія и разбои. — Обязательная работа женщинъ. — Понятіе о чести у готтентотовъ.—Рабство у кафровъ. — Пастушескій и земледѣльческій образъ жизни.—Пастушеская плутократія.—Необходимость грабежей.—Обращеніе съ побѣжденными.—Каста рабовъ.—Благородный трудъ мужчинъ.—Чрезмѣрный трудъ женщинъ.—Важное экономическое значеніе труда женщинъ.—Рабство дикихъ племенъ тропической Африки. — Дикіе набѣги въ округѣ Бенуэ. — Каннибализмъ обжоръ.—Рабство умѣряетъ жестокость.—Караванъ рабовъ.—Рабство и похоронныя жертвоприношенія.—Обязательная работа женщинъ въ Габонѣ. — Экономическая польза полигаміи. — Бракъ посредствомъ купли.—Абсолютное подчиненіе женщинъ. — Крайняя свирѣпость грабежей въ области Нижняго Нигера.—Продажа дѣтей.—Юридическое рабство.—Рабство за долги.—Рабство для цѣлей колдовства.—Сравнительно болѣе мягкое обращеніе съ домашними рабами. — Невольничьи набѣги въ восточной Африкѣ. — Народъ составляетъ собственность короля у племени Нямъ-Нямъ.—Похоронныя жертвоприношенія рабовъ.—Происхожденіе рабства въ Африкѣ.

Мы видѣли уже, что въ Меланезіи рабство существуетъ далеко не вездѣ и нѣкоторыя изъ народностей не ощущаютъ въ немъ потребности. То же самое наблюдается и у африканскихъ чернокожихъ. Свое изслѣдованіе рабства въ Африкѣ мы, какъ всегда, начнемъ съ такихъ расъ, которыя стоятъ на самой низшей ступени развитія; послѣднее же мѣсто въ іерархіи цвѣтныхъ расъ въ Африкѣ безспорно занимаютъ готтентоты, или, во всякомъ случаѣ, они занимали его до прибытія къ нимъ бѣлыхъ.

Готтентотскія племена и въ то время уже имѣли монархическій режимъ, хотя онъ и былъ еще плохо установленъ, непроченъ и носилъ на половину республиканскій характеръ, какъ вездѣ, гдѣ этотъ режимъ заступилъ мѣсто первобытной организаціи равно-

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

правныхъ клановъ. Власть готтентотскихъ вождей была шаткая и очень ограниченная. Обыкновенно эта власть основывалась на богатствѣ; богатство же заключалось въ стадахъ, такъ какъ готтентоты были пастухами и, слѣдовательно, кочевниками, потому что имъ приходилось поневолѣ переходить съ одного мѣста на другое, когда пастбища истощались. Съ извѣстныхъ сторонъ жизнь готтентотовъ напоминаетъ жизнь татаръ, также пастуховъ и номадовъ, и даже готтентотская хижина, строющаяся изъ изогнутыхъ прутьевъ, покрытыхъ циновками, имѣетъ нѣкоторое сходство съ покрытою войлоками кибиткой, которая служитъ убѣжищемъ монгольскимъ пастухамъ.

Готтентоты раздѣлялись на полигамическія семьи, при чемъ каждая семья имѣла свою отдѣльную хижину, слѣдовательно они уже вышли изъ того первобытнаго состоянія, когда жилище было общимъ для цѣлаго клана.

По срединѣ готтентотской хижины устраивалось отверстіе для прохода дыма, затѣмъ вокругъ очага находились углубленія, служащія постелью обитателямъ хижины. Двадцать такихъ хижинъ, не менѣе, составляли «крааль» и всѣ стада такого крааля, все равно принадлежали ли они богатымъ или бѣднымъ, паслись вмѣстѣ. Пасти стада крааля считалось общественною работой, которую должны были выполнять всѣ мужчины крааля по очереди, за исключеніемъ главы.

Краалямъ приходилось безпрестанно то защищаться, то нападать самимъ. Каждая маленькая группа грабила насколько возможно своихъ сосѣдей, уводя у нихъ стада или же похищала женщинъ. Отсюда возникали безпрестанныя войны, въ которыхъ всѣ мужчины крааля, безъ исключенія, обязаны были принимать участіе, такъ какъ уходъ за стадами и война составляли общественную службу. Войны отличались крайнею жестокостью; всѣхъ плѣнниковъ убивали безъ всякой пощады, но къ мертвымъ все еще питали уваженіе и никогда не грабили ихъ, не снимали съ нихъ одежды и не брали у нихъ ни оружія, ни табаку. У первобытныхъ народовъ вообще болѣе распространены войны, сопровождающіяся безжалостнымъ избіеніемъ, такъ какъ такіе народы предпочитаютъ убивать плѣнныхъ, нежели обращать ихъ въ рабство; за отсутствіемъ же рабовъ всю общественно—необходимую работу должны выполнять члены клана. Въ готтентотскихъ краалѣхъ эта работа была довольно разумно распредѣлена между обоими полами. Мужчины занимались охотой, приготовленіемъ звѣриныхъ шкуръ для своей одежды и одежды женщинъ, и на нихъ же лежала обязанность устройства ограды для стадъ. Женщины

строили хижины и плели цыновки, ихъ покрывающія. Грабежъ скота у сосѣднихъ краалей и война, всегда являющаяся послѣдствіемъ этого, принадлежали также къ числу обязанностей мужчины. Женщины не принимали никакого участія въ этихъ посягательствахъ на чужую собственность, но онѣ поощряли къ этому мужчинъ и не терпѣли чтобы мужчины возвращались съ пустыми руками изъ своихъ экспедицій. Впрочемъ, подобные набѣги предпринимались обыкновенно только въ случаѣ нужды, когда охота бывала неудачна. Грабитель, возвращавшійся домой съ пустыми руками, долженъ былъ выдерживать то, что въ нашихъ европейскихъ семьяхъ принято называть «домашнею сценой»; жена съ яростью набрасывалась на него, осыпала его бранью и упреками и, наконецъ, снявъ свое единственное домашнее одѣяніе—кожаный «передникъ стыдливости», ударяла имъ по лицу неудачника-воина, что считалось уже верхомъ оскорбленія. Въ глазахъ общественнаго мнѣнія готтентотовъ такое обращеніе было величайшимъ безчестіемъ и мужчина, перенесшій его, только и думалъ о томъ, какъ бы смыть его поскорѣе; поэтому онъ немедленно нахлобучивалъ свою военную шапку изъ шкуры гіены и точно бѣшеный устремлялся за добычей.

Нравы готтентотовъ въ этомъ случаѣ далеко отличаются отъ тѣхъ, которые существуютъ у нѣкоторыхъ монархическихъ и невольничьихъ племенъ въ Папуазіи или даже въ австралійскихъ кланахъ, гдѣ женщина находится на степени животнаго, подвергаясь самому грубому притѣсненію. Повинуясь общимъ законамъ соціальной эволюціи, каждая разновидность человѣческаго общества развивается все-таки по своему и потому участь женщинъ въ пастушескихъ и монархическихъ кланахъ готтентотовъ была менѣе ужасна, чѣмъ въ австралійскихъ кланахъ, основанныхъ на равенствѣ членовъ, такъ что приходится допустить, что готтентоты обладали нѣкоторою мягкостью характера, которой не было у австралійцевъ.

Между готтентотами и кафрами существуетъ большое различіе, какъ въ отношеніи расы, такъ и въ отношеніи цивилизаціи. Готтентоты принадлежатъ къ низшимъ человѣческимъ типамъ, кафры же приходятся сродни одной изъ самыхъ высшихъ негритянскихъ расъ, эѳіопской расѣ. Въ готтентотскихъ крааляхъ вожди почти не имѣютъ власти—это монархи въ зародышѣ; кафры же образуютъ множество маленькихъ монархій, во главѣ которыхъ находятся деспоты, облеченные абсолютною властью. Готтентоты были исключительно только охотниками и пастухами и, слѣдовательно, номадами; кафры же, хотя и очень цѣнили скотъ и называли

корову «жемчужиной съ шерстью» (la perle à poil), но тѣмъ не менѣе они занимались земледѣліемъ и строили настоящія деревни и даже маленькіе города. Эта относительная цивилизація кафровъ, однако, не можетъ быть очень древняго происхожденіи. Деспотизмъ вождей развитъ былъ не вездѣ одинаково у кафрскихъ племенъ. У нѣкоторыхъ племенъ еще не было введено рабство и власть вождей была очень непрочна, такъ что ихъ можно было низвергнуть, если они становились непопулярными; кромѣ того, у кафровъ также еще не существовало знати, такъ называемой родовой аристократіи. Но реальною основой всякаго вліянія и общественнаго положенія у кафровъ все-таки служило богатство, обладаніе многочисленными стадами. Вожди кафровъ менѣе чѣмъ кто-либо другой могли обходиться безъ этого, такъ какъ имъ нужно было имѣть достатокъ, чтобы содержать воиновъ и выказывать щедрость. Въ этомъ именно и заключается причина собачьей покорности кафровъ, которая невольно поражала путешественниковъ, видѣвшихъ, напримѣръ, что дамары слѣдуютъ за своимъ господиномъ, точно собаченка, надѣясь отъ него поживиться чѣмъ-нибудь; по этой же причинѣ и балонды, занимающіе болѣе низкое положеніе, бросаются при встрѣчѣ съ вождемъ на колѣни и натираютъ себѣ руки и грудь пылью.

Для содержанія арміи у кафрскихъ вождей и царьковъ нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ грабежа. Цѣль кафрскихъ набѣговъ—пріобрѣтеніе наиболѣе легкимъ способомъ размѣнныхъ цѣнностей: женщинъ, наложницъ и скотъ. Всѣ, кто оказываетъ малѣйшее сопротивленіе грабителямъ, убиваются ими безъ пощады; со стариками и замужними женщинами поступаютъ не лучше. Очень маленькіе дѣти бросаются на произволъ судьбы и становятся добычею хищныхъ звѣрей или погибаютъ отъ голода. Пощада оказывается только молодымъ людямъ обоего пола, которыхъ побѣдители нагружаютъ добычей точно вьючный скотъ, и уводятъ въ свои жилища. Вслѣдъ за побѣдой устраивается громадное пиршество, на которомъ мясо истребляется въ огромномъ количествѣ, а въ видѣ особеннаго почетнаго отличія воинамъ, убившимъ во время боя не менѣе десяти человѣкъ, подносится кубокъ крови. Уведенныя въ плѣнъ молодыя дѣвушки становятся наложницами своихъ похитителей, а молодые люди пополняютъ классъ рабовъ. Если же вмѣсто кафрской деревни побѣдители имѣютъ дѣло съ бушменскимъ лагеремъ, то они истребляютъ всѣхъ, находящихся въ немъ, безъ различія пола и возраста. Они это дѣлаютъ для того, чтобы воспрепятствовать размноженію разбойниковъ и не допустить дѣтей вырости и сдѣлаться такими же разбойниками, какъ были ихъ отцы.

Подобные нравы не могутъ быть совмѣстимы съ рабствомъ и кафры не имѣютъ настоящихъ домашнихъ рабовъ. Однако и у нихъ уже слагается понятіе о торговлѣ невольниками, такъ какъ два кафра предложили миссіонеру Моффату купить у нихъ дѣтей: одинъ изъ кафровъ желалъ получить въ уплату ягненка, другой же—запасъ жемчужинъ. Въ сѣверной части Кафраріи, примыкающей къ такой африканской области, гдѣ торговля невольниками процвѣтаетъ, нѣкоторые изъ кафрскихъ вождей производятъ набѣги на сосѣдей со спеціальною цѣлью—раздобыть человѣческій товаръ, который они потомъ продаютъ торговцамъ невольниковъ.

Въ Кафраріи промышленная и домашняя работа главнымъ образомъ возложена на женщинъ. Но, помимо тѣхъ женщинъ, которыя куплены или взяты въ плѣнъ мужчинами, существуетъ еще цѣлый классъ рабовъ, составляющихъ общую собственность и не находящихся ни у кого на содержаніи. Такъ было, по крайней мѣрѣ, у бечуанскихъ кафровъ. Эти рабы называются «балала» или «соуней», что значитъ: бѣдные. Это кафрскіе пролетаріи въ странѣ, гдѣ преобладаетъ денежная, или, вѣрнѣе, скотоводческая аристократія, и съ такими несчастными, лишенными всего, обращаются даже хуже, чѣмъ съ собаками. Классъ богачей заставляетъ ихъ служить себѣ даромъ и когда богачи охотятся, то «балалы» исполняютъ должность собакъ и вьючной скотины. Иногда ихъ заставляютъ тащить крупную дичь, убитую за нѣсколько миль отъ деревни, и этотъ тяжелый трудъ въ особенности выпадаетъ на долю женщинъ. Послѣ утомительнаго дня балалъ запираютъ на ночь въ отгороженныхъ колючими кустарниками пространствахъ, совершенно такъ же, какъ скотъ, для того, чтобы имѣть ихъ подъ рукою, когда они понадобятся. Вмѣсто всякой платы, бѣдняги получаютъ едва достаточное количество пищи. Чтобы не умереть съ голоду балалы должны охотиться или выкапывать изъ земли съѣдобные коренья, совершенно такъ же, какъ и бушмены. Тѣ изъ балалъ, которые не соглашаются служить богачамъ, поражаютъ взоры своею страшною худобой, такъ какъ никто никогда не оказываетъ имъ никакой помощи. Въ этомъ отношеніи кафры, сдѣлавшіеся уже плутократами, отличаются отъ готтентотовъ невыгоднымъ для себя образомъ, такъ какъ готтентоты болѣе гостепріимны и милосердны по отношенію другъ къ другу.

Во время охотничьихъ экскурсій балалы питаются обрѣзками и остатками отъ пиршествъ богатыхъ, совершенно такъ, какъ собаки богачей, съ которыми они вмѣстѣ отыскиваютъ дичь. Многіе изъ балалъ присоединяются къ какому-нибудь вождю, въ качествѣ слугъ. Собственности у балалъ никакой нѣтъ, да они не имѣютъ

и возможности имѣть ее. Во время набѣговъ своихъ господъ, балалы должны передавать все награбленное ими самими добро своему начальнику, который и удѣляетъ имъ часть добычи, если находитъ это нужнымъ. Обычай запрещаетъ имъ покрываться плащами изъ лошадиной кожи и вообще пользоваться мѣхами, которые употребляются богачами. За малѣйшую попытку къ сопротивленію капризамъ богачей балалъ немедленно убиваютъ. Между тѣмъ, если какой-нибудь богачъ разрѣшитъ балалѣ причислить себя къ его дому, то онъ уже оказываетъ ему этимъ нѣкоторое покровительство и бѣдный балала можетъ прибѣгнуть къ его заступничеству.

По всей вѣроятности именно среди этихъ отверженныхъ и презираемыхъ созданій выбираютъ людей для человѣческихъ жертвоприношеній. Одинъ изъ кафрскихъ вождей, Тебелесъ, убилъ такого бѣдняка только потому, что ему нужны были нѣкоторыя части его тѣла для колдовства. Когда миссіонеръ Моффатъ, первый проповѣдникъ Евангелія среди кафровъ, сталъ говорить о состраданіи къ этимъ паріямъ, то бечуаны подсмѣивались надъ его глупостью. «Какъ можетъ онъ,—говорили они,—интересоваться подобными собаками!» Эти отверженныя созданія, однако, сами нисколько не оскорблялись такимъ обращеніемъ. Они обнаруживали величайшую покорность судьбѣ, заставляющей ихъ переносить такое обращеніе, разсуждая, что бороться съ этимъ совершенно безполезно.

Мы увидимъ впослѣдствіи, что во многихъ странахъ и у многихъ расъ рабство притупило и атрофировало чувство справедливости, какъ у рабовъ, такъ и у ихъ господъ. Но даже тамъ, гдѣ нѣтъ рабства въ собственномъ смыслѣ этого слова, можно также наблюдать нравственное вырожденіе, какъ обычное послѣдствіе долго продолжающихся притѣсненій и раболѣпства. Тиранія, тяготѣющая надъ балалами, однако, не составляетъ еще организованнаго рабства, а у племени Бантусовъ всѣ домашнія и промышленныя работы составляютъ преимущественно удѣлъ женщинъ.

Кафрская женщина выполняетъ большинство разнообразныхъ обязанностей, возлагаемыхъ обыкновенно на рабовъ и домашнихъ животныхъ въ обществахъ съ болѣе сложною организаціей. Очень рѣдко можно видѣть мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ за предѣлами кафрской деревни; притомъ же охота и война поглощаютъ большую часть времени мужчины. Впрочемъ, мужчины все-таки исполняютъ и нѣкоторыя мирныя обязанности; они шьютъ одежду для себя, большею частью изъ звѣриныхъ шкуръ, и даже для женщинъ, они же дѣлаютъ топоры и ножи, пасутъ стада и доятъ коровъ. Вообще все, что имѣетъ отношеніе къ оружію и скоту,

входитъ въ кругъ дѣятельности мужчинъ; имѣть дѣло со скотомъ, даже съ его шкурами, изъ которыхъ приготовляется одежда кафровъ, считается кафрами вполнѣ благороднымъ, вѣроятно, потому, что пастушескій образъ жизни у нихъ предшествовалъ задолго земледѣльческому.

Всѣ прочія работы возлагаются на женщинъ и никогда ни одинъ мужчина не придетъ къ нимъ на помощь, какъ бы ни была трудна работа. Кафрская женщина—это настоящій рабочій волъ въ глазахъ мужа. «Я купилъ ее,—сказалъ однажды кафръ путешественнику Шутеру, — должна же она работать!» Женщины должны носить воду, дрова для кухни, стряпать и строить дома. Кромѣ того кафрскія женщины приготовляютъ глиняную посуду и во время своихъ путешествій всегда захватываютъ съ собою для этой цѣли запасъ глины. Женщины плетутъ корзины и разныя другія вещи. Но самый тяжелый трудъ составляютъ полевыя работы и ни одна кафрская женщина отъ нихъ не избавлена, даже жена вождя племени. Распѣвая пѣсни, чтобы возбудить себя къ работѣ, женщины ударяютъ въ тактъ своими заступами самаго первобытнаго устройства, проникающими въ землю не глубже нѣсколькихъ дюймовъ. Вспахавъ кое-какъ землю, женщины сѣютъ африканское просо, сорго, стараясь подогнать свою работу къ дождливому времени года, въ теченіе августа или сентября. Затѣмъ, онѣ собираютъ зерно и молотятъ, а мужчины либо смотрятъ какъ онѣ работаютъ, либо въ это время спятъ или развлекаются циническими разговорами.

Въ виду такого утилитарнаго значенія женщинъ, мужчины стараются имѣть ихъ у себя, какъ можно больше. Такъ именно и поступаютъ богачи, но по этой причинѣ этотъ товаръ сталъ рѣдкостью и молодые кафры съ трудомъ достаютъ для себя женъ. Старыя дѣвы неизвѣстны въ Кафраріи и многіе мужчины воспитываютъ себѣ женъ съ дѣтства. Будетъ ли женщина замужемъ или только куплена кафромъ, она въ томъ и другомъ случаѣ занимаетъ въ его семьѣ самое низкое положеніе. Сыновья нисколько не заботятся о ней и ухаживаютъ только за отцомъ, такъ какъ онъ владѣлецъ стадъ и они надѣются наслѣдовать послѣ него. Женщинамъ обыкновенно запрещается вступать въ «cotla»—кафрскій форумъ, гдѣ происходятъ совѣщанія мужчинъ. Впрочемъ, допускаются исключенія, составляющія, по всей вѣроятности, пережитокъ, относящійся къ очень отдаленнымъ временамъ—къ времени республиканскихъ клановъ. Такъ, напримѣръ, у кафровъ племени Тебелесъ женщины присутствуютъ при парламентскихъ преніяхъ, улыбаются ораторамъ, поощряютъ ихъ и апплодируютъ имъ. То

же самое наблюдается и у балондасовъ (Balondas), гдѣ женщины могутъ прекратить бой, вмѣшавшись между противниками. Но всѣ эти исключенія нисколько не уничтожаютъ общаго правила, устанавливающаго полное рабство женщины.

Подвигаясь къ сѣверу, въ область Замбезе, въ которой обитаютъ родственные бантусамъ южной Кафраріи племена, мы всюду встрѣчаемъ такое же порабощеніе женщины; Ливингстонъ видѣлъ въ этой области, какъ женщины обрабатываютъ землю и мелютъ зерно въ первобытной мельницѣ, состоящей изъ неподвижно лежащаго камня, вогнутаго на верхней поверхности, и каменнаго песта, выпуклаго съ одной стороны, который женщины держатъ обѣими руками, точно скалку для раскатыванія тѣста, и растираютъ имъ зерна.

Въ этой области португальскіе негроторговцы уже ввели торговлю невольниками въ самой грубой формѣ и поэтому вожди племени безпрестанно дѣлаютъ набѣги, чтобы раздобыть для продажи человѣческій товаръ. Путешественникамъ случается встрѣчать на своемъ пути длинные караваны невольниковъ. Тропическая Африка по преимуществу страна рабовъ; тамъ рабство существуетъ съ незапамятныхъ временъ и мы можемъ наблюдать его со всѣми его первобытными ужасами. Но съ соціологической точки зрѣнія обширная рабовладѣльческая область тропической Африки далеко не вездѣ одинакова. Въ ней находятся монархическія племена, очень дикія, и затѣмъ небольшія королевства, нѣсколько болѣе цивилизованныя. Въ однѣхъ королевствахъ еще господствуетъ фетишизмъ, въ другихъ — магометанство, хотя и въ нѣсколько ослабленной формѣ, приспособленной для низшихъ расъ. Вездѣ, однако, рабство существуетъ въ полной силѣ и только участь раба бываетъ то нѣсколько тяжелѣе, то легче, смотря по тому, насколько цивилизація вышла изъ первобытнаго состоянія. Мы начнемъ свое изслѣдованіе рабовладѣльческой африканской зоны опять-таки съ наиболѣе дикихъ племенъ.

Самыя первобытныя негритянскія племена обитаютъ въ области Гвинейскаго залива, отъ устья Нигера до Конго. Сравнительно цивилизующее вліяніе африканскаго ислама къ нимъ еще не проникло; европейскія суда явились скорѣе причиною ихъ деморализаціи и упадка, распространивъ между этими племенами пьянство, сифилисъ и торговлю невольниками. Африканцы, болѣе или менѣе обращенные въ магометанство, смотрятъ на военноплѣнныхъ, какъ на предметъ торговли или удовольствія, но для племенъ, среди которыхъ господствуетъ фетишизмъ, плѣнные въ большинствѣ случаевъ представляютъ не болѣе какъ дичь, пи-

щевой запасъ. На сѣверномъ берегу Бенуэ постоянные набѣги, имѣющіе цѣлью охоту за невольниками, почти совершенно опустошили эту область. Набѣги производятся по преимуществу племенемъ митчисовъ (Mitchis), которые ведутъ войну самымъ первобытнымъ способомъ. Никакія человѣческія чувства имъ неизвѣстны въ отношеніи постороннихъ и своихъ плѣнниковъ они обыкновенно съѣдаютъ, предварительно подвергнувъ ихъ всевозможнымъ истязаніямъ. Человѣческое мясо представляетъ у нихъ самое изысканное блюдо, и они различаютъ въ немъ наиболѣе лакомые куски. Таковыми считаются руки и ноги, которыя и достаются всегда вождямъ. Между тѣмъ, эти племена обитаютъ недалеко отъ берега и въ Буни, напримѣръ, имѣютъ даже частыя сношенія съ европейцами. Однако, соприкосновеніе съ европейцами не имѣло на нихъ цивилизующаго вліянія и только интересъ могъ обуздать до нѣкоторой степени ихъ свирѣпость и теперь уже не всѣ плѣнники поѣдаются митчисами. Въ этой области, впрочемъ, не всѣ племена каннибалы и многіе изъ плѣнныхъ продаются или вымѣниваются на другихъ. Опасаясь держать плѣнныхъ, захваченныхъ гдѣ-нибудь по сосѣдству, ихъ стараются обмѣнять на рабовъ изъ болѣе отдаленной области. Въ результатѣ получается постоянный торгъ человѣческимъ товаромъ. По едва проходимымъ тропинкамъ дѣвственныхъ лѣсовъ тянутся цѣлые караваны рабовъ, едва передвигающихъ ноги, такъ какъ ими пользуются въ то же время и какъ вьючнымъ скотомъ, нагружая на нихъ тяжелыя ноши. Кормятъ несчастныхъ очень плохо и поэтому во время такого путешествія, которое длится иногда недѣли и иногда мѣсяцы, много рабовъ погибаетъ отъ истощенія и болѣзней, но вожаки каравана отдѣлываются самымъ легкимъ способомъ отъ тѣхъ, которые падаютъ отъ истощенія силъ, — ихъ просто-на-просто убиваютъ.

Вдали отъ берега каннибализмъ представляетъ еще болѣе частое явленіе, нежели въ округахъ, болѣе или менѣе посѣщаемыхъ европейскими и американскими судами. Рабство, впрочемъ, существуетъ, вездѣ, хотя чѣмъ больше распространенъ каннибализмъ среди племенъ, тѣмъ меньше у нихъ рабовъ, что совершенно понятно, такъ какъ нельзя же обратить въ рабовъ людей, которые съѣдены. У фановъ въ Габонѣ, извѣстныхъ своимъ пристрастіемъ къ человѣческому мясу, очень мало рабовъ. У апинжисовъ есть рабы, но они смотрятъ на нихъ, повидимому, лишь какъ на убойный скотъ, какъ на живой пищевой запасъ. Такъ, напримѣръ, король апинжисовъ подарилъ Дю-Шалью раба, чтобы онъ съѣлъ его. Когда Дю-Шалью отказался, то король замѣтилъ ему: «На что же вамъ служатъ ваши рабы, если вы ихъ не ѣдите?»

Изъ рабовъ извлекаютъ еще слѣдующую пользу: они служатъ для похоронныхъ жертвоприношеній и сопровождаютъ своего господина или вождя въ будущую жизнь, такъ какъ, по понятіямъ дикарей, умершій глава долженъ имѣть и тамъ въ своемъ распоряженіи столько же рабовъ, сколько онъ имѣлъ ихъ во время земной жизни. Въ Сіерра-Леоне на могилахъ лицъ, пользующихся какимъ бы то ни было значеніемъ, убивали всегда цѣлую толпу рабовъ. Въ Габонѣ похороны вождя также не обходились безъ принесенія въ жертву рабовъ. Иногда число убитыхъ рабовъ достигало 60-ти, что было не мало для такихъ небольшихъ племенъ. Въ Конго заботились о томъ, чтобы хоронить убитыхъ рабовъ вблизи могилы вождя, чтобы они имѣли возможность «получать отъ него приказанія». Иногда молодыя дѣвушки, изъ чувства монархической преданности, оспаривали другъ у друга честь быть заживо погребенными рядомъ съ трупомъ своего господина и наперерывъ бросались въ могилу. Такіе же обычаи, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ, встрѣчаются и во многихъ маленькихъ монархіяхъ тропической Африки, гдѣ еще не исчезъ фетишизмъ.

Короли Ашанти и Дагомеи, отличавшіеся особенною кровожадностью и проливавшіе человѣческую кровь точно воду, въ особенности кровь рабовъ, въ сущности только совершали въ болѣе широкихъ размѣрахъ то, что вообще дѣлали всѣ африканскія племена чернокожихъ, еще не перешедшія въ магометанство. Разумѣется, такое отношеніе къ плѣннымъ указываетъ, что въ ихъ трудѣ не ощущалось особенной необходимости и что промышленный, земледѣльческій и домашній трудъ совершался не исключительно одними только рабами. Дѣйствительно, вездѣ, какъ въ Габонѣ, такъ и въ «Hinterland'ѣ—какъ принято теперь называть эту область—въ Конго и почти всюду въ негритянскомъ мірѣ, положеніе женщинъ, хотя и не рабынь, такъ тяжело и дурно, что ничѣмъ не отличается отъ рабства. Мужчины въ Габонѣ презираютъ трудъ и возлагаютъ его въ одинаковой степени какъ на своихъ женъ, такъ и на своихъ рабовъ. Вездѣ женщины воздѣлываютъ землю вмѣстѣ съ рабами, работая такъ же, какъ они. Притомъ вѣдь и женщину, и раба можно купить; женщины, кромѣ того, полезнѣе рабовъ, такъ какъ они создаютъ полезныя связи между семьями и племенами. Отецъ жены всегда бываетъ вѣрнымъ другомъ; поэтому мужчина тѣмъ лучше поставленъ въ племени, тѣмъ большимъ вліяніемъ пользуется, чѣмъ больше у него женъ. Жены доставляютъ кредитъ своимъ мужьямъ, служатъ для ихъ удовольствія, льстятъ ихъ гордости и позволяютъ имъ наслаждаться праздностью. Въ то время, какъ мужья располагаются вокругъ

костра, чтобы поспать или побесѣдовать, женщины приводятъ въ порядокъ лагерь или хижину, стряпаютъ, отправляются за дровами вмѣстѣ съ дѣтьми и обыкновенно выбиваются изъ силъ. Если бываетъ нужно добыть краснаго дерева для продажи, то мужчины и женщины вмѣстѣ отправляются за нимъ въ лѣсъ, но первые ограничиваются лишь тѣмъ, что рубятъ деревья и распиливаютъ ихъ на полѣнья, на женщинъ же возлагается наиболѣе тяжелая работа—перетаскиваніе стволовъ иногда на большія разстоянія и по ужаснѣйшимъ тропинкамъ. Въ результатѣ несчастныя созданія, исполняющія обязанности вьючнаго скота, привыкаютъ къ такому обращенію и находятъ его вполнѣ естественнымъ. Онѣ обыкновенно бываютъ очень удивлены, если при раздачѣ груза въ какомъ-нибудь караванѣ, имъ даютъ, изъ чувства гуманности, менѣе тяжелую ношу, и мужья ихъ также раздѣляютъ ихъ удивленіе.

Мужчина никогда не вмѣшивается въ земледѣльческія работы женщинъ, но жены обязаны заботиться о пропитаніи своихъ мужей. Земля въ этой области еще не составляетъ собственности; кромѣ того, въ лѣсахъ области Габона очень мало водится животныхъ и главное богатство составляютъ женщины и рабы. Женщинъ покупаютъ у ихъ отцовъ по условленной цѣнѣ, а мужчины, по вышеизложеннымъ причинамъ, стараются пріобрѣсти женъ какъ можно больше. Это стадо женщинъ управляется до нѣкоторой степени старшею женой; такою обыкновенно считается первая жена. Къ второстепеннымъ женамъ примѣшиваются рабыни, такъ какъ разница между такъ называемой свободной женщиной и женщиной-рабой очень мала. Положеніе дѣтей рабыни также мало отличается отъ положенія дѣтей жены; они также свободны и только пользуются меньшимъ уваженіемъ и, когда выростутъ, меньшимъ вліяніемъ, чѣмъ другіе. Главнѣйшій долгъ габонской женщины—это пассивное послушаніе и безграничная покорность. Супружеская измѣна карается штрафомъ и мужья часто пользуются своими женами, чтобы устраивать ловушки разнымъ ловеласамъ и извлекать изъ этого свои личныя выгоды. Съ женами же они обращаются чрезвычайно жестоко. Въ каждой хижинѣ имѣется плеть, сплетенная изъ кожи, употребляемая мужемъ для наказанія своихъ женъ, и часто мужъ бьетъ жену, приговаривая: «А негодяйка! Ты думаешь, что я пріобрѣлъ тебя даромъ?» Тѣло несчастныхъ женъ, большею частью, бываетъ все исполосовано рубцами отъ такихъ побоевъ. Съ женами обращаются часто гораздо хуже, чѣмъ съ рабынями, и при такихъ условіяхъ, разумѣется, супружеская вѣрность представляетъ очень

рѣдкую добродѣтель у женщинъ. Очень часто жена бросаетъ домъ своего мужа, спасаясь отъ дурного обращенія или же ради любовной интриги, и укрывается въ какой-нибудь чужой деревнѣ, гдѣ она всегда находитъ убѣжище, такъ какъ обычай гостепріимства смягчаетъ до нѣкоторой степени грубость нравовъ въ негритянскихъ деревняхъ, и каждая деревня считаетъ долгомъ чести не выдавать человѣка, будь то мужчина или женщина, ищущаго убѣжища и виновнаго въ супружеской измѣнѣ. Но это часто служитъ поводомъ къ столкновеніямъ между деревнями, къ переговорамъ и войнамъ.

Такимъ правомъ убѣжища пользуются и рабы и даже въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ. Если какой-нибудь рабъ, вслѣдствіе дурного обращенія или по другой причинѣ, бросаетъ своего господина и спасается въ сосѣднюю деревню, то стоитъ ему только прямо отправиться къ вождю этой деревни и, положивъ его руку на свою голову, сказать: «Я выбираю тебя своимъ господиномъ», чтобы тотъ считалъ обязаннымъ оказать бѣглецу покровительство, такъ какъ тутъ дѣло идетъ о его собственной чести. Это обращеніе къ покровительству третьяго лица называется «bongo» и, составляя часть обычнаго права, не можетъ служить поводомъ ни къ столкновеніямъ ни къ ссорамъ. Существованіе такого обычая, какъ «bongo», въ связи съ окружающимъ варварствомъ, невольно поражаетъ наблюдателя. Однако, эти старинные великодушные обычаи сохраняются лишь у тѣхъ племенъ, которыя еще не деморализованы европейскою негроторговлей. Такъ, на Золотомъ Берегу уже всякая попытка къ побѣгу карается жестоко; въ первый и второй разъ отрѣзываются уши, въ третій—голова. Въ странѣ Иссини рабъ, пробовавшій бѣжать, наказывался смертью.

У западно-африканскихъ племенъ, хотя и находящихся еще въ очень дикомъ состояніи, рабство имѣетъ все-таки разнообразное происхожденіе. Прежде всего источникомъ рабства является война, грабительскіе набѣги. Близъ дельты Нигера чернокожіе группируются маленькими отдѣльными племенами и во главѣ каждаго такого племени, состоящаго, приблизительно, изъ сотни человѣкъ, стоитъ король. Между собою эти монархическія племена находятся въ постоянной войнѣ и всѣ сосѣдскія отношенія выражаются у нихъ только воровствомъ и убійствомъ; нападаютъ другъ на друга съ цѣлями грабежа и похищенія рабовъ. Другимъ источникомъ рабства служитъ такъ называемое «право отца семейства». Никто не оспариваетъ права отца продавать своихъ дѣтей, если ему вздумается. Во времена процвѣтанія негроторговли на Гвинейскомъ берегу между родителями и дѣтьми существовало даже нѣчто въ

родѣ соревнованія и дѣти старались перехитрить отца, чтобы избѣжать продажи въ рабство, дѣти бѣжали отъ отца и сами устраивали для него засады и если онъ попадался, то они съ нескрываемою радостью вели его продавать въ ближайшую европейскую контору.

Судебныя наказанія, налагаемыя на виновныхъ, также поддерживали рабство. Рабъ представлялъ ходячую размѣнную монету и поэтому взысканія за разнаго рода преступленія и проступки оцѣнивались обыкновенно количествомъ рабовъ. Но если виновный не имѣетъ рабовъ и никакихъ припасовъ, то его самого забираютъ и продаютъ. Несостоятельные должники также непосредственно продаются своими кредиторами. Воры и нарушители супружеской вѣрности также продаются сосѣднимъ племенамъ. Но такое сравнительно снисходительное наказаніе за нарушеніе супружеской вѣрности налагается лишь на тѣхъ, кто нарушилъ ее съ какою-нибудь женщиной невысокаго происхожденія или рабой. Нарушеніе же супружеской вѣрности съ женщиною, занимающею высокое положеніе, считается уголовнымъ преступленіемъ, за которое полагается смертная казнь, только родъ казни бываетъ различенъ: преступниковъ или сжигаютъ на кострѣ, или обезглавливаютъ, или топятъ. Булусы предпочитаютъ распятіе: виновный пригвождается къ дереву съ поднятыми вверхъ и сложенными на крестъ руками. Другая категорія осужденныхъ, и притомъ наиболѣе многочисленная, которая поставляетъ рабовъ—это несчастные, обвиняемые въ колдовствѣ. Очень часто это обвиненіе не имѣетъ другой цѣли, кромѣ пріобрѣтенія рабовъ для продажи.

Всѣ эти причины рабства существовали до европейской торговли невольниками и пережили ее. Обыкновенно побѣжденный продавался въ рабство, но конечно онъ былъ бы неизбѣжно умерщвленъ при другихъ условіяхъ, т. е. еслибъ не существовало способа извлечь изъ него выгоду. Домашніе рабы, родившіеся и выросшіе среди племени, находятся въ сравнительно лучшихъ условіяхъ. Ихъ владѣльцы рѣдко дурно обращаются съ ними и большею частью оказываютъ имъ покровительство, не продаютъ ихъ чужеземцамъ и даже дозволяютъ имъ иногда имѣть собственность. Наоборотъ, военноплѣнные продаются всегда какъ можно скорѣе и какъ можно дальше. Когда процвѣтала на берегу торговля невольниками, то ихъ тотчасъ же отсылали въ европейскія конторы, именно португальскія, которые долгое время отправляли цѣлые транспорты рабовъ въ Бразилію.

Въ восточной Африкѣ маленькія племена, находящіяся еще въ дикомъ состояніи, представляютъ большое сходство съ племенами

западной Африки. Рабство, набѣги и охота за людьми составляютъ и здѣсь такое же обычное явленіе, какъ и въ западной Африкѣ. Восточно-африканскіе негры точно также берутъ въ плѣнъ преимущественно женщинъ и дѣтей; мужчины, знающіе, что они будутъ принесены въ жертву, защищаются обыкновенно до самой смерти, и если случается, что ихъ забираютъ въ плѣнъ живыми, то ихъ непокорный нравъ лишаетъ ихъ всякой цѣнности, какъ рабовъ. Нѣкоторыя племена и въ восточной Африкѣ, напримѣръ Нямъ-Нямъ, такіе же каннибалы, какъ и племена на нижнемъ теченіи Конго и также съѣдаютъ часть своихъ плѣнныхъ. Сходство, слѣдовательно, большое, но только у восточно-африканскихъ племенъ монархическая власть прочнѣе установлена, чѣмъ у западныхъ. Маленькое племя Вуакилима, напримѣръ, составляетъ полную собственность своего главы. Съ главою племени разрѣшается разговаривать лишь на почтительномъ разстояніи. Мальчиковъ воспитываютъ вмѣстѣ и дрессируютъ для королевскихъ услугъ. Всѣ военноплѣнные также составляютъ собственность монарха; онъ продаетъ женщинъ и оставляетъ дѣтей, чтобы сдѣлать изъ нихъ потомъ рабовъ. Онъ воленъ убивать или продавать своихъ подданныхъ, какъ ему вздумается. У Вуадое, когда умираетъ король, то въ могилу съ нимъ вмѣстѣ зарываютъ живыми двухъ рабовъ разнаго пола. Одному изъ нихъ, мужчинѣ, вкладывается въ руки топоръ, чтобы онъ могъ рубить дрова для своего монарха на томъ свѣтѣ; женщину же сажаютъ въ могилѣ на маленькую скамеечку и она должна поддерживать на своихъ колѣняхъ голову августѣйшаго покойника.

Такимъ образомъ на всемъ обширномъ африканскомъ континентѣ, среди всѣхъ негритянскихъ племенъ, находящихся на одинаковой ступени цивилизаціи, мы встрѣчаемъ рабство со всѣми его ужасами, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается такихъ рабовъ, которые не рождены въ семьѣ и не принадлежатъ къ домашнимъ рабамъ. Жестокость чернокожихъ зависитъ не отъ того, что они принадлежатъ къ негритянской расѣ, а отъ того, что они не вышли еще изъ состоянія первобытной дикости.

Результаты нашего изслѣдованія о происхожденіи рабства въ Африкѣ вполнѣ согласуются съ тѣми данными, которыя мы получили при изслѣдованіи рабства у меланезійскихъ негровъ.

Въ южной Африкѣ, у готтентотовъ общественно-необходимая работа доведена до минимума, образъ жизни пастушескій и земледѣліе еще не развито. Рабовъ нѣтъ, да въ нихъ нѣтъ и надобности. Но, съ другой стороны, и женщины у нихъ такъ не завалены работой, какъ у австралійцевъ, такъ какъ стада доставляютъ

достаточно пищи, притомъ на подмогу является охота; сохраненіе же стадъ не можетъ быть поручено женщинамъ, такъ какъ надо безпрестанно охранять стада отъ нападенія сосѣдей и хищныхъ звѣрей. Но такъ какъ первобытный общинный режимъ еще не совершенно упраздненъ, то важная общественно-необходимая работа—уходъ за стадомъ, налагается одинаково на всѣхъ мужчинъ небольшого племени и поэтому женщина не находится у готтентотовъ въ такомъ рабскомъ подчиненіи, какъ у австралійцевъ, а такъ какъ рабы не нужны, то всѣхъ военноплѣнныхъ безжалостно убиваютъ.

Кафры хотя и принадлежатъ къ болѣе высшей расѣ, нежели готтентоты, но столь же жестоки, какъ и эти послѣдніе, хотя цивилизація ихъ уже не столь первобытная. У нихъ уже существуютъ настоящія маленькія монархіи, богатая знать; кромѣ того, они занимаются земледѣліемъ и вслѣдствіе этого общественно-необходимый трудъ становится у нихъ болѣе сложнымъ и распредѣленіе этого труда гораздо болѣе несправедливымъ. Но рабовъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова у нихъ все еще нѣтъ, поэтому они истребляютъ военноплѣнныхъ мужского пола и оставляютъ только женщинъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ наложницъ и работницъ. Какъ и у готтентотовъ уходъ за скотомъ у кафровъ считается благороднымъ занятіемъ и поручается мужчинамъ, но земледѣліе и весь тяжелый трудъ, сопряженный съ нимъ, налагается на женщинъ, замѣняющихъ рабовъ.

Но рабы есть все-таки и у кафровъ, это — несчастный, униженный, презираемый и терпящій всяческія притѣсненія пролетаріатъ, уподобляющійся псамъ, съ которымъ обращаются гораздо хуже, чѣмъ съ собаками.

У дикихъ негровъ тропической области, у Гвинейскаго залива, въ странѣ большихъ озеръ и на Мозамбикскомъ каналѣ рабство носитъ очень жестокій характеръ. Военноплѣнныхъ все еще убиваютъ въ большомъ числѣ, иногда съѣдаютъ, но часть все-таки оставляется для продажи, такъ какъ на этого рода человѣческій товаръ всегда существуетъ спросъ. Женщины, однако, не избавляются отъ работы; на нихъ возлагаются всѣ домашнія и земледѣльческія работы, также какъ и на рабовъ, отъ которыхъ онѣ отличаются весьма мало; свободные же мужчины стараются работать насколько возможно меньше и если не бываютъ заняты охотой, набѣгами на сосѣдей съ цѣлью грабежа и обращенія въ рабство, то слоняются цѣлые дни безъ дѣла, курятъ, пьютъ и болтаютъ. Со своими женами и рабами они обращаются чрезвычайно сурово, но менѣе дикія племена уже дѣлаютъ различія

между рабомъ, только что обращеннымъ въ рабство, или домашнимъ рабомъ, такимъ, который родился въ семьѣ, отъ плѣнныхъ родителей. Впрочемъ, такой рабъ зачастую бываетъ ребенкомъ своего господина.

Таковы первыя фазы эволюціи рабства въ Африкѣ. Въ слѣдующихъ главахъ мы прослѣдимъ эту эволюцію дальше и изучимъ рабство въ маленькихъ монархическихъ государствахъ тропической Африки, имѣющихъ уже болѣе сложную соціальную организацію, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ уже приняли мусульманскую религію.

Глава IV.

Рабство въ маленькихъ африканскихъ королевствахъ идолопоклонниковъ. — Дагомей.—Отсутствіе домашнихъ животныхъ.—Трудъ рабовъ и женщинъ.—Домашнее рабство.—Жертвоприношеніе рабовъ.—Избіеніе рабовъ въ Ашанти и въ Дагомеѣ. — Невольничьи набѣги. — Вліяніе негроторговли. — Маленькія фетишистскія монархіи восточной Африки.—Каннибализмъ и промышленная цивилизація Момбутту.—Праздность мужчинъ и трудъ женщинъ.—Отсутствіе скота и охота за человѣкомъ.—Каннибальское обжорство.—Рабство женщинъ въ Карагуэ.—Похищеніе женщинъ. — Распредѣленіе плѣнныхъ женщинъ въ Угандѣ. — Народъ — собственность монарха. — Королевское право захвата.—Промышленность въ маленькихъ мусульманскихъ королевствахъ.—Семейныя мастерскія. — Промышленная робота женщинъ. — Крупный промышленный и торговый центръ въ Кано. — Коллективная работа мужчинъ и женщинъ.—Работа рабовъ въ полѣ.—Благодѣтельное вліяніе помѣси.—Сужденіе Африки объ Европѣ.—Моногамія и пьянство. — Характеристика свободы. — Эволюція рабства у африканскихъ чернокожихъ.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть рабство у такихъ народовъ, которые съ точки зрѣнія политической іерархіи повысились въ степени, какъ отдѣльныя государства. Въ области Гвинейскаго залива и Большихъ озеръ уже образовалось нѣкоторое количество маленькихъ монархій и вездѣ въ этихъ монархіяхъ рабство существуетъ какъ учрежденіе. Нѣкоторые изъ этихъ монархическихъ государствъ исповѣдуютъ фетишизмъ, другіе же приняли исламъ, приспособивъ его къ своему умственному развитію. Но цивилизація фетишистскихъ государствъ замѣтно ниже тѣхъ, которыя перешли въ магометантство. Разница эта зависитъ отъ многихъ причинъ. Прежде всего тутъ имѣетъ вліяніе то обстоятельство, что государства, перешедшія въ мусульманство, большею частью, находятся по близости южной границы Сахары и поэтому въ нихъ существуетъ большая или меньшая примѣсь крови берберовъ; затѣмъ религія Магомета, несмотря на свои несовершенства, стоитъ въ нравственномъ отношеніи все-таки гораздо выше грубаго фе-

тишизма племенъ Габона или Мозамбика. Рабство, организованное Магометомъ, не имѣло столь суроваго характера и поэтому мы начнемъ свой обзоръ не съ магометанскихъ государствъ, а съ тѣхъ, гдѣ рабство существуетъ еще въ своей первобытной африканской формѣ, свободной отъ всякихъ постороннихъ вліяній.

Дагомей, съ котораго мы начнемъ свое изслѣдованіе, такъ какъ дагомейская раса мало отличается отъ расъ Габона и Конго,—страна плодородная и довольно хорошо обработанная вблизи городовъ. Близъ Канна, въ благопріятное время года, всѣ окрестности покрыты полями. Дагомейцы воздѣлываютъ различныя растенія: три сорта хлѣбныхъ злаковъ, рисъ, просо, горохъ, бобы, пататы, ямсъ, дыни и различныя овощи, а также плодовыя деревья. Хлѣбное зерно размалывается между двумя камнями, какъ у всѣхъ африканскихъ дикарей. Изъ приготовленной подобнымъ образомъ муки дѣлаютъ кашицу или лепешки, называемыя «konki», которыя ѣдятъ съ приправою пальмоваго масла.

Къ несчастью, въ Дагомеи не существуетъ ни одного животнаго, годнаго къ работѣ, такъ какъ лошади тамъ не живутъ, а быки слабосильны; поэтому всѣ полевыя работы должны производиться людьми и, разумѣется, выпадаютъ на долю слабыхъ и беззащитныхъ, на долю рабовъ и женщинъ. Вслѣдствіе склонности дагомейцевъ къ земледѣлію, они нуждаются въ большомъ количествѣ рабовъ и даже у самаго бѣднаго изъ дагомейцевъ непремѣнно есть хоть одинъ рабъ. Но этихъ домашнихъ рабовъ надо ставить совершенно отдѣльно отъ плѣнныхъ, которыхъ дагомейская армія уводила цѣлыми тысячами во время своихъ нападеній на пограничныя племена. Домашніе рабы въ Дагомеѣ не продаются и продажа ихъ даже запрещена королемъ, предоставляющимъ себѣ монополію торговли невольниками. Обыкновенно домашніе рабы занимаются спеціально земледѣльческими работами и пользуются даже сравнительною независимостью, живя въ полѣ, хотя независимость эта и не мѣшаетъ имъ по временамъ получать удары кнута. Такъ какъ ихъ дѣти также становятся рабами, то классъ рабовъ, конечно, все увеличивается.

Участь домашнихъ рабовъ въ Дагомеи совсѣмъ иная, нежели участь военноплѣнныхъ, которыхъ король приноситъ въ жертву или продаваль цѣлыми стадами или же раздариваль цѣлыми сотнями своимъ придворнымъ и офицерамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что существованіе многочисленнаго населенія рабовъ облегчаетъ трудъ женщинъ, но все-таки не отмѣняетъ его совершенно. Женщины ходятъ на полевыя работы вмѣстѣ съ рабами и согласно обычаю, распространенному на всемъ черномъ континентѣ, на женщинъ

спеціально возлагается обязанность размалывать зерно и носить воду для хозяйства. Всѣ эти работы онѣ выполняютъ обыкновенно, неся за спиной плохо привязаннаго ребенка, который болтается во всѣ стороны.

Любопытное зрѣлище представляютъ дагомеянки, когда онѣ гурьбой возвращаются отъ источника, неся на головѣ кувшины, наполненныя водой, а за спиной ребенка; онѣ болтаютъ взапуски, не вынимая даже трубки изо рта. Дагомеянки, вѣроятно, не чувствовали бы себя слишкомъ несчастными, еслибъ не свирѣпость мужей, которые обращаются съ ними хуже, чѣмъ съ рабами, и зачастую исполосовываютъ имъ спины палочными ударами.

Однако ни женщины, ни домашніе рабы не приносятся въ жертву во время знаменитыхъ дагомейскихъ человѣческихъ гекатомбъ, столь пріятныхъ сердцу монарха и его фетишистскихъ подданныхъ. Обыкновенно для такихъ боень служили военноплѣнные рабы, оставленные въ живыхъ; тогда какъ другіе обезглавливаются тотчасъ же послѣ побѣды, причемъ головы ихъ уносятся, какъ трофеи. Эти кровавыя жертвы, повергающія въ ужасъ европейца, въ сущности представляютъ въ Дагомеѣ пережитокъ, такъ какъ противорѣчатъ состоянію цивилизаціи дагомейскаго народа; они указываютъ, что не смотря на расширеніе границъ, введеніе абсолютной монархической власти и учрежденіе священнаго класса жрецовъ, Дагомей не сдѣлалъ въ нравственномъ отношеніи никакихъ успѣховъ и не далеко ушелъ отъ маленькихъ габонскихъ племенъ, находящихся еще въ состояніи первобытной дикости и истребляющихъ своихъ военноплѣнныхъ.

Въ Дагомеѣ кровожадность народа и короля дѣйствительно переходила всѣ границы и являлась главною причиною постоянныхъ войнъ, которыя вели дагомейскіе короли со своими сосѣдями. У ашантіевъ было то же самое; въ Бантамѣ избіенія рабовъ совершались очень часто и кровь ихъ собиралась въ большой бронзовый бассейнъ, такъ какъ она служила для приготовленія фетишей, которымъ приписывалось непреодолимое могущество. Избіеніе рабовъ въ Дагомеѣ продолжалось до самаго завоеванія этой страны французами. Дагомейскій король Грере по вступленіи на престолъ въ теченіе полутора мѣсяца ежедневно отправлялъ посланныхъ къ своему умершему отцу, для чего убивалъ множество рабовъ. Въ два дня было обезглавлено болѣе пятисотъ рабовъ, поднесенныхъ для этой цѣли въ даръ знатными мулатами Ундаха. Въ одну ночь было заколото пятнадцать плѣнныхъ, тоже отправленныхъ на тотъ свѣтъ, чтобы они тамъ служили покойному королю.

Въ Ашанти нравы и предразсудки очень похожи на дагомей-

скіе; смерть королей давала поводъ къ такимъ же гекатомбамъ и число жертвъ достигало нѣсколькихъ тысячъ. Частныя лица подражали въ данномъ случаѣ монархамъ, но въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ, и если умиралъ богатый человѣкъ, то непремѣнно два-три раба приносились въ жертву у порога его дома.

Кромѣ похоронныхъ жертвоприношеній въ обоихъ королевствахъ существовали еще благодарственныя жертвоприношенія. Дагомейскій король послѣ побѣды надъ Фидасами принесъ въ жертву нѣсколько тысячъ рабовъ въ знакъ благодарности богамъ. Матеріалъ для такихъ грандіозныхъ жертвоприношеній добывался посредствомъ дикихъ набѣговъ на болѣе слабыхъ сосѣдей. Во времена процвѣтанія европейской негроторговли, пощаженные плѣнники покупались безъ труда и гуртомъ европейскими негроторговцами, причемъ средняя цѣна была 400 франковъ за каждаго раба. Европейская негроторговля имѣла двойное вліяніе на рабство: дурное—въ томъ отношеніи, что она побуждала къ набѣгамъ, и благодѣтельное—въ томъ, что свирѣпость нѣсколько умѣрялась жаждой наживы. Въ самомъ дѣлѣ умерщвлялись большею частью лишь такіе плѣнные, которыхъ не удавалось выгодно сбыть. Къ этой жестокости примѣшивалась даже нѣкотораго рода наивность. Такъ, въ Дагомеѣ король Грезо-Аподжи, желая, чтобы его умершій отецъ имѣлъ на томъ свѣтѣ собственную лошадь, велѣлъ обезглавить его коня и раба, который долженъ былъ его вести, и похоронить ихъ вмѣстѣ въ одной могилѣ. Приносимые подобнымъ образомъ въ жертву рабы совершенно входили въ ту роль, которую имъ навязывали и даже брали порученія на тотъ свѣтъ, встрѣчая смерть съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. У ашантіевъ происходило тоже самое и тысячи рабовъ умерщвлялись на могилахъ королей и вообще отъ времени до времени рабы приносились въ жертву исключительно съ цѣлью «полить ихъ кровью королевскія могилы».

Такое монархическое и религіозное безуміе, конечно, повело къ тому, что во всѣхъ классахъ населенія рабская приниженность развилась въ высокой степени. Народъ и женщины, встрѣчаясь съ знатными лицами, падали ницъ на землю. Одинъ губернаторъ дагомейской провинціи, у котораго резидентъ французской факторіи имѣлъ неосторожность спросить о здоровьи короля, отвѣтилъ лишь послѣ того, какъ, по правиламъ этикета, вымазалъ себѣ землей голову, руки и ноги. «О!—сказалъ онъ потомъ,—эти иностранцы, бѣлые, право, удивительные люди; они съ нами говорятъ о королѣ, словно о самой обыкновенной вещи!» Въ амомъ дѣлѣ, по понятіямъ фетишистскихъ монархій тропической Африки, властелинъ не можетъ быть просто человѣкомъ; онъ представляетъ

нѣчто высшее, и съ давнихъ поръ народъ уже привыкъ къ тому, что король поступаетъ съ нимъ какъ ему вздумается, попираетъ его ногами, когда захочетъ, и опустошаетъ сосѣднія страны по произволу. Кромѣ того, жрецы составляютъ для короля какъ бы священную почетную стражу и до нѣкоторой степени дѣлаютъ его въ глазахъ бѣдныхъ чернокожихъ властелиномъ надъ таинственною страной, находящейся за предѣлами видимаго міра; надъ тѣми мрачными областями, которыя воображеніе бѣднаго негра населяетъ всевозможными страшными призраками. Отсюда и происходитъ рабская покорность и приниженность народа, имѣющая равно какъ политическій, такъ и религіозный характеръ, и вошедшая, такъ сказать, въ плоть и кровь этого народа.

Племена восточной Африки съ соціологической точки зрѣнія нисколько не отличаются отъ племенъ западной Африки. И тѣ, и другіе, въ силу соціальныхъ привычекъ, проникнуты невольническими воззрѣніями. Европейскіе торговцы невольниками еще болѣе расширили на западѣ Африки предѣлы рабства, а на востокѣ этому содѣйствовали ихъ соперники—арабы. На западѣ Африки Дагомей и Ашанти являются типичными представителями маленькихъ негритянскихъ королевствъ. Но и въ восточной Африкѣ существуютъ такія же государства, до сихъ поръ избѣгавшія магометанскаго прозелитизма. Изъ нихъ наиболѣе сохранившіеся въ состояніи первобытной дикости—Момбутту, хотя племя, населяющее его, такъ же какъ и остальныя племена въ этой области, принадлежитъ къ высшей расѣ чернокожихъ, къ нубійской или эѳіопской расѣ. Нравы Момбутту еще болѣе первобытны, нежели дагомейскіе; но рядомъ съ самымъ дикимъ каннибализмомъ у нихъ существуетъ довольно развитая, хотя и одностороннимъ образомъ промышленная цивилизація. Ткацкое искусство, положимъ, имъ пока еще совершенно неизвѣстно, они не носятъ другой одежды кромѣ сдѣланной изъ древесной коры, не имѣютъ скота и весьма посредственно воздѣлываютъ землю, но въ то же время они чрезвычайно искусные кузнецы, архитекторы и обнаруживаютъ артистическія наклонности, въ особенности у нихъ развитъ вкусъ къ музыкѣ. Монархи Момбутту—это Нероны въ миніатюрѣ, пользующіеся абсолютною властью.

Кромѣ музыки, занятіе которой воспрещается женщинамъ, кузнечнаго мастерства, тоже составляющаго спеціальность мужчинъ, а также войны и охоты, мужчины Момбутту ровно ничего не дѣлаютъ. Они съ утра лежатъ, растянувшись на своихъ искусно сдѣланныхъ скамьяхъ, подъ тѣнью пальмъ и лѣниво покуриваютъ, наслаждаясь прохладой. Въ жаркіе часы дня они скрываются въ

большихъ прохладныхъ хижинахъ, прекрасно построенныхъ и приспособленныхъ для собраній, гдѣ они проводятъ время въ оживленной бесѣдѣ, сопровождаемой энергичными жестикуляціями. Въ это же время женщины воздѣлываютъ землю, собираютъ жатву, плоды и высушиваютъ ихъ, приготовляютъ глиняную посуду и древесный войлокъ—однимъ словомъ, вся тяжесть промышленнаго труда лежитъ на женщинѣ и, слѣдовательно, мужчины не могутъ чувствовать потребности имѣть рабовъ. Но у нихъ есть другія потребности. Несовершенство земледѣлія и отсутствіе скота ставятъ пропитаніе Момбутту въ значительной степени въ зависимость отъ охоты, весьма ненадежнаго и невѣрнаго источника. Момбутту, впрочемъ, придумали средство обезпечить себя пропитаніемъ и къ охотѣ за звѣрями прибавили еще охоту за людьми. Это самые отъявленные каннибалы въ Африкѣ. Окруженные негритянскими племенами, принадлежащими къ сравнительно болѣе низкой расѣ, Момбутту относятся къ нимъ совершенно такъ, какъ къ дичи и нападаютъ на нихъ единственно только съ цѣлью раздобыть мяса. Куски этой человѣческой дичи тутъ же раздѣляются между охотниками, разрѣзываются длинными ломтями и коптятся на мѣстѣ, а затѣмъ уносятся съ собою въ качествѣ запаса. Оставшіеся въ живыхъ плѣнники уводятся и сохраняются для будущихъ пировъ. Дѣти, мясо которыхъ считается особенно нѣжнымъ, предназначаются для королевскаго стола. Взрослые идутъ въ пищу для народа. Швейнфуртъ видѣлъ, какъ одна женщина Момбутту занималась опаливаніемъ нижней части человѣческаго тѣла совершенно такъ, какъ это у насъ дѣлается со свиными тушами. Момбутту, слѣдовательно, рабовъ не имѣютъ и плѣнные служатъ для нихъ лишь запасною дичью.

Эти ужасные нравы, какъ мы уже говорили, совмѣщаются у Момбутту съ довольно развитою цивилизаціей и даже съ нѣкоторымъ благородствомъ характера въ другихъ отношеніяхъ. Это указываетъ до нѣкоторой степени, что рабство возникло и развивалось вмѣстѣ съ земледѣліемъ и отчасти содѣйствовало обузданію каннибальскихъ вкусовъ и кровожадности. Мы видимъ, что въ маленькихъ королевствахъ Уньорю и Карагуэ, изобилующихъ скотомъ, каннибализма не существуетъ, однако, рабство очень развито и особенно рабство женщинъ. Чтобы достать женщинъ, устраиваютъ кровавые набѣги и уводятъ женщинъ толпами, убивая ударами дубинки по головѣ тѣхъ, которыя слишкомъ стары, чтобы слѣдовать за отрядомъ. Плѣнницы служатъ и наложницами и работницами одновременно; онѣ представляютъ нѣчто вродѣ размѣнной монеты и даже налогъ въ королевскую казну выплачивается ими.

Въ королевствѣ Уганда, болѣе крупномъ и могущественномъ, чѣмъ другія, послѣ каждой военной экспедиціи король дарилъ своимъ любимцамъ сотни плѣнныхъ женщинъ, которыхъ пригоняли къ нему цѣлыми стадами. Плѣнницы становились или наложницами, или работницами, однако все же признавалось нужнымъ держать ихъ на привязи нѣкоторое время, чтобы онѣ не вздумали убѣжать.

Въ этомъ любопытномъ королевствѣ Уганда, которое капитанъ Спикъ назвалъ каррикатурой абсолютной власти, существуютъ еще, кромѣ войны, и другіе источники рабства. Монархъ считается собственникомъ своихъ подданныхъ и ихъ имущества и можетъ имъ распоряжаться, какъ вздумается; поэтому король Мтезы далъ Спику право забирать все, въ чемъ будетъ нуждаться онъ самъ или его люди, а королева мать вручила ему знакъ отличія—вѣнокъ изъ виноградныхъ листьевъ, дающій ему право забирать всѣхъ дѣтей, которыя ему понравятся, и дѣлать изъ нихъ своихъ рабовъ.

Но вездѣ въ этихъ областяхъ все-таки настоящая раба это—женщина. Очень понятно, что туземцы стараются обладать какъ можно большимъ числомъ такихъ существъ, изъ которыхъ они могутъ извлечь самую разнообразную пользу, и большею частью участь женщины не-рабы весьма мало отличается отъ участи женщины-рабыни, похищенной или купленной.

Восточная Африка, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи не болѣе цивилизована, чѣмъ западная, и даже, пожалуй, стоитъ ниже этой послѣдней, потому что нѣкоторыя изъ ея маленькихъ монархій, не смотря на относительную цивилизацію, все-таки сохраняютъ ужасные нравы антропофаговъ. Въ маленькихъ африканскихъ монархіяхъ мы видимъ, какъ самые ужасные обычаи уживаются рядомъ съ промышленною цивилизаціей, сравнительно уже достигшей нѣкотораго развитія. Военноплѣнныхъ съѣдаютъ безъ колебанія лишь тамъ, гдѣ не существуетъ еще настоятельной потребности въ рабахъ, и въ такихъ мѣстахъ война представляетъ скорѣе простую охоту на человѣческую дичь. Но вездѣ, даже тамъ, гдѣ уже введено рабство, большая часть тяжелой общественно-необходимой работы все-таки ложится на женщину.

Покончивъ съ областями, населенными дикими чернокожими племенами, мы должны разсмотрѣть теперь такія государства тропической Африки, гдѣ примѣсь болѣе развитой расы создала болѣе высокую цивилизацію и послужила толчкомъ къ развитію промышленности. Въ маленькихъ мусульманскихъ королевствахъ тропической Африки соціальный, промышленный и нравственный уровень замѣтно выше, чѣмъ въ первобытныхъ государствахъ, о которыхъ мы только что говорили. Политическая организація мусуль-

манскихъ королевствъ болѣе сложна, соціальная жизнь менѣе элементарна и промышленность сравнительно очень развита, что, конечно, оказываетъ вліяніе на организацію рабства. Въ Европѣ вообще не имѣютъ достаточно вѣрнаго понятія о степени развитія промышленной и торговой дѣятельности въ этой области Африки. Кромѣ фулаховъ, еще предпочитающихъ пастушескій образъ жизни, всѣ другія маленькія государства занимаются промышленными производствами. Мавры въ Сенегалѣ еще во времена Мунго Парка были опытными кузнецами, горшечниками и сыромятниками. Въ Бабагри въ особенности развито ткацкое и красильное производство; тамъ выдѣлывается тонкій холстъ на станкахъ, представляющихъ родъ пялецъ съ челнокомъ, только полотнища этого холста очень узки, не болѣе четырехъ дюймовъ въ ширину. Такихъ пялецъ въ нѣкоторыхъ домахъ бываетъ по восьми и даже десяти. Ткацкимъ ремесломъ занимаются преимущественно юноши, а красильнымъ—женщины. Окраска тканей производится въ большихъ глиняныхъ горшкахъ, въ которыхъ находится растворъ индиго. Подобнаго рода производство распространено во всѣхъ маленькихъ мусульманскихъ государствахъ, вплоть до самаго Тимбукту и Кано. Въ Сакату женщины прядутъ хлопчатую бумагу и часто прерываютъ работу, чтобы полюбоваться въ маленькое зеркальце на свои прекрасные зубы и глаза. Такъ какъ пряжа представляетъ сравнительно легкое занятіе, то она и предоставляется замужнимъ женщинамъ и состарѣвшимся рабамъ, къ которымъ питаютъ привязанность. Но главное производство въ Сакату — это выдѣлка козьихъ кожъ и окрашиваніе ихъ въ красный или желтый цвѣта.

Чѣмъ далѣе мы подвигаемся къ востоку, тѣмъ болѣе совершенствуются эти производства. Искусство ковать желѣзо также распространено и въ разныхъ областяхъ достигаетъ болѣе или менѣе различной степени развитія. Въ Каарта строютъ даже доменныя печи въ миніатюрѣ для плавленія руды. Такіе же остроумные приборы Швейнфуртъ встрѣчалъ и въ восточной Африкѣ, гдѣ они даже еще болѣе усовершенствованы и, пожалуй, представляютъ наслѣдіе древней эѳіопской цивилизаціи.

Всѣ эти маленькіе промышленные центры тропической Африки трудятся для экспорта; крупныя же торговыя сдѣлки совершаются въ двухъ главныхъ большихъ городахъ, Кано и Тимбукту. Промышленность и торговля въ Кано способствуютъ зажиточности населенія, что дѣйствуетъ смягчающимъ образомъ на нравы. Промышленность въ Кано имѣетъ семейный характеръ и большихъ фабрикъ совсѣмъ не существуетъ; каждый домъ представляетъ маленькую мастерскую, а въ деревняхъ, кромѣ того, занимаются

еще и полевыми работами. По словамъ Барта, эта область, повидимому, самая счастливая на земномъ шарѣ, такъ какъ она чрезвычайно плодородна, хлѣбъ рождается прекрасно и пастбищъ много. Но, съ другой стороны, эти богатства подвергаютъ страну постояннымъ нашествіямъ сосѣднихъ народовъ, такъ что населеніе должно быть всегда готово къ оборонѣ.

Торговля Кано очень обширна; она распространяется на западъ до самаго моря, на востокъ до Багорми, на сѣверѣ до Раша, Мурзука и Триполи. Въ Кано существуетъ рабство, но условія его не столь ужасны, какъ въ другихъ мѣстахъ, и это можно приписать какъ относительному богатству населенія, такъ и легкости промышленныхъ работъ, всегда приносящихъ доходъ и выполняемыхъ въ семьѣ. Канорисы не злоупотребляютъ охотой за невольниками, такъ какъ она имъ не доставляетъ особенныхъ выгодъ и они предпочитаютъ домашнихъ рабовъ, воспитанныхъ и выросшихъ въ семьѣ, а съ такими рабами даже очень дикія племена обращаются сравнительно мягче, чѣмъ съ другими. Торговля невольниками совершается и въ Кано, но невольники отправляются больше транзитомъ, да и то эта торговля не очень велика, такъ какъ черезъ Кано переправляется въ годъ не болѣе 5.000 рабовъ.

Общее довольство и мелкая домашняя промышленность оказываютъ въ Кано благодѣтельное вліяніе на нравы. Женщины не терпятъ слишкомъ дурного обращенія и не заваливаются черезчуръ работой, какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ трудъ ихъ можно утилизировать въ различныхъ домашнихъ промышленныхъ производствахъ, не требующихъ слишкомъ большой затраты мускульной силы, но требующихъ все-таки извѣстной тщательности, навыка и нѣкоторой доли понятливости, такъ что въ большинствѣ случаевъ ихъ нельзя бываетъ поручать простымъ рабамъ; женщина такимъ образомъ является очень полезною помощницей работника мужчины и онъ поневолѣ долженъ щадить ея силы. Рабы въ Кано большею частью употребляются для полевыхъ работъ и ухода за скотомъ, и такъ какъ во время этихъ работъ рабы находятся вдали отъ своего господина, то естественно, что они пользуются относительною независимостью. Къ тому же и магометанская религія оказываетъ даже нѣкоторое покровительство рабамъ—мусульманамъ, хотя главная причина тутъ заключается въ значительной примѣси берберской крови. Туареги или берберы Сахары обращаются очень хорошо со своими рабами, а въ Кано именно и преобладаетъ эта раса, какъ и во всѣхъ главныхъ городскихъ центрахъ этой промышленной области.

Примѣсь бѣлой крови далеко не имѣла такого благодѣтельнаго

вліянія на африканскихъ чернокожихъ. Извѣстно впрочемъ, что скрещиваніе расъ часто ведетъ къ тому, что къ метисамъ переходятъ скорѣе недостатки, нежели качества расы. Африканскій негръ, въ сущности, добродушенъ; это скорѣе импульсивный ребенокъ, хотя и способный даже на звѣрскіе поступки, но не столько вслѣдствіе природной жестокости сколько подъ вліяніемъ минуты. Однако фулахи, раса, образовавшаяся вслѣдствіе скрещиванія эѳіоповъ съ берберами, обладаютъ природною наклонностью къ жестокости и дѣлаютъ зло просто ради зла, съ наслажденіемъ.

Въ промышленныхъ мусульманскихъ центрахъ Судана, гдѣ сосредоточилась сравнительно болѣе высокая цивилизація, туземцы отлично сознаютъ, въ чемъ грѣшатъ наши европейскія учрежденія и на критическія замѣчанія путешественниковъ по поводу рабства и полигаміи отвѣчаютъ иногда очень мѣтко. Такъ, напримѣръ, въ Бурну одинъ знатный туземецъ приписалъ моногаміи наклонность къ пьянству, столь распространенную среди европейскихъ христіанъ. По его мнѣнію, несчастнымъ супругамъ, прикованнымъ на-вѣки другъ къ другу, ничего болѣе не остается, какъ топить горе въ винѣ, если бракъ ихъ бываетъ неудаченъ. А въ Сегу другой африканецъ-резонеръ пресерьезнымъ образомъ увѣрялъ, что въ Европѣ рабство далеко не уничтожено. «Я знаю, что у васъ не продаютъ людей,—сказалъ онъ,—но ваши солдаты, которыхъ начальникъ можетъ наказывать безъ суда, похожи на плѣнныхъ. Ваши земледѣльцы, хотя ихъ и не продаютъ другіе люди, все-таки вынуждены продаваться сами, чтобы жить». Всѣ туземцы Сенегамбіи дѣйствительно придаютъ значеніе только дѣйствительной, а не кажущейся индивидуальной свободѣ.

Разсматривая эволюцію рабства на черномъ континентѣ, мы видимъ, что на самомъ низу лѣстницы находятся Момбутту, соединяющіе самую первобытную жестокость съ нѣкоторою долей промышленной и художественной цивилизаціи; художественные инстинкты у нихъ довольно развиты и они обнаруживаютъ большое пристрастіе къ музыкѣ и танцамъ. Но къ несчастью у Момбутту нѣтъ скота и поэтому, несмотря на то, что они принадлежатъ къ болѣе высокой эѳіопской расѣ и на относительное развитіе художественныхъ вкусовъ, Момбутту все-таки сохранили каннибальскіе обычаи во всемъ ихъ первобытномъ ужасѣ. Рабства въ собственномъ смыслѣ этого слова у нихъ нѣтъ и они охотятся за людьми лишь для того, чтобы добыть человѣческаго мяса. Сравнительно съ Момбутту въ Угандѣ уже обнаруживается замѣтный прогрессъ: скотъ тамъ находится въ изобиліи и рабство уже существуетъ, но еще плохо организовано. Собственно говоря, весь народъ на-

ходится въ рабствѣ у короля. Изъ военныхъ экспедицій приводятъ преимущественно только плѣнныхъ женщинъ, поэтому надо предполагать, что мужчины большею частью умерщвляются. Изъ этого стада плѣнницъ король выбираетъ тѣхъ, которыя ему понравятся, остальныхъ же раздаетъ своимъ придворнымъ. Чтобы очистить мѣсто въ своемъ гаремѣ, онъ ежедневно отправляетъ на бойню тѣхъ, которыя ему надоѣли и отъ которыхъ онъ желаетъ избавиться.

Послѣ Уганды идутъ Дагомей и Ашанти, гдѣ рабство уже окончательно организовано и населеніе занимается скотоводствомъ и земледѣліемъ. Тамъ есть уже цѣлый классъ домашнихъ рабовъ, съ которыми обращаются сравнительно мягко, но первобытные кровожадные инстинкты племени все-таки еще не исчезли. Такъ какъ классъ домашнихъ рабовъ существуетъ давно и не особенно нуждается въ пополненіи, то отъ военно-плѣнныхъ, которыхъ теперь трудно продать, избавляются посредствомъ торжественныхъ жертвоприношеній, освященныхъ и поддерживаемыхъ религіей.

Переходя къ маленькимъ королевствамъ метисовъ и мусульманъ, мы находимъ уже болѣе развитую цивилизацію особенно съ промышленной точки зрѣнія; промышленность эта измѣнила и остальной строй жизни. Каннибализмъ исчезъ; исчезли также и жертвоприношенія рабовъ. Многочисленные рабы занимаются полевыми работами и пасутъ стада, свободные же люди не пренебрегаютъ ручнымъ трудомъ и каждая хижина представляетъ своего рода маленькую мастерскую, въ которой мужчины и женщины занимаются ремеслами, достигшими сравнительно большого развитія.

Безъ сомнѣнія, тутъ замѣчается большой прогрессъ, особенно въ сравненіи съ Момбутту и дагомейцами, но не слѣдуетъ все-таки думать, что въ этихъ маленькихъ промышленныхъ королевствахъ жизнь легка для слабыхъ и беззащитныхъ, т. е. для женщинъ и рабовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(*Продолженіе* *).

XI.

Шеллингъ родился поэтомъ и очень долго дышалъ поэтическимъ воздухомъ современной Германіи. Необыкновенная, очень ранняя талантливость въ философскихъ вопросахъ не мѣшала первому германскому властителю русскихъ думъ до конца сохранять въ себѣ сильную поэтическую закваску. Именно одинъ изъ первыхъ русскихъ прозелитовъ нѣмецкой философіи отъ лекцій Шеллинга вынесъ совершенно опредѣленное и очень богатое послѣдствіями впечатлѣніе: «Шеллингъ поэтъ тамъ, гдѣ даетъ волю естественному стремленію своего ума». И слушатель выражаетъ даже увѣренность, что Шеллингъ писалъ въ молодости стихи [19]).

Догадка вполнѣ справедливая.

Девятнадцати лѣтъ Шеллингъ блестяще усвоилъ философію Фихте и написалъ нѣсколько произведеній въ духѣ учителя. Но въ то же время молодой философъ воспринималъ обильныя вліянія другой области — романтической поэзіи, лично былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ главнѣйшими романтиками—Тикомъ, Августомъ и Фридрихомъ Шлегелями и фантастичнѣйшимъ изъ нихъ — Новалисомъ. Эта среда и вызвала его самого на стихотворное творчество.

Стихи оказались мимолетнымъ увлеченіемъ; несравненно болѣе глубокіе слѣды въ умственномъ развитіи Шеллинга оставило романтическое міросозерцаніе, особенно романтическія воззрѣнія на искусство.

Романтическая литературная школа и поразительные успѣхи естествознанія—основные факты въ возникновеніи и въ развитіи

---

*) См. Міръ Божій, № 6, іюнь.

[19]) Ив. Кирѣевскій въ письмѣ къ А. Кошелеву. *Полное собраніе сочиненій.* Москва 1861, стр. 15, 18.

шеллингіанства. По существу оба факта вели къ совершенно гармонической системѣ, хотя и далеко не ясной и логической во всѣхъ подробностяхъ.

Для романтиковъ поэзія, искусство не только творческія силы, а высшее духовное явленіе, душа міра, сущность человѣческаго развитія. Этотъ взглядъ неуклонно развивался Шиллеромъ, независимо отъ спеціальныхъ романтическихъ теорій. Художественная геніальность и человѣческое совершенство для него тожественны. Эстетическое воспитаніе человѣчества значитъ идеально-гармоническое развитіе двухъ основныхъ сторонъ нашего нравственнаго міра—чувства и разума, природы и свободы.

Естественно *красота* и—*истина* понятія, совпадающія другъ съ другомъ [20]). Но Шиллеръ такъ думалъ только въ минуты лирическаго восторга и сознательно не совершилъ всего пути къ культу искусства; на долю романтиковъ осталось еще очень многое.

Шиллеръ строго разграничивалъ *красоту* и *мораль*, эстетическую оцѣнку отъ нравственной, указывалъ психологическую основу противорѣчій и приводилъ убѣдительные примѣры [21]). Романтики, въ качествѣ бурныхъ геніевъ не желали знать никакихъ оговорокъ и довели идеализацію искусства и генія до всеобъемлющей силы и величія.

Поэзія—истинное откровеніе міра, высшая сущность, внѣ ея нѣтъ ни религіи, ни философіи, ни познанія.

Геній, т. е. творческая сила—абсолютная личность, *я* фихтіанской системы. Здѣсь романтизмъ шелъ рядомъ съ учителемъ Шеллинга, но отнюдь не ради его цѣлой системы и практическихъ выводовъ, а перенося только его представленіе о субъектѣ на свое понятіе геніальнаго художника. Это воплощенная личная свобода, могущество внѣ законовъ, границъ и контроля, вполнѣ самодовлѣющій міръ.

Но не единственный, иначе изъ системы получается отвлеченная мораль, сплошная практическая тенденція, исчезаетъ художественная гармонія и всякая поэтическая таинственность. Философія въ результатѣ распадается на цѣлый рядъ болѣе или менѣе частныхъ правилъ нравственнаго и политическаго содержанія.

Совершенно другой результатъ, если *я*, т. е. *генія* противоставить другому міру, *природѣ*, точнѣе, не противоставить, а привести въ естественную органическую связь.

---

[20]) Шиллеръ. *Художники.*

[21]) Въ статьяхъ *Мысли объ употребленіи пошлаго и низкаго въ искусствѣ* и *О нравственной пользѣ эстетическихъ правилъ.*

Потому что геній, училъ еще Шиллеръ, та же природа. Отличительная черта генія—торжество надъ разными хитростями и уловками ума, рѣшеніе самыхъ запутанныхъ задачъ «съ незатѣйливою простотой и легкостью», по внушенію природы. Отсюда вѣчная наивность, непосредственность генія [22]).

Если вся сила генія въ его безсознательномъ сліяніи съ природой, въ голосѣ и внушеніяхъ природы именно ему, генію,—очевидно творческое вдохновеніе ничто иное, какъ раскрытіе природы, освѣщеніе ея тайнъ, и искусство—единственная истинная *философія природы*.

Но подлинное опредѣленіе этого процесса не философія, а *созерцаніе*, *интуиція*, вообще нѣчто противоположное логикѣ и опытному знанію, непроизвольное и таинственное.

Такова романтическая теорія искусства и творчества. Существенная для насъ черта этой теоріи сліяніе искусства и высшаго познанія, философіи и поэзіи, идей и вдохновенія.

Все это означало самое выспреннее превознесеніе искусства и творческаго таланта. Никогда ни одна литературная школа не увѣнчивала такой славой и блескомъ поэта во имя его дарованія, не отводила такого исключительнаго мѣста въ человѣческой дѣятельности поэзіи ради нея самой, какъ романтизмъ.

Сильная художественная даровитость, несомнѣнно, самое яркое свидѣтельство оригинальности личности, и романтики ни на шагъ не отстали отъ Фихте: во имя искусства создавали такой же идеальный субъективизмъ, какой у философа служилъ политикѣ.

Практическіе результаты очевидны.

Сколько бы ни было безпорядочной, часто туманной декламаціи въ проповѣдяхъ романтиковъ, они первые среди писателей-художниковъ рѣшились установить на общихъ идейныхъ основахъ великое призваніе поэта. Толкуя съ самой возвышенной точки поэтическое творчество, его психологію и его идейное содержаніе, они тѣмъ самымъ создали совершенно новыя общественныя и нравственныя права для писательской дѣятельности.

Но этого мало. Вопросъ имѣлъ и другую сторону, неразрывно связанную съ понятіемъ о поэзіи.

Разъ поэтъ—глашатай высшихъ тайнъ, такое назначеніе налагало на его личность и направленіе его таланта исключительныя нравственныя обязательства.

Романтики путемъ психологіи и эстетики дошли до тѣхъ самыхъ выводовъ относительно значенія «политическихъ способно-

---

[22]) *Наивная и сентиментальная поэзія.*

стей», какіе были высказаны сенъ-симонистами ради практическихъ цѣлей. Это невольное совпаденіе романтизма съ одной изъ современныхъ ему философскихъ школъ. Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію непосредственное и въ высшей степени глубокое воздѣйствіе романтизма на шеллингіанство. Можно сказать даже, вся шеллингіанская философія искусства, для насъ особенно цѣнная, прямое наслѣдство романтическаго литературнаго направленія.

XII.

Шеллингъ, въ сущности, не оставилъ единой цѣльной философской системы, онъ нѣсколько разъ вносилъ поправки даже въ основныя положенія своей философіи, до конца находился въ процессѣ философскаго развитія, принимавшаго съ теченіемъ времени все болѣе смутныя и произвольныя формы.

Первичная наклонность къ поэтическому творчеству въ ущербъ логическому процессу довольно легко перешла въ фантазёрство, а романтическая идея о всепроникающемъ взорѣ художественнаго таланта выродилась въ самый подлинный мистицизмъ.

Эта разбросанность шеллингіанской мысли была ясна даже русскимъ послѣдователямъ философа, и одинъ изъ ученыхъ родоначальниковъ русскаго шеллингіанства — Галичъ — отдавалъ себѣ отчетъ въ недостаткахъ излюбленной системы [23]). Это не мѣшало Шеллингу навербовать многочисленныхъ восторженныхъ поклонниковъ среди русской молодежи. Впослѣдствіи мы увидимъ, чего искала и что нашла эта молодежь въ шеллингіанствѣ.

Но очевидно одно: Шеллингъ, при всей сбивчивости и отрывочности своей системы, отвѣтилъ на жгучіе запросы современнаго общества.

Его заслуги начинаются съ того, что онъ въ философіи возстановилъ права природы, внѣшняго міра. Никакого особенно смѣлаго и оригинальнаго шага не требовалось для этого возстановленія.

Естествознаніе совершало блестящія и непрерывныя завоеванія и увлекало за собой философа. Гёте былъ однимъ изъ самыхъ эффектныхъ завоеваній современной могущественнѣйшей и модной науки. Русскому поэту удалось съ удивительной точностью опредѣлить сущность гетевскаго поэтическаго таланта и всего міросозерцанія:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ...

---

[23]) *Исторія философскихъ системъ.* Спб. 1818—1819, кн. 2, стр. 293.

Это значило выполнять романтическій идеалъ художественнаго творчества, воплощать генія въ его подлинной природѣ и истинѣ.

И ни у кого правда и поэзія именно *природы* не сливались въ такой гармоніи, какъ у Гёте.

Усердныя занятія естественными науками будто подсказывали поэту все новые поэтическіе мотивы и расширяли его умственный кругозоръ до безграничной увлекательной перспективы пантеистическаго созерцанія дивныхъ «матерей», таинственныхъ, но неотразимо краснорѣчивыхъ стихій бытія.

Гёте явился прообразомъ Шеллинга—болѣе полнымъ, чѣмъ романтики. У автора Фауста, помимо лирическихъ восторговъ предъ природой, былъ большой запасъ чисто-научнаго интереса къ ней и умѣнья даже подробностями естественно-научныхъ открытій пользоваться съ творческими цѣлями.

Изученіе явленій природы, по сознанію Гёте, дисциплинировало его умъ и образовало въ извѣстномъ направленіи его поэтическій талантъ.

«Не занимайся я естественными науками,—говорилъ онъ,—я никогда не узналъ бы, каковы люди. Ни въ какой другой области нельзя до такой степени прослѣдить чистое воззрѣніе и мышленіе, ошибки чувствъ и ума, слабость и силу характера. Всюду все болѣе или менѣе шатко и неустойчиво, со всякимъ можно болѣе или менѣе сговориться; но природа не допускаетъ шутокъ, она всегда правдива, всегда серьезна и строга; она вся—правда: ошибки и заблужденія всегда зависятъ отъ людей» [24]).

При такихъ воззрѣніяхъ Гёте могъ привѣтствовать систему Шеллинга, какъ философское поясненіе и обоснову своей поэзіи.

Шеллингъ нѣкоторое время изучалъ математику, физику, химію и даже медицину, въ теченіе всей жизни не упускалъ изъ виду ни одного естественно-научнаго открытія и стремился немедленно ввести его въ свою систему.

Итакъ, *природа* должна занять мѣсто рядомъ съ *я*.

Но въ какихъ же отношеніяхъ находятся между собой эти два міра?

Отвѣтъ опять подсказанъ естественными науками. Это, въ сущности, *единый* міръ, природа осуществляетъ въ своемъ развитіи тѣ же законы, какіе лежатъ въ основѣ нравственнаго міра.

Эта истина ясна изъ самаго простого соображенія.

Почему мы познаемъ природу, почему даже вообще разсчитываемъ на плодотворность нашихъ наблюденій и опытовъ?

---

[24]) *Разговоры Гёте, собранные Эккерманомъ.* Перев. Аверкіева, Спб. 1891. II, 146.

Потому что мы можемъ понять ее. А это мыслимо въ единственномъ случаѣ, когда законы природы соотвѣтствуютъ, точнѣе, совпадаютъ съ законами нашего духа. Иначе книга природы для насъ оставалась бы навсегда недоступной.

Ясно, уже существованіе естественныхъ наукъ само по себѣ создавало исходный принципъ шеллингіанской философіи. Если люди понимаютъ другъ друга,—единственно потому, что у каждаго изъ нихъ мысль подчиняется тожественнымъ логическимъ законамъ, то же самое необходимо предположить и относительно объекта и субъекта, будь это внѣшній міръ и личность.

Гёте, подчиняясь своей, по преимуществу, поэтической природѣ, задумывалъ создать *поэму природы*, своего рода эпосъ съ героями естественными силами, Шеллингу-философу оставалось развить *философію природы*. И онъ выполнилъ свою задачу, оставаясь на вполнѣ логическомъ послѣдовательномъ пути—даже въ мистическихъ выводахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если *я* и *природа* представляютъ единство, возникаетъ вопросъ: какъ постигнуть его? Какъ установить *общее начало* духа и внѣшнихъ явленій?

Оно, очевидно, заключаетъ въ себѣ сліяніе двухъ принциповъ—свободы, т. е. разума и необходимости, т.-е. естественнаго развитія.

Природа не подчинена деспотическому закону цѣлесообразности, т. е. въ ея жизнь не вмѣшивается сила, ей посторонняя и чуждая.

Природа живетъ по законамъ, въ ней самой заключеннымъ, ея развитіе *необходимо*, но результаты его оказываются въ то же время *разумны*, *цѣлесообразны*. Организмы, несомнѣнно, являются воплощеніемъ принципа цѣлесообразности, т. е. разумной свободы.

Органическая жизнь—ступень, гдѣ безсознательное творчество природы переходитъ въ сознательный, цѣлесообразный результатъ.

Итакъ, сліяніе *необходимости* и *свободы*, *природы* и *разума*, единственно полное представленіе о міровомъ процессѣ.

Внѣ этой идеи только два выбора: или матерію отожествить съ разумомъ, или устранить представленіе объ органическомъ развитіи, матерію безусловно подчинить внѣшней силѣ и весь жизненный процессъ такимъ путемъ превратить въ искусственный.

Ни то, ни другое объясненіе, по мнѣнію Шеллинга, не удовлетворяетъ ни логикѣ, ни научнымъ фактамъ.

Логически, слѣдовательно, единство опредѣлено, абсолютный принципъ установленъ. Это ни всепоглощающее и всетворящее *я* Фихте, ни всенаполняющее себѣ довлѣющее инертное вещество матеріалистовъ, это *необходимо разумное*, *естественно-цѣлесообразное*.

Остается существеннѣйшая задача: какъ человѣческій умъ можетъ этотъ логическій результатъ сдѣлать достояніемъ своего сознанія, т. е. воспринять его не какъ внѣшній выводъ, а какъ моментъ своего бытія?

Гёте, воспѣвая природу, считалъ сущность ея недосягаемой для разсудка.

«Человѣкъ долженъ обладать способностью возвыситься до *высочайшаго разума*, дабы прикоснуться къ божеству, которое открывается въ первичныхъ явленіяхъ, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ; оно скрывается за ними и они переходятъ отъ него».

И мы знаемъ, этотъ *высочайшій разумъ* даже для трезваго положительнаго ума Гёте часто значилъ нѣчто для здраваго смысла мало доступное или даже совсѣмъ невразумительное.

Напримѣръ, автору Фауста очень часто приходилось *фантазію* ставить на недосягаемую высоту сравнительно съ умомъ.

«Если бы при помощи фантазіи,—говорилъ Гёте,—не создавались вещи, которыя останутся на вѣки загадкой для ума, то фантазія немного бы стоила».

И поэтъ на личномъ примѣрѣ оправдывалъ этотъ взглядъ, допускалъ въ свои произведенія образы и идеи, ему самому, повидимому, неясныя, во всякомъ случаѣ, не поддававшіяся точному толкованію.

Разъ у него спросили: что онъ разумѣлъ въ сценѣ, гдѣ Фаустъ идетъ къ *матерямъ*.

Въ отвѣтъ, разсказываетъ разсказчикъ, «Гёте, по своему обычаю, закутался въ таинственность и, глядя на меня большими глазами, повторялъ: «матери! матери! какъ это странно звучитъ!» [25]).

Вопросъ о *матеряхъ* какъ разъ касался конечнаго вопроса философіи, познанія принципа, управляющаго міромъ.

Шеллингъ этотъ принципъ свелъ къ *абсолютному тождеству* міра нравственнаго и міра природы. Но самый терминъ ничего не объяснялъ и ничего не доказывалъ. Звучалъ онъ не менѣе «странно», чѣмъ гётевскія *матери*. Но вопросъ: *яснѣе* ли и было ли у Шеллинга болѣе удовлетворительное средство раскрыть тайну, чѣмъ «большіе глаза» и загадочныя восклицанія?

Средства логическаго и научнаго, т. е. доказательнаго, не могло быть, въ силу ограниченныхъ способностей человѣческаго ума. Онъ можетъ только постигать отдѣльныя явленія и частные

---

[25]) *O. cit.* II, 6, 219.

законы природы и духа, но охватить единое міровое начало, внѣ предѣловъ человѣческаго вѣдѣнія.

Оставался другой путь, по существу тотъ самый, какой Гёте превозносилъ въ ущербъ разсудку,—путь воображенія, фантазіи, поэтическаго вдохновенія, художественнаго творчества, т. е. *созерцаніе* вмѣсто *разсужденія*, искусство вмѣсто философіи.

XIII.

Мы видимъ, какъ мало Шеллингу потребовалось самостоятельныхъ усилій мысли и въ основныхъ положеніяхъ его системы, и въ окончательномъ выводѣ.

За права природы, въ философіи и поэзіи, поднимались первостепенные современные умы и таланты. Если Гёте только ограничился замысломъ, написать эпосъ или драму природы, французскій академикъ Лемерсье выполнилъ тему. Онъ сочинилъ поэму *Атлантіаду*, гдѣ вмѣсто греческой миѳологіи царила физика и дѣйствующія лица воплощали *равновѣсіе*, *тяготѣніе*, *центробѣжную силу*, разные металлы и даже математическія науки.

Это въ полномъ смыслѣ шеллингіанское, хотя и очень грубое произведеніе. Нѣмецкій философъ не могъ дойти до такихъ уродливыхъ результатовъ, но сущность его мысли—прямое достояніе его старшихъ и младшихъ современниковъ.

Заслуга Шеллинга ограничивается талантливой систематизаціей ходячихъ мыслей и фактовъ, искусствомъ отвлеченной идеологіи сообщить привлекательность поэзіи, а фантастическіе выводы сдобрить научнымъ соусомъ.

Это поистинѣ артистическое соединеніе искони, по мнѣнію Платона, враждебныхъ силъ выгодно отразилось даже на неоригинальныхъ соображеніяхъ и на туманныхъ, чисто-вдохновенныхъ обобщеніяхъ.

Даровитѣйшій нѣмецкій историкъ философіи съ восторгомъ говоритъ о благотворныхъ вліяніяхъ шеллингіанства на науку [26]). И историкъ правъ. Шеллингъ доказалъ абсолютное тожество законовъ духа и природы; въ природѣ развивается и осуществляется духъ, природа реализуетъ законы духа.

Результаты этой идеи для естествознанія очевидны, прежде всего для физики — единство физическихъ силъ, для біологіи— единство развитія организмовъ, т. е. дарвиновская теорія. Шеллингъ устранилъ пропасть между неорганической природой и ор-

[26]) *Geschichte der neueren Philosophie*, VI Band. Heidelberg 1894, pp. 323 etc.

ганизмами, т. е. погубилъ витализмъ, съ другой стороны—связалъ низшіе организмы съ высшими необходимой естественной связью, т. е. доказалъ несостоятельность вмѣшательства метафизики въ естествознаніе.

Мы видѣли, на всѣ эти идеи Шеллинга наталкивало то же естествознаніе, но никто изъ философовъ не успѣлъ изъ этихъ внушеній создать цѣлое міросозерцаніе, способное вдохновить новыя научныя силы по извѣстному пути изслѣдованій. И мы впослѣдствіи встрѣтимъ среди русскихъ шеллингіанцевъ страстную любовь къ естественнымъ наукамъ, и какъ разъ талантливѣйшіе шеллингіанцы будутъ именно по спеціальному образованію—естественники.

Шеллингіанство, слѣдовательно, первая философская система, многому научившаяся отъ опытныхъ наукъ, но зато первая же и оказавшая ихъ популярности и развитію величайшія услуги.

Міръ—органическое цѣлое—истина, ставшая во главѣ всего умственнаго развитія нашего вѣка. Однимъ изъ первыхъ апостоловъ ея былъ и оставался Шеллингъ.

Но чѣмъ шире идея, тѣмъ больше риску она представляетъ въ приложеніяхъ и выводахъ.

Одинъ изъ самыхъ раннихъ русскихъ шеллингіанцевъ — Велланскій, оставилъ рядъ сочиненій, прославившихся своей невразумительностью и самыми странными аналогіями и обобщеніями будто бы на почвѣ естествознанія [27]). Но когда русскій философъ производилъ удивительнѣйшія операціи надъ «магнетизмомъ, электрицизмомъ и хемизмомъ», когда мужескій полъ признавалъ типомъ центробѣжнымъ и соотвѣтствующимъ свѣту, а женскій центростремительнымъ и соотвѣтствующимъ тяжести, и даже гордился такимъ «познаніемъ вещей»,—все это являлось подлинными отголосками шеллингіанства.

Надо было только допустить въ область философіи фантазію и творчество, и принципъ абсолютнаго тожества немедленно порождалъ самыхъ уродливыхъ дѣтищъ путемъ параллелизма между психологіей и физикой или химіей.

Самъ Шеллингъ, конечно, не могъ ограничиться только усвоеніемъ фактовъ и болѣе или менѣе опредѣленныхъ выводовъ естественныхъ наукъ, онъ прямо устремился къ систематизаціи природы по отвлеченнымъ понятіямъ, т. е. къ насильственной укладкѣ

---

[27]) Ср. М. Филиппов—*Судьбы русской философіи. Русское Богатство*, 1894, III, 139 etc. Здѣсь довольно подробное изложеніе «философическаго умозрѣнія» Веллонскаго.

естественныхъ явленій въ разсудочныя рамки, въ интересахъ конечнаго стройнаго вывода.

Легко представить, сколько произвола и фантазёрства должно было возникнуть при такомъ философствованіи!

Творчество философа безпрестанно опережало реальную дѣйствительность и независимо отъ познанія самого абсолюта съ помощью вдохновенія и созерцанія, на каждомъ шагу впадало въ мистицизмъ и метафизическую риторику даже при объясненіи частныхъ вопросовъ.

Это, мы уже указывали, вина собственно не лично Шеллинга, а самой задачи. Но увлеченіе философа несомнѣнно. Онъ неуклонно погружался въ непроницаемый туманъ откровеній, не имѣвшихъ ничего общаго съ его ранними наставницами—естественными науками.

Такое движеніе шеллингіанства можно было предусмотрѣть заранѣе, лишь только философъ назвалъ источникъ высшаго человѣческаго познанія—поэзію, искусство.

Здѣсь опять извѣстная личная заслуга Шеллинга, именно въ остроумномъ сопоставленіи человѣческаго творчества съ творчествомъ природы.

Мы видѣли, жизнь природы развивается по законамъ и въ то же время цѣлесообразно, процессъ одновременно и необходимъ, и разуменъ.

То же самое и поэтическое творчество.

Оно въ совершенной гармоніи сливаетъ вдохновеніе и сознаніе, т. е. нѣчто непроизвольное, стихійное съ требованіями разума.

Художникъ сознательно приступаетъ и ведетъ свое дѣло, но результатъ работы создается при помощи другой силы, чѣмъ разсудокъ и критика, въ немъ всегда заключается *больше*, чѣмъ было въ сознаніи художника.

Поэтъ можетъ тщательно контролировать *процессъ* своей работы, но онъ не можетъ подчинить контролю *плодъ* ея, не можетъ предсказать его содержаніе и охватить его смыслъ. Все это—созданіе безсознательной творческой силы, и истинное произведеніе искусства—воплощеніе такой же гармоніи необходимости и разума, какъ и міровое начало.

Очевидно, творчество единственный путь къ абсолютному тожеству и искусство—высшая ступень человѣческой мудрости. Только благодаря творческой способности, человѣкъ усвоиваетъ смыслъ мірового процесса и познаетъ тайну мірового единства.

На основаніи этого представленія Шеллингъ снабдилъ, конечно, искусство самыми выспренними опредѣленіями, совпалъ вполнѣ съ лиризмомъ романтиковъ. И мы имѣемъ всѣ основанія приписать

Шеллингу тѣ же заслуги, какія стяжали романтики провозглашеніемъ самостоятельнаго достоинства и великаго идейнаго значенія искусства.

Но и здѣсь рядомъ съ заслугами не слѣдуетъ забывать безусловно отрицательныхъ результатовъ.

Объявить искусство высшимъ проявленіемъ человѣческой природы, значитъ устранить шиллеровское настоятельное указаніе, насколько различна эстетическая стихія отъ нравственной и до какой степени скользкій путь—слѣдовать внушеніямъ только эстетическаго характера.

Въ области эстетики рѣшительную роль играетъ воображеніе и все, что увлекаетъ его, вызываетъ положительное чувство, напримѣръ, сила. «Самое дьявольское дѣло,—говоритъ Шиллеръ,—можетъ намъ эстетически нравиться, какъ скоро обнаруживаетъ силу».

И Шиллеръ счелъ нужнымъ подробно оцѣнить «опасность эстетическихъ нравовъ». Нравственность, основанная на чувствѣ прекраснаго, вообще на художественномъ вкусѣ, не выдерживаетъ критики.

Устами Шиллера говорилъ истинный «просвѣтитель», гражданинъ. Другія рѣчи характеризовали бы чистаго художника. А это и былъ бы крайній послѣдователь шеллингіанской теоріи искусства [28]). Здѣсь *правда* отожествлялась съ *красотой*, заключались, слѣдовательно, сѣмена самаго разнузданнаго символизма и эстетизма.

И мы, дѣйствительно, встрѣтимся съ цвѣтами, если не съ плодами этихъ сѣмянъ,—у русскихъ шеллингіанцевъ.

Столько разнороднѣйшихъ элементовъ заключалось въ системѣ нѣмецкаго философа, вызвавшаго въ Россіи первое глубокое и жизненно-вліятельное философское возбужденіе.

Не легко было ученикамъ разобраться въ этомъ сплетеніи идей, притомъ еще не всегда разчлененныхъ и уясненныхъ самимъ учителемъ.

Трудность увеличивалась не только раннимъ поверхностнымъ знакомствомъ русскихъ просвѣщенныхъ людей съ философіей, но и культурной и общественной средой, менѣе всего приспособленной къ спокойному независимому росту философской мысли.

Наконецъ, именно такая среда вызвала у лучшихъ, благороднѣйшихъ умовъ особенно настоятельные нравственные запросы къ философіи, ставила философію въ положеніе единственной учитель-

---

[28]) Ср. Гаймъ, *Романтическая школа*, Москва 1891, 555.

ницы жизни—личной и общественной и болѣе всего способствовала превращенію школы въ секту, философовъ въ проповѣдниковъ.

Эти неминуемыя послѣдствія философскихъ увлеченій на русской почвѣ создавали, въ свою очередь, идейную страстность, приподнимали температуру философской среды и вносили въ развитіе и смыслъ системъ менѣе всего организующую стихію.

Если мы примемъ во вниманіе всѣ эти условія, окружавшія русскія философскія поколѣнія, если оцѣнимъ сопутствующія обстоятельства даже въ самомъ общемъ, съ перваго взгляда ясномъ, смыслѣ, мы отдадимъ справедливость доброй волѣ и талантливости раннихъ русскихъ учениковъ философіи, мы даже признаемъ: врядъ ли гдѣ возвышенныя представленія Сенъ-Симона, Фихте, Шеллинга о нравственномъ и общественномъ назначеніи философа осуществлялись въ такой полнотѣ, какъ въ русской литературѣ философскаго періода.

XIV.

Въ теченіе всего XVIII-го вѣка понятіе *философіи* въ Россіи имѣло два значенія: или нарочито-темнаго царства педантизма и схоластики или чрезвычайно доступной, но ровно настолько же легковѣсной системы энциклопедистовъ. У той и у другой философіи были свои поклонники и враги.

Схоластика издавна пріютилась въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и внушала не то оторопь, не то брезгливость, такъ называемому просвѣщенному обществу, т. е. аристократической интеллигенціи.

Вольтеріанство производило опустошенія среди этой самой интеллигенціи и вызывало искреннее презрѣніе и ненависть у знатоковъ «настоящей» философіи, требующей исключительныхъ усилій логики и діалектики.

При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о замѣтныхъ литературныхъ вліяніяхъ философской мысли.

Философія, какъ предметъ научнаго изученія, до конца XVIII-го вѣка существовала только въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ. Этотъ философскій разсадникъ стоитъ во главѣ всей русской академической и профессорской философіи. Отсюда вышли первые учителя философской молодежи, т. е. будущихъ дѣятелей на поприщѣ критики и публицистики. Здѣсь гораздо раньше университетовъ были переведены и тщательно усвоены тѣ самыя системы германскихъ философовъ, какимъ предстояло выполнить

руководящую роль въ умственномъ развитіи даровитѣйшихъ писателей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Первоисточникъ русской философской жизни—кіевская духовная академія. На сѣверѣ философія стала прививаться одновременно съ основаніемъ московской славяно-греко-латинской академіи, въ 1682 году. Въ программу входило преподаваніе философіи: *разумительной*, *естественной* и *нравной*, т. е. вся область отвлеченнаго и нравственнаго мышленія, вмѣстѣ съ философскимъ толкованіемъ результатовъ опытныхъ наукъ.

Это толкованіе съ самаго начала должно было ограничиться крайне скромными предѣлами, по самому духу просвѣщенія, царствовавшему на духовныхъ каѳедрахъ. Но, во всякомъ случаѣ, въ теченіе цѣлаго вѣка академическая и семинарская наука не прерывала связей, по крайней мѣрѣ, вообще съ движеніемъ западной философской мысли. Приспособляя ее даже къ опредѣленнымъ, отнюдь не всегда философскимъ цѣлямъ, пропитывая ее схоластическимъ формализмомъ, она въ извѣстной степени изощряла мысль своихъ питомцевъ на вопросахъ высшаго порядка и невольно подготовляла умственную почву для будущихъ, болѣе живыхъ и полныхъ воспріятій.

Эта услуга тѣмъ важнѣе въ культурномъ отношеніи, что философія свѣтской наукой является только съ основанія московскаго университета. Но и это начало совершилось не при добрыхъ предзнаменованіяхъ. Въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій университетская философія напоминаетъ экзотическое растеніе, съ трудомъ прививающееся къ неблагодарной почвѣ и ежеминутно угрожаемое крайне суровыми стихіями. А потомъ, и сама по себѣ она долго не можетъ отдѣлаться отъ вѣкового наслѣдства—отъ педантизма, узости и безжизненности идей. Именно стихіи здѣсь занимали первенствующее мѣсто. Безъ ихъ вмѣшательства русская свѣтская философія, повидимому, съ самого начала приняла бы болѣе свѣтлое и широкое направленіе.

По крайней мѣрѣ, у первыхъ студентовъ и ученыхъ не было недостатка ни въ талантливости, ни въ смѣлости.

Профессоръ московскаго университета, Поповскій, ученикъ Ломоносова представлялъ себѣ самыя отрадныя перспективы русской философской мысли. Намъ приходилось говорить объ его статьѣ въ *Ежемѣсячныхъ Извѣстіяхъ;* она дышитъ восторженной вѣрой въ предметъ, какъ разъ менѣе всего внушавшій довѣрія въ половинѣ XVIII-го вѣка. Поповскій возлагалъ блестящія надежды на философскія способности русскаго языка. Считая философію матерью всѣхъ наукъ и искусствъ, онъ не видѣлъ

никакихъ препятствій его успѣшному расцвѣту въ русскомъ университетѣ и въ русской литературѣ.

Ближайшіе факты шли на встрѣчу этимъ надеждамъ.

Со второй половины XVШ-го вѣка русскіе молодые люди, посылаемые заграницу, помимо языковъ, литературы, естественныхъ наукъ, начинаютъ интересоваться и основнымъ оригинальнѣйшимъ явленіемъ германской цивилизаціи—ея философіей, тѣмъ самымъ *нѣмецкимъ идеализмомъ*, какой впослѣдствіи будетъ проповѣдовать Сталь своимъ соотечественникамъ.

До какой степени быстро и устойчиво къ русскимъ юнымъ душамъ прививались сѣмена этого идеализма, показываетъ краснорѣчивѣйшая художественная характеристика русской идеалистической психологіи.

«Съ душою прямо *геттингенской*», — говоритъ Пушкинъ о Ленскомъ, — и весьма точно поясняетъ, что́ значило обладать геттингенской душой.

Одновременно поклоняться Канту и быть поэтомъ, собирать плоды учености и питать вольнолюбивыя мечты... Въ результатѣ, естественно, «духъ пылкій и довольно странный»...

Сліяніе философіи съ поэзіей, восторженныхъ рѣчей съ искренней страстью къ наукѣ,—такъ рисуется юный русскій философъ первой четверти XIX-го вѣка.

Эти черты, съ изумительной проницательностью отмѣченныя поэтомъ, останутся до конца самыми типичными для русскаго философскаго поколѣнія.

Любопытно обозначеніе типа именно *геттингенской* душой. Это—опять точное отраженіе исторіи.

Геттингенъ, по преимуществу, снабжалъ русскія учебныя заведенія профессорами. За вторую половину прошлаго вѣка въ его спискахъ безпрестанно встрѣчаются имена, увѣнчавшія себя въ Россіи плодотворной общественной или ученой дѣятельностью.

Геттингенскій университетъ не воспитывалъ исключительно отвлеченныхъ идеалистовъ и мечтателей. Его культурныя вліянія выходили далеко за предѣлы спеціально-нѣмецкаго прекраснодушія, вполнѣ соотвѣтствовали жизненному направленію просвѣтительной эпохи, даже въ самыхъ отважныхъ своихъ идеалахъ ни на минуту не упускавшей изъ виду земныхъ интересовъ человѣчества.

Въ Геттингенѣ оказывался богатый запасъ умственной пищи и для романтика Ленскаго, и для Николая Тургенева, автора книги о налогахъ, и для Кайсарова, автора первой попытки поставить вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права на научную почву,

и для Куницына—знаменитѣйшаго юриста своего времени, автора перваго русскаго ученаго и въ то же время политически-значительнаго сочиненія объ естественномъ правѣ.

По этимъ примѣрамъ можно судить о богатствѣ умственнаго капитала, вывозимаго русскими студентами изъ Геттингена. Оно до такой степени разнообразно и полно практическаго смысла, что за весь періодъ философскихъ увлеченій къ раннимъ задачамъ успѣло прибавиться весьма не многое—новое по существу.

Геттингенскія вліянія не могли не захватить и чисто-художественныхъ вопросовъ. Эстетика, стоявшая во главѣ романтической школы, отличалась громадной научной производительностью, даже независимо отъ эстетической религіи шеллингіанства.

Еще со временъ Ломоносова трактаты нѣмецкихъ эстетиковъ пользовались большимъ уваженіемъ среди русскихъ ученыхъ. Когда философія распространила свою власть на искусство и въ союзѣ съ романтизмомъ стала подрывать царство классиковъ, ея новыя теченія немедленно перешли и въ русскую науку.

Изъ біографіи Грибоѣдова извѣстна большая популярность профессора Буле среди московскихъ студентовъ, чувствовавшихъ особую склонность къ «искусствамъ творческимъ, прекраснымъ». Вліянію Буле приписывается раннее и глубокое развитіе у Грибоѣдова вкуса къ драматической литературѣ—жизненной и свободной. Къ сожалѣнію, мы не можемъ съ точностью опредѣлить подробности этого вліянія, во всякомъ случаѣ любопытна историческая связь первой національной русской комедіи съ философскимъ направленіемъ эстетики.

Буле превосходно зналъ русскую исторію и написалъ даже сочиненіе о критической литературѣ по исторіи. Въ области искусства онъ могъ быть вполнѣ достойнымъ соревнователемъ иностранныхъ учителей-историковъ, въ родѣ Шлецера и Миллера. Существеннымъ недостаткомъ учености Буле до конца его дѣятельности оставалось чтеніе лекцій по-латыни. Идеи профессора могли имѣть только ограниченный кругъ послѣдователей.

Малой доступности преподаванія соотвѣтствовала и самая неопредѣленность философскихъ ученій, по крайней мѣрѣ, для русскихъ студентовъ. Въ началѣ девятнадцатаго вѣка, въ разцвѣтъ системъ Фихте и Шеллинга, съ русскихъ каѳедръ звучатъ имена Лейбница, Вольфа, Канта, Якоби и многочисленныхъ dii minores германской философіи.

Всякій заграничный профессоръ непремѣнно привозитъ съ собой одну излюбленную систему, дополняетъ и исправляетъ ее по собственнымъ соображеніямъ, и въ результатѣ получается воль-

фіанство Шадена и Винклера, шеллингіанство Фесснера, кантіанство Фишера.

До тѣхъ поръ, пока совершается такой діалектическій и метафизическій сплавъ въ лекціяхъ иностранцевъ, философія, при всемъ своемъ вліяніи на изворотливость и тонкость отвлеченнаго мышленія русской молодежи, не можетъ имѣть большого практическаго значенія. Она остается своего рода священной мудростью, весьма часто интригующей вниманіе слушателей именно своей маловразумительностью и непроницаемыми туманами.

Въ результатѣ, даже критическая философія Канта могла развивать вкусъ къ безплодному схоластическому ратоборству, къ чистословесной запальчивости, убаюкивающей умственную энергію призрачными подвигами діалектическаго искусства.

Мы, поэтому, имѣемъ всѣ основанія періодъ русскаго философскаго развитія въ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ подъ руководствомъ профессоровъ-иностранцевъ, считать періодомъ исключительно подготовительнымъ, равнозначущимъ въ исторіи европейской философіи съ эпохой средневѣковой схоластики.

Несомнѣнно, какъ въ средніе вѣка въ Европѣ, такъ и въ теченіе XVIII и въ началѣ XIX вѣка на русскихъ каѳедрахъ бывали выдающіеся философскіе таланты, сильные живою и оригинальною мыслью, чуткіе къ насущнымъ нуждамъ души и сердца своихъ слушателей, и дальше мы встрѣтимся съ отголосками подобнаго философскаго учительства.

Но только съ отголосками. Само явленіе настолько мимолетно и по современнымъ условіямъ просвѣщенія—безпочвенно, что оставило по себѣ только неопредѣленную свѣтлую дымку благодарныхъ лирическихъ воспоминаній и никакихъ прочныхъ осязательныхъ вліяній. По крайней мѣрѣ, именно на авторѣ особенно горячаго лиризма, московскомъ профессорѣ Надеждинѣ, мы и не откроемъ такихъ вліяній.

Очевидно, практическая, дѣйствительно-просвѣтительная задача философіи въ Россіи была тѣсно связана съ двумя условіями: съ окончательнымъ переходомъ ея въ кругъ свѣтскихъ наукъ и съ появленіемъ русскихъ учителей философіи.

Но и эти условія вполнѣ не обезпечивали нравственныхъ и общественныхъ вліяній философіи. Необходимо было совершенно покончить съ цеховыхъ педантизмомъ и вывести философскую мысль изъ вагнеровскаго кабинета на встрѣчу природѣ и будничной человѣческой дѣйствительности.

Именно эта задача оказалась особенно трудной. Оффиціальные русскіе философы, при всей доброй волѣ и многочисленныхъ внѣшнихъ побужденіяхъ, не могутъ рѣшиться сбросить съ себя док-

торской мантіи и колпака и заставляютъ философію перекочевать изъ аудиторій на менѣе священныя поприща, но несравненно болѣе доступныя и, слѣдовательно, образовательныя.

XV.

Мы можемъ съ полной точностью говорить о *профессорской* и *студенческой* философіи; это два разныхъ типа. У нихъ одинъ источникъ и одно общее содержаніе, но совершенно различныя цѣли и, главное, настроенія, съ какими изучается предметъ.

Философія очень скоро создала рѣзкія границы между двумя слоями русскаго общества. На одной сторонѣ философія продолжала оставаться школьной спеціальностью, на другой—немедленно превратилась въ неисчерпаемый источникъ практическихъ идей въ художественной литературѣ, въ критикѣ даже въ политикѣ.

Тотъ и другой лагерь представлялся людьми часто одинаково учеными, но не одинаково образованными.

На сторонѣ каѳедральной философіи числились солиднѣйшія диссертаціи, высшія ученыя степени, нерѣдко лекторскій талантъ и даже самостоятельный научный авторитетъ.

Но все это пребывало въ высшихъ областяхъ идеологіи, и если спускалось на землю, то не за тѣмъ, чтобы заодно съ ней вдумчиво и любовно обсудить ея настоящее и будущее, а за тѣмъ, чтобы озадачить ее высшимъ познаніемъ вещей и прорицательскимъ языкомъ боговъ.

Не здѣсь, очевидно, приходится искать дѣйствительно просвѣтительныхъ теченій мысли, просвѣтительныхъ не по теоретическому достоинству, а по двигающей и вдохновляющей силѣ.

Громадная разница между двумя философскими направленіями обнаружилась вмѣстѣ съ распространеніемъ системы, заключавшей въ себѣ одинаково богатыя данныя и для безплоднаго жреческаго культа чистаго философствованія и для глубокаго возбужденія нравственныхъ и гражданскихъ инстинктовъ.

Мы видѣли, шеллингіанство легко можетъ быть приспособлено къ самымъ разнороднымъ психическимъ организаціямъ. Въ немъ можетъ найти вполнѣ убѣдительный философскій принципъ и человѣкъ съ наклонностями строгаго ученаго, прирожденный естествоиспытатель, но можетъ также получить истинное утѣшеніе и мечтатель, мистикъ, любитель неразгаданныхъ тайнъ и смутно влекущихъ глубинъ.

Въ шеллингіанствѣ съ одинаковымъ правомъ могутъ видѣть своего предшественника два особенно яркихъ и непримиримо про-

тивоположныхъ дѣтища нашего вѣка: дарвиновская теорія и мистицизмъ всякаго рода, начиная съ художественныхъ пиѳическихъ символовъ и кончая религіозно-философскими культами.

Естественно, эта двойственность должна была отразиться и на русскихъ ученикахъ Шеллинга. И можно даже заранѣе распредѣлить отраженія между различными философскими лагерями.

Ученые-спеціалисты, при слабо развитой русской общественности въ началѣ столѣтія, при почти полномъ отчужденіи отъ «свѣта», весьма долго единственнаго представителя интеллигенціи, непреодолимо погружались въ бездну отрѣшенной учености и выспренняго идеализма. Русскій философъ-профессоръ съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ его германскій собратъ, могъ въ теченіе всей жизни изображать великана въ своемъ кабинетѣ и растеряннаго ребенка на улицѣ, просто на людяхъ.

А если обстоятельства и заставляли его непремѣнно обнаружить дѣятельность въ непривычной средѣ, онъ немедленно изображалъ зрѣлище человѣка, долго пребывавшаго въ неподвижномъ состояніи, и теперь безтолково размахивающаго руками, удивляющаго прохожихъ своей походкой, звукомъ и тономъ голоса.

Мы отнюдь не увлекаемся сравненіями. Именно такое впечатлѣніе произведутъ на насъ профессорскіе походы въ область журналистики и критики. Ученые публицисты безпрестанно будутъ попадать въ трагико-комическое положеніе людей, никакъ не умѣющихъ взять требуемой ноты въ общемъ хорѣ и пускающихъ свою рѣчь то слишкомъ высоко, то нестерпимо низко, то залетающихъ въ область головоломнаго техническаго жаргона, то обнаруживающихъ въ полномъ смыслѣ дурной, не литературный тонъ.

Очевидно, здѣсь неизбѣжно находило особенно сочувственный отголосокъ все, что́ было въ шеллингіанствѣ романтическаго, метафизическаго, нарочито-хитроумнаго и запутаннаго.

Рядомъ съ профессорами у того же источника стояла еще болѣе жаждущая молодежь.

Въ первое время почти вся она принадлежала къ обществу, т. е. къ аристократіи, искони просвѣщавшейся у европейскихъ учителей.

Здѣсь существовала старая культурная почва, мы знаемъ, не глубокая и далеко не всегда лестная для русскаго умственнаго развитія, но во всякомъ случаѣ стихійно враждебная педантизму и цеховому ремесленничеству, будь это наука или философія.

По условіямъ русскаго просвѣщенія и это чисто отрицательное достоинство большой выигрышъ для здраваго смысла и реализма литературы въ ущербъ схоластикѣ и чистымъ отвлеченіямъ. Съ

подобнымъ фактомъ мы уже встрѣчались въ эпоху борьбы школьнаго классицизма съ болѣе живой литературной школой.

Какая участь ожидала шеллингіанство въ Россіи, если бы оно превратилось въ исключительное достояніе академической учености, обнаружилось съ самаго начала, на произведеніяхъ первыхъ шеллингіанцевъ.

Система Шеллинга, какъ и всѣ другія, появилась прежде въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а отсюда перешла въ свѣтскія. Надеждинъ, впослѣдствіи профессоръ московскаго университета, обучавшійся въ московской академіи, нашелъ среди студентовъ множество рукописныхъ переводовъ нѣмецкихъ философскихъ сочиненій и, между прочимъ, *Философію религіи* Шеллинга. Это было въ 1810 году. Не отставала по части философіи отъ московской академіи и кіевская. Именно ея воспитанникъ Велланскій — историческій родоначальникъ русскаго шеллингіанства.

Онъ самъ приписывалъ себѣ эту честь и указывалъ точную хронологію своей первой философской проповѣди.

«Въ 1804 году я первый возвѣстилъ россійской публикѣ,—писалъ Велланскій,—о новыхъ познаніяхъ естественнаго міра, основанныхъ на ѳеософическомъ понятіи, которое хотя значилось у Платона, но образовалось и созрѣло въ Шеллингѣ».

Эта фраза довольно точно характеризуетъ философское направленіе самого Велланскаго.

Въ натурѣ и судьбѣ русскаго шеллингіанца успѣли развиться самыя разнообразныя стихіи, какъ нельзя болѣе подъ стать романтической и мистической сторонѣ ученія Шеллинга.

Сынъ мѣщанина, студентъ духовной академіи, онъ въ ранней молодости мечтаетъ то о монашескихъ подвигахъ, то о гвардейской солдатской карьерѣ, наконецъ, ѣдетъ заграницу на казенный счетъ, изучаетъ естественныя науки и медицину и является профессоромъ медико-хирургической академіи [29]).

Послѣднее обстоятельство, казалось бы, должно было направить философа на путь положительной мысли. Въ дѣйствительности Велланскій увлекся исключительно *творчествомъ*, поэзіей шеллингіанства, довелъ до послѣднихъ предѣловъ усилія германскаго философа истолковать міръ при помощи отвлеченныхъ началъ ума.

Устами русскаго философа говорила страсть настоящаго про-

---

[29]) О Велланскомъ — *Русск. В.*, 1867, 11. *Р. Архивъ*, 1864, 804. Статьи М. Филиппова, *Р. Бог.*, 1894, 3. Колюпановъ. *О. cit.* I. 443. Никитенко. *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1869, янв., стр. 18. П. Милюковъ. *Главныя теченія русской историч. мысли.* М. 1897, 241.

зелита и въ результатѣ создалась фантастичнѣйшая система «ѳеософическаго понятія» явленій природы и духа.

Его главныя работы—*Пролюзія къ медицинѣ и Біологическое изслѣдованіе природы въ творящемъ и творимомъ*—представляютъ цѣпь самыхъ неожиданныхъ аналогій, сопоставленій и отожествленій, *догматически* внушающихъ читателю «познаніе естественнаго міра». Вся игра мысли основана на операціяхъ съ субъектомъ и объектомъ. Шеллингіанскій принципъ абсолютнаго тожества даетъ автору право сплетать міръ физическій и духовный въ самые прихотливые узоры, а открытіе животнаго магнетизма влечетъ къ особымъ теоріямъ и аксіомамъ, объясняющимъ по философіи Велланскаго важнѣйшія явленія органической жизни.

Трудно представить, какое *понятіе* о мірѣ можно заимствовать изъ подобныхъ упражненій?

Но привлекательность разсужденій Велланскаго для русскихъ читателей, искавшихъ философской пищи, заключалась какъ разъ въ недостаткахъ и странностяхъ его сочиненій.

Отъ нихъ вѣетъ глубокой искренностью и истинно-благороднымъ полетомъ мысли, столь свойственнымъ всякому идейному убѣжденію. Очевидно, для автора его фантастическіе полеты въ область таинственнаго—не праздная забава эпикурейски-настроеннаго ума, столь свойственнаго всякаго рода мистикамъ, а результатъ упорныхъ думъ и напряженныхъ поисковъ истины.

Когда Сенковскій поднялъ на смѣхъ теософію Велланскаго, ученый опубликовалъ въ газетахъ вызовъ, кому желательно опровергнуть его хотя бы одну теорію съ помощью науки. Въ случаѣ успѣха оппонента, Велланскій обязывался уплатить 5.000 рублей ассигнаціями.

Вызовъ остался безъ отвѣта, но, несомнѣнно, прибавилъ лишнюю черту къ исторіи всякихъ благородныхъ донкихотствъ.

Велланскій не могъ имѣть послѣдователей въ полномъ смыслѣ слова, т. е. исповѣдниковъ его натурфилософскихъ идей. Для этого требовался исключительный складъ ума и воображенія. Но шеллингіанство въ общемъ могло только выиграть даже отъ такой пропаганды.

Восторженный прозелитъ открывалъ безграничныя перспективы высшихъ тайнъ. Менѣе всего эта даль могла удовлетворить строгій логическій разумъ, но она несомнѣнно должна была чарующе дѣйствовать на всякій смѣлый юный умъ и, если не давала немедленно безупречныхъ отвѣтовъ на его запросы, то могла сулить въ будущемъ великія завоеванія науки и философіи.

Мы вскорѣ познакомимся съ настроеніемъ русской молодежи

въ началѣ вѣка и увидимъ, для этихъ настроеній не такъ была важна идеальная разсудочная ясность и безусловно доказательная научность, сколько мощное идейное возбужденіе.

Напротивъ. Чѣмъ больше было романтической таинственности въ идеяхъ, тѣмъ поэтичнѣе, обаятельнѣе являлась вся система. Именно романтизмъ и загадочность совершенно не входили въ недавно господствовавшую французскую философію и теперь уже въ силу контраста производили впечатлѣніе новаго и высшаго міросозерцанія.

Мы услышимъ отъ самихъ русскихъ философовъ какъ разъ такія признанія и естественно, теософія Велланскаго, въ настоящее время окончательно погребенная въ пыли вѣковъ, еще въ тридцатые годы находила усердныхъ читателей. Они въ потѣ лица распутывали затѣйливыя умозрѣнія философа, даже въ душѣ не осмѣливаясь протестовать противъ затѣйливости и требовать больше ясности и доказательности для умозрѣній.

Намъ ясно положеніе Велланскаго въ русскомъ шеллингіанствѣ. Его проповѣдь—отнюдь не популяризація системы и еще менѣе ея общедоступное практическое истолкованіе. Это скорѣе нечленораздѣльный ободряющій крикъ энтузіаста, увлекающаго насъ въ невѣдомую страну и съ пророческимъ ясновидѣніемъ и паѳосомъ набрасывающаго предъ нами широкую, хотя и смутную картину ея еще неизслѣдованныхъ сокровищъ.

Сохранились извѣстія о Велланскомъ, какъ о лекторѣ. Онъ, какъ и слѣдовало быть пророку, являлся скорѣе импровизаторомъ и лирикомъ, чѣмъ ученымъ и чтецомъ. Его рѣчь вызывала у слушателей глубокое вниманіе, и, вѣроятно, не всѣ послѣ лекціи могли отдать ясный отчетъ въ ея содержаніи и смыслѣ, но за то врядъ ли кто оставлялъ аудиторію безъ нѣкоего духовнаго просвѣтленія и даже умиленныхъ чувствъ. Все это—обычная законная награда благороднымъ стремленіямъ и твердой вѣрѣ въ истину и человѣка, столь рѣдкой даже при самомъ свѣтломъ умѣ и самой строгой учености и столь могущественно одушевлявшей русскаго шеллингіанца.

Эти свойства, для величайшихъ учителей философіи въ началѣ нашего столѣтія, были гораздо важнѣе и выше, чѣмъ чисто-ученая талантливость. Велланскій воплощалъ типъ именно того *артиста, поэта*, вообще человѣка съ *симпатическими и творческими способностями*, какой Сенъ-Симонъ ставилъ на вершинѣ своего соціальнаго зданія и какому Шеллингъ приписывалъ высшее вѣдѣніе.

И къ великой славѣ русскаго философа, это творчество соеди-

нялось съ неотъемлемой добродѣтелью всякаго идейнаго учителя, съ рыцарственнымъ личнымъ благородствомъ. Предъ нами не профессіональное занятіе предметомъ, не служба по каѳедрѣ извѣстной науки, а нравственное удовлетвореніе личности, служеніе дѣлу во имя неразрывной связи своего *я* съ судьбой этого дѣла.

Какъ было необходимо именно для русскаго ученаго такое отношеніе къ наукѣ! Неизмѣримо плодотворнѣе и доблестнѣе, чѣмъ самая объективная и трезвая ученость, дѣйствовало на русскую молодежъ это мистическое одушевленіе жадно искомой, отъ вѣка скрытой тайной. И всѣ эти — *объекты*, *субъекты*, *хемизмы*, *магнетизмы* въ устахъ учителя звучали подчасъ истиннымъ откровеніемъ, и мы до конца русской философской эпохи будемъ встрѣчать все тотъ же энтузіазмъ къ философскимъ, на нашъ взглядъ, варварскимъ и, пожалуй, безплоднымъ хитростямъ и тонкостямъ.

Была, конечно, и здѣсь своя отрицательная сторона и, мы увидимъ дальше, очень существенная. Увлеченіе философскими откровеніями грозило *философію* замѣнить просто *философствованіемъ*, т. е. діалектикой, а потомъ просто софистикой, словесной и книжной реторикой. Исканіе высшей истины легко могло превратиться въ азартную страсть къ словопреніямъ и призрачно-глубокомысленнымъ ратоборствамъ.

Новая философія ничѣмъ не была обезопашена отъ схоластическаго недуга, если только безусловно не спѣшила стать твердо на почву дѣйствительности и тѣшила себя безконечными полетами въ заоблачное царство чистыхъ идей.

Красота и отвага полетовъ на первыхъ порахъ могли имѣть великое нравственное воспитательное значеніе въ средѣ, до сихъ поръ чуждой высшимъ запросамъ разума и не знавшей серьезныхъ умственныхъ усилій. Но на этой границѣ не могла остановиться философская мысль, если только она разсчитывала выполнить жизненное назначеніе.

Мы увидимъ, задача оказалась и должна была оказаться въ высшей степени трудной. Чистая теорія и ученая книга обнаружили и въ русскую философскую эпоху свою исконную односторонность, враждебность къ будничной заурядной дѣйствительности, пренебреженіе къ ней во имя своихъ отрѣшенныхъ недосягаемо выспренныхъ интересовъ.

Въ результатѣ, вся исторія русскаго философскаго движенія сводится къ постепенному *опрощенію* философской мысли, если такъ можно выразиться, къ сближенію ученыхъ съ публикой, науки съ критикой, литературы съ руской жизнью, пока, нако-

нецъ, философская идея, литературная критика и поэзія не придутъ къ общей всеобъединяющей цѣли: къ полному соотвѣтствію критической мысли и художественнаго творчества русской дѣйствительности въ прямомъ и всестороннемъ смыслѣ.

Эта цѣль лежитъ пока въ отдаленномъ будущемъ для первыхъ русскихъ философовъ, и предъ нами долженъ пройти еще рядъ идеалистовъ-мечтателей или просто книжниковъ и жрецовъ новой философской церкви.

Младшій современникъ Велланскаго—Галичъ, второй учитель русскаго шеллингіанства. Онъ всего нѣсколькими годами моложе Велланскаго, но представляетъ, несомнѣнно, высшую стадію философскаго развитія.

Почва та же—шеллингіанство, но изъ нея извлекаются болѣе сочныя сѣмена, а главное, болѣе приспособленныя къ русской нивѣ.

XVI.

Галичъ—духовнаго происхожденія, учился сначала въ орловской семинаріи, потомъ въ петербургской учительской гимназіи, впослѣдствіи педагогическомъ институтѣ [30]).

Здѣсь преподавалась философія нисколько не лучше и не свободнѣе, чѣмъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и во время студенчества Галича, т. е. съ 1803 года, господствовалъ еще Вольфъ и преподаваніе носило характеръ ученическаго вызубриванія разныхъ догматическихъ, оффиціально одобренныхъ положеній.

Но 1808 году правительство задумало учредить университетъ и въ Петербургѣ. Пришлось отправить заграницу молодыхъ людей для подготовленія къ профессурѣ, и въ числѣ ихъ Галича, по каѳедрѣ философіи.

Ему дана была особая инструкція, въ высшей степени любопытная не столько для характеристики оффиціальныхъ воззрѣній на предметъ, сколько по общимъ отзывамъ о современной заграничной философіи.

Инструкція указывала на перемѣны, постигшія философію «въ послѣднемъ вѣкѣ», и предупреждала насчетъ опасности попасть изучающему новую философію на ложный путь: «быть разсказчикомъ пустыхъ умствованій или безсмысленнымъ распространителемъ мистическихъ заблужденій».

---

[30]) Подробная біографія Галича—вышеуказанная статья Никитенко.

Философу рекомендовалось положительное философское развитіе: онъ «долженъ обозрѣвать и научаться природѣ, не приступая еще къ сужденію о ея законахъ; онъ долженъ изыскивать человѣка, какъ разумное существо, какъ жителя земного, прежде чѣмъ начнетъ писать о свойствахъ людей».

Особенно замѣчательно мнѣніе инструкціи о методѣ философской мысли: онъ долженъ быть методомъ математическихъ наукъ, т. е. такимъ же точнымъ и научнымъ. А для этой цѣли будущему философу предварительно необходимо «знать естественную исторію, физику, медицинскую антропологію, всемірную исторію, энциклопедію наукъ и всеобщую грамматику».

Послѣдняя наука должна научить философа *языку*—«величайшему пособію для мысли», иначе его разсужденія могутъ оказаться «токмо скопищемъ безсмысленныхъ словъ».

Въ порядкѣ философскихъ наукъ психологія ставилась инструкціей на первомъ мѣстѣ, и метафизика увѣнчивала философскую ученость.

Метафизика именно и представляетъ особенно много опасностей обиліемъ сектъ и ученій. Требуется тщательная подготовка и строгій критическій выборъ, чтобы не наброситься на первую попавшуюся систему.

Трудно было внимательнѣе и разумнѣе отнестись къ предмету. Инструкція стремилась дѣйствительно къ научной и логической философіи, свободной отъ мистицизма и софистики.

Умъ и талантъ Галича находились на высотѣ предписаній. Онъ усердно воспользовался заграничнымъ путешествіемъ, ознакомился въ разныхъ университетахъ съ разными школами и остановился на шеллингіанствѣ, но отнюдь не загипнотизированный системой и не отдаваясь «истинамъ» съ младенческимъ простодушіемъ Велланскаго.

Шеллингіанство привлекло Галича совершенно другимъ содержаніемъ, чѣмъ его предшественника. Галичъ нашелъ въ системѣ всестороннее примѣненіе различныхъ способностей человѣка—разума и воображенія, разсудка и чувства. Для него это было *здравой* основой философіи, ея *жизненнымъ* содержаніемъ.

Естественно, теософія Шеллинга, его мистицизмъ не могли овладѣть сочувствіемъ Галича, и онъ не только не поусердствовалъ, подобно Велланскому, въ этомъ направленіи, но старался даже обѣлить самого Шеллинга отъ укоризнъ критиковъ въ «мистицизмѣ и піитической мечтательности» [31]).

---

[31]) Галичъ. *О. с.*, часть II, стр. 296.

Оправданіе нельзя назвать удачнымъ и даже историческивѣрнымъ.

Галичъ издалъ свою *Исторію философскихъ системъ* въ 1818 году. Девятью годами раньше Шеллингъ напечаталъ *Философскія розысканія о сущности человѣческой свободы и о предметахъ, связанныхъ съ нею.* Разсужденіе имѣло въ виду доказать возможность логическаго разумѣнія высшихъ чисто-религіозныхъ понятій, излагалась система, тожественная съ извѣстнымъ намъ ученіемъ Сенъ-Мартэна и сближавшая шеллингіанство съ древне-христіанскимъ мистицизмомъ. Съ этихъ поръ Шеллингъ не переставалъ идти путемъ аллегорій и вдохновеній и отнюдь нельзя было сказать, будто онъ только «возстановилъ уничиженную и изъ области философіи вытѣсненную фантазію въ прежнихъ ея правахъ».

Галичъ рѣшается упрекнуть Шеллинга въ одномъ сравнительно незначительномъ недостаткѣ: въ «произвольномъ словозначеніи», т. е. въ смутѣ и неопредѣленности философскихъ терминовъ. Смута шла гораздо дальше формы и стиля.

Но для насъ важно, что русскій философъ съ самого начала не обнаружилъ наклонности къ мечтательности и фантастичности. Онъ только желалъ живой философіи, «свѣтской и житейской, приводящей истинный опытъ въ связь съ разумнымъ вѣдѣніемъ», философіи не «для однихъ кабинетовъ».

Шеллингіанство, пользуясь одинаково естествознаніемъ и воображеніемъ, удовлетворяло этому желанію.

Перетерпѣвъ въ личной жизни не мало довольно романтическихъ и юношески-легкомысленныхъ приключеній, Галичъ привезъ изъ-за границы трезвое и свободное міросозерцаніе. Въ диссертаціи—первомъ философскомъ трудѣ—онъ обнаружилъ блестящій литературный талантъ и въ высшей степени замѣчательный взглядъ на свой предметъ.

Диссертація написана въ необычайной формѣ; она—письмо къ молодому искателю мудрости. Авторъ, между прочимъ, высказывалъ такое соображеніе:

«Здравая натура твоя есть уже рѣдкій даръ мыслить и чувствовать человѣчески; содержать всѣ силы въ естественной ихъ цѣлости и не увлекаться, не попускать себя увлекать другимъ, умѣрять порывы воображенія разсудкомъ, быть яснымъ въ душѣ и языкѣ, имѣть наипаче практическую цѣль человѣчества передъ глазами».

Дальше еще любопытнѣе шеллингіанскія признанія Галича рядомъ съ оговорками въ пользу свободнаго философскаго изслѣдованія, не подчиненнаго одной системѣ. Авторъ даже такую систему

считаетъ—суетной надеждой энтузіастовъ. «Разногласіе въ воззрѣніяхъ»—неизбѣжный историческій фактъ человѣческаго развитія.

Уже эти данныя показываютъ, сколько у Галича было свободныхъ и живыхъ стихій, какъ далеко—по натурѣ—стоялъ онъ отъ буквоѣдовъ и кабинетныхъ метафизиковъ.

Оригинальность и жизнь прорывались у Галича будто невольно, въ его профессорской дѣятельности, въ его сочиненіяхъ, въ его личной жизни.

Уже по поводу диссертаціи одинъ изъ критиковъ—Велланскій—заявилъ, что «способъ представленія» не соотвѣтствуетъ «достоинству» предмета. Философъ находилъ стиль диссертаціи даже соблазнительнымъ для насмѣшниковъ надъ философіей.

Замѣчаніе не принесло плодовъ.

Гораздо позже, въ 1834 году, Галичъ издалъ одно изъ важнѣйшихъ своихъ сочиненій—*Картину человѣка*, еще болѣе серьезнаго содержанія, чѣмъ диссертація, и еще болѣе исполненное соблазновъ.

Книга имѣла въ виду изученіе духовной и физической природы человѣка, его умственной и художественной дѣятельности, его добродѣтелей и пороковъ, и авторъ нашелъ на своемъ пути достаточно поводовъ впадать въ тонъ поэта и даже публициста съ недюжиннымъ сатирическимъ талантомъ и съ очень настойчивыми поучительными цѣлями.

«Чувственная связь представленій» вдохновляетъ философа на образную рѣчь о мечтахъ и обстоятельствахъ, имъ благопріятныхъ. Статья о *свободѣ* заключаетъ сильную защиту свободы мысли. «Какъ бы высоки ни были мнѣнія, догадки, идеи мудреца, онѣ должны выдержать повѣрку общаго ума человѣческаго. Только бореніе мыслей обнаруживаетъ обоюдные ихъ недостатки, только симъ путемъ мы вообще и доходимъ до опредѣлительныхъ истинъ: ибо гдѣ воплощенный разумъ безусловный?»

Не мало также искусства вмѣсто философіи въ изображеніи любви и страсти и необыкновенно яркая характеристика пороковъ, личныхъ и общественныхъ.

Иная страница изъ книги Галича и теперь сдѣлала бы честь серьезному журналу и сообщила кое-какія новыя истины, хотя бы, напримѣръ, ученымъ и всякаго рода фанатикамъ *своего прихода*.

Напримѣръ, къ отдѣлу гордости Галичъ относитъ *чиновную спесь*, т. е. педантизмъ. Она «не только исключительно занимается вещами менѣе существенными, наприм., собраніемъ монетъ, китайскихъ куколъ, фоліантовъ и проч., но и навязываетъ свой односто-

ронній вкусъ всѣмъ и каждому, не сносясь съ общимъ чувствомъ образованнаго человѣчества... Педантизмъ возможенъ не въ одномъ бытѣ ученыхъ или, по выраженію Свифта, *ословъ, навьюченныхъ книгами*; мы встрѣчаемъ его даже въ формѣ довольно чинной и щеголеватой. Общій его признакъ — слабость, особливо разсудка; она-то изъясняетъ погрѣшности на счетъ того, что важно и неважно; люди скудоумные будутъ смѣшивать малое съ великимъ и прилѣпятся къ первому всѣми силами; люди слабаго сердца будутъ чувствительны только къ бездѣлкамъ»... [32]).

Эти разсужденія не лишены эффекта въ устахъ ученаго философа.

И Галичъ оставался вѣренъ себѣ и въ личныхъ отношеніяхъ. Всѣмъ извѣстны посланія Пушкина, студента царскосельскаго лицея. Галичъ читалъ здѣсь лекціи по латинскому языку, преподавая одновременно философскія науки въ педагогическомъ институтѣ, потомъ въ университетѣ.

Латинскій языкъ находился въ полномъ загонѣ. Галичъ велъ бесѣды съ учениками о чемъ угодно, только не о грамматикѣ и стилистикѣ. Пушкинъ много разъ воспѣлъ любимаго профессора, называя его самыми поэтическими и нѣжными именами, въ родѣ слѣдующихъ:

Апостолъ нѣги и прохладъ,
Мой добрый Галичъ!..

Галичъ также «другъ мудрости прямой, правдивъ и благороденъ», но, кромѣ мудрости, еще «вѣрный другъ бокала»...

Очевидно, философъ могъ вполнѣ отъ чистаго сердца громить педантизмъ и прямо изъ житейскихъ наблюденій почерпать остроумныя и часто ѣдкія изображенія человѣческихъ пороковъ и слабостей.

Вмѣстѣ съ Велланскимъ онъ—представитель ранняго *петербургскаго* шеллингіанства. Оно неразрывно связано съ философскими школами въ духовныхъ учебныхъ академіяхъ. Это одинъ источникъ, другой—заграничныя командировки.

Правительство, въ лицѣ Екатерины II и Александра I, заботилось о достойномъ замѣщеніи русскихъ каѳедръ и нѣсколько разъ посылало отборныхъ студентовъ въ иностранные университеты.

Мы видѣли, эти посылки увѣнчивались весьма значительными результатами въ области науки и общественныхъ вопросовъ. И несомнѣнно, успѣхи съ теченіемъ времени могли только умножаться: это видно на примѣрахъ Галича и Велланскаго.

---

[32]) *Картины человѣка*. Спб. 1834, стр. 183, 271, 290, 298.

Почти сверстники по лѣтамъ, они по научному направленію стоятъ далеко другъ отъ друга. Сравнительно съ Велланскимъ, Галича можно назвать настоящимъ положительнымъ ученымъ и общественнымъ просвѣтителемъ. По крайней мѣрѣ, его сочиненія обличаютъ высокопросвѣщенный критическій умъ и благородный независимый характеръ.

Оставалось только развиться этимъ богатымъ силамъ и стремленіямъ и «практическая цѣль человѣчества», столь озабочивавшая молодого профессора, безъ всякаго сомнѣнія, много выиграла бы отъ его учености и таланта.

Въ дѣйствительности, ни Велланскій, ни Галичъ, по своимъ непосредственнымъ личнымъ вліяніямъ, не вышли изъ своихъ кабинетовъ и аудиторій. Мало этого, даже въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ оба философа не нашли самой необходимой свободы для своего философскаго слова.

XVII.

Надъ русской философіей гроза собралась издалека, изъ тѣхъ краевъ, откуда явилась въ Россію и сама философія. Собственно, свободой философія въ Россіи не пользовалась и раньше грозы. Еще въ 1813 году, по поводу диссертаціи Галича, совѣтъ педагогическаго института вмѣнилъ новому преподавателю въ обязанность—не вводить своей системы, а держаться учебниковъ, одобренныхъ начальствомъ.

Но отъ этого ограниченія было еще далеко до окончательнаго разгрома философіи.

Разгромъ не вызывался никакими отечественными, русскими фактами. Только развѣ Скалозубы и полоумные московскія кумушки могли кричать о безбожіи петербургскихъ профессоровъ и требовать повальнаго сожженія книгъ.

Реакція явилась европейскимъ отголоскомъ и притомъ болѣе громкимъ и глубокимъ, чѣмъ самый его источникъ.

Мы видѣли, какую роль играла философія Фихте въ національномъ германскомъ движеніи, т. е. университетъ и его питомцы. Молодежь первая восприняла проповѣди профессора-трибуна, не могла забыть ихъ немедленно, лишь только окончилась борьба съ Бонапартомъ. Напротивъ. Германскія правительства, руководимыя священнымъ союзомъ, сдѣлали все, чтобы національному освободительному движенію сообщить демократическое революціонное направленіе.

Государи въ разгарѣ борьбы надавали конституціонныхъ обѣ-

щаній своимъ народамъ, но когда буря пронеслась, обѣщанія были выполнены немногими государствами, именно: Баденомъ, Баваріей, Саксенъ-Веймаромъ и Вюртембергомъ. Пруссія отложила вопросъ на неопредѣленный срокъ.

Очевидно, фихтіанское движеніе не утратило своей почвы. Университеты по прежнему остаются его очагомъ, особенно іенскій. Онъ организуетъ студенческіе союзы, выпускаетъ циркуляры къ другимъ университетамъ, устраиваетъ патріотическія и либеральныя празднества, жжетъ сочиненія и портреты реакціонеровъ и, наконецъ, одинъ изъ іенскихъ студентовъ убиваетъ нѣкоего Коцебу, нѣмца по происхожденію, русскаго по службѣ, автора ядовитыхъ статей противъ политическихъ агитаторовъ.

Вотъ и вся сущность событій, возымѣвшихъ громадное дѣйствіе далеко за предѣлами Германіи.

Русскіе ученые и особенно русская молодежь не имѣли рѣшительно никакого отношенія къ заграничному университетскому движенію. Даже больше. Галичъ, напримѣръ, путешествовалъ по Германіи въ 1811 году, какъ разъ въ самый разцвѣтъ дѣятельности Фихте, и мы не знаемъ ни малѣйшихъ отзвуковъ этого движенія изъ біографіи русскаго студента.

Но дипломатическій вождь европейскаго политическаго міра Меттернихъ, усвоившій нехитрую систему запугиванья и бѣлаго террора, призналъ нѣмецкія событія достойными особаго конгресса европейскихъ государей. Программа была старая, бонапартовская, произвести рѣшительное давленіе на мысль и слово, и начать, конечно, съ университетовъ: они сами себя выдвинули на первый планъ.

Все было сдѣлано въ Карлсбадѣ, въ теченіе трехъ недѣль: такъ хвалился Меттернихъ. Жизнь, конечно, необыкновенно быстро все это раздѣлала, но пока тонъ былъ заданъ по всѣмъ направленіямъ; должна наступить эпоха экзекуцій, и прежде всего въ Саксенъ-Веймарѣ съ его іенскимъ университетомъ.

Какое касательство могли имѣть ко всему этому русскіе университеты?

Но нашему отечеству не въ первый и не въ послѣдній разъ было попадать въ чужія теченія по закону инерціи и, какъ водится, въ стремительности опережать даже своихъ руководителей.

Въ Петербургѣ нашелся собственный Меттернихъ въ лицѣ Магницкаго. Сопоставленіе можетъ произвести комическое впечатлѣніе, а между тѣмъ нѣкоторое сравненіе австрійскаго канцлера съ русскимъ чиновникомъ весьма поучительно и вполнѣ естественно. Черты въ сущности психологически совершенно типичныя и общія весьма многимъ усерднѣйшимъ поборникамъ движенія вспять.

Прирожденное и воспитанное легкомысліе въ вопросахъ нравственности, полнѣйшее личное равнодушіе къ религіи и вѣрѣ, презрѣніе ко всякаго рода человѣческой независимости и оригинальности и, слѣдовательно, къ серьезной мысли и благородному искреннему чувству, внѣшнее джентльмэнство и корректность и непреодолимый цинизмъ въ глубинѣ души, эпикурейство рядомъ съ единственнымъ жизненнымъ мотивомъ—эгоизмомъ и во имя его неограниченной безпринципностью: таковъ былъ европейскій стражъ священныхъ традицій Меттернихъ. Еще въ болѣе грубой формѣ тотъ же типъ представлялъ и Магницкій, циническій атеистъ въ тѣсномъ кружкѣ пріятелей и рьяный защитникъ Бога и церкви предъ начальствомъ. Оруженосца онъ нашелъ въ лицѣ Рунича, попечителя петербургскаго университета, а послушное орудіе въ лицѣ министра князя Голицына — человѣка искренне религіознаго, но непроницательнаго и безвольнаго. Именно онъ представлялъ благодарнѣйшую жертву для застращиванія и чисто террористическаго гипноза.

Въ результатѣ, русскіе университеты оказались подъ мечемъ палача. Казнь началась съ казанскаго. Цѣлымъ рядомъ инструкцій университетъ былъ превращенъ въ застѣнокъ, на мѣсто «лжеименнаго» разума водворилась священная инквизиція по нравственной и религіозной системѣ Магницкаго. Философіи, конечно, не было здѣсь мѣста, и профессора увольнялись за малѣйшее подозрѣніе въ соприкосновеніи даже съ кантіанствомъ, до сихъ поръ оффиціально допускавшимся въ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Разгромъ казанскаго университета только первый подвигъ Магницкаго.

Богатѣйшую поживу Магницкій усмотрѣлъ въ петербургскомъ университетѣ. Ему не стоило большихъ трудовъ овладѣть ничтожнымъ, суетливымъ карьеристомъ Руничемъ, опутать сѣтями благонамѣренности и благочестія князя Голицына, и въ результатѣ въ ноябрѣ 1821 года произошла приснопамятная исторія.

Въ стѣнахъ университета Руничъ учинилъ допросъ четыремъ профессорамъ, вѣрнѣе, даже не допросъ, а безапелляціонное судьбище, не допускавшее ни объясненій, ни оправданій. Профессорамъ грозили даже жандармами съ обнаженными палашами. Галичъ оказался однимъ изъ четырехъ.

Обвиненіе противъ него Руничъ формулировалъ коротко и ясно. «Вы явно предпочитаете язычество христіанству, распутную философію дѣвственной невѣстѣ церкви Христовой, безбожнаго Канта Христу, а Шеллинга духу святому».

Ничѣмъ эти грозныя улики не доказывались и доказать ихъ, конечно, не было возможности не только для Рунича, но и для гораздо болѣе искуснаго слѣдователя.

Галичъ не потерялъ духа, и далъ смиренно-иронической отвѣтъ. Соли Руничъ совершенно не замѣтилъ и привѣтствовалъ новообращеннаго въ громкомъ стилѣ призваннаго насадителя «благодати Божіей».

Галичъ отвѣчалъ:

«Сознавая невозможность опровергнуть предложенные мнѣ вопросные пункты, прошу не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія».

Руничъ не желалъ удовлетвориться словеснымъ раскаяніемъ и требовалъ отъ профессора переизданія его исторіи философіи съ подробнымъ описаніемъ совершившагося чуда-обращенія.

Требованіе не было выполнено, высшее правительство даже поспѣшило возстановить жертвъ Рунича въ ихъ правахъ и снова опредѣлило на службу. Но собственно профессорская дѣятельность Галича закончилась навсегда.

Руничъ, несомнѣнно, переусердствовалъ и это было признано его же начальствомъ, но философія и послѣ петербургскаго эпизода ничего не выиграла. Напротивъ. Недовѣріе къ ней, повидимому, еще больше укоренилось. «Обскурантизмъ», по выраженію Велланскаго, «началъ управлять колесницею Русскаго феба».

Результаты вышли многообразные и школознаменательные.

Такіе люди, какъ Велланскій, «ужаснулись отъ тучъ» и стали пребывать «въ бездѣйствіи».

И это были лучшіе люди. Нашлись болѣе податливые и вмѣсто молчанія и бездѣйствія, сами рѣшились говорить и работать въ требуемомъ направленіи.

Именно этотъ результатъ, неизмѣнно сопровождающій «тучи» внесъ растлѣніе въ русскую университетскую науку и гораздо болѣе всякаго педантизма и бездарности подорвалъ жизненныя силы только что посѣянныхъ сѣмянъ философіи.

Ив. Ивановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса», проф. Карѣева.—Идеальное отношеніе къ образованію.—Почему его нѣтъ у насъ.—Зависимость системы образованія отъ общихъ условій страны.—Изъ прошлаго—«Федоръ Петровичъ Гаазъ», А. Ѳ. Кони.—Значеніе личности и общественныхъ условій.—Выдающіяся личности, какъ Гаазъ, никогда не теряютъ значенія.—Старое недоразумѣніе въ спорѣ объ «экономическомъ матеріализмѣ», отвѣтъ автору статьи въ «Міровыхъ Отголоскахъ».—«Новый видъ обскурантизма». — «Сельскій Вѣстникъ» и его отношеніе къ общинѣ, какъ знаменіе времени.

Выборъ факультета—вполнѣ сезонная тема, которую ежегодно приходится обдумывать массѣ молодежи, только-что начинающей сознательную жизнь, и каждый по личному опыту помнитъ, какъ легкомысленно онъ раздѣлывался съ нею. Очень почтенна, поэтому, цѣль, которую ставитъ себѣ проф. Карѣевъ,—помочь молодежи, кончающей среднюю школу, разобраться въ этомъ вопросѣ.

Выборъ факультета опредѣляетъ до извѣстной степени и будущее жизненное поприще, а между тѣмъ, какъ мало у насъ подготовленъ юноша рѣшать этотъ серьезный вопросъ, требующій знанія общественныхъ условій, при которыхъ придется работать будущему гражданину, и сознательнаго отношенія къ самому себѣ, къ своимъ силамъ, способностямъ и склонностямъ. Ничего подобнаго нашъ гимназистъ или реалистъ не выноситъ при окончаніи курса. До 18—20 лѣтъ онъ ни разу не зналъ, что значитъ жить сознательно, т. е. самому рѣшать и нести отвѣтственность за свои поступки. Съ перваго шага въ стѣнахъ заведенія онъ теряетъ сознаніе своей личности, превращаясь въ нѣкій сосудъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, «скудельный», предназначенный для наполненія всякой, весьма неудобоваримой смѣсью, именуемой «учебной программой». Ни тѣ, кто составлялъ послѣднюю, ни тѣ, кому приходится ее выполнять, ни мало не заинтересованы тѣмъ, насколько сосудъ удобовмѣстителенъ, подходитъ ли къ нему программа. Ихъ задача втиснуть ее, и ее втискиваютъ, не безъ ущерба для злополучнаго сосуда, который трещитъ подчасъ по всѣмъ швамъ, а нерѣдко и совсѣмъ разваливается.

Послѣ 7—8-лѣтнихъ экспериментовъ подобнаго рода, причемъ «испытуемый» все время играетъ чисто пассивную, безвольную и безотвѣтную роль, созрѣвшій плодъ весьма долгой науки выпускается на волю. На первомъ же шагу ему ставятъ вопросъ, чѣмъ онъ намѣренъ быть? Вопросъ коварный, такъ какъ отъ рѣшенія его зависитъ будущность вопрошаемаго. Что же удивительнаго, если большинство рѣшаетъ его чисто наобумъ, формально, или предоставляетъ рѣшеніе старшимъ, которые до сихъ поръ за него рѣшали все. Старшіе, умудренные опытомъ, знаютъ, что цѣль науки—дипломъ, этотъ магическій ключъ къ карьерѣ. Въ обоихъ случаяхъ наука, знанія сами по себѣ остаются въ сторонѣ, и если идеальное отношеніе

къ наукѣ, внѣ утилитарныхъ цѣлей, и проявляется иногда, то меньше всего при выборѣ факультета.

Иначе и быть не можетъ при той системѣ образованія, которая имѣетъ у насъ уже болѣе, чѣмъ вѣковую традицію. Эту систему, въ отличіе отъ всякихъ другихъ, можно бы назвать бюрократической, и родоначальникомъ ея слѣдуетъ считать Петра Великаго, для котораго образованіе могло имѣть одну только притягательную силу—практическую пользу. Съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней среднее и высшее образованіе у насъ всегда разсматривалось и реформировалось съ точки зрѣнія чисто бюрократической, т. е. какъ подготовка нужныхъ для государственной машины чиновниковъ. Общественная точка зрѣнія всецѣло отсутствовала и отсутствуетъ. Гуманитарное образованіе съ его идеальнымъ отношеніемъ къ наукѣ, какъ цѣли самой въ себѣ, не имѣетъ у насъ историческихъ традицій, какъ на Западѣ, гдѣ оно явилось на смѣну схоластической системѣ и съ тѣхъ поръ все расширяется, принявъ въ самое послѣднее время въ наиболѣе культурныхъ странахъ всенародный характеръ. Попытки къ гуманитарному образованію принимали у насъ, благодаря той же бюрократической системѣ, характеръ чего-то отжившаго, что приходилось насаждать съ большими усиліями и безъ видимыхъ результатовъ. Такою попыткою явился классицизмъ, и именно въ то время, когда у себя на родинѣ, въ Западной Европѣ, онъ потерялъ уже почву, вытѣсняемый новымъ видомъ гуманитарнаго образованія, получившаго не совсѣмъ вѣрное названіе реализма. Не смотря на сильную поддержку, на огромныя средства, на него потраченныя, классицизмъ не привился у насъ, о чемъ лучше всего свидѣтельствуетъ число студентовъ на классическомъ отдѣленіи филологическихъ факультетовъ. «Классиковъ», даже въ такихъ многолюдныхъ университетахъ, какъ московскій и петербургскій, насчитываютъ единицами, а въ провинціальныхъ, напр., казанскомъ, по цѣлымъ годамъ не бываетъ ни одного.

И это такъ понятно, если обратить вниманіе на задачи и цѣли нашей бюрократической системы образованія. Для чиновника классицизмъ также не нуженъ, какъ и идеальная наука, не преслѣдующая никакихъ временныхъ цѣлей и практическихъ задачъ. Даже въ томъ извращенномъ видѣ, въ какомъ классицизмъ былъ насаждаемъ у насъ, онъ оказался не ко двору, и не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать ему близкій конецъ.

Какъ и чѣмъ онъ будетъ замѣненъ, вопросъ посторонній. Мы коснулись классицизма мимоходомъ, съ цѣлью подчеркнуть ту мысль, что наша традиціонная бюрократическая система образованія не мирится ни съ какими идеальными цѣлями, чѣмъ и объясняется равнодушное отношеніе къ наукѣ ради нея самой, что отмѣчаетъ проф. Карѣевъ въ своей брошюрѣ. Хотя почтенный авторъ и ошибается, видя причину въ неясномъ представленіи молодежью задачъ университетскаго воспитанія. Не въ томъ бѣда, что кончающая среднюю школу молодежь не знаетъ въ точности научной постановки того или иного факультета. Познакомиться съ этимъ не мудреная задача, которую легко выполнить и безъ его брошюрки, тѣмъ болѣе, что, по уставу, въ первый мѣсяцъ по поступленіи въ университетъ разрѣшается свободный переходъ съ одного факультета на другой. Если даже приходится терять весь первый годъ, вслѣдствіе неудачнаго выбора факультета, то и въ этомъ нѣтъ особаго несчастія.

Но въ томъ и дѣло, что въ самомъ университетѣ молодежь уже не находитъ гуманитарнаго духа, которому долженъ отвѣчать университетъ, по-

нимаемый не какъ учебное заведеніе, гдѣ чисто формально соединены разныя высшія школы: юридическая, филологическая, естественно-научная и медицинская. Этотъ духъ гуманизма создаетъ только свободная наука, не знающая никакихъ программъ, стѣсняющихъ ея предѣлы, и не преслѣдующая никакихъ посторонніхъ цѣлей, кромѣ свободнаго изслѣдованія своихъ задачъ. Такой науки въ современномъ университетѣ нѣтъ, и это хорошо знаетъ поступающая туда молодежь. Вотъ почему она равнодушно относится къ выбору факультета, который ей нуженъ только для диплома, почему и выбираетъ преимущественно факультеты «хлѣбные», т. е. дипломъ которыхъ открываетъ большій ходъ въ бюрократическомъ мірѣ. Конечно, стремленіе къ знанію ради него самого есть не умирающая потребность человѣческой души, и сильнѣе всего оно въ молодые годы, когда, по выраженію Шиллера, «міръ кажется тѣснымъ». Своего удовлетворенія оно ищетъ помимо университета, чѣмъ и объясняется движеніе къ «самообразованію», играющее замѣтную роль въ обществѣ и направляющееся помимо университета. Роль послѣдняго въ современной жизни у насъ все умаляется, о чемъ нельзя достаточно пожалѣть, такъ какъ именно университетъ есть то учрежденіе, которое по идеѣ должно стоять во главѣ умственнаго движенія страны. Университетъ былъ постепенно введенъ въ общій строй бюрократической системы образованія, являясь теперь только расширеніемъ гимназіи. Въ сущности, перейдя изъ послѣдней въ университетъ, молодежь находитъ въ немъ ту же учебную программу, нѣсколько болѣе широкую въ предѣлахъ предмета и болѣе спеціальную по выбору предметовъ,—и только.

Стѣсненіе свободы преподаванія изгнало изъ университетовъ «университетскій духъ», вмѣстѣ съ которымъ исчезъ и прежній профессоръ—учитель и руководитель. Вмѣсто него молодежь находитъ «лектора», къ которому и относится какъ къ таковому. Тѣсная духовная связь между студентомъ и профессоромъ исчезла, вмѣсто нея явилось формальное отношеніе другъ къ другу. Исчезло взаимное довѣріе и обусловливаемое имъ влеченіе. Почтенный авторъ разбираемой брошюры справедливо отмѣчаетъ, что теперь студенты мало обращаются къ профессорамъ за указаніями, но невѣрно объясняетъ этотъ фактъ. «Студентамъ,—говоритъ онъ,—ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ пренебрегать возможностью пользоваться личными совѣтами компетентныхъ людей въ дѣлѣ, совершенно для нихъ новомъ. Къ сожалѣнію, студенты пользуются этою возможностью гораздо меньше, чѣмъ слѣдовало бы. Какія бы общія причины здѣсь ни дѣйствовали, необходимо, чтобы сами студенты въ первые же мѣсяцы своего пребыванія въ университетѣ вполнѣ проникались сознаніемъ, что это для нихъ важно, и преодолѣвали свою застѣнчивость, которая, какъ мнѣ лично заявляли нерѣдко многіе студенты, мѣшаетъ новичкамъ обращаться къ профессорамъ за совѣтомъ. Многіе, повидимому, и не знаютъ, что это не только можно, а и должно. Профессоръ — руководитель студента въ его занятіяхъ: тутъ не можетъ быть рѣчи о томъ, что, обращаясь къ своему профессору, студентъ «заискиваетъ» или «подъѣзжаетъ». Это—совсѣмъ ложный взглядъ, и нужно сожалѣть, что онъ нѣкоторыми юношами раздѣляется; многіе сами, но очень поздно, убѣждаются въ его неосновательности. Всякіе предразсудки вредны, и разъ они существуютъ, то чѣмъ ранѣе они разсѣеваются, тѣмъ лучше. Во всякомъ случаѣ, студентъ нуждается въ руководствѣ при выборѣ своего чтенія, и было бы неестественно, если бы онъ искалъ этого

*

руководства вездѣ, только не у профессоровъ». Послѣднее замѣчаніе вполнѣ справедливо, но фактъ остается фактомъ,—меньше всего ищутъ этого руководства у профессоровъ. И вовсе не отъ застѣнчивости, а потому, что его меньше всего находятъ у профессоровъ... Въ дѣйствительности, все сводится къ «заискиванію», что такъ претитъ лучшей молодежи, и она боится быть заподозрѣнной въ немъ. Мало студенту знать, что онъ имѣетъ право обращаться къ своему профессору. Онъ и безъ права обращается нерѣдко къ чужому профессору, разъ знаетъ, что къ нему стоитъ обратиться. Вся сила въ самомъ профессорѣ, а многіе ли изъ нихъ умѣютъ внушить необходимое довѣріе къ себѣ? Есть и теперь, по преимуществу, изъ старыхъ профессоровъ такіе, которымъ отбою нѣтъ отъ студентовъ. Къ сожалѣнію, ихъ слишкомъ мало, и они, какъ послѣдніе могикане, сходятъ съ каѳедры, на которую вступаютъ преемники съ формальнымъ отношеніемъ и къ этой каѳедрѣ, и къ слушателямъ.

Не встрѣчая въ университетѣ свободнаго изслѣдованія, этой основы гуманизма, чувствуя себя въ тѣхъ же бюрократическихъ тискахъ программы, что и въ гимназіи, молодежь ищетъ на сторонѣ знаній, въ которыхъ отказываетъ университетъ. Отсюда страсть къ чтенію, иногда крайне несистематическому и неразборчивому, но которое все же знакомитъ съ новыми вѣяніями въ наукѣ и съ новыми путями изслѣдованія. Отсюда страсть къ публичнымъ лекціямъ и засѣданіямъ ученыхъ обществъ, гдѣ дѣйствительно слышится подчасъ живое слово, котораго не услышать университетской молодежи отъ «человѣка, садящагося или становящагося на каѳедру и говорящаго затѣмъ въ урочное время». Такой «садящійся или становящійся на каѳедру» ученый говоритъ изъ году въ годъ по программѣ, отъ которой не смѣетъ отступить, а жизнь въ это время идетъ своимъ чередомъ, создавая противорѣчія, изъ которыхъ не могутъ выбиться его слушатели и которыя онъ не замѣчаетъ. Въ результатѣ является пустая аудиторія, и вовсе не потому, что профессоръ говоритъ «не то, что соотвѣтствуетъ ожиданіямъ слушателей». Молодежь всегда терпима къ самымъ противоположнымъ мнѣніямъ,—она не выноситъ только лжи и лицемѣрія...

Въ началѣ своей книги проф. Карѣевъ оговаривается, что хотя онъ не «идеализируетъ дѣйствительности, но старается понять ее идеально и изобразить ее въ духѣ этого пониманія, дабы, передавая другимъ такое пониманіе, тѣмъ самымъ содѣйствовать возвышенію дѣйствительнаго до идеальнаго». Эту оговорку необходимо помнить при чтеніи его брошюрки, которая въ противномъ случаѣ производитъ впечатлѣніе, слишкомъ рѣзко расходящееся съ дѣйствительностью. Но, съ другой стороны, его «идеальное пониманіе» ведетъ къ невѣрному представленію, что вмѣсто помощи при выборѣ факультета можетъ только запутать читателя.

Не думаемъ также, чтобы «идеальное пониманіе» могло содѣйствовать «возвышенію дѣйствительнаго до идельнаго». Въ сферѣ образованія, говоритъ д-ръ Руссель,—какъ и во всякомъ проявленіи общественной жизни, добавимъ отъ себя,—прогрессъ опредѣляется тѣми могучими силами, которыя воплощаются въ политической, промышленной, соціальной и умственной жизни народа. Какова бы ни была идеальная цѣль — усовершенствованіе ли человѣческаго характера, увеличеніе счастья или обновленіе рода человѣческаго — система, предназначенная для ея достиженія, всегда зависитъ отъ тѣхъ условій, которыя кроются въ народной жизни.

Вопросъ о значеніи этихъ условій принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые у насъ, по крайней мѣрѣ, не сходятъ со сцены. Съ легкой руки разныхъ юродивыхъ, расплодившихся въ нашей печати послѣ толстовскихъ откровеній, мысль о ничтожномъ значеніи общественныхъ условій и превалирующей роли личности, или «личнаго самоусовершенствованія», распространена и въ обществѣ, и въ печати. Хорошій человѣкъ всегда, при самыхъ дурныхъ обстоятельствахъ и во всякой роли, съумѣетъ оказать свое благотворное вліяніе. Эту безспорную аксіому расширяютъ и приходятъ къ выводу, что, стало быть, вся сила въ личности, и нужно стремиться не къ улучшенію общественныхъ условій, а къ «самоусовершенствованію». Разъ *всѣ* люди станутъ «совершенны», не будетъ тогда «ни іудея, ни еллина», а полное единство цѣлей и стремленій, и трудная задача общественнаго благополучія разрѣшится сама собой.

Превосходной иллюстраціей къ этому вопросу можетъ служить прекрасная біографія Гааза, написанная А. Ѳ. Кони. Авторъ—великій мастеръ слова, о чемъ намъ уже не разъ приходилось говорить, и въ его новой работѣ, предварительно печатавшейся въ «Вѣстникѣ Европѣ» и вышедшей теперь отдѣльнымъ изданіемъ *), — эта особенность г. Кони, какъ писателя, доведена до совершенства. Слогъ его, чистый, ясный, гармоничный и въ то же время удивительно простой, захватываетъ читателя своей художественностью. Подъ перомъ г. Кони, личность великаго филантропа встаетъ, какъ живая. Въ самомъ началѣ, съ цѣлью освѣтить для читателя значеніе такихъ личностей, какъ самоотверженный врачъ Гаазъ, авторъ сравниваетъ его дѣятельность съ ролью Говарда, знаменитаго реформатора въ области тюрьмовѣдѣнія. И Гаазъ, и Говардъ работали въ той же области, но какъ различны были результаты ихъ дѣятельности! Одинъ создалъ цѣлое движеніе, продолжающееся и до сихъ поръ, вызвалъ реформу тюремъ по всей Европѣ, положилъ начало *тюремному знанію*. «Онъ первый—и въ печати, и въ законодательствѣ своей родины (Говардъ былъ англичанинъ) — потребовалъ, настойчиво и убѣжденно, на ряду со справедливою суровостью закона по отношенію къ преступленію—состраданія къ человѣку, указывая на строгое отличіе кары отъ муки. Съ порога XIX вѣка, его личность и труды проливаютъ чистый свѣтъ разумной и глубокой критики тюремныхъ порядковъ, и въ этой критикѣ лежитъ корень всѣхъ дальнѣйшихъ тюремныхъ преобразованій». Другой—никому невѣдомый врачъ, по силѣ характера страстной убѣжденности, умственному развитію—онъ не уступалъ Говарду, и, тѣмъ не менѣе, вліяніе его ограничилось узкимъ кругомъ личной дѣятельности, замершей вмѣстѣ съ нимъ. Но «онъ былъ поставленъ далеко не въ такія условія, какъ знаменитый англійскій филантропъ. *Послѣднему* достаточно было встрѣтить, провѣрить и указать зло, чтобы знать, что данный толчокъ взволнуетъ частный починъ и приведетъ въ движеніе законодательство. Ему достаточно было вспахать почву и онъ могъ быть спокоенъ за судьбу своихъ усилій: сѣятели и жнецы найдутся. Но *Гааза* окружали косность личнаго равнодушія, бюрократическая рутина, почти полная неподвижность законодательства и цѣлый общественный бытъ, во многомъ противоположный его великодушному взгляду на человѣка. Одинъ, очень часто безъ всякой помощи, окруженный неуловимыми, но осязательными противодѣй-

*) А. Ѳ. Кони, «Федоръ Петровичъ Гаазъ». Біографическій очеркъ, съ портретомъ. Стр. 170. Ц. 50 к. Спб. 1897 г. Изд. А. С. Суворина.

ствіями, онъ долженъ былъ ежедневно стоять на стражѣ слабыхъ ростковъ своего благороднаго, требовавшаго тяжкаго, неустаннаго труда, посѣва. Умирая, *Говардъ* оставлялъ рядъ печатныхъ, всѣми признанныхъ и оцѣненныхъ трудовъ, служившихъ для него залогомъ земного безсмертія; выпуская изъ ослабленныхъ смертельною болѣзнью рукъ дѣло всей своей жизни, *Гаазъ* не видѣлъ ни продолжателей впереди, ни прочныхъ, остающихся слѣдовъ — назади. Съ нимъ, среди равнодушнаго и преданнаго личнымъ «злобамъ дня» общества, грозило умереть и то отношеніе къ «несчастнымъ», которому были всецѣло отданы лучшія силы его души».

Вся жизнь Гааза служитъ подтвержденіемъ безсилія личности, дѣятельность которой не находитъ соотвѣтствія въ общественныхъ условіяхъ. Онъ ничего не создалъ прочнаго, не оставилъ послѣ себя почти никакой памяти въ потомствѣ, и для огромнаго большинства читателей онъ—въ полномъ смыслѣ слова личность неизвѣстная. Вся его энергія ушла на борьбу съ мелочными препятствіями, съ стихійной дикостью времени, когда ему пришлось дѣйствовать. Онъ выступилъ съ девизомъ «*торопитесь дѣлать добро*» въ такой средѣ, гдѣ не умѣли отличать зло отъ добра, а если и были отличія, то чисто формальнаго свойства. На служеніе идеѣ добра онъ отдалъ все—жизнь, имущество, общественное положеніе, — и ни въ комъ не вызвалъ подражанія, даже хотя бы минутнаго. Образъ этого одинокаго филантропа, въ теченіе тридцати лѣтъ отстаивавшаго «несчастныхъ», напоминаетъ средневѣковые образы великихъ борцовъ добра среди варваровъ. Отдѣльные моменты его борьбы полны трагическаго героизма. Для окружающихъ онъ—«безпокойная личность», нарушающая порядокъ и внѣшнее благочиніе своими вѣчными приставаніями и настойчивыми требованіями. И только «несчастные» понимали его мотивъ и свято хранили память о чудакѣ-докторѣ, который, отстаивая ихъ, никого не боялся.

Одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ борьбы Гааза представляетъ его война противъ «препровожденія ссыльныхъ на прутѣ»,—война, упорно длившаяся всю жизнь. Изъ нея онъ не вышелъ побѣдителемъ, но и не побѣжденнымъ. Въ этомъ эпизодѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточенъ смыслъ тогдашняго «порядка» скрывавшаго въ себѣ на взглядъ современнаго человѣка величайшій безпорядокъ.

Гаазъ по профессіи былъ врачъ и въ тюремный комитетъ вступилъ уже пожилымъ человѣкомъ, на 47 году, когда обыкновенные люди уже готовы со многимъ мириться, во многомъ уступать, лишь бы сохранить спокойствіе. Гаазъ словно только жить началъ съ этой минуты, и съ перваго шага поднялъ «скандалъ». «Прежде всего его поразило препровожденіе ссыльныхъ на прутѣ. Онъ увидѣлъ, что тягости пути обратно пропорціональны признанной судомъ винѣ ссылаемыхъ, ибо въ то время, когда важнѣйшіе преступники, отправляемые на каторгу, свободно шли въ ножныхъ кандалахъ, подвѣшивая ихъ къ поясу за среднее кольцо, соединявшее ножныя обоймы цѣпи,—менѣе важные, шедшіе на поселеніе, нанизанные на прутъ, стѣсненные во всѣхъ своихъ движеніяхъ и естественныхъ потребностяхъ, претерпѣвали въ пути всевозможныя муки и были лишены всякаго отдыха при остановкахъ на полуэтапахъ, вслѣдствіе лишенія единственнаго утѣшенія узника—спокойнаго сна. Онъ услышалъ слезныя жалобы *ссыльно-поселенцевъ*, просившихъ, какъ благодѣянія, обращенія съ ними, какъ съ *каторжными*. Онъ нашелъ также прикованными къ пруту не однихъ осужденныхъ, но и

препровождаемыхъ «подъ присмотромъ», т. е. пересылаемыхъ административно на мѣсто приписки или жительства, просрочившихъ паспорты, плѣнныхъ горцевъ и заложниковъ, отправляемыхъ въ сѣверныя губерніи, бѣглыхъ кантонистовъ, женщинъ и малолѣтнихъ, и вообще массу людей, шедшихъ, согласно оригинальному народному выраженію, «по невродіи» (т. е., говоря словами закона, «не въ родѣ арестантовъ»). Онъ нашелъ также между ними не только ссылаемыхъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, но даже и препровождаемыхъ на счетъ владѣльцевъ принадлежащихъ имъ людей изъ столицъ и другихъ городовъ до ихъ имѣній, причемъ внутренняя стража и ихъ вела въ ручныхъ укрѣпленіяхъ». Такой «порядокъ», практиковавшійся съ незапамятныхъ временъ и освященный закономъ, никого не удивлялъ, всѣмъ казался прекраснымъ этотъ «легкій» прутъ, изобрѣтеніе генерала Дибича. Гаазъ первый забилъ тревогу и всѣхъ обозлилъ. Особенно *обидѣлся* генералъ внутренней стражи Капцевичъ. Онъ не могъ допустить, чтобы у него по командѣ было «неблагополучно», и съ запросомъ относительно «удобствъ» прута обратился къ этапнымъ начальникамъ. Они, «для которыхъ прутъ во всякомъ случаѣ не представлялъ ничего стѣснительнаго», отписывали, что «все обстоитъ благополучно и никакихъ неудобствъ отъ заковки на прутъ не представляется». При этомъ, однако, проскальзывали замѣчанія о томъ, что у арестантовъ отъ прута «*большихъ* ранъ не замѣчено, но что отъ кольца при прутѣ тѣло можетъ ознобиться, отчего дѣлаются раны и знаки». Въ такой перепискѣ прошелъ годъ. Новое настойчивое описаніе Гааза всѣхъ злоключеній отъ прута,—въ результатѣ предложеніе замѣнить прутъ общей цѣпью съ наручниками. Этой замѣной *неподвижнаго* прута цѣпью дѣло и кончилось. «Прутъ лишь измѣнилъ свое имя... и продолжалъ существовать до тѣхъ поръ, пока, благодаря энергическимъ трудамъ Милютина и Гейдена, введеніе перевозки арестантскихъ партій по желѣзнымъ дорогамъ и водою не измѣнило кореннымъ образомъ и самыхъ пріемовъ препровожденія ссыльныхъ», т. е. до шестидесятыхъ годовъ, живое дыханіе которыхъ коснулось и гаазовскихъ «несчастныхъ» кліентовъ.

Такимъ образомъ, «порядокъ» побѣдилъ. «Общій вопросъ, поднятый Голицынымъ и Гаазомъ, былъ похороненъ и достоинство вѣдомства, имѣвшаго ближайшее отношеніе къ ссыльнымъ, сохранено во всей своей печальной неприкосновенности». Но Гаазъ, въ Москвѣ, у себя на мѣстѣ, не положилъ оружія и придумалъ особые, облегченные, кандалы, получившіе названіе гаазовскихъ, и рядомъ ходатайствъ и приставаній добился того, что для нѣкоторыхъ арестантовъ, препровождаемыхъ черезъ Москву, прикованіе къ пруту было замѣняемо его кандалами. «Въ 1833 г. послѣдовало временное разрѣшеніе вмѣсто приковыванія къ пруту арестованныхъ за *легкіе проступки* надѣвать имъ ножные кандалы, если они сами того пожелаютъ и будутъ просить у начальства, какъ особаго снисхожденія и милости. Это распоряженіе страдало рядомъ недомолвокъ, обратившихъ его повсюду, гдѣ не было Гаазовъ, въ мертвую букву... Замѣна *права* арестанта быть снятымъ съ прута снисхожденіемъ и *милостью* начальства и притомъ неизвѣстно какого—уничтожала всякій дѣйствительный характеръ у этой мѣры».

Таковы, въ сущности, всѣ результаты дѣятельности Гааза, и иными они и не могли быть. Онъ шелъ съ своими взглядами въ разрѣзъ съ общими условіями, казался всѣмъ «утрированнымъ филантропомъ», за-

водящимъ пререканія и «затѣйливости», затрудняющимъ начальство, наконецъ, развращающимъ арестантовъ. При томъ порядкѣ, гдѣ *всѣ* были прикованы къ *пруту крѣпостнаго права*, что могъ значить столь возмущавшій Гааза арестантскій прутъ? Надъ всѣми царила въ то время форма, а Гаазъ требовалъ отношенія къ людямъ по существу, отношенія, всегда хлопотливаго, мелочнаго, требующаго вниманія къ каждому отдѣльному случаю. Тогда какъ форма всѣ случаи подводила подъ одно и тѣмъ снимала съ начальства всякую отвѣтственность, и мы вполнѣ понимаемъ негодованіе Капцевича и «трехъ-бунчужнаго паши», графа Закревскаго, на неугомоннаго филантропа, для котораго арестантъ былъ прежде всего человѣкомъ. Если и въ наши дни этотъ взглядъ не вошелъ еще въ обиходъ общественной мысли и возможны картины, описываемыя г. Мельшинымъ въ его «Мірѣ отверженныхъ» *), то полстолѣтія тому назадъ Гаазъ долженъ былъ казаться — и казался — чѣмъ-то дикимъ, даже прямо преступнымъ явленіемъ, которое не укладывалось ни въ какую клѣточку оффиціальнаго порядка. Будучи врачемъ комитета, онъ, напр., требовалъ, чтобы больныхъ арестантовъ считали дѣйствительно больными и не отсылали умирать «на прутѣ», заражая скованныхъ съ ними. Между тѣмъ, по «статейнымъ спискамъ», которые составлялись писарями, эти больные числились здоровыми. Отсюда конфликтъ между Гаазомъ и «спискомъ», возмущавшій генерала Капцевича до глубины души,—и опять-таки мы не можемъ винить этого суроваго служаку, которому въ Московской пересыльной тюрьмѣ, быть можетъ, впервые въ жизни приходилось слышать такія слова, какъ «заботливость, справедливость, человѣчность, право, милосердіе». Бѣдный Капцевичъ выходилъ изъ себя. «Арестантъ проситъ не отправлять его съ партіей, ибо онъ ожидаетъ жену или брата, съ которыми хочетъ проститься,— и г. Гаазъ оставляетъ его, а между тѣмъ батальоннымъ командиромъ уже бумаги о семъ арестантѣ изготовлены; оставляя при осмотрѣ многихъ отправляющихся ссыльныхъ по просьбамъ весьма неуважительнымъ, докторъ Гаазъ заставляетъ конвойныхъ, въ полной походной аммуниціи, ожидать сего осмотра или разбора просьбъ, или прощаній его съ отсылаемыми преступниками, начальникъ же команды, сдѣлавшій разсчетъ кормовыхъ денегъ и составившій списокъ отправляемымъ, вынужденъ все это передѣлывать»... Такъ писалъ негодующій Капцевичъ, доказывая, что «Гаазъ не только безполезенъ, но даже вреденъ, возбуждая своею неумѣстною филантропіей развращенныхъ арестантовъ къ ропоту».

Все болѣе и болѣе не нравилась эта «развращающая арестантовъ» дѣятельность строгимъ блюстителямъ «порядка», и когда въ Москвѣ воцарился «трехбунчужный паша» графъ Закревскій, которому очень надоѣлъ «утрированный филантропъ», мѣшавшій пріятному сознанію, что въ Москвѣ «все обстоитъ благополучно»,—неизвѣстно, къ какимъ мѣрамъ прибѣгъ бы онъ для водворенія Гааза въ надлежащіе предѣлы. Къ счастью для русскаго общества, Гаазъ въ это время умеръ, иначе въ исторію этого общества вписана была бы еще одна печальная страница, такъ какъ несомнѣнно, что Закревскій, самого Филарета зачислившій въ «неблагонадежные», не остановился бы предъ Гаазомъ...

Какъ же, однако, относилось общество къ человѣку, который, по словамъ Максимова, «былъ причисленъ заживо къ лику святыхъ и таковымъ

*) См. «Крит. замѣтки» ноябрь 1896 г.

разумѣлся во всѣхъ слояхъ московскаго населенія»? Оно... врядъ ли его понимало, въ лучшемъ случаѣ. Для него онъ былъ интересный чудакъ, и оно ограничивалось жалкими подачками, собираемыми Гаазомъ со своихъ знакомыхъ въ пользу «несчастныхъ». По крайней мѣрѣ, когда онъ умеръ, его пришлось похоронить... на счетъ полиціи. За то «порядокъ» и послѣ смерти оказалъ ему честь. Закревскій, опасаясь «безпорядка» на похоронахъ человѣка, который при жизни все время чинилъ «безпорядки» въ бумажномъ царствѣ, прислалъ полицеймейстера съ казаками.

Эти похороны произвели извѣстное впечатлѣніе въ Москвѣ. Но, говоритъ г. Кони, «вскорѣ за этимъ подъемомъ чувствъ наступило обычное у насъ равнодушіе и забвеніе, и память «фанатика добра» стала блекнуть и исчезать. Никто своевременно не собралъ любящей рукой живыхъ воспоминаній о немъ, и объемъ ихъ сталъ съ каждымъ годомъ, съ каждой смертью людей, знавшихъ его съуживаться. Не нашлось никого; кто бы тотчасъ, подъ не остывшимъ еще впечатлѣніемъ, съ умиленіемъ предъ личностью «утрированнаго филантропа», набросалъ дрожащею отъ душевнаго порыва рукою его «житіе». *Знавшіе* его замкнулись въ область личныхъ воспоминаній и не почувствовали потребности повѣдать не знавшимъ о томъ, что такое былъ Гаазъ».

Такое равнодушіе и забвеніе лучше всего свидѣтельствуютъ, что смыслъ дѣятельности Гааза былъ непонятенъ обществу. Быть можетъ, оно удивлялось личности, даже считало ее «святой», но само не сознавало, какіе мотивы двигали этого святого. Тѣмъ болѣе, что этотъ «святой» былъ нѣмецъ и католикъ, вѣригъ не носилъ, не юродствовалъ, вообще — внѣ круга своей дѣятельности ничѣмъ внѣшнимъ не выдѣлялся. Этому равнодушію современниковъ къ Гаазу г. Кони посвящаетъ прочувствованную страницу, обобщая самое явленіе. «Таково,—говоритъ онъ,—свойство нашего образованнаго общества, нашей такъ-называемой «интеллигенціи». Мы мало умѣемъ поддерживать сочувствіемъ и уваженіемъ тѣхъ немногихъ дѣйствительно замѣчательныхъ дѣятелей, на которыхъ такъ скупа наша судьба. Мы смотримъ обыкновенно на ихъ усилія, трудъ и самоотверженіе съ безучастнымъ и лѣнивымъ любопытствомъ, «съ зловѣщимъ тактомъ,—какъ выразился Некрасовъ,—сторожа ихъ неудачу». Но когда такой человѣкъ внезапно сойдетъ со сцены, въ насъ вдругъ пробуждается чувствительность, проснувшаяся память ясно рисуетъ и пользу, принесенную усопшимъ, и его душевную красоту,—мы плачемъ поспѣшными, хотя и запоздалыми слезами, въ безплодномъ усердіи несемъ ненужные вѣнки... Каждое слово наше проникнуто чувствомъ нравственной осиротѣлости. Однако, все это скоро, очень скоро проходитъ. Скорбь наша менѣе долговѣчна, чѣмъ башмаки матери Гамлета. На смѣну ей является равнодушіе и, затѣмъ, забвеніе. Черезъ годъ, другой, горячо оплаканный дѣятель забытъ, забытъ совершенно и прочно, и лишь въ немногія молчаливыя сердца память о немъ, «какъ нищій въ дверь—стучится боязливо». Затѣмъ и обладатели этихъ сердецъ уходятъ, и имя, которое должно бы служить ободряющимъ и поучительнымъ примѣромъ для каждаго новаго поколѣнія, уже произносится съ вопросительнымъ недоумѣніемъ: «Какъ? кто это такой?..» У насъ нѣтъ вчерашняго дня. Оттого и нашъ завтрашній день всегда такъ туманенъ и тусклъ. Поэтому и смерть выдающагося общественнаго или государственнаго дѣятеля напоминаетъ у насъ паденіе человѣка въ море. Шумъ, пѣна, высокія брызги воды, широкіе, волнующіеся круги... а затѣмъ все сом-

кнулось, слилось въ одну безформенную, одноцвѣтную, сѣрую массу, подъ которою все скрыто, все забыто...»

Горькая правда скрыта въ краснорѣчивыхъ словахъ г. Кони, и сущность ея въ томъ и заключается, что общественныя условія нашей жизни не даютъ развиваться тѣмъ неуловимымъ проявленіямъ симпатіи, изъ которыхъ слагаются отношенія между выдающейся личностью и масссою. Эти симпатіи, сочувствіе къ дѣятельности, должны прежде всего имѣть форму для своего выраженія, и разъ ея нѣтъ,—нѣтъ и путей для жизненной связи между массой и дѣятелями. На громадное значеніе этого условія указываетъ самъ г. Кони, говоря о причинахъ широкаго развитія дѣятельности Говарда. «Въ его распоряженіи была свободная печать его родины, сослужившая ему вѣрную и честную службу;—парламентъ съ особымъ вниманіемъ и уваженіемъ выслушивалъ доклады, основанные на его выводахъ и наблюденіяхъ;—европейскія правительства давали ему всѣ средства для собиранія матеріаловъ, и, за исключеніемъ короткаго времени, проведеннаго во французскомъ плѣну, онъ былъ всюду уважаемымъ гостемъ, предъ которымъ гостепріимно были открыты двери дворцовъ и предупредительно распахивались ворота тюремъ... Почва для болѣе широкой дѣятельности подготовлялась сама собой».

Ничего подобнаго у насъ не было и нѣтъ, почему и немыслимо дѣятельное сочувствіе между массою и «героями добра», въ родѣ Гааза. Для героевъ законъ не писанъ, какъ и для геніевъ, и они всегда окажутъ вліяніе, хотя бы и въ узкомъ кругу личной жизни. Но чтобы ихъ работа получила историческое значеніе, необходимо дѣятельное участіе массъ, и разъ этого нѣтъ, они проходятъ почти безслѣдно, какъ Гаазъ. Вотъ почему все, что можетъ содѣйствовать культурному подъему массъ, какъ бы ничтожно оно ни было, неизмѣримо важнѣе отдѣльныхъ Гаазовъ, при всемъ ихъ благородствѣ, безупречности и святости.

Что же касается культурнаго подъема массъ, то и онъ не совершается «самъ собой», а является отраженіемъ вещественныхъ отношеній, проще говоря, основанъ на хозяйственныхъ отношеніяхъ данной страны. По мѣрѣ развитія и улучшенія послѣднихъ, растетъ и культура. Крѣпостное право, во времена Гааза лежавшее въ основѣ русскаго общественнаго быта и мертвившее всякое живое дѣло Гааза и немногихъ подобныхъ ему «фанатиковъ добра», основывалось само на натуральной формѣ хозяйства страны. Ко второй половинѣ столѣтія натуральное хозяйство перестало быть доходнымъ, вытѣсняемое денежной формой, по мѣрѣ сближенія Россіи съ Западомъ, и трудъ крѣпостныхъ сталъ невыгоднымъ [1]), не окупая производства. Значеніе экономическаго переворота, созданнаго паденіемъ натуральнаго хозяйства, идейнымъ отраженіемъ котораго служило крѣпостное право, составляетъ до сихъ поръ предметъ изученія, такъ какъ выяснить его во всѣхъ деталяхъ теперь и невозможно. Этотъ переворотъ отражается на всѣхъ формахъ русской общественной жизни, захватывая постепенно и область идей.

Съ послѣднимъ никакъ не хотятъ мириться сторонники первенствующаго значенія идей въ общественной жизни, и въ «Міровыхъ Оттолоскахъ» неизвѣстный авторъ г. Н. С** выступилъ противъ помѣщенной въ майской книжкѣ нашего журнала статьи г. Крживицкаго «Генезисъ идей». Въ статьѣ «Новый видъ обскурантизма»

---

[1]) См. подробности у Милюкова «Очерки по исторіи русской культуры», ч. I.

Н. С.** проявилъ старое недоразумѣніе, мѣшающее въ этомъ спорѣ о зависимости идей и экономическихъ отношеній взаимному пониманію противниковъ. Г. Крживицкій говоритъ о значеніи идей, какъ *общественнаго* фактора, не касаясь роли ея, какъ *психическаго* фактора. Авторъ статьи въ «Міровыхъ Отголоскахъ» не хочетъ этого понять и возмущается грубымъ матеріализмомъ г. Крживицкаго, проявляя съ своей стороны крайне грубое, совсѣмъ не философское представленіе объ «экономическомъ матеріализмѣ».

Оставляя въ сторонѣ самый тонъ и нѣкоторыя выходки г. Н. С.** по адресу послѣдователей этой доктрины,—къ такому тону и выходкамъ насъ уже пріучили и болѣе видные противники, почему г-ну Н. С.** и Богъ проститъ,—остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ яркаго непониманія самого вопроса. Г. Крживицкій мимоходомъ указываетъ, напр., что если «эпоха возрожденія началась въ итальянскихъ городахъ», то «этотъ фактъ является не случайностью, но просто историческою необходимостью». Г. Н. С.** съ ироніей замѣчаетъ по этому поводу: «Крѣпко жаль, что авторъ не хочетъ поговорить объ этомъ подробно. Было бы очень любопытно его послушать. Чимабуэ и Джіотто—отраженіе «вещественныхъ отношеній»? Сонеты Петрарки и «Божественная комедія» Данте—показатели свободной торговли? Рафаэль и Микель Анджело—сторонники ростовщичества противъ рыцарскаго разбоя?—Авторъ гораздо бы лучше доказалъ свою мысль, если бы объяснилъ ее на подобныхъ конкретныхъ данныхъ».

Конечно, г. Крживицкій послѣдовалъ бы этому совѣту, если бы, подобно г-ну Н. С.** и его союзникамъ въ этомъ вопросѣ, понималъ экономическій матеріализмъ въ грубомъ, чисто житейскомъ, лавочномъ смыслѣ. Но въ томъ и дѣло, что ни одинъ экономическій матеріалистъ до сихъ поръ не повиненъ въ этомъ. Самые прямолинейные и узкіе послѣдователи этой доктрины не касались,—да и не могли касаться,—вопроса о личномъ творчествѣ, которое и на ихъ взглядъ составляло и всегда будетъ составлять непостижимую тайну индивидуальной психологіи. Почему именно Данте есть Данте, а Микель Анджело—Микель Анджело, а не «показатели свободной торговли», это вопросъ праздный, какъ и знаменитый вопросъ Кифы Мокіевича объ яйцѣ, изъ котораго долженъ былъ бы выйти слонъ. Но какъ Гоголь былъ правъ, избравъ Кифу Мокіевича представителемъ россійскаго обывательскаго глубокомыслія своего времени, такъ правы и экономическіе матеріалисты, когда для эпохи возрожденія они ищутъ общественныхъ, соціологическихъ факторовъ, а не индивидуальныхъ. Г. Крживицкій съ особымъ натискомъ говоритъ, что «существуютъ въ исторіи великіе люди и толпа, руководители и иниціаторы, геніи и дураки», тѣмъ самымъ устраняя изъ соціологическаго пониманія идеи вопросъ объ ея индивидуальномъ значеніи. «Въ этомъ сюртукѣ есть идея», говорилъ портной Гейне, и ни одному экономическому матеріалисту не придетъ въ голову видѣть въ «идеѣ» этого портного «отраженіе вещественныхъ отношеній». Но почему у портныхъ извѣстной эпохи одни идеи, а у портныхъ другой эпохи иногда совершенно противоположныя идеи,—за этотъ вопросъ охотно возьмется экономическій матеріалистъ и найдетъ основаніе этому *общественному* явленію въ разницѣ экономическихъ отношеній. И тогда «идеи» тѣхъ и другихъ портныхъ явятся въ глазахъ экономическаго матеріалиста «отраженіемъ вещественныхъ отношеній», а не личныхъ вкусовъ портного Ивана или Петра.

Г. Н. С.** возмущается, когда

г. Крживицкій объясняетъ происхожденіе этическихъ взглядовъ современнаго буржуазнаго общества. «Торговля,—говоритъ г. Крживицкій,—создаетъ обычаи, для которыхъ не было мѣста въ атмосферѣ общиннаго духа и взаимной солидарности, свойственной варварамъ. Общественный строй варваровъ осуждалъ ростовщичество. Между тѣмъ въ городской средѣ умѣнье получать проценты (sic!—*вставляетъ г. Н. С.***) становится постояннымъ, всеобщимъ и вполнѣ «нравственнымъ» учрежденіемъ (sic!—*повторяетъ* г. Н. С.**), такъ что позднѣйшіе мѣщанскіе философы смогутъ въ этомъ обычаѣ признать явленіе, вполнѣ согласное съ требованіями абсолютной справедливости. Напротивъ, грабежъ, этотъ источникъ богатства и славы въ эпоху варварства, первый разъ встрѣчаетъ осужденіе. Горожане противопоставляютъ ему имущество, добытое собственнымъ трудомъ и бережливостью. Такъ подъ прикрытіемъ городскихъ стѣнъ и какъ отраженіе вещественныхъ отношеній, мало-по-малу возникъ весь (?—*знакъ вопроса* г-на Н. С.**) кодексъ мѣщанской этики: индивидуальный утилитаризмъ, заповѣди экономической самопомощи и бережливости, а также взаимной конкурренціи». Г. Н С.** язвительно вопрошаетъ: «Это эволюція этики вообще или этики только мѣщанской?»

Кажется, у г. Крживицкаго ясно сказано: «мѣщанской», а не какой-либо другой. Странное впечатлѣніе производятъ всѣ «sic» г. Н. С.** Какъ будто въ приведенной выдержкѣ г-нъ Крживицкій одобряетъ ростовщичество, разъ объясняетъ его происхожденіе, видя въ признаніи роста законнымъ со стороны мѣщанъ «отраженіе ихъ вещественныхъ отношеній». Напрасно, поэтому, г. Н. С.** хочетъ прославить свое идеальное отношеніе къ презрѣнному металлу за счетъ г. Крживицкаго, который, поставивъ слово «нравственный» въ ковычки, хочетъ показать, что этотъ эпитетъ къ слову «ростъ» не его изобрѣтеніе.

«Любопытно бы,—задаетъ коварный вопросъ г. Н. С.**—знать, что онъ, (г. Крживицкій) думаетъ объ основахъ морали». Вполнѣ законное любопытство, хотя врядъ ли его возможно удовлетворить въ полной мѣрѣ, что и г-ну Н. С.** должно быть понятно. Но общій взглядъ автора на происхожденіе морали высказанъ въ статьѣ, и на мораль, разсматриваемую какъ факторъ общественный, онъ смотритъ съ точки зрѣнія той же доктрины, придавая морали огромное значеніе, что видно, напр., изъ слѣдующей фразы: «Принятіе христіанства германцами создало извѣстную всеобщую атмосферу, о значеніи которой нельзя умолчать. Атмосфера эта обнаруживаетъ все свое вліяніе тогда, когда обмѣнъ изъ мѣстнаго явленія становится международнымъ учрежденіемъ».

Эта фраза, прямой смыслъ которой совершенно ясенъ, вызываетъ рядъ восклицаній со стороны г. Н. С.**: «Что се есть? И какъ это понимать нужно? И почему автору «нельзя умолчать» о христіанствѣ? Зачѣмъ эта казенная и туманная фраза? Вѣдь всякому понятно, что рядомъ съ факторами «вещественныхъ отношеній» христіанству нѣтъ мѣста. Или авторъ намѣренъ объяснять св. Франциска Ассизскаго или Сергія Радонежскаго изъ измѣненія экономическихъ факторовъ и производительныхъ силъ? Напрасный трудъ! Это ненужная и неумѣстная обмолвка, которая слишкомъ странно звучитъ въ контекстѣ рѣчи убѣжденнаго защитника экономическаго матеріализма».

Такъ ли? Мы увѣрены, что и г. Н. С.** отлично понимаетъ, что не совсѣмъ «напрасный трудъ». Относительно св. Франциска и Сергія Радонежскаго отвѣтъ нами данъ выше, потому что и къ нимъ примѣнимо то, что мы гово-

рили о Чимабуэ и Данте. Но почему нищенствующее свободное монашество, созданное св. Франциском, такъ быстро распространилось по Европѣ, это прямо вытекаетъ изъ экономическихъ условій, при которыхъ возникъ могущественный орденъ францисканцевъ. Отрицать связь «вещественныхъ отношеній» съ христіанствомъ довольно трудно, что видно, напр., изъ быстраго его распространенія прежде всего среди рабовъ и пролетаріевъ въ римской имперіи. Богатый классъ принялъ христіанство уже послѣ его фактической побѣды. «Ученіемъ рабовъ и нищихъ» величали его Плиній, Траянъ и Маркъ Аврелій, для которыхъ оно было лишь «печальное и безмѣрное суевѣріе», по выраженію Плинія,—и въ этомъ характерномъ названіи слышится глубокая имущественная основа христіанства, которое вмѣстѣ съ свободой духа несло и имущественное равенство, какъ показываетъ исторія раннихъ христіанскихъ общинъ. Или и это станетъ отрицать г. Н. С.**? Съ другой стороны, умаляетъ ли г. Кржижановскій значеніе христіанства, когда видитъ въ немъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ къ сближенію народовъ, что несомнѣнно повело къ усиленію международнаго обмѣна?

Да и вообще, основательна ли скорбь г. Н. С.** по поводу того, что экономическій матеріализмъ, будто бы, низводитъ идею съ пьедестала? «Все,—говоритъ онъ,—что прежде понимали подъ словомъ «творчество великихъ умовъ», здѣсь вполнѣ упраздняется. Прежде слѣпой и инертной жизни массъ противопоставляли «творческую мечту» мыслителя. Теперь вещественныя отношенія упразднили эту «творческую мечту», ибо теперь не такъ наивны, чтобы искать въ жизни «правды»; «на историческихъ страницахъ» теперь вмѣсто «живой черты» ищутъ «матеріальнаго благосостоянія». Этотъ выводъ, повторяемъ, въ контекстѣ экономическаго матеріализма вполнѣ на своемъ мѣстѣ».

Посовѣтуемъ г. Н. С.** прежде всего успокоиться. Всѣ эти печалованія просто плодъ его взволнованнаго воображенія, которое, вообще, плохой судья въ философскихъ вопросахъ. Вдумавшись, онъ поймете, что личное творчество, «творческая мечта», какъ была, такъ остается внѣ сферы изслѣдованія экономическаго матеріализма. Художникъ, поэтъ, просто «любитель старины», ищущій въ ней поученій и примѣровъ, всегда будутъ «на историческихъ страницахъ» искать «живой черты» и находить вдохновляющую ихъ «творческую мечту». Но историки и философы не могутъ удовольствоваться послѣдней, и вполнѣ законно и научно ихъ желаніе найти для нея болѣе глубокую основу. И доктрина экономическаго матеріализма стремится къ тому же. Эта доктрина имѣетъ въ виду исключительно *общество*, *общественныя* силы и *общественныя* соотношенія. Надъ ихъ анализомъ она оперируетъ, къ ихъ пониманію она стремится, во всемъ остальномъ вполнѣ соглашаясь съ гейневскимъ кучеромъ, что «идея есть всякая глупость, пришедшая человѣку въ голову».

Вопросъ объ общинѣ, затронутый нами въ прошлый разъ, интересуетъ не только нашу интеллигенцію, но и тѣхъ, кто непосредственно имѣетъ дѣло съ общинными порядками. На это указываетъ любопытная полемика, загорѣвшаяся на страницахъ «Сельскаго Вѣстника», газеты, издаваемой при «Правительственномъ Вѣстникѣ» исключительно для крестьянъ. Расходится это оффиціальное изданіе въ 60 тысячахъ экземплярахъ и, судя по массѣ писемъ, помѣщаемыхъ въ немъ, пользуется до извѣстной степени популярностью. Какъ оффиціальное изданіе, «Сельскій Вѣстникъ»

является выразителемъ взглядовъ правящихъ сферъ, но по нѣкоторымъ вопросамъ редакція предоставляетъ свободный обмѣнъ мнѣній между читателями, контингентъ которыхъ набирается преимущественно изъ сельской интеллигенціи, учителей, старшинъ, зажиточныхъ крестьянъ, фельдшеровъ, мелкихъ торговцевъ и проч. Въ прошломъ году редакція предложила на обсужденіе вопросъ о преимуществѣ общинныхъ порядковъ предъ лично-подворнымъ владѣніемъ, и въ № 37 появилось первое письмо крестьянина Димитріева изъ Гдовскаго уѣзда, Петербургской губ., въ которомъ авторъ сильно нападаетъ на общинные порядки, видя въ нихъ помѣху какъ для развитія сельскохозяйственной промышленности, такъ и для личной самостоятельности отдѣльныхъ членовъ общины. Письмо это встрѣтило сочувствіе и поддержку изъ другой области. Въ № 6-мъ за 1897 г. появилось письмо сельскаго учителя Уржумскаго уѣзда, Вятской губ., въ которомъ онъ не только соглашается съ взглядами Дмитріева, но и доказываетъ примѣрами изъ вятской жизни, что «съ мнѣніемъ Дмитріева о вредномъ вліяніи общинности на крестьянское хозяйство и на самихъ крестьянъ долженъ согласиться всякъ, кто испыталъ на себѣ *ярмо*, которое величаютъ общиннымъ землепользованіемъ». Въ обоихъ письмахъ какихъ-либо новыхъ доводовъ противъ общины нѣтъ: все тѣ же указанія, что и въ общей литературѣ, — на черезполосность, дробность участковъ, невозможность многополья и травосѣянія, если всѣ держатся другой системы, разбросанность надѣловъ, обиліе сходовъ, несправедливости при передѣлахъ и проч.

Эти нападки, какъ и слѣдовало ожидать, не остались безъ отвѣта, и въ № 21 за 1897 г. появилось возраженіе со стороны крестьянина Давыдова, Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губ. Въ своемъ письмѣ онъ выступаетъ настоящимъ «народникомъ» и страстнымъ защитникомъ общинныхъ порядковъ, въ которыхъ видитъ единственную основу крестьянскаго хозяйства, умиляется предъ «равненіемъ по жеребью» и сравниваетъ общину съ семьей. Въ чемъ заключается сущность этой защиты читатели могутъ видѣть изъ слѣдующаго замѣчанія редакціи «Вѣстника», которое и приводимъ, въ виду его знаменательности. Крестьянинъ-общинникъ заканчиваетъ письмо заявленіемъ, что «едва-ли кто не согласится съ его мнѣніемъ». Редакція возражаетъ:

«А мы полагаемъ, что несогласныхъ найдется даже и много, а именно всѣ тѣ, кто узналъ немножко побольше, чѣмъ знали отцы и дѣды, повидалъ другія мѣста, гдѣ какъ люди живутъ и хозяйство ведутъ: — всѣ такіе въ одинъ голосъ скажутъ, что нынче вовсе не ко времени такъ разсуждать. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя думать такъ, какъ думали сто лѣтъ назадъ, если послѣ того всѣ условія и обстоятельства жизни и хозяйства перемѣнились. Отчего появились всякіе недостатки, долги, недоимки, тѣснота, отъ которой люди бѣгутъ, куда глаза глядятъ? Объ этомъ много было писано: какъ на причины обѣднѣнія указывали на пьянство, лѣнь, лишніе расходы на разныя прихоти и т. п. И все это истинная правда, все это сильныя причины обѣднѣнія, но только не всѣ,—есть еще одна причина, можетъ быть, самая главная, о которой пока большинство не думаетъ; очевидно, не думаетъ о ней и Давыдовъ. Эта причина—наше старинное, дѣдовское хозяйство; пока оно будетъ продолжаться, до тѣхъ поръ нашъ народъ будетъ бѣднѣть все болѣе и болѣе. Прежде и всѣ народы хозяйничали такимъ же порядкомъ, который сохранился у насъ до сихъ поръ, а теперь этого нигдѣ не найдешь,

кромѣ одной Россіи, да и то только у крестьянъ русскаго племени и еще развѣ у татаръ, чувашъ, мордвы и другихъ инородцевъ, которые въ просвѣщеніи отстали даже и отъ нашего крестьянства; а въ нашей же Россіи у чухонъ, латышей, поляковъ, нѣмцевъ заведены уже другіе хозяйственные порядки, наподобіе тѣхъ, какіе уже давно установились въ другихъ европейскихъ странахъ. Какіе именно эти порядки, этого не объяснить въ краткой бесѣдѣ, мимоходомъ... Теперь мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько замѣчаній по поводу письма Давыдова.

«Если собственники (на что ссылается Давыдовъ), имѣющіе по 42 десятины, пасутъ свой скотъ вмѣстѣ со всѣми крестьянами, на общемъ, вѣроятно, плохомъ выгонѣ, имѣя одного пастуха, то это вѣрнѣе всего значитъ только то, что они въ пониманіи хозяйства ушли недалеко отъ своихъ дѣдовъ. При такой пастьбѣ земли идетъ подъ нее много, а толку бываетъ мало, скотъ никогда не наѣдается до сыта, больше вытопчетъ, чѣмъ съѣстъ, оттого и молока, и мяса онъ даетъ такъ мало, что приноситъ хозяину одинъ убытокъ (пустька Давыдовъ посчитаетъ хорошенько, во что обходится содержаніе скота и много ли отъ него получается дохода); потому-то и скотъ нашъ по большей части плохой, и улучшить его весьма трудно, именно по той причинѣ, что онъ держится въ общихъ стадахъ. Общая пастьба бываетъ и у европейскихъ крестьянъ, хорошихъ хозяевъ, но только тамъ, гдѣ земли очень мало, а скотъ у всѣхъ одинаково хорошій, многомолочный или богатый мясомъ (30-ти-пудовой), такъ что скотина въ стадѣ не испортится, и выгоны превосходные, да и уходъ за скотомъ у всѣхъ хозяевъ совсѣмъ не такой, какъ у насъ. Хорошій хозяинъ, имѣя 40 десятинъ земли, съумѣлъ бы и скотъ свой пасти на своей землѣ, и съ остальной земли получать сѣна больше, чѣмъ у насъ хозяинъ получаетъ со всей этой земли, отпуская скотъ на чужой выгонъ, и получилъ бы онъ отъ своего скота такой доходъ, что было бы изъ чего даже особаго пастуха держать, если бы было нужно (а нужно это бываетъ далеко не всегда).

«Такого ежегоднаго дѣлежа земли (шапочной жеребьевки), какой описанъ въ письмѣ, уже нигдѣ на свѣтѣ нельзя найти, кромѣ какъ только у нашихъ крестьянъ; но и у нихъ это будетъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока они не возьмутся за умъ и не поймутъ, что гораздо лучше пользоваться постоянно однимъ и тѣмъ же участкомъ, даже такимъ, который теперь считается худшимъ, чѣмъ каждый годъ переходить на новый участокъ, надѣясь, что авось попадется и хорошій,—лучше это потому, что хорошій хозяинъ, потрудившись толково даже надъ плохимъ участкомъ, сдѣлаетъ его лучше лучшаго. Надо полагать, что скоро поймутъ это и наши крестьяне, перейдутъ къ инымъ порядкамъ и только со смѣхомъ будутъ вспоминать про прежнее свое весеннее землемѣріе; нужда заставитъ ихъ понять что теперешнее трехпольное хозяйство, въ которомъ на одномъ полѣ два года сѣется хлѣбъ, а третій годъ земля паруетъ,—совсѣмъ не годится, приноситъ хозяевамъ не выгоду, а чистый убытокъ, какъ и теперешнее крестьянское скотоводство.

«Давыдовъ хотѣлъ доказать, что «общинность полезна», а подтвердилъ только то, что и другіе говорили, а именно, что при ней нельзя заводить въ хозяйствѣ никакихъ перемѣнъ, стало быть, и улучшеній, безъ которыхъ нынѣшнее хозяйство можетъ обѣщать только полное разореніе. И для чего онъ привелъ въ примѣръ семейную жизнь? Вѣдь семьи живутъ каждая въ своемъ домѣ, а не въ одной общей казармѣ, — почему же

семьѣ не желать имѣть сполна свое особое хозяйство, чтобы вести его такъ, какъ она съумѣетъ лучше? Почему умный, старательный хозяинъ долженъ во всемъ поступать согласно съ глупыми и лѣнивыми?

«Какъ плохо понимаетъ Давыдовъ хозяйственное дѣло, это показываютъ тѣ строки его письма, гдѣ на вопросъ: возможно ли пасти свою корову на приколѣ? — онъ отвѣчаетъ: «нѣтъ и нѣтъ». А между тѣмъ это не только возможно, но даже весьма разумно и удобно, и очень многіе мелкіе хозяева часто дѣлаютъ именно такъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хлѣбъ родится не самъ-3—4—5, а самъ-14—15, и гдѣ корова даетъ молока въ годъ не 30—40 ведеръ, а 130—140 и даже гораздо больше.

«Очень хорошій примѣръ привелъ Давыдовъ, указавши на торговые дома, компаніи, товарищества и артели, которыя дѣйствуютъ сообща въ своемъ промышленномъ дѣлѣ; почему же и въ земледѣліи не дѣйствовать также? Да, очень можно и въ земледѣліи, и кое-гдѣ даже и дѣлаются такія пробы, а въ будущемъ такой порядокъ можетъ и сильно распространиться. Но только Давыдовъ того не сообразилъ, что товарищи сходятся *добровольно* (курсивъ редакціи «Вѣстника»), хорошо зная другъ друга, равные по уму, по усердію, по честности, и умные, трезвые люди въ свою артель не принимаютъ глупыхъ и пьяницъ; всѣ свое дѣло понимаютъ одинаково, и не хлопочатъ нѣсколько человѣкъ тамъ, гдѣ можетъ справиться и одинъ. А развѣ въ нашей деревенской общинѣ мы видимъ именно это самое? Развѣ не каждый домохозяинъ, копаясь на двухъ-трехъ десятинахъ пашни, справляетъ такое дѣло, что хорошій, работящій хозяинъ могъ бы управить такія дѣла за пятерыхъ?— да еще каждый желаетъ, чтобы и всѣ прочіе дѣлали такъ же, какъ онъ.

«Въ концѣ своего письма Давыдовъ приводитъ въ примѣръ свое семейство: живутъ всѣ врозь и зарабатываютъ по многу, а ни у кого лишняго нѣтъ, и даже нужды довольно; и вѣрно онъ говоритъ, что если бы всѣ жили дома, то и меньше добывая, не знали бы такой нужды, какъ порознь. Но отчего же, однако, всѣ не живутъ вмѣстѣ? Вотъ если онъ этотъ вопросъ хорошенько разберетъ, то, можетъ быть, и пойметъ, почему общинность не годится или не полезна не тѣмъ только людямъ, которымъ «каждая соринка можетъ вредить», какъ онъ толкуетъ».

Въ заключеніе редакція «Вѣстника» замѣчаетъ, что она вовсе не противъ общинности и не думаетъ, что ее надо «уничтожить», какъ писалъ крестьянинъ Димитріевъ въ прошломъ году, но своей замѣткой редакція хотѣла показать, что «въ теперешнихъ общинныхъ порядкахъ далеко не все ладно».

Такова эта любопытная полемика на страницахъ правительственнаго органа, и надо полагать, что на этомъ она не остановится, о чемъ пришлось бы искренно пожалѣть. Именно эти безъискусственные «за и противъ» людей, прямо заинтересованныхъ въ общинѣ, крайне поучительны и своевременны. Они лучше всего подтверждаютъ отмѣченный нами въ прошлый разъ «антагонизмъ» интересовъ въ общинѣ, указывающій на ея естественное разложеніе, подъ вліяніемъ новыхъ условій хозяйственнаго быта страны. Что же касается отношенія самой редакціи, то, какъ могутъ судить читатели, оно весьма знаменательно со стороны оффиціальнаго изданія.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Лѣтніе земскіе педагогическіе курсы для народныхъ учителей въ Полтавѣ. На ряду съ улучшеніемъ матеріальныхъ условій учительскаго быта, усовершенствованіе ихъ умственнаго и нравственнаго уровня является первою насущною потребностью. Легче всего это можетъ быть достигнуто на почвѣ живого обмѣна мыслей между учителями, постояннаго духовнаго общенія. Лучшимъ средствомъ послѣдняго, по отзывамъ самихъ учителей, являются учительскіе съѣзды. Вотъ что пишетъ о нихъ газета «Жизнь и искусство».

«Разрѣшенные въ 1867 году, они уже успѣли до 1884 года, времени ихъ прекращенія, принести обильные плоды, доказать свое жизненное значеніе для народнаго образованія. Здѣсь сообща обсуждались нужды начальной школы, болѣе опытные учителя знакомили своихъ собратовъ съ болѣе совершенными педагогическими пріемами и методами преподаванія. Если учительскіе съѣзды были полезны въ восьмидесятыхъ годахъ, если они много послужили къ развитію самосознанія учащихъ и къ выясненію нуждъ народной школы, то въ особенности, кажется намъ, полезно устройство такихъ съѣздовъ въ наше время, при наличности лучшихъ условій современной школы, когда все больше и больше увеличивается вниманіе и сочувствіе общества къ интересамъ народнаго просвѣщенія. Для дѣла улучшенія матеріальнаго и общественнаго положенія народнаго учителя необходимо снова призвать къ жизни учительскіе съѣзды. Кто можетъ лучше знать тяжелыя условія быта народныхъ учителей, какъ не сами они, испытавшіе весь гнетъ печальной обстановки? Коллективный голосъ народнаго учителя внушаетъ много довѣрія, и общество чутко прислушивается къ справедливымъ требованіямъ своихъ вѣрныхъ служакъ. Но если даже ходатайства учителей и не всегда удовлетворяются, съѣзды имѣютъ все-таки благотворное вліяніе. Въ обществѣ своихъ собратовъ по труду учитель не сознаетъ себя одинокимъ, онъ перестаетъ считать себя ничтожнымъ муравьемъ, желающимъ срыть цѣлую гору. Онъ видитъ, что не одинъ онъ работаетъ на трудномъ поприщѣ, что рука объ руку съ нимъ идетъ много тружениковъ, готовыхъ воздѣлывать народную ниву. Возбуждать самодѣятельность и охоту къ труду, утвердить учителей въ ихъ желаніи работать для великаго дѣла народнаго образованія—вотъ въ чемъ заключается отчасти цѣль учительскихъ съѣздовъ».

Нѣкоторую замѣну подобныхъ съѣздовъ даютъ педагогическіе курсы для народныхъ учителей. Интересный опытъ подобныхъ курсовъ представляютъ открывшіеся 15 мая въ Полтавѣ лѣтніе педагогическіе курсы для учителей земскихъ народныхъ училищъ

подъ руководствомъ педагога Д. Н. Тихомірова. Во вступительной рѣчи, напечатанной въ «Хуторянинѣ», онъ подробно останавливается, между прочимъ, на отличіи южно-русской школы отъ школы центральной Россіи. Считая народную школу» живымъ учрежденіемъ, совершенствующимся подъ вліяніемъ жизни государственной, земской, общественной, народной, подъ вліяніемъ, наконецъ, общей и спеціально-педагогической литературы», ораторъ признаетъ въ ней и «общія вліянія», и «мѣстныя особенности», и потому не допускаетъ возможности всѣ школы «обширной Россіи подводить подъ одинъ шаблонъ».

«Вездѣ, — говоритъ онъ, — и въ средней, и въ южной Россіи замѣчается проведеніе въ жизнь школы разумныхъ методовъ преподаванія: звуковой методъ, объяснительное чтеніе, толковое церковно-славянское чтеніе... Нѣтъ недостатка и въ живомъ участіи въ дѣлѣ народнаго образованія земства и разныхъ частныхъ группъ «добровольцевъ» всенароднаго просвѣщенія... Все это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ начала конца нашей неподвижности въ дѣлѣ образованія народа и даетъ надежду на болѣе свѣтлое будущее... Вездѣ народъ по достоинству оцѣниваетъ земскую школу и оказываетъ ей повсемѣстно предпочтеніе». Но то бѣда, что ни на сѣверѣ, ни на югѣ «нѣтъ еще такой школы, которая могла бы открыть свои двери всѣмъ, кто стучится въ эти двери»; приходится и земскимъ школамъ отказывать, за недостаткомъ мѣста, желающимъ учить въ нихъ своихъ дѣтей, и тогда крестьяне ведутъ этихъ дѣтей въ школы другого типа, «лишь потому только, что получили отказъ въ земскихъ школахъ».

Что касается отличительныхъ особенностей южно-русской школы. то г. Тихоміровъ говоритъ объ этомъ слѣдующее:

«Въ ней труднѣе выполнить общую для всѣхъ школъ программу, такъ какъ учащіеся «плохо понимаютъ и говорятъ по-русски». А между тѣмъ, самая программа обученія должна бы быть болѣе расширена въ южно-русской школѣ, конечно, въ зависимости «отъ большей или меньшей возможности пополнять учителю свои знанія, какъ спеціально-педагогическія, такъ и общенаучныя», препятствіемъ чему является почти «полное отсутствіе учительскихъ библіотекъ... Громадное большинство школъ не имѣютъ и удовлетворительно поставленныхъ ученическихъ библіотекъ».

Въ южно-русской школѣ меньше процентъ учащихся дѣвочекъ и много мальчиковъ, не оканчивающихъ трехлѣтняго курса школы; нѣтъ свѣдѣній о вечернихъ и воскресныхъ повторительныхъ и дополнительныхъ классахъ. Зато здѣсь обученіе грамматикѣ и орѳографіи не подавляетъ, какъ въ центральной Россіи, «развитія ума и чувства другими общеобразовательными предметами».

Въ отношеніи къ требованіямъ народа отъ школы, населеніе сѣверной Россіи уже выработало себѣ, послѣ продолжительной борьбы изъ-за стараго и новаго типовъ школы, опредѣленныя требованія, чтобы школа образовывала полезныхъ для себя, для семьи и для общества дѣятелей; отвѣты же учителей земскихъ школъ Полтавской губерніи указываютъ на равнодушіе мѣстнаго населенія къ результатамъ и характеру школы.

«Уклончивостью и неопредѣленностью» отличаются и отвѣты на вопросъ объ учительскомъ идеалѣ «народной школы, которая отвѣчала бы и взглядамъ его, учителя, и взглядамъ родителей, и потребностямъ и условіямъ современной крестьянской жизни».

Считая «настоящее время въ жизни нашего народа переходнымъ отъ полупатріархальныхъ формъ жизни къ

новымъ», г. Тихоміровъ указываетъ на хорошо поставленную народную школу, вмѣстѣ съ хорошей книгой, какъ на средство перейти къ лучшимъ формамъ, такъ какъ «нравственное и умственное просвѣщеніе есть необходимое условіе для воспринятія благодѣтельныхъ сторонъ культуры».

«Школа укажетъ средства для благороднаго и взаимно безобиднаго состязанія со своимъ сосѣдомъ, для устроенія совмѣстной, одинаково для всѣхъ благопріятной общественной жизни».

Несомнѣнно, заключаетъ газета «Волынь» изложеніе рѣчи г. Тихомірова, что педагогическіе курсы принесутъ большую пользу школьному дѣлу въ Полтавской губерніи, и устройство такихъ курсовъ должно быть поставлено въ число заслугъ полтавскаго земства. Но несомнѣнно также отмѣченное газетою преувеличеніе, которое допускаетъ г. Тихоміровъ въ оцѣнкѣ общественнаго значенія школы, приписывая ей возможность указать средства «благороднаго и взаимно безобиднаго состязанія со своимъ сосѣдомъ» и «устройства совмѣстной одинаково для всѣхъ благопріятной общественной жизни».

Что школа, т. е. образованіе ума, воли и чувства, будетъ играть большую роль въ рѣшеніи этого вѣковѣчнаго «проклятаго» вопроса общественной жизни—это несомнѣнно, но что не отъ одного просвѣщенія людей зависитъ это рѣшеніе — доказательствомъ тому служитъ положеніе этого дѣла въ просвѣщенныхъ странахъ Западной Европы и Америки. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ образованіе распредѣлено въ населеніи наиболѣе нормально и гдѣ трудъ находится въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, «благородное состязаніе» оказалось очень «обиднымъ» для цѣлыхъ сотень тысячъ безработныхъ пролетаріевъ, лишившихся средствъ къ существованію какъ разъ въ годъ промышленнаго торжества Соединенныхъ Штатовъ, всемірной выставки въ Чикаго.

Народный театръ въ г. Пензѣ. (Письмо въ редакцію). Въ ряду учрежденій, которымъ, повидимому, за послѣднее время суждено играть немаловажную роль въ дѣлѣ культурнаго развитія страны, приходится все чаще и чаще отмѣчать возникновеніе народныхъ театровъ. Это явленіе кажется намъ не случайнымъ, а полнымъ въ наше, въ извѣстномъ смыслѣ переходное время, глубокаго смысла. Вотъ почему и хотѣлось бы намъ по поводу возникновенія народнаго театра въ одномъ изъ провинціальныхъ уголковъ подѣлиться съ читателями «Міра Божьяго», нѣкоторыми свѣдѣніями и впечатлѣніями.

Въ хорошій майскій вечеръ пріятно посѣтить «Верхнее Гулянье» г. Пензы. «Верхнее Гулянье»—это превосходный городской паркъ, часть расчищеннаго и обнесеннаго загородкой лѣса. Здѣсь устраиваетъ иногда «Общество сельскаго хозяйства юго-восточной Россіи» свои выставки, сюда идетъ по праздникамъ городская публика подышать свѣжимъ воздухомъ. Ни суетливые звуки города, расположеннаго внизу, подъ горой, ни его вѣчная пыль сюда не доносятся. Лѣсъ, часть котораго представляетъ городской паркъ, тянется на нѣсколько верстъ. Пенза располагаетъ, такимъ образомъ, для отдыха превосходнымъ мѣстомъ, примыкающимъ къ городу: настоящимъ лѣсомъ съ обычной для него жизнью, съ перекликающимися птицами и съ несмолкающимъ рокотомъ соловьевъ въ ту пору года, о которой мы пишемъ. Здѣсь же, въ этомъ паркѣ, въ прошломъ году построенъ народный театръ. Чтобы быть точнымъ, слѣдовало бы сказать — построена сцена, потому что зрители помѣщаются подъ от-

*

крытымъ небомъ. Немного мѣста занимаетъ въ паркѣ эта постройка: 8 аршинъ въ глубину и 15 въ ширину вмѣстѣ съ необходимыми для акустическихъ цѣлей откосами (такъ что для зрителей открыто только 9 аршинъ сцены) и, наконецъ, до 15 аршинъ въ вышину въ переднемъ фасѣ,—вотъ и все зданіе. Передъ сценой устроены мѣста для зрителей, партеръ изображается наклонной земляной насыпью съ 14 рядами стульевъ, а за ними тоже на насыпи предоставляется стоять публикѣ. Каждый праздникъ и каждое воскресенье въ теченіе всего лѣта «Верхнее Гулянье» переполняется публикой, толпы народа движутся по дорожкамъ парка, украшеннымъ разноцвѣтными фонарями, передъ сценой та же толпа представляетъ плотную массу,—это значитъ, что народный театръ дѣйствуетъ. Мы видимъ на этотъ разъ потребность въ народномъ театрѣ уже и потому, что пензенскій не безплатенъ, онъ только общедоступенъ, и у него недостаетъ мѣстъ для желающихъ. Вотъ плата за мѣста для зрителей въ этомъ театрѣ: 1-й рядъ—1 р., 2-й и 3-й—75 к., слѣдующіе 5 рядовъ—50 к. и послѣдніе 6 рядовъ по 25 к. Со стоящихъ зрителей за входъ въ садъ во время спектакля берется по 10 к. Есть, наконецъ, опредѣленное количество билетовъ для рабочихъ по 5 к., кромѣ даровыхъ, назначенныхъ для бѣднѣйшихъ. Число безплатныхъ билетовъ бываетъ иногда больше 150 въ вечеръ. Лѣтомъ прошлаго года было поставлено двадцать спектаклей, и зарегистрованныхъ зрителей перебывало въ этомъ театрѣ болѣе *двадцати четырехъ тысячъ*...

Какъ же, однако, объявился такой театръ въ одномъ изъ самыхъ не бойкихъ городовъ нашихъ? Путемъ совершенно частной иниціативы. Пензенскимъ иниціаторамъ народнаго театра (гг. Косминскому и Колпашникову) пришлось начинать съ подписки. Благодаря сочувствію мѣстной администраціи, подписка дала 95 р. и... внезапно увяла, такъ же, какъ внезапно и процвѣла. Дальнѣйшія усиленныя попытки въ этомъ родѣ дали, впрочемъ, еще 22 р. и прекратились съ обѣихъ сторонъ: публика не даетъ, и иниціаторы не собираютъ. Дѣло, очевидно, не въ случайныхъ сборахъ, а въ пробужденіи общественной мысли. Ослабѣй только энергія гг. иниціаторовъ съ ихъ 117 р. въ карманѣ, и идея народнаго театра въ Пензѣ не могла бы осуществиться. Но разбужена общественная мысль, и дѣло растетъ и ширится; городская дума ассигнуетъ 200 руб., бывшая сельскохозяйственная выставка жертвуетъ часть своихъ лѣсныхъ матеріаловъ (доски), управленіе Уральской ж. д. присылаетъ своихъ плотниковъ. Театръ готовъ и начинаетъ работать. Изъ сборовъ за спектакли покрыта теперь вся стоимость его постройки (болѣе 750 р.), удѣлено болѣе 400 р. на благотворительныя цѣли, на нынѣшнее лѣто приглашенъ въ режиссеры талантливый артистъ г. Расатовъ, и дѣло народнаго театра въ Пензѣ можно считать окончательно осуществившимся.

Такова внѣшняя сторона одного изъ любопытнѣйшихъ культурныхъ предпріятій въ провинціи. Какъ смотритъ театръ на свои задачи и чему онъ учитъ народъ? На такой вопросъ можетъ отвѣтить перечень пьесъ, исполненныхъ за три лѣтнихъ мѣсяца прошлаго года на его подмосткахъ. «Бѣдность не порокъ» (2 раза), «На бойкомъ мѣстѣ» (2 раза), «Въ чужомъ пиру похмелье», «Картинки съ натуры», «Не въ свои сани не садись» (2 раза), «Свои люди—сочтемся», «Лѣсъ» (2 раза), «На порогѣ къ дѣлу», «Женихъ изъ ножевой линіи» (2 раза), «Поздняя любовь», «Волки и овцы», «Женитьба Бѣлугина», «Доходное мѣсто», «Трудовой хлѣбъ», «Женитьба» (2 раза),

«Несчастіе особаго рода». Какъ видите, Гоголь и главнымъ образомъ Островскій своими неувядающими образами заговорили къ народу со сцены народнаго театра.

Напрасно стали бы вы искать на афишахъ имена исполнителей. Они не печатаются. Работая безкорыстно, затрачивая свое время на репетиціи и спектакли, даровые труженики народнаго театра чужды желанія «прославиться». Ихъ контингентъ, какъ мы слышали, состоитъ изъ людей не обезпеченныхъ, затрата времени со стороны которыхъ является жертвой. Но вѣдь такая-то среда и является наиболѣе чуткой къ общественному дѣлу, и мы не удивились нисколько, замѣтивъ въ числѣ актрисъ народнаго театра народныхъ учительницъ. Высшая награда за работу на пользу другихъ находится въ сознаніи самихъ работниковъ, и вотъ что пишетъ намъ по этому поводу одно изъ лицъ, близко стоящихъ къ театру.

«Наши спектакли заинтересовали въ равной степени и простыхъ рабочихъ, и интеллигентное общество. И какое прекрасное зрѣлище представляетъ эта смѣшанная публика сама по себѣ!.. Мы никогда не забудемъ одного знаменательнаго для насъ спектакля въ августѣ мѣсяцѣ. Теплая, свѣтлая ночь. Спокойный свѣтъ луны освѣщаетъ деревья и красивыя группы многочисленной публики. Пьеса шла удачно и слушалась съ напряженнымъ вниманіемъ, чувствовалось, что авторъ, артисты и тысячная толпа слились, такъ сказать, въ одной идеѣ, въ одномъ чувствѣ... Да вѣдь это же и есть, господа, настоящій народный театръ! Поглощенные заботами объ устройствѣ сцены, крыши, кулисъ, партера и всей этой дряни, мы не замѣтили, какъ рядомъ съ этими бѣдными, жалкими тряпками выросла духовная сторона этого дѣла,—народный театръ въ истинномъ, благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Да, суть дѣла не въ великолѣпіи зданія и не въ электрическомъ освѣщеніи...»

Отмѣчая въ настоящемъ письмѣ появленіе народнаго театра въ глухомъ провинціальномъ городѣ, мы назвали это явленіе—фактомъ глубокого смысла. И этотъ смыслъ представляется намъ въ томъ, что мы назвали бы общимъ именемъ *пробужденія*. Толки печати о необходимости народнаго образованія, поразительный ростъ провинціальной печати, благородныя усилія земства поставить на надлежащую высоту самое дѣло образованія, организація общественныхъ библіотекъ и читаленъ,—все это явленія одного и того же порядка. Повидимому, все съ меньшимъ и меньшимъ равнодушіемъ могутъ созерцать интеллигентные люди народъ, изнывающій въ нищетѣ духовной и физической.

Ровно черезъ годъ Пенза собирается чествовать память своего великаго земляка—Бѣлинскаго. Предполагается литературный сборникъ, посвященный его имени, устройство второй народной читальни (первая посвящена имени Лермонтова), найдутся, вѣроятно, средства на учрежденіе хотя бы одного народнаго училища, въ которыхъ, къ слову сказать, городъ испытываетъ недостатокъ. Отчего бы и народному театру Пензы, упроченному и расширенному во всѣхъ отношеніяхъ, не украситься именемъ великаго борца русской мысли? В. Л.

Доходы земствъ 34-хъ губерній. Департаментъ окладныхъ сборовъ издалъ сборникъ свѣдѣній о земскихъ доходахъ, изъ котораго видно, что для всѣхъ 34-хъ земскихъ губерній общая сумма доходовъ какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ земствъ по смѣтамъ на 1895 годъ, послужившимъ источникомъ для разсматриваемой работы, опредѣляется въ 66.267.993 руб. и почти совпадаетъ съ исчисленной на

тотъ же годъ суммой земскихъ расходовъ. Превышеніе доходовъ надъ расходами по земскому бюджету всѣхъ 34-хъ губерній равняется всего 0,6%. Главный рессурсъ земствъ, конечно, сборы съ различныхъ предметовъ, подлежащихъ обложенію на мѣстныя общественныя нужды. Въ 1895 г. по этой статьѣ ожидалось къ поступленію въ земскія кассы 51.895.545 р., что составляетъ 78,3% всѣхъ доходовъ. Такимъ образомъ, лишь немного болѣе пятой части земскихъ доходовъ получается изъ другихъ источниковъ (отъ земскихъ капиталовъ и заведеній, пособій земству, возврата ссудъ, поступленій изъ спеціальныхъ капиталовъ и т. д.).

Главнымъ источникомъ земскихъ доходовъ является сборъ съ недвижимыхъ имуществъ: изъ 51,8 мил., ожидавшихся въ 1895 г. къ поступленію отъ сборовъ, на долю недвижимыхъ имуществъ приходится 47,4 мил. или 91,4% этой суммы, такъ что сборы съ остальныхъ предметовъ обложенія не составляютъ и десятой части всѣхъ сборовъ. Наибольшее значеніе для земскаго бюджета имѣютъ различныя «земельныя статьи»: земля несетъ 80% всѣхъ сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ, что составляетъ 37,8 мил. руб., или большую половину земскаго бюджета (57% общей суммы земскихъ доходовъ). Въ отдѣльныхъ районахъ и этотъ процентъ повышается: такъ, въ губерніяхъ восточныхъ и среднечерноземныхъ на землю падаетъ около двухъ третей земскаго бюджета (65,3% и 62,8%). но въ другихъ полосахъ, напримѣръ, въ южной и особенно въ среднепромышленныхъ, значеніе этой статьи дохода нѣсколько понижается (въ южныхъ губерніяхъ до 50,2%, въ промышленныхъ до 44,6%). Только въ одной Московской губерніи земля, принося земству лишь 18,6% общей суммы поступленій, не составляетъ главнаго источника земскихъ доходовъ.

При 225 мил. десятинъ земли, несущей земскіе сборы въ 34-хъ губерніяхъ, среднее обложеніе десятины опредѣляется въ 1895 году въ 16,7 к. По отдѣльнымъ губерніямъ замѣчаются большія отклоненія отъ этой средней цифры: наивысшее обложеніе приходится на губерніи: Полтавскую — 45,4 коп., Курскую — 40,2 коп., Тамбовскую—31,9 к., Рязанскую—30,6 к., Таврическую—28,2 коп., Харьковскую и Орловскую—26,1 к.; напротивъ, низшій размѣръ обложенія оказывается въ губерніяхъ: Смоленской—13,4 к., Костромской 12 к., Самарской—12 к., Новгородской—10,7 к., Уфимской—9,2 к., Пермской—8,7 к., Олонецкой—7,8 к., Вологодской—4 к. Въ Московской губерніи оно близко къ средней цифрѣ по всему земскому району (17 к. съ дес.). Географическое распредѣленіе земскихъ губерній по размѣрамъ земскаго сбора съ земли, разсматриваемое схематично, находится въ довольно близкомъ соотвѣтствіи съ цѣнами на землю.

О ростѣ сборовъ съ земли во времени можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Десять лѣтъ назадъ, какъ видно изъ опубликованныхъ тѣмъ же департаментомъ окладныхъ сборовъ «Земскихъ доходныхъ смѣтъ и раскладокъ на 1885 годъ», итогъ земскихъ доходовъ въ 34-хъ губерніяхъ опредѣлялся въ 43,1 милл. руб., а сборы съ земли дали земству 28,1 милл. или 65% общаго бюджета. Выше мы видѣли, что въ 1895 году поступленія изъ этого источника составляли меньшую долю всѣхъ земскихъ доходовъ, именно 57%. Слѣдовательно, относительное значеніе сборовъ земли въ земскомъ бюджетѣ за разсматриваемое десятилѣтіе уменьшилось. Иначе говоря, обложеніе земли въ пользу земства за этотъ промежутокъ времени возросло въ меньшей пропорціи, чѣмъ доходы изъ другихъ источниковъ. Въ цифрахъ эта разница опре-

дѣляется приблизительно такъ: доходъ отъ земскихъ сборовъ съ земли за десять лѣтъ увеличился на 34%, общая же сумма земскихъ доходовъ поднялась на 53%. Впрочемъ, и ростъ всей доходной земской смѣты совершается не такъ быстро, какъ ростъ государственнаго бюджета. По разсчету государственнаго контроля, обыкновенныя только поступленія въ казну увеличились за то же десятилѣтіе на 60%.

Сопоставленіе абсолютныхъ суммъ государственныхъ и земскихъ сборовъ, поступающихъ съ 34-хъ губерній, обнаруживаетъ наглядно, что земское обложеніе у насъ въ общемъ довольно умѣренно. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ государственномъ бюджетѣ прямые налоги, въ частности налоги съ недвижимыхъ имуществъ, далеко не главный источникъ дохода, какимъ представляются эти сборы для земскихъ финансовъ. Тѣмъ не менѣе, въ среднемъ разсчетѣ за пятилѣтіе 1888—1892 г., по разработаннымъ департаментомъ окладныхъ сборовъ данныхъ о поступленіи казенныхъ и земскихъ окладныхъ сборовъ (изданіе 1895 года) оказывается, что при 93,5 милл. руб. годового оклада казенныхъ платежей крестьяне, частные землевладѣльцы и владѣльцы городскихъ недвижимыхъ имуществъ въ тѣхъ же 34-хъ губерніяхъ обязаны были платить земству 34 милл. руб. въ годъ, т. е. почти втрое меньше. Но казенный окладъ весьма неравномѣрно распредѣляется между тремя названными группами плательщиковъ: изъ общей его суммы на крестьянъ, несущихъ выкупные платежи, падаетъ 84,7 милл. руб., на частныхъ же землевладѣльцевъ 3,8 милл. Земскій сборъ распредѣляется равномѣрнѣе: доля первой категоріи землевладѣльцевъ опредѣляется въ 18,17 милл. руб., доля второй—12,9 милл. По площади, облагаемой земскимъ сборомъ и такая раскладка представляется собственно не вполнѣ равномѣрной: не трудно убѣдиться, что 91 милл. десятинъ частновладѣльческой земли въ 34-хъ губерніяхъ обложены земскимъ сборомъ сравнительно слабѣе, чѣмъ 115 милл. крестьянскихъ десятинъ. Но главное—частный землевладѣлецъ, уплачивая земскій сборъ, погашаетъ три четверти лежащей на немъ суммы окладныхъ платежей (кромѣ сословныхъ); крестьянское же общество, внеся тотъ же земскій сборъ, обязано уплатить еще вчетверо бо́льшую сумму налога (опять-таки не считая сословныхъ сборовъ).

Года четыре назадъ коммиссія по пересмотру законодательства о земскомъ обложеніи сдѣлала попытку опредѣлить отношеніе земскихъ сборовъ къ доходности земли и пришла къ заключенію, что весьма умѣренное обложеніе, до 10% средней доходности, существуетъ въ 199-ти земскихъ уѣздахъ; группа съ обложеніемъ въ 10—20% сравнительно малочисленнѣе — 114 уѣздовъ, лежащихъ почти исключительно въ нечерноземной полосѣ, и только въ 4-хъ уѣздахъ земскій сборъ достигъ весьма высокаго размѣра—свыше 20%. Новыя данныя о земскихъ доходахъ, опубликованныя теперь департаментомъ окладныхъ сборовъ, не колеблютъ такого благопріятнаго для земства заключенія. Земскіе сборы въ большинствѣ случаевъ, какъ указала въ свое время коммиссія по пересмотру законодательства о земскомъ обложеніи, остаются все еще весьма умѣренными. Если обремененные другими обязательствами,—крестьяне по выкупу своихъ надѣловъ, землевладѣльцы—платежами земельнымъ банкамъ,—плательщики земскихъ сборовъ нерѣдко оказываются недоимщиками, то повинно въ этомъ, конечно, меньше всего земство. Земскій сборъ остается въ недоимкѣ не потому, что онъ обременителенъ, а по-

тому, что существуютъ другіе, болѣе обременительные платежи. Притомъ взысканіе послѣднихъ обезпечивается весьма надежными способами; тогда какъ неисправность въ земскихъ платежахъ, особенно для частныхъ землевладѣльцевъ, обыкновенно не влечетъ за собою непріятныхъ послѣдствій.

Правила о наймѣ на сельскія работы. Вопросъ о наймѣ на сельскія работы уже давно обсуждается въ печати, общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ. Особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ т. с. Звегинцева выработала въ настоящее время проектъ правилъ о наймѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, который и разосланъ на заключеніе губернаторовъ. Столичныя газеты сообщали содержаніе проекта указанныхъ правилъ, которыя, войдя въ жизнь, могутъ оказать большое вліяніе на положеніе сельскаго труда. Необходимымъ условіемъ найма на работы проектъ ставитъ имѣніе нанимающимся договорной книжки или разсчетнаго листа, выдаваемыхъ полиціей или волостными управленіями безплатно какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и уполномоченнымъ артели или общества.

За заключеніе договора найма на сельскохозяйственныя работы безъ договорной книжки наниматель и нанимаемый подвергаются аресту не свыше трехъ дней; если же рабочій, завѣдомо для нанимателя, былъ связанъ договоромъ найма на тотъ же срокъ съ другимъ лицомъ, наниматель подвергается аресту не свыше двухъ недѣль и, кромѣ того, обязанъ вознаградить перваго нанимателя за причиненные ему такимъ наймомъ убытки. Если же наниматель употребитъ особыя средства, чтобы сманить къ себѣ рабочаго, находящагося на работѣ у другого нанимателя, то, помимо вознагражденія его за убытки, подвергается аресту до одного мѣсяца.

Нанятый на срокъ на сельскохозяйственныя работы и не явившійся во-время рабочій или ушедшій съ работъ подвергается аресту до одного мѣсяца. Тому же наказанію подвергается рабочій и за нарушеніе заключеннаго по книжкѣ договора о наймѣ на сдѣльную, отрядную или испольную работы. За ложное заявленіе объ утерѣ договорной книжки и невѣрное заявленіе о находившихся въ ней записяхъ и за умышленное съ корыстною цѣлью уничтоженіе книжки виновный подвергается аресту до одного мѣсяца или денежному штрафу до 100 р. За грубость по отношенію къ нанимателю и членамъ его семейства, неповиновеніе нанимателю или уполномоченному имъ лицу, буйство, нарушеніе тишины и спокойствія въ усадьбѣ—аресту до одного мѣсяца. За умышленную порчу принадлежащихъ нанимателю земледѣльческихъ машинъ и орудій, а равно за намѣренное причиненіе поврежденій и увѣчій хозяйскому скоту—аресту до трехъ мѣсяцевъ.

За стачку между рабочими какого-либо имѣнія прекратить работы до истеченія условленнаго срока для того, чтобы понудить хозяина къ возвышенію получаемой ими платы, виновные подвергаются: зачинщики—аресту до одного мѣсяца или денежному взысканію до 100 р., прочіе же—аресту до двухъ недѣль или денежному взысканію до 50 р. Если же стачка произведена во время особенно спѣшныхъ сельскохозяйственныхъ работъ, то зачинщики подвергаются аресту до трехъ мѣсяцевъ, а остальные аресту до одного мѣсяца.

Въ случаѣ нарушенія рабочимъ договора и невозможности взыскать съ него денежное взысканіе, постановленіе о взысканіи судомъ вписывается въ договорную книжку, и послѣдующій наниматель долженъ удержать это вознагражденіе изъ первой заработной суммы и немедленно отправить его въ

учрежденіе, выдавшее книжку, для передачи по принадлежности, въ противномъ же случаѣ наниматель самъ отвѣчаетъ. Если же наниматель не выполнитъ договора, то съ него присуждается въ пользу рабочаго по его усмотрѣнію или въ размѣрѣ понесенныхъ рабочимъ убытковъ или въ размѣрѣ, не превышающемъ тройной мѣсячной или рядной платы, въ зависимости отъ того, былъ ли договоръ заключенъ на срокъ, или на сдѣльную работу.

Вычеты изъ заработной платы допускаются только за слѣдующіе проступки: прогулъ, самовольныя отлучки, грубость и неповиновеніе хозяину, причиненіе вреда хозяйскому имуществу и принятіе срочнымъ рабочимъ чужой работы. Вычетъ за прогулъ не можетъ превышать двойной платы, какая причиталась бы за прогульное время; остальные вычеты не могутъ превышать двойной поденной платы.

Наниматель долженъ обходиться съ рабочими справедливо и кротко. Не имѣетъ права принуждать ихъ къ полученію платы вмѣсто денегъ хлѣбомъ, товарами или другими предметами. Наниматель обязанъ оказывать заболѣвшему рабочему возможное, по имѣющимся средствамъ, домашнее пособіе, а въ случаѣ необходимости содѣйствовать отправленію его на мѣсто жительства или помѣщенію въ больницу.

Эта послѣдняя часть правила имѣла бы существенное значеніе для сельскихъ рабочихъ, но для того, чтобы не остаться въ видѣ однихъ пожеланій, она должна быть обставлена въ законѣ какими-либо гарантіями выполненія. Обычная гражданская сдѣлка найма, если требуетъ урегулированія, то только въ интересахъ справедливаго распредѣленія правъ и обязанностей между нанимателемъ и нанимаемымъ. Проектъ, насколько можно судить по нѣкоторымъ частямъ его, въ значительной степени исходитъ изъ столь распространенныхъ среди сельскихъ хозяевъ жалобъ на самовольные уходы и нарушенія условій со стороны рабочихъ. Но едва ли не былъ болѣе правъ крупный землевладѣлецъ, лично ведущій свое хозяйство и заявившій на одномъ изъ послѣднихъ дворянскихъ собраній (кажется, саратовскомъ), что многолѣтній опытъ убѣдилъ его лишь въ одномъ—въ необходимости урегулировать скорѣе отношенія нанимателей къ рабочимъ, чѣмъ рабочихъ къ нанимателямъ. Въ тѣхъ хозяйствахъ, указывалъ помѣщикъ, гдѣ заработная плата не сведена до минимума, гдѣ кормятъ рабочихъ хорошо, гдѣ нѣтъ системы придирчивыхъ штрафовъ, сильно понижающихъ заработокъ рабочимъ, гдѣ, наконецъ, нѣтъ суроваго обращенія съ рабочими, тамъ со стороны послѣднихъ никогда не бываетъ ни самовольнаго ухода, ни иныхъ нарушеній договоровъ. Вообще, то хозяйство, въ основу веденія котораго не положены узко-эксплуатаціонныя начала, никогда не страдаетъ ни отъ недостатка рабочихъ, ни отъ злоупотребленій.

Пѣвецъ Славянскій и его труппа. Не мало писалось у насъ о положеніи дѣтей, отдаваемыхъ на обученіе мастерамъ-ремесленникамъ, о жестокомъ обращеніи съ ними этихъ послѣднихъ, объ ихъ чрезмѣрномъ трудѣ и пр. Необходимость обратить вниманіе на огражденіе ихъ интересовъ и здоровья очевидна. Но что говорить объ эксплуатаціи, которую допускаютъ какіе-нибудь невѣжественные сапожники и мѣдники, объ ихъ грубомъ обращеніи съ дѣтьми и наемниками, когда отъ нихъ не отстаютъ въ этомъ отношеніи люди, гораздо выше стоящіе по положенію и развитію. Кто не знаетъ у насъ пѣвца русскихъ пѣсенъ и организатора хоровъ Славянскаго? Еще не такъ давно въ Москвѣ ему устраивалось юбилейное чествованіе, на которомъ знаменитости столичной адво-

катуры, напр., г. Плевако, славословили значеніе и таланты пѣвца.

Однако вотъ что пишетъ корреспондентъ газеты «Жизнь и искусство» изъ г. Ломъ о похожденіяхъ труппы Славянскаго, гастролирующей нынѣ по Болгаріи.

«Надняхъ у насъ въ городѣ гостила труппа извѣстнаго Славянскаго. Первый концертъ принесъ ему очень хорошій сборъ; что же касается второго, то онъ не имѣлъ абсолютно никакого успѣха.

25 мая, въ 10 ч. утра, Славянскій со всей труппой долженъ былъ уѣхать на пароходѣ въ Видинъ. Къ этому времени на пристани собралось довольно много любопытныхъ, въ этомъ числѣ нѣсколько офицеровъ и другихъ чиновниковъ. Всѣ смотрѣли на маленькій пароходъ, который долженъ былъ отвезти труппу; что же касается этой послѣдней, то, исключая ея полнаго патрона, она мало обращала на себя вниманіе публики. По своему нищенскому виду и оборванности она просто производила непріятное впечатлѣніе. Это въ особенности бросается въ глаза по отношенію къ нѣкоторымъ изъ мальчиковъ. На нихъ просто жаль было смотрѣть.

Въ минуту, когда пароходъ долженъ былъ отойти, вниманіе публики было привлечено какой-то необыкновенной дракой, завязавшейся на пароходѣ. Любопытные взоры публики устремились туда. Оказалось, что нѣсколько человѣкъ изъ труппы Славянскаго, а именно одинъ молодой человѣкъ и двѣ барышни, отказывались ѣхать дальше съ труппой и хотѣли остаться въ городѣ; однако, ихъ не пускали и хотѣли во что бы то ни стало заставить ѣхать.

Ужасно было смотрѣть на то, что происходило на пароходѣ. Мужчины и женщины изъ приближенныхъ Славянскаго, напавшіе на двухъ изъ преступниковъ, хотѣли ихъ разорвать въ куски. Негодованіе публики при этой уличной расправѣ все болѣе и болѣе росло. Начались распросы о причинахъ, заставляющихъ 3 членовъ труппы отказаться отъ этой послѣдней. Оказалось, что большинство труппы находилось въ ужасномъ положеніи. Славянскій относился къ своимъ подчиненнымъ, и въ особенности къ мальчикамъ, просто не какъ къ людямъ. Многимъ онъ не давалъ жалованья въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, кормилъ ихъ постоянно кислымъ молокомъ, расходуя не болѣе 30 сантимовъ (около 10 коп.) на человѣка въ день. Однимъ словомъ, большинство ихъ было предметомъ постоянныхъ грубостей со стороны Славянскаго и его приближенныхъ и ужасной экономической эксплуатаціи, для которой онъ пользовался, между прочимъ, и незаконными «штрафами».

Еще въ Варнѣ нѣсколько человѣкъ заявило Славянскому, что при такихъ условіяхъ они не желаютъ дальше съ нимъ ѣхать,—однако, Славянскій для того, чтобы охранить себя отъ всякихъ случайностей, забралъ паспорты ихъ, а также и багажъ и такимъ образомъ связалъ ихъ всѣхъ такъ, чтобы они не могли отъ него вырваться. Несмотря, однако же, на это, въ Варнѣ его оставилъ одинъ человѣкъ, въ Софіи четыре, въ Никополѣ еще одинъ и, наконецъ, здѣсь три. Эти послѣдніе вмѣстѣ еще съ 10-ю изъ пѣвчихъ собирались покинуть труппу въ Видинѣ, надѣясь на помощь русскаго тамъ консула, но новое какое-то происшествіе въ труппѣ заставило болѣе отважныхъ не дожидаться до осуществленія общаго рѣшенія.

Какъ только нѣкоторыя изъ этихъ подробностей стали извѣстны публикѣ, негодованіе которой дошло уже до послѣдней степени, она немедленно заступилась за троихъ пѣвчихъ. Вмѣшалась также и полиція, но, несмотря на это, только послѣ долгихъ усилій удалось вырвать изъ рукъ Славянскаго

его жертвы. Чтобъ отступить съ достоинствомъ, г. Славянскій съ присными взялись за словесную атаку, при чемъ русскій человѣкъ какъ будто хотѣлъ показаться во всемъ своемъ величіи. Не было ни одного ругательнаго слова, существующаго въ словарѣ уличныхъ, которое не было бы пущено въ ходъ. Болѣе того, въ обращеніи были даже и нѣкоторыя болгарскія слова, которыми по пути запаслись путешественники.

Къ этому всему приходилось слушать разсужденія о неблагодарности болгаръ къ русскимъ, о томъ, что эти послѣдніе «кровь проливали», что болгаре «жиды», «нехристы» и т. п., и все это часто даже изъ устъ мальчиковъ, отданныхъ, вѣроятно, Славянскому на воспитаніе и эстетическое образованіе.

Вотъ какимъ образомъ Славянскій уѣхалъ изъ нашего города».

Надо при этомъ замѣтить, что все сообщенное въ корреспонденціи отнюдь не является для насъ новостью. Объ эксплуататорскихъ талантахъ и жестокомъ обращеніи съ обучающимися въ его труппѣ дѣтьми и хористами было нѣсколько статей въ мѣстныхъ газетахъ во время Нижегородской Всероссійской выставки. Но, очевидно, г. Славянскій уважаетъ въ прессѣ только голосъ славословія его патріотизму и талантамъ.

Самоубійства. Каждая весна приноситъ намъ рядъ самоубійствъ среди учащихся, какъ результатъ причинъ, имѣющихъ несомнѣнную связь съ постановкою нашего школьнаго образованія. Страда школьной работы оказывается не легче страды ручного труда. Упадокъ силъ, нервныя разстройства, огорченія отъ неудачъ,— все это легко надламливаетъ слабыя молодыя существованія. Въ «Приазовскомъ Краѣ» отмѣчено самоубійство въ Ростовѣ-на-Дону юноши реалиста, ученика 7-го класса Владиміра Кривошеева, покончившаго съ собою выстрѣломъ изъ револьвера. Въ Томскѣ, по сообщенію «Сиб. Листка», застрѣлился въ классной комнатѣ воспитанникъ Томской духовной семинаріи, лѣтъ 16. Въ Пензѣ воспитанникъ IV класса духовной семинаріи бросился подъ поѣздъ желѣзной дороги. Въ Новочеркасскѣ, въ 2 часа ночи подъ 25 апрѣля въ саду при Донской духовной семинаріи повѣсился на деревѣ при помощи полотенца 16-ти-лѣтній юноша, Михаилъ Хоперскій, жившій въ общежитіи. Въ карманѣ самоубійцы найдена коротенькая записка, содержаніе которой передаетъ «Южный Край»:

«Въ смерти моей вините Г. Н., оскорбившаго меня передъ всей семинаріей, и Якова Степановича, ставившаго мнѣ 4 поведенія ни за что. Прощайте, прощайте, прощайте! Прощай, моя Женева!» Г. Н.—товарищъ повѣсившагося; Яковъ Степановичъ—Я. С. Степановъ, инспекторъ семинаріи; обращеніе къ Женевѣ—оказалось непонятнымъ для всѣхъ окружающихъ».

Вообще Россія по количеству самоубійствъ стоитъ въ ряду прочихъ странъ Европы въ послѣднихъ рядахъ. Это зависѣло всегда отъ преобладанія въ ея населеніи сельскаго земледѣльческаго класса, дающаго обыкновенно низкій процентъ самоубійствъ. Но въ послѣднее время самоубійства не рѣдкость и въ этой средѣ. Вотъ что пишетъ корреспондентъ газеты «Волынь» изъ Новоградволынскаго уѣзда: «Тяжкія условія деревенской жизни заставляютъ иногда и деревенскаго человѣка «порвать цѣпь блѣдныхъ дней своихъ безъ слезъ и сожалѣнія».

«Бросается въ глаза, по крайней мѣрѣ, здѣсь тотъ фактъ, что большинство самоубійцъ въ деревнѣ это—женщины. Въ Н—мъ уѣздѣ, начиная съ января сего года, было 8 случаевъ самоубійства и всѣ эти случаи падаютъ на женщинъ. Далѣе, замѣчательны причины, вызывающія это печальное явленіе среди женщинъ. По большей

части эти несчастныя кончаютъ съ собою, не будучи въ состояніи долѣе выносить физическія муки, боли. Предъ нами цѣлый перечень подобныхъ случаевъ. Мы приведемъ только нѣкоторые: Христина Г., изъ колоніи Рудокопы, разрѣшилась отъ бремени не совсѣмъ благополучно, такъ какъ въ колоніи этой нѣтъ ни акушерки, ни врача, которые могли бы ей оказать медицинскую помощь, болѣзнь усилилась и несчастная стала испытывать такія невыносимыя боли, что она неоднократно высказывала свое рѣшеніе наложить на себя руки, если страданія не прекратятся. За нею былъ установленъ домашній надзоръ, но она воспользовалась минутой, когда никого не было дома, вышла на дворъ и бросилась въ колодезь.

Крестьянка с. Плетенки Пелагея Малицъ, 60 лѣтъ, измученная невыносимыми страданіями въ области сердца, повѣсилась и пр. и пр. И такъ, преобладающимъ мотивомъ самоубійства среди деревенскихъ женщинъ являются физическія страданія. И сильны же должны быть эти страданія, эти муки, когда вѣками пріученная къ терпѣнію, русская крестьянка рѣшается на самоубійство. Съ другой стороны, поражаетъ отсутствіе въ деревнѣ хоть какой бы то ни было врачебной помощи...

Интересны способы, къ которымъ прибѣгаютъ крестьянки для самоубійства. Большая часть самоубійцъ вѣшаются на «жердкѣ» (вѣшалкѣ), остальныя бросаются въ колодезь или рѣку».

Врядъ ли, однако, можно видѣть, какъ дѣлаетъ это авторъ корреспонденціи, главный преобладающій мотивъ самоубійствъ среди деревенскихъ женщинъ въ физическихъ страданіяхъ. Условія семейной жизни въ нашей деревенской средѣ, при ея грубости и дикихъ понятіяхъ о правахъ мужа, свекрови, старшихъ, создавая въ нашей уголовной хроникѣ не мало преступленій, даютъ, можно сказать навѣрняка, не малый также процентъ и самоубійствъ.

Въ колоніи чеховъ. Но поднимите культуру народа, матеріальныя условія его жизни, его образованіе, общественныя понятія, и вы увидите и семейную жизнь его настолько очищенной отъ грубости и жестокаго обращенія болѣе сильныхъ со слабыми, настолько просвѣтлѣвшей, что самоубійства тамъ становятся почти неслыханными. Спеціальный корреспондентъ газеты «Волынь» описываетъ въ ней бытъ, нравы и семейную жизнь колонистовъ чеховъ, обосновавшихся въ мѣстечкѣ Квасилово.

«Я,—пишетъ онъ,—хотя съ чехами пуда соли не съѣлъ, но, во всякомъ случаѣ, присматриваюсь къ нимъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, видѣлъ ихъ дома и въ гостяхъ, и на полѣ, и въ мастерской, и въ обстановкѣ будничной, и на вечеринкахъ; видѣлъ и старыхъ и молодыхъ, и женщинъ, и дѣвицъ, и дѣтей, и подростковъ, такъ что «могу смѣть свое сужденіе имѣть» Что же представляетъ изъ себя чехъ? Прежде всего это славянинъ, по складу своего характера какъ будто бы намъ, великороссамъ, и очень родственный, но выдрессированный, чему мы чужды. Онъ и по натурѣ широкъ, но эта ширь не переходитъ у него въ необузданность; онъ и гостепріименъ, но не до «демьяновой ухи»; онъ и не скупъ и не скаредъ, но послѣднюю рубашку едва ли съ себя сниметъ; онъ любитъ повеселиться, но до взаимной потасовки не дойдетъ; онъ и общителенъ, но вязаться съ каждымъ не станетъ; онъ и компанію любитъ, но не всякую; онъ и выпить не прочь, но въ мѣру... Всѣ эти «но» являются продуктомъ его вѣками накопленной культуры и интеллекта, до котораго далеко еще предшественникамъ его по колонизаціи: нѣмцу, болгарину и сербу

(pro domo sua мы изъ скромности умалчиваемъ). Чехъ сильнѣе и тѣхъ, и другихъ, и третьихъ тронутъ цивилизаціей и воспріялъ отъ нея не показную сторону, а самое существенное и хорошее, какъ-то: высокоприподнятое чувство собственнаго достоинства, уваженіе къ человѣческой личности и собственности, любовь къ образованію, а затѣмъ аттрибуты цивилизованнаго человѣка: вкусъ къ эстетическимъ удовольствіямъ, къ чтенію, вѣжливость, тактъ и проч. Эти качества создали изъ него образцоваго мужа и отца, честнаго гражданина, пріятнаго собесѣдника, спокойнаго сосѣда, дѣльнаго, смышленаго хозяина и аккуратнаго человѣка, на слово котораго можно смѣло положиться. Надо видѣть ихъ семейныя отношенія, чтобы судить объ ихъ воспитанности. Не услышите грозныхъ окриковъ на дѣтей, сопровождаемыхъ самыми ужасными проклятіями, ни супружеской перебранки; нѣтъ и въ поминѣ этихъ раздаваемыхъ направо и налѣво, чѣмъ попало и во что попало, колотушекъ и пинковъ. А вѣдь и у чеховъ колонистовъ нѣтъ боннъ, гувернантокъ и гувернеровъ, какъ и у нашего крестьянина хотя бы равнаго достатка; вѣдь и у чеховъ сплошь да рядомъ въ домѣ по дюжинѣ ребятъ, которые и рѣзвятся, и шалятъ, и мѣшаютъ старшимъ. Но разница въ томъ, что чешскія дѣти не видятъ примѣровъ дерущихся и буйствовавшихъ передъ кабакомъ отцовъ, дядей и взрослыхъ братьевъ, а то и матерей и тетокъ; отецъ-чехъ, если и подопьетъ, то не покажется пьянымъ на глаза дѣтямъ, а тѣмъ паче не станетъ передъ ними различныя колѣнца выкидывать и сквернословить; вотъ почему чешскія дѣти и шалятъ, какъ дѣти благовоспитанныя, послушны, не заводятъ и между собою дракъ, не водится между ними и лазанья по чужимъ садамъ и огородамъ, а между тѣмъ они и рѣзвы, и шаловливы. Съ раннихъ лѣтъ ребенка пріучаютъ быть полезнымъ дома, въ саду, въ хмельникѣ, въ полѣ; играючи, онъ учится; онъ рано начинаетъ понимать, что бить баклуши или гонять собакъ по улицамъ — непутящее дѣло, и работаетъ, сколько можетъ, въ охотку, а не изъ подъ палки, не изъ-за боязни, что его притянутъ возжей или треснутъ по затылку полѣномъ. Послѣдствіемъ такой системы воспитанія является то, что дѣти чеховъ отнюдь не имѣютъ забитаго вида, что они понятливы, не пучатъ глаза на пріѣзжаго, охотно вступаютъ съ нимъ въ разговоры (а эти послѣднія несравненно удобнѣе вести съ ними, чѣмъ съ ихъ родителями, потому что вся дѣтвора школьнаго возраста говоритъ по-русски), а за отсутствіемъ родителей, подростки 12 — 14 лѣтъ дадутъ не хуже ихъ нужныя поясненія.

Обратимся теперь къ отношеніямъ супруговъ въ чешской семьѣ. «Скажите, пожалуйста, — спрашивалъ я многихъ чеховъ и чешекъ:—бываетъ ли у васъ, что мужъ колотитъ свою жену, дурно, вообще, обходится съ ней». На меня только вскидывали изумленными глазами. Мнѣ отвѣчали: «да развѣ возможна совмѣстная жизнь при подобныхъ условіяхъ!.. Бываютъ, конечно, и у насъ супружескія разногласицы, происходятъ ссоры, но они не обостряются, а приводятся къ мирному концу или путемъ объясненій въ тѣ моменты, когда страсти поулеглись, или при посредствѣ близкихъ людей, которые, принявъ на себя роль примирителей, укажутъ, на чьей сторонѣ правда: и виновная сторона рѣдко откажется признать себя таковою. Наши брачные союзы не основываются на одномъ лишь разсчетѣ, хотя возможная матеріальная обезпеченность въ будущемъ и играетъ въ нихъ роль: союзы эти точно также не совершаются подъ родительскимъ

давленіемъ или подъ вліяніемъ любовныхъ вспышекъ молодости; нѣтъ, мы присматриваемся другъ къ другу и поэтому, если соединяемся, то разрывъ почти невозможенъ». И отвѣты въ такомъ родѣ давали мнѣ и присѣвшій отдыхать на краю только что вспаханной нивы чехъ, и мать шестерыхъ дѣтей, отрывающаяся отъ хозяйства, чтобы удовлетворить моему докучливому любопытству. «А происходятъ ли побоища, драки, потасовки между чехами? Вѣдь, и квасиловское пиво имѣетъ свой градусъ и можетъ броситься въ голову?» спросилъ я какъ-то одного квасиловца. Тотъ сконфуженно отвѣтилъ: «бываютъ! Вѣдь, 11 лѣтъ тому назадъ за этимъ самымъ столомъ (дѣло происходило въ деревенской пивной) Х. швырнулъ въ У. кружкой. Ихъ розняли»...

За 11 лѣтъ одна «кружка»... Это не много.

Даже допуская въ словахъ корреспондента извѣстную долю увлеченія, нельзя не признать, что намъ до такой глубоко залегающей въ нравахъ и понятіяхъ внутренней культуры безконечно далеко и о ней приходится только мечтать, да позаботиться ея созданіемъ, а никакъ ужъ не носиться съ какими-то особыми достоинствами русскаго народнаго духа.

За границей.

Бельгійскія кооперативныя общества. Кооперативныя общества, стремящіяся устранить посредничество торговцевъ, дѣлая своихъ членовъ одновременно покупателями и продавцами, очень распространены на Западѣ. Во Франціи, Германіи и Италіи такіе хозяйственные союзы взаимопомощи достигли большого развитія и процвѣтанія, но наилучшій примѣръ быстраго роста и развитія безспорно представляетъ бельгійское кооперативное общество «Vooruit» (Впередъ) исключительно устроенное для рабочихъ и принимающее въ члены только рабочихъ.

Иниціатива устройства этого Общества принадлежитъ двумъ эмигрантамъ: художнику Эдмонду Ванъ-Беверену и портному Полю. Поселившись въ Гентѣ, они познакомились съ извѣстнымъ бельгійскимъ общественнымъ дѣятелемъ Эдуардомъ Анселе, блестящимъ ораторомъ, пользующимся огромнымъ вліяніемъ. Анселе чрезвычайно сочувственно отнесся къ ихъ идеѣ—устроить потребительное товарищество для рабочихъ, но въ началѣ дѣло шло очень туго; капиталовъ не было ни у кого, хотя Анселе удалось привлечь на свою сторону 150 членовъ. Наконецъ, синдикатъ ткачей далъ имъ взаймы 2.000 франковъ и съ этимъ они начали дѣло. Это было въ 1880 году, а въ 1883 г. «Vooruit» помѣщался уже въ просторномъ зданіи, арендованномъ на 8 лѣтъ за 2.850 фр. въ годъ, и заключалъ въ себѣ булочную, кофейню, типографію и магазинъ готоваго платья.

Въ кофейнѣ не полагается никакихъ спиртныхъ напитковъ, кромѣ пива, причемъ цѣны за все назначены очень дешевыя: 10 сантимовъ (меньше 4-хъ коп.) за кружку пива, 5 сант. за чашку кофе и т. д. Но кофейня эта посѣщается обыкновенно только по субботамъ и праздничнымъ днямъ, да еще по такимъ днямъ, когда устраиваются различныя процессіи и торжественныя демонстраціи. Стѣны кофейни разукрашены разными характерными девизами и изреченіями и у входа красуется надпись: «Желудокъ рабочаго—это сберегательная касса Общества».

Въ этомъ же году кооперативное

товарищество стало издавать свою газету «Vooruit», номеръ которой продается по 2 сантима (меньше полкопѣйки). Съ 1887 года въ типографіи Общества работаетъ скоропечатная машина, изготовляющая 3.600 экземпляровъ въ часъ.

Мало-по-малу, по мѣрѣ развитія дѣла и пріобрѣтенія все большаго числа членовъ, товарищество стало расширять свою дѣятельность. Къ имѣющимся уже учрежденіямъ присоединены были четыре аптеки, устроенныя въ разныхъ мѣстахъ города для того, чтобы члены «Vooruit» могли пользоваться лѣкарствами по удешевленной цѣнѣ. Затѣмъ уже Общество стало пріобрѣтать недвижимое имущество. Въ 1886 году оно пріобрѣло обширное зданіе, гдѣ устроено было отдѣленіе «Vooruit»—«Vooruit № 2», и помѣщены были: мастерская башмачника, магазинъ хозяйственной утвари и вторая кофейня. Въ слѣдующемъ году уже купленъ былъ второй домъ—«Vooruit № 3», куда перевели булочную и устроили склады угля. Затѣмъ во всѣхъ рабочихъ кварталахъ города Общество устроило магазины съѣстныхъ и иныхъ припасовъ и число этихъ магазиновъ достигаетъ въ настоящее время шести.

Капиталъ ассоціаціи возросталъ очень быстро, такъ что вскорѣ устроители нашли возможнымъ пріобрѣсти третій домъ, еще болѣе обширный. За этотъ домъ и все устройство заплочено 225.000 фр., но зато всѣ магазины въ немъ снабжены всѣми современными усовершенствованіями, двигательною силой, электрическимъ освѣщеніемъ, подъемными машинами и телефонами. Фасадъ зданія украшенъ медальонами съ изображеніемъ Фурье, Оуэна, Карла Маркса и Пена, съ слѣдующимъ девизомъ: «Единеніе рабочихъ — спокойствіе міра». На фронтонѣ сдѣлано изображеніе улья—символъ дѣятельности рабочихъ.

Такой быстрый ростъ и развитіе Общества естественно возбуждали удивленіе и зависть. У Общества явилось много враговъ, старавшихся подъ него подкопаться и уронить къ нему довѣріе. Удивленіе еще усилилось, когда въ прошломъ году вдругъ сдѣлалось извѣстно, что «Vooruit» пріобрѣлъ новое зданіе за 75.000 фр., на которомъ скоро красовалась золотая надпись на красномъ фонѣ: «Домъ для праздничныхъ собраній «Vooruit». Такимъ образомъ «Vooruit», начавшій очень скромно свою дѣятельность съ устройства булочной и маленькой лавочки, превратился въ могущественное учрежденіе черезъ семнадцать лѣтъ. Теперь уже «Vooruit» предлагаетъ своимъ членамъ не одинъ только хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, а все, что нужно для жизни, и, кромѣ того, «Vooruit» имѣетъ въ своемъ распоряженіи превосходныя помѣщенія для собраній и празднествъ и дѣятельную и вліятельную печать. Что же удивительнаго, что число членовъ этой обширной кооперації все возрастаетъ. Слѣдующія данныя служатъ лучшею иллюстраціей роста «Vooruit».

Въ 1887 году «Vooruit» насчитывалъ 2.342 члена и продалъ 1.482.240 хлѣбовъ; въ 1890 году число членовъ возросло до 3.814, хлѣбовъ продано 2.582.265. Въ настоящее время «Vooruit» имѣетъ 5.711 членовъ и продаетъ 4.549.108 хлѣбовъ. Чтобы сдѣлаться членомъ этого Общества, надо: 1) быть рабочимъ; 2) уплатить 25 сантимовъ при поступленіи; кромѣ того, изъ первыхъ прибылей вычитается одинъ франкъ въ капиталъ Общества; 3) имѣть незапятнанную репутацію и ни разу не подвергнуться никакимъ упрекамъ со стороны рабочей партіи. Поступившій членъ получаетъ книжку за номеромъ и пользуется всѣми преимуществами, которыя полагаются ему, какъ члену «Vooruit». Прежде всего онъ имѣетъ право на получе-

ніе дешеваго хлѣба. Каждое воскресенье пріемщикъ Общества обходитъ всѣхъ его членовъ и предлагаетъ имъ мѣдные жетоны; члены должны купить у него столько жетоновъ, сколько по ихъ разсчету имъ можетъ понадобиться хлѣбовъ въ теченіе недѣли. Деньги уплачиваются тотчасъ же и уплаченная сумма вносится въ особую книжку; затѣмъ ежедневно повозка, запряженная собаками, развозитъ хлѣбъ по домамъ членовъ, которые выдаютъ за него свои мѣдные жетоны. Прибыль, полученная отъ торговли, подсчитывается каждые три мѣсяца, но «Vooruit» выплачиваетъ ее не деньгами, а картонными жетонами, которые принимаются въ магазинахъ Общества такъ же, какъ чистыя деньги. Кромѣ того, членъ Общества пользуется правомъ скидки шести процентовъ съ суммы покупки и эта скидка опять-таки уплачивается картонными жетонами.

Членъ Общества имѣетъ право на помощь въ случаѣ болѣзни, за что уплачиваетъ по пяти сантимовъ (меньше $2^1/_2$ копѣекъ) каждую недѣлю и еще вноситъ въ первое воскресенье каждаго мѣсяца въ фондъ помощи, за то въ случаѣ болѣзни онъ пользуется даровыми лѣкарствами въ теченіе полугода и въ теченіе шести недѣль получаетъ даромъ по шести хлѣбовъ въ недѣлю. Въ случаѣ смерти его семьѣ выдаются на руки десять франковъ.

«Vooruit» имѣетъ библіотеку, профессіональныя школы и сберегательную кассу. Синдикатъ ткачей преподнесъ въ даръ Обществу свою библіотеку, состоящую изъ шести тысячъ томовъ. Двѣ школы кройки и шитья находятся въ самомъ зданіи Общества.

Общество подумало также и о томъ, чтобы доставлять своимъ членамъ не только дешевую пищу и все необходимое для жизни, но также дешевыя развлеченія и пищу для ума. Съ этою цѣлью «Vooruit» организовалъ различныя секціи: секцію драматическую, гимнастическую и нѣсколько музыкальныхъ секцій, въ числѣ которыхъ находится женскій и дѣтскій хоры. Каждое воскресенье устраивается концертъ или балъ въ банкетной залѣ Общества. Входъ безплатный для членовъ. Въ мартѣ этого года Общество устроило парадный спектакль для своихъ членовъ въ Большомъ театрѣ. Исполнена была опера «Тангейзеръ». Цѣна мѣстамъ назначена была отъ 15 до 75 сантимовъ, а послѣ спектакля Ансееле прочелъ тутъ же краткую, но очень содержательную публичную лекцію о значеніи Вагнера и его произведеній.

Администрація Общества поручена комитету изъ пяти членовъ, выбираемыхъ каждое пятилѣтіе общимъ собраніемъ въ декабрѣ, но частныя перемѣны въ составѣ комитета могутъ производиться ежегодно. Комитетъ уже самъ выбираетъ изъ своей среды управляющаго, секретаря и казначея. Управляющій — настоящій глава «Vooruit» и руководитъ всѣми дѣлами Общества и операціями. Эту трудную и очень сложную и отвѣтственную должность занимаетъ Ансееле, получая за всѣ свои труды болѣе чѣмъ скромное вознагражденіе — 2.080 фр. въ годъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ избранъ депутатомъ Льежа, онъ изъ этой суммы оставляетъ себѣ только 280 франковъ, а остальное отдаетъ въ кассу своей партіи. Получая въ качествѣ депутата вознагражденіе въ 4.000 фр., онъ отдаетъ 1.000 фр. федераціи города Льежа.

Два раза въ годъ всѣ члены Общества созываются на общее собраніе, передъ чѣмъ имъ посылается для просмотра отчетъ о дѣятельности Общества.

Успѣхъ «Vooruit» въ настоящее время очень значителенъ, и благодаря своимъ обширнымъ операціямъ, Обще-

ство могло реализировать прибыль, доступную лишь крупнымъ промышленнымъ предпріятіямъ. Конечно, такое быстрое развитіе Общества зависитъ отъ того, что во главѣ его стоятъ люди дѣятельные, энергичные и безкорыстно преданные идеѣ. Кромѣ того, надо прибавить, что рабочая партія горячо поддерживаетъ Общество, которое является до нѣкоторой степени ея политическимъ оплотомъ. Въ настоящее время другія кооперативныя общества, основанныя на тѣхъ же принципахъ, примкнули къ «Vooruit». Кромѣ «Band Moyson», могущественной ассоціаціи, насчитывающей 28.166 членовъ и обладающей осовнымъ капиталомъ въ 91.740 франковъ, къ «Vooruit» присоединились 19 синдикатовъ, въ общемъ— 21.000 членовъ. Всѣ эти кооперативныя ассоціаціи, синдикаты и примыкающіе къ нимъ политическіе клубы образуютъ въ высшей степени могущественную организацію, которая составляетъ огромную силу въ рукахъ вожаковъ партіи, особенно дающую себя чувствовать на выборахъ. Въ февралѣ этого года ко всѣмъ этимъ ассоціаціямъ присоединилась еще одна «народная кооперативная типографія», въ которой теперь печатается газета «Vooruit».

Такой успѣхъ, конечно, долженъ былъ вызвать подражанія. Противники «Vooruit» основали также кооперативное общество «Volksbelang» (интересы народа), предлагающую своимъ членамъ такія же преимущества, какъ и «Vooruit». Вокругъ этой новой ассоціаціи, поддерживаемой лигой христіанской демократіи, сгруппировалось также довольно много синдикатовъ и профессіональныхъ союзовъ. Новое Общество также стало издавать газету «Het Volk» (народъ) и между нимъ и «Vooruit» загорѣлась ожесточенная полемика. Заправилы «Vooruit» поняли опасность и постарались предотвратить очень искуснымъ образомъ. Въ октябрѣ прошлаго года, администрація «Vooruit» объявила, что учреждается при Обществѣ пенсіонная касса, которая вступитъ въ дѣйствіе съ 1-го мая 1897 года. Согласно уставу, каждый членъ Общества, не выплачивая за это никакой преміи, будетъ получать по достиженіи имъ шестидесятилѣтняго возраста пенсію 120 фр. въ годъ. Но для этого требуется, чтобы онъ въ теченіе 20 лѣтъ состоялъ членомъ «Vooruit» безъ перерыва и сдѣлалъ въ различныхъ магазинахъ Общества закупки на сумму 3.000 фр. Право на пенсію передается вдовѣ.

Это была очень ловкая комбинація, сразу упрочившая положеніе Общества. Члены Общества, разумѣется, не желаютъ терять право на пенсію и поэтому «Vooruit» можетъ быть спокоенъ, что среди нихъ найдется очень мало перебѣжчиковъ. Угроза исключенія, а слѣдовательно, лишенія права на пенсію. также отвѣчаетъ Обществу за вѣрность его членновъ. Какъ бы тамъ ни было, но эта новость вызвала взрывъ энтузіазма въ Гентѣ. Произошелъ цѣлый рядъ демонстрацій, организованы были факельныя шествія въ честь «Vooruit» и общество это стало на ноги еще крѣпче, чѣмъ прежде, и пріобрѣло во всей странѣ еще большее вліяніе.

Берлинская трагикомедія. Недавно въ берлинскомъ судѣ присяжныхъ разыгрался эпилогъ пресловутой трагикомедіи, которая называется «процессомъ Тауша». Въ статьѣ «Отголоски бисмарковскаго режима» («Міръ Божій» мартъ) мы имѣли уже случай говорить объ этомъ представителѣ германской политической полиціи по поводу перваго процесса, во время котораго онъ превратился изъ свидѣтеля въ подсудимаго. Первый процессъ пролилъ довольно яркій свѣтъ на неблаговидную дѣятельность политической полиціи и поэтому вто-

раго процесса, гдѣ уже Лютцовъ и Таушъ фигурировали въ качествѣ обвиняемыхъ лжесвидѣтелей, ожидали съ еще большимъ нетерпѣніемъ, надѣясь, что онъ раскроетъ всѣ темныя дѣянія, которыя совершались подъ прикрытіемъ «государственныхъ интересовъ». Публикѣ, однако, пришлось разочароваться. Не смотря на то, что на судѣ фигурировали въ качествѣ свидѣтелей разныя высокопоставленныя лица, разбирательство дѣла далеко не представило того интереса, какъ въ первый разъ. Видно было, что пущены въ ходъ всѣ вліянія и средства, чтобы было на судѣ какъ можно меньше «разоблаченій» и чтобы Таушъ вышелъ «сухимъ изъ воды». Какъ водится въ такихъ случаяхъ, «состава преступленія» не оказалось налицо и поэтому присяжные должны были вынести Таушу оправдательный приговоръ.

Однако, оправданіе Тауша «за недостаткомъ уликъ» нисколько не измѣняетъ дѣла и не уничтожаетъ общаго неблагопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго процессомъ. Во время этого процесса, не смотря на всѣ старанія затушевать роль политической полиціи въ Германіи, она выдѣлилась довольно-таки рельефно. Теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что частые министерскіе кризисы въ Германіи были дѣломъ всемогущей политической полиціи, не останавливающейся ни передъ чѣмъ. Нѣкоторыя подробности въ этомъ отношеніи, выяснившіяся на судѣ, особенно характерны. Если въ газетахъ появлялась какая-нибудь клеветническая статья, то министръ, котораго она касалась, обращался тотчасъ жо къ Таушу, чтобы онъ разыскалъ автора. Такъ какъ большею частью такія статьи исходили отъ Тауша, то онъ, производя, будто бы, разслѣдованіе, старался взвалить подозрѣніе то на то, то на другое лицо и самъ всегда оставался чистъ и пользовался своимъ привиллегированнымъ положеніемъ, чтобы вредить разнымъ лицамъ и устраивать свои дѣлишки. Онъ писалъ анонимныя письма, доносы, такъ что невольно кажется, будто это составляло для него своего рода спортъ.

Однажды въ военномъ министерствѣ пожелали узнать, откуда исходитъ статья, явно направленная противъ министра и даже задѣвающая его политическую честь. Призвали Тауша и поручили ему разслѣдованіе; два дня спустя въ военное министерство приходитъ анонимное письмо, бросающее тѣнь на «бюро гласности» министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ бюро служилъ честный, скромный чиновникъ Кукучъ. Что же дѣлаетъ Таушъ и его клевреты? Чтобы доказать виновность упомянутаго бюро устраивается подлогъ. Агентъ Тауша Люцовъ подписываетъ фамиліей «Кукучъ» росписку въ полученіи 50 марокъ и затѣмъ эта росписка препровождается въ военное министерство. На судѣ и Таушъ, и Люцовъ сваливали другъ на друга обвиненіе въ подлогѣ. Люцовъ увѣряетъ, что Таушъ велѣлъ ему сдѣлать этотъ подлогъ. «Еслибъ я только разсказалъ все, что меня заставлялъ дѣлать Таушъ,—воскликнулъ Люцовъ, — то всѣ бы увидѣли, что это такой человѣкъ, который не останавливается ни передъ чѣмъ»!

Любопытно оправданія самаго Тауша. «Отчего же вы не преслѣдовали Люцова за незаконное дѣяніе, когда узнали, что онъ совершилъ подлогъ?»— спросилъ предсѣдатель. Таушъ чуть замѣтно улыбнулся.—«Вы забываете среду, въ которой я находился,—отвѣчалъ онъ.—Еслибъ я сталъ преслѣдовать за всѣ подобные проступки своихъ агентовъ, то у меня не осталось бы ни одного агента и полиція перестала бы существовать. Лучшими агентами всегда бываютъ тѣ, которые наиболѣе скомпрометированы, а 50 марокъ слишкомъ ничтожная сум-

ма, чтобы стоило обращать на нее вниманіе и жертвовать *государственными интересами*».

Такое понятіе о государственныхъ интересахъ само за себя говоритъ и всякіе комментаріи излишни. Какъ бы тамъ ни было, но этотъ процессъ несомнѣнно раскрываетъ одну изъ любопытныхъ страницъ современной исторіи Германія. Барону Маршалю, безъ сомнѣнія, первому принадлежитъ заслуга, что онъ смѣлою рукою сорвалъ завѣсу, прикрывающую дѣянія политической полиціи, обдѣлывающей подъ прикрытіемъ государственныхъ интересовъ свои собственныя дѣлишки. Но борьба съ этимъ зломъ оказалась не подъ силу Маршалю и онъ долженъ былъ выйти въ отставку. Однако, процессъ Тауша, не взирая на его оправданіе, врядъ-ли пройдетъ безслѣдно для Германіи. Общественное мнѣніе возбуждено и приговоръ суда, не нашедшаго «состава преступленія» въ дѣяніяхъ Тауша, не можетъ успокоить общество, требующее, чтобы всѣмъ этимъ злоупотребленіямъ былъ положенъ конецъ и чтобы государственные интересы не ввѣрялись людямъ «безъ чести и совѣсти», образующимъ, по словамъ Тауша, наилучшій контингентъ полицейскихъ агентовъ, оплотъ государства.

Картинки лондонской жизни. Брилліантовый юбилей королевы Викторіи до нѣкоторой степени задержалъ обычное теченіе лондонской жизни. Общее вниманіе было поглощено готовящимися празднествами. По приблизительному разсчету, въ Лондонъ должны были прибыть никакъ не меньше двухъ милліоновъ посѣтителей и естественно были приняты экстраординарныя мѣры, чтобы избѣжать, насколько возможно, тѣхъ непріятныхъ случайностей и осложненій, которыя бываютъ обычнымъ явленіемъ при такомъ скопленіи народа. Съ этою цѣлью администрація желѣзныхъ дорогъ придумала даже устроить какъ разъ въ день юбилея экстренные увеселительные поѣзда въ различныя загородныя мѣстности и назначить минимальную плату за проѣздъ, разсчитывая на то, что большинство лондонцевъ предпочтутъ отправиться за городъ со своими семействами, нежели пребывать въ страшной толкотнѣ, которая произойдетъ въ столицѣ въ день юбилея. Эта остроумная выдумка имѣла успѣхъ и болѣе 200.000 человѣкъ уѣхало въ этотъ день изъ Лондона, благо погода выдалась прекрасная для загородной прогулки, чѣмъ наиболѣе благоразумные изъ лондонскихъ жителей и поспѣшили воспользоваться.

Англичане соединяютъ празднованіе королевскаго юбилея съ празднованіемъ необычайно быстраго роста и развитія своей страны. «Прежде и теперь» — вотъ что служитъ лозунгомъ для каждаго добраго британца, принимающаго участіе во всеобщемъ ликованіи. Во всѣхъ статьяхъ, журнальныхъ и газетныхъ, посвященныхъ юбилею, проводится параллель между тѣмъ, чѣмъ была Англія въ годъ вступленія королевы Викторіи на престолъ, и тѣмъ, чѣмъ она стала теперь. Вездѣ и всюду, куда только обращаетъ свои взоры англичанинъ, онъ видитъ громадный прогрессъ и сердце его переполняется гордостью.

Такимъ всеобщимъ настроеніемъ очень удачно воспользовался одинъ венгерскій антрепренеръ, устроившій юбилейную выставку въ Лондонѣ. Надо сознаться, онъ очень ловко выполнилъ свою задачу и обнаружилъ прекрасное пониманіе характера англичанъ, хотя и не умѣетъ говорить по-англійски. Выставка состоитъ изъ научнаго, историческаго, художественнаго, музыкальнаго и драматическаго, спортсменскаго и женскаго отдѣловъ; въ этихъ отдѣлахъ изображенъ прогрессъ, достигнутый Англіей въ шестидесятилѣтній проме-

* *

жутокъ времени. У самаго входа на выставку находится наглядное изображеніе роста Англіи — огромныя картины, представляющія «прежде» и «теперь». Вы видите, что прежде все было такъ ничтожно, мизерно, ну а теперь? Двѣ булки, одна весьма ничтожныхъ размѣровъ, другая огромная, символически изображаютъ заработную плату прежде и теперь. Рядомъ съ гигантскимъ пароходомъ изображено маленькое парусное судно; это—англійскій флотъ прежде и теперь. Ростъ населенія изображенъ символически въ лицѣ громаднаго толстаго англичанина, презрительно поглядывающаго на маленькую ничтожную фигурку, стоящую возлѣ. Огромный англичанинъ это—населеніе теперь, а маленькій—прежде. Потребленіе припасовъ также возрасло соотвѣтствующимъ образомъ и это можно видѣть по чудовищному, огромному ростбифу, рядомъ съ которымъ лежитъ маленькая, скромная котлетка. Только въ одномъ отношеніи преимущество находится на сторонѣ «прежде»,—тамъ, гдѣ изображена смертность въ видѣ могильныхъ крестовъ—могила и крестъ 60 лѣтъ тому назадъ значительно превосходили своею величиной теперешнія могилы и кресты.

Отдѣлы выставки не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго и ихъ можно бы назвать шаблонными, только въ женскомъ отдѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе такъ-называемый «почетный списокъ женщинъ». Это, безъ сомнѣнія, самое интересное, что есть на выставкѣ, хотя тутъ вы и не найдете ничего, кромѣ длиннаго перечня героинь-англичанокъ, рисковавшихъ своею жизнью для спасенія жизни ближняго. Разумѣется, въ этотъ списокъ попали только тѣ, которыя получили награды отъ разныхъ филантропическихъ обществъ или подвиги которыхъ пріобрѣли извѣстность, но сколько же такихъ безвѣстныхъ героинь принесли въ жертву свою жизнь ради человѣчества?—вотъ мысль, которая невольно возникаетъ при просматриваніи этого почетнаго списка, дѣлающаго величайшую честь сердцу женщины.

Одинъ изъ большихъ отдѣловъ выставки посвященъ спеціально королевѣ Викторіи. Тутъ вы можете видѣть ея изображенія во всѣхъ возрастахъ и случаяхъ, разные сувениры, рукописи, картины и т. п., принадлежащіе королевѣ, а также работы ея и ея дочерей. Для любителей очень интереснымъ покажется спортсменскій отдѣлъ, гдѣ изображены всѣ виды спорта, начиная отъ древней охоты до современной велосипедной ѣзды включительно.

Въ англійской печати появлялись въ послѣднее время всевозможныя курьезныя обращенія къ вѣрноподданнымъ королевы Викторіи, предлагающія различные способы ознаменовать юбилей. Между прочимъ, одна изъ газетъ предложила, чтобы каждый подданный королевы прислалъ ей въ этотъ день почтовую поздравительную карточку. По счастью для почтовыхъ чиновниковъ, предложеніе это почему-то не было принято, а то бы имъ пришлось, ни много, ни мало, зарегистрировать въ этотъ день 350.000.000 почтовыхъ карточекъ. Курьезное предложеніе было также сдѣлано канадцами: они предложили каждому вѣрноподданному королевы пожертвовать пенни и изъ мѣди, полученной отъ всѣхъ этихъ монетъ, вылить бронзовую статую королевы и водрузить ее въ Гайдъ-Паркѣ. Въ числѣ предложеній имѣются и такія, которыя касаются женщинъ, напр., предложеніе, даровать имъ избирательныя права по случаю юбилея. Одинъ изъ представителей лондонской прессы, желая почтить юбилей королевы, объявилъ, что даритъ серебряную ложку каждому ребенку, который будетъ имѣть счастье родиться въ Англіи въ день юбилея.

Огромный наплывъ пріѣзжихъ въ Лондонъ естественно долженъ былъ вызвать страшное повышенія цѣнъ и вмѣстѣ съ этимъ увеличился спросъ на ресторанную и отельную прислугу. Разумѣется, эта послѣдняя спѣшитъ воспользоваться выгодами своего положенія въ данную минуту. Впрочемъ, лондонскіе рестораторы, не стѣсняясь, платятъ теперь какую угодно высокую цѣну, справедливо разсчитывая наверстать ее на карманахъ посѣтителей. Кстати о лондонской прислугѣ: недавно въ одной изъ газетъ возникла курьезная полемика между однимъ клерджименомъ (служитель церкви) и тремя дѣвушками, живущими въ услуженіи. Клерджименъ написалъ статью въ одномъ педагогическомъ журналѣ, въ которой критически отнесся къ воспитанію, даваемому молодымъ дѣвушкамъ, предназначающимся для домашнихъ услугъ. «Чтобы быть хорошей горничной или кухаркой,—сказалъ онъ,—вовсе не надо имѣть основательное знакомство съ литературой и читать Рёскина и Карлейля». Это замѣчаніе задѣло за живое многихъ изъ домашней прислуги и три наиболѣе образованныя дѣвушки, живущія въ услуженіи, отвѣтили на это письмомъ, напечатаннымъ въ газетахъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится слѣдующее: «Мы не знаемъ, почему почтенный авторъ статьи отнимаетъ у насъ право стремиться къ расширенію своихъ познаній и умственнаго кругозора,—право, которымъ пользуются всѣ прочіе классы общества. Не лучше ли въ свободное время читать хорошія книги, нежели проводить его въ обществѣ полицейскихъ и солдатъ? Мы, нижеподписавшіяся, читали Дарвина и Гексли и готовимся читать Спенсера. Что же касается нашей знакомой, кухарки въ сосѣднемъ домѣ, то она посѣщаетъ политехникумъ и недавно получила премію за латинское сочиненіе. Достопочтенный пасторъ, такъ возставшій противъ излишняго образованія, получаемаго кухарками или горничными, былъ бы, вѣроятно, очень удивленъ, еслибъ ознакомился съ содержаніемъ библіотечекъ, которыми обладаютъ нѣкоторыя изъ насъ. Онъ бы нашелъ тамъ, чаще чѣмъ думаетъ, такія книги, какъ сочиненія Гиббона, Стюарта, Грота, Милля, Гексли, Морлея и др. и былъ бы еще болѣе удивленъ, убѣдившись изъ разговора съ нами, что мы не только прочли, но и поняли эти книги».

Достопочтенный клерджименъ, не ожидавшій такого энергичнаго отпора, долженъ былъ сложить оружіе передъ такими аргументами и слѣдующее его письмо уже представляло нѣчто вродѣ «mea culpa», гдѣ онъ спѣшилъ оговориться, что онъ никогда и не думалъ находить вреднымъ умственное развитіе служанокъ и всякій трудъ считаетъ благороднымъ.

Религія красоты. Въ современной Англіи Джонъ Рёскинъ пользуется не меньшею извѣстностью въ настоящее время, чѣмъ Гладстонъ и нѣкоторые другіе современные дѣятели вродѣ Стэнли и Сесиля Родеса, хотя Рёскинъ никогда не былъ министромъ и отличается большою скромностью и отвращеніемъ къ рекламѣ. Высшая должность, которую онъ занималъ когда-либо, это—каѳедра профессора эстетики въ оксфордскомъ университетѣ. Орудіемъ Рёскина служатъ перо и слово, которыми онъ владѣетъ въ совершенствѣ, и та подкупающая искренность, которой проникнуты всѣ 50 томовъ его сочиненій, изданныхъ фирмой «Ruskin House», въ Лондонѣ. Французскій писатель Робертъ де-ля-Сизеранъ, посвятившій Рёскину и его трудамъ чрезвычайно интересное изслѣдованіе, озаглавленное «Ruskin et la religion de la beauté», разсказываетъ, что однажды кто-то сказалъ Рёскину: «Ваши книги меня необыкновенно заинтересовали».—«Для меня

это не важно, что онѣ васъ заинтересовали, а вотъ принесли ли онѣ вамъ пользу?» отвѣчалъ Рёскинъ.

Джонъ Рёскинъ, сынъ негоціанта-милліонера лондонскаго Сити, въ настоящее время ведетъ уединенную жизнь на берегу одного озера въ Ланкаширѣ. Онъ, повидимому, не ищетъ ни популярности, ни славы, но то и другое есть у него въ избыткѣ и это указываетъ, что въ Англіи умѣютъ отдавать справедливость людямъ, которые смѣло бросаютъ избитые пути и не считаютъ себя обязанными непремѣнно слѣдовать общепринятымъ правиламъ, изъ опасенія навлечь на себя порицанія общества и насмѣшки. Рёскинъ не боялся высказывать свои взгляды открыто, со свойственною ему рѣзкостью и, страннымъ образомъ, публика ему прощала многое, чего бы не простила никому другому, такъ что, не смотря на свои рѣзкія выходки, на свое презрѣніе къ политикѣ, высказанное имъ студентамъ, когда они пришли спрашивать его, предпочитаетъ ли онъ Дизраэли Гладстону. Рёскинъ все-таки пользуется огромною популярностью въ Англіи и властвуетъ надъ умами нѣсколькихъ милліоновъ подданныхъ. Но слава его перешла и за океанъ, такъ что въ Америкѣ есть уже городъ, который названъ именемъ Рёскина. Содержатели же гостинницъ въ Брантвудѣ, гдѣ обитаетъ Рёскинъ, пользуются этимъ для рекламы и объявляютъ, что изъ оконъ открывается «прекрасный видъ на домъ профессора Рёскина».

Но въ чемъ же секретъ такой популярности? Мы говорили уже выше объ искренности, которою пропитана каждая строка, написанная Рёскинымъ. «Быть—свободнымъ, говоритъ Рёскинъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій,—это значитъ прежде всего умѣть управлять своими страстями и затѣмъ, идя всегда по прямому пути, твердо стоять на немъ, не уступая никому и ничему и не сходить съ этого пути ни ради общественнаго мнѣнія, ни изъ-за страданій, ни ради удовольствій. Презирать мнѣніе толпы, угрозы враговъ и обольщенія дьявола—вотъ что означаетъ для всякой великой націи «быть свободнымъ» въ истинномъ смыслѣ этого слова!»

Такая твердость убѣжденій, отъ которой Рёскинъ не отступилъ ни разу, должна была дѣйствовать на толпу и внушать ей уваженіе. Но не въ этомъ одномъ заключалась тайна успѣха Рёскина. Въ каждомъ англосаксонцѣ, по словамъ Сизерана, уживаются рядомъ практикъ и идеалистъ. Неудовлетвореніе этой послѣдней стороны духовной жизни англичанина порождаетъ сплинъ. Рёскинъ же съумѣлъ разбудить въ душѣ англосаксонца эстетическія потребности и раса, повидимому, созданная только для спорта, торговли и промышленности, сдѣлалась воспріимчивою къ такимъ тонкимъ эстетическимъ ощущеніямъ, какія только доступны избраннымъ. Рёскинъ научилъ своихъ соотечественниковъ понимать красоту и вкладывать ее всюду, въ природу, искусство и жизнь. Въ культѣ красоты Рёскинъ видитъ настоящую панацею и въ данномъ случаѣ онъ дѣйствительно проповѣдуетъ на основаніи собственнаго опыта, такъ какъ увлеченіе эстетикой помогло ему справиться съ горькимъ разочарованіемъ, заставившимъ его сильно страдать въ свое время. Въ 1838 году, странствуя по Швейцаріи, онъ чуть было не былъ отвлеченъ отъ созерцанія красоты природы миловидностью женскаго личика. Онъ увлекся молодою француженкой и пробовалъ и ее увлечь, развивая ей свои идеи и «личные взгляды» на разныя событія въ родѣ «ватерлоосской битвы», на доктрину о «пресуществленіи», на «непобѣдимую Армаду» и т. д. Молодая дѣвушка слушала разсужденія философа и цѣлыхъ четыре года длилось

это ухаживаніе, но затѣмъ француженка, которой уже, наконецъ, надоѣло заниматься философіей такъ долго, выбрала себѣ супруга не такого резонера. Рёскинъ впалъ сначала въ мрачное отчаяніе, но затѣмъ, мало-по-палу, красоты природы и прекрасныя и величественныя художественныя произведенія вытѣснили изъ его души образъ милой измѣнницы.

Мало-по-малу, изучая красоту вездѣ и всюду и стремясь вкладывать ее во всѣ стороны жизни, Рёскинъ притупилъ свою воспріимчивость ко всякаго рода другимъ впечатлѣніямъ, кромѣ эстетическихъ. Онъ былъ въ Альпахъ, когда получилъ извѣстіе о смерти своей кузины Мара, которая была его постоянною спутницей во время его первыхъ путешествій по Швейцаріи и къ которой онъ питалъ нѣкогда сильную привязанность. Но это извѣстіе не произвело на него особеннаго впечатлѣнія и не помѣшало ему заняться отыскиваніемъ новыхъ эффектовъ освѣщенія восходящимъ солнцемъ Монтанвера и блеска ледяныхъ иглъ.

Въ 1848 году онъ какъ-то мимоходомъ и машинально повѣнчался съ самою красивою дѣвушкою Пертá, но ни это событіе, ни разводъ послѣ шестилѣтней въ высшей степени неудачной брачной жизни не вызвали въ немъ никакого особеннаго впечатлѣнія и прошли для него какъ-то безслѣдно.

Въ 1871 году съ величайшимъ рвеніемъ Рёскинъ принялся насаждать культъ красоты въ англійскомъ обществѣ. Онъ входилъ во всѣ мельчайшія подробности англійской жизни и безповоротно осуждалъ все то, что противорѣчило законамъ красоты. Такъ, по его мнѣнію, всѣ желѣзныя дороги въ высшей степени неэстетичны и «эстеты» не должны по нимъ ѣздить. Самъ Рёскинъ подаетъ въ этомъ отношеніи примѣръ и его никогда нельзя видѣть берущимъ билеты въ желѣзнодорожныхъ кассахъ. Но этого мало! Издатель Рескина не смѣетъ отправлять его сочиненій по желѣзной дорогѣ, такъ какъ это *неэстетично*, и поэтому томики Рёскина путешествуютъ по старому способу—въ повозкахъ. Рёскинъ сильно противился проведенію желѣзной дороги по той мѣстности, гдѣ находится его замокъ, но практичные англичане такъ далеко за нимъ не пошли и въ этомъ отношеніи онъ не нашелъ подражателей. Но зато его проектъ реформы промышленныхъ искусствъ имѣлъ гораздо большій успѣхъ. Онъ постоянно старался передать толпѣ идеалъ красоты, который жилъ въ его душѣ, и такъ какъ сочиненія его оказались недостаточны для распространенія его доктрины красоты, то онъ рѣшилъ еще въ 1854 году распространить ее практическимъ путемъ и взялся преподавать рисованіе въ одной школѣ для взрослыхъ. Съ этою же цѣлью онъ устроилъ въ Шеффильдѣ художественный музей — «Ruskin Museum» для рабочихъ. Онъ хотѣлъ, чтобы огрубѣвшіе на тяжелой работѣ у пылающихъ горновъ и въ атмосферѣ мелкой металлической пыли рабочіе приходили въ этотъ музей любоваться усталыми взорами на игру свѣта въ оникcѣ, хрусталѣ, аметистахъ и т. п. и на красивыя картины, изображающія прекраснѣйшія въ мірѣ строенія, между прочимъ, соборъ св. Марка, и, переносясь фантазіей въ идеальную страну, забывали бы на время свою неприглядную обстановку, некрасивыя фабричныя строенія и трубы. Рёскинъ выстроилъ для этого музея коттеджъ въ окрестностяхъ города, среди лужаекъ и рощъ, но впослѣдствіи музей былъ переведенъ въ городъ, въ домъ, отданный для этой цѣли муниципалитетамъ.

Идеи Рёскина, безспорно, всегда были широки и отличались великодушіемъ, но только ихъ приложеніе къ жизни

хотя и не лишено было оригинальной прелести, все-таки поражало своею какою-то дѣтскою наивностью. Такъ, напримѣръ, онъ узналъ, что крестьяне въ Вестморляндѣ бросили заниматься рѣзьбою по дереву, пряжей шерсти и тканьемъ холста. Мелкая промышленность и тутъ, какъ и вездѣ, должна была уступить мѣсто крупной и ручной трудъ—машинному. Однимъ словомъ, отвратительныя паровыя машины, на которыя Рёскинъ смотрѣлъ почти какъ на личныхъ враговъ, испортили поэзію работы, совершавшейся прежде подъ звуки пѣсенъ и неуклюжія движенія машины замѣнили «красивый жестъ работающей руки»... Нѣкто Флеммингъ, милліонеръ и одинъ изъ самыхъ ярыхъ поклонниковъ Рёскина поклялся возстановить эстетическій первобытный способъ работы въ этихъ краяхъ. Это было однако не легко. Послѣ долгихъ поисковъ удалось найти у одной старухи традиціонную прялку, которая была торжественно пронесена черезъ всѣ деревни; затѣмъ найденъ былъ разломанный первобытный ткацкій станокъ, но его починили и тогда началось обученіе старинному способу и возвращеніе къ старымъ порядкамъ. Къ удивленію, дѣло пошло на ладъ, такъ какъ денегъ на это не жалѣли, и притомъ затѣя эта, какъ и всякая эксцентричная выдумка, встрѣтила много сторонниковъ въ обществѣ, такъ что скоро дѣло стало выгоднымъ и начало приносить доходъ, потому что мода требовала, чтобы въ составъ каждаго приданаго входило такъ называемое «полотно Рёскина». Также точно и на островѣ Мэнѣ Рёскинъ возстановилъ прежнюю отрасль промышленности—изготовленіе шерстяной пряжи. Теперь жители Мэна, также какъ и прежде, изготовляютъ сукна, но не пользуются для своего производства паровыми двигателями, а только живописною мельницей самаго примитивнаго устройства. Такихъ примѣровъ, указывающихъ, что Рёскинъ входилъ во всѣ мельчайшія подробности англійской жизни, можно было бы привести не мало. Сознавая, что совершенно измѣнить весь строй жизни и уничтожить сложившіяся вѣками привычки невозможно, Рёскинъ рѣшилъ подчинить требованіямъ эстетики условія современной жизни и современную обстановку. Въ этомъ отношеніи онъ нашелъ пылкихъ союзниковъ въ лицѣ поэта и беллетриста Уилльяма Морриса и Вальтера Крэна, члена разныхъ этическихъ обществъ, который старался воздѣйствовать на лондонскую публику посредствомъ развѣшиванія по стѣнамъ улицъ «афишъ - картинъ», предназначенныхъ дѣйствовать на нравственность народныхъ массъ. Уилльямъ Моррисъ—самый знаменитый и популярный изъ учениковъ и послѣдователей Рёскина, вдохновившись его идеями, задался цѣлью содѣйствовать развитію массъ посредствомъ искусства. «Надо вернуть искусствамъ ихъ прежнюю роль въ жизни,—говорилъ онъ;—надо, чтобы жилища, одежда, утварь, мебель и все, что необходимо въ жизни было въ одно и тоже время и красиво и полезно!» Уилльямъ Моррисъ, какъ извѣстно, не ограничился одною словесною проповѣдью своихъ воззрѣній на роль искусства въ жизни, онъ устроилъ фабрику художественныхъ издѣлій для домашняго обихода, организовалъ «Общество охраненія памятниковъ старины» и общество съ цѣлью распространенія и поднятія декоративнаго искусства, и дѣйствительно много содѣйствовалъ художественному развитію Англіи. Его проповѣдь свободнаго труда и всѣ его брошюры, памфлеты и лекціи, посредствомъ которыхъ онъ вдохновленнымъ тономъ поэта проповѣдывалъ лучшую организацію труда, которая должна создать царство красоты на землѣ, увле-

кали слушателей и имя Морриса сдѣлалось популярнымъ во всѣхъ слояхъ англійскаго общества, а вліяніе его сильно отразилось на англійской промышленности.

Что же касается самого Рёскина, давшаго толчекъ этому движенію въ пользу искусства, то онъ всегда проповѣдывалъ простоту и возвращеніе къ природѣ. Каждый предметъ долженъ быть красивъ, но все-таки онъ долженъ соотвѣтствовать своей цѣли—это прежде всего. «Не употребляйте золотыхъ плуговъ и не переплетайте счетныхъ книгъ въ дорогой переплетъ. Все должно отвѣчать своему назначенію. Не годится украшать барельефами жернова мельницъ или молотить рожь рѣзными цѣпами», говоритъ Рёскинъ. Апостолъ англійской эстетики хотѣлъ возвратить къ источникамъ жизни нашъ вѣкъ, слишкомъ погрязшій въ болотѣ промышленности, торговыхъ предпріятій и погонѣ за современностью. «Познанія прекраснаго ведетъ насъ къ познанію добра», проповѣдуетъ Рёскинъ и въ своихъ лекціяхъ объ эстетикѣ старается внушить и распространить нравственныя идеи, и нельзя не признать, что несмотря на свои многія странности чисто британскаго характера и на то, что его пропаганда поклоненія красотѣ породила многія уродливыя уклоненія и преувеличенія какъ въ британскомъ, такъ и другихъ обществахъ, Рёскинъ все-таки содѣйствовалъ расширенію горизонтовъ у своихъ современниковъ и вернулъ искусствамъ энциклопедическій характеръ, котораго они отчасти лишились подъ вліяніемъ академической рутины.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues». — «Revue de Paris» — «Mac Clare's Magazine» — «Revue Bleue».

Директоръ психологической лабораторіи Сорбонны, французскій ученый Бине, заинтересованный извѣстнымъ парадоксомъ Дидеро (Paradoxe sur le comédien), доказывающаго, что великій актеръ не долженъ быть чувствительнымъ, т. е., другими словами, не долженъ самъ испытывать тѣхъ эмоцій, которыя онъ передаетъ на сценѣ, предпринялъ серьезное научное разслѣдованіе этого вопроса, для чего обратился къ наиболѣе знаменитымъ актерамъ и актриссамъ съ просьбою передать ему наивозможно болѣе точнымъ образомъ, что именно они испытываютъ на сценѣ, играя ту или иную роль. Это разслѣдованіе продолжалось три года и результаты его Бине сообщаетъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Revue des Revues». «Девять актеровъ, къ которымъ я обращался (m-me Барте, гг. Готъ, Муне-Сюлли, Поль-Муне, Леварженъ, Вормсъ, Кокленъ, Трюффье и де-Фероди),—говоритъ Бине,—единогласно заявили мнѣ, что они считаютъ тезисъ Дидеро не выдерживающимъ критики. Всякій актеръ на сценѣ, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, всегда испытываетъ тѣ эмоціи, которыя онъ изображаетъ. Однако мнѣ сказали, что есть актеры, не раздѣляющіе этого мнѣнія и что Кокленъ старшій, напримѣръ, ничего не чувствуетъ отъ того, что изображаетъ на сценѣ. Но я не имѣлъ случая говорить съ нимъ и потому не могъ провѣрить этого заявленія».

Г-жа Барте, къ которой обращался Бине, заявила ему, что она, безъ сомнѣнія, испытываетъ передаваемыя ею ощущенія, но лишь по чувству

симпатіи. Въ сущности она испытываетъ то же, что и зрители, смотрящіе на ея игру, но только эмоція, испытываемая ею, предшествуетъ эмоціи зрителей. Затѣмъ г-жа Барте говоритъ, что степень чувствительности находится у нея въ зависимости отъ ея нравственнаго и физическаго состоянія и даже бывали дни, хотя рѣдко, когда она ровно ничего не чувствовала и это причиняло ей нравственныя страданія, точно какое-нибудь униженіе, испытанное ею.

Вормсъ говоритъ, что всегда, когда ему случается играть сцены страсти и нѣжности,—глаза его партнерши по игрѣ наполняются слезами. По его мнѣнію, тѣ изъ актеровъ, которые утверждаютъ, что надо играть, не чувствуя, принадлежатъ, большею частью, къ натурамъ очень сухимъ и неспособнымъ сильно чувствовать. Муне-Сюлли и Поль Муне также находятъ, что актеръ долженъ отрѣшиться отъ своей среды и отъ себя самого и только тогда онъ воплотится въ ту роль, которую играетъ. Но это не всегда возможно, и въ такіе дни, когда актеръ «не чувствуетъ своей роли», онъ будетъ играть со свойственнымъ ему талантомъ, но безъ «священнаго огня», такъ какъ онъ будетъ стараться воспроизвести искусственно тѣ ощущенія, которыя испытывалъ, когда воплощался въ свою роль. Необходимость играть ежедневно сильно притупляетъ чувствительность актера и у него наступаетъ пресыщеніе; онъ не можетъ заставить себя интересоваться своею ролью и вниманіе его отвлекается въ другую сторону. Поль-Муне говоритъ, что во время 50-го представленія онъ сталъ внезапно чувствовать нерѣшительность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роли и даже потерю памяти.

Муне-Сюлли находитъ, что испытываемыя актеромъ эмоціи такъ же реальны, какъ будто бы онъ дѣйствительно переживалъ ихъ. «Мнѣ знакома ярость отцеубійцы—говоритъ онъ;—я даже иногда на сценѣ испытывалъ галлюцинаціи, я видѣлъ кинжалъ, вонзавшійся въ тѣло». Конечно, такія состоянія бываютъ рѣдко, но всякій актеръ долженъ стремиться къ этому, хотя онъ часто долженъ также сознавать, какъ онъ далекъ отъ этого. Отвратительныя рукоплесканія, раздающіяся въ публикѣ, физіономія партнера, часто вовсе не выражающая того, что она должна выражать, нарушаютъ иллюзію актера. Сюлли никогда не смотритъ на публику и ему часто случалось забывать, что онъ находится на сценѣ.

По словамъ г-жи Барте эмоціи актера вполнѣ реальны, такъ какъ онѣ вызываютъ въ его организмѣ такія же точно физическія явленія, какъ и настоящія эмоціи. Барте говоритъ, что во время исполненія нѣкоторыхъ ролей она чувствовала, какъ ея глаза наполняются слезами, сердце бьется сильнѣе, голосъ дрожитъ и она задыхается. Это состояніе продолжается у нея еще нѣкоторое время и послѣ того, какъ она удалится со сцены.

Лѣтъ десять тому назадъ, когда опыты гипнотизма получили особенное распространеніе, не разъ производились опыты измѣненія личности посредствомъ внушенія. Шарль Рише сдѣлалъ нѣсколько такихъ опытовъ; женщина, мать-семейства, которой онъ внушалъ попеременно, что она—генералъ, архіепископъ, балерина, матросъ и т. д., совершенно входила въ навязанную ей роль и выполняла ее съ такимъ совершенствомъ, какого не можетъ достигнуть ни одинъ, даже самый талантливый актеръ. «Превосходство исполненія внушенной подобнымъ образомъ роли,—говоритъ Бине, объясняется искренностью; личность, которой сдѣлано такое внушеніе, измѣняется соотвѣтствующимъ образомъ и дѣйствительно воображаетъ себя тѣмъ лицомъ, роль котораго она вынуждена исполнять. Однако же нельзя

допустить, чтобы геніальный актеръ въ данномъ случаѣ оказался ниже истеричнаго субъекта, разыгрывающаго внушенную ему роль. Нельзя утверждать, что актеръ играетъ, не чувствуя и не вѣря. Конечно, вернувшись въ уборную и стерѣвъ краски съ лица и снова сдѣлавшись хладнокровнымъ, онъ перестаетъ чувствовать то, что чувствовалъ, и изображаемая имъ личность перестаетъ быть для него реальнымъ лицомъ. Но на сценѣ, въ жару дѣйствія, онъ можетъ испытывать эмоціи за счетъ этого искусственнаго лица и превратить его въ лицо реальное, вдохнуть въ него жизнь. Эмоціи актера несомнѣнно существуютъ, хотя у однихъ они выражены слабо, у другихъ же достигаютъ высшаго развитія, но въ этомъ именно и заключается главный существенный элементъ искренности; словомъ: мы полагаемъ, что между субъектомъ, находящимся подъ вліяніемъ внушенія, и актеромъ, входящимъ въ свою роль, нѣтъ существенной разницы и разница заключается только въ оттѣнкахъ».

Вопросъ о дѣтской преступности представляетъ одинъ изъ тѣхъ жгучихъ современныхъ вопросовъ, которые интересуютъ не однихъ только спеціалистовъ и ученыхъ, но и все общество, такъ какъ они находятся въ непосредственной связи съ благосостояніемъ и развитіемъ общества. Поэтому въ настоящее время въ иностранной печати зачастую попадались статьи, посвященныя этому вопросу. Чтобы искоренить зло—надо прежде всего умѣть распознать его и притомъ не надо стараться уменьшать его значеніе, что дѣлаютъ нѣкоторые изъ авторовъ этихъ статей, утверждающіе, что это зло—неизбѣжно и одинаково свирѣпствуетъ среди всѣхъ народовъ. Нѣкоторые изъ авторовъ, впрочемъ, доказывали, что оно больше всего распространено въ Англіи. Это, впрочемъ, опровергается статьею французскаго ученаго Жоли, напечатанной въ «Revue de Paris» и основанной на тщательно провѣренныхъ оффиціальныхъ данныхъ.

Въ 1868, 1869 и 1870 годахъ Англія насчитывала на 100.000 жителей 46 преступниковъ-дѣтей. Въ 1893 году число это сократиловь до 14 человѣкъ. Когда эти цифры были опубликованы, то противъ нихъ пробовали возразить, что Англія упрятываетъ преступныхъ дѣтей въ исправительныя и ремесленныя школы и такимъ образомъ уменьшаетъ число тѣхъ, которыя присуждаются къ тюремному заключенію. Однако по провѣркѣ оказывается, что хотя за тридцать лѣтъ общая цифра дѣтской преступности и возросла на 24%, но приростъ населенія, изъ котораго взяты эти цифры, увеличился почти на 40%, слѣдовательно, если сопоставить эти цифры, то получится уже не увеличеніе, а уменьшеніе дѣтской преступности на 15%.

Несомнѣнно, что разныя предупредительныя мѣры, принимаемыя въ Англіи съ извѣстнымъ методомъ и настойчивостью, дѣйствительно содѣйствовали пониженію цифры дѣтской преступности. Къ такимъ предупредительнымъ мѣрамъ принадлежитъ помѣщеніе въ ремесленныя школы дѣтей, брошенныхъ на произволъ судьбы или выростающихъ въ дурной обстановкѣ. Ремесленныя школы—это собственно школы предупредительныя, и туда не помѣщаются такія дѣти, которыя уже совершили преступленіе. Для такихъ существуютъ исправительныя школы. Число ремесленныхъ школъ въ Англіи постоянно увеличивается и въ 1894 году въ эти школы было помѣщено 24.683 дѣтей, вмѣсто 1.668 въ 1864 г. Слѣдующія статистическія данныя, указываютъ, къ какимъ это привело результатамъ. Въ 1893 году число преступниковъ моложе шестнадцатилѣтняго возраста,

присужденныхъ къ наказанію, было 6.595; въ 1894 году оно возросло на 9—6.604, но въ 1895 году сократилось до 5.530, представляя, такимъ образомъ, абсолютное пониженіе преступности на 1.074. Между тѣмъ общая цифра населенія страны все возростала и достигла 662.978. Въ исправительныя школы—единственныя, которыя можно до извѣстной степени сравниватъ съ тюрьмой, было принято въ 1892 году 1.257 дѣтей, а въ 1895 г. только 1.019. Ремесленныя школы приняли въ 1892 году 2.925 дѣтей, а въ 1895 г.—3.136. Но вмѣстѣ съ развитіемъ этихъ школъ возростало и число допущенныхъ въ нихъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ, какія бы ни приводились возраженія, умаляющія значеніе цифровыхъ данныхъ, все-таки никто не рѣшится отвергать, что данныя эти говорятъ въ пользу уменьшенія дѣтской преступности въ Англіи. Значитъ, дѣтская преступность не такъ уже неизбѣжна и съ этимъ зломъ не только можно, но и должно бороться.

Въ американскомъ журналѣ «Mac Clare's Magazine» разсказываются на основаніи подлинныхъ документовъ драматическія подробности, еще нигдѣ не опубликованныя, о поимкѣ убійцы президента Авраама Линкольна, бывшаго актера Джона Уилькса Бутса. Извѣстно было только, что Бутсъ былъ черезъ нѣсколько дней послѣ совершеннаго имъ преступленія найденъ солдатами и, въ свою очередь, убитъ. Теперь же изъ подробностей, сообщенныхъ американскимъ журналомъ, видно, что тутъ произошла настоящая охота за человѣкомъ и поручикъ Бекеръ, выслѣдившій убійцу и поймавшій его въ его убѣжищѣ, обнаружилъ не только удивительное хладнокровіе, но и всѣ качества настоящаго охотника. Надо правду сказать, что въ этомъ драматическомъ эпизодѣ, убійца, представлявшій дичь, за которою охотятся, является, пожалуй, въ гораздо болѣе привлекательномъ свѣтѣ, нежели охотники, устроившіе на него облаву. Не слѣдуетъ забывать, что Бутсъ представлялъ очень крупную дичь, за поимку которой назначена была премія въ 100.000 долларовъ, поэтому поручикъ Бекеръ долженъ былъ удвоить бдительность, такъ какъ такая высокая цѣна крови возбудила массу вожделѣній и много добровольцевъ отыскивало убійцу и у Бекера было много конкурентовъ.

Бекеръ узналъ, что Бутсъ наканунѣ переѣхалъ черезъ Потомакъ въ рыбачьей лодкѣ. Тогда онъ обратился къ поручику Догерти, чтобы онъ сопровождалъ его съ отрядомъ въ 25 солдатъ. Перейдя рѣчку, они принялись изслѣдовать во всѣхъ направленіяхъ берегъ, вынуждая жителей угрозами говорить все, что имъ было извѣстно. Бутсъ во время бѣгства сломалъ себѣ ногу и это послужило такою примѣтой, по которой его легко было узнать. Кромѣ того, у Бекера были полны карманы фотографій Бутса, которыя онъ и показывалъ всѣмъ проходящимъ. Такимъ путемъ Бекеру удалось найти лодочника, который перевезъ несчастнаго Бутса. Лодочника этого арестовали и заставили говорить. Онъ сообщилъ, что Бутса пріютили офицеры южной арміи и одинъ изъ нихъ, капитанъ Джетъ, отвезъ его къ своей любовницѣ въ Боулингъ-Гринъ, за пятнадцать миль отсюда. По дорогѣ Бекеръ со своими людьми прошелъ мимо гумна, гдѣ скрывался Бутсъ, видѣвшій ихъ, но не подозрѣвавшій ихъ намѣреній. Бекеръ велѣлъ захватить капитана Джета и тотъ, какъ и лодочникъ и всѣ прочіе друзья Бутса, выдалъ его при первой же угрозѣ. Онъ сказалъ, что Бутсъ находится въ домѣ другого приверженца юга, Гарретта,—если только онъ уже не убѣжалъ оттуда, завидѣвъ отрядъ. Отправились къ Гаррет-

ту, осадили его домъ и Гарреттъ, въ свою очередь выдалъ, человѣка, искавшаго у него убѣжища. Онъ указалъ на гумно, мимо котораго отрядъ проходилъ наканунѣ.

Бекеръ, подойдя къ этому гумну, дѣйствительно услышалъ громкій голосъ Бутса, который говорилъ кому-то: «Вы мнѣ измѣнили, выходите, а не то я васъ убью!» Тогда сквозь запертую дверь Бекеръ закричалъ Бутсу, чтобы онъ сдался, но Бутсъ, не отворяя дверей, отвѣчалъ: «Тутъ есть нѣкто, очень желающій сдаться», и вполголоса прибавилъ, обращаясь къ кому-то: «Ступайте же! оставьте меня одного!»

Бутсъ говорилъ это своему товарищу и сообщнику Герольду, который спрятался вмѣстѣ съ нимъ и котораго онъ хотѣлъ спасти во что бы-то ни стало. Герольдъ между тѣмъ кричалъ полицейскимъ солдатамъ: «Пропустите меня, я не знаю человѣка, съ которымъ нахожусь».

Бекеръ закричалъ ему, чтобы онъ отдалъ оружіе, но Бутсъ отвѣчалъ за Герольда, что у него нѣтъ никакого оружія, такъ какъ онъ совершенно невиненъ; онъ прибавилъ, что оружіе принадлежитъ ему, Бутсу, и онъ не намѣренъ отдавать его. Герольдъ умолялъ, чтобы его выпустили. Бекеръ пріотворилъ дверь и Герольдъ выскочилъ.

— Вы бы также вышли, это было бы лучше,—сказалъ Бекеръ Бутсу, когда тотъ остался одинъ въ гумнѣ.

— Скажите прежде, кто вы и что вамъ отъ меня нужно? — отвѣтилъ Бутсъ.

— Вамъ нѣтъ дѣла до того, кто мы, — отвѣчалъ Бекеръ.—Мы васъ знаемъ и вы намъ нужны. Съ нами пятьдесятъ человѣкъ хорошо вооруженныхъ, которые оцѣпили гумно. Вы не можете убѣжать и мы не имѣемъ намѣренія васъ убить.

— Капитанъ!—сказалъ, наконецъ, Бутсъ послѣ минутнаго молчанія.—Вотъ вамъ мое предложеніе: я раненъ въ ногу и ходить не могу. Но дайте мнѣ хоть одинъ шансъ къ спасенію; удалите своихъ людей и будемъ драться на дуэли!

— Мы здѣсь вовсе не для того, чтобы драться на дуэли, а чтобы овладѣть вами!—закричалъ Бекеръ.—Если же вы не выйдете, то мы подожжемъ гумно.

— Поступайте какъ вамъ будетъ угодно, мои храбрые друзья,—возразилъ Бутсъ.—Однимъ пятномъ больше на старомъ знамени...

Гумно подожгли. Дверь рушилась и тогда храбрые полицейскіе солдаты съ поручикомъ Бекеромъ во главѣ увидѣли Бутса, стоящаго на костыляхъ по срединѣ горѣвшаго гумна. Но огонь заставилъ его все-таки сдѣлать шагъ впередъ; онъ поднялъ руку и упалъ. Одинъ изъ солдатъ выстрѣлилъ въ него.

Но Бутсъ не былъ убитъ на повалъ. Обливаясь кровью, онъ крикнулъ солдатамъ: «О, прикончьте же меня поскорѣе!» Затѣмъ онъ смолкъ, но потомъ опять застоналъ: «Передайте моей матери, что я умираю ради своей родины,—проговорилъ онъ съ трудомъ.—Я поступилъ такъ, какъ мнѣ казалось лучше!»

Это были его послѣднія слова. Его тѣло было тайкомъ доставлено въ Вашингтонъ, чтобы его друзья не могли имъ овладѣть. Такъ кончилась эта замѣчательная охота на человѣка, въ которой Бекеръ со своимъ отрядомъ играли довольно-таки жалкую роль.

«Revue Bleue» печатаетъ статью по поводу недавняго страшнаго пожара въ Парижѣ, въ которой приводитъ списокъ театральныхъ пожаровъ за послѣднія триста лѣтъ. Наибольшее число пожаровъ приходится на долю Лондона—47; затѣмъ идутъ: Парижъ—34; Нью-Іоркъ—30; Санъ-Франциско — 27; Филадельфія—21;

Бостонъ—24, Бордо—7. До конца XVII вѣка роль пожарныхъ исполняли монахи, на обязанности которыхъ лежало оберегать театральный залъ отъ пожара, и капуцины очень долго исполняли эту обязанность. Во время представленій за кулисами стояли капуцины съ палками въ рукахъ, къ которымъ были привязаны губки, смоченныя водой. Капуцины прыскали водой изъ этихъ губокъ на декораціи и костюмы въ случаѣ тревоги. Въ 1781 году однако уже возникла мысль о томъ, чтобы сдѣлать зрительныя залы невоспламенимыми.

Что касается освѣщенія театровъ, то оно прогрессировало весьма медленно и въ XVII вѣкѣ театръ освѣщался люстрами, въ которыя вставлялись сальныя свѣчи. Нѣсколько разъ въ теченіе представленія являлись мастера, спускали люстры и снимали нагаръ со свѣчей. Они дѣлали это такъ ловко, что зачастую публика встрѣчала ихъ апплодисментами. Масло для освѣщенія было введено въ 1720 году, но оно имѣло тѣ неудобства, что капало съ люстръ прямо на зрителей, поэтому мѣста въ центрѣ подъ люстрой отводились клакерамъ, которые и получили отсюда названіе: «chevaliers du lustre».

Четвертая Скандинавская выставка.

(Письмо изъ Стокгольма).

Чудная панорама развертывается передъ вами при приближеніи къ Стокгольму. Направо и налѣво лежатъ маленькіе острова, сплошь покрытые зеленью, среди которой проглядываютъ домики оригинальной шведской архитектуры.

Чѣмъ ближе подходимъ мы къ городу, тѣмъ чаще и чаще попадаются лодки и пароходики, переполненные народомъ...

Повсюду блестятъ огоньки... Съ гавани слышится какой-то гулъ, среди котораго рѣзко выдѣляются звонки конно-желѣзной дороги, да доносится издали свистокъ локомотива.

Та часть города, гдѣ пристаютъ морскіе пассажирскіе пароходы, поражаетъ своей оригинальностью: узкія, кривыя улицы, изъ которыхъ нѣкоторыя не превышаютъ даже *одного* шага, а многоэтажные дома, соединенные иногда съ домами на противоположной сторонѣ улицы, образуютъ родъ туннелей. Зрителю такъ и кажется, что передъ нимъ театральная декорація, изображающая средневѣковый городъ.

Другія части города—болѣе поздней постройки—напоминаютъ обыкновенные европейскіе кварталы, съ тою лишь разницею, что архитектура домовъ нѣсколько своеобразна.

Съ внѣшней стороны Стокгольмъ поражаетъ своею чистотою и благоустройствомъ; въ немъ много садовъ и бульваровъ.

Сообщеніе между частями города и въ частности съ выставкою организовано очень удобно при помощи маленькихъ пароходиковъ и конно-желѣзной дороги, которая образуетъ цѣлую сѣть.

Выставка помѣщается на одномъ изъ острововъ среди парка, что обезпечиваетъ ей чистоту воздуха и очень украшаетъ.

Всю ее можно раздѣлить на четыре части:

Въ первой (направо отъ входа) «Народная школа», «Сѣверный музей»; (налѣво отъ входа) павиль-

онъ туристовъ и спорта, павильонъ химико-технич. промышленности, павильонъ города Стокгольма, «Сказочный Гротъ». Какъ разъ напротивъ входа на разстояніи 300—400 метровъ возвышается «Дворецъ промышленности», гдѣ помѣщаются отдѣлы: Швеціи, Норвегіи, Даніи и Россіи. Влѣво отъ этого зданія находится рядъ маленькихъ павильоновъ, о которыхъ я скажу въ свое время, павильонъ рыбной промышленности въ Швеціи и Даніи, «Древній Стокгольмъ», норвежская рыбопромышленная выставка. Позади и влѣво отъ «Дворца промышленности:» павильоны геологическій, лѣсопромышленности, крупной промышленности въ Сконіи (южная провинція Швеціи) и др. Позади «Дворца промышленности»: «Библейская галерея», «Біологическій музей», павильонъ г-на Montin'a, вилла г-на Hammer'a.

Второй отдѣлъ выставки помѣщается на горѣ среди зоологическаго сада. Здѣсь находится, главнымъ образомъ, нѣкоторая часть вещей у «Сѣвернаго музея». Сѣверный музей, которымъ справедливо гордятся стокгольмцы, на выставкѣ не участвуетъ и помѣщеніе, предназначенное для него, отведено подъ школьный отдѣлъ. Богатыя коллекціи его попрежнему хранятся въ разныхъ мѣстахъ города.

Третій отдѣлъ находится вправо отъ «Дворца промышленности» и отдѣленъ отъ другихъ улицей, черезъ которую перекинуто нѣсколько мостиковъ. Здѣсь помѣщаются:

Вправо отъ главнаго мостика: военный лазаретъ, выставка арміи и флота; влѣво два павильона частныхъ оружейныхъ заводовъ, лоцманскій павильонъ, павильонъ мѣдныхъ рудниковъ одного акціонернаго общества, дворецъ искусства, дворецъ машинъ (большинство которыхъ работаетъ) и другіе павильоны.

Четвертый отдѣлъ расположенъ сзади дворца промышленности и отдѣленъ улицей. Въ немъ помѣщена выставка паровыхъ котловъ (часть которыхъ постоянно работаетъ, приводя въ дѣйствіе машины во дворцѣ машинъ), сельскохозяйственныя машины и др.

Я начну съ описанія болѣе замѣчательныхъ экспонатовъ въ отдѣлѣ индустріи.

Дворецъ промышленности представляетъ огромное, болѣе 15.000 квадратныхъ метровъ, деревянное зданіе, куполъ котораго поднимается на девяносто семь метровъ. Съ четырехъ сторонъ купола устроены минареты, отъ которыхъ на высотѣ около 50 метровъ идутъ мостики къ куполу, гдѣ будетъ помѣщено кафѣ.

Форма зданія напоминаетъ букву Т и занято шведскимъ, норвежскимъ, датскимъ и русскимъ отдѣлами. Финляндія же совершенно не участвуетъ, такъ какъ для нея не отвели отдѣльнаго помѣщенія.

Въ шведскомъ отдѣлѣ бросается въ глаза много изящныхъ вещей и вещицъ, но подобныя же встрѣчаются въ норвежскомъ и датскомъ; поэтому чрезвычайно трудно сказать, чѣмъ замѣчателенъ этотъ отдѣлъ. Впрочемъ, о сходствѣ промышленности аргіогі можно было бы сказать, такъ какъ во всякой странѣ, гдѣ таможенныя пошлины не такъ высоки, производство тѣсно связано съ міровымъ производствомъ и всякое усовершенствованіе волей-неволей приходится вводить и у себя. Швеція въ данномъ случаѣ хотя и имѣетъ рядъ высокихъ охранительныхъ пошлинъ, но онѣ, главнымъ образомъ, касаются предметовъ сельскаго хозяйства, а на другіе предметы пошлина сравнительно не такъ высока. Кромѣ того, здѣсь приходится прибѣгать къ усовершенствованнымъ способамъ производства еще вслѣдствіе дороговизны рабочихъ рукъ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ экспона-

товъ въ этомъ отдѣлѣ: желѣзодѣлательное производство въ Эскильстунѣ (Eckilstuna), гдѣ работа ножей, напримѣръ, гораздо изящнѣе, чѣмъ на нашихъ златоустовскихъ фабрикахъ. Затѣмъ обращаютъ на себя вниманіе несгораемые шкафы съ послѣдними усовершенствованіями, производство телефоновъ и часовъ. Послѣднее производство, замѣчу въ скобкахъ, можно назвать національнымъ, — съ древнихъ временъ въ каждомъ крестьянскомъ домѣ были часы домашней работы. Подобная кустарная работа существуетъ въ Швеціи до настоящаго времени.

Обращаетъ на себя вниманіе также витрина гигіеническаго платья для женщинъ. Костюмы, выставленные здѣсь, есть все же уступка модѣ и представляютъ только незамѣтный переходъ къ мужскому платью. Реформа въ одеждѣ туго прививается здѣсь, не смотря на то, что существуетъ цѣлое общество женщинъ, идущее противъ новѣйшихъ парижскихъ модъ. Мнѣ пришлось встрѣтить только два раза дамъ, одѣтыхъ въ эти полумужскіе костюмы.

Идя влѣво, вы попадаете въ датскій отдѣлъ. Здѣсь безспорно первое мѣсто занимаютъ терракотовыя вещи. Всѣ они сдѣланы съ замѣчательнымъ изяществомъ. Среди этихъ вещицъ есть имитаціи древнимъ греческимъ вазамъ, различнымъ античнымъ вещицамъ и также много произведеній современнаго искусства. Интересна очень витрина «Сѣвернаго Телеграфнаго Общества» («Nordiske-Telegraf-Selskab»). Здѣсь— масса вещей, показывающихъ технику современнаго телеграфнаго дѣла и различныхъ электрическихъ приспособленій. На хорахъ въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются экспонаты по народному образованію, статистикѣ, медицинѣ и т. д. Это самый интересный отдѣлъ и я поговорю о немъ въ связи съ народнымъ образованіемъ въ Швеціи.

Изъ датскаго отдѣла вы переходите въ русскій. Говоря безпристрастно, онъ является нѣсколько страннымъ: на небольшомъ, сравнительно, пространствѣ натолкана безъ всякой системы масса разнообразныхъ вещей, изъ которыхъ нѣкоторыя прямо показываютъ наивность нашихъ промышленниковъ и незнаніе ими условій здѣшней жизни. Такъ, напримѣръ, одинъ выставилъ образцы заржавленныхъ керосинокъ и игрушечные микроскопы, тогда какъ въ шведскомъ отдѣлѣ подобные предметы поражаютъ своимъ изяществомъ и русская работа только оттѣняетъ превосходство здѣшней. Нѣсколько скупщиковъ чужаго труда выставили работы кустарей, которыя дѣйствительно хороши и поражаютъ публику своей дешевизной, такъ какъ здѣсь не понимаютъ той баснословной платы, которая возможна у насъ.

Очень интересна витрина Нобеля, показавшаго наглядно нефтяную промышленность въ Россіи. Здѣсь стоятъ модели машинъ, масса рисунковъ и образцы продуктовъ нефтяной промышленности.

Вниманіе всей публики останавливается на витринѣ Императорскихъ заводовъ. Здѣсь выставлены образцы работъ изъ порфира, яшмы, агата и т. д., которыя поражаютъ своей роскошью и... безполезностью.

Представьте себѣ огромныя каменныя вазы, сдѣланныя изъ цѣлыхъ глыбъ съ художественной рѣзьбой. На отдѣлку, напримѣръ, двухъ вазъ истрачено по 11 лѣтъ безпрерывнаго труда и стоимость ихъ простирается до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, какъ поясняетъ служитель. Такихъ непроизводительныхъ, дорогихъ и никому ненужныхъ работъ мнѣ не пришлось видѣть ни въ шведскомъ, ни въ датскомъ отдѣлахъ.

Хуже всего здѣсь отдѣлъ народнаго образованія. Такъ и кажется, что человѣкъ, устраивавшій его, устраивалъ халатно, безъ всякой системы.

Я не повѣрилъ бы разсказамъ, если бы не видѣлъ это самъ. Представьте себѣ, что тутъ же лежатъ адресные календари Эстляндской, Курляндской, Лифляндской губ. и г. Петербурга за старые года до 1892, 1893 года; брошюры: «Нефтяная промышленность въ Америкѣ» Гулишамбарова, «Нефтяное отопленіе»—того же автора; затѣмъ «Веселая азбука», «Рисунки учениковъ Гатчинскаго училища». На другомъ столикѣ лежитъ нѣсколько отчетовъ земствъ по народному образованію, отчетъ Кіевской первой гимназіи, гдѣ за 1895 г. представлены только изображенія прежнихъ клозетовъ и клозетовъ, устроенныхъ новымъ директоромъ. Здѣсь же лежитъ книга Евгр. Ковалевскаго «О народномъ образованіи въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ».

Давая представленіе подобными книгами объ образованіи въ Россіи, устроитель выставки позабылъ сказать хоть слово о народной школѣ, объ университетѣ, о «Комитетѣ грамотности», дѣятельность котораго извѣстна далеко за предѣлами Россіи. Примѣромъ народныхъ книгъ являются нѣсколько брошюръ, однако, изданныхъ не фирмою «Посредникъ». Нѣтъ ни одной таблицы, ни одной книги, которая давала бы иностранцу общую картину народнаго образованія въ Россіи. Добавьте къ тому же, что никто не объясняетъ этой выставки, такъ что публика, которая вообще интересуется нами, не получаетъ никакого объясненія. Высшее женское образованіе въ Россіи представлено двумя отчетами Общества вспомоществованія нуждающимся слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ, и краткой исторической запиской о высшемъ женскомъ образованіи. Тутъ же лежитъ книжка собранія рѣчей, посвященныхъ памяти одной изъ нашихъ великихъ женщинъ—Софьѣ Ковалевской. Это все женское высшее образованіе. Въ противоположномъ углу отъ этого столика въ картонномъ футлярѣ подъ запыленнымъ стекломъ лежитъ вѣнокъ отъ почитателей Ковалевской. Въ общемъ впечатлѣніе отъ этого отдѣла, помѣщающагося между отдѣломъ фотографій и экспонатами какого-то скупщика кустарныхъ работъ г. Волка, является какое-то странное и на душѣ становится грустно... *).

Вправо отъ шведскаго отдѣла помѣщается норвежскій. Онъ болѣе систематиченъ. Главное производство, выставленное здѣсь, — каменная индустрія, которая недавно открыла богатыя залежи мрамора, ничѣмъ не отличающагося, какъ говорятъ спеціалисты, отъ лучшихъ сортовъ итальянскаго мрамора. Очень хороши ювелирныя работы, которыя, кажется, стоятъ выше датскихъ. Витрины мѣховыхъ товаровъ поражаютъ своею роскошью. Здѣсь же выставили свои экспонаты фабрики, консервирующія различные пищевые продукты, которые такъ важны для норвежскихъ китолововъ, иногда затираемыхъ льдами на нѣсколько мѣсяцевъ. Тутъ же представлены виды норвежскаго спорта. На хорахъ помѣщается бюстъ Нансена, его каякъ, спальный мѣшокъ, ружье, лыжи, чучелы двухъ послѣднихъ собакъ, консервы и нѣкоторыя другія вещи. Тамъ же находится до-

*) Передъ отсылкой этой рукописи мнѣ пришлось быть еще разъ въ русскомъ отдѣлѣ и убѣдиться, что въ теченіе нѣсколькихъ дней произошла перемѣна къ лучшему. Всѣ испорченные и плохіе экспонаты замѣнены теперь лучшими. Такъ, напр., отдѣлъ фотографіи значительно улучшился. Что же касается отдѣла народнаго образованія, то тутъ почти по старому. Исключеніе лишь въ томъ, что подъ надписью «Высшее женское образованіе» прибили новыя фотографіи, представляющія нѣкоторые кабинеты, аудиторію и общежитіе. Прежнія же фотографіи, изображающія внѣшній видъ зданій, перенесены въ отдѣлъ Академіи Наукъ.

вольно интересная геологическая коллекція; нѣсколько фотографическихъ работъ, которыя, на мой взглядъ, занимаютъ первое мѣсто на всей выставкѣ, хотя въ шведскихъ газетахъ хвалятъ работы шведскихъ фотографій. Затѣмъ, интересна модель Трондгеймскаго собора, устроеннаго въ видѣ театральной декораціи; отдѣлъ народнаго образованія и національное производство различныхъ ковровъ, матерій, деревянныхъ издѣлій и т. д. Деревянныя крашеныя чашки, напримѣръ, напоминаютъ намъ русскія, но отличаются отъ послѣднихъ болѣе грубымъ видомъ; что же касается до рѣзныхъ работъ, то онѣ безусловно хороши.

Другой важный отдѣлъ выставки—это «Дворецъ машинъ». Здѣсь Швеція, по отзывамъ всѣхъ спеціалистовъ, занимаетъ первое мѣсто. Техника машинъ въ Швеціи стоитъ очень высоко: здѣсь масса газовыхъ, электрическихъ и паровыхъ двигателей и разнообразныхъ машинъ. Я позволю себѣ указать на сепараторы, служащіе для отдѣленія сливокъ отъ молока. Цѣны этихъ приборовъ значительно опускаются, такъ что они постепенно входятъ въ народное хозяйство. Затѣмъ слѣдуетъ указать на гигантскій локомотивъ, предназначенный для сообщенія съ континентомъ. Остовъ локомотива установленъ на 14-ти колесахъ, изъ которыхъ два превосходятъ высоту человѣческаго роста. Общая высота локомотива достигаетъ, вѣроятно, болѣе трехъ метровъ.

Около отдѣла машинъ стоитъ весь заржавленный корабль, который былъ недавно вытащенъ со дна моря при помощи аппарата Валлера. Этотъ приборъ состоитъ изъ гигантскаго желѣзнаго цилиндра, который на нижнемъ концѣ расширяется и имѣетъ дно. Человѣкъ, помѣщающійся въ этомъ расширеніи, видитъ черезъ окошко дно моря, освѣщаемое электрическимъ свѣтомъ. Чтобы поднять со дна какой-нибудь затонувшій корабль, опускаютъ около трубы цѣпь съ крючкомъ. Затѣмъ человѣкъ, стоящій въ трубѣ, при помощи особыхъ щипцовъ *) старается вставить крючокъ отъ цѣпи въ окошко корабля и зацѣпить его тамъ. Такіе же крючки зацѣпляются и за другія окна. Когда корабль захваченъ такимъ образомъ цѣпями въ нѣсколькихъ мѣстахъ, то остается только приподнять его и перевести на мелкое мѣсто, гдѣ возможна уже работа водолаза.

Корабль, стоящій на выставкѣ, былъ вытащенъ со дна моря по прошествіи трехъ лѣтъ, такъ какъ глубина не позволяла приступить къ работамъ. Вся обстановка, конечно, попортилась, нѣкоторя части машинъ тоже, но въ общемъ такое долгое пребываніе въ водѣ повліяло не такъ сильно, какъ можно было бы ожидать.

Въ норвежскомъ отдѣлѣ машинъ недурны экипажи, пожарныя машины электрическіе аппараты, сушильная печь и т. д.

Въ датскомъ отдѣлѣ вниманіе останавливается на усовершенствованныхъ вагонахъ I и II класса, снабженныхъ различными тормозами. Интересны также для спеціалиста чертежи желѣзнодорожныхъ мостовъ и т. д.

Главные экспонаты этихъ двухъ странъ находятся въ павильонахъ рыбной промышленности. Послѣдняя во всѣхъ трехъ государствахъ развита очень значительно, такъ что говорить о каждомъ павильонѣ въ отдѣльности было бы слишкомъ утомительно для читателя, поэтому я ограничусь лишь однимъ указаніемъ нѣкоторыхъ интересныхъ предметовъ. Эти отдѣлы важны для неспеціалиста тѣмъ, что они даютъ понятіе о жизни

*) Щипцы эти напоминаютъ щупальцы насѣкомыхъ и вдѣланы въ толстую гутаперчевую обоймицу, такъ что вода внутрь трубы не попадаетъ.

рыбака. Здѣсь вы встрѣчаете и рисунки, и модели лодокъ, и модели и образцы сѣтей, и т. д. Около норвежскаго отдѣла лежитъ гигантскій черепъ кита, а челюсти кита изображаютъ какъ бы входъ въ залъ, гдѣ нѣсколько китовыхъ позвонковъ служатъ табуретками для посѣтителей. Здѣсь тоже рисунки, изображающіе жизнь китолововъ; инструменты, употребляемые при ловлѣ, даютъ общее представленіе объ этомъ промыслѣ. Въ шведскомъ отдѣлѣ интересны разнообразные приборы для изслѣдованія морского дна, модель подводнаго корабля, тоже аппараты Валлера и т. д.

Въ особыхъ павильонахъ около машиннаго отдѣла выставлены работы оружейныхъ заводовъ электрической индустріи и мѣдныхъ рудниковъ. Интересенъ электрическій отдѣлъ, гдѣ представлены огромныя динамо-машины, электрическія кухни, сковороды, кофейники, утюги, аппараты для зажиганія папиросъ, сигаръ и т. д. Принципъ устройства всѣхъ этихъ приспособленій чрезвычайно простъ: электрическій токъ громадной силы проходитъ черезъ такія платиновыя проволоки и сообщаетъ жаръ окружающимъ предметамъ.

Съ выставкою мѣдныхъ рудниковъ соединены также желѣзодѣлательное производство, добываніе золота и серебра. Оригинально устроенъ здѣсь гротъ изъ кристалловъ сѣрнокислой мѣди, среди котораго разставлены терракотовыя фигурки карликовъ, занятыхъ добываніемъ руды. Добавьте къ этому электрическій свѣтъ, который эффектно освѣщаетъ всю эту картину, и вамъ представится что-то сказочное. Кромѣ того, тутъ лежитъ большая геологическая коллекція и нѣсколько слитковъ золота и серебра. Послѣдніе въ толстыхъ стеклянныхъ банкахъ, окованныхъ желѣзною цѣпью. Общая стоимость ихъ простирается до нѣсколькихъ милліоновъ кронъ.

Второй отдѣлъ выставки—«Skansen» *) интересенъ тѣмъ, что здѣсь наглядно представлено развитіе шведской культуры, даны образцы прежнихъ и современныхъ построекъ и даже скопирована природа нѣкоторыхъ провинцій. Такъ, напримѣръ, жилье лопарей (нѣсколько палатокъ—«котта») расположено на сравнительно большемъ открытомъ пространствѣ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ низкаго кустарника, да камней, покрытыхъ мохомъ и травой. Въ этихъ палаткахъ живутъ четыре семьи лопарей со своимъ стадомъ оленей и собаками. Въ другихъ мѣстахъ вы встрѣчаете высокій лѣсъ или рядъ болотъ (искусственныхъ), гдѣ ютятся другія постройки, снабженныя полною обстановкой и показывающія жизнь обитателей этой мѣстности. Почти во всѣхъ домахъ живутъ семьи, одѣтыя въ національные костюмы. Большинство построекъ представляетъ характеристику XVII в., но есть и болѣе новыя.

Въ разныхъ мѣстахъ стоятъ камни съ руническими надписями; устроены холмы, представляющіе копіи съ холмовъ, на которыхъ говорили нѣкогда ораторы во время народныхъ собраній.

Точнѣе говоря, этотъ отдѣлъ не есть выставка, а музей, который былъ устроенъ докторомъ Гаселіусомъ (Hazelius) въ началѣ 90-хъ годовъ. Во время же выставки онъ сильно расширился и своими коллекціями даетъ возможность изучать шведскую культуру.

Въ большую заслугу устроителямъ выставки нужно поставить то, что она позаботилась наглядно представить каждую отрасль промышленности. Очень хорошо удался, напримѣръ, лѣсной промыселъ, гдѣ, кромѣ различныхъ коллекцій деревьевъ,

*) «Skansen» означаетъ шканцы, укрѣпленіе, которое, вѣроятно, было здѣсь въ прежнія времена.

огромная картина изображаетъ рубку и сплавъ лѣса по рѣкѣ. Эта картина устроена внизу и является декораціей, передъ которой лежитъ берегъ, покрытый настоящимъ дерномъ. Затѣмъ, въ отдѣльной комнатѣ представлены на моделяхъ пиленіе дерева, нагрузка досокъ на желѣзныя дороги и пароходы. Интересны также продольный распилъ корней дерева вмѣстѣ съ землей, коллекціи вредныхъ насѣкомыхъ въ лѣсномъ хозяйствѣ и т. д.

Съ этой же точки зрѣнія очень интересна искусственная каменноугольная копь, устроенная въ павильонѣ Сконской *) промышленности. Вы входите на площадку подъемной машины и начинаете быстро спускаться въ продолженіи 3—4 минутъ. Затѣмъ попадаете въ рудникъ. Рабочій, одѣтый въ обычный костюмъ углекопа, показываетъ и объясняетъ вамъ здѣшнія работы. Первая комната отведена подъ лошадей, гдѣ въ стойлахъ стоятъ двѣ живыхъ лошади, вы идете далѣе и передъ вами стѣны, въ которыхъ замѣтны слои каменнаго угля, вамъ встрѣчается тачка, которую везетъ лошадь, затѣмъ идетъ рабочій съ ручной тачкой, а дальше нѣсколько человѣкъ заняты добываніемъ каменнаго угля изъ стѣнъ рудника. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, вы выходите изъ рудника и передъ вами развертывается панорама всей окрестности каменноугольныхъ копей—именно той мѣстности, гдѣ лежатъ залежи глины. Вамъ кажется, что вы стоите на возвышеніи, съ котораго открывается видъ на огромный оврагъ, гдѣ копошатся десятки рабочихъ. Теперь я долженъ нѣсколько пояснить это произведеніе искусства. Шахта устроена всего на глубинѣ 5 метровъ отъ пола зданія, къ которому недетъ высокая лѣстница, но для того, чтобы получить иллюзію о глубинѣ шахты, стѣны, нарисованныя на полотнѣ, съ шумомъ передвигаются снизу вверхъ. Стѣны рудника та же декорація, а рядъ углекоповъ, занятыхъ добываніемъ угля, получается вслѣдствіе отраженія въ зеркалахъ нѣсколькихъ фигуръ.

Что касается экспонатовъ по народному образованію, то объ этомъ я скажу здѣсь только нѣсколько словъ, потому что предметъ этотъ слишкомъ важенъ и требуетъ спеціальной отдѣльной статьи.

Экспонаты шведскаго народнаго образованія находятся въ трехъ отдѣлахъ: въ «Павильонѣ шведской школы», въ зданія «Сѣвернаго музея» и въ «Павильонѣ города Стокгольма». Общее впечатлѣніе отъ осмотра этой выставки то, что ручной трудъ (slöid) господствуетъ надъ другими учебными предметами. Всякая школа соревнуетъ съ другой только на почвѣ слѣйда. Программа школъ на бумагѣ составлена очень хорошо, но на практикѣ все обученіе сводится, главнымъ образомъ, къ религіи, такъ какъ духовенство все еще имѣетъ сильное вліяніе. Особенно не симпатична въ шведской школѣ возможность подвергать учениковъ наказанію розгой. Тѣлесныя наказанія въѣлись, такъ сказать, въ педагогическое дѣло и отъ нихъ не избавляются даже ученики гимназій, гдѣ розга замѣнена бамбуковой палкой.

Недостатки школьнаго образованія сознаются лучшею частью шведскаго общества, которая старается расширить народное образованіе при помощи различныхъ курсовъ или «рабочихъ институтовъ».

Одинъ изъ такихъ народныхъ университетовъ участвуетъ на выставкѣ; я говорю про «Рабочій институтъ въ г. Стокгольмѣ». Здѣсь собрана коллекція различныхъ инструментовъ, позавидовать которой могутъ наши гимназіи. Число слушателей увеличивается съ каждымъ годомъ, такъ, напр., за 1895 учебный годъ число

*) Skaania (Сконія)—провинція Швеціи.

посѣтителей Стокгольмскаго рабочаго института достигло 45.000, а въ 1896 году 47.500 человѣкъ *).

Въ школьномъ отдѣлѣ обращаютъ на себя вниманіе различныя пособія, какъ-то: рисунки, коллекціи по естественной исторіи и т. д.

Норвежскій школьный отдѣлъ имѣетъ много общаго со шведскимъ, но въ датскомъ привлекаетъ вниманіе выставка студенческаго общества въ Копенгагенѣ. Въ 1882 году, 2-го мая, образовалось въ Копенгагенѣ общество студентовъ, которое задалось цѣлью помочь народу въ дѣлѣ образованія; при этомъ участниками ставилось условіемъ, чтобы характеръ дѣятельности вновь открываемаго общества не являлся партійнымъ и не служилъ бы орудіемъ пропаганды какой-нибудь партіи. Члены должны были заняться только одной культурной дѣятельностью. Ферейнъ этотъ встрѣтилъ большую симпатію у всѣхъ партій и могъ въ скоромъ времени поставить свою дѣятельность на широкую ногу. Устроены были вечерніе курсы для рабочихъ, гдѣ на ряду съ исторіей преподавались математика, астрономія, иностранные языки, каллиграфія, бухгалтерія и т. д. За каждый семестръ ученикъ платитъ 50 эре (т. е. около 26 коп.). Затѣмъ была устроена даровая юридическая помощь и нѣкоторые члены выступали защитниками на судахъ. Въ первый же годъ число юридическихъ совѣтовъ и практики было 12.779 случаевъ, а въ 1895—1896 году оно достигло до 21.449 случаевъ.

Черезъ нѣкоторое время студенты устроили отдѣленіе въ своемъ ферейнѣ, которое завѣдывало изданіемъ народныхъ книгъ по разнымъ отраслямъ знаній. Нѣсколько позже было организовано правильное сотрудничество въ народныхъ газетахъ, устроенъ народный театръ и гимнастическій клубъ. Кромѣ того, въ 1892 году выбрали особую коммиссію, которая должна была давать объясненіе публикѣ въ различныхъ общественныхъ музеяхъ, а съ 1895 г. устроены общественные диспуты.

Вотъ въ краткихъ чертахъ дѣятельность студенческаго общества.

Въ Швеціи и Норвегіи тоже организовано просвѣщеніе народа, но поставлено не такъ широко, какъ въ Даніи. Процентъ неграмотныхъ въ Швеціи и Норвегіи = 0,12, въ Даніи = 0,54, а въ Россіи = 70,80 *).

Въ зданіи «Сѣвернаго музея», кромѣ школьнаго отдѣла, помѣщается также не безъинтересный гигіеническій отдѣлъ, гдѣ представлены послѣднія техническія усовершенствованія и отдѣлъ доктора Цандера, выставившаго инструменты, употребляемые имъ для медицинской гимнастики. Сдѣланы эти приборы очень остроумно и нѣкоторые изъ нихъ приводятся въ движеніе при помощи электрическаго тока, такъ, напр., приборъ для массажа, приборъ, замѣняющій верховую ѣзду, и т. д.

Художественный отдѣлъ занимаетъ огромный павильонъ и интересенъ тѣмъ, что здѣсь собраны художественныя произведенія изъ многихъ странъ.

Я постараюсь быть краткимъ и укажу только на нѣкоторыя картины, которыя рѣзко выдѣляются изъ всего собранія.

Въ шведскомъ отдѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе сравнительно небольшая картина Седерстрэма (Cederström) «Армія спасенія». На картинѣ изображенъ небольшой кабачекъ, въ который пришла дѣвушка, членъ Арміи спасенія, для проповѣди идеи самоусовершенствованія. Лицо дѣвуш-

*) Эти числа показываютъ общее число посѣтителей, бывшихъ на курсахъ, на лекціяхъ и занимавшихся въ библіотекѣ.

*) Беру цифры изъ отчета о народномъ образованіи въ Швеціи (Sveriges Undervisningsväsen 1897).

ки полно энергіи и вѣры. Трое рабочихъ, передъ которыми стоитъ вино, слушаютъ ея слова съ глубокимъ вниманіемъ; группа, сидящая, у другого столика, старается не смотрѣть и продолжаетъ играть въ карты. Позади дѣвушки у прилавка стоитъ содержатель кабака, который едва сдерживаетъ свой гнѣвъ, и смотря на его лицо, такъ и кажется, что онъ вотъ-вотъ выскочитъ изъ-за прилавка и выгонитъ дѣвушку, пришедшую причинять ему убытки. Всѣ фигуры и лица на картинѣ исполнены очень хорошо. Это художественное произведеніе составляетъ собственность Гетеборскаго *) музея.

Другая картина «На разсвѣтѣ» принадлежитъ кисти молодого художника Эстермана (Oesterman) и оцѣнена въ 7.000 кронъ (3.700 р.). Въ небольшой каморкѣ, занятой столомъ, сплошь заваленнымъ матеріями, заснула за работой женщина; около нея стоитъ маленькая кроватка, въ которой беззаботно спитъ ребенокъ. Мать постаралась, чтобы свѣтъ отъ лампы не падалъ въ глаза малюткѣ и заставила огонь книжкой; но теперь это напрасно, такъ какъ свѣтъ отъ наступающаго дня ударяетъ прямо въ лицо ребенка.

Изъ образцовъ датской скульптуры обращаетъ на себя вниманіе гипсовая группа Гансена Якобсена (Hansen-Jacobsen) «Смерть и мать». Темой послужила извѣстнѣйшая сказка датскаго писателя Андерсена «Мать». Художникъ изобразилъ въ группѣ тотъ моментъ, когда смерть уноситъ ребенка, а мать съ отчаяніемъ падаетъ на землю.

Вообще среди всѣхъ скандинавскихъ картинъ много жанровыхъ, еще больше хорошихъ пейзажей и видовъ моря, не уступающихъ по выполненію нашему Айвазовскому.

*) Göteborg—большой приморскій городъ въ южной Швеціи.

Изъ русскаго отдѣла выдѣляются картины Рѣпина «Прощаніе съ сыномъ, забраннымъ въ рекруты», и др., о которыхъ русскому читателю хорошо извѣстно.

Среди всей выставки есть нѣсколько картинъ декадентовъ, одна, напримѣръ, подъ названіемъ «Молодой поэтъ», изображаетъ какого-то желто-зеленаго худощаваго юношу съ синими тѣнями на лицѣ. Костюмъ темно-зеленый, горло повязано темно-фіолетовымъ шарфомъ. Авторъ этого анти-художественнаго произведенія Нельсонъ. Другая подобная же картина принадлежитъ художницѣ Евѣ Бонньэ (Bonnier) и называется «Люди». Какой-то лугъ, оканчивающійся фіолетовой полосой, и на немъ двѣ пары: мужчина играетъ на скрипкѣ, безконечно-длинная женщина слушаетъ его музыку, а другая пара танцуетъ. Но какія краски! Художникъ какъ будто нарочно старался нарисовать то, чего нѣтъ въ природѣ. Цѣна картины 1.000 кронъ (т. е. около 530 р.).

Обращаетъ на себя вниманіе біологическій музей, въ которомъ собрана значительная коллекція птицъ и животныхъ, размѣщенныхъ среди декораціи, изображающей природу.

Въ военномъ и морскомъ отдѣлахъ собраны предметы, относящіеся до военнаго и морского дѣла. Здѣсь много фотографическихъ картинъ, и даже устроены цѣлыя сцены, показывающіе жизнь солдата. Такъ, напримѣръ: солдатъ кующій подкову, солдатъ передающій телеграмму, сцена изъ военнаго времени и т. п. (здѣсь всѣ фигуры сдѣланы въ ростъ человѣческій и многія изъ нихъ художественной работы). Каждое воскресенье около этого отдѣла выпускаютъ почтовыхъ голубей и знакомятъ публику съ такимъ родомъ почты.

Въ «Павильонѣ туристовъ и спорта» привлекаетъ всеобщее вниманіе «Емтлендскій(Jemtländsk)зимній ланд-

шафтъ». Вы входите черезъ узкій корридорчикъ въ небольшую темную комнату и передъ вашими глазами является картина, изображающая ночь. Вы вглядываетесь, и можете разобрать очертаніе нѣкоторыхъ предметовъ, рѣзко выдѣляющихся по снѣгу. Небо усѣяно звѣздами, изъ которыхъ можно отличить созвѣздіе Оріона, Сиріуса и какую-то планету. Вы вглядываетесь внимательнѣе и васъ охватываетъ полная иллюзія: звѣзды мерцаютъ, планета горитъ яркимъ матово-желтымъ цвѣтомъ. Проходитъ нѣсколько секундъ, ландшафтъ освѣщается блѣднымъ свѣтомъ луны. Теперь отчетливо видна вся горная возвышенность съ расположившимся на ней стадомъ оленей. Ближе къ зрителю лежитъ большой олень, къ боку котораго прильнулъ маленькій лопареновъ. Повсюду виднѣются небольшіе кустики, между ними лежатъ другіе олени. Вся эта сцена исполнена вполнѣ художественно.

Весь отдѣлъ туристовъ имѣетъ цѣлью показать природу Швеціи, поэтому здѣсь собрана масса фотографій и картинъ, изображающихъ пейзажи; особенно удачны два водопада: зимой и лѣтомъ. Оба они устроены въ нишахъ и эффектно освѣщаются электричествомъ. Первый весь занесенъ снѣгомъ и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода струится по камнямъ или съ шумомъ падаетъ внизъ. Отдѣльныя льдинки движутся взадъ и впередъ, отталкиваясь отъ краевъ полыньи, или другъ отъ друга. Второй водопадъ только картина и вода нарисована. Всѣ три понарамы огромныхъ размѣровъ. Есть еще рельефная картина, не превышающая квадратной сажени; на ней изображенъ какой-то горный ландшафтъ со шведской деревенькой, около которой внизу протекаетъ рѣчка.

Въ отдѣленіи спорта собраны предметы, относящіеся ко всѣмъ видамъ спорта. Кромѣ того, представлены различныя группы, такъ, напримѣръ: конькобѣжцы на льду; бѣгъ на лыжахъ; верховая ѣзда; метаніе копья и т. д.

Въ серединѣ павильона стоятъ нѣсколько яхтъ съ оснасткой, а вокругъ него въ морѣ нѣсколько лодокъ и водяной велосипедъ.

Вообще любители спорта встрѣтятъ здѣсь много поучительнаго для себя, т. е. тутъ находятся предметы, показывающіе послѣднія усовершенствованія техники. Не забыли даже устроить образцовую конюшню.

Кажется, это первая выставка, на которой помѣщена библейская галлерея, изображающая сцены изъ жизни Іисуса Христа. Въ небольшихъ нишахъ стоятъ соотвѣтственно восковыя фигуры, одѣтыя въ древніе еврейскіе костюмы, окруженныя соотвѣтствующей обстановкой. Сколько таланта и умѣнья! У меня, когда я пишу эту замѣтку, встаютъ передъ глазами нѣкоторыя изъ этихъ картинъ, такъ, напримѣръ, Іисусъ младенецъ, стоящій во храмѣ, окруженный книжниками и фарисеями; затѣмъ нагорная проповѣдь; Іисусъ Христосъ среди дѣтей; Іисусъ, изгоняющій торговцевъ изъ храма; молитва въ Геѳсиманскомъ саду; Іисусъ Христосъ передъ Пилатомъ. Эти картины изъ лучшихъ. Добавьте сюда, что художникъ, дѣлавшій восковыя головки къ фигурамъ, придалъ имъ жизнь, и вамъ кажется, что это все живые люди.

Интересны для спеціалистовъ богатыя коллекціи восточныхъ вещей въ виллѣ г. Мартина, древностей и античныхъ вещей въ виллѣ г. Гаммера, и, наконецъ, выставка исторіи театра и музыки. Стоимость всѣхъ этихъ коллекцій опредѣляется огромными суммами.

Кромѣ этихъ большихъ отдѣловъ, по всей выставкѣ разбросаны небольшіе повильончики, гдѣ обыкновенно идетъ работа, наглядно показывающая процессъ производства. Такъ

напримѣръ, въ павильонѣ, оригинально устроенномъ въ видѣ свѣчи и принадлежащемъ стеариновому заводу, идетъ цѣлый день разнообразная работа, начиная съ плетенія свѣтильни и оканчивая упаковкой свѣчей. Точно также работаютъ въ павильонахъ сигарной фабрики, въ павильонѣ фабрики соломенныхъ шляпъ, въ булочной, въ молочномъ заведеніи и т. д.

«Гвоздь» настоящей выставки составляютъ «Старый Стокгольмъ» и «Сказочный гротъ».

«Старый Стокгольмъ» помѣщается около моря и представляетъ репродукцію части города, которая 200 лѣтъ тому назадъ являлась центромъ Стокгольма. Построенъ онъ нѣсколько оригинально и состоитъ изъ ряда деревянныхъ стѣнъ, обложенныхъ плитами частью изъ гипса и частью изъ бумажной массы, но все это сдѣлано такъ искусно, что самому внимательному глазу кажется настоящая старинная каменная постройка. Костюмы всѣхъ служащихъ и всѣхъ продавцевъ въ этой части выставки старинные. Вообще посѣтителя охватываетъ здѣсь жизнь средневѣкового города. По улицамъ снуютъ стражники въ латахъ со стариннымъ вооруженіемъ, въ различныхъ трактирчикахъ сервируются и вафли, и медъ, который былъ напиткомъ древнихъ викинговъ и теперь замѣненъ пивомъ. Въ разныхъ мѣстахъ размѣщены лавочки со старинными вещами.

Тутъ же примостился одинъ скульпторъ, въ пять минутъ приготовляющій бюсты посѣтителей. Такой срокъ на первый взглядъ можетъ показаться невѣроятнымъ, но всякій, увидавъ его работу, перестанетъ удивляться, такъ какъ у него заранѣе приготовлены въ общемъ очертаніи нѣсколько бюстовъ и ему остается лишь отдѣлать ихъ. Работа во всякомъ случаѣ очень хороша. Что касается цѣны, то она, кажется, не высока—всего 2 р. 61 к. по курсу.

Что касается до сказочнаго грота, то онъ не такъ интересенъ, какъ другіе отдѣлы выставки. Выстроенъ онъ тоже изъ дерева и обтянутъ выкрашеннымъ полотномъ, бумажными и гипсовыми плитами. Черезъ маленькое отверстіе вы попадаете на лодкѣ въ первую пещеру, которая ничѣмъ не освѣщается, затѣмъ черезъ подобное же отверстіе вы въѣзжаете во вторую, гдѣ стѣны представляются какъ бы изъ базальта; затѣмъ ботъ вашъ переходитъ въ слѣдующія пещеры, отличающіяся отъ предыдущихъ цвѣтомъ своихъ стѣнъ. Красивѣе всего послѣдняя пещера: здѣсь цвѣтной свѣтящійся фонтанъ и лучи электрическаго свѣта, постоянно мѣняющіяся, эффектно освѣщаютъ внутренность пещеры, покрытой золотомъ (золотой бумагой). Ни одной лампочки не видать глазу наблюдателя,—видѣнъ лишь свѣтъ, отражающійся отъ стѣнъ.

Завѣдующіе выставкой постарались дать посѣтителю массу развлеченій. Музыка играетъ почти цѣлый день. Вечеромъ открываются нѣсколько театровъ, а съ 10 часовъ до 11 искрится свѣтящійся фонтанъ, устроеный среди морского залива. Чтобы дать возможность любоваться видомъ окрестностей Стокгольма, устроены двѣ подъемныя машины во Дворцѣ промышленности, благодаря которымъ посѣтитель попадаетъ на высоту около 25 саженей. Затѣмъ, съ одного берега на другой перекинута «воздушная желѣзная дорога», а чтобы подняться въ зоологическій садъ, устроена «горная желѣзная дорога».

Единственный крупный недостатокъ въ этой выставкѣ тотъ, что осмотръ ея обходится очень дорого. За входъ обыкновенная плата 1 крона (т.-е. около 53 к.) да еще приходится платить за нѣкоторые отдѣлы (такъ, напр., «Старый Стокгольмъ», «Сказочный гротъ», «Павильонъ спорта и

турниров», «Skansen» и др.), такъ что вся сумма достигаетъ болѣе 6 кронъ около 3 р. 50 к.

Для менѣе состоятельныхъ лицъ устроили народный ресторанъ, гдѣ приготовляются обѣды съ 1 часу до 4 ч. (т.-е. въ теченіе 3 часовъ). Стоимость этихъ обѣдовъ 40 эре (нѣсколько болѣе 20 к.), но порціи слишкомъ малы и вся столовая не разсчитана на число желающихъ отобѣдать, такъ что около входа постоянно дожидается цѣлая вереница разнообразной публики.

Кромѣ всего этого, на выставкѣ устроена даже баня, гдѣ есть бассейнъ для плаванія.

Съ періодомъ выставки совпадаетъ масса конгрессовъ по различнымъ вопросомъ общественной жизни. Такъ, съ 13 по 15 іюня будетъ интернаціональный конгрессъ журналистовъ. Съ 7 по 11 іюля—«Пятый скандинавскій рабочій конгрессъ»; съ 19 по 20 августа будетъ «Конгрессъ относительно религій» и др.

Кромѣ того, время отъ времени будутъ устраивать различные національные праздники на «Skansen», и здѣсь посѣтители могутъ видѣть современную жизнь шведскаго народа.

Въ заключеніе позвольте сказать нѣсколько словъ, чему учитъ насъ эта выставка.

Настоящая выставка задалась цѣлью показать развитіе промышленности, культуру и жизнь всѣхъ скандинавскихъ странъ, т.-е. Швеціи, Норвегіи и Даніи. Впечатлѣніе получается такое, что въ Швеціи и Норвегіи ручной трудъ развитъ значительно, а въ Даніи онъ болѣе замѣняется машинами.

Въ шведскомъ и норвежскомъ отдѣлахъ вы постоянно встрѣчаете роскошные ковры, гобелены, различныя рѣзныя работы по дереву и т. п. отрасли ручного труда, изъ чего можно заключить, что капитализмъ здѣсь еще не развился и настоящее время лишь только переходное. Мнѣ, живущему въ Швеціи, постоянно бросалось въ глаза, что ручной трудъ продолжаетъ конкуррировать съ крупнокапиталистическими предпріятіями; такъ, напр., здѣсь чрезвычайно легко встрѣтить семьи, занимающіяся шитьемъ фуражекъ, перчатокъ, платья и т. д.; при этомъ свою работу онѣ не продаютъ скупщикамъ, а содержатъ маленькую лавочку, гдѣ торгуютъ сами. Такое положеніе вещей приходится объяснять тѣмъ, что въ Швеціи, а также и въ Норвегіи нѣтъ огромныхъ западно-европейскихъ городовъ со скученнымъ населеніемъ, нѣтъ еще настоящаго пролетаріата, такъ что заработная плата сравнительно очень высока; затѣмъ масса заводовъ располагается въ уединенныхъ мѣстахъ, пользуясь естественными силами природы—водопадами и вслѣдствіе этого замѣнить рабочаго не такъ-то легко, какъ въ большомъ городѣ; наконецъ, все побережное населеніе имѣетъ значительный заработокъ отъ рабочаго промысла. Вслѣдствіе всего этого рабочіе обезпечены отъ паденія заработной платы.

Такимъ образомъ, отсутствіе рѣзкой разницы между классами явилось въ Швеціи причиной того, что не смотря на всю свободу слова, свободу сходокъ, здѣсь мало интересуются общественными вопросами и вся жизнь кажется какой-то смѣсью старыхъ традицій съ идеями новаго времени.

До 1866 года здѣсь существовалъ парламентъ риксдагъ изъ четырехъ сословій и лишь 20 лѣтъ тому назадъ народившейся буржуазіи удалось сломать сословныя рамки, устроивъ риксдагъ изъ двухъ палатъ, выбранныхъ по денежному цензу.

Правда, эта реформа вызвала страшное неудовольствіе среди мелкой буржуазіи и рабочихъ, такъ какъ высокій цензъ и возможность одному че-

ловѣку обладать неограниченнымъ числомъ голосовъ *) при выборахъ, дала явную привилегію одному классу; но, тѣмъ не менѣе, неудовольствіе этимъ ограничивается и не идетъ далѣе. Всякій почти вѣритъ въ возможность, благодаря своему собственному труду, сдѣлаться богатымъ. Поэтому здѣсь много удѣляютъ заботъ на распространеніе практическихъ знаній среди народа. Духовенство, которое фактически имѣетъ громадное значеніе въ народной школѣ, поддерживаетъ такую систему еще потому, чтобы у объектовъ просвѣщенія не являлось «мыслей отъ лукаваго». Вѣдь 20 лѣтъ тому назадъ здѣшніе служители христіанства прятали по тюрьмамъ лицъ, которыя смѣли разсуждать о церковныхъ вопросахъ.

Но вернусь къ выставкѣ.

Она особенно важна еще тѣмъ, что даетъ толчекъ и матеріалъ для изученія исторіи Швеціи и ея современнаго состоянія.

Это изученіе особенно интересно потому, что здѣсь является возможность прослѣдить ростъ капитализма на почвѣ абсолютной индивидуальной свободы и ростъ оппозиціи противъ дурныхъ сторонъ современнаго общественнаго порядка.

Здѣсь, въ исторіи Швеціи, можно найти много примѣровъ, указывающихъ на первенствующее значеніе экономическихъ факторовъ; вся здѣшняя жизнь покажетъ, что свобода не усилила идей, отрицающихъ частную собственность, и плохо способствовала ихъ распространенію.

М. В.

Стокгольмъ, 1 іюня 1897.

*) Число голосовъ опредѣляется платимымъ подоходнымъ налогомъ. Поэтому встрѣчаются обладатели 36 тысячъ голосовъ, такъ что всѣ общественныя дѣла находятся въ ихъ рукахъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Іюль 1897 г.

Содержаніе. Русскія и переводныя книги: Беллетристика. — Критика и исторія литературы.—Публицистика.—Философія, психологія и этика.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература*: Изъ западной культуры. *Ив. Иванова.*—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Л. Гуревичъ. «Плоскогорье», романъ. — *К. Льдовъ.* «Лирическія стихотворенія».—*А. Мамонтовъ.* «Фаустъ», пер. съ нѣмецкаго.

Плоскогорье. Романъ въ пяти частяхъ. Л. Я. Гуревичъ. Спб. 1897. Ц. 1 р. 25 к. Романъ г-жи Гуревичъ производитъ двойственное впечатлѣніе, отъ котораго читатель не можетъ отдѣлаться до конца. Начиная съ пролога, написаннаго лучше всего, читатель все ждетъ чего-то, что должно выяснить смыслъ романа, опредѣлить цѣль автора и установить точку зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на своихъ героевъ. Съ одной стороны, кажется, будто авторъ хотѣлъ нарисовать широкую картину жизни, предоставивъ читателямъ самимъ разбираться въ ней, искать концовъ и началъ, руководствуясь классическимъ правиломъ искусства: «wer vieles bringt, wird manchem etwas bringen» *). Но, съ другой стороны, на каждой страницѣ вы чувствуете, что авторъ имѣетъ какую-то особую цѣль, хочетъ что-то высказать необыкновенно глубокомысленное, до конца остающееся, однако, тайной.

Причину такой двойственности понять очень легко. Романъ г-жи Гуревичъ не художественное произведеніе, а сочиненіе, написанное на тему, которую авторъ самъ себѣ плохо выяснилъ и потому еще менѣе могъ выяснить другимъ. Отсутствіе художественнаго таланта чувствуется на каждомъ шагу. Прежде всего, у г-жи Гуревичъ нѣтъ *слога* и пишетъ она безцвѣтнымъ, тягучимъ языкомъ, съ массой повтореній, чѣмъ и объясняется растянутость романа. Нѣтъ ни одного яркаго описанія, чувство пейзажа всецѣло отсутствуетъ. Авторъ замѣняетъ его нагроможденіемъ массы отдѣльныхъ черточекъ, штриховъ, не обладая присущей только художнику способностью схватить главныя, характерныя черты и въ нихъ передать свое настроеніе. То же самое замѣчается и въ обрисовкѣ характеровъ, которые всѣ блѣдны, безжизненны и смутны. Читатель не можетъ представить себѣ ни одного изъ героевъ, хотя авторъ тщательно расписываетъ ихъ

*) «Кто много предложилъ, тотъ многимъ угождаетъ», *Фаустъ*, пер. Холодковскаго.

походку, каждый жестъ, движеніе, звукъ голоса и т. п. Иногда авторъ упорно напираетъ на одну какую-либо особенность, какъ, наприм., въ предпослѣдней части, гдѣ у героя постоянно болитъ голова, и когда объясненія съ героиней доходятъ до рѣзкости,— у него «болитъ голова», и этимъ все кончается. Съ особенной тщательностью расписана, конечно, героиня романа, но что она, собственно, должна изображать, остается столь же мало понятнымъ для читателя, какъ и для автора. Не будучи художникомъ, авторъ и не могъ создать живое лицо, — о типѣ мы, конечно, и не говоримъ. Авторъ представляетъ ее въ разное время ея жизни, то подросткомъ, то взрослой, скучающей дѣвицей, то восторженной мечтательницей, и всегда предъ нами деревянный манекенъ, за котораго говоритъ авторъ, а читателю предоставляется вѣрить ему на слово, что все это именно такъ и должно быть. Также безжизненны и остальныя многочисленныя лица романа. Это не живые люди, а понятія разныхъ категорій людей, какими ихъ желаетъ представить авторъ.

На какую же тему написала г-жа Гуревичъ свое «сочиненіе»? Тема ея сложная, хотя и неновая. Жизнь гораздо глубже, чѣмъ она кажется, и въ каждомъ обыденномъ явленіи можно найти глубокій смыслъ и содержаніе. Взять самыхъ обыденныхъ, неинтересныхъ, заурядныхъ людей, показать ихъ внутреннюю жизнь, заставить читателя почувствовать родственную связь съ ними— это величайшая задача искусства, которая по силамъ только первокласснымъ художникамъ. Каждый изъ нихъ вноситъ, конечно, свое пониманіе жизни, освѣщаетъ ее съ своей точки зрѣнія, но создаетъ живыхъ людей, которые волнуютъ, привлекаютъ или отталкиваютъ читателя. Въ письмѣ, адресованномъ къ г-ну Волынскому, г-жа Гуревичъ такъ излагаетъ свою тему: «Я поняла, что образы фантазіи должны быть орудіемъ для выраженія опредѣленныхъ идей и настроеній, возбуждаемыхъ трагическимъ зрѣлищемъ жизни. Человѣческая ограниченность и слѣпота въ ея различныхъ степеняхъ,—это очень серьезная трагедія, и она лежитъ въ основѣ каждой жизненной исторіи. А если такъ, то почему не изображать самыхъ ничтожныхъ людей—въ тѣхъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ ихъ жизнь плоскою? Мои незначительные герои пріобрѣли выразительность въ моихъ глазахъ, когда я поняла, что они—слѣпые, и я почувствовала потребность написать романъ, мысль о которомъ долгое время отгоняла отъ себя». Никто, конечно, не станетъ возражать противъ высказанныхъ г-жою Гуревичъ положеній, такъ какъ вся русская литература, въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, доказала право этихъ «ничтожныхъ людей» на вниманіе художника и читателя. Какой-нибудь Акакій Акакіевичъ или Чичиковъ безспорно ничтожные люди, которыхъ, тѣмъ не менѣе, Гоголь возвелъ «въ перлъ созданія». Но для этого и нужно быть Гоголемъ, а г-жа Гуревичъ, къ сожалѣнію, не принадлежитъ къ числу «зрячихъ», которымъ дана «искра божія», освѣщающая имъ жизнь «слѣпыхъ». И ея персонажи ничего не даютъ читателю, не внушая ему ни интереса, ни сожалѣнія, ни участія. Съ трудомъ достигнувъ до конца, читатель оставляетъ книгу разоча-

рованный, утомленный, скучающій, не понимая, зачѣмъ все это написано?

Этотъ вопросъ потому и возникаетъ, что авторъ такъ же мало видитъ цѣль жизни, какъ и его персонажи. Главное лицо романа, Андрей, все время мечтаетъ о высокихъ задачахъ, а на дѣлѣ творитъ гадости. Увлекающаяся имъ дѣвица послѣднихъ не дѣлаетъ, но и вообще ничего не дѣлаетъ. Это, конечно, еще ничего не прибавляетъ къ ея характеристикѣ, и вотъ она начинаетъ осуждать тѣхъ, кто видитъ цѣль жизни въ работѣ на пользу другихъ, и,—что страннѣе всего,—авторъ видимо симпатизируетъ такому отношенію героини къ людямъ простого житейскаго дѣла. Авторъ выводитъ такую натуру, противоположную его героинѣ, въ лицѣ ея подруги, которая занимается «низменными» дѣлами, устраивая школы и работая въ разныхъ обществахъ просвѣтительнаго характера. И Андрей, и увлекающаяся имъ дѣвица находятъ, что это не «то», не можетъ служить ни цѣлью жизни, ни давать содержанія ей. Но что же можетъ дать это содержаніе, на это авторъ не указываетъ, что не мѣшаетъ ему и его героямъ смотрѣть свысока на людей «дѣла». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ бы проскальзываютъ намеки на какія-то «тайны жизни», въ которыхъ вся суть, знаніе которыхъ можетъ «слѣпыхъ» сдѣлать зрячими. Дальше, однако, смутныхъ намековъ авторъ не пускается, что дѣлаетъ ему честь, такъ какъ онъ такъ же мало знаетъ эти тайны, какъ и его слѣпые герои. Правда, г-жа Гуревичъ думаетъ «совсѣмъ напротивъ» и въ упомянутомъ письмѣ къ г-ну Волынскому, не стѣсняясь, заявляетъ: «То обстоятельство, что *я достигла извѣстнаго душевнаго равновѣсія*, благодаря вашей (т. е. г-на Волынскаго) духовной помощи, т. е. соприкосновенію съ той философіей, которой «насъ не учили» и безъ которой я была вдвое несчастнѣе, побуждало меня показать въ романѣ, хотя чѣмъ-нибудь, возрождающее дѣйствіе умственныхъ переломовъ. Но я этого не сдѣлала: я не хотѣла никакой нетерпѣливой тенденціи и не стала передѣлывать моихъ первоначальныхъ плановъ. Нѣкоторые изъ моихъ героевъ предаются, въ разговорахъ, умствованіямъ, но эти умствованія интересовали меня лишь какъ бытовое явленіе, какъ разсудочное выраженіе опредѣленнаго душевнаго склада. Однако, въ извѣстные моменты ихъ жизни, я дала имъ смутное ощущеніе невидимаго свѣта, которое доступно и слѣпымъ: полной слѣпоты, какъ и полнаго прозрѣнія, не бываетъ. Въ послѣднихъ же частяхъ романа, близкихъ къ настоящему времени, я невольно сообщила имъ большую тревожность въ исканіи духовнаго свѣта, и внимательные читатели «Сѣвернаго Вѣстника» поймутъ, что авторъ многимъ обязанъ Волынскому». Не принадлежа къ числу внимательныхъ читателей названнаго журнала, мы не можемъ сказать, что въ романѣ г-жи Гуревичъ слѣдуетъ отнести насчетъ г-на Волынскаго. Но, внимательно прочитавъ ея романъ, мы съ прискорбіемъ убѣдились, что авторъ не справился съ своей задачей и не далъ того, о чемъ мечталъ. Никто не потребуетъ отъ автора, чтобы онъ писалъ нарочито тенденціозный романъ, съ изложеніемъ философіи г-на Волынскаго, буде таковая есть, но онъ долженъ былъ выяснить читателю свой

взглядъ на жизнь и, осуждая «низменное» отношеніе къ простому житейскому дѣлу, указать, что же онъ понимаетъ подъ «высокимъ» отношеніемъ къ жизни. Растянутость романа (пять частей и прологъ!), языкъ, которымъ онъ написанъ, безжизненность и деревянность его персонажей вмѣстѣ съ протенціозными намеками на то, «чего не вѣдаетъ никто», дѣлаютъ «сочиненіе» г-жи Гуревичъ томительно-тягостнымъ.

К. Льдовъ. Лирическія стихотворенія. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. Было бы большой несправедливостью отказать г. Льдову въ извѣстной долѣ поэтическаго таланта. Въ его стихотвореніяхъ звучатъ нерѣдко искреннія, сердечныя ноты, его стихъ красивъ и звученъ, риемы богаты, на всемъ лежитъ отпечатокъ поэтической вдумчивости, неуловимой, легкой и прозрачной грусти и идеалистическихъ порывовъ къ красотѣ. Но эти несомнѣнныя достоинства его значительно уступаютъ двумъ крупнымъ его недостаткамъ: онъ мало оригиналенъ и крайне однообразенъ, не глубокъ и подчасъ напыщенъ. Отрицательныя качества съ особой рѣзкостью даютъ себя знать, въ стихотвореніяхъ послѣдняго времени, когда, по словамъ «Послѣсловія», сопровождающаго настоящій «Сборникъ», авторъ тѣсно примкнулъ къ небольшой группѣ лицъ съ идеалистическимъ направленіемъ. «Я ищу красоты, — говоритъ авторъ въ упомянутомъ «Послѣсловіи», — которая создаетъ однѣ загадки и разрѣшаетъ другія, внушая мнѣ восторгъ и предчувствіе иного существованія. Отъ своихъ стиховъ, какъ и вообще отъ всѣхъ произведеній искусства, я домогаюсь лишь ни съ чѣмъ несравнимыхъ и непосредственныхъ эстетическихъ впечатлѣній». Подъ вліяніемъ такихъ «домоганій» авторъ слѣдующимъ стихотвореніемъ открываетъ свой сборникъ:

Друзья, не плачьте надъ могилой,
Гдѣ бренный прахъ мой заключенъ:
Я живъ мечтою легкокрылой,
Внѣ разстояній и временъ.
Моя душа просила чуда
И въ мірѣ чудо обрѣла,
И если я исчезъ отсюда,
Она исчезнуть не могла.
Внимайте ей: она межъ вами,
Подъ звуки суетныхъ рѣчей,
Поетъ смиренными словами
О вѣчной родинѣ своей.

Оставляя въ сторонѣ «смиренную» горделивость этого стихотворенья, такъ и кажется, что оно словно списано съ тѣхъ эпитафій, которыми на провинціальныхъ кладбищахъ простодушные люди любятъ украшать могилы. Помѣчено оно 1897-мъ годомъ, когда столь вдохновенныя строфы вылились изъ переполненной «смиреніемъ» души г. Льдова. Для контраста приведемъ другое его же стихотвореніе, написанное десять лѣтъ назадъ, въ которомъ выражены отмѣченныя выше лучшія стороны стиховъ г. Льдова, стихотвореніе того времени, когда авторъ еще былъ самимъ собой и не стремился подражать г. Брюсову и г-жѣ Гиппіусъ.

Какъ пламя дальняго кадила,
Закатъ горѣлъ и догоралъ...

Ты равнодушно уходила,
Я изнывалъ, я умиралъ...

И догорѣлъ костеръ небесный,
И отзучали струны дня,
И ты, какъ день, ушла прелестной
И странно чуждой для меня.

Зажгутся вновь огни заката
И зорь прозрачныхъ янтари,
Лишь зорямъ счастья—нѣтъ возврата,
Ночамъ сердечнымъ—нѣтъ зари!

Все стихотвореніе красиво, звучно и ясно, а два послѣднихъ стиха безупречны по силѣ выраженія и красотѣ. И такихъ стихотвореній можно отмѣтить нѣсколько въ книжечкѣ г. Львова. Въ нихъ слышится искреннее вдохновеніе, нѣтъ напыщенной подражательности, хотя и не чувствуется глубины и силы. Но то немногое, что они даютъ, принадлежитъ несомнѣнно автору, прочувствовано имъ и съ любовью отдѣлано. Нужно, однако, замѣтить, что и въ лучшихъ его стихотвореніяхъ видна явная подражательность, и темы, и даже выраженія г. Львовъ заимствуетъ то у Гейне, то у Кольцова, даже у Некрасова, къ которому въ «Послѣсловіи» онъ относится чуть не съ презрительнымъ высокомѣріемъ, заявляя, что отъ обаянія имени Некрасова теперь «почти не осталось и слѣда». Можетъ быть, не станемъ спорить съ столь глубокимъ знатокомъ современныхъ настроеній, какимъ считаетъ себя г. Львовъ. Но что въ его стихотвореніяхъ есть прямое подражаніе тому же Некрасову, это видно, напр., изъ хорошенькой, граціозной пьески «Швея». А вотъ стихотвореніе, очень милое и выдержанное, которое цѣликомъ навѣяно Гейне.

Онъ въ русую дѣву влюбился,
А русая дѣва смѣялась,
Съ весны до весны издѣвалась
За то, что въ нее онъ влюбился.

Ее цѣловалъ онъ сквозь слезы,
Она же шептала, цѣлуя:
О чемъ ты грустишь? Не люблю я
Твои непонятныя слезы.

Надвинулась хмурая осень,
Онъ день ото дня веселѣе,
Она же въ поблекшей аллеѣ
Блуждаетъ печальна, какъ осень.

Онъ чаще и чаще смѣется,
Она изнываетъ, тоскуетъ
Когда же, сквозь слезы, цѣлуетъ,—
Онъ смотритъ въ глаза и смѣется.

И всякій разъ, когда нашъ «смиренный» поэтъ подражаетъ великимъ образцамъ, его стихи граціозны, звучны, пріятны, хотя и производятъ впечатлѣніе чего-то давно знакомаго. Но стоитъ ему только вспомнить о «загадкахъ красоты», той особенной «новой красоты», жрицей которой у насъ провозгласила себя г-жа Гиппіусъ, и г. Львовъ теряется, умаляется до полнаго уничтоженія своей личности.

Мы уйдемъ изъ древнихъ башенъ
На вершины гордыхъ пѣсенъ.
Сумракъ міра намъ не страшенъ,
Замокъ міра намъ не тѣсенъ.
Для предчувствій нѣтъ темницы,
Своды—крылья для желаній,
Нѣтъ въ созвучіяхъ границы,
Въ одиночествѣ—страданій.
Въ дни восторга, въ дни ненастья,
Постигая совершенство,
Не забудетъ сердце счастья
Провѣрвать свое блаженство.
Мы уйдемъ изъ ветхихъ башенъ.
Мы уйдемъ изъ-подъ развалинъ,
Сумракъ міра намъ не страшенъ,
Замокъ міра—не печаленъ.

Этотъ наборъ словъ сдѣлалъ бы честь г-ну Брюсову, который, какъ извѣстно, пишетъ «для вѣчности и потомства», но въ немъ тонетъ безслѣдно та доля поэтическаго таланта, которою судьба одарила г-на Льдова, о чемъ мы искренно жалѣемъ. Пусть силы г-на Льдова были не велики, все же онѣ *были*, а теперь, вдохновляемый столь высокими образцами, онъ теряетъ и ихъ, и къ нему вполнѣ примѣнимы слова Евангелія о «рабѣ лукавомъ», зарывшемъ свой талантъ въ землю. Чувствуетъ это и самъ г. Льдовъ, надѣющійся замѣнить измѣнившій ему талантъ шутовствомъ. Въ «Послѣсловіи», которое на обычномъ литературномъ языкѣ называется «Предисловіемъ», потому что напечатано впереди книги, онъ выражаетъ глубокое презрѣніе «суду публики», и на вопросъ, зачѣмъ же онъ пускаетъ свои стихи въ публику, отвѣчаетъ: «Меня побуждаетъ къ этому простое желаніе придать своимъ стихамъ *наиболѣе отчетливое начертаніе*, для того, чтобы иногда перечитывать навѣянныя мимолетными вдохновеніями строки». Не стоило для этого печатать. Можно было отдать переписать на пишущей машинѣ, что стоило бы г-ну Льдову много дешевле и избавило бы его отъ непріятности выслушивать «судъ публики», отъ котораго трудно уйти даже на «вершины гордыхъ пѣсенъ». Незачѣмъ также было разсылать по редакціямъ, съ надписью «для отзыва», незачѣмъ и обозначать—«цѣна 1 р.». Все это отдаетъ сплошнымъ шутовствомъ весьма «неидеальнаго» сорта, а для такого стараго литератора, какъ г. Льдовъ, двадцать лѣтъ уже подвизающагося на страницахъ всевозможныхъ «листковъ», и неприлично такъ обращаться съ «большой публикой», которая, какъ ни какъ, а все же его «поддерживаетъ». Когда гаерничаетъ какой-нибудь г. Брюсовъ, то ему и Богъ проститъ, ибо какой онъ литераторъ? Но профессіональному писателю это «не къ лицу, и не пристало». Для него въ этой «большой публикѣ»—весь смыслъ существованія, тутъ «весь законъ и пророки». Отнимите у литературы возможность обращенія къ «суду большой публики», и литература исчезнетъ. Что для большой публики г. Льдовъ малая величина, это совершенно вѣрно, но отсюда еще очень далеко до того, что и для г-на Льдова эта публика то же не имѣетъ значенія. Даже подъ покровительствомъ «самого» г-на Волынскаго, которому авторъ выражаетъ въ «Послѣсловіи» глубокую благодарность,

г. Льдовъ все же безъ «большой публики», какъ писатель, не можетъ обойтись и не обойдется.

Фаустъ. Трагедія Гёте. Первая часть. Переводъ А. И. Мамонтова. Москва 1897. Фаустъ принадлежитъ къ тѣмъ счастливымъ произведеніямъ, которыя постоянно привлекаютъ вниманіе переводчиковъ. Всякому заманчиво попытаться передать своимъ языкомъ глубокія мысли оригинала, хоть нѣсколько приблизившись къ высоко-поэтической формѣ его. Можно, кажется, смѣло сказать, что нѣтъ ни одного сколько-нибудь владѣющаго стихомъ переводчика, у котораго бы въ портфелѣ не хранилось болѣе или менѣе удачныхъ и обширныхъ отрывковъ этой вѣчно юной поэмы. Изъ этихъ попытокъ доведены до конца и напечатаны до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, шесть (Губера, Вронченко, Фета, г. Холодковскаго, г. Голованова и г. Мамонтова). Почти у всѣхъ нихъ есть удачно, даже прекрасно переданныя мѣста и цѣлыя сцены, но хорошаго перевода всей трагедіи на русскій языкъ до сихъ поръ нѣтъ. И дѣйствительно, какъ передать сжатый, кованный языкъ подлинника, гдѣ нельзя ни измѣнить, ни выпустить почти ни одного слова, не измѣнивъ мысли автора, гдѣ почти каждый стихъ по своей концентрированной силѣ могъ бы служить эпиграфомъ философскому трактату или художественному произведенію? Въ борьбѣ съ своей трудной задачей переводчики выбираютъ одинъ изъ двухъ путей: одни, сохраняя общее содержаніе мысли подлинника, стремятся облечь ее въ возможно болѣе плавную и красивую форму; такъ поступаютъ, напримѣръ, Губеръ и г. Холодковскій, которымъ и принадлежатъ лучшіе переводы *Фауста*; другіе же, какъ Фетъ, боясь упустить малѣйшій оттѣнокъ нѣмецкаго текста, переводятъ слово за слово и стараются сохранить при этомъ чуть-ли не расположеніе частей предложенія. Извѣстно, что такой способъ въ послѣднее время считается неудовлетворительнымъ даже въ нашей средней школѣ, такъ какъ онъ безсиленъ передать характерный складъ и красоту подлинника. Новымъ доказательствомъ этого безспорнаго положенія служитъ послѣдній изъ русскихъ переводовъ Фауста г. Мамонтова. «Не въ силахъ сохранить стихотворную форму» оригинала, какъ сознается переводчикъ въ вступительныхъ строкахъ, онъ предоставилъ себѣ всевозможныя вольности: онъ отказался отъ риѳмы, отъ опредѣленнаго размѣра, иногда не соблюдаетъ совсѣмъ никакого размѣра, задавшись цѣлью «дословно передать содержаніе подлинника». Понятно, что отъ такого отношенія переводчика къ своей задачѣ должны наиболѣе пострадать лирическія части трагедіи: посвященіе, сцена передъ часовней, пѣсня Гретхенъ и т. п. Взамѣнъ этого читатель вправѣ ожидать, что по крайней мѣрѣ философскія мѣста переданы гладко и правильно. Такое ожиданіе однако оказывается напраснымъ. Надо обладать полнымъ отсутствіемъ стихотворнаго таланта и стилистическаго чутья, чтобы не умѣть вольнымъ бѣлымъ ямбомъ хоть сколько-нибудь литературно передать какую угодно мысль. Въ *Фаустѣ* есть страницы, которыя близки каждому; глазъ читателя отыскиваетъ ихъ прежде всего. Каково ему встрѣчать такія, напр., мѣста:

Мой другъ, прошедшаго времёна (sic)
Есть книга о семи для насъ печатяхъ;
Что духомъ вы временъ зовете,
Въ основѣ—собственный господъ самихъ-то духъ,
Гдѣ отражаются, какъ въ зеркалѣ, времёна.
Ну, подлинно, одно тутъ часто горе—
При первомъ взглядѣ убѣжишь:
Лаханка сорная, чуланъ, набитый хламомъ,
По большей мѣрѣ развѣ балаганъ
Съ великолѣпною моралью прописной,
Приличною вполнѣ въ устахъ у куколъ!

При чтеніи такой тирады является сомнѣніе, понималъ-ли переводчикъ то, что онъ переводилъ. Такимъ же безсвязнымъ и нелогичнымъ языкомъ излагаетъ Фаустъ передъ Гретхенъ свой пантеистическій катехизисъ, также нелѣпо декламируетъ онъ въ пещерѣ. Мефистофель даетъ Фаусту достойныя реплики, напр.:

... Завидовалъ частенько
Я парочкѣ подъ розами васъ, близнецовъ.
Ф. Прочь, сводникъ! *М.* Хорошо! Бранитесь вы, а мнѣ смѣшно.
Богъ, малаго и дѣвочку создавшій,
Самъ благороднѣйшимъ призваніемъ счелъ
И случай подвести, и т. д.

Къ переводу приложено шестьдесятъ страницъ поясненій. Это могло бы быть очень цѣннымъ приложеніемъ, если бы переводчикъ и здѣсъ не проявилъ отсутствіе литературности. Пояснения эти представляютъ наборъ коротенькихъ, иногда въ нѣсколько строкъ, ничѣмъ не связанныхъ отрывковъ изъ различныхъ комментаторовъ *Фауста*. Въ концѣ концовъ нельзя не пожалѣть труда наборщиковъ, потраченнаго на такую макулатуру.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Д. Мережковскій. «Вѣчные спутники».—*К. Головинъ.* «Русскій романъ и русское общество».

Д. С. Мережковскій. Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. Отличительное свойство г. Мережковскаго, какъ поэта, романиста или критика — претенціозность. Въ его стихахъ не чувствуется искренности, нѣтъ сердечной теплоты, потому что авторъ занятъ исключительно самимъ собой и не можетъ, не въ состояніи отдаться чистому, безличному и свободному порыву. Онъ всегда «позируетъ». Совершенно такимъ же онъ остается и въ своихъ критическихъ очеркахъ, которые, не смотря на видимое разнообразіе, посвящены одному высокому предмету—самому г-ну Мережковскому, чего онъ нисколько и не скрываетъ въ предисловіи. «За это соединеніе столь различныхъ, повидимому чуждыхъ другъ другу, именъ въ одну семью, въ одну галлерею портретовъ, могутъ упрекнуть автора въ отсутствіи систематической связи. Но онъ питаетъ надежду, что читателю мало-по-малу откроется не внѣшняя, а субъективная, внутренняя связь въ самомъ *я*, въ міросозерцаніи критика, ибо—повторяю—онъ не

задается цѣлями научной или художественной характеристики. Онъ желалъ бы только разсказать со всей доступной ему искренностью, какъ дѣйствовали на его умъ, сердце и волю любимыя книги, вѣрные друзья, тихіе спутники жизни. Это записки, дневникъ читателя въ концѣ XIX вѣка». Итакъ, предметъ, предлагаемый вниманію читателя (всего за 2 р.),—*я* г-на Мережковскаго.

И вотъ оно, это драгоцѣнное «я», передъ нами въ стѣнахъ аѳинскаго «Акрополя». «Я взглянулъ, увидѣлъ все сразу и сразу понялъ... Я чувствовалъ себя молодымъ, бодрымъ и сильнымъ... Я всходилъ по ступенямъ Пропилей, и ко мнѣ приближался чистый, дѣвственный, многоколонный на пыльной поблѣднѣвшей лазури полуденнаго неба, несказанно-прекрасный Парѳенонъ... Я вошелъ, сѣлъ на ступени портика подъ тѣнью колонны... Я ни о чемъ не думалъ, ничего не желалъ, я не плакалъ, не радовался—я былъ спокоенъ»... Словомъ, я, я, я—безконечное, однообразное «я» г-на Мережковскаго, изъ-за котораго не видно ни Акрополя, ни его красотъ. Мы узнаемъ только о великомъ открытіи, сдѣланномъ «я» г-на Мережковскаго, что греки творили «согласно съ природой»,—фраза, рѣшительно ничего не поясняющая. Каждый художникъ творитъ «согласно съ природой», но только вноситъ въ твореніе свое пониманіе природы, въ чемъ и проявляется его индивидуальность, оригинальность, безъ чего нѣтъ и не можетъ быть художественнаго произведенія. Но г-на Мережковскаго ни мало не трогаютъ читательскія недоумѣнія, — онъ просто «позируетъ» на развалинахъ Акрополя и кокетничаетъ съ читательницами: «Я пишу эти строки осеннею ночью (замѣтьте хорошенько—ночью, а не днемъ, это очень важно для пониманія Акрополя!), при однообразномъ шумѣ дождя и вѣтра, въ моей петербургской комнатѣ. На столѣ у меня лежатъ два маленькихъ осколка настоящаго древняго камня изъ Парѳенона. Благородный пентеликонскій мраморъ все еще искрится при свѣтѣ лампы... И я смотрю на него съ суевѣрной любовью, какъ благочестивый паломникъ на святыню, привезенную изъ далекой земли». Такія подробности, не имѣющія никакого отношенія къ Акрополю, только и можно понять, какъ необходимое дополненіе картины, изображающей «я» г-на Мережковскаго.

Та же позировка утонченностью эстетическихъ эмоцій составляетъ суть и дальнѣйшихъ очерковъ, написанныхъ свойственнымъ г-ну Мережковскому напыщенно-сладостнымъ языкомъ, съ постоянными потугами на глубокомысліе и вдохновенность откровеній. Въ «Дафнисѣ и Хлоѣ» авторъ прельщаетъ читателя своимъ пониманіемъ «невинной игры любви и величайшаго цѣломудрія, граничащихъ съ опаснымъ и утонченнымъ соблазномъ». Онъ не скрываетъ, что эта простенькая и на взглядъ читателя нашего времени пустенькая поэма, крайне скабрезна и сладострастна, и ему доставляетъ высокое удовлетвореніе—внушить читателю, какъ его «я» свободно проходитъ между Сциллой и Харибдой ничѣмъ не прикрытой чувственности, не забывая объ эстетикѣ. Отъ развращеннаго автора «Дафниса и Хлои» онъ нарочно перескакиваетъ къ аскетическому Марку Аврелію, чтобы контрастомъ усилить

*

эффектъ бездонной глубины своего всеобъемлющаго «я». Плиній Младшій долженъ выказать глубокую ученость и классическую начитанность автора, въ которомъ онъ возбуждаетъ восторгъ своимъ «умѣніемъ жить». Трудно понять, почему Плиній попалъ въ число «вѣчныхъ спутниковъ», и самъ г. Мережковскій не высокаго мнѣнія о немъ, какъ писателѣ и человѣкѣ. «Авторъ писемъ. — говоритъ онъ,—не герой, не рѣдкое исключеніе, а типическій представитель времени. Добродѣтели его—добродѣтели *средняго* хорошаго человѣка той эпохи. Онъ не разыгрываетъ роли, напротивъ,—онъ не хочетъ и не умѣетъ скрывать своихъ маленькихъ слабостей, своихъ недостатковъ, а главный недостатокъ его — литературное тщеславіе». Все это, можетъ быть, и вѣрно, но тѣмъ менѣе даетъ ему право служить «вѣчнымъ спутникомъ» въ ряду великихъ писателей, вмѣстѣ съ Маркомъ Авреліемъ, Сервантесомъ, Ибсеномъ, Пушкинымъ и другими. Чувствуется натяжка, желаніе автора щегольнуть своей оригинальностью, «субъективной критикой», для которой, будто бы, законъ не писанъ. Ларчикъ открывается очень просто, если взглянуть на странный подборъ «спутниковъ» автора съ точки зрѣнія, отмѣченной въ самомъ началѣ: авторъ позируетъ выборомъ чтенія, не доступнаго профанамъ, но составляющаго достояніе глубокихъ «эстетовъ». На томъ же основаніи зачисленъ въ вѣчные спутники Кальдеронъ, котораго и сами испанцы не читаютъ теперь, такъ какъ и имъ трудно уже вникать въ его средневѣковой католическій мистицизмъ.

«Субъективныя» характеристики Флобера, Ибсена, Достоевскаго, Гончарова и Майкова не блещутъ ни глубиной, ни оригинальностью. Въ нихъ авторъ повторяетъ ходячіе труизмы, ничего не внося своего, не давая никакого новаго освѣщенія. Недостатокъ его языка, крайняя банальность эпитетовъ и образовъ, особенно даетъ себя чувствовать въ этихъ характеристикахъ. Напр., характеристику Ибсена онъ заканчиваетъ слѣдующимъ возгласомъ, словно позаимствованнымъ изъ какого-либо фельетона: «Мы понимаемъ трагическую судьбу поколѣній, обреченныхъ рождаться и умирать въ эти смутныя, страшныя сумерки, когда послѣдній лучъ зари потухъ и ни одна звѣзда еще не зажглась, когда старые боги умерли и новые еще не родились». «Тургеневъ—художникъ по преимуществу... Л. Толстой—громадная стихійная сила... Достоевскій—этотъ величайшій реалистъ, измѣрившій бездны человѣческаго страданія, безумія и порока, вмѣстѣ съ тѣмъ величайшій поэтъ евангельской любви», и т. д. Оригинальнѣе другихъ характеристика Пушкина, но въ чемъ заключается эта оригинальность, читатели нашего журнала знаютъ изъ «Критическихъ Замѣтокъ» прошлаго года (см. іюльскую книгу), почему касаться ея еще разъ считаемъ излишнимъ. Въ новомъ изданіи эта характеристика, насколько намъ помнится, осталась безъ измѣненій (первоначально была помѣщена въ «Философскихъ теченіяхъ русской поэзіи», изд. г. Перцева)

Русскій романъ и русское общество. К. Головина. Изд. А. А. Пороховщикова. Спб. 1897 г. Ц. 3 р. Г. Головинъ принадлежитъ къ критикѣ консервативнаго лагеря, какъ можно судить по его

настоящему труду, но въ своихъ сужденіяхъ и отзывахъ онъ очень сдержанъ, не позволяя себѣ никакихъ рѣзкихъ выходокъ и личныхъ нападокъ. Отмѣчаемъ эту черту г. Головина, какъ пріятное исключеніе среди критиковъ его направленія, свидѣтельствующее отчасти о томъ, что время горячихъ боевыхъ схватокъ, по поводу шестидесятыхъ годовъ и народнической литературы, уже отошло и наступило время критическаго и спокойнаго къ нимъ отношенія, какъ къ историческому явленію, хотя и важному и глубоко-интересному, но уже не возбуждающему страстей. Въ книгѣ г. Головина эпохѣ шестидесятыхъ годовъ, или, какъ онъ ее называетъ, «эпохѣ бури и натиска», отведено главное мѣсто. Первыя двѣ части, «Романтизмъ» и «Сороковые годы», служатъ лишь вступленіемъ къ ней и сами по себѣ написаны вяло и не интересно. О романтизмѣ авторъ повторяетъ избитыя сужденія учебниковъ, ничего не внося своего даже относительно значенія романтизма въ русской литературѣ. Сороковые годы онъ пробѣгаетъ мимоходомъ, касаясь того и сего, но не выясняя ихъ значенія. О Бѣлинскомъ, напр., у него ничего нѣтъ, какъ будто онъ не имѣлъ огромнаго значенія для развитія романа и общества той эпохи. Это обычный пріемъ консервативной критики, для которой не важны и не интересны сороковые годы сами по себѣ, а лишь какъ противопоставленіе ненавистной эпохѣ шестидесятыхъ.

Совершенно также поступаетъ и г. Головинъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на этомъ времени. Здѣсь онъ не упускаетъ изъ виду ни одного даже ничтожнаго романа какого-нибудь Авдѣева или Маркевича, чтобы подчеркнуть свою основную мысль, что эпохѣ «бури и натиска» мы обязаны современнымъ застоемъ какъ въ общественной жизни, такъ и въ литературѣ. Мысль эта, запоздалая и на тысячи ладовъ пережеванная консервативной критикой, не получаетъ никакого новаго освѣщенія и у г. Головина, повторяющаго слишкомъ хорошо намъ знакомыя положенія о «разночинцѣ», вторгшемся въ литературу и произведшемъ «скандалъ въ благородномъ семействѣ», какимъ представляется г. Головину литература 40-хъ годовъ. Рѣзкому проявленію теоріи «искусства для жизни» авторъ даетъ почти комичное объясненіе. «Легко найти объясненіе и для эстетическихъ взглядовъ, преобладавшихъ въ 60-е годы—для равнодушія къ изяществу формы, для предпочтенія, отдававшагося сюжетамъ бытовымъ, наконецъ для знаменитой теоріи искусства для жизни. Нечего удивляться, что наклонности къ изяществу были слабо развиты у людей, воспитанныхъ въ бурсѣ и любившихъ коротать часы за полуштофомъ, лучшимъ примѣромъ чему служитъ преждевременная смерть нѣкоторыхъ изъ нихъ» (стр. 151). Такое объясненіе не мѣшаетъ ему отмѣтить, что Писаревъ, главный проповѣдникъ этой теоріи, отличался наклонностью къ изящному въ личной жизни и получилъ самое щепетильное дворянское воспитаніе. Разночинецъ внесъ въ литературу свои нравы и свои интересы, и самый его демократизмъ былъ дурного тона,—поучаетъ г. Головинъ,—потому что разночинцу были чужды интересы народа. «Ученіе шестидесятниковъ, какъ оно выразилось у Чернышевскаго и Добролюбова,

не смотря на все свое демократическое народолюбіе, было въ сущности проникнуто глубокою ненавистью къ тому, что составляетъ суть русской жизни,—къ ея вѣрованіямъ и традиціямъ. Въ этихъ вѣрованіяхъ оно видѣло лишь грубое невѣжество, темное наслѣдіе варварской эпохи. Оно шло въ народъ, принося ему отрицаніе всего, что этому народу дорого, и не удивительно, что не было имъ услышано. Демократы 60-хъ годовъ, въ сущности, любили не русскій народъ, какимъ сдѣлала его исторія, а народъ отвлеченный, созданный ихъ воображеніемъ съ помощью историческихъ воспоминаній о римскомъ plebs'ѣ и о французской черни. На самомъ дѣлѣ, толкуя о равноправности и горячо сочувствуя простому люду на словахъ, шестидесятники русскому народу не дали ничего. Все, что принесла ему эпоха реформъ—освобожденіе отъ крѣпостного права, надѣленіе землей, гласный судъ, земское представительство, совершилось помимо ихъ—стараніями тѣхъ людей, которыхъ они осыпали сарказмами. А сами они хлопотали и боролись не за народное дѣло, а лишь за интересы разночинца, того ничтожнаго по численности безпочвеннаго класса, который паразитомъ выросъ на могучемъ деревѣ русской жизни и, покрывая его своими жадными побѣгами, увѣрялъ себя и другихъ, что въ немъ, въ этомъ паразитѣ, вся сила русской земли» (стр. 201). Такова исходная точка г. Головина въ оцѣнкѣ 60-хъ годовъ, по которой можно составить себѣ ясное представленіе и о всемъ содержаніи его критики. Она не оригинальна и не нова. Все это мы слыхали когда-то, и въ изложеніи г. Головина она не отличается большею поучительностью и вѣскостью, чѣмъ и прежде. Когда авторъ посвящаетъ цѣлый листъ доказательству несостоятельности романа Чернышевскаго «Что дѣлать», это только вызываетъ улыбку, потому что онъ стучится въ открытую дверь. Значеніе этого романа исчезло вмѣстѣ съ общественнымъ настроеніемъ, его создавшимъ, и увѣрять современнаго читателя въ наивности героевъ романа, значитъ терять свой порохъ въ пространство. Тоже самое приходится сказать и относительно его критики Писарева, взгляды котораго на Пушкина и искусство не имѣютъ нынѣ сторонниковъ даже среди гимназистовъ. Также мало поучителенъ его разборъ романовъ Шеллера, Омулевскаго, повѣстей Помяловскаго и проч., никому неинтересныхъ и врядъ ли нынѣ кѣмъ-либо читаемыхъ. Словомъ, запоздалъ г. Головинъ съ выпускомъ своей книги, для которой,—рѣшительно недоумѣваемъ—гдѣ найдутся читатели.

Нѣсколько оригинальнѣе авторъ въ своей критикѣ народнической литературы. Что народническое направленіе въ своей современной формѣ несомнѣнно консервативно, даже имѣетъ реакціонную окраску, противъ этого едва ли кто станетъ возражать. Но совершенно невѣрно заключеніе г. Головина, что оно было такимъ съ самаго начала. Преклоненіе предъ общинно-мірскими порядками намъ представляется теперь страннымъ и дикимъ, потому что мы хорошо знаемъ суть этихъ порядковъ и ихъ исторію. Но народники прежняго времени вкладывали въ эту форму свое содержаніе и предъ нимъ преклонялись. Въ этомъ была ихъ ошибка, понятная для современнаго читателя, но винить ихъ за

это, обвинять въ реакціонныхъ стремленіяхъ, значитъ совсѣмъ не имѣть исторической перспективы, не понимать сущности народническаго движенія, и въ этомъ г. Головинъ пошелъ назадъ, уступая своимъ предшественникамъ консервативнаго направленія, которые хорошо умѣли понимать эту сущность, хотя и дѣлали изъ этого пониманія совсѣмъ нелитературное употребленіе. Исключивъ эту коренную ошибку автора, нельзя не признать, что его замѣчанія относительно нѣкоторыхъ представителей народническаго направленія не лишены основательности и остроумія. Вотъ, напр., его выводъ относительно «Власти земли»: «Власть земли, какъ представляетъ ее Успенскій,—это полная зависимость всего строя крестьянской жизни отъ основной ея цѣли—обработки этой земли, дающей мужику хлѣбъ, но за то и создающей для всей его дѣятельности, строгія рамки. Онъ не можетъ уйти отъ нея, не можетъ ослушаться ея велѣній, потому что въ первомъ случаѣ жизнь его потеряетъ всякій смыслъ и порокъ овладѣетъ всѣмъ его существомъ; а во-второмъ, если онъ перестанетъ ей повиноваться, хозяйство его рухнетъ неминуемо. Земля, такимъ образомъ, является какимъ-то живымъ волшебнымъ существомъ, не призваннымъ только служить мужику, а напротивъ—требующимъ отъ него вѣрной службы. И счастливъ онъ лишь, пока не вышелъ изъ своего рабства. Есть что-то поэтическое, даже трогательное въ этомъ взглядѣ, но есть въ немъ и нѣчто прямо возмутительное. Осужденіе цѣлаго народа,—потому что Успенскій, вѣдь, свой законъ послушанія землѣ желалъ бы распространить на всю Россію,—на какое-то вѣчное рабство труду земледѣльца, какъ единственной цѣли существованія,—это ничто иное, какъ вѣчное закрѣпощеніе застою на первобытной ступени культуры... Всякій разъ, что авторъ передаетъ намъ свои бесѣды съ деревенскими стариками, вѣрными представителями дѣдовскихъ традицій, въ этихъ бесѣдахъ проводится мысль, что въ старину жилось лучше, что, оторвавшись отъ земли, умничая и не повинуясь міру, мужикъ идетъ на вѣрную гибель. Словомъ, идеальный строй мужицкаго благосостоянія очень похожъ на колонію коралловыхъ полиповъ, сросшихся въ одинъ общій неподвижный стволъ» (стр. 278—279).

Разборъ произведеній Щедрина, Тургенева, Достоевскаго, Толстого и другихъ не удался г. Головину. Онъ не умѣетъ подняться надъ произведеніемъ, взглянуть на него съ опредѣленной высоты, чтобы охватить его цѣлое, уяснить его себѣ съ эстетической и общественной точки зрѣнія. Консервативные пути мѣшаютъ автору на каждомъ шагу, заставляя его дѣлать странные выводы и заключенія. Такъ, оцѣнивъ значеніе «Пошехонской старины», г. Головинъ, признавая большія художественныя достоинства за этимъ произведеніемъ, отрицаетъ въ немъ историческую и бытовую правду на слѣдующемъ основаніи. «Дѣло въ томъ, что въ глазахъ читателя подобные разсказы имѣютъ значеніе не только сами по себѣ, въ качествѣ конкретныхъ фактовъ, но получаютъ характеръ типическихъ явленій, рисующихъ всю деревенскую жизнь въ совокупности. И понятые такимъ образомъ, они рисуютъ

ее въ невѣрномъ свѣтѣ. Правда, особенно рѣзкихъ проявленій жестокаго гнета въ «Пошехонской старинѣ» нѣтъ или почти нѣтъ. Зато это сплошная картина нелѣпой безтолковости тогдашняго быта, гдѣ баринъ и крѣпостной могутъ приносить только вредъ другъ другу и одинъ другого развращать. И ни одной чертой не указано на искупающія стороны этой, правда отталкивающей, картины, на культурное значеніе тогдашнихъ помѣщичьихъ усадебъ и на существовавшую зачастую взаимную привязанность между господами и слугами» (стр. 272).

Въ послѣдней части—«Современное затишье»—авторъ ограничивается бѣглыми замѣчаніями о современныхъ писателяхъ, выказывая далеко не полное знакомство съ текущей литературой и господствующими въ ней направленіями. Общія замѣчанія о преобладаніи теперь крайняго индивидуализма, соединеннаго съ «индиферентизмомъ ко всякимъ убѣжденіямъ», не обоснованы и, какъ и всѣ слишкомъ общія замѣчанія, мало убѣдительны. Авторъ правильно отмѣчаетъ вырожденіе и упадокъ народничества, какъ направленія, задававшаго прежде тонъ въ литературѣ, но не видитъ совсѣмъ новаго движенія, идущаго на смѣну, чуждаго крайностей индивидуализма и менѣе всего повиннаго въ индифферентизмѣ. Свой буржуазно-помѣщичій консерватизмъ авторъ совершенно напрасно приписываетъ и литературѣ, обвиняя ее въ склонности къ проповѣди буржуазной морали и накопленію матеріальныхъ благъ. «Трезвенное направленіе» мысли, усматриваемое авторомъ въ современной литературѣ, уже отошло. Оно, скорѣе, было характерно для предшествующаго десятилѣтія.

«Спросъ вызываетъ предложеніе: мелкимъ людямъ и ничтожнымъ страстямъ по плечу и мелкая литература». Такимъ высокомѣрнымъ словомъ заканчиваетъ г. Головинъ свою книгу, содержанію которой оно мало отвѣчаетъ, какъ и самое заглавіе. Изъ нашего изложенія читатели могутъ видѣть, что ни исторіи русскаго романа, ни его общей характеристики въ книгѣ не дано. Это скорѣе рядъ небрежныхъ замѣтокъ, пристрастныхъ и односторонніхъ, не связанныхъ какой-либо общей идеей и меньше всего дающихъ автору право съ такимъ презрительнымъ высокомѣріемъ отнестись къ современной литературѣ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

П. Мижуевъ. «Взгляды и дѣятельность національной ассоціаціи для распространенія техническаго и реформы средняго образованія въ Англіи».—*Д. Руссель.* «Народные университеты въ Англіи и Америкѣ».—*М. Де-Местръ.* «Философія войны».

П. Г. Мижуевъ. Взгляды и дѣятельность національной ассоціаціи для распространенія техническаго и реформы средняго образованія въ Англіи. 1897 г. Ц. 40 к. Изд. жур. «Техническое Образованіе». Начиная съ середины прошлаго вѣка и почти до послѣдней четверти текущаго столѣтія, Англія оставалась главнымъ поставщикомъ товаровъ для всего міра, благодаря чрезвычайно развитой

промышленности и огромному торговому флоту, ставившему ее, какъ морскую державу, впереди всѣхъ націй. Но въ самое послѣднее время успѣхи промышленности на континентѣ Европы и въ Америкѣ и развитіе торговыхъ сношеній другихъ народовъ начали вытѣснять англичанъ съ нѣкоторыхъ рынковъ, а на другихъ болѣе дешевые и не уступающіе по качеству товары другихъ народовъ, преимущественно нѣмцевъ, французовъ и швейцарцевъ, явились опасными конкуррентами промышленности Англіи. Первенствующее положеніе Англіи создало ей такую экономическую обезпеченность и политическое могущество, что ни одна страна не можетъ пока сравняться съ нею. Уступить, поэтому, такое положеніе на міровомъ рынкѣ значило бы отказаться отъ массы тѣхъ благъ, которыя составляютъ теперь въ Англіи общее достояніе. Возникъ, такимъ образомъ, чрезвычайной важности вопросъ, какъ сохранить за собой первенствующее положеніе въ промышленности и торговлѣ? Отвѣтъ на него давала сама жизнь, путемъ сравненія условій, при которыхъ шло развитіе промышленности въ наиболѣе развитыхъ странахъ. Наиболѣе надежное средство къ упроченію промышленнаго главенства заключается лишь въ поднятіи производительности труда всего населенія, для чего прежде всего необходима, съ одной стороны, общественная свобода, безъ которой немыслимъ никакой личный починъ, съ другой—широкое распространеніе просвѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, во главѣ конкуррентовъ Англіи на континентѣ Европы оказывается маленькая Швейцарія, вытѣсняющая англійскія машины, химическія вещества (краски) и высшіе сорта мануфактуръ; затѣмъ идетъ Бельгія, далѣе Германія и Франція. Эти четыре страны, не уступая Англіи по развитію общественной свободы, оказались лучше ея поставленными въ дѣлѣ просвѣщенія, на что англичане и обратили главное вниманіе. Началась поразительная съ русской точки зрѣнія дѣятельность въ области народнаго просвѣщенія, къ серединѣ 80-ыхъ годовъ сравнявшая Англію съ другими странами, и вмѣстѣ съ тѣмъ возникло особое движеніе въ пользу распространенія техническаго образованія и реформы средняго образованія въ этомъ направленіи. Брошюра г-на Мижуева и посвящена описанію этого движенія, иниціаторомъ котораго явилось, какъ и всегда въ Англіи, частное общество—«Ассоціація для распространенія техническаго образованія», возникшая въ 1887 г. и въ значительной степени содѣйствовавшая изданію законовъ о техническомъ образованіи.

Дѣятельность этой Ассоціаціи заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Она можетъ служить блестящимъ примѣромъ того, что можетъ сдѣлать въ свободной странѣ частная иниціатива, сила свободной печати и союзовъ, не стѣсняемыхъ въ своей дѣятельности чуждой опекой, обыкновенно преслѣдующей цѣли, не имѣющія ничего общаго съ благомъ государства. Задачу свою Ассоціація опредѣляетъ такъ: «содѣйствіе такимъ реформамъ въ области школьнаго дѣла, которыя могутъ повысить способность къ труду населенія». Подъ этими реформами въ широкомъ смыслѣ Ассоціація понимаетъ: «1) содѣйствіе развитію ловкости въ рукахъ и вѣрности глаза среди подростающихъ поколѣній; 2) содѣйствіе воз-

можно болѣе широкому распространенію и болѣе полному пониманію тѣхъ началъ искусства и естествознанія, которыя лежитъ въ основѣ промышленной дѣятельности націи; 3) лучшую организацію средняго образованія вообще, для чего нужно, между прочимъ, лучшее обученіе новымъ языкамъ и естественнымъ наукамъ, такъ какъ только при такихъ условіяхъ можно надѣяться имѣть дѣятелей, способныхъ руководить коммерческими сношеніями съ другими странами и развивать отечественную промышленность». Не слѣдуетъ, однако, думать, что Ассоціація стремится къ грубо-практическимъ цѣлямъ, которыя и желаетъ навязать школѣ, какъ низшей, такъ и средней. Взгляды Ассоціаціи на техническое образованіе, которое она кладетъ въ основу промышленнаго и коммерческаго развитія, несравненно шире. На митингахъ, въ безчисленныхъ брошюрахъ и книгахъ Ассоціація старается внушить и провести на дѣлѣ ту мысль, что реформы низшаго и средняго образованія могутъ быть осуществлены лишь путемъ непосредственнаго сближенія дѣтей съ природою во всѣхъ ея проявленіяхъ, путемъ введенія дѣтей въ міръ реальныхъ вещей, а не однихъ лишь словъ, какъ это было до сихъ поръ, наконецъ путемъ перемѣны самой формы усвоенія знаній, которыя не должны болѣе являться исключительно лишь воспроизведеніемъ усвоенныхъ памятью результатовъ чужого опыта, а хотя отчасти являться результатомъ и самостоятельнаго непосредственнаго наблюденія надъ природой и ея явленіями, хотя бы и при ближайшемъ руководительствѣ наставника. «Техническое образованіе есть не предметъ школьнаго обученія, а методъ»—такъ опредѣляетъ Ассоціація сущность желаемой реформы. Школа отнюдь не должна обучать *ремесламъ*: это цѣль профессіональныхъ учрежденій, учебныхъ и мастерскихъ. Техническое образованіе ставитъ своею цѣлью общее умственное развитіе учащихся, ловкость и точность рукъ, глаза, слуха и общее знакомство со всѣми предметами, безъ которыхъ нельзя оріентироваться нынѣ въ промышленной и коммерческой жизни страны. «Такимъ образомъ, ревнители техническаго образованія идутъ рука объ руку съ другими реформаторами школьнаго дѣла, которые давно уже настаивали на введеніе въ курсъ школъ такихъ предметовъ и такихъ методовъ преподаванія, которыми развивается скорѣе умъ, чѣмъ память, которыя знакомятъ дѣтей не только со словами, но и съ самыми вещами, для обозначенія которыхъ служатъ слова,—однимъ словомъ, которыми обезпечивается гармоническое развитіе всѣхъ сторонъ дѣтской натуры, а не только накопленіе однихъ книжныхъ знаній».

Изъ этихъ общихъ положеній можно видѣть, какъ широко понимаетъ реформу образованія Ассоціація, которая распространяетъ свое вліяніе на всю систему школьнаго обученія, начиная съ низшей школы, для дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ, и до высшаго профессіональнаго обученія. Кромѣ того, Ассоціація требуетъ техническаго развитія и для рабочихъ, уже вышедшихъ за предѣлы школьнаго обученія. Для нихъ она настаиваетъ на устройствѣ вечернихъ классовъ, какъ общаго характера, такъ и спеціальныхъ. Указывая на благопріятное условіе, въ которомъ находится

англійская промышленность, благодаря сравнительно короткому дню (отъ 8 до 10 часовъ), Ассоціація требуетъ, чтобы государство доставило каждому рабочему возможность самымъ разумнымъ образомъ пользоваться имѣющимся у него досугомъ. Чтобы рабочій могъ постоянно совершенствоваться въ своей спеціальности, онъ долженъ быть развитъ умственно, долженъ ясно понимать основные законы природы и тѣхъ силъ, которыми онъ пользуется во время работы. Вмѣсто тупого, механически исполняющаго какое-либо простое, несложное дѣло, рабочаго, надо создать рабочаго-интеллигентнаго, — такова задача современной промышленности, безъ осуществленія которой промышленность не можетъ идти впередъ. И та страна, которая прежде другихъ создастъ такого рабочаго, займетъ первое мѣсто въ мірѣ. Кромѣ того, Ассоціація указываетъ, что техническое образованіе, строго проведенное отъ низшей школы до профессіональнаго обученія, дастъ рабочему возможность легко мѣнять спеціальность, научивъ его быстро приспособляться къ новой работѣ. Косвеннымъ образомъ разносторонность рабочаго отразится сокращеніемъ числа безработныхъ, такъ какъ теперь очень часто рабочій, потерявъ почему-либо работу, не можетъ примѣниться къ новой работѣ или долго долженъ пріучать себя къ ней.

Многое изъ намѣченнаго Ассоціаціей въ ея программѣ реформы народнаго просвѣщенія уже осуществлено, и мы рекомендуемъ читателямъ поближе ознакомиться съ дѣятельностью этого мощнаго англійскаго общества. Не слѣдуетъ только слишкомъ увлекаться, какъ г. Мижуевъ, полагающій, что примѣръ Ассоціаціи можетъ быть поучительнымъ для насъ, русскихъ. Ассоціація и ея блестящая, мощная дѣятельность, объединяющая рабочихъ, членовъ парламента, капиталистовъ, высшихъ представителей интеллигенціи, профессоровъ, ученыхъ, журналистовъ, священниковъ,—одной общей цѣлью,—мыслима и возможна только въ Англіи, есть продуктъ англійской свободной общественной жизни. Думать о чемъ-либо подобномъ у насъ, значитъ совершенно не считаться съ условіями русской дѣйствительности, какъ общественными, такъ и экономическими. Не слѣдуетъ обманывать себя. Сознаніе своей отсталости гораздо плодотворнѣе, чѣмъ обманчивая увѣренность, что и мы можемъ устроить у себя не хуже другихъ такія же школы, создать такое же всеохватывающее движеніе, какъ англійская Ассоціація или университетское движеніе. Это сознаніе нисколько не уменьшаетъ увѣренности, что и у насъ все это явится, по мѣрѣ того, какъ наша страна все болѣе и болѣе будетъ идти по пути развитія крупной промышленности, по которому идетъ жизнь всѣхъ культурныхъ народовъ и на который безповоротно вступила Россія.

Общественное движеніе, описанію котораго посвящена брошюра г. Мижуева, можетъ служить также блестящимъ подтвержденіемъ правильности доктрины экономическаго матеріализма. Сущность послѣдней, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, заключается въ томъ, что хозяйственныя отношенія служатъ, въ концѣ-концовъ, главнымъ факторомъ, направляющимъ общественную жизнь даже

въ самыхъ отвлеченныхъ и высокихъ ея проявленіяхъ. На примѣрѣ Запада, въ данномъ случаѣ Англіи, мы видимъ, какъ подъ вліяніемъ измѣненія условій промышленности мѣняются взгляды на систему образованія и какъ послѣдняя сама мѣняется, примѣняясь къ новымъ требованіямъ хозяйства страны, нисколько не теряя своихъ идеальныхъ стремленій. Даже напротивъ, именно эти стремленія усиленно растутъ въ глубину и ширину, переставая быть достояніемъ избранныхъ и становясь достояніемъ всѣхъ. И слова Георга Вашингтона, что «народное просвѣщеніе есть самое прочное основаніе народнаго благоденствія»,—именно теперь получаютъ осуществленіе, такъ какъ, по словамъ Мунделлы *) «для коммерческой и промышленной борьбы на международномъ рынкѣ мы должны искать руководителей не изъ одного какого-нибудь класса, а изъ всей націи». Поэтому, и реформа должна касаться всей системы школъ, а не одного какого-либо разряда ихъ, что и проводитъ въ жизнь англійская Ассоціація.

Народные университеты въ Англіи и Америкѣ. Д-ра Джемса Русселя. Пер. съ англійскаго Л. С. Зака. Библ. общественныхъ знаній. Одесса. 1897 г. Ц. 50 к. Знанія не какъ средства для поддержанія жизни, а какъ необходимое условіе жизни—таковъ руководящій принципъ новаго великаго культурнаго движенія, которое за послѣднюю четверть вѣка охватило всѣ культурныя страны на Западѣ. Этотъ принципъ пока еще совершенно чуждъ Россіи, гдѣ до сихъ поръ на образованіе смотрятъ съ точки зрѣнія чисто бюрократической. Образованіе, по общераспространенному взгляду у насъ, нужно для полученія диплома, открывающаго заманчивую дорогу карьеры, которая заключается въ возможности много получать и ничего не дѣлать. Дипломъ, какъ средство съ удобствомъ подниматься по бюрократической лѣстницѣ,—такова цѣль образованія въ Россіи, и къ этой цѣли государство приспособило у насъ все, начиная съ низшаго и до высшаго образованія. Развитіе личности, любовь къ наукѣ ради чистѣйшихъ радостей, доставляемыхъ ею, гражданская доблесть и вытекающее отсюда самоотверженное исполненіе долга—эти высокія цѣли ставитъ на Западѣ народный университетъ. Не слѣдуетъ думать, что тамъ онъ явился внезапно, подъ вліяніемъ толчка, даннаго той или иной энергичной и сильной личностью. Народный университетъ, какъ великое общественное движеніе, явился здѣсь завершеніемъ болѣе широкаго, все охватившаго въ настоящее время, демократическаго движенія на почвѣ глубокихъ экономическихъ перемѣнъ, возникшихъ вслѣдствіе неслыханнаго роста крупной промышленности. Впервые начавшись въ Англіи, странѣ наиболѣе экономически развитой, университетское движеніе сразу получило широкое распространеніе въ Америкѣ, гдѣ получило еще болѣе демократическую окраску и болѣе строгую организацію. Затѣмъ, оно постепенно распространялось во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ, въ Ав-

*) Ноттингамскій фабрикантъ, впослѣдствіи выдающійся общественный дѣятель, министръ народнаго просвѣщенія въ 1880—1885 г. и министръ торговли въ 1892—1894 г.

страліи, Канадѣ, южной Африкѣ, словомъ, вездѣ, гдѣ англійская культура прочно утвердилась и развилась, а вмѣстѣ съ нею возникли и высшія потребности. На континентѣ Европы замѣчается такая же послѣдовательность. Первая примыкаетъ къ университетскому движенію Бельгія, за нею слѣдуютъ Данія, Швеція и Норвегія, Швейцарія, въ самое послѣднее время Австрія, Франція и Германія, гдѣ это движеніе едва лишь начинается, но уже создало нѣсколько такихъ учрежденій, какъ, напр., знаменитая берлинская «Уранія», общество на акціонерныхъ началахъ, распространяющее высшія знанія въ широкой публикѣ путемъ систематическихъ курсовъ, популярныхъ чтеній и общедоступныхъ научныхъ кабинетовъ. Такимъ образомъ, университетское движеніе распространяется вездѣ, гдѣ почва для него уже подготовлена, гдѣ демократическіе принципы легли въ основу управленія и общественной жизни, а высокій уровень экономическаго развитія даетъ необходимый контингентъ слушателей, стремящихся къ развитію и знанію во имя высшихъ духовныхъ потребностей. Вотъ почему въ отсталыхъ странахъ Запада, въ Испаніи, Италіи, Румыніи, народный университетъ пока еще немыслимъ. Мы не говоримъ уже о Россіи и Турціи, такъ какъ въ этихъ странахъ даже начатки грамотности, какъ общее достояніе народной массы, представляются пока недосягаемымъ благомъ.

Что касается книги д-ра Русселя, то, не смотря на сжатое изложеніе и недостаточность цифроваго матеріала, она даетъ довольно полную, хотя лишь въ общихъ чертахъ, картину университетскаго движенія, преимущественно въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Точка зрѣнія автора правильна, и онъ вездѣ указываетъ на прямую зависимость между экономическимъ ростомъ и развитіемъ демократическаго движенія, приведшаго къ народному университету. «Политическій прогрессъ, — говоритъ онъ относительно Англіи,—обусловливаемый перемѣнами въ промышленной и соціальной жизни, совершался здѣсь правильными двадцатилѣтними періодами, и каждый такой шагъ впередъ, въ свою очередь, сопровождался соотвѣтственными измѣненіями въ сферѣ народнаго образованія. Принципъ государственной помощи впервые признанъ былъ еще въ началѣ 30-хъ годовъ, но практически онъ примѣнялся лишь къ частнымъ школамъ для дѣтей средняго класса. Знаменательно то, что черезъ два года послѣ этого на средній классъ распространены были политическія права, и что въ эту же эпоху впервые обнаружилось дѣйствіе пароходнаго сообщенія. Два года спустя броженіе охватило всю народную массу. Телеграфъ, печать, дешевая литература, христіанскій соціализмъ и свободная торговля продолжали распространять принципы національнаго единства и соціальнаго братства. Къ этой же эпохѣ относится начало движенія въ пользу профессіональнаго образованія и просвѣщенія массъ; организація университетовъ начинаетъ преобразовываться, т. е. изъ учрежденій для меньшинства они все болѣе становятся учрежденіями общенародными... Теперь, въ 90-хъ годахъ, когда послѣднія политическія привилегіи становятся общимъ достояніемъ, когда мѣстное и общее законодатель-

ство выступаетъ съ мѣрами ограниченія рабочаго дня и смягченія капиталистическаго гнета, дѣло народнаго образованія дѣлается снова предметомъ усиленныхъ заботъ законодателя» (15—16). Авторъ отмѣчаетъ также вездѣ, что въ каждой странѣ свои національныя, бытовыя, политическія и проч. условія измѣняли форму университетскаго движенія, примѣняя народный университетъ къ мѣняющимся условіямъ жизни, и указываетъ на огромную роль, какую въ этомъ движеніи играетъ личная иниціатива и энергія. Но, въ концѣ концовъ, онъ все-таки заявляетъ съ особымъ натискомъ, «что прочность этого великаго движенія въ учебно-воспитательной сферѣ зависитъ отъ *экономическихъ законовъ*, дѣйствующихъ глубже и основательнѣе, чѣмъ пылкія восхваленія друзей этого движенія или жестокая критика его противниковъ».

Мишель Ревонъ Мозръ де-Мэстръ.—Философія войны. Переводъ Н. Роспопова. Спб. 1897. Цѣна 50 к. Передъ нами самая современная книга, какой только можно ожидать отъ француза, трактующаго историческій вопросъ. Въ сущности современность эта началась не сегодня и не вчера, а, по крайней мѣрѣ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, т. е. со второй республики и вполнѣ упрочилась со второй имперіи. Идеологія очень простая. Все, что было до террора и Бонапарта подлежитъ осужденію или, по крайней мѣрѣ, тщательному дознанію съ пристрастіемъ. Все, что враждовало съ XVIII-мъ вѣкомъ непосредственно послѣ революціи, естественно должно быть принято съ признательностью, въ особенности, если это была вражда противъ демократіи и характернаго направленія просвѣтительной мысли, т. е. лично-свободнаго и безпощадно-скептическаго.

Въ результатѣ—вожди реакціи въ началѣ XIX-го вѣка, апостолы эмигрантовъ и возстановители стараго порядка вплоть до Григорія VII и Людовика XIV преобразовались въ рукахъ новѣйшихъ французскихъ историковъ въ необычайно глубокомысленныхъ политиковъ и на рѣдкость симпатичныхъ людей.

Тэнъ принялся прямо списывать страницы изъ сочиненій Деместра, перефразируя ихъ только по натуральному методу и разцвѣчивая цитатами.

Сентъ-Бэвъ, потомъ Фаге взяли на себя другую задачу: доказать исключительную привлекательность Деместра, какъ человѣка, т. е. какъ мужа, отца, брата.

Послѣдній мотивъ прямо возобладалъ во французской литературѣ съ тѣхъ поръ, какъ появились *Mémoires et correspondance diplomatique* Деместра и его частная переписка и разныя «opuscules». Произошло совершенное чудо!

До сихъ поръ французскіе профессора—правда, очень немногіе—даже на каѳедрѣ заявляли слушателямъ свое искреннее отвращеніе и нервный ужасъ предъ спеціальными «политическими» открытіями Деместра, въ родѣ знаменитаго апоѳеоза палача. Такъ, однажды Вильмэнъ закрылъ книгу, цитируя это мѣсто и свидѣтельствуя свое негодованіе вмѣстѣ съ аудиторіей.

И вдругъ, нервы у французовъ окрѣпли, настроенія до такой степени перемѣнились, что одни — лиризмъ во славу палача счи-

таютъ тонко разсчитанной ироніей, а другіе, нашъ авторъ, напримѣръ, преклоняются предъ художественной красотой картины.

Откуда это превращеніе?

Раскройте главнѣйшія сочиненія Деместра. На каждой страницѣ пестрятъ слова: религія, Провидѣніе, порядокъ, законъ, справедливость, и рядомъ мщеніе, война, кровь, праведная расплата потомства за грѣхи отцовъ, казнь праведниковъ за преступленія грѣшниковъ.

А какіе принципы, какое связующее звено этой пестроты! Прежде всего, законъ вѣчнаго кровопролитія, *вѣчной жертвы*. Война всѣхъ противъ всѣхъ—сущность міровой жизни, *reversibilité*, т. е. вѣковыя муки всего человѣчества безъ различія добродѣтелей, подвиговъ и злодѣяній, за кѣмъ бы то ни было совершенное зло, и въ вершинѣ пирамиды палачъ, какъ краеугольный камень всякаго общественнаго строя.

Все это подлинныя идеи нашего философа. Нѣтъ ни малѣйшей возможности смягчить ихъ на одну іоту. Авторъ прилагаетъ чрезвычайныя усилія доказать свою богословскую и нравственную систему. Въ *разсужденіяхъ о революціи* онъ пишетъ особую главу—*о насильственномъ истребленіи человѣческаго рода*, сводитъ всю исторію человѣчества къ непрерывной безпощадной войнѣ, высчитывая даже количество жертвъ. При этомъ обзорѣ не обращается ни малѣйшаго вниманія на историческую точность и самую элементарную хронологическую истину.

Автору требуется открыть въ войнѣ источникъ всѣхъ благодѣяній, и онъ пелопеннезскую войну ставитъ *во главѣ* блестящей эпохи эллинской культуры, между тѣмъ какъ именно эта война и положила предѣлъ свободному культурному развитію Эллады.

Вѣкъ Перикла именуется *воинственнымъ*. Также эксплуатируется и греческая литература и философія съ цѣлью доказать—*la reversibilité des douleurs de l'innocence au profit des coupables*, т. е. расплату невинныхъ за преступниковъ.

Такова исторія Деместра.

Религія еще оригинальнѣе. Уже по основнымъ истинамъ можно догадаться, сколько *христіанства* въ чувствахъ и идеяхъ философа. Богъ Деместра—богъ безпощадной и неустанной мести, творецъ сплошной бойни, именуемой міровою гармоніей, церковь—синонимъ инквизиціи, священникъ — палачъ и фатальный кровоточитель, такъ какъ кровавая жертва—двигательный нравственный нервъ жизни.

Совершенно ясно, зачѣмъ понадобилось такое чудовищное сцѣпленіе мыслей и образовъ. Деместру требовалось во что бы то ни стало уничтожить философію предыдущей эпохи, построенную на вѣрѣ въ человѣческія силы, въ разумъ и чувство въ особенности и въ неуклонность историческаго прогресса.

Это философія личнаго и культурнаго оптимизма добрыхъ надеждъ и чисто юношеской самоувѣренности. Деместръ съ якобинской послѣдовательностью противоставилъ всему этому тьму и отчаяніе и собралъ въ своихъ сочиненіяхъ вовсе не завѣты стараго религіознаго и политическаго строя, а только то, что въ

средневѣковомъ католичествѣ было жестокаго и фанатическаго, въ французской монархіи—несправедливаго и деспотичнаго. Получился полюсъ, тѣмъ болѣе уродливый, что упражненія Деместра вдохновлялись общимъ настроеніемъ реставраціонной эпохи и личной судьбой эмигранта и благороднаго нищаго.

Мы не привели и тысячной доли всѣхъ перловъ изъ философіи и публицистики Деместра, но и нашихъ сообщеній вполнѣ достаточно, чтобы всякаго болѣе или менѣе искренняго и сознательнаго историка поставить втупикъ предъ реабилитаціей подобнаго мыслителя.

И между тѣмъ, она совершается.

Во имя чего-же?

Оказывается, Деместръ писалъ своей дочери очень нѣжныя письма, изнывалъ отъ тоски, когда его сынъ отправлялся на войну; кромѣ того, былъ остроуменъ въ обществѣ пріятелей и дружилъ даже съ людьми другого вѣроисповѣданія.

Все это вы прочтете въ началѣ лучшей французской работы о Деместрѣ, обширной статьѣ Фаге *(Politiques et moralistes du dix-neuvième siècle.* Paris 1891), и тоже самое повторяетъ Мишель Ревонъ. Даже цитаты у авторовъ однѣ и тѣ же. Трогательное единодушіе!

Но есть и еще мотивъ.

Деместръ очень высоко ставилъ культурную роль французской націи и усвоилъ ея *faculté maîtresse* писать хорошимъ стилемъ. И въ результатѣ—«будутъ любить Жозефа Деместра, ибо онъ любилъ Францію и украсилъ собою ея письменность».

Такъ Ревонъ заключаетъ свою книгу и все изложеніе ведетъ къ этому патріотически-эстетическому воззванію.

Отсюда курьезныя параллели между геніемъ Деместра и геніемъ французской націи: оба они единственные въ мірѣ способны подниматься на головокружительную высоту «свѣтлой мысли». Но особенно важенъ *стиль*: это божественнѣйшій изъ даровъ, по мнѣнію автора, французскій языкъ своей красотой даже утѣшаетъ скептиковъ, и кто находитъ эту красоту, тотъ обрѣтаетъ «въ земной жизни царственно-чудный идеалъ» (стр. 54). И авторъ по этому поводу не можетъ стерпѣть, не пригласить свою публику: «отдадимся всецѣло откровенному восхищенію»...

Надо отдать справедливость, восхищенный авторъ не признаетъ специфическихъ идей Деместра, посвящаетъ насъ въ кромѣшную тьму вѣры и разума своего героя, рѣшается даже на большее—признаетъ вѣру Деместра неискренней, политически-разсчитанной, а разумъ—софистическимъ, но опять припѣвъ: «красота, конечно, стоитъ истины» (стр. 50), и потомъ Деместръ ратуетъ противъ извѣстныхъ людей свободы и мысли, «ихъ принципа», а «сердце его ихъ любитъ!»

Хорошо сердце, допускающее подобную принципіальность!

Съ такой своеобразной психологіей можно дойти не только до апоѳеоза палача, но и самому не отказаться омыть руки въ чужой крови. Вѣдь и Робеспьеръ не переставалъ твердить о принципахъ и клясться въ своей чувствительности!

Впрочемъ, зачѣмъ Робеспьеръ!

Существуетъ двойникъ Деместра—его современникъ и единомышленникъ, самимъ Деместромъ признанный за такового, Бональдъ.

Въ немъ тоже Сентъ-Бэвъ открылъ бездну симпатичности и стилистическихъ удачныхъ оборотовъ, но это не мѣшало Бональду отправлять «преступниковъ къ ихъ естественному судьѣ», т.-е. въ XIX вѣкѣ возстановлять инквизицію за грѣхъ предъ его—бональдовой религіей!

Вотъ что значитъ писать хорошимъ стилемъ и быть любезнымъ джентльмэномъ!

Можетъ показаться забавнымъ такое сопоставленіе, но оно яркой нитью проходитъ по книгамъ и статьямъ французскихъ историковъ, не всѣхъ, конечно, но мы могли назвать два очень крупныхъ имени, могли-бы присоединить и еще нѣсколько.

Но дѣло не въ счетѣ, а въ возможности извѣстнаго направленія.

Возмущайтесь послѣ этого декадентской виньеткой—смѣющимся львомъ и символическимъ усыпленіемъ при помощи красоты всѣхъ нравственныхъ и духовныхъ способностей человѣка! Тотъ же процессъ распространяется и на науку, и на политику, и распространяется съ изумительной граціей и естественностью.

Вторая статья книги—отрицательная критика войны—ничего новаго и любопытнаго не представляетъ. Странно только одновременное приглашеніе «любить» Деместра, единственнаго въ европейской литературѣ адвоката не только войны, а просто кровопролитія, и отрицаніе этой самой войны... Со стороны стиля, впрочемъ, нѣтъ противорѣчій: онъ достаточно хорошъ въ обѣихъ статьяхъ, напрасно только переводчикъ *конвентъ* называетъ *конвенціей.*

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ И ЭТИКА.

Кантъ. «Критика практическаго разума». — *А. И. Смирновъ.* «Публичныя лекціи по философіи науки».—*Вундтъ.* «Очеркъ психологіи». — *Фаулеръ* «Прогрессивная нравственность».

Кантъ. Критика практическаго разума. Переводъ Н. М. Соколова. Спб. 1897 г. Это сочиненіе Канта представляетъ собою одно изъ величайшихъ произведеній человѣческаго ума, сохраняющихъ интересъ и для нашего времени. Хотя Кантъ жилъ и писалъ въ XVIII в., но философія его принадлежитъ всецѣло XIX в.; она и въ настоящее время насчитываетъ чрезвычайно много послѣдователей какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ (напр., въ Англіи, Франціи). Отъ Канта исходятъ самыя разнородныя философскія направленія. Онъ оказалъ могущественное вліяніе какъ на идеализмъ первой половины XIX-го вѣка, такъ и на позитивизмъ послѣдней четверти его. Нѣмецкіе позитивисты (напр. Либманъ,

Риль Когенъ) приглашали вернуться къ Канту для выработки истинной философіи, которую они, впрочемъ, отожествляли съ теоріей познанія. Важнѣйшими сочиненіями Канта слѣдуетъ считать: «Критику чистаго разума» и «Критику практическаго разума». Вторая книга содержитъ изложеніе его нравственной теоріи. Для пониманія нравственной теоріи Канта необходимо быть знакомымъ съ его «Критикой чистаго разума», такъ какъ обѣ «Критики» находятся въ тѣснѣйшей связи другъ съ другомъ. Ознакомленіе съ «Критикой чистаго разума» даетъ возможность понять значеніе такихъ словъ, какъ законъ, всеобщность, необходимость, форма и содержаніе, которыя употребляются съ своеобразнымъ значеніемъ и въ его моральной философіи. Въ «Критикѣ чистаго разума» онъ находитъ, что «законъ» обладаетъ всеобщностью и необходимостью и теоретическій разумъ является источникомъ его. Точно такимъ же образомъ и практическій разумъ (что собственно есть воля) даетъ самъ себѣ законъ, который обладаетъ формальнымъ характеромъ и не имѣетъ никакого конкретнаго содержанія. Этотъ законъ (нравственный) формулируется слѣдующемъ образомъ: «поступай по такому принципу, о которомъ ты могъ бы желать, чтобы онъ сдѣлался всеобщимъ закономъ». Этотъ законъ называется также *категорическимъ императивомъ*. Конечная цѣль жизни, по Канту, состоитъ въ выработкѣ *доброй воли*, т.-е. воли, дѣйствующей нравственно. По мнѣнію Канта, удовольствіе и счастіе не могутъ составлять цѣли жизни потому, что эмпирическимъ путемъ нельзя опредѣлить, какіе виды счастья могутъ быть общеобязательными. По Канту можно дѣйствовать согласно съ нравственнымъ закономъ или съ *долгомъ*, имѣя въ виду какую-либо пользу или удовлетвореніе какихъ-либо склонностей, но это будетъ дѣйствіе только лишь *законное*, а истинно же *нравственное* дѣйствіе будетъ такое, которое мы совершаемъ противно склонности изъ сознанія долга, или какъ Кантъ выражается изъ уваженія къ нравственному закону.

Нравственный законъ, будучи чисто формальнаго характера, вытекаетъ изъ разума, не содержитъ въ себѣ ничего эмпирическаго. Изъ такого происхожденія нравственнаго закона Кантъ выводитъ идею свободы, безсмертія и божества. Такъ какъ нравственный законъ имѣетъ своимъ источникомъ разумъ и не подчиняется всеобщей причинности, то мы можемъ сказать, что практическій разумъ или воля свободна; но такъ какъ въ опытѣ или въ мірѣ чувственность свободы быть не можетъ, ибо въ немъ все подчинено необходимости, то Кантъ считаетъ нужнымъ признать реальность сверхчувственнаго міра. Далѣе онъ полагаетъ, что высшее благо есть соединеніе совершенной добродѣтели и совершеннаго счастья, но такъ какъ для достиженія этого послѣдняго необходима соразмѣрность настроенія съ нравственнымъ закономъ, то нужно допустить безконечное усовершенствованіе, чтобы быть въ состояніи приблизиться къ идеалу святости, а это значитъ слѣдуетъ допустить безсмертіе. Но для того, чтобы могло быть правильное соотношеніе между добродѣтелью и счастьемъ, мы должны допустить существованіе моральнаго мірового порядка,

т.-е. признать существо совершенное и справедливое, распредѣляющее счастье соразмѣрно съ добродѣтелью, т.-е. божество. Такимъ образомъ Кантъ изъ признанія существованія нравственнаго закона приходитъ къ признанію свободы, сверхчувственнаго міра, безсмертія, божества, именно тѣхъ понятій, познаніе которыхъ онъ считалъ недостижимымъ для теоретическаго разума, такъ какъ въ «Критикѣ чистаго разума» онъ прямо указалъ на то, что человѣческое познаніе ограничено опытомъ. Многіе видѣли противорѣчіе между «Критикой чистаго разума» и «Критикой практическаго разума», но нужно не забывать, что въ «Критикѣ практическаго разума» Кантъ такія идеи, какъ свобода, безсмертіе и божество, не считаетъ *познаваемыми* теоретическимъ разумомъ, а считаетъ ихъ предметомъ *вѣры*, они не суть предметы знанія, а необходимаго убѣжденія.

Нѣкоторые изъ послѣдователей Канта признавали его критику чистаго разума и отвергали критику практическаго, но большинство находитъ, что критика практическаго разума составляетъ необходимое продолженіе критики чистаго разума и что его требованія вѣры, какъ необходимаго элемента философскаго міросозерцанія, имѣетъ весьма важное значеніе и признавалось очень авторитетными писателями въ теченіе всего XIX столѣтія вплоть до нашихъ дней. Въ числѣ писателей, признававшихъ эту мысль, нужно указать на Ф. А. Ланге, Паульсена и Вундта.

По поводу появленія перевода «Критики практическаго разума» на русскомъ языкѣ слѣдуетъ замѣтить, что напрасно малоопытный въ философіи читатель приступилъ бы прямо къ изученію критики практическаго разума. Эта книга останется для него совершенно недоступной, если онъ не подготовится къ ней изученіемъ пояснительныхъ сочиненій и въ этомъ отношеніи можно рекомендовать главнымъ образомъ книгу Виндельбанда: «Философія Канта», переводъ Платоновой. Спб. 1895 г., какъ представляющую наилучшее по правильности и доступности изложеніе философіи Канта.

Что касается перевода г. Соколова, то, по точности и вполнѣ ясной и строго литературной формѣ, онъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Трудность оригинала встрѣтила въ переводчикѣ рѣдкое сочетаніе—глубину пониманія и полное умѣніе овладѣть языкомъ такого строго-логическаго мыслителя, какъ Кантъ.

Профессоръ А. И. Смирновъ, членъ физико-математическаго общества въ Казани. Публичныя лекціи по философіи наукъ. Основныя понятія и методы наукъ физико-математическихъ. Казань. 1896. 164 стр. Въ Казани весною 1895 года членами физико-математическаго общества былъ прочтенъ рядъ курсовъ по наукамъ физико-математическаго цикла, предназначенныхъ для широкой публики и пользовавшихся большимъ успѣхомъ. Настоящая книга и есть воспроизведеніе одного изъ такихъ курсовъ, а именно курса проф. А. И. Смирнова о психологическихъ основахъ и (философскихъ) границахъ физико-математическаго знанія. Проф. А. И. Смирновъ, авторъ превосходныхъ сочиненій «Исторія англійской этики» и «Философія Беркли», не только серьезный и проницательный

*

ученый, но и талантливый популяризаторъ, и настоящая его книга, которую онъ посвящаетъ «всѣмъ молодымъ людямъ, интересующимся философіей и стремящимся къ знанію, философски обоснованному», представляетъ собою дѣйствительно доступное и хорошо обработанное элементарное изложеніе нѣкоторыхъ вопросовъ по философіи наукъ. Въ такого рода популярныхъ руководствахъ у насъ ощущается сильная потребность; пробудившаяся въ широкихъ общественныхъ кругахъ потребность въ знаніи, невозможность отдавать этой задачѣ очень большое количество времени и силъ, занятыхъ уже ежедневной обязательной работой, вызываютъ спросъ не столько на объемистыя научныя сочиненія, сколько на доступныя, популярныя руководства, на общіе обзоры болѣе или менѣе крупныхъ отдѣловъ науки съ общихъ философскихъ точекъ зрѣнія. По своимъ теоретико-познавательнымъ взглядамъ проф. А. И. Смирновъ занимаетъ среднее, примирительное положеніе между эмпириками и апріористами въ духѣ Канта, какъ онъ самъ заявляетъ въ предисловіи. Точно такъ же и въ отношеніи къ метафизикѣ проф. Смирновъ,—при всемъ своемъ сочувствіи къ научному анализу, при всемъ своемъ убѣжденіи въ его необходимости,—очень мягокъ, пожалуй, слишкомъ мягокъ. Никакъ не слѣдуетъ забывать того, что, хотя проблемы метафизики (или, какъ ее очень удачно называетъ, напр., проф. М. М. Троицкій, «гипотетической философіи») дѣйствительно жизненны и живучи, хотя мы, даже воюя со всякой метафизикой, непремѣнно имѣемъ все же какіе-нибудь взгляды на то, что научному знанію недоступно, на субстратъ, причину и ходъ мірового процесса,—то, что обычно называютъ «метафизикой», имѣетъ свои дурныя стороны. Подъ «вредной» метафизикой разумѣютъ обыкновенно стремленіе остановиться на полпути въ научномъ изслѣдованіи, претензію гипотетическихъ точекъ зрѣнія, имѣющихъ смыслъ только какъ завершеніе научнаго знанія, вернуться съ этой высоты обратно въ область науки и перестраивать тамъ по своему произволу то, что основывается на наблюденіи и опытѣ, то, что можетъ подлежать лишь дополненію, но никакъ не уничтоженію или измѣненію. Само собой разумѣется, что такой «метафизикъ» надѣлитъ свой «принципъ», свою «сущность» и т. п. свойствами, основанными въ значительной степени не на научныхъ данныхъ, а на вымыслахъ собственнаго воображенія, и можно себѣ представить, какой видъ получаетъ наука послѣ того, какъ она побываетъ въ такой ваннѣ. Словомъ, вредъ метафизики не въ томъ, что она занимается такими-то и такими-то предметами, а въ томъ, что она часто занимается ими неправильно: не соблюдаетъ необходимыхъ требованій логической доказательности, не опредѣляетъ точно своихъ терминовъ, не отдѣляетъ строго достовѣрнаго отъ вѣроятнаго и возможнаго, довольствуется словомъ вмѣсто вполнѣ раздѣльнаго понятія, вообще допускаетъ значительныя небрежности въ методѣ и пріемахъ своей работы. А этого одобрить, конечно, никакъ нельзя.

Въ первой главѣ авторъ говоритъ о «психологическихъ основаніяхъ философіи наукъ» и даетъ здѣсь краткія понятія о важнѣйшихъ познавательныхъ процессахъ. Вторая глава посвящена

общему очерку прогресса наукъ и ихъ классификаціи. Двѣ слѣдующія главы говорятъ объ основныхъ понятіяхъ, задачѣ и методѣ наукъ математическихъ и физическихъ. Наконецъ, предметомъ двухъ послѣднихъ главъ являются философскіе вопросы о «матеріи и силѣ, какъ основныхъ понятіяхъ физическихъ наукъ», и о «границахъ физико-математическаго знанія». Надо пожелать, чтобы авторъ не остановился на популярномъ изложеніи философіи однѣхъ математическихъ и физическихъ наукахъ, а обработалъ бы такимъ же образомъ и науки біологическія и психологическія. Сочиненіе Лаланда «Этюды по философіи наукъ», на которое ссылается авторъ, какъ на образецъ принятаго имъ распредѣленія матеріала по рубрикамъ и какъ на полезное дополненіе къ его курсу, охватываетъ и эти послѣдніе отдѣлы наукъ, и какъ разъ въ нихъ именно онъ страдаетъ случайностью подбора матеріала, отрывочностью и значительной неясностью общихъ точекъ зрѣнія; а потому хорошее изложеніе этого отдѣла «философіи наукъ» было бы особенно полезно для русской публики.

Вундтъ. Очеркъ психологіи. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества. Москва, 1897 г. Объ этой книгѣ мы уже имѣли случай говорить въ № 2 «Міра Божьяго». Намъ остается только указать, что изданіе Московскаго Психологическаго Общества подъ редакціей проф. Н. Я. Грота выполнено безукоризненно хорошо, и въ этомъ отношеніи имѣетъ значительныя преимущества передъ изданіемъ Павленкова. Кромѣ того, къ книгѣ приложена статья проф. Н. Я. Грота «Основанія экспериментальной психологіи», которая въ доступной формѣ знакомитъ читателя съ ролью эксперимента въ современной психологіи.

Фаулеръ. Прогрессивная нравственность. Опытъ этики. Переводъ А. Погодина подъ редакціей Вл. Соловьева. Спб. 1896 г. Фаулеръ, профессоръ логики въ оксфордскомъ университетѣ, извѣстный своими трудами по логикѣ и комментаріями къ соч. Бэкона и Локка, даетъ въ этомъ сочиненіи краткое изложеніе системы этики. Вообще по своему направленію Фаулеръ считается принадлежащимъ къ утилитаристическому, т. е. къ тому направленію, которое считаетъ цѣлью жизни счастье,—но занимаетъ въ этомъ вопросѣ совершенно особенное положеніе. Онъ не соглашается съ тѣмъ, что удовольствіе или счастье можетъ считаться критеріемъ поведенія. Онъ не соглашается и съ тѣмъ ученіемъ, которое считаетъ такимъ критеріемъ совершенствованіе характера. По его мнѣнію, *благополучіе*—вотъ самый лучшій критерій поведенія. «Мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—что этотъ терминъ (т. е. благополучіе) не имѣетъ въ виду исключительно матеріальной удачи, какъ счастье или удовлетвореніе низшихъ сторонъ нашей природы, какъ удовольствіе или исключительное развитіе высшихъ сторонъ ея, какъ совершенствованіе; терминъ благополучія охватываетъ собою всю область здоровой человѣческой дѣятельности и условія ей благопріятныя. Наконецъ, въ немъ, повидимому, менѣе личныхъ и болѣе общественныхъ отношеній, чѣмъ въ какомъ-нибудь изъ другихъ употребительныхъ терминовъ». «Мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—что гораздо естественнѣе говорить о благо-

состояніи или благополучіи общества, нежели о счастіи, удовольствіи или совершенствованіи». По нашему мнѣнію такое формулированіе цѣли жизни ставитъ Фаулера внѣ предѣловъ обычно понимаемаго утилитаризма.

Въ книжкѣ Фаулера особенно хорошо разработанъ вопросъ о такъ называемомъ нравственномъ чувствѣ или совѣсти. Это чувство занимаетъ совершенно особенное мѣсто въ ряду другихъ чувствъ: оно характеризуется признаками, отличающими его отъ всѣхъ другихъ чувствъ, именно его непосредственность и повелительность ставили психологовъ въ очень затруднительное положеніе, когда имъ приходилось указывать генезисъ этого чувства. Въ книжкѣ Фаулера читатель находитъ тщательный анализъ его. По мнѣнію Фаулера, мгновенный и, повидимому, инстинктивный повелительный и рѣшительный характеръ нравственнаго одобренія или неодобренія (что собственно и есть совѣсть или нравственное чувство) относится къ «эмоціональной, а не познавательной части этого процесса», между тѣмъ прежніе психологи искали этотъ признакъ въ процессѣ сужденія, слѣд. элементѣ познавательномъ.

Въ главѣ V трактуется о «практическомъ приложеніи нравственнаго критерія», гдѣ разбираются нѣкоторые этическіе вопросы, имѣющіе чисто практическій характеръ. Можно не соглашаться съ авторомъ въ рѣшеніи нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ, но, тѣмъ не менѣе, глава эта очень интересна, такъ какъ заставляетъ читателя подвергнуть пересмотру нѣкоторые вопросы жизни, въ которыхъ мы часто не отдаемъ себѣ яснаго отчета, такъ какъ въ жизни руководствуемся правилами общепринятой морали, часто весьма противорѣчивыми.

Книжка въ изданіи Павленкова переведена въ общемъ удовлетворительно, но, къ сажѣлѣнію, въ главѣ 2-й вмѣсто *совѣсть*, стоитъ *сознаніе*, что можетъ помѣшать читателю ясно понимать, о чемъ идетъ рѣчь. Вѣроятно, это произошло вслѣдствіе смѣшенія двухъ англійскихъ словъ (conscience и consciousness).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го мая по 15-е іюня 1897 года.

В. Н. Тенишевъ. Дѣятельность человѣка. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

В. А. Мошковъ. Скифы и ихъ соплеменники фракійцы. Этногр. этюдъ. Варшава. 1896 г. Ц. 50 к.

І. Ф. Кнаппъ. Виды организіи труда въ сельской промышленности. Москва. 1897 г. Ц. 50 к.

И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Люди темные. Очерки и разсказы изъ народнаго быта. Изданіе 2 е, Сойкина. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

С. Г. Фругъ. Стихотворенія. Т. I. Изд. 3-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Д-ръ А. Н. Шабанова. О поданіи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Н. В. Рейнгардтъ. Неэвклидова геометрія и позитивизмъ.

А. Н. Емельяновъ-Коханскій. Для дорожнаго чтенія. Месть и друг. Спб. 1897 г. Ц. 30 к. Сумерки вѣка. Дневникъ психопатки. Записки мертваго человѣка. Москва. 1897 г. Ц. 25 к. Клеопатра. Вскрытіе. Москва 1897 г. Ц. 1 р.

Н. Аметистова. Средство противъ переутомленія, или какъ надо работать, чтобы вмѣсто переутомленія получить жизнерадостность. Харьковъ. 1897 г. Ц. 5 к.

Фр. Нансенъ. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи. Вып. I, перев. А. А. Крубера подъ ред. Анучина. Прилож. къ журналу «Землевѣдѣніе».

Л. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Т. IV. Перев. М. В. Лучицкой, подъ ред. И. В. Лучицкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Ц. 4 р. Москва. 1897 г.

Г. Фр. Кольбъ. Исторія человѣческой культуры, съ очеркомъ формъ государственнаго правленія, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Перев. съ 3 изд. подъ ред. А. А. Рейгольдта. Вып. IV. Подписная цѣна за 8 вып. 2 р. 50 к. Изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1897 г.

Т. Рибо. Психологія чувствъ. Въ двухъ частяхъ. Изданіе Іогансона. Кіевъ. 1897 г.

Алексѣй Токвиль. О демократіи въ Америкѣ. Перев. Съ 14 франц. изданія. В. Н. Линдъ. Москва. 1897 г. Изд. магазина «Книжное дѣло». Ц. 2 р. 50 к.

И. Тейлоръ. Происхожденіе арійцевъ и доисторическій человѣкъ. Съ 30 рис. въ текстѣ. Москва. Изданіе магазина «Книжное дѣло». 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Альфредъ Майльсъ. Естественная исторія въ разсказахъ, живописующихъ природу, нравы и обычаи животныхъ. Пер. съ англ. Марка Басанина. Изд. Сойкина «Полезная библіотека. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Жанъ Лурбэ. Женщина предъ судомъ современной науки. Перев. съ франц. Изданіе Ф. Іогансона «Всеобщая библіотека. Кіевъ. 1897 г. Ц. 30 к.

Т. Рибо. Психологія вниманія. Перев. съ франц. 3-е изд. Кіевъ. 1897 г. Іогансонъ «Всеобщая библіотека». Ц. 30 к.

Э. Нассе и В. Лексисъ. Металлическія деньги и валюта. Научно-популярная библіотека «Русской Мысли». Москва. 1897 г. Ц. 60 к.

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Вып. 20 и 21.

Г. Бунге. О вредѣ пьянства. Спб. 1897 г. Перев. съ нѣм. Изд. Т-ва Кяхтинск. чаеторговцевъ «Цзинь-Лунь».

Л. Гейгеръ. Значеніе языка въ исторіи развитія человѣчества. Перев. съ нѣм. Л. С. Зака. Изд. Высочайше утвержд. «Южно-русск. Общества печатн. дѣла. Одесса. 1897 г. Ц. 15 к.

Луи Бланъ. О разводѣ. «Новая библіотека». Одесса. 1897 г. Ц. 15 к.

Р. М. Шаргородскій. Разъясненіе изслѣдованія неопредѣленности вида $x = \frac{0}{0}$. Кишиневъ 1897 г. Ц. 50 к.

Н. Пружанскій. Отверженный. Спб. 1897 г. Изданіе книгопродавца Наумова. Ц. 1 р.

Путеводитель. Поѣздка въ Новгородъ Великій. Сост. Д. И. Рихтеръ и В. В. Розинъ. Изд. Общества содѣйствія физич. развитію. Спб. 1897 г. Ц. 15 к.

Отчетъ Лохвицкаго Общества сельскихъ хозяевъ за 1895—1896 гг.

Отчетъ Совѣта Общества попеченія о нач. образованіи въ г. Семипалатинскѣ за 1896 г.

Каталогъ розъ. Садоводство княгини Урусовой «Верхово», ст. Боровенки. Ник. ж. д. 1897 г. Спб.

Уставъ Лохвицкаго кредитнаго товарищества.

Отчетъ дирекціи Херсонской общественной библіотеки за 1896 г.

Руководство къ устройству и веденію публичныхъ народныхъ чтеній. Сост. Харьк. Комм. по устройству народныхъ чтеній. Ц. 50 к. Харьковъ. 1897 г.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Сумерки девятнадцатаго вѣка.

По поводу книги: *René Doumic «Les jeunes» Etudes et portrais. Paris 1896.*

I.

Les jeunes—это писатели послѣдняго десятилѣтія, самое юное молодое литературное поколѣніе. Молодежь во всѣ времена сохраняетъ нѣкоторыя типичныя, только ей свойственныя черты. Мы говоримъ, конечно, о дѣйствительно *молодой* молодежи, т. е. не страдающей чуть ли не съ первой минуты сознанія блѣдной немочью нравственной жизни и соотвѣтственно повышенными физіологическими аппетитами.

Она въ силу естественнаго закона ищетъ *своего*, новыхъ путей, по какимъ не шло предыдущее поколѣніе, и не только ищетъ, но весьма часто притязаетъ на несомнѣнное открытіе этихъ путей. Молодежь любопытна, безпокойна и притязательна. Можетъ быть, эти свойства иногда влекутъ къ нецѣлесообразнымъ и даже неразумнымъ увлеченіямъ, но только они и свидѣтельствуютъ о духовномъ бытіи новаго поколѣнія, раздѣляютъ *отцовъ* и *дѣтей* на двѣ различныхъ семьи. Печально, если раздѣленіе переходитъ во взаимное непониманіе и вражду, но оно должно быть, и нѣтъ болѣе зловѣщаго признака для какого бы то ни было общества, чѣмъ полное духовное единеніе двухъ другъ за другомъ слѣдующихъ поколѣній.

Значитъ, жизнь обомлѣла, обмелѣли высшіе источники силъ человѣка и угасъ священный огонь, единственный могучій источникъ превосходства человѣка надъ всей вселенной, будь это даже необъятныя солнца и какія угодно грозныя стихіи. Нѣмецкій поэтъ въ двухъ словахъ выразилъ эту истину:

Міръ божій то свянетъ, то вновь разцвѣтетъ—
А смертный все ищетъ, все лучшаго ждетъ...

Поиски и надежда—это человѣку; стихійные, безсознательно-необходимые процессы—всему остальному, и горе, если человѣкъ перестаетъ воплощать въ себѣ контрастъ этому остальному!..

Въ наше время, какъ бы на него заслуженно ни сѣтовали, далеко отъ такой перспективы. Совершенно напротивъ.

Врядъ ли какая другая эпоха порождала столько душевныхъ безпокойствъ, столько искреннихъ безъисходныхъ томленій ума, такихъ жгучихъ и въ то же время длящихся страданій сердца. Въ старыя времена много волновались изъ-за идей, приносили имъ

великія жертвы, но не было столько именно боли и тоски, подавленныхъ, часто незамѣтныхъ мукъ возмущеннаго и неудовлетвореннаго духа.

Возьмите типичнаго человѣка какой угодно самой сильной эпохи, хотя бы реформаціи или XVIII-го вѣка, и подъищите ему пару изъ современнаго поколѣнія—пару, конечно, по талантливости и умственному развитію... Эффектнѣе трудно и выдумать картину!

Если раньше философа или поэта преслѣдовало разочарованіе, вообще «міровое зло», онъ немедленно повѣдовалъ объ этомъ своимъ современникамъ и потомству, онъ *кричалъ отъ боли*. А это значитъ заглушать и ослаблять боль, можно даже совсѣмъ ее прекратить, если крикъ будетъ оцѣненъ, встрѣченъ сочувственно и даже восторженно.

Умѣть *интересно* говорить о своихъ страданіяхъ и *пріобщать* къ нимъ другихъ, почти то же самое, что переставать страдать.

И насъ нисколько не изумляетъ, когда мы въ личной жизни самыхъ, повидимому, мрачныхъ и безнадежныхъ пѣвцовъ находимъ богатѣйшій матеріалъ для всѣхъ жанровъ *счастливой* поэзіи: романовъ, идиллій, сонетовъ и еще болѣе легкомысленныхъ шалостей вдохновенія.

Руссо, несомнѣнно, пессимистъ и мизантропъ, но посмотрите, какой онъ живописецъ любовныхъ радостей, именно *радостей*, и поэзіи любви! Трудно послѣ такого *прочувствованнаго* искусства вѣрить въ ненавистничество автора къ женщинамъ и въ органическое отвращеніе къ жизни.

Руссо, говорятъ, кончилъ самоубійствомъ. Даже если бы фактъ былъ и вполнѣ достовѣренъ, онъ только свидѣтельствовалъ бы о болѣзненномъ *состояніи*, а о не больномъ *существованіи*.

Гете, напримѣръ, несомнѣнно, мечталъ одно время о самоубійствѣ, Шатобріанъ даже покушался на самоубійство, и не однажды, если вѣрить его исторіямъ, Байронъ будто всю жизнь трепеталъ отъ нестерпимаго презрѣнія къ «людскому стаду», но... Громадное *но:* вы сами можете его распространить чуть не до безконечности.

Донъ-Жуанъ, припомните вы,—*автобіографія*, *маріенбадская элегія* — плодъ *семидесятичетырехлѣтняго* любовнаго вдохновенія Гете, и какого вдохновенія!

Былой авторъ *Вертера*, сочинившій столько блестящихъ жизнененавистническихъ монологовъ для Фауста, не спитъ по ночамъ, разыгрываетъ предъ своимъ «предметомъ» рыцаря печальнаго образа и вообще даетъ изумительный спектакль на тэму влюбленнаго сѣдовласаго «олимпійца»... О третьемъ «пессимистѣ» нечего и говорить. Здѣсь непослѣдовательность прямо перешла въ карикатуру и пошлость, и вопли демонической тоски оказались просто призывными криками женолюбца.

Да, много было и любви, и вѣры у старыхъ гамлетовъ и фаустовъ. Ихъ пессимизмъ—*настроеніе*, а подлинное *чувство*—страстная, трепетно-нетерпѣливая жажда жизни и ея радостей.

А теперь?

Возьмите самое мрачное произведеніе того же Байрона, хотя

бы *Манфреда* и сравните его, положимъ, съ признаніями Мопасана, разсѣянными будто случайно, среди романическихъ эпизодовъ и головокружительныхъ капризовъ изумительной поэтической фантазіи, вы подумаете: ужъ не дали ли маху историки литературы, разславляя такъ называемый «байронизмъ», какъ мотивъ нарочито мрачный и фатальный.

Что же это за мракъ, если въ самый разгаръ отчаянія и презрѣнія великолѣпный графъ вспоминаетъ о *ней*, какъ высшемъ моментѣ своей жизни, и до такой степени много твердитъ о своемъ исключительномъ величіи и недосягаемыхъ преимуществахъ надъ людьми, что мы, наконецъ, перестаемъ вѣрить его отчаянію. Мы знаемъ, сколько даже и невеликимъ смертнымъ приноситъ утѣшенія и даже счастья вѣра въ свою исключительность! Именно до этой вѣры чаще всего живется *тепло* всѣмъ, начиная съ Александровъ Македонскихъ и кончая Геростратами.

Нѣтъ, не серьезно все это, и герой не столько страдаетъ, сколько страдальчествуетъ, т. е. выполняетъ извѣстное emploi. Этимъ объясняется, почему у него такая свита подражателей и соревнователей, часто до такой степени удачливыхъ, что копію трудно отличить отъ подлинника.

Но попробуйте передразнить Манфреда нашего времени!

Онъ больше не громитъ толпы, не бродитъ по заоблачнымъ вершинамъ горъ, не бросается въ пучины сердитыхъ потоковъ, не слѣдитъ за блескомъ молній, не любуется по цѣлымъ ночамъ на звѣзды, и ужъ, конечно, не занимается магіей, ни бѣлой, ни черной. Все это можетъ быть прекраснымъ развлеченіемъ, но для современнаго Манфреда все это—невыносимые пустяки и безпросвѣтная скука. Байроновскій герой просто ребенокъ передъ нимъ по своей душевной свѣжести и умственной наивности.

Мопассанъ кончилъ сумасшествіемъ. Такой конецъ подготовлялся всю жизнь. Протекала она въ центрахъ всевозможныхъ современныхъ наслажденій, въ Парижѣ, на модныхъ курортахъ, преисполненная побѣдъ надъ женщинами, шумной славы, особой исключительной славы. Мопассана *любили* читатели и особенно читательницы, не только какъ писателя. У нихъ этотъ «шалунъ» былъ *enfant gâté*, что-то для всѣхъ одинаково близкое и дорогое.

И что же? Оказалось, «шалунъ» все время претерпѣвалъ безконечную нравственную агонію.

Среди толпы друзей, подругъ и почитателей онъ твердилъ въ холодномъ отчаяніи: *Никто не понимаетъ никого*, и тщательно закрывалъ отъ всѣхъ свою личную жизнь. Никто и почти ничего не зналъ объ интимной сторонѣ этого на видъ блестящаго и побѣдоноснаго существованія, пока, наконецъ, неизлѣчимое безуміе не разразилось надъ несчастнымъ, хотя и великимъ талантомъ.

И посмотрите, какое завѣщаніе оставилъ сынъ *нашего* вѣка. Замѣтьте, онъ вовсе не «уединенный мечтатель», изрекающій страшныя слова для собственнаго удовольствія. Онъ едва ли не популярнѣйшій авторъ «конца вѣка». Это значитъ — его устами говорятъ тысячи и сотни тысячъ обыновенныхъ людей, захваченныхъ духомъ времени и нашедшихъ свой органъ въ первостепенномъ талантѣ своего поколѣнія.

Вы сейчасъ услышите, можетъ быть, давно знакомые вамъ отголоски. По части общихъ нравственныхъ идей подъ солнцемъ дѣйствительно ничего нѣтъ новаго. Но разница,—когда и какая истина является не достояніемъ избранныхъ умовъ, а символомъ вѣры вообще умныхъ людей, когда она не теорія, а такъ сказать дыханіе окружающаго воздуха.

Въ глазахъ Мопассана мысль — бѣдствіе человѣческаго рода. Нѣчто подобное декламировалъ и Руссо, но декламація не помѣшала ему именно мыслью пользоваться для уничтоженія мысли и даже представить свой планъ воспитанія настоящихъ мыслящихъ существъ. То же, слѣдовательно, исторія разочарованныхъ человоненавистниковъ, ежеминутно готовыхъ сорвать цвѣтокъ даже давно знакомаго наслажденія!

Мопассанъ — послѣдователенъ. Онъ не грезитъ сказкой объ естественномъ состояніи: это вѣдь тоже продуктъ мысли, да еще какой тенденціозной! Онъ просто перечисляетъ бѣдствія, созданныя на землѣ человѣческимъ умомъ.

Правда, вся исторія этого ума напоминаетъ Мопассану просто лошадь въ циркѣ или муху въ закупоренной бутылкѣ. Идея прогресса совершенная нелѣпость. Наука не разрѣшила и никогда не разрѣшитъ именно тѣхъ вопросовъ, безъ какихъ человѣку съ сознаніемъ прямо дышать невозможно.

Но даже и безплодное метаніе въ пространствѣ создало не мало зла. Законы освящаютъ дикіе обычаи и преступные предразсудки, цивилизація только совершенствуетъ войну, а искусство задыхается въ банальностяхъ, по существу скучныхъ и печальныхъ.

И писателю доставляетъ какое-то болѣзненное удовольствіе бередить свои человѣческія раны. Сколько потрачено таланта и остроумія, чтобы обнаружить змѣю въ самыхъ, повидимому, дѣвственныхъ и роскошныхъ цвѣтахъ! Произведенія Мопассана—это сплошная Мефистофеліада; только гетевскій Мефистофель здѣсь показался бы безконечно жалкимъ простачкомъ.

Ему невѣдомо одно поистинѣ инквизиторское чувство, преслѣдовавшее Мопассана до могилы: это ужасъ смерти.

Въ сущности, это неотступный призракъ у каждаго человѣка, и каждый на свой манеръ отбивается отъ него. Чаще всего люди просто избѣгаютъ помышленій о немъ, поступаютъ съ самими собой, какъ съ тяжко больными, избѣгая говорить о роковомъ недугѣ, и живутъ, пока живется, ничуть не сознательнѣе падающаго съ высоты камня.

Мопассанъ не даромъ такъ негодовалъ на мысль: слишкомъ у него сильна и неугомонна была эта мысль. Съ пятнадцати лѣтъ, по его словамъ, онъ чувствовалъ приближеніе смерти, съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждымъ днемъ онъ опускался, будто домъ, готовый обрушиться. Каждый шагъ, каждый вздоръ все осязательнѣе приближали его къ чудовищу...

Съ пятнадцати лѣтъ жить будто наканунѣ смертной казни!

А иногда Мопассану казалось, будто смерть подходила къ нему совсѣмъ близко и ему хотѣлось протянуть руки—оттолкнуть ее...

Не думайте, что это настроеніе патологично. Побѣда надъ смертью—серьезнѣйшая задача именно идеально здороваго человѣка, здороваго нравственно, богатаго силами духа.

Борьба неизбѣжна при развитомъ сознаніи, а побѣда возможна только при твердой вѣрѣ въ какую-нибудь прочную основу не только личной, но и общечеловѣческой жизни.

Именно поэтому человѣчество всегда и вездѣ стремилось къ такъ называемымъ идеаламъ, какому-нибудь общепризнанному смыслу существованія. И чѣмъ шире растетъ цивилизація, тѣмъ настоятельнѣе потребность этого смысла. Античнаго грека, напримѣръ, нельзя и сравнивать даже съ средневѣковымъ человѣкомъ по глубинѣ душевной тоски, по неутолимой жаждѣ всеобъединяющаго нравственнаго принципа.

Пусть эта тоска найдетъ удовлетвореніе въ самыхъ странныхъ на современный взглядъ представленіяхъ, но суевѣріе среднихъ вѣковъ, по своей сущности, неизмѣримо болѣе духовное и идейное явленіе, чѣмъ самый поэтическій мозгъ Гомера. Пока идея до послѣдней степени груба и жестока, но она *мысль*, а не *образъ* разыгравшагося беззаботнаго воображенія. Переходъ отъ нея къ высшимъ идеаламъ, ея собственное очищеніе и совершенствованіе, а не замѣна одной способности человѣка другою — поэтическаго творчества философскимъ разумомъ.

И напрасенъ страхъ за идеалы, столь распространенный въ наше время. Они вѣчны, какъ сама жизнь, пожалуй, даже болѣе жизненны, чѣмъ наука и искусство. Знаніе и поэзія все-таки роскошь и долго еще не станутъ предметами первой необходимости. А желаніе осмыслить жизнь столь же естественно и необходимо, какъ пользоваться жизнью.

Бывали времена, отнюдь не менѣе, если не болѣе равнодушныя къ этому осмысливанію, чѣмъ нашъ конецъ вѣка. Но это въ дѣйствительности обманъ нашего историческаго зрѣнія. Могли быть отдѣльныя личности, цѣлыя общества людей, порвавшія всякую связь съ идеалами, напримѣръ, аристократы возрожденія и XVIII-го вѣка. Но рядомъ съ ними жили и умирали именно за идеи многочисленные идеалисты, какъ разъ порожденные той же эпохой. Галилей шелъ въ тюрьму, Бруно на костеръ какъ разъ въ самый разгаръ возрожденнаго эпикурейства. А одновременно съ «оленьимъ паркомъ» французскаго короля и соотвѣтствующими увеселеніями его благородныхъ подданныхъ, вы знаете, что выростало на той же французской почвѣ и какіе люди готовили новый вѣкъ.

Такъ и въ наше время.

По поводу настроенія Мопассана, Думикъ пишетъ:

«Его печаль лишаетъ насъ всякой надежды и мечты, заставляетъ насъ сгибаться подъ бременемъ унизительнаго и суроваго рабства».

Это справедливо, *заставляетъ*,—многіе и сгибаются, но далеко не всѣ. Книга самого критика именно и свидѣтельствуетъ о неудачѣ мопассановской печали.

II.

Свидѣтельство, заранѣе можно предсказать, не особенно сильное и рѣшительное. Мопассанъ дѣйствительно даровитѣйшій представитель если не совсѣмъ молодого поколѣнія, то «послѣдней расы» французскихъ писателей, *écrivains d'aujourd'hui* — называетъ его Думикъ.

И его идеи общи многимъ, также очень популярнымъ сверстникамъ. Пьеръ Лоти не меньше его тоскуетъ по безпримѣснымъ инстинктамъ первобытнаго человѣка, онъ желалъ бы вернуться къ «чувствамъ допотопныхъ животныхъ южныхъ морей», его излюбленные герои—«естественные люди», онъ не знаетъ соперниковъ въ изображеніи дѣвственной дикой природы, и этимъ онъ стяжалъ себѣ громкое имя и проложилъ путь въ сонмъ безсмертныхъ.

Отзывъ о немъ нашего критика еще краснорѣчивѣе, чѣмъ о Мопассанѣ:

«Лоти чувствуетъ отвращеніе къ устарѣлой цивилизаціи, онъ усталъ жить и трепетать предъ смертью, вѣчно жаждетъ ощущеній, томится нескончаемою скукой, ему надоѣли всѣ люди, особенно онъ самъ себѣ; онъ стремится къ небытію. Подобно своимъ читателямъ, онъ пытается обольстить себя призракомъ простоты, иллюзіей наивности. Онъ—настоящій сынъ своего вѣка...»

Если таковы дѣти вѣка, въ комъ же искать энергіи жизни? Кто, не чувствуя ненависти къ современной цивилизаціи, взялъ на себя задачу быть ея продолжателемъ и усовершенствователемъ?

Вопросъ естественно прежде всего останавливается на писателѣ, такъ мѣтко опредѣлившемъ современный недугъ. Что такое самъ Думикъ и съ какимъ настроеніемъ онъ изрекаетъ такіе безнадежные приговоры идеаламъ даровитѣйшихъ художниковъ своей литературы?

Онъ проникъ въ страшную нравственную бездну, поглотившую Мопассана, онъ понимаетъ тайну экзотическихъ пристрастій Лоти, а самъ онъ знаетъ-ли другой исходъ современнымъ томленіямъ?

Критикъ очень недавно появился на литературной сценѣ, но успѣлъ сдѣлать блестящую карьеру. Въ настоящее время онъ обозрѣватель въ *Révue des deux Mondes*, т. е. у дверей французской академіи. И стучится онъ, повидимому, очень усердно: каждая новая книга посвящается то Брюнетьеру, вліятельнѣйшему аристарху нынѣшняго института, то пожизненному секретарю академіи—Гастону Буассье. Политика достаточно очевидная и ловкая.

И нѣтъ сомнѣнія, Думикъ будущій *безмертный*, коллега Лемэтра, съ кѣмъ онъ теперь конкуррируетъ «впечатлѣніями» и «causeries» пока только на книжномъ рынкѣ.

Французскій безсмертный!—это цѣлый типъ, и одинъ изъ самыхъ яркихъ. Мы не имѣемъ въ виду уничтожающей сатиры Додэ и ея ужъ очень печальныхъ жертвъ, а самыхъ солидныхъ и достойныхъ академиковъ.

Быть таковымъ значитъ обладать опредѣленнымъ символомъ вѣры — политическимъ и литературнымъ. Символъ нехитрый и заключается онъ, во-первыхъ, въ принципіальномъ отвращеніи

къ демократіи: это политика, а потомъ въ непоколебимой вѣрности классицизму,—Расину, Корнелю, Буало. Академикъ дѣйствительно своего рода *безсмертный*. Духовно онъ почти не измѣнился съ эпохи Людовика XIV: все также вожделѣетъ о меценатахъ и эстетическихъ урядникахъ, салонъ и піитика попрежнему роковые предѣлы его міросозерцанія, стиль и «хорошій вкусъ» гипнотизируетъ даже кандидатовъ въ академію не меньше, чѣмъ ихъ дореволюціонныхъ предшественниковъ. Кажется, всѣ мѣщанскіе инертно-консервативные инстинкты, какіе только имѣются у французской націи, особенно комфортабельно чувствуютъ себя подъ «священнымъ куполомъ».

И посмотрите на Думика! Онъ еще только готовится вступить подъ этотъ куполъ, а ужъ вполнѣ готовая копья того же Брюнетьера.

Ему приходится рисовать удручающія картины современнаго настроенія; но какое ему дѣло до этой современности! Она занимается какой-то «соціологіей», окончательно хоронитъ классицизмъ и древній, и спеціально-отечественный, она «утилитарна и позитивна, откровенно демократична и рѣшительно научна», вообще «просвѣщенное варварство»— *la barbarie eclairie*.

Если эта современность и преисполнена отчаяніемъ, такъ ей и подобаетъ. Зачѣмъ она утратила въ литературѣ «чувство формы», въ образованіи перестала интересоваться греческими, латинскими и даже французскими авторами. Современная молодежь очень интелигентна, но она очень не «артистична». Въ новой литературѣ много идей, но нѣтъ порядка, нѣтъ «рѣзко опредѣленнаго направленія», т. е. нѣтъ академическаго авторитета,—взывалъ еще раньше такой же цензоръ «просвѣщеннаго варварства»—Сентъ-Бёвъ.

Дѣйствительно ужасно! И не одинъ Думикъ мечетъ стрѣлы въ изнывающее недужное молодое поколѣніе.

Три года тому назадъ, другой уже настоящій академикъ, Гастонъ Пари выпустилъ брошюру о высшемъ историческомъ и филологическомъ преподаваніи во Франціи. Это сплошной вопль удрученнаго сердца, похоронныя причитанія своего рода *лишняго человѣка*, оставляемаго за флагомъ дерзкимъ и шумнымъ теченіемъ новой жизни.

Авторъ разсказываетъ, между прочимъ, такой трогательный эпизодъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ въ началѣ курса явился въ аудиторію и нашелъ въ ней двадцать слушателей. По обыкновенію, Пари сталъ разспрашивать ихъ, откуда они и гдѣ учились? Оказалось, предъ нимъ представители чуть ли не всѣхъ европейскихъ народовъ, даже американцы, и *ни одного француза!* Профессоръ до такой степени огорчился, что вышелъ изъ залы и задалъ себѣ вопросъ: стоитъ ли вообще читать лекціи по филологіи, разъ ими будутъ пользоваться только иностранцы.

«Но я, однако, оправился,—продолжалъ Пари,—началъ читать, и замѣтьте по предмету французской филологіи,—читать съ болью въ сердцѣ, которая уже не покидала меня. Съ тѣхъ поръ я до-

воленъ, если на моихъ лекціяхъ я вижу двухъ или трехъ соотечественниковъ среди иноземныхъ студентовъ».

По словамъ Пари, то же самое происходитъ вездѣ, гдѣ преподается чистая филологія *).

Какая же враждебная сила произвела такое опустошеніе въ умахъ и сердцахъ молодыхъ французовъ?

«Демократическій духъ», отвѣчаетъ академикъ. Этотъ духъ не благопріятствуетъ наукамъ, лишеннымъ практическаго примѣненія. Въ результатѣ, изъ лицеевъ, т.-е. гимназій, «греческій языкъ почти исчезъ», «на латинскій жестоко нападаютъ и онъ почти утратилъ почву». Соотвѣтственно, конечно, упалъ и французскій классицизмъ.

Вотъ поистинѣ перспектива, достойная Іереміи!

Теперь сообразите, стоитъ ли жалѣть объ участи современной молодежи, разъ она сама бѣжитъ съ пути истиннаго.

И наши лишніе люди ея не жалѣютъ. Имъ въ пору возиться съ своими болями сердца и залучать въ аудиторіи хотя бы двухъ, трехъ экзотическихъ слушателей: а то вѣдь утрачивается фактическое и, пожалуй, при сколько-нибудь развитой совѣсти, даже нравственное право на существованіе!

Въ результатѣ—оригинальное настроеніе, съ какимъ всѣ эти Пари, Брюнетьеры, Думики, Лемэтры живописуютъ безпомощныя метанія современной молодежи въ поискахъ за новымъ нравственнымъ свѣтомъ.

У самихъ академиковъ все рѣшено.

Напримѣръ, молодежь страстно привязывается къ вопросу о религіи, впадаетъ въ самыя неожиданныя болѣзненныя крайности, ища удовлетворенія исконной жаждѣ человѣческой души «вѣровать и молиться», т. е. жить и дѣйствовать во имя какого-нибудь идеала...

Напрасныя безпокойства! безстрастно и величественно декламируютъ академики. Перестаньте быть антиклерикалами, помиритесь съ католичествомъ и миръ снизойдетъ въ ваши сердца. Не всѣ академическіе апостолы такъ откровенно рекомендуютъ свой идеалъ, они тоже политики, но во всѣхъ изворотахъ Фулье, Гюйо, Пари скрыто зерно одной и той же истины **). И даже если найдется академикъ, скептикъ по природѣ и серьезный ученый по талантамъ, въ родѣ Ренана, повѣрьте, онъ скорѣе разыграетъ роль салоннаго аббата и дамскаго исповѣдника, чѣмъ «демократическаго позитивиста». Всѣ они подпишутся подъ энергическимъ заявленіемъ Ренувье, чрезвычайно свѣдущаго въ исторіи философіи и вовсе «не клерикала» по мнѣнію Фулье, т. е. *не откровеннаго* клерикала.

Что такое современная антиклерикальная партія во Франціи? Отвѣтъ Ренувье: «Умы узкіе и ограниченные, у которыхъ свободная мысль вся заключается только въ отрицаніяхъ».

Замѣтьте, вопросъ идетъ не о *религіи* вообще, а о клерика-

---

*) «Le Haut Enseignement historique et philologique en France». Paris, 1894.

**) Ср. ст. Fouillée *Révue des deux Mondes,* 15 janvier 1897, p. 430.

лизмѣ, т. е. даже не о католичествѣ, какъ системѣ догматовъ, а о католической церкви, какъ политической организаціи. И даже такая борьба, идущая во Франціи съ XVII-го вѣка, кажется новѣйшимъ философамъ дикой и некультурной.

Таково рѣшеніе *религіознаго* вопроса, вопроса о вѣрѣ, объ идеалахъ.

Притомъ, молодежь чрезвычайно усердно занимается другимъ, не менѣе спорнымъ предметомъ, и, пожалуй, еще болѣе свойственнымъ молодежи, о любви, о семейномъ и общественномъ положеніи женщины.

Демократическій строй и здѣсь разбилъ старыя формы. Женщина больше *не можетъ* оставаться только предметомъ комфорта, дополненіемъ къ мебели и обѣду, но *не желаетъ* также и перейти въ разрядъ домашняго скота, т. е. быть механической выполнительницей уроковъ, задаваемыхъ мужчиной. Гдѣ же ея мѣсто? Ни салонъ, ни кухня, какъ исключительно женскія царства, немыслимы, не по теоріямъ, а въ силу реальнаго порядка вещей.

Для молодежи это насущный вопросъ, и бьется она надъ нимъ, во всѣхъ культурныхъ странахъ, вотъ уже цѣлое столѣтіе.

И пусть бьется, скажутъ академики: все равно, ничего лучшаго не добьется, чѣмъ наше рѣшеніе задачи.

Оно очень дивное и превосходно формулировано самымъ безсмертнымъ изъ безсмертныхъ, барономъ Монтескьё, попавшимъ по жестокому недоразумѣнію въ серьезные мыслители даже и не для французскихъ академиковъ.

Думикъ, опредѣляя роль женщины, буквально повторяетъ извѣстную пикантную главку изъ *Духа законовъ* на счетъ цѣломудрія; своего у новаго публициста только граціозный комплиментъ: женщина—животное очаровательное и необстоятельное...

Этимъ все рѣшено. Истина настолько краснорѣчива, что изъ нея свободно можно извлечь цѣлую программу принциповъ и практики, своего рода *Домострой* XIX-го вѣка. Да и работы, въ сущности, очень немного: извлеченія уже были сдѣланы неоднократно и вполнѣ основательно.

Академическое рѣшеніе женскаго вопроса, очевидно, такой же нарочито французское, *національное* достояніе, какъ искусство Расина и оперетка Мейльяка. Рядомъ съ Думикомъ мы можемъ поставить писателя, повидимому, менѣе всего годного въ архивѣ Мазарини, Марселя Прево.

Его едва ли не самый популярный романъ носитъ столь же соблазнительное названіе, сколь солидны его нравственныя цѣли. Въ предисловіи къ *Demi vierges* Прево заявляетъ: «должно измѣнить воспитаніе молодой дѣвушки. Это настоятельно необходимо, или христіанскій бракъ погибнетъ. Вотъ въ двухъ строкахъ сущность моего мнѣнія».

Превосходно, но въ чемъ же должна состоять перемѣна?

Положительный герой романа отвѣчаетъ: вернитесь вспять, вплоть до монастыря и приснопамятнаго мольеровскаго героя, мечтавшаго именно за монастырскими стѣнами воспитать себѣ въ жены «дурочку».

Новый писатель, конечно, такъ не выразится, тѣмъ болѣе что Мольеръ *не сочувствовалъ* системѣ своего героя, а Прево *сочувствуетъ*. Дурочка теперь именуется *une vie blanche*. До брака она несмысленное дитя, послѣ брака—неотчуждаемая движимая собственность...

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что между «голубицей» и «полудѣвственницей» немыслима даже и рѣчь о выборѣ. Это само собой разумѣется, но для насъ любопытно, какимъ путемъ авторъ желаетъ подорвать развитіе страшнаго общественнаго недуга, тѣмъ самымъ, какой, повидимому, безповоротно былъ осужденъ самой жизнью, вопіющими результатами стараго женскаго воспитанія.

Съ этими уроками исторіи и дѣйствительности Прево не считается. Другой столь же положительный герой поканчиваетъ вопросъ одной фразой.

«Вы, конечно, не вѣрите застольнымъ росказнямъ философовъ о безнравственности монастырей?»

Вопросъ обращенъ именно къ любителю породы *des vies blanches* и отвѣтъ, конечно, ясенъ.

Но неужели онъ и въ самомъ дѣлѣ такъ простъ? Неужели «гусыни» спасутъ человѣчество все равно, какъ гуси когда-то спасли Римъ? Но гуси, по крайней мѣрѣ, спасли его крикомъ и шумомъ, а на гусынь возлагается еще болѣе тяжелое бремя и рекомендуется или ангельское безмолвное созерцаніе, или младенческій невмѣняемый лепетъ.

III.

Третья задача талантливѣйшей современной молодежи,—задача, не раздѣльная съ двумя первыми, въ сущности ихъ первоисточникъ: *идейность*.

Натурализмъ, идолопоклонствующій предъ чистыми фактами и совершенно равнодушный ихъ смыслу, опротивѣлъ своей «неинтеллигентностью» и грубостью. Та же судьба постигла и фанатиковъ-позитивистовъ, въ родѣ Тэна.

Золя своими «документами» подорвалъ нравственное значеніе литературнаго искусства, а Тэнъ своими похвальбами поймать чью угодно душу на кончикѣ своего пера и проанализировать какой угодно талантъ, будто желудочный сокъ, въ конецъ уронилъ достоинство науки.

Естественно, послѣдовала реакція, не всегда сдержанная и осмотрительная, потому что ей приходилось бороться съ назойливѣйшими фанфаронами и хвастунами.

Ненависть къ натуралистическимъ фактамъ Золя могла перейти въ культъ символизма, презрѣніе къ траги-комедіи тэновской положительной науки могло вызвать на сцену подлинный мистицизмъ.

Но все это—накипь и тина сильнаго теченія, сущность его сводится къ жаждѣ *идей* и *идеализма*.

Критикъ одобряетъ это явленіе.

Въ одной изъ раннихъ книгъ о новѣйшей драматической литературѣ—*De Scribe à Ibsen*—Думикъ привѣтствовалъ норвеж-

скаго драматурга именно за *идейность*, видѣлъ въ ней признакъ поворота вообще искусства на новый путь.

Это заявленіе со стороны кандидата въ академики—большая смѣлость, особенно послѣ невѣроятныхъ пошлостей Сарсэ и Леметра по поводу того же Ибсена и вообще иноземной драмы.

Но книгу увѣнчала академія и Думикъ могъ остаться вѣрнымъ себѣ. Теперь онъ также благосклоненъ къ *идеямъ*, отмѣчаетъ ихъ всюду, гдѣ находитъ, и всегда ставитъ однимъ изъ первыхъ достоинствъ молодыхъ писателей.

Для современной французской критики это положительный успѣхъ. Но подождите восхищаться: вопросъ, какъ понимать идеи и какъ къ нимъ относиться не литературно, а лично?

До французской академіи идеи именно нравственнаго и общественнаго содержанія доходятъ крайне медленно и какими-то окольными путями. Академикъ можетъ принять за *идею* самый тошный труизмъ, все равно, какъ, не моргнувъ глазомъ, онъ свой классицизмъ поставитъ выше всякаго другого искусства.

Идейнаго Думика постигнетъ какъ разъ это умилительное недоразумѣніе.

Въ примѣръ *идейныхъ* драмъ онъ приводитъ пьесу Денье—*Gens de bien*. Здѣсь рѣшается такой вопросъ. Молодой человѣкъ соблазнилъ дѣвушку, она—бѣдная труженица, а онъ—изъ привилегированной буржуазіи, можетъ ли и долженъ ли онъ на ней жениться?..

Такова *идея*.. И подумать, что современные французы и особенно критики, столь жадные до новыхъ «impressions» и чрезвычайныхъ острыхъ вещей, не погибли подобно мухамъ на представленіи такого изумительно свѣжаго и драматичнаго произведенія!

Вы начинаете подозрѣвать, съ *идейностью* что-то не ладно: или эти господа просто не отличаютъ идей отъ мѣщанскихъ банальностей, или они довольно равнодушны къ самому достоинству идей—былъ бы только разговоръ, *causerie*. Послѣднее предположеніе блистательно подтверждается самимъ Думикомъ.

У него есть характеристика Лемэтра. Господинъ этотъ извѣстенъ за безшабашнѣйшаго болтуна, какихъ только въ состояніи производить и терпѣть современная французская печать, въ полномъ смыслѣ герой—ni foi, ni loi, ni Dieu, ni maître. Лемэтръ до такой степени прославился въ этомъ смыслѣ, что одинъ изъ новыхъ авторовъ нарочно задалъ себѣ оригинальную задачу: доказать, что и у Лемэтра есть *правила* и *опредѣленные вкусы*.

Какова задача касательно *критика литературы*! Оказывается, возможно сомнѣваться, есть ли у *судьи* основанія для его суда и у *литератора* литературное чувство!

Автору удалось рѣшить вопросъ положительно: Лемэтръ просто «классикъ новѣйшей формаціи»; Расинъ для него «образецъ красоты», которымъ, помимо личныхъ пристрастей, измѣряются всѣ произведенія» *).

*) Ricardou. *La critique littéraire. Etude philosophique. Paris 1896*, p. 111—112.

Думикъ полагаетъ иначе. Ему нравится Лемэтръ безъ всякихъ правилъ и образцовъ, поклонникъ просто *пріятнаго* и *разнообразнаго*. Онъ—просто *игрокъ* въ критику и *забавникъ* публики. Это буквальный смыслъ выраженій Думика.

На болѣе изящномъ языкѣ Лемэтра можно назвать «милымъ скептикомъ». Это человѣкъ умственно крайне лѣнивый и притомъ его лѣнь чувственная. Философскія идеи ему прямо ненавистны, онъ обожаетъ покой и безмятежную «практическую мудрость à portée de la main», т. е. все банальное, умѣренное, не требующее никакихъ усилій мысли.

Эта *paresse voluptueuse* не покидаетъ Лемэтра и за его статьями; онъ и здѣсь продолжаетъ нѣжиться, забавляться, фантазировать и, конечно, забавлять другихъ: «Cela nous amuse!» восклицаетъ Думикъ.

Какъ! воскликнете вы въ свою очередь. А гдѣ же *идеи?* Какъ же возможно одновременно Ибсена и многихъ другихъ восхвалять за *идейность*, однажды даже назвать ее «драгоцѣнной» *) и привѣтствовать издѣвательства Лемэтра не только надъ *идеями*, а даже надъ элементарнымъ нравственнымъ смысломъ драматическихъ произведеній! И не только привѣтствовать, а даже подыскать и оправдательный мотивъ для такой «игры».

«Мы не герои и не святые»...

Вамъ знакомъ, конечно, пріемъ отвратительнѣйшихъ въ мірѣ собесѣдниковъ. Если они хотятъ опровергнуть вашу мысль и чувствуютъ себя прижатыми къ стѣнѣ, они сейчасъ же усиливаются довести ваше положеніе до нелѣпости и восторжествовать.

Напримѣръ, вы доказываете очевиднѣйшую истину, положимъ, необходимость просвѣщенія даже для большихъ природныхъ умовъ и талантовъ. Сторонникъ самоучекъ и нутра возразитъ вамъ: образованный *глупецъ* и просвѣщенная *бездарность* хуже, потому что притязательнѣе просто глупца и просто бездарности.

Вопросъ, въ сущности, совершенно измѣнилъ тему, но вашъ спорщикъ воображаетъ себя на логической почвѣ и хочетъ одолѣть васъ, замѣнивъ разсудокъ дубиной.

Такъ и нашъ идейный критикъ.

Кто же требуетъ непремѣнно отъ людей святости и героизма? Очень мы ужъ научены по части этихъ вещей и знаемъ, какіе это рѣдкіе продукты нашей планеты, если только они подлинные.

Но отъ святости до бульварнаго гаерства и отъ героизма до чувственной лѣни — громадное разстояніе, и вотъ его-то проглатываетъ во мгновеніе ока французскій публицистъ. Лемэтръ можетъ свободно гремѣть шутовскимъ колпакомъ, потому что въ Парижѣ конца XIX вѣка нѣтъ ни мучениковъ, ни аскетовъ.

Такова логика!

И что особенно любопытно. Лемэтръ, по мнѣнію Думика, тоже типичный современный человѣкъ. И критикъ правъ. У Лемэтра есть публика, слѣдовательно, онъ кого-то удовлетворяетъ, даже

*) *Les jeunes*, p. 166: «M. Art Roë a des idées. Cela est infiniment précieux».

кому-то импонируетъ, потому что его blague довольно ходко идетъ на литературной биржѣ и журналы даютъ мѣсто его явно нелѣпымъ упражненіямъ, въ родѣ столь нашумѣвшей статьи о сплошномъ плагіатѣ новѣйшей европейской литературы, въ томъ числѣ русской въ лицѣ Тургенева, Толстого и Достоевскаго—у французской! Право публично говорить глупости и печатать ихъ признаётся только за настоящими знаменитостями.

Теперь сведите всѣ эти данныя вмѣстѣ.

«Писатели сегодняшняго дня», т. е. старшее современное поколѣніе, въ лицѣ Мопассана, Лоти, Лемэтра, сплошь или подавлено холоднымъ отчаяніемъ и безъисходнымъ ужасомъ предъ смертью, или порвало со всѣми сильными настроеніями и предалось dolce far niente, превратило даже литературу въ игру безъ усилій и забаву съ чувственными ощущеніями.

И молодой критикъ, тоже «сегодняшній авторъ», находитъ это нормальнымъ, т. е. онъ просто удостовѣряетъ фактъ, добру и злу внимая равнодушно, и въ какихъ угодно симптомахъ умственнаго опошлѣнія и нравственнаго растлѣнія способенъ утѣшиться до безконечности растяжимой истиной: «мы не герои, мы не святые»...

Рядомъ съ этими «милыми скептиками» *молодые*, литераторы въ возрастѣ 20—30 лѣтъ, нѣкоторые старше, но вообще поколѣніе, выступившее на сцену послѣ Мопассановъ и Лемэтровъ. Оно во многомъ отличается отъ своихъ старшихъ братьевъ.

Авторъ характеризуетъ его:

«Поколѣніе безпокойное, жаждущее создать себѣ идеалъ и не достигающее цѣли».

Здѣсь все новое, и новѣе всего—*жажда идеала*. Вообразите гримасу Лемэтра при этомъ словѣ, или болѣзненное судорожное движеніе несчастнаго Мопассана, и рядомъ чрезвычайную стремительность молодежи именно къ этому *inconnu*, забавному для Лемэтра, мучительному для Мопассана и безразличному для ихъ критика...

Разница громадная и живъ еще тотъ міръ, гдѣ на разстояніи десятка лѣтъ создаются такіе констрасты.

Но это только самое общее заключеніе. Вопросъ, что же это за идеалы? Намъ говорятъ: молодежь ихъ пока не открыла, но вѣдь успѣла же она, по крайней мѣрѣ, объяснить свои представленія объ искомомъ, показать хотя бы въ туманной и далекой перспективѣ свое божество...

Да, успѣла, и по всѣмъ основнымъ извѣстнымъ намъ направленіямъ, религіи, любви, идейности.

IV.

Природа, говорятъ, не дѣлаетъ скачковъ, исторія еще меньше. А если нѣкоторымъ героямъ и удается прыгнуть очень высоко и увлечь за собой другихъ, жизнь немедленно начинаетъ бить отбой. Пространство, взятое не шагъ за шагомъ, не потомъ и кровью, а цезарскимъ натискомъ, приходится покидать часто съ болью раскаянія и разочарованія. А если и не покидать безусловно, то пройти томительный процессъ борьбы съ многочисленными и

необычайно живучими силами, извѣстными подъ разными именами—преданій, предразсудковъ, переживаній.

Конечно, и головокружительные скачки не остаются безъ нѣкоторыхъ благотворныхъ результатовъ, хотя бы ужъ потому, что они болѣе или менѣе подрываютъ у людей увѣренность въ прочномъ и непогрѣшимо-законномъ существованіи традиціонной дѣйствительности. Но этотъ результатъ сказывается только въ отдаленномъ будущемъ, а пока весьма часто силѣ толчка соотвѣтствуетъ и даже превосходитъ ее сила отдачи.

Примѣръ этой роковой исторической логики—французская молодежь, жаждущая идеаловъ.

Она не желаетъ имѣть ничего общаго съ своими отцами, она въ искусствѣ рѣшительный врагъ натурализма, въ философіи исполнена презрѣнія къ тэновскому способу вбирать въ пригоршни вѣка и народы. Все, кажется, новое, и особенно тамъ, гдѣ символизмъ и религіозныя чувства.

И на самомъ дѣлѣ новаго много, но далеко не все. Закваска самаго броженія старая, принадлежитъ не самимъ реформаторамъ и пророкамъ, а ненавистному натурализму и позитивизму.

Прежде всего, важнѣйшая цѣль поисковъ—религія, вѣра.

Нашъ вѣкъ не впервые томится этой жаждой; въ сущности, онъ весь прошелъ среди нея, мѣняя только формы одного и того же настроенія.

Былъ онъ и реакціонеромъ-католикомъ, и мистикомъ-поэтомъ, и созерцателемъ-философомъ, и жрецомъ-позитивистомъ... И все это можно отмѣтить самыми блестящими именами, первостепенными талантами, въ родѣ Ламеннэ, Шеллинга, Конта. Трудно въ этой области напасть на что-нибудь новое, и естественно новые искатели радостей вѣры оказываются близкими родичами того или другого предка.

Но безнаказанно нельзя быть сыномъ своего времени, выучиться литературному искусству на произведеніяхъ Золя и Мопассана, и религія молодежи получила особую, въ высшей степени характерную печать.

Надо помнить, мы все время имѣемъ дѣло съ католической націей и предъ нами прозелиты религіи на почвѣ римскаго культа. Это очень важно. Католичество искони усвоило все, что только можетъ чаровать чувства вѣрующихъ. Цѣлыми вѣками преслѣдуя мысль и науку, оно собирало обильную жажду съ искусства и съ произведеній фантазіи, оно обольщало очи, стремясь усыпить умъ, и безпрестанно переходило границы, раздѣляющія чисто-духовныя радости отъ чувственнаго наслажденія.

Это—подлинныя традиціи католичества, и только онѣ могли создать апостола вѣры во имя эстетики, защитника церкви и ея догматовъ ради красоты ея культа и художественнаго изящества ея таинствъ. Такимъ былъ Шатобріанъ. Онъне могъ остаться безъ послѣдователей. Ужъ очень соблазнительная задача: быть только поэтомъ и въ результатѣ оказаться вѣрующимъ!

Теперь возьмите эту сторону католичества и приведите ее въ связь съ натурализмомъ, что получится?

«Романъ благодати»—отвѣтитъ вамъ Гюисмансъ.

Авторъ этого романа примется дѣятельно собирать документы, посѣщать церкви, жить по монастырямъ, читать книги древнихъ мистиковъ и святыхъ, изучать психологію аскетическаго подвижничества, вообще, въ области религіи и церкви продѣлаетъ то же самое, что Золя продѣлываетъ на биржѣ, въ магазинахъ, на парижскомъ рынкѣ.

Въ результатѣ—*En route*.

При большомъ литературномъ талантѣ и усердіи на этой *дорогѣ* можно подобрать много интересныхъ вещей, произвести поучительныя наблюденія и вызвать поразительный эффектъ среди нервныхъ и даже скептическихъ читателей.

Но все это подробности; въ чемъ смыслъ оригинальнаго путешествія?

Гюисмансъ оплакиваетъ современное состояніе католическаго культа. Исчезло все благородное и поэтическое. Дыханіе банальности и пошлости, окутывающее будничную жизнь новаго человѣка, не миновало и церкви. Нѣтъ больше здѣсь утѣшеній для тонкихъ художественныхъ натуръ и чуткихъ, жаждущихъ сердецъ...

Зачѣмъ средніе вѣка отошли въ исторію! Какая это была яркая и сильная жизнь, исполненная ослѣпительныхъ красокъ и потрясающихъ контрастовъ! Всюду въ дѣйствительности и въ искусствѣ рѣзко бросалась въ глаза *личность*—оригинальная, могучая, независимая. Вотъ гдѣ бы нашла упокоеніе тоска современнаго человѣка! Но, увы! міръ этотъ далекъ и невозвратимъ...

Таковъ конецъ *пути*, начатаго съ такими экстренными приготовленіями. Ни единой черты нѣтъ здѣсь сколько-нибудь новой: мы прямо попадаемъ въ романтизмъ начала вѣка и намъ невольно припоминается сравненіе Мопассана: человѣческая мысль—будто муха въ бутылкѣ...

Отчего же это происходитъ? И неужели писатели, приходящіе въ смертный ужасъ отъ всего банальнаго и изношеннаго, фатально осуждены на банальности и удручающія идейныя переживанія?

Да, если они будутъ отправляться за поисками идеаловъ туда же, куда звалъ современныхъ психопатокъ Шатобріанъ, если всѣ дороги для нихъ неизмѣнно будутъ вести въ Римъ и если французская молодежь, при всей своей интеллигентности и талантливости, не уйдетъ дальше какого-нибудь литературнаго промышленника Сенкевича, сооружающаго пьедесталы изъ «историческихъ» и всякихъ другихъ празднословій для одной и той же святыни—папской туфли.

Гюисмансъ, конечно, обнаруживаетъ болѣе разумное отношеніе хотя бы къ тому же католическому культу, чѣмъ Золя. Для него это—серьезнѣйшій фактъ культуры и психологіи, а не предметъ только анатоміи и физіологіи. Но вѣдь это опять старое настроеніе, то самое, какое пореволюціонную эпоху рѣзко отличало отъ матеріалистовъ XVIII-го вѣка.

Что всякая религія вовсе не плодъ шарлатанства и ловкости отдѣльныхъ личностей, а исторически закономѣрное явленіе, объ этомъ нечего и толковать, и исходить изъ подобной идеи въ поискахъ идеала значитъ создавать для себя лишнія и безплодныя томленія духа.

Естественно, новый герой остается неудовлетвореннымъ и ни на минуту не чувствуетъ себя христіаниномъ послѣ всѣхъ паломничествъ и увлеченій мистической литературой.

Гюисмансъ не одинъ. Такихъ неокатоликовъ безсчисленное множество, все артистовъ и утонченныхъ чувственниковъ на почвѣ старой національной вѣры. Но о вѣрѣ по существу здѣсь нѣтъ и помину, и не можетъ быть. Никакія усилія воображенія не въ состояніи вычеркнуть даже одной строчки исторіи и никакіе чарующіе образы не заслонятъ фактовъ. А исторія и факты давно произнесли приговоръ надъ тѣмъ источникомъ идеаловъ, гдѣ молодое поколѣніе пытается отыскать воду живую.

Дальше, вопросъ о любви.

Онъ идетъ рядомъ съ вѣрой. Безпрестанно слышимъ мы, что современный человѣкъ утратилъ способность искренне вѣровать и глубоко любить—двѣ основы истиннаго человѣческаго счастья.

Почему исчезла любовь—совершенно ясно. Новая литература въ теченіе десятилѣтій только и занималась развѣнчиваніемъ женщины, *деопэтизированіемъ* женской природы.

Когда-то признавались такъ-называемыя загадочныя женщины, страстныя, самоотверженныя, преисполненныя тайнъ, теперь это просто истерички и психопатки. Писатели разложили на составные элементы женскую страсть и мнимую исключительность натуры, и тамъ, гдѣ раньше поэты пѣли гимны нѣкоей божественной стихіи, теперь натуралистъ вскрываетъ самый подлинный душевный недугъ. «Непонятыя женщины», тогда производившія неизлѣчимыя опустошенія въ чувствительныхъ душахъ, теперь совсѣмъ даже не интересны, а просто жалки или смѣшны.

Естественно, былое очарованіе любовныхъ увлеченій исчезло. Нельзя ли его возстановить? Для этого надо сдѣлать женщину опять интересной, вырвать ее изъ рукъ анатомовъ и физіологовъ и вернуть поэтамъ, возсоздать былой ореолъ красоты и женственности.

Это безусловно необходимо, не только для того, чтобы сообщить жизни больше свѣта и счастья, а даже просто затѣмъ, чтобы облегчить ея бремя.

Горе тому, кто одинъ!—старая истина и никогда, кажется, одиночество не причиняло столько горя, какъ въ наше время.

Оно—первоисточникъ пессимизма, постепеннаго и невольнаго очерствѣнія самыхъ чуткихъ отъ природы сердецъ, и въ результатѣ—затаенной, тяжелой злобы и на міръ, и на самое существованіе.

Вопль Мопассана *Personne ne comprend personne!* ничто иное, какъ тоска того же одиночества. И сколько бы изъ человѣческаго общества исчезло тѣней и страданій, если бы въ среду его вернулась любовь — сильная, открытая, будто солнце освѣщающая и согрѣвающая!..

И начинается своего рода новый романтизмъ. Писатели снова превращаются въ рыцарей и трубадуровъ. Они съ неподражаемымъ искусствомъ, совершенно недоступнымъ для былыхъ пѣвцовъ женщины, анализируютъ тончайшія радости любви и въ то же время провозглашаютъ безкорыстный принципъ прощенія и забвенія женскихъ ошибокъ и грѣховъ.

Что можетъ быть цѣлесообразнѣе и выше?

Но именно искусство и принципъ оказываются до такой степени высокими, что въ результатѣ вступаютъ другъ съ другомъ въ борьбу.

Старые поэты не знали и малой доли тѣхъ чаръ, какіе откроетъ вамъ въ женщинѣ Прево, Маргеритъ, Аннунціо—итальянецъ, но вполнѣ усвоенный французами и горячо ими любимый.

Иная страница—цѣлый калейдоскопъ едва уловимыхъ штриховъ, безконечно тонкихъ, изящныхъ, будто лучи свѣта, но каждый изъ нихъ пропитанъ наркотическимъ головокружительнымъ ароматомъ. Вы все время пребываете въ атмосферѣ гашиша и мускуса, хотя не видите и не знаете, откуда исходитъ соблазнительный запахъ. Это по истинѣ чудо артистическаго искусства!

«У нея былъ голосъ до такой степени *вползающій въ душу*, что это вызывало ощущеніе почти физической ласки».

«Ея взгляды подчасъ *дышали* слишкомъ чувственнымъ очарованіемъ».

«У нея была манера двигаться, сидѣть, вообще производить такое впечатлѣніе, какое наединѣ съ ней заставило бы затрепетать влюбленнаго».

Мы воздержимся отъ дальнѣйшихъ образчиковъ. Они такого сорта, что, пожалуй, приводя ихъ, мы миновали бы свою цѣль. Нѣтъ нужды съ буквальной точностью знать, какое тонкое *обоняніе* у новыхъ романистовъ по части «аромата тѣла», какой изощренный *слухъ* во время шелеста женскаго платья и какой вѣчно настороженный *взоръ* для неосторожныхъ движеній «юнаго женскаго существа».

Можно какъ угодно относиться къ этой любительской работѣ, но нельзя не признать изумительной утонченности наблюденій, воспріимчивости настроенія и изворотливости стиля, часто едва передаваемаго на чужомъ языкѣ.

И все это направлено къ одной цѣли: *опоэтизировать* женщину. И пожалуй, цѣль достигается, по крайней мѣрѣ женщина послѣ «анализа» Прево и Маргерита, несомнѣнно «интереснѣе», чѣмъ у Золя и Гонкуровъ, чѣмъ даже у Мопассана.

Но какой цѣной покупается этотъ интересъ? Вѣдь, чѣмъ онъ выше и разностороннѣе, тѣмъ, естественно, обладаніе женщиной дороже, можно сказать, мучительнѣе изъ-за невольнаго трепета утратить такой неисчерпаемый источникъ художественныхъ и иныхъ наслажденій.

Что же тогда станется съ *принципомъ*? Будетъ ли новый человѣкъ болѣе расположенъ къ прощенью, чѣмъ его дѣды и отцы, гораздо проще любившіе и не видѣвшіе въ женщинѣ такого сложнаго нравственнаго міра? Ревность, конечно, не различаетъ уровней ума и образованія, но Руссо правъ, приписывая ей развитіе цивилизаціи, хотя бы и очень грубой, первобытной, но безусловно усложняющей отношенія мужчины и женщины, примѣшивающей къ непосредственной чувственности дикаря нѣкоторыя новыя притязанія на чувство и душу женщины.

И, несомнѣнно, чѣмъ оказывается глубже это чувство и богаче душа, тѣмъ многочисленнѣе мотивы дорожить ими, считать ихъ своей драгоцѣнной собственностью. Отсюда усовершенствованіе

искусства изучать любовь и женскую природу *само по себѣ* нисколько не гуманизируетъ, не облагораживаетъ любви и не возвышаетъ женщины, а только придаетъ лишнюю *физіологическую* цѣнность этимъ предметамъ.

Возьмите какую-нибудь героиню Прево, напримѣръ, полудѣвственницу Меди и припомните авторскую живопись на счетъ ея расовыхъ достоинствъ, или остановитесь на любой женской фигурѣ Аннунціо и сообразите, какое тщательное знаніе искусства возрожденія, живописи и скульптуры, потребовалось автору для выраженія всѣхъ оттѣнковъ красоты и женственности его героинь, сопоставьте съ этими дѣйствительно «опоэтизированными образами» типичное созданіе золаическаго натурализма, вы безъ малѣйшихъ затрудненій придете къ совершенно логическому выводу. Если ужъ изъ-за кого изнывать отъ ревности, безумствовать въ страстной мукѣ и тоскѣ, мстить за измѣну и жизнь отдавать за вѣрность, то ужъ, конечно, не изъ-за Нана, а вотъ ради этого чуднаго существа, столь похожаго на картину Корреджіо.

Въ результатѣ, поэзія убила мораль. Новую женщину *труднѣе* прощать, чѣмъ прежнюю. И герои въ дѣйствительности не прощаютъ *любя*, и вмѣстѣ съ прощеньемъ, если оно удается, совершенно мѣняется и ихъ чувство къ милымъ преступницамъ, становятся ихъ старшими братьями, пожалуй, отцами, только не возлюбленными.

Это вполнѣ понятно, а для нашего критика даже и необходимо. Вопросъ о женской вѣрности вовсе не принадлежитъ къ области мысли и нравственности, онъ,—дѣло инстинкта. А инстинктъ, т. е. природа, и знать не знаетъ никакихъ нашихъ теорій и принциповъ: ей требуется продолженіе рода, и съ этой цѣлью она возложила на женщину исключительное обязательство, мужчины совсѣмъ не касающееся.

Опять разсужденіе основательное, если исходить изъ инстинкта. А именно новые писатели все время только съ нимъ и возятся. Вся ихъ поэтизація женщины ничто иное, какъ *освѣщеніе* женскаго тѣла, производимое по новымъ усовершенствованнымъ методамъ и новыми болѣе тонкими источниками свѣта.

Съ любовью, слѣдовательно, произошло то же самое, что и съ вѣрой. Тамъ оказалось невозможнымъ выбиться съ вѣковой колеи католичества, здѣсь власть натурализма отмѣтила своей печатью всѣ реформаторскіе порывы и отравила своимъ ядомъ всѣ поэтическія усилія.

Цѣли были, несомнѣнно, новыя, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ предыдущимъ поколѣніемъ, но пути и средства остались прежнія.

У молодежи явилась вполнѣ искренняя тоска по *идеѣ* и *душѣ*, но не хватило силъ открыть дѣйствительно новые источники ея удовлетворенія, построить *свое* зданіе для *своего* нравственнаго бытія. Пришлось попытаться передѣлать наслѣдіе отцовъ, перекроить старое платье, прибавивъ къ нему кое-какія новыя подробности. Въ результатѣ—печальное банкротство идеализма въ двухъ главнѣйшихъ его стремленіяхъ.

Третье—*идейность* взамѣнъ позитивисткой и натуралистической бездушной фактичности—имѣетъ подобный же исходъ. Это ясно

изъ пріемовъ, какими искалась вѣра и возстановлялось женское достоинство.

Какія могли получиться возвышенныя идеи послѣ того, какъ старое католичество вновь было призвано къ отвѣту? Что могло выиграть нравственное міросозерцаніе послѣ того, какъ вновь тщательно обслѣдовали тайны алькова?

Не занялась новая заря для идей и въ то время, когда нѣкоторые романисты, въ родѣ Рони, попытались позитивизмъ слить съ романтизмомъ. Эти двѣ совершенно различныя стихіи такъ и остались различными и непримиренными въ беллетристическихъ книгахъ. Позитивизмъ разыгралъ роль въ родѣ Стародума, т. е. внушилъ автору извѣстное количество «научныхъ» разсужденій, а интрига, собственно романъ шелъ самимъ собой. Наивное и безцѣльное зрѣлище!

Но неужели это единственные первые и послѣдніе плоды столь, повидимому, рѣшительныхъ и благородныхъ стремленій молодежи? Неужели ей такъ и не выбиться изъ-подъ нравственнаго и литературнаго гнета старшихъ, какъ бы она ни шумѣла о своихъ новыхъ путяхъ и цѣляхъ?

Если вы зададите эти вопросы самимъ старшимъ, они, по обыкновенію, изобразятъ предъ вами «милыхъ скептиковъ». Нѣтъ ничего новаго на свѣтѣ и быть не можетъ, мало этого: вообще внѣ Франціи нѣтъ ничего поучительнаго и оригинальнаго. Думикъ повторяетъ за Лемэтромъ, что важнѣйшій источникъ современныхъ литературныхъ вліяній на молодыхъ французскихъ писателей—русскій романъ—повтореніе французскаго романтизма.

Чего же ждать оригинальнаго отъ усилій юныхъ авторовъ?

Критикъ и не ждетъ. Онъ просто пользуется благодарной темой и пишетъ рядъ легкихъ *causeries*, а до всего прочаго ему нѣтъ дѣла.

Но не такого отношенія, конечно, заслуживаютъ явленія новѣйшей литературы, какъ бы они по существу ни были мало оригинальны и сильны. Они свидѣтельствуютъ о великомъ фактѣ: съ него всегда и вездѣ начинались новыя движенія мысли и дѣйствительно завоевывались новые идеалы.

Фактъ простой—*недовольство* дѣйствительностью. Уже этого по временамъ бываетъ много. Но у французской молодежи нѣчто больше: *пониманіе*, чѣмъ собственно неудовлетворительна дѣйствительность.

Отрицать всегда неизмѣримо легче, чѣмъ создавать, но отрицаніе—моментъ прогресса. И несомнѣнно, кредитъ фанатическаго позитивизма въ духѣ тэновской школы и золаическаго натурализма подорванъ рѣшительно и больше не возстановится. Для одного поколѣнія достаточно и такой заслуги. Но это поколѣніе еще не договорило своихъ рѣчей и не истощило своихъ силъ. Можетъ быть, ему посчастливится смутить даже «милыхъ скептиковъ» и устыдить академическихъ мѣщанъ?.. Во всякомъ случаѣ, жизнь неоднократно совершала подобныя дѣла и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ ея дальнѣйшихъ успѣхахъ, разъ она продолжаетъ создавать «ищущихъ» и «жаждущихъ».

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The American Revolution*» *by John Fiske. Illustrated Edition* (*Houghton, Mifflin and C°*). (*Американская революція*). Прекрасное изданіе, заключающее въ себѣ исторію американской революціи, дополняемую превосходными портретами главныхъ ея дѣятелей, картинами, сценами изъ жизни, раскрашенными картами и т. п. Для изучающихъ исторію Сѣверной Америки эта книга можетъ служить очень хорошимъ подспорьемъ. (The Citizen).

«*The Sense of Beauty*» *by Georges Santayarna* (*Schibner's Sons*). (*Чувство красоты*). Въ небольшомъ предисловіи авторъ говоритъ, что въ своей книгѣ онъ собралъ вмѣстѣ и дополнилъ то, что доказывалъ въ своихъ лекціяхъ о теоріи и исторіи эстетики, читанныхъ имъ въ гарвардскомъ колледжѣ. Въ этихъ лекціяхъ онъ излагалъ философію искусства, изслѣдуя причины, почему мы чувствуемъ или должны чувствовать прекрасное. Книга представляетъ очень добросовѣстное научное и философское изслѣдованіе теоріи искусства и красоты и заслуживаетъ полнаго вниманія читателей, изучающихъ искусство.

(The Citizen).

«*East an West*»: *Being Papers reprinted from the* «*Daily Telegraph*» *and other sources. By Sir Edwin Arnold* (*Longmans, Green and C°*). (*Востокъ и Западъ*). Авторъ «Свѣта Азіи» собралъ въ этой книгѣ свои статьи, напечатанныя въ разныхъ періодическихъ журналахъ и представляющія рядъ очерковъ и разсказовъ на различныя темы, взятыя изъ жизни запада и востока. Особенно интересны тѣ очерки, которые имѣютъ явно автобіографическій характеръ. Поэтическій талантъ автора сказывается въ каждой строкѣ этихъ очерковъ, особенно въ описаніи природы, жизни и передачѣ легендъ и сказаній далекаго Востока.

(Literary World).

«*M-r Gladstone in the Evening of his Days*» (*Westminster Gazette*). (*Гладстонъ на склонѣ дней*). Очень интересная маленькая книжка, знакомящая читателей съ жизнью Гладстона, удалившагося со сцены политической жизни и проводящаго дни въ тиши своего рабочаго кабинета въ Говарденѣ. Въ книгѣ заключается много доселѣ неизвѣстныхъ подробностей, относящихся къ семейной жизни Гладстона, его характеру и привычкамъ. (Literary World).

«*The Coming Individualism*» *by A. Egmont Hake and O. E. Wesslau.* (*Нарождающійся индивидуализмъ*). Книга представляетъ оригинальную и остроумную попытку объяснить главнѣйшія соціальныя явленія нашего времени. Авторъ принадлежитъ къ самымъ талантливымъ и убѣжденнымъ защитникамъ современнаго индивидуализма.

(Literary World).

«*Traite and Stories of the Irish Peasantry*» *by Carleton.* (*J. M. Dent and C°*). (*Черты изъ жизни ирландскихъ крестьянъ*). Это новое изданіе ирландскихъ разсказовъ и повѣстей прекрасно знакомитъ съ жизнью ирландскаго народа, съ темными и свѣтлыми сторонами его характера. Знаніемъ ирландской жизни и наблюдательностью, а также фотографически вѣрнымъ изображеніемъ этой жизни и характеровъ авторъ превосходитъ всѣхъ писавшихъ послѣ него объ Ирландіи; вотъ почему его и называютъ «ирландскимъ Вальтеръ-Скоттомъ». Къ книгѣ приложено шесть недурныхъ гравюръ. (Literary World).

«*A Few Medical and Surgical Reminiscences*» *by Augustin Prichard.* (*Нѣсколько медицинскихъ и хирургическихъ воспоминаній*). Авторъ этой небольшой книги—врачъ и современникъ многихъ свѣтилъ медицинской науки въ Англіи (физіолога Карпентера, Саймондса и др.), поэтому въ воспоминаніяхъ его заключается много матеріала, интереснаго не только для медиковъ, но и для обыкновенныхъ читателей.

(Literary World)

«*The Methods of Social Reform*» *by Thomas Mackay* (*John Murray*). (*Методы соціальной реформы*). Авторъ под-

вергаетъ критическому разбору современные методы борьбы съ нищетой и съ другими видами соціальныхъ золъ и возстаетъ противъ инертности общества, палліативной благотворительности и склонности отыскивать панацею въ государственныхъ мѣропріятіяхъ и законахъ. (Literary World).

«*Irlande et Cavernes anglaisee*» *par E. A. Martel* (*Ch. Delagrave*). (*Ирландія и англійскія пещеры*). Авторъ—спеціалистъ по изслѣдованію пещеръ и въ своемъ новомъ трудѣ открываетъ совершенно новую и малоизвѣстную Ирландію, но книга его прочтется съ интересомъ не одними только учеными и геологами, но и всѣми любителями природы и путешествій.

(Journal des Débats).

«*Pathologie sociale*» *par Dubut de Laforest* (*Dupont*). (*Соціальная патологія*). Очень любопытная книга, въ которой авторъ суммируетъ свои прежніе труды, соединяя физіологическія, медицинскія и др. научныя данныя съ фантазіей романиста, вслѣдствіе чего нельзя не назвать рискованными многіе изъ выводовъ автора.

(Journal des Débats).

«*Le Monde et la Science*» *par Saint Georges Mivart, vice-président de la Société zoologique de Londres, traduit de l'anglais par M. S. Segand, professeur de philosophie.* (*Міръ и наука*). Авторъ этого цѣннаго изслѣдованія, изобилующаго научными данными, — философъ-спиритуалистъ, что не мѣшаетъ ему быть очень ученымъ зоологомъ.

(Journal des Débats).

«*Le Drame Suprême*» *par un anonyme. Bruxelles* (*Kitemacckers*). (*Послѣдняя драма*). Книга нѣсколько пессимистическаго содержанія, заключающая въ себѣ, однако, много вѣрныхъ взглядовъ, фактовъ и разсужденій, указывающихъ на общій упадокъ, обнаруживающійся въ Европѣ и въ особенности во Франціи.

(Journal des Débats).

«*La Conquête de la paix*» *par un ancien élève de l'Ecole polytechnique.* (*Montluçon, Herbin*). (*Побѣда мира*). Небольшая брошюра, прекрасно резюмирующая стремленія, организацію и прогрессъ движенія въ пользу мира.

(Indépendance Belge).

«*Women Novelists of Queen Victoria's Reign*». *London.* (*Hurst and Blackett*). (*Женщины-беллетристы въ царствованіе королевы Викторіи*). Это обзоръ англійской женской литературы за шестидесяти-лѣтній періодъ времени, состоящій изъ ряда отдѣльныхъ очерковъ, написанныхъ выдающимися современными представительницами англійской женской изящной литературы и посвященныхъ писательницамъ, уже сошедшимъ со сцены. Очерки составляютъ нѣчто въ родѣ исторіи англійской женской беллетристики за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ и изъ нихъ можно видѣть, какъ мѣнялся тонъ, замыселъ, тенденціи и духъ произведеній съ теченіемъ времени; прослѣдить эту эволюцію англійской женской литературы очень интересно и даже поучительно.

(Daily News).

«*English historical Plays*» *by Thomas Donovan* (*Macmillian and C°*). (*Англійскія историческія драмы*). Авторъ задался цѣлью познакомить современную публику съ англійскими историческими драмами елизаветинскаго періода, такъ какъ, кромѣ Шекспира, всѣ остальные старинные англійскіе драматическіе авторы давно уже преданы забвенію. Не малый трудъ былъ высвободить изъ-подъ спуда всю эту литературу, оказавшуюся довольно обширной. Въ виду требованій современнаго театра авторъ сдѣлалъ нѣкоторыя урѣзки и измѣненія, примѣняясь ко взглядамъ современной публики. Во всякомъ случаѣ трудъ автора представляетъ цѣнный вкладъ въ исторію драматическаго искусства въ Англіи. (Daily News).

«*Elements of Psychology*» *and* «*Elements of General Philosophy*» *by Prof. Croom Robertson* (*John Murray*). (*Элементы психологіи и элементы общей философіи*). Два тома, представляющіе очень ясное изложеніе основаній психологіи и общей философіи и составленные изъ лекцій покойнаго профессора Робертсона, читанныхъ имъ въ 1892 году.

(Daily News).

«*Souvenirs d'Amérique et de Grèce*» *par Pierre de Coubertin* (*Librairie Hachette*). (*Воспоминанія объ Америкѣ и Греціи*). Авторъ передаетъ свои личныя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ путешествія въ Америку и въ Грецію. Обладая большою наблюдательностью и прекраснымъ слогомъ, авторъ очень талантливо составилъ очерки, дающіе вполнѣ ясное понятіе, что представляютъ въ настоящее время Америка и Греція, первая—быстро развивающаяся и стремящаяся къ интеллектуальному идеалу, и вторая—съ настойчивостью преслѣдующая цѣль возрожденія своей національности.

(Journal des Débats).

«*L'Education publique et la vie Nationale*» *par Felix Pégaut.* (*Hachette et C°*). (*Общественное воспитаніе и національная жизнь*). Въ книгѣ собраны различные очерки, причемъ нѣкоторые изъ нихъ были уже раньше напечатаны. Всѣ вопросы обученія и воспитанія разсматриваются съ точки зрѣнія высшихъ интересовъ страны, т. е. съ точки зрѣнія общественной нравственности, соціальнаго мира, сохраненія свободы и т. п. Авторъ доказываетъ, что всякая организація, всякія правила и методы воспитанія и обученія должны быть направлены къ одной общей цѣли—образованію дѣятельныхъ умовъ, прямыхъ и честныхъ характеровъ, обладающихъ силою воли. Точно также мы должны стремиться къ тому, чтобы пробудить въ каждомъ ребенкѣ индивидуальную жизнь и воспитать изъ нихъ прямыхъ, честныхъ и здоровыхъ гражданъ.

(Revue des Revues).

«*L'Evolution régressive en biologie et en Sociologie*» *par Jean Demoor, Jean Massart et Emile Vandervelde, professeurs à Bruxelles. Bibliothèque Scientifique internationale* (*Felix Alcan*). (*Регрессивная эволюція въ біологіи и соціологіи*). Авторы посвятили свое въ высшей степени интересное изслѣдованіе регрессивнымъ превращеніямъ въ области біологіи и соціологіи, такъ какъ со словомъ эволюція не должно быть сопряжено понятіе только о преобразованіяхъ прогрессивнаго характера и подъ эволюціей надо разумѣть всякаго рода превращенія, все равно, будутъ ли они благопріятныя или неблагопріятныя для организма. Не доводя уподобленіе между соціальными и растительными или животными организмами до крайнихъ предѣловъ, авторы, тѣмъ не менѣе, нашли много аналогій между явленіями біологическаго и соціологическаго міра.

(Journal des Débats).

«*Les Femmes de la Science*» *notes recueillies par A. Rebière.* (*Nony et C°*). (*Женщины науки*). Авторъ поставилъ себѣ цѣлью доказать на основаніи фактовъ и документовъ, что женщина способна заниматься наукой. Въ своей интересной книгѣ, являющейся очень цѣннымъ аргументомъ въ пользу женскаго движенія, авторъ дѣлаетъ обзоръ всѣмъ знаменитымъ женщинамъ, прославившимся своими научными, математическими, физическими и др. работами. Къ біографическимъ очеркамъ разныхъ знаменитыхъ женщинъ приложены прекрасно исполненные портреты и автографы. Книга представляетъ очень цѣнный вкладъ въ исторію женщины.

(Journal des Débats).

«*L'Idée de la patrie*» *par Louis Legrand.* (*Librairie Hachette et C°*). (*Идея отечества*). Въ этой книгѣ авторъ подвергаетъ послѣдовательному обзору всѣ вопросы, имѣющіе отношеніе къ понятію объ отечествѣ. Онъ доказываетъ, что это понятіе неразлучно съ исторіей человѣчества и живетъ въ душѣ каждаго человѣка, составляя неизбѣжную принадлежность его нравственной физіономіи. Авторъ разбираетъ различныя современныя ученія, отрицающія эту идею, и доказываетъ ихъ искусственность и противорѣчіе человѣческой природѣ.

(Journal des Débats).

«*Etudes sar le drame antique*» *par Henri Weil, membre de l'Institut* (*Hachette et C°*). (*Изслѣдованіе античной драмы*). Въ настоящее время драматическіе поэты древней Греціи пользуются нѣкоторою популярностью въ европейскомъ обществѣ и многіе геніальные актеры стремятся воплотить образы античной драмы, заинтересовавъ публику произведеніями древнихъ. Возродившійся интересъ публики къ древнему драматическому искусству вызвалъ появленіе изслѣдованій этого искусства, въ ряду которыхъ книга Анри Вейля займетъ далеко не послѣднее мѣсто. Авторъ—знатокъ и любитель древняго драматическаго искусства; онъ говоритъ, что ему доставляетъ величайшее удовольствіе читать драмы, «столь непохожія на тѣ, которыя пишутъ теперь, но представляющія въ своемъ родѣ образцовыя произведенія». Авторъ старается разъяснить читателямъ лирическій элементъ въ драмѣ, въ которой музыка, пѣніе и танцы занимали такое большое мѣсто. Въ одной изъ главъ авторъ указываетъ на почти суевѣрное уваженіе, которое питали классическіе авторы древности къ условнымъ правиламъ, отъ которыхъ они никогда не осмѣливались отступать. Всѣ интересующіеся драматическимъ искусствомъ, какъ древнимъ, такъ и современнымъ, непремѣнно должны обратить вниманіе на это изслѣдованіе античной драмы.

(Journal des Débats).

«*Le public et les hommes de lettres en Angleterre au dix-huitième Siècle* (*1660—1744*) (*Dryden—Addison—Pope*) *par Alexandre Beljame, professeur adjoint à la Faculté des lettres de l'Université de Paris.* (*Англійская публика и писатели въ XVIII вѣкѣ*). Авторъ изучилъ англійскую литературу и исторію и въ своей книгѣ даетъ весьма интересный очеркъ

исторіи англійской литературы XVIII вѣка и вліянія, которое имѣли нѣкоторые англійскіе писатели на общество. (Journal des Débats).

«L'Eternelle Utopie» par A. von Kirchenheim. Edition française. (Вѣчная утопія). Авторъ задался цѣлью изучить утопическія мечтанія различныхъ философовъ и писателей отъ древнихъ временъ вплоть до нашего времени и, такимъ образомъ, его книга представляетъ настоящую исторію утопій, начиная отъ Платона, искавшаго идеалъ соціальнаго счастья, его преемниковъ, греческихъ философовъ, и переходя затѣмъ на востокъ и къ христіанской эрѣ и кончая современными утопіями. Передъ глазами читателя проходитъ цѣлый рядъ соціальныхъ и политическихъ фантасмагорій и невольно въ душу закрадывается грустное чувство при видѣ этого обширнаго кладбища, гдѣ покоится столько погибшихъ иллюзій человѣчества. (Revue des Revues).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.
This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

OCT 4-1966 3 3

RECEIVED
OCT 7 '66 5 PM
LOAN DEPT.

LD 21A-60m-7,'66
(G4427s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636686